ДЕЛО

академика

Николая Николаевича

ЛУЗИНА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С. И. ВАВИЛОВА РАН
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ДЕЛО

академика

Николая Николаевича

ЛУЗИНА

Ответственные редакторы
С. С. Демидов, Б. В. Левшин

РХГИ

Санкт-Петербург
1999

УДК 51 (091)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 99-03-16145

Редакционная коллегия:
С. С. Демидов (отв. редактор), *Б. В. Левшин* (отв. редактор),
А. И. Володарский, *Н. С. Ермолаева*, *В. Д. Есаков*, *Т. А. Токарева* (отв.секретарь)

Составители и комментаторы:
Н. С. Ермолаева (стенограмма); *А. И. Володарский*, *Т. А. Токарева* (приложения)

Дело академика Николая Николаевича Лузина. — СПб.: РХГИ, 1999. 312 с.

The Affair of Academician N. N. Luzin

«The Affair of Academician N. N. Luzin» burst onto the scene in July 1936. It marked a stage in Stalin's construction of Soviet science as an ideologized, centralized, completely controlled science devoted the construction of socialism. At the top of this monumental pyramid was to be placed the Academy of Sciences of the USSR. In accordance with this new responsibility, the Academy was transferred to Moscow in 1934 to be «under the wing» of the leadership of the party and the government. In 1935, it received a new set of regulations.

One of the most urgent tasks which the party gave to Soviet science was to overcome the notion that it was a provincial science which lagged behind European science. It must instill in Soviet scholars confidence in its special role as the savant guard of contemporary scientific thought. One of the first measures taken in this direction was a struggle against the practice of publishing the best scientific results in the West, in favor of publishing them in Soviet journals. The next measure was the organization of a suitable campaign, and a group of party functionaries (*L. Z. Mekhlis*, editor-in-chief of «Pravda», *E. Kolman*, director of the Department of science of the Moscow Party Committee, and others) decided to use the conflicted relationships which had built up within the circle of students of the renowned Russian mathematician, academician *Nikolai Nikolaevich Luzin* (1883 1950), one of the founder of the world famous Soviet school of mathematics.

This book presents materials related to the course of events of this affair, which played an important role not only in the institutions of Soviet science but also in the history of the Soviet school of mathematics. It contains material that came to light only recently and is being published for the first time. This includes material from the Archive of the Russian Academy of Sciences (the minutes of meetings of the Commission from the Academy of Sciences about the Luzin affair, and more) and from the Archive of the President of the Russian Federation (the letter of *L. Z. Mekhlis* to the leadership of the Central Committee of the Party, the decisive resolution of Stalin, and more) with appropriate commentary. The book also contains material from newspapers and journals of that time («Pravda», «Izvestiya» and others) as well as letters of scholars related to the circumstances of the affair.

The book is intended not only for specialists in the history of science and the history of the USSR, but also for the more general reader interested in the history of Russian science.

© Коллектив авторов, составители, комментаторы, 1999
© Архив РАН, 1999
© РХГИ, 1999

ISBN 5--88812 · 103 7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (*С. С. Демидов, Б. В. Левшин*) 7

«ДЕЛО АКАДЕМИКА Н. Н. ЛУЗИНА» В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА (*С. С. Демидов, В. Д. Есаков*) 9

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЙ КОМИССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР ПО ДЕЛУ АКАДЕМИКА Н. Н. ЛУЗИНА

7 июля 1936 г. 51
9 июля 1936 г. 81
11 июля 1936 г. 124
13 июля 1936 г. 176
15 июля 1936 г. 199

Комментарии к стенограмме заседаний комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. Лузина 211
7 июля 1936 г. 213
9 июля 1936 г. 221
11 июля 1936 г. 231
13 июля 1936 г. 239
15 июля 1936 г. 244

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 247

ПРИЛОЖЕНИЯ 250

I. Приятное разочарование 253
II. Ответ академику Н. Лузину 254
III. О врагах в советской маске 255
IV. Письмо редактора «Правды» Л. З. Мехлиса в ЦК ВКП(б) 3 июля 1936 г. 257
V. Резолюция по поводу статей «Правды» «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске» 258
В Математическом институте Академии наук 259
VI. Проект Постановления экстренного заседания Президиума Академии наук СССР [4 июля 1936 г.] 260

VII. Письмо П. Л. Капицы В. М. Молотову 6 июля 1936 г. 261
VIII. Выписка из Протокола заседания Президиума от 7 июля 1936 г. 263
IX. Письма В. И. Вернадского и Н. В. Насонова в ОМЕН АН СССР, академикам А. Е. Ферсману и Н. П. Горбунову о поддержке академика Н. Н. Лузина 264
X. Письмо академика Н. Н. Лузина В ЦК ВКП(б) от 7 июля 1936 г. 265
XI. Градиции раболепия 268
XII. Резолюция общего собрания научных работников механико-математического факультета и институтов математики, механики и астрономии при Московском государственном университете 271
Против Лузина и лузиновщины (Собрание математиков МГУ) 273
«О врагах в советской маске» 276
XIII. Письмо Н. П. Лузина неустановленному корреспонденту [11 июля 1936 г.] 278
XIV. «О врагах в советской маске» В Энергетическом институте Академии наук СССР 282
XV. Отклики ленинградских ученых 283
XVI. Письмо редактора «Правды» Л. З. Мехлиса И. В. Сталину и В. М. Молотову 14 июля 1936 г. 284
XVII. Враг, с которого сорвана маска 285
XVIII. Заявление Н. Н. Лузина в Президиум Академии наук СССР [14 июля 1936 г.] 287
XIX. Академик Губкин о так называемом академике Лузине 289
XX. Ученые БССР о разоблаченном враге Лузине 290
XXI. Научная общественность клеймит врагов в советской маске 291
XXII. Сопроводительная записка к проекту Постановления Президиума Академии наук СССР об академике Н. Н. Лузине 25 июля 1936 г. 294
XXIII. Заключение Комиссии по делу академика Лузинав связи со статьями в газете «Правда» — «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске», образованной под председательством вице-президента Академии наук Г. М. Кржижановского, в составе: академиков А. Е. Ферсмана, С. Н. Бернштейна, О. Ю. Шмидта, И. В. Виноградова, А. Н. Баха, Н. П. Горбунова и членов-корреспондентов Л. Г. Шнирельмана, С. Л. Соболева, П. С. Александрова и профессора А. Я. Хинчина 295
XXIV. Об академике Н. Н. Лузине. Постановление Президиума Академии наук СССР от 5 августа 1936 г. 297
XXV. Изжить лузинщину в научной среде 298
Достоинство советской науки 300
Усилить революционную бдительность 302

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 307

CONTENTS

Introduction *(S. S. Demidov, B. V. Levshin)* 7

«THE AFFAIR OF ACADEMICIAN N. N. LUZIN»
AS IT INFLUENCED THE ACADEMIC COMMUNITY *(S. S. Demidov, V. D. Yesakov)* 9

MINUTES OF THE MEETINGS OF A SPECIAL COMMISSION
OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
ON THE AFFAIR OF ACADEMICIAN N. N. LUZIN

7 July 1936 51
9 July 1936 81
11 July 1936 124
13 July 1936 176
15 July 1936 199

Commentaries on the minutes of the meetings of the Commission
of the Academy of Sciences of the USSR on the affair of academician N. N. Luzin 211

7 July 1936 213
9 July 1936 221
11 July 1936 231
13 July 1936 239
15 July 1936 244

BIBLOIGRAPHY 247

OTHER DOCUMENTS 250

I. Pleasant disappointment 253

II. Answer to academician N. Luzin 254

III. On enemies hiding behind a Soviet mask 255

IV. Letter of the editor-in-chief of «Pravda», L. Z. Mekhlis, to Central Committee
of the All-Union Communist Party (bolshevik) on 3 July 1936 257

V. Resolution about the articles in «Pravda»: «Answer to academician N. Luzin» and
«On enemies hiding behind a Soviet mask» 258
In the Mathematical Institute of Academy of Sciences 259

VI. Proposed resolution for the special meeting of the Presidium of the Academy of
Sciences of the USSR [on 4 July 1936] 260

VII. The letter of P. L. Kapitsa to V. M. Molotov on 6 July 1936 261

VIII. Extract from the Protocol of the meeting of the Presidium
on 7 July 1936 263

IX. Letters of V. I. Vernadsky and N. V. Nasonov
to the Department of Mathematics and Science of the Academy of Sciences of the USSR, to academicians A. Ye. Fersman and N. P. Gorbunov in support of academician N. N. Luzin 264

X. Letter of academician N. N. Luzin to Central Committee of the All-Union Communist Party (bolshevik) on 7 July 1936 265

XI. Traditions of servility 268

XII. Resolution of the general meeting of the Department of Mathematics and Mechanics and the Institutes of Mathematics and Mechanics and Astronomy at Moscow State University 271
Against Luzin and «luzinovshchina» (Meeting of the mathematicians of Moscow State University) 273
«On enemies hiding behind a Soviet mask» 276

XIII. N. N. Luzin's letter to an unidentified correspondent [on 11 July 1936] 278

XIV. «On enemies hiding behind a Soviet mask»
At the Institute of Energy of the Academy of Sciences of the USSR 282

XV. Responses of Leningrad scholars 283

XVI. Letter of the editor-in-chief of «Pravda», L. Z. Mekhlis, to I. V. Stalin and V. M. Molotov on 14 July 1936 284

XVII. The enemy whose mask has been torn off 285

XVIII. N. N. Luzin's declaration to the Presidium of the Academy of Sciences [on 14 July 1936] 287

XIX. Academician Gubkin on the so-called academician Luzin 289

XX. Scholars of the Belorussian Soviet Socialist Republic on the unmasked enemy Luzin 290

XXI. The scholarly community condemns enemies hiding behind a Soviet mask 291

XXII. Note accompanying the Resolution of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR on academician N. N. Luzin 294

XXIII. Conclusion of the Commission on the affair of academician Luzin in connection with the articles in «Pravda»: «Answer to academician N. Luzin» and «On enemies hiding behind a Soviet mask», under the chairmanship of the Vice-President of Academy of Sciences of the USSR G. M. Krzhizhanovsky, consisting of academicians A. Ye. Fersman, S. N. Bernstein, O. Yu. Schmidt, I. V. Vinogradov, A. N. Bach, N. P. Gorbunov and corresponding members L. G. Schnirelman, S. L. Sobolev, P. S. Alexandrov and professor A. Ya. Khinchin 295

XXIV. On academician N. N. Luzin. The Resolution of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR on 5 August 1936 297

XXV. To eliminate «luzinshchina» from the scholarly community 298
The dignity of Soviet science 300
To intensify revolutionary vigilance 302

INDEX 307

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга — итог сотрудничества Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН и Архива РАН. В конце 80-х годов стало возможным свободное обсуждение «закрытых» ранее тем, открылись архивные фонды, доступ к которым исследователю был до этого практически невозможен. Включение в личный фонд выдающегося русского математика академика Николая Николаевича Лузина (1883—1950) бумаг, связанных с его «делом» 1936 г. и хранившихся ранее среди дел канцелярии Академии, совпало по времени с началом нового этапа в истории нашей страны.

Работу над «делом» Лузина вместе с работниками Архива начали сотрудники сектора истории математики Института. Руководил ей на начальном этапе крупнейший историк математики XX столетия Адольф Павлович Юшкевич (1906—1993). Группа эта состояла из А. И. Володарского, С. С. Демидова, Н. С. Ермолаевой и Т. А. Токаревой. Позднее к этой работе присоединился В. Д. Есаков, обнаруживший в Архиве Президента Российской Федерации интереснейшие материалы, заставившие пересмотреть некоторые важнейшие моменты в развитии «дела». Подготовка окончательного варианта рукописи проводилась в рамках исследовательских проектов РГНФ № 98—03—04084 и № 99-–03-·19868.

Труд этот, прежде всего, коллективный, хотя отдельные его части выполнялись преимущественно кем-либо из перечисленных лиц. Так, текст стенограммы готовила к публикации и комментировала Н. С. Ермолаева, приложения — А. И. Володарский и Т. А. Токарева, документы из Архива Президента РФ — В. Д. Есаков. Однако «преимущественно» не означает «исключительно». В любой комментарий свободно включался материал, найденный любым из участников коллектива, каждое показавшееся нам интересным наблюдение, сделанное кем-то из них. Как правило, это специально не оговаривалось. Ибо «дело» (в кавычках или без оных) — предприятие коллективное и ответственность за него несут все, в нём участвующие. И никогда нельзя сказать — кто большую? Хотя на долю одних выпадает больше (успеха или неудач), других — меньше. Мир несправедлив! И заранее никогда не скажешь — как кому обернётся в итоге та или иная жизненная история: травимый в 1936 году академик Нико-

лай Николаевич Лузин сравнительно благополучно закончил жизнь в 1950 году в своей московской квартире на Сретенском бульваре, а творившие над ним суд Непременный секретарь Академии Н. П. Горбунов и член-корреспондент Академии блистательный Л. Г. Шнирельман уйдут из жизни в 1938 году — первый будет расстрелян как враг народа, второй, возвратившись с «беседы» в НКВД, пустит газ в своей квартире.

Предлагаемая читателю книга — о драматическом эпизоде в трагической истории нашей страны и в истории одной из ведущих научных школ XX столетия — советской математической школы.

С. С. Демидов
Б. В. Лёвшин

«ДЕЛО АКАДЕМИКА Н. Н. ЛУЗИНА»

В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

С. С. Демидов, В. Д. Есаков

Советская математическая школа — одна из ведущих мировых математических школ XX века. Тематика её исследований покрывает, практически, всю территорию математических изысканий столетия. В ряде областей (таких, например, как теория вероятностей) она была безусловным мировым лидером. Именами С. Н. Бернштейна, И. М. Виноградова, П. С. Новикова, А. Н. Колмогорова, Л. С. Понтрягина, С. Л. Соболева, Н. Н. Боголюбова отмечены вершины математических достижений века И хотя ее география обширна — Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Новосибирск, Минск, Тбилиси, Ташкент — ее средоточием, начиная с 30-х годов, стала Москва.

Сюда в 1934 г. из Ленинграда переехала Академия наук. Перевод Академии сразу превращал, по замыслу Сталина, столицу «первого в мире социалистического государства в мировой научный центр» и позволял держать «под рукой» само «высшее ученое учреждение Союза ССР», как это было зафиксировано в ее Уставе в 1927 г.

Вокруг механико-математического факультета Московского университета, Московского математического общества и Института им. В. А. Стеклова сложилось уникальное научное сообщество, определявшее течение математической жизни страны. Течение это было мощным и относительно спокойным. Сталинские репрессии сравнительно слабо (по сравнению, скажем, с биологами) затронули математическое сообщество. Можно назвать лишь несколько имен крупных математиков, таких как глава Московской школы, почетный член АН СССР Д. Ф. Егоров, ленинградский математик член-корреспондент АН СССР В. С. Игнатовский, киевлянин академик АН УССР М. Ф. Кравчук, ставших их жертвами или, как член-корреспондент АН СССР Н. С. Кошляков, от них серьёзно пострадавших.

Однако в ряду важнейших событий, нарушивших это течение, наряду с воспоминаниями о трагической кончине в 1931 г. Д. Ф. Егорова, коллективная память математического сообщества хранила воспоминания о разразившихся в 1936 году событиях, связанных с «делом академика Н. Н. Лузина». Каждый студент-математик Московского университета 50—70-х годов узнавал о том, что против признанного лидера Московской школы теории функций, души и центра знаменитой Лузитании в середине 30-х годов на страницах центральной прессы была предпринята мощная идеологическая атака. Он узнавал, что по этому делу работала специальная Комиссия Академии наук, что Лузина обвиняли во вредительстве, и что все могло бы кончиться для него трагически, если бы дело не было неожиданно остановлено по приказу свыше. Всю эту информацию любопытствующий получал изустно — никаких сведений в литературе на этот счет не существовало

(читатель лишь потеряет время, если начнёт искать упоминание о «деле Лузина» в многотомной «Истории отечественной математики»[1]), если не считать отголосков этих событий в кратких редакционных заявлениях в номерах «Успехов математических наук» тех лет (из которых существо дела было понять затруднительно), в книге Э. Кольмана «Предмет и метод современной математики»[2] и брошюре В. Н. Молодшего «Эффективизм в математике»[3], с которыми любознательные могли ознакомиться лишь в читальном зале специальных библиотек.

Атмосфера любви и поклонения, окутывавшая в 60 —70-е годы имя Н. Н. Лузина (прочтите публиковавшиеся тогда воспоминания[4] Л. А. Люстерника), а также воспоминания о недавно закончившихся страшных временах сталинщины делали эту историю особенно притягательной. Ощущение бездны, разверзшейся перед математическим сообществом, и чудесного избавления от катастрофы, казавшейся неминуемой, закрепило в коллективной памяти сообщества воспоминания об этом драматическом событии. В те годы были живы ещё многие (и, как мы понимаем теперь, центральные) участники событий, но они, по различным причинам, предпочитали помалкивать. (Так, один из организаторов «дела» Э. Кольман ни словом не обмолвился о нём в своих, изданных уже в период эмиграции в Швецию, «искренних» воспоминаниях[5].)

1. «Дело академика Н. Н. Лузина» как историко-научная проблема

Для особо интересующихся открывалась единственная возможность — получить информацию из газет 30-х годов. Сделать это было не просто (такие газеты не выдавались всем желающим), но, в принципе, возможно. В результате знакомства с этими материалами, а также по отрывочным устным воспоминаниям математиков старшего поколения в математическом сообществе сложилось представление о большой интриге, осуществленной кем-то из врагов Н. Н. Лузина (обсуждался вопрос — кем?), которая могла привести его к трагическому финалу и к драматическим последствиям для всего сообщества в целом. Ее развитие произошло стремительно (события «дела» умещаются в промежутке меньшем месяца — они приходятся на июль 1936 г.) и было остановлено, как гласила молва, самим И. В. Сталиным. Обстоятельству этому давались самые разнообразные объяснения.

Кто был автором интриги? Кто написал злополучную анонимную статью в «Правде» 3 июля 1936 г., положившую начало кампании? В обоих случаях чаще всего называлось одно имя — Эрнеста Кольмана (1892—1979) — чешского «интернационалиста», заброшенного в нашу страну событиями Первой мировой войны, большевика, математика по образованию (в 1913 закончившего Карлов университет в Праге), философа-марксиста, в период развёртывания «дела» — заведующего Отделом науки Московского Комитета ВКП(б), одного из активнейших идеологов в области науки того времени[6]. В пользу такого предположения говорили его погромные тексты 30-х годов, в частности, вышедшая в 1936 г. книга «Предмет и метод современной математики»[7]. Серьёзным изучением этой опасной темы (тем более опасной, что большинство участников событий были тогда ещё живы) никто в СССР не занимался.

Неудивительно, что её исследование начали зарубежные учёные, в распоряжении которых были только газетные публикации и издания 30-х годов, а также корреспонденция из архивов западных учёных (французского математика А. Данжуа, польского профессора В. Серпинского и др.), затрагивавшая обстоятельства «дела». Так, известный

французский историк математики П.Дюгак начал сбор материалов о «деле» ещё в 60-е годы. Единственными, насколько нам известно, его работами на эту тему стали публикация писем А Данжуа[8] и совместная с А. П. Юшкевичем заметка[9]. Исследователь из ГДР З. Пауль, готовивший диссертацию в Одессе и допущенный в спецхран местной библиотеки, провёл чрезвычайно полное исследование всей имевшейся в советской печати информации о «деле», которое опубликовал[10] только в 1997 г. уже в единой Германии.

Наверное, первым исследованием по «делу Н. Н. Лузина» проведённым в СССР, стала опубликованная только в 1990 г. на Западе в журнале «Slavic Review» работа советского философа эмигрировавшего в США А. Е. Левина[11]. На основании анализа советской прессы 30-х годов, а также динамики научной политики советского правительства этого времени А. Е. Левин пришёл к выводу, что антилузинская кампания является звеном в цепи событий, определивших действия правительства по строительству института советской науки в соответствии с генеральным планом И. В. Сталина. Одним из важнейших элементов новой научной политики стало воспитание патриотизма советских учёных, которые не должны были отныне рассматривать советскую науку как отдельную (притом отсталую) провинцию мировой, но смотреть на неё как на авангард передовой науки своего времени. Именно в этом контексте, как предположил Левин (и в этом оказался совершенно прав), следует рассматривать «дело», а не сводить его к интриге внутри математического сообщества (которая, конечно, также имела место, но не определяла характера силового поля).

Кроме этого, Левину с помощью остроумных и убедительных соображений удалось выявить автора анонимной антилузинской публикации от 3 июля в «Правде» — им, судя по всему, действительно оказался Э. Кольман.

В конце 80-х годов политический климат в СССР начал меняться. Стали доступными закрытые доселе архивные источники и оказалось возможным свободное обсуждение событий советской истории. «Дело академика Н. Н. Лузина» начало выходить на передний план. Здесь исследователей ждала редкая удача. Т. А. Токаревой совместно с работниками Архива АН СССР был обнаружен случайно сохранившийся и, весьма вероятно, неполный экземпляр машинописного текста стенограммы заседаний Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. Лузина. Обязательные экземпляры, которые должны были храниться в Архиве в положенном для них месте, оказались уничтоженными заинтересованными лицами. Таким образом, в руках исследователей оказались бесценные материалы, над которыми сразу начала работать группа исследователей под руководством выдающегося нашего историка математики Адольфа Павловича Юшкевича (1906—1993).

Первые результаты этих исследований[12] оказались достаточно неожиданными. Скрытым нервом событий «дела» предстала борьба за власть внутри математического сообщества и центральным нападающим на заседаниях специальной Комиссии по делу, созданной Президиумом АН СССР, оказался один из первых учеников Н. Н. Лузина — выдающийся советский математик П. С. Александров. Кроме того, исследования 90-х годов, касающиеся перипетий академической жизни, событий «егоровщины», дела «Национально-фашистского центра», творчества Н. Н. Лузина и др.[13], существенно изменили наши представления об эволюции советского математического сообщества в 30-е годы. Но, пожалуй, самой важной находкой последних лет стало обнаруженное В. Д. Есаковым осенью 1997 г. в Архи-

ве Президента РФ содержащее 21 лист дело «Об академике Н. Н. Лузине», принципиально изменившее наши взгляды на сущность «дела» и характер его развития.

Подтвердилось высказанное А. Е. Левиным предположение, что «дело академика Н. Н. Лузина» следует рассматривать, прежде всего, в контексте политики партии и правительства (то есть лично И. В. Сталина) в области научного строительства, долженствующей стать авангардом мировой науки завтрашнего дня. В числе важнейших задач такого строительства — воспитание у советских учёных соответствующей идеологии, одной из основных установок которой должен быть «патриотизм советского учёного». Эта политика задавала основные силовые линии поля, в котором развивались события «дела».

Его организаторами и участниками выступали люди, занимавшие в обществе очень разное положение и преследовавшие различные цели. Это — главный редактор «Правды» Л. Мехлис, развернувший на страницах боевого органа партии кампанию по реализации установок И. В. Сталина, и заведующий Отделом науки МК ВКП (б) Э. Кольман, пытавшийся использовать конфликтную ситуацию в Московском математическом сообществе для уничтожения остатков ненавистного ему духа реакционной Московской философско-математической школы. «Удачное» развитие кампании, сулило ему немалые политические дивиденды. Это — инициативные «молодые» московские математики, пытавшиеся захватить власть в сообществе. Наконец, это — маневрировавшая верхушка Академии, с одной стороны, не желавшая чрезмерного усиления политического радикализма, могущего повредить Академии, а потому не настроенная применять к Лузину самые крайние меры (исключение из Академии), с другой, опасавшаяся обвинений в мягкотелости. Каждая из этих сил преследовала свои собственные не всегда совпадающие интересы. В их взаимодействии «дело» родилось и получило своё развитие. Изучая по необходимости лишь доступные его фрагменты, предшествующие исследователи (за исключением А. Е. Левина, с самого начала взглянувшего на него с достаточно общей точки зрения), формируя свои концепции, выделяли лишь одну (ту или иную) его линию, проводимую той или иной группой, преследовавшей свой отдельный интерес. Все предлагаемые при таком, вызванном недостаточностью фактического материала, «объяснения» страдали односторонностью.

Настоящая работа — попытка преодоления этой односторонности, создания объёмной картины события, учитывающей основные линии развития, его составляющие. Она представляет собой итог более чем десятилетних исследований группы, начавшей свою работу под руководством А. П. Юшкевича, и состоящей из А. И. Володарского, С. С. Демидова, Н. С. Ермолаевой, Т. А. Токаревой. Позднее к ним присоединился В. Д. Есаков. Непосредственное участие в работе над книгой принимал директор Архива РАН Б. В. Лёвшин.

2. Советская власть и наука

Если начавшаяся в 1914 году Первая мировая война тяжело отразилась на жизни российской науки, то разразившиеся в 1917 году революции и последовавшая за ними Гражданская война стали для неё подлинной катастрофой. Прекращение нормального функционирования институтов власти, бедственная ситуация с продовольствием и топливом поставили сообщество учёных на грань выживания. Старые и больные быстро сошли в могилу, для более молодых и энергичных наступило время поисков хлеба насущного. Петроградские математики спасались в Перми, где действовал филиал Петроградского

университета, в 1917 г. обретший самостоятельность, москвичи в Иваново-Вознесенске, где функционировал созданный в 1918 году Политехнический институт, и в Саратове, где начинал работать новый университет. В тяжёлом положении оказалась Академия наук. Она уменьшилась количественно (так математический разряд потерял в эти годы академиков — А. М. Ляпунова в 1918, А. А. Маркова в 1922, членов-корреспондентов — Н. Е. Жуковского в 1921, К. А. Андреева в 1921, В. П. Ермакова в 1922). Её значение и роль в общественной жизни резко упали и даже у некоторых деятелей Наркомпроса, которому она в тот период была подчинена, появилась идея её ликвидации[14]. Во всяком случае, в атмосфере ожидания мировой революции вопросы науки и образования не числились у новой власти в числе приоритетных. Огромную роль в сохранении Академии наук, в налаживании исследовательских работ в новых условиях сыграл вице-президент Академии в 1919–1926 г. математик В. А. Стеклов. Именно он был инициатором создания в 1921 г. и первым директором Физико-математического института, из которого впоследствии выделился Математический институт.

Окончание Гражданской войны (1921) и угасание надежд на скорую мировую революцию означали начало эпохи государственного строительства, строительства нового советского государства, которому предстояло жить во враждебном капиталистическом окружении. Новое общество должно было сооружаться на новом идеологическом фундаменте, основой которого мыслилась марксистская (марксистско-ленинская) философия, с её приматом научности, высшим выражением которой она видела себя саму. Индустриализация страны, создание мощной военной промышленности (ведь окружение-то было враждебным!) ставили науку и образование в ряд важнейших областей государственного строительства. Если в первые послереволюционные годы советская власть, предъявляя большие требования к студенчеству (в его ряды не должны были быть допущены представители эксплуататорских классов), терпела наличие старорежимной (даже в идеологическом плане) профессуры (от неё требовалась лишь лояльность), то к концу 20-х годов ситуация начала меняться. У Сталина созревал грандиозный план перестройки всего здания науки, скреплённого новой идеологией.

Как и всё в СССР, наука должна быть централизована, управляема и идеологизирована. Венчать пирамиду советского научного устройства должна Академия наук, для чего её реформировали и обустроили новым Уставом. Согласно этому Уставу, принятому в 1927 г. (а затем «совершенствуемому» в 1930 и 1935 гг.), Академия наук объявлялась головным научным учреждением страны. Её основной задачей провозглашалась задача социалистического строительства. В состав реформируемой Академии включался ряд членов партии. Один из них, избранный в 1929 году «старый большевик» Г. М. Кржижановский, в том же 1929 г. был введён в число её вице-президентов. Ему и было поручено надзирать за Академией. На первых порах он был единственным из её руководителей, имевшим допуск к высшим лицам партии и государства, в том числе, к самому И. В. Сталину. В 1934 году Академия была переведена в Москву[15], оказавшись, таким образом, под рукой властей и под их тотальным контролем.

3. На московском математическом фронте

Революция и Гражданская война нарушили нормальное течение математической жизни в Москве. Н. Н. Лузин со своими учениками Д. Е. Меньшовым, В. С. Фёдоровым, А. Я. Хинчиным и М. Я. Суслиным переехал в Иваново-Вознесенск, где в Политехничес-

ком Институте были созданы нормальные (по тем временам, конечно) условия для преподавателей. В Саратовском университете трудились В. В. Голубев и И. И. Привалов.

Замечательно, что, несмотря на все трудности революционного и военного времени, математическая жизнь в стране не останавливалась — столь силён был импульс, данный математическим исследованиям в стране предшествующим ходом их развития.

А. Я. Хинчин впоследствии писал[16]: «Может быть, в эти первые тяжёлые годы революции математика, по чисто внешним причинам, оказалась поставленной в несколько особые условия, позволившие ей развиваться интенсивнее других точных наук: математику не нужно ни лабораторий, ни реактивов; бумага, карандаш и творческие силы — вот предпосылки его научной работы; а если к этому присоединить возможность пользоваться более или менее солидной библиотекой и некоторую долю научного энтузиазма (а это есть почти у каждого математика), то никакая разруха не может остановить его творческой работы. Недостаток текущей литературы в известной степени возмещался неустанным научным общением, которые в эти годы удалось организовать и поддерживать».

В 1921 году Гражданская война закончилась, и начала постепенно налаживаться мирная жизнь. Д. Ф. Егоров всё время оставался в Москве, не давая математической жизни угаснуть. В 1920 возобновились заседания лузинского семинара, где наряду с преподавателями В. В. Степановым, П. С. Александровым, В. И. Вениаминовым и П. С. Урысоном, принимали участие студенты Н. К. Бари, Ю. А. Рожанская, В. И. Гливенко, Н. А. Селиванов, Л. Г. Шнирельман. Затем к ним присоединился А. Н. Колмогоров, в конце 1921 — М. А. Лаврентьев, в 1922 — Л. В. Келдыш, Е. А. Леонтович, П. С. Новиков, И. Н. Хлодовский и Г. А. Селивёрстов. Вернулись в Москву и включились в работу и «старики» — И. И. Привалов, Д. Е.Меньшов и А. Я. Хинчин.

В 1923—24 годах Н. К. Бари, А. Н. Колмогоров, Г. А. Селивёрстов и М. А. Лаврентьев написали свои первые работы по теории функций.

Уже в начале 20-х годов в Школе Егорова-Лузина отчётливо проявилась тенденция к расширению тематики исследований. Отправной точкой для работы в новых направлениях стали собственные разработки Школы в области метрической теории функций, которая оказывала определяющее влияние и на используемые в новых областях методы.

Ещё в годы революции сам Н. Н. Лузин и его ученики (И. И. Привалов, В. В. Голубев, Д. Е. Меньшов, А. Я. Хинчин) начали исследования в области теории функций комплексного переменного; в 1925 году к ним присоединился М. А. Лаврентьев, в свою очередь воспитавший такого известного учёного как будущий президент АН СССР М. В. Келдыш.

П. С. Урысон и П. С. Александров приступили к исследованиям, заложившим основы советской топологической школы. В 1925 г. под руководством Александрова начал работать топологический семинар, из которого вышли такие знаменитые впоследствии математики, как А. Н. Тихонов и Л. С. Понтрягин.

В 1923 г. А. Я. Хинчин получил первые важные результаты по теории вероятностей. В конце 20-х — начале 30-х этими вопросами начал заниматься крупнейший русский математик XX века А. Н. Колмогоров, в 1933 году предложивший общепринятую сегодня аксиоматику теории Так начиналась Московская школа теории вероятностей.

В те же годы А. Я. Хинчин приступил к исследованиям в области теории чисел. В 1925/26 году он организовал семинар по теории чисел, в котором участвовали молодые А. О. Гельфонд и Л. Г. Шнирельман.

В конце 20-х — в начале 30-х годов Л. А. Люстерник, Л. Г. Шнирельман, эмигрировавший из Германии А. И. Плеснер и А. Н. Колмогоров заложили основы советской школы функционального анализа, среди питомцев который мы видим одного из крупнейших современных математиков И. М. Гельфанда.

В. В. Степанов вёл работу в области теории дифференциальных уравнений. В конце 20-х появились результаты И. Г. Петровского, будущего ректора Московского университета, и В. В. Немыцкого.

Д. Ф. Егоров и В. А. Костицын продолжили исследования по теории интегральных уравнений; позднее к ним присоединился И. Г. Петровский.

И. И. Жегалкин, В. И. Гливенко, А. Н. Колмогоров, позднее П. С. Новиков занимались проблемами математической логики.

Если к этому добавить и такие традиционные для Москвы области исследования как дифференциальная геометрия (Д. Ф. Егоров, С. П. Фиников, С. С. Бюшгенс), обогащённая трудами по тензорной геометрии приехавшего из Одессы В. Ф. Кагана, и прикладную математику (С. А. Чаплыгин), и завезённая из Киева учеником Д. А. Граве О. Ю. Шмидтом новая алгебра (к занятиям в этой области в Москве присоединился ученик П. С. Александрова А. Г. Курош, а позднее ученик А. Н. Колмогорова А. И. Мальцев), а также учесть значимость полученных москвичами в этих направлениях результатов, то можно сказать, что Москва к началу 30-х годов превратилась в один из ведущих в мире центров математической мысли.

Довольно тесный математический кружок, группировавшийся в предреволюционные годы вокруг Д. Ф. Егорова и Н. Н. Лузина, вырос в крупный математический центр. Рост этот, как это обычно случается с предприятиями, в которые вовлечены люди больших дарований и нешуточных амбиций, привёл к серьёзному усложнению взаимоотношений. Если в начале 20-х годов мы видим Лузитанию, так ученики Лузина именовали свой круг, истинным братством, объединённым вокруг обожаемого ими учителя, то уже к середине десятилетия обстановка меняется — начинается распад Лузитании. Процесс этот вызывался причинами как объективного, так и субъективного характера. Молодые вырастали, сами становились крупными учёными, обзаводились собственными учениками. Вокруг П. С. Александрова и А. Я. Хинчина сложились целые школы. Их уже не устраивало положение юных неофитов, с обожанием внимающих мэтру. Эта причина — объективная.

Немалый вклад в ухудшение атмосферы в Лузитании вносили и различные субъективные факторы, в том числе сложности во взаимоотношениях, прежде всего, конечно, с самим Лузиным, обладавшим непростым характером. Будучи личностью харизматической, притягательной для молодёжи, Лузин замечательно чувствовал себя и с успехом действовал в обстановке тесного круга, организованного как семья, сплотившаяся вокруг обожаемого учителя-отца. Человек психологически неустойчивый (некоторые из его учеников даже наделяли его личность некоторой психопатологией), он воспринимал крушение таких взаимоотношений как личную трагедию. Многими, особенно недоброжелательно относящимися к нему лицами, Лузин воспринимался как человек неискренний, даже фальшивый, в своём поведении склонный к театральным жестам.

В 20-е годы значительную часть времени он проводил за границей, что, конечно, значительно ослабляло его связи с московскими математиками. К концу десятилетия ухудшились его взаимоотношения с патриархом московской математики собственным его учителем Д. Ф. Егоровым. Это взаимное расхождение особенно ярко проявилось в пери-

од выборов в Академию в 1929 году. В итоге Егоров был избран почётным академиком, а Лузин академиком по разряду «философия». (В академических кругах издавно ходило анекдотическое выражение, что академик отличается от почетного члена академии также как «Государь» и «милостивый государь»).

На протяжении 20-х годов положение Д. Ф. Егорова медленно, но неуклонно ухудшалось. Выдающийся математик, автор замечательных результатов в области дифференциальной геометрии, теории интегрируемых систем дифференциальных уравнений, теории интегральных уравнений, теории функций действительного переменного, выдающийся педагог, создатель одной из ведущих Математических школ XX века, он был в то же время талантливым администратором, направлявшим деятельность всей московской математики как директор Института математики и механики Московского университета, председатель Предметной комиссии по математике, наконец, президент Московского математического общества. В этот тяжёлый для науки и образования период он ни на месяц не покинул Москвы, стараясь поддержать уровень математического образования в Университете и научную жизнь в Математическом обществе. Как только в 1924 году появилась возможность возобновить издание «Математического сборника», он сделал всё возможное, чтобы в очень короткое время превратить его в один из лучших математических журналов Европы. В 1927 году он собрал в Москве Всероссийский съезд математиков. Его научный и моральный авторитет был столь высок, что ни у кого из московских математиков не возникало сомнения в его праве занимать все ключевые посты в московском математическом мире.

Человек глубоко религиозный, по своим политическим убеждениям зачастую сходившийся с кадетами (в частности с В. И. Вернадским), он плохо относился к новой власти и своего отрицательного отношения к ней скрывать не пытался. Будучи председателем Предметной комиссии по математике и директором Института математики и механики Московского университета, Д. Ф. Егоров в меру своих возможностей противодействовал проводившейся тогда большевиками политике очищения студенчества от лиц, имевших плохое (с точки зрения тогдашних идеологов) социальное происхождение. Только благодаря ему многие впоследствии знаменитые математики «дурного» происхождения (например, И. Г. Петровский, бывший сыном купца) смогли закончить Университет и стать профессиональными учёными.

Разумеется, подобный человек в конце 20-х годов уже не мог долго сохранить столь важное положение в Московском университете, где во второй половине 20-х годов порядки наводил ректор А. Я. Вышинский. Отшумели события «Шахтинского дела» (1928), тема «саботажа» в среде специалистов стала привычной для читателей советских газет и журналов. Пора было приниматься за враждебных новой идеологии «реакционных профессоров». И «пролетарское студенчество» развернуло кампанию против Егорова. Первым их успехом стало его смещение с поста председателя Предметной комиссии по математике. Весной 1930 года его удаляют с поста директора Института математики и механики Московского университета. На его место приходит «красный профессор» О. Ю. Шмидт, открывший свою деятельность на новом поприще призывом к сотрудникам Института перестроить работу на марксистской основе и обвинением во вредительстве тех, кто попытается этому препятствовать. Взявший после него слово уже бывший директор Института Д. Ф. Егоров заявил, что истинным вредительством является навязывание всем стандартного мировоззрения.

В июне того же года в Харькове на Первом всесоюзном съезде математиков Егоров вместе с небольшой группой участников съезда (в которую вошёл также С. Н. Бернштейн) выступил против предложения отправить от имени съезда математиков приветствие в адрес проходившего тогда в Москве XVI съезда партии. Разумеется, «протестанты» получили достойную отповедь, и телеграмма была отправлена.

А уже в сентябре 1930 года Д. Ф. Егоров был арестован по сфабрикованому на Лубянке делу Всесоюзной контрреволюционной организации «Истинно-православная церковь» (одно из обозначений катакомбной церкви), по которому, вместе с известным философом А. Ф. Лосевым, оказался среди главных обвиняемых, и в 1931 г. умер в ссылке в Казани[17]).

После ареста Д. Ф. Егорова положение Московского математического общества становится в высшей степени шатким. Оно могло разделить судьбу многих научных обществ того времени — оказаться закрытым. И лишь ценой быстрых и решительных действий — осуждения обществом деятельности Егорова и его реорганизации[18], избрания президентом Общества Э. Кольмана (протоколы общества за этот период уничтожены, и эта информация получена нами от Л. А. Люстерника) — Общество удалось спасти.

События вокруг «процесса Промпартии» и арест Д. Ф. Егорова чрезвычайно перепугали Н. Н. Лузина, незадолго до этого вернувшегося из длительной зарубежной командировки. Он уклонился от участия в руководстве Обществом (вице-президентом которого он был до этого) и, опасаясь разгула идеологов и пролетарского студенчества, покинул Университет. Он нашёл себе пристанище у академика С. А. Чаплыгина в ЦАГИ и продолжал (с 1929) работать в находившемся тогда в Ленинграде Математическом институте им. В. А. Стеклова, где возглавил отдел теории функций. Он стал также председателем Математической группы Академии наук (пост соответствующий нынешнему академику-секретарю отделения математики).

Страх Н. Н. Лузина был вполне оправданным. Развернувшаяся после ареста Егорова идеологическая кампания не прошла мимо него стороной. Один из лидеров этой кампании неоднократно упоминавшийся нами Э. Кольман не оставлял его своим вниманием. Будучи в творческом отношении математиком очень слабым, он, как это нередко случается с людьми амбициозными, имел претензии на определённую (и, конечно, не самую малую) роль в математическом сообществе. Как мы уже говорили, в 1931 году он уже побывал (после Н. Е. Жуковского и Д. Ф. Егорова !) президентом Московского математического общества (!). Как говорится, положение обязывает и в 30-е годы он выступил с несколькими беспомощными математическими работами, но реализовал он свои амбиции в многочисленных сочинениях по философии и истории математики (справедливости ради, заметим, что среди его исторических сочинений есть и заслуживающие внимания[19]). Кольман-марксист распознал враждебный дух в мировоззрении лидеров старой Московской философско-математической школы (Н. В. Бугаева, П. А. Некрасова и др.), с которой (не без основания) связал философско-религиозные искания Д. Ф. Егорова, П. А. Флоренского и Н. Н. Лузина. Против них он неоднократно и чрезвычайно агрессивно выступал в печати.

Упомянутое выше, хранящееся в Архиве Президента РФ дело «Об академике Н. Н. Лузине» открывается чрезвычайно интересным для нас документом — доносом Э. Кольмана. Это послание не имеет адресата, но можно не сомневаться, что оно было разослано в отделы ЦК, в контрольные и карательные органы. Его секретность определена самим Кольманом:

«СЕКРЕТНО

Член Академии наук математик Н. Лузин, избранный в 1929 г. по кафедре философии, отказался подписать обращение советских учёных к заграничным по поводу процесса Промпартии и в знак протеста против реорганизации Московского Математического Института и Московского Математического Общества, президент которого ЕГОРОВ арестован, ЛУЗИН оставил работу в Московском Математическом Институте и ушёл в ЦАГи. Так как ЛУЗИН является специалистом по абстрактнейшей части теории множеств, не имеющей никаких практических приложений, и в качестве руководителя так называемой Московской Математической школы, он хвастает, что «никогда не решил ни одного конкретного уравнения», то вряд ли в ЦАГи он может принести большую пользу.

Нужно подчеркнуть, что ЛУЗИН близко связан с виднейшим французским математиком БОРЕЛЕМ, активным сотрудником Французского военного ведомства[20]. В бытность свою в 1929 г. в Париже ЛУЗИН гостил у БОРЕЛЯ.

О воинствующем идеализме ЛУЗИНА красноречиво говорит следующая выдержка из отчёта на заседании Академии о его заграничной поездке: «повидимому, натуральный ряд чисел не представляет из себя абсолютно объективного образования. Повидимому он представляет собой функцию головы того математика, который в данном случае говорит о натуральном ряде. Повидимому, среди задач арифметики есть задачи абсолютно неразрешимые». На эту тему ЛУЗИНЫМ во время командировки во Францию написана книга и там же издана[21].

Кроме ЛУЗИНА в самое последнее время стал работать в ЦАГи профессор КАСТЕРИН, ушедший демонстративно из Института Физики при 1 МГУ, где он вел разлагающую антиобщественную работу.

22/2.31. *Э. Кольман*»[22]

Этот донос написан в период следствия по делу об организации «Истинно-православная церковь», по которому проходил Д. Ф. Егоров. В своих публикациях против Лузина Э. Кольман возводил лузинское мировоззрение к идеологии «черносотенной московской философско-математической школы» и ставил её в прямую связь с фашистской идеологией. Поэтому совершенно неудивительным представляется скрытый от современников Лузина факт его прохождения (вместе с С. А. Чаплыгиным) в качестве члена антисоветского «Национально-фашистского центра» в разрабатывавшемся ОГПУ в 1933 году деле, по которому был осуждён П. А. Флоренский. (Ни сам Лузин, ни Чаплыгин ничего об этом не знали, хотя в ОГПУ хранились целые дела, содержащие массу «фактов», каждый из которых был достаточен для их ареста и последующего осуждения. Чего стоят письменные «показания» свидетелей — в конце концов по этому делу осуждённых — содержащие, например, такие «подробности», как «данные» о встрече Лузина с А. Гитлером и получении от него инструкций!)[23].

Общая ситуация и идеологические нападки Э. Кольмана, содержавшиеся в его статьях (подобные тем, которые мы видим в приведённом выше доносе), заставили Лузина изменить характер работ, публиковавшихся в СССР. В его советских публикациях 30-х годов прикладная тематика занимает почётное место.

Итак «инициативная группа» без излишних усилий добилась ощутимых успехов в борьбе за власть в математическом сообществе. Отстранение Д. Ф. Егорова было достигнуто в результате длительной осады «пролетарского студенчества» и решительных действий «красных профессоров». Причина его ареста не была связана с обстоятельствами

внутриматематической или внутриуниверситетской жизни — он был привлечён по делу, имевшему религиозную окраску. Так что власть в московском математическом сообществе сама упала в руки «молодежи» — с 1932 года президентом Московского математического общества стал П. С. Александров (сохранивший этот пост до 1964 года!), а главным редактором «Математического сборника» — «красный профессор» член партии О. Ю. Шмидт.

Самый влиятельный математик предыдущей формации их учитель Н. Н. Лузин сам без боя удалился со столичной авансцены. Он, правда, обрёл некоторые позиции в Ленинграде — в Академии наук СССР, но в столице (а именно отсюда вершилась высокая политика!) его влияние сошло на нет. Здесь царствовала «молодёжь». П. С. Александров владычествовал в Московском математическом обществе — основной в Москве (а, следовательно, в СССР) математической организации. Он находил понимание у одного из влиятельнейших в сфере науки того времени лиц — у заведующего Отделом науки МК партии тов. Э. Кольмана.

Донос Кольмана имел и реальную практическую направленность в условиях начавшейся подготовки к Международному конгрессу математиков в Цюрихе, который намечался на 4 – 12 сентября 1932 г., и, устраняя Лузина от участия в нем, призван был обеспечить присутствие в Цюрихе молодых руководителей Московского математического общества П. С. Александрова, Э. Кольмана и др. И это им удалось. 23 июля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило делегацию на Международный конгресс математиков в составе академика С. Н. Бернштейна, профессоров Н. Г. Чеботарева, П. С. Александрова, А. Я. Хинчина и тов. Э. Кольмана[24]. Каких бы то ни было обосновывающих это решение материалов, обнаружить не удалось.

Однако, столь вопиющее положение не могло пройти совсем не замеченным и, очевидно, после соответствующих ходатайств заведующий сектором научно-исследовательских учреждений Культпропа ЦК ВКП(б) Ф. Горохов обратился (дата отсутствует) в Секретариат ЦК с просьбой утвердить дополнительную командировку на конгресс академику Н. Н. Лузину. Он писал:

«Академик Лузин является очень крупным математиком, специалистом по теории функций действительного переменного, создавшим московскую математическую школу в этой области. Его учениками является ряд выдающихся московских математиков Приходится считаться также с тем, что не приезд на конгресс академика Лузина вызовет среди участников конгресса известные недоумения и возможные нарекания на Советские организации»[25].

Эта просьба была рассмотрена. 23 августа 1932 г. Секретариат ЦК разрешил командировку в Цюрих академику Лузину, и 25 августа это решение было утверждено Политбюро ЦК[26]. Но на конгрессе Н. Н. Лузин не был.

Дорога за границу ему была закрыта. Весной 1934 г. Н. Н. Лузин обратился с просьбой разрешить ему выезд во Францию для лечения. Подобные привилегии предоставлялись многим ученым, но решением Политбюро ЦК от 9 июня 1934 г. просьба Лузина была отклонена[27] после отрицательного отзыва ОГПУ.

Однако триумф был недолговечным. Великий Сталин вершил историю. И следующий ход в его державной игре — перевод в 1934 году Академии наук СССР и Математического института им. В. А. Стеклова в Москву. И вчерашнее выделенное особое положение математиков МГУ и Московского математического общества скукоживается Вперёд

выходит Академия наук и стекловский Институт. А, следовательно, вновь на первых ролях оказывается ненавидимый влиятельной в Москве инициативной группой «молодых» математиков их общий учитель — Н. Н. Лузин. Пришла беда — открывай ворота! Восстанавливается институт учёных степеней и научных званий и председателем Математической квалификационной комиссии назначается всё тот же Лузин («интрига» Академии и «Стекловки»!).

Столько усилий и всё напрасно! Как справиться с Лузиным? Как оттеснить его с первых ролей? Надеяться на помощь ленинградских академиков С. Н. Бернштейна, А. Н. Крылова и И. М. Виноградова, директора стекловского Института, особо не приходится — все они в превосходных отношениях с Лузиным. Есть только один «свой» академик-математик, недавний директор Института математики и механики МГУ «красный профессор» партиец О. Ю. Шмидт. В стекловском Институте имеется пятая колонна — его учёный секретарь поднаторевший в боях на «Ленинградском математическом фронте» Б. И. Сегал, один из активнейших в Академии комсомольцев восходящая звезда советской математики член-корреспондент Академии С. Л. Соболев, наконец, уже состоящие в штате «Стекловки» москвичи (даром что ученики Н. Н. Лузина) — член-корреспондент АН СССР Л. Г. Шнирельман, А. О. Гельфонд и Л. А. Люстерник.

В осуществлении антилузинской кампании активное участие должны были принять бывшие ученики Лузина «молодые инициативные» московские математики и, прежде всего, наиболее непримиримый по отношению к нему П. С. Александров. Блестящий математик, уже успевший завоевать европейскую известность, член-корреспондент (с 1929 года) АН СССР, П. С. Александров достаточно быстро трансформировался в самостоятельную фигуру, избрав для себя отличную от лузинской область исследований — гопологию, и создав (вместе со своим рано умершим другом П. С. Урысоном) собственную Школу. Человек огромного честолюбия, П. С. Александров не мог долго выносить положение лица, находившегося в тени, и довольно рано вошёл в конфликт с учителем.

Движущей силой интриги выступил главный редактор «Правды» Л. З. Мехлис. Ему была подброшена идея — использовать собранные (Кольманом и его «молодыми» друзьями) антилузинские материалы для развёртывания кампании по борьбе за воспитание советского патриотизма у отечественных учёных. И Мехлис с радостью ухватится за неё. Научное строительство — одна из тем наиболее любезных сердцу великого Сталина. В марте 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос о распределении обязанностей между секретарями ЦК, постановило — наблюдение, «особенно за Отделом культуры и пропаганды, поручить тов. Сталину» [28]. В структуру Культпропа входил и Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий.

4. Завязка интриги

Интрига была закручена просто. Академика, в числе «многих московских учёных», пригласили «присутствовать на выпускных испытаниях в одной из школ». Академик «выбрал 16-ю школу Дзержинского района». Он, в свойственной ему манере, выразил удовлетворение своим посещением экзамена по тригонометрии, дал высокую оценку уровню подготовки учащихся и пообещал «бывать в школе ежемесячно..., чтобы поближе познакомить школьников с судьбами высшей математики, раскрыть перед ними всю увлекательность этой поистине замечательной науки». Академика попросили поделиться впечатлениями с

читателями «Известий» и ничего не подозревавший учёный легко на это согласился. Устроители дела хорошо знали характер Н. Н. Лузина — отзыв мог быть только преувеличенно хвалебным. (Впрочем, в это время вряд ли кто рискнул выступить с критикой советской школы).

27 июня 1936 г. на страницах «Известий» появилась заметка знаменитого математика «Приятное разочарование». Отправляясь на экзамен, академик полагал, что уровень ответов будет достаточно низким, и был приятно удивлён обратным: «...ответы поражали своей толковостью, обстоятельностью... Сам, увлекаясь», он «стал задавать всё более сложные и... даже каверзные вопросы и получал на них всё те же абсолютно правильные ответы». Лузин «не мог найти в классе слабых. Державшие испытание отличались друг от друга только тем, что отвечали или более медленно, или более быстро, но всегда очень хорошо».

В заключение Лузин отметил присутствующее у школьников «глубокое понимание законов математики, на отсутствие которого» ему так часто жаловались. «Всяческой похвалы заслуживают руководители школы (директор Г. И. Шуляпин) и педагоги..., сумевшие так образцово поставить преподавание математики» — такими словами Лузин завершил свою заметку. (Приложение I.)

Через пять дней 2 июля на страницах уже Центрального органа партии — газеты «Правда» — появился возмущённый «Ответ академику Н. Лузину», подписанный похваленным Лузиным «директором и политическим руководителем 16-й школы» тов. Г. И. Шуляпиным, в котором говорилось, что советская школа нуждается не в лицемерных похвалах, а в товарищеской критике. И ставился вопрос: «Не было ли Вашей целью замазать наши недостатки, и этим самым нанести нашей школе вред?» (Приложение II) Это уже не вопрос скромного директора школы знаменитому математику, а стоящих за его спиной влиятельных партийных товарищей, подающих сигнал к атаке.

И она началась немедленно. Уже на следующий день 3 июля в «Правде» появляется анонимная статья «О врагах в советской маске» (Приложение III), написанная, как мы уже говорили, судя по всему, Э. Кольманом.

В этой статье уже даётся ответ на вопрос «директора школы»: «Ближайшее рассмотрение деятельности этого академика за все последние годы показывает, что нарочитые восторги, источаемые Н. Лузиным, по адресу наших школьников, далеко не случайны. Они являют собой лишь одно звено длинной цепи искусной и весьма поучительной по своим методам маскировки врага». Проявления его вражеской деятельности автор статьи видит: 1) в систематическом написании Н. Н. Лузиным похвальных отзывов на заведомо слабые работы («Фабрикация заведомо ложных похвальных отзывов — это частица линии академика Лузина, линии на засорение советской математической науки людьми неподготовленными»); 2) в публикации важнейших своих результатов на Западе и лишь второстепенных в советских изданиях; 3) в присвоении результатов собственных учеников (называются покойный к тому времени М. Я. Суслин и П. С. Новиков); 4) в подсиживании и изгнании из Академии наук «действительно талантливых молодых учёных». Выявляя корни лузинского антисоветизма, автор статьи формулирует пятое обвинение: 5) Лузин «один из столпов бесславной царской «Московской математической школы», философией которой было черносотенство и движущей идеей — киты российской реакции: православие и самодержавие»; поэтому деятельность Лузина можно характеризовать как выросший на черносотенной московской почве росток «фашизированной науки».

«Сочетая такую моральную нечистоплотность и научную недобросовестность с за-

таённой враждой, ненавистью ко всему советскому, Н. Лузин избрал для себя тактику «быть мудрым, как змий». Он полагает, что вокруг него советские граждане дураками сидят, которых можно бесконечно и невозбранно надувать, обманывать, прикрываясь высоким званием советского учёного. Но полупочтенный академик забывает, что большевики хорошо умеют распознавать змей, в какие бы шкуры они ни рядились. Мы хорошо знаем, что Н. Лузин — антисоветский человек». Таким образом его деятельность квалифицируется как сознательное вредительство.

В обвинениях проявляются и недовольство накопившееся в определённых кругах лузинских учеников (П. С. Александров и др.), и желание молодёжи захватить лидерство в реорганизуемом советском математическом сообществе, в частности, в «головной» его организации — Академии наук (здесь особое место занимает четвёртое обвинение).

Пятое обвинение — любимый кольмановский мотив неприятия духа старой московской философско-математической школы.

Статья «О врагах в советской маске» означала только первый шаг в хорошо подготовленной пропагандистской кампании. Для её развёртывания нужно было получить высочайшую санкцию. И главный редактор «Правды» Л. З. Мехлис пишет 3 июля письмо в ЦК партии товарищам И. В. Сталину, Л. М. Кагановичу, А. А. Андрееву, А. А. Жданову, Н. И. Ежову и В. М. Молотову (Приложение IV). В этом письме он пишет о том, что собранные редакцией «Правды» материалы, связанные «с делом академика Н. Лузина, выявили ... один серьёзного значения недостаток в работе научных организаций. Сводится этот недостаток к тому, что большинство учёных наиболее интересные свои работы считают нужным публиковать главным образом и раньше всего не в СССР, а в заграничной печати. ... Считая такое положение совершенно ненормальным», Мехлис просит «ЦК ВКП(б) санкционировать развернутое выступление по этому вопросу на страницах «Правды». И Сталин накладывает резолюцию, адресуя её председателю правительства В. М. Молотову, которому по Уставу подведомственна Академия наук: «Кажется, можно разрешить».

Итак, высочайшее разрешение получено. Центральным пунктом кампании, согласно запросу Л. Мехлиса, должен стать второй пункт обвинения выдвинутого в статье «О врагах в советской маске»[29].

Стоит обратить внимание на тональность резолюции — «Кажется, можно разрешить». Это не указание вождя, но лишь разрешение на исполнение просимого, данное под ответственность запрашивающего лица.

5. «Процесс пошёл»

Пока судьба вопроса решалась в верхах — Л. Мехлис писал в ЦК и ожидал оттуда реакции — нижестоящие организации должны были реагировать на сигнал «Правды». 3 июля — пятница. В Математическом институте им. В. А. Стеклова немедленно собирается собрание научных работников, на котором были обсуждены помещённые в «Правде» статьи «Ответ академику Н. Н. Лузину» и «О врагах в советской маске». В прениях выступили (ПриложениеV) директор Института акад. И. М. Виноградов, чл.-кор. АН СССР С. Л. Соболев, чл.-кор. АН СССР Л. Г. Шнирельман, А. О. Гельфонд, Б. И. Сегал, Л. А. Люстерник, Ф. Р. Гантмахер, С. Е. Аршон, Н. Е. Кочин, А. Ф. Бермант, М. В. Келдыш и др. Собрание осудило «гнусную антисоветскую деятельность Лузина», призвало «всю научную общественность ... страны к непримиримой борьбе с врагами народа, под какой бы маской они не скрывались, к большевистской самокритике своей собственной

работы» и «постановило обратиться в Президиум Академии наук с предложением немедленно снять Н. Лузина с постов председателя группы математики Академии и председателя Математической квалификационной комиссии. Собрание поставило перед Президиумом Академии вопрос о дальнейшем пребывании Н. Лузина в числе действительных членов Академии». Наконец, собрание указало «на необходимость одновременно усилить группу математики Академии путем пополнения ее новыми действительными членами и членами-корреспондентами». Последнее указание очень характерно для всех событий «дела». Каждая группа нападающих и каждый нападающий преследовал в ходе дела свою собственную очень конкретную цель. И некоторые из них (не все, правда) этой цели достигли. Уже на выборах 1939 г. академиками станут С. Л. Соболев, А. Н. Колмогоров и Н. Е. Кочин, членами-корреспондентами А. О. Гельфонд, Л. С. Понтрягин и А. Я. Хинчин.

Следом за собранием в Математическом институте, скорее всего в субботу 4 июля было созвано экстренное заседание Президиума АН СССР, совместно с Советом Отделения математических и естественных наук и Математической группой АН СССР (Приложение VI). Его задача — обсудить публикации в «Правде». Информация об этом заседании содержится в Ф. 606. Оп. 2. Д. 37. Л. 20—33 Архива Российской Академии Наук). На этом заседании был заслушан доклад директора Математического института И. М. Виноградова о научной и общественной деятельности Н. Н. Лузина и, по итогам обсуждения, разработан проект Постановления. Его текст имеется в трёх редакциях. Первая написана рукой Н. П. Горбунова, вторая и третья (машинописные) содержат его пометы. Прежде всего, согласно уже установившейся традиции, «разоблачение» «Правды», признаётся полностью обоснованным и подтверждающимся «дополнительными данными, собранными Президиумом». Во-вторых, отмечается, что «математическая общественность АН... знала в течение ряда лет вышеуказанные факты «деятельности» ак. Лузина, но не сумела подняться до их обобщения и политической оценки» — такое «признание» (здоровая самокритика) становится в советской практике жестом почти ритуальным. В-третьих, предлагаются меры, которые следует предпринять в отношении Лузина. Что особенно важно — формулируется два альтернативных варианта. В обоих вариантах предлагается: «Отстранить академика Лузина от должности председателя Математической группы и председателя Математической квалификационной комиссии...». Далее, по первому более жёсткому варианту, предлагается «поставить перед Общим собранием ... вопрос о дальнейшем пребывании его в составе АН» По второму варианту, лишь «предупредить его, что антисоветская деятельность несовместима с высоким званием действительного члена» и только «в случае повторения каких-либо антисоветских поступков со стороны ак. Лузина поставить перед Общим собранием вопрос о дальнейшем пребывании академика Лузина...»

Вопрос об исключении из состава действительных членов Академии наук СССР в 30-е годы неоднократно обсуждался в партийных, карательных и академических органах и являлся активным средством приобщения деятелей науки к потребностям советского государства. Когда 2 февраля 1931 г. на чрезвычайном Общем собрании АН СССР впервые открыто обсуждалось исключение академиков С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачева и М. К. Любавского, арестованных по обвинению в контрреволюционной деятельности, и эта акция проводилась в соответствии с одним из параграфов Устава АН СССР, президент АН СССР академик-геолог А. П. Карпинский говорил: «Надо сказать,

что этот параграф был включен без ведома Академии, он был включен прямо Правительством в наш Устав. В других Академиях ничего подобного не существует. Везде Академия соединяет в себе лиц всевозможных религий, всевозможных настроений и различие мнений никогда не служило причиной задержки того для чего Академия наук вообще предназначена, а именно: для выяснения научных истин».[30] Академики-историки были исключены. Теперь мы знаем, что в Устав АН СССР 1927 г. пункт о лишении академика его звания «если он не выполняет заданий, возлагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред СССР» был включен на заседании Политбюро ЦК при утверждении Устава Академии 26 мая 1927 г.[31] 22 декабря 1934 г. из членов АН СССР были исключены историк литературы В. Н. Перетц и славист М. Н. Сперанский; 23 декабря 1936 г. — химики В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин; 21 мая 1937 г. — Н. И. Бухарин и др.

В случае принятия первого варианта и последующего исключения Лузина из Академии, в соответствии с уже определившейся в сходных делах практикой, «делом» должны были заняться компетентные органы со всеми вытекающими отсюда последствиями: арестом, следствием, для которого в архивах ОГПУ собралось уже немало документов против Н. Н. Лузина, в частности, материалы по делу «Национально-фашистского центра», в котором Лузину отводилась одна из ведущих ролей, и имелись, как мы уже упоминали, «свидетельства» о его встрече с А. Гитлером на предмет получения инструкций[32]. Второе решение означало бы благоприятный для Лузина исход.

Два эти варианта 3-го пункта проекта Постановления стали ориентирами, которые могли определить дальнейший ход развития «дела». Для руководства Академии (в данном случае для Кржижановского и Горбунова) важно было понять настроения в верхах и, в соответствии с этим, определить собственную позицию. Конечно, у них были и свои предпочтения и, судя по всему, они предпочитали второй мягкий вариант. Жёсткий вариант, судя по дальнейшим публикациям «Правды», письму Л. З. Мехлиса И. В. Сталину и В. М. Молотову от 14 июля (Приложение XVI), о котором речь пойдёт ниже, стал целью группировки Л. З. Мехлиса-Э. Кольмана.

В Архиве Российской Академии Наук была обнаружена (Приложение VIII) «Выписка из Протокола Заседания Президиума от 7 июля 1936 г.» (Ф. 606. Оп. 2. Д. 32. Л. 1а), помеченная 9 июля, об организации специальной Комиссии Президиума АН СССР по делу академика Н. Н. Лузина в составе: вице-президента Академии Г. М. Кржижановского (председатель), академиков А. Е. Ферсмана, С. Н. Бернштейна, О. Ю. Шмидта, И. М. Виноградова, А. Н. Баха, Н. П. Горбунова, членов-корреспондентов Л. Г. Шнирельмана, С. Л. Соболева, П. С. Александрова и проф. А. Я. Хинчина. Следует заметить, что в состав комиссии вошло лишь три непримиримо настроенных к Лузину человека — три единственных в ней его ученика — Л. Г. Шнирельман, П. С. Александров и А. Я. Хинчин. Ещё двое — О. Ю. Шмидт и С. Л. Соболев — должны были выступить нападающими «по положению» — первый как «красный профессор» и партиец, второй как один из активнейших комсомольцев тогдашней Академии. Г. М. Кржижановский, Н. П. Горбунов и А. Е. Ферсман выполняли роли руководящих работников Академии и, надо сказать, держались по отношению к Лузину, как показывают стенограммы заседаний Комиссии, достаточно лояльно. С. Н. Бернштейн просто держал сторону Лузина, а И. М. Виноградов и А. Н. Бах, судя по их редким выступлениям, скорее ему сочувствовали.

6. Чрезвычайная комиссия по «делу академика Н. Н. Лузина».

День первый

И уже во вторник 7 июля под председательством А. Е. Ферсмана собралось первое подготовительное заседание Комиссии Академии наук СССР по делу академика Лузина. По ряду оговорок, сделанных Ферсманом, и зафиксированных в стенограмме, ясно, что это первое заседание носило предварительный характер: «Наша задача заключается в том, чтобы подготовить материал для специальной Комиссии при Президиуме Академии наук, которая будет разбирать это дело со всех точек зрения» (здесь и далее в этом разделе цитируется по стенограмме (Ф. 606. Оп. 2. Д. 32. Л. 1—64) заседания от 7 июля, публикуемой ниже).

Заседание проходило в обстановке неясности относительно окончательных намерений верхов — «добро» на развёртывание дела ещё не было получено. Поэтому подготовленный Н. П. Горбуновым текст Постановления (о котором, конечно, знал А. Е. Ферсман) даже не упоминался. Обсуждалась только статья в «Правде» и результаты собрания в Математическом институте, на которые и следовало реагировать. Общий тон обсуждения — выжидательный, лишённый той агрессивности, которую он приобретёт на последующих заседаниях. Сам Ферсман доброжелательно академичен. После короткого вступительного слова он предложил собравшимся обсудить содержание обвинений, выдвинутых в Центральном органе печати против Н. Н. Лузина.

Первым взял слово академик С. Н. Бернштейн, попытавшийся задать заседанию тон, благоприятный для Лузина. Говоря о Лузине, начал Бернштейн, мы должны иметь в виду, что речь идёт о человеке «исключительно крупного научного значения, имя которого пользуется большим авторитетом на Западе...». Сами результаты его деятельности являются «достаточным основанием для того, чтобы признать его крупнейшим советским математиком». Да, некоторые действия Лузина (прежде всего хвалебные отзывы на довольно слабые работы) объективно вредны для советской науки, но причиной своей они имели негативные черты его характера и вовсе не являлись сознательным вредительством. В развитии советской математики ему принадлежит выдающаяся роль. Те «широкие выводы, которые здесь пытаются сделать, указывая, что Н. Н. является врагом советской власти, сделать ни в коем случае невозможно».

После таких слов, произнесённых одним из наиболее уважаемых членов советского математического сообщества, всемирно известным математиком, в 1928 году избранным членом-корреспондентом Парижской Академии наук, пятидесятишестилетним С. Н. Бернштейном, разворачивать оголтелую атаку было тактической невыгодно. Поэтому блестящий тактик П. С. Александров, который такую атаку готовил, предпочёл, используя уместный предлог, повременить. В это время принесли стенограмму собрания в Институте им. В. А. Стеклова и слово естественным образом перешло к одному из наиболее политически активных сотрудников Института С. Л. Соболеву, который сразу поддержал обвинения «Правды», заявив, что «по нашему мнению, в заметке, которая помещена в «Правде», все можно считать доказанным, за исключением, может быть, тех высказываний, которые Н. Н. делал, быть может, своим близким друзьям и которые нам остались неизвестными».

Первое из предъявленных обвинений («Фабрикация заведомо ложных похвальных отзывов») кроме Соболева активно поддержали Л. Г. Шнирельман и А. Я. Хинчин, хотя,

каждый из них по-своему трактовал эти действия Лузина: «Насколько это можно оценить как сознательное вредительство или презрительную безответственность... — ...трудно сказать» (Соболев), «Это является безусловным преступлением» (Л. Г. Шнирельман) и «что касается оценки этих фактов, то здесь, конечно, я не могу говорить о том, было ли здесь или не было сознательное вредительство, т.е. определённая линия на причинение вреда советской власти» (Хинчин). Что касается темы плагиата (третье обвинение), то здесь, выдержав после выступления Бернштейна дипломатическую паузу, в достаточно резкой манере (правда, резкость эта не идёт ни в какое сравнение с той агрессивностью, которую он будет демонстрировать на последующих заседаниях) выступил П. С. Александров. Центральный пункт его обвинения касался истории М. Я. Суслина и открытых им А-множеств («множества, которые раньше назывались множествами Суслина, потом стали называться множествами Суслина и Лузина, а теперь ... множествами Лузина и Суслина. Я считаю, что в этом отношении Н. Н. поступил не вполне этично»; «Я считаю, что это был акт большой моральной недобросовестности»). Отметим демонстративно подчеркиваемое П. С. Александровым желание вести дискуссию в морально-этической плоскости, избегая политической окраски обвинений («я категорически отрицаю, что какие бы то ни было антисоветские настроения Н. Н. могли проявляться при полной его откровенности со мною. Я ни одного проявления этих настроений не могу констатировать»), которую он оставлял другим нападающим. Тему плагиата поддержал С. Л. Соболев, сделавшим акцент на истории с результатами П. С. Новикова («Это явление несомненно неэтическое, и я не хочу его замазывать»).

С особой активностью «молодые советские математики» поддержали четвёртое обвинение — обвинение в подсиживании и изгнании из Академии «действительно талантливых молодых учёных». Для «молодёжи» именно это обвинение являлось, конечно, центральным. Их желание добраться до рычагов управления сообществом составляло нерв их активности в «деле». Так Л. Г. Шнирельман заявляет: «...мне кажется совершенно очевидным, что роль Председателя [математической] группы [Академии наук] при наличии только тех фактов, которые подтвердились на заседании нашего Института, по-моему, Н. Н. не должна быть предоставлена». Далее даже сильнее: «Н. Н. нельзя доверять никакого научно-общественного дела». С. Л. Соболев: «...в Академии он проводил политику, которая, во всяком случае, шла во вред Академии».

Пятое близкое сердцу Э. Кольмана обвинение — в принадлежности Лузина к стае «бесславной царской "Московской математической школы"» и выращивании им на её почве ростка «фашизированной науки» — не нашло поддержки у выступавших.

Ферсман, который лучше других участников заседания владел «политической ситуацией» момента и знал о позиции руководства Академии, всё время пытался подправить его течение в нужное русло — к обсуждению второго обвинения в публикации важнейших своих результатов на Западе и лишь второстепенных в советских изданиях. На первый же его вопрос Бернштейну — «А по отношению к вопросу издания есть у вас какие-нибудь соображения личные? По поводу печатания материала за границей — что вы скажете в этой части обвинения?» — он получил совершенно нежелательный для сценаристов ответ — «Те сведения, которые у меня имеются, таковы, что это обвинение совершенно не обосновано» Не получила эта тема нужного развития и в последующих выступлениях. С. Л. Соболев: «Я согласен с С[ергем] Н[атановичем], что обвинение в том, что он печатал за границей лучшие статьи — это обвинение, может быть, необоснован-

ное. Да если бы это и было так, то это может быть объяснено тем, что все-таки заграничные журналы печатают несравненно скорее, несравненно лучше. Так что в этом смысле могло иметь место совершенно естественное стремление напечатать там, где выйдет скорее, поскольку вопрос о выходе в свет той или иной работы, имеет смысл. Это обвинение я считаю недостаточно серьезным». А. Я. Хинчин: «Что же касается печатания его работ, то я должен признать, что факты, изложенные в этой статье, совершенно правильные, уместные, но они не дают материала для обвинения. Совершенно верно, что Н. Н. Лузин свои лучшие работы печатает за границей, но я думаю, что 90% советских математиков поступают таким же образом». Тут же следует реплика Ферсмана, желающего подправить ситуацию: «Но одновременно печатают и здесь». Не посвящённый в высший замысел Хинчин продолжает твердить своё: «Да, одновременно печатают и здесь, но именно лучшие работы печатаются за границей. Ну, может 90% — это и преувеличение, однако значительная доля советских математиков так поступают, и не из политических соображений, а из желания иметь оттиск в хорошей обложке, на хорошей бумаге и иметь поскорее, иметь без опечаток. У нас, к сожалению, этого нет». И тут же его поддерживает П. С. Александров (также, очевидно, не посвящённый в замыслы верховных стратегов): «В частности, я должен сказать, что процент иностранных работ по отношению к советским у меня гораздо больше. Я только в нынешнем году стал печатать мои работы здесь, потому что до сих пор у нас в совершеннейшем развале было это дело». И далее продолжает, демонстрируя полное непонимания стратегического замысла, и, по существу, выбивая основание из под главного обвинения: «Но я должен указать, что одну из самых своих крупных работ Н. Н. выпустил в «Математическом сборнике». Я думаю, что этот пункт вообще не принадлежит к числу сильных пунктов обвинения». И тут же А. Я. Хинчин добавляет: «Тем более что здесь еще один момент является для нас весьма серьезным. Что для нас политически более правильно: печатать наши работы здесь или за границей? Где должен быть центр тяжести, это еще спорный вопрос». А это уже совсем недопустимый промах — не Хинчину решать, что является «политически» более правильным. Ошибку немедленно пытается исправить Ферсман: «Ну, здесь вопрос в другом, здесь вопрос в отношении, в оттенке, который Н. Н. вкладывал в печатание за границей и у нас. Вот где корень».

За это упорное непонимание стратегического замысла организаторов «дела» и П. С. Александров, и А. Я. Хинчин будут наказаны (заодно достанется С. Н. Бернштейну и А. Н. Колмогорову) — 9 июля «Правда» произведёт по ним критический залп в статье «Традиции раболепия» (Приложение XI) (об этом ниже).

На вторую половину заседания был приглашён Н. Н. Лузин, зачитавший текст своего письма в ЦК ВКП(б) (Приложение X).

«В Центральном органе партии мне как гражданину моей страны и ученому, создавшему крупнейшую в Союзе математическую школу, ученому, выдвинувшему советскую математику на одно из первых мест в мире и в течение лет разрухи сумевшему набрать среди студентов талантливую молодежь и привлечь ее к научным занятиям, — мне брошено тяжкое и позорное обвинение.

Найти в себе нравственную силу пережить это обвинение мне дает сознание моей исключительной роли в создании советской математики, и какие бы то ни были мне в дальнейшем суждены испытания, я в этом сознании черпаю неистощимый источник силы.

Я всю жизнь отдал на службу моей науки и на создание школы. Моя глубочайшая трагедия как ученого состоит в том, что моя работа протекала в период величайшей революции в истории человечества, глубокого перелома и сдвигов, которые требовали от меня, как и от всех нас, величайшего напряжения всех наших сил, чтобы правильно ориентироваться в обстановке; это мне не всегда удавалось, и поэтому я совершил ряд тягчайших ошибок. Уверенность в том, что я совершил их бессознательно, могла бы извинить их для меня, но я отлично отдаю себе отчет в том, что бессознательность этих ошибок не облегчает вреда, который они принесли моей стране», — такими словами Н. Н. Лузин начал своё письмо.

Как и полагалось в ответе на любые обвинения, выдвигаемые в то время Центральным органом партии, Лузин начал с признания доверия, оказанного ему властью, и покаяния: «Облеченный высоким доверием Партии и Правительства на посту Председателя Математической группы, я, к сожалению, часто давал рекомендации и отзывы людям, не обладающим достаточной квалификацией, и тем причинил несомненный вред делу нашего образования ...Величайшей моей ошибкой, не упоминаемой в статье ... был и мой уход из Университета в 1930 г. Сейчас мне трудно даже отдать себе отчет, как могло случиться, что я, крупный ученый, видевший своё призвание в преподавании математики, смог отказаться от преподавания в Университете ... В той же статье мне предъявлено обвинение не как ученому моей страны, но как человеку: ставится под подозрение моя моральная честность. С этим я никак не могу согласиться и убежден, что в этом пункте мне будет дана полная реабилитация .... Что касается последнего абзаца статьи Правды, где мне предъявляются чудовищные обвинения в прислуживании нынешним хозяевам фашизированной науки, то я с полным сознанием своей политической ответственности как ученого с мировым именем и гражданина Союза, заявляю, что редакция Правды была сознательно введена в заблуждение людьми, заявившими ей об этом. Это опровергается всей моей жизнью и деятельностью как ученого и как человека... Я убежден в том, что я буду реабилитирован как человек, обвиненный в моральной нечистоплотности, и как гражданин моей страны, обвиненный в тягчайшем политическом преступлении».

Возникшая по поводу заявления Лузина дискуссия вынудила его зачитать добавление к письму в ЦК (Приложение X), в котором он ответил на обвинения в якобы организованной им травле своего выдающегося и рано умершего ученика М. Я. Суслина (1894—1919) и в присвоении им его результатов и некоторых идей другого его ученика П. С. Новикова.

Как мы уже говорили, заседание проходило в обстановке неясности относительно окончательных намерений верхов и общий тон был лишён агрессивности, которой окрашена резолюция прошедшего 3 июля собрания Математического института им. В. А. Стеклова (Приложение V), и которую приобретёт обсуждение на последующих заседаниях. Хотя, прозвучавшие отдельные высказывания указывали на возможность опасного поворота в разворачивании дела. Л. Г. Шнирельман: «... те инстанции [!], которые будут иметь в своём распоряжении этот материал[33] проверят эти предположения и высказывания в «Правде», и если они оправдаются в какой бы то ни было мере, то я, со своей стороны, считаю, что должны быть приняты самые решительные меры, и что в этом случае нельзя считаться ни с высокой ценностью его научной роли, ни с той объективно полезной ролью, которую он сыграл в развитии советской математики». Хинчин А. Я.: «...я

здесь, конечно, не могу говорить о том, было ли здесь или не было сознательное вредительство, т.е. определенная линия на причинение вреда советской власти. Для этого надо залезть в душу человека».

Присутствовавший на заседании директор Математического института им. В. А. Стеклова академик И. М. Виноградов выступать, под предлогом, что его «область очень далека от области Н. Н.», отказался и на протяжении всех заседаний Комиссии держался пассивно нейтральным и, судя по всему, сочувствовал Н. Н. Лузину. Отметим также отсутствие на заседаниях Комиссии П. С. Новикова, что, учитывая вовлечённость его имени в дискуссию и довольно невысокий его тогдашний статус, требовало от него немалого мужества.

Ферсман по отношению к Лузину держался, насколько это позволяла ситуация и его официальное положение, доброжелательно, стараясь сохранять академический тон.

На заседании были сформулированы вопросы, ответы на которые должны были быть заготовлены к заседанию «специальной Комиссии Президиума». Вот эти вопросы:

1) «Что представляет собою Н. Н. как ученый?»

2) «Что представляет собою Н. Н. как руководитель и создатель известной школы?»

3) «Как можно расценивать, и имеются ли все основания расценивать отзывы, которые давал Лузин, в том духе, как это отмечено в статье?»

4) «Относительно издания на иностранных языках и относительно плагиата?»

5) «О неэтическом отношении к своим ученикам».

6) «Взаимоотношения с Московской школой...»

7) «Вопрос об общественной деятельности Н. Н. в последние годы».

Подготовка ответов по каждому из поставленных вопросов была поручена определённым участникам заседания, прежде всего С. Л. Соболеву, которому «досталось» несколько вопросов, в частности, наиболее важный, как понимал Ферсман, вопрос об издании работ за рубежом.

Подводя итог дискуссии, и стремясь заключить её на ноте приемлемой для высшего партийного руководства, А. Е. Ферсман выразился так: «Я вернулся из-за границы, где я пробыл 3—4 месяца и кипел в разной заграничной обстановке. Я вернулся с глубочайшим убеждением в той огромной ответственности, которая лежит на наших научных кругах в Советском Союзе. Я считаю, что необходимо решительное, коренное изменение в нашей необычайно косной и устарелой семье. Я должен сказать, что я вернулся в таком настроении, что я считаю, что во многих отношениях мы стоим гораздо выше Запада. Мы стоим выше в области научной идеологии. Несомненно, нам нужно многому учиться. Завтра я буду говорить о том, чему нам надо учиться, но в идеологическом отношении мы в десять раз выше. И мы здесь непобедимы. Но на нас лежит громадная ответственность в этот момент нарождающейся борьбы. Борьба действительно подготовляется, и мы должны быть во всеоружии в этой подготовке. И в этом отношении мы должны особенно чувствовать нашу ответственность. Советское правительство ждет от советского ученого совсем другой психологии. Пусть действительно он поймет те требования, которые наша страна ставит перед ним, и сольет целиком свои собственные интересы с интересами нашей страны. Этого требовать нужно со всей решительностью и со всей определенностью».

На такой сравнительно миролюбивой ноте с выражением уверенности в идеологическом превосходстве советской науки закончилось заседание во вторник 7 июля 1936 года.

День второй — «дело» набирает обороты

А 9 июля в «Правде» появилась анонимная статья «Традиции раболепия» (Приложение XI). По стилю и содержанию она резко отлична от предыдущей — «О врагах в советской маске». Прежде всего, это статья о нездоровой ситуации в некоторых научных кругах, и не только в математических. Математика присутствует в этой статье в качестве одного из примеров — наряду с биологией и физикой. «Взять хотя бы математику», — пишет автор и приводит имена учёных (П. С. Александрова, А. Н. Колмогорова, А. Я. Хинчина и С. Н. Бернштейна), которые «публикуют свои работы за границей, не печатая их у нас, в СССР, на русском языке». «Дошло до того, что даже популярные работы (по топологии, теории вероятностей) профессоров Александрова, Хинчина, Колмогорова, — пишет автор, очевидно, очень далёкий от математики, иначе он не назвал бы эти работы «популярными», — впервые напечатаны были за границей на немецком языке, а затем только был «поднят вопрос» о переводе этих работ советских ученых на русский язык и переиздании в СССР».

Приводимые в статье примеры, взятые из практики современной науки (в частности, математики) тонут в общеидеологической риторике на темы патриотизма советских учёных, авангардной роли советской науки. Звучит тезис, ставший впоследствии «общим местом» в работах по истории отечественной науки, о том, что большая наука в нашей стране — детище Великой Октябрьской Социалистической революции: «Общепризнанным фактом стала экономическая и культурная мощь Советского Союза. Восемнадцать лет диктатуры пролетариата сделали для развития науки куда больше, чем столетия помещичье-капиталистического владычества».

Как подчёркивалось в статье, советская наука «не является подобно русской дореволюционной науке «наукой второго разряда, второго и третьего «ранга», наукой провинциальной». Её успехи признаны во всём мире. В то же время в нашей научной среде ещё живы «некоторые бесславные традиции царской России». Укоренился взгляд, что только публикация научной работы за рубежом свидетельствует о её подлинной научной ценности. До сих пор считается почему-то нормальным, естественным в научной среде печатать труды советских учёных, прежде всего за границей или даже только за границей». Далее и приводятся в качестве примера упомянутые выше имена математиков. Но если — продолжает автор — по большей части, они действовали так по причине их политической незрелости, то в некоторых случаях за таким поведением кроется политический расчёт. Так случай с Н. Н. Лузиным произошёл «...не от недомыслия. Уже известно (см. статьи в «Правде» 2 и 3 июля), что академик Лузин посылал лучшие свои работы за границу нарочито, с совершенно определённым политическим умыслом печатая в СССР, как он сам цинично выражался, "всякую белиберду"». Такое положение нетерпимо. Учёные, как все советские граждане, должны быть обуреваемы чувством советского патриотизма. «Пора, давно пора обсудить и осудить во всех научных организациях бесславные дворянские традиции печатания работ в первую очередь за границей. Пора, давно пора подвергать беспощадному осмеянию и презрением окружать людей, которые с лакейским подобострастием относятся ко всему, что носит на себе заграничный штамп».

И, наконец, главное — «центр вопроса», вокруг которого отныне и предписывается строить атаку: «в осознании каждым советским научным работником своего первейшего

гражданского долга — печатать свои работы раньше всего на своем родном языке, на своей родине».

Итак, публикацией «Традиции раболепия» было дано «добро» на дальнейшее разворачивание дискуссии, задано основное её направление и указана главная её мишень. При этом досталось и защитникам (С. Н. Бернштейну), и атакующим (П. С. Александрову, А. Я. Хинчину и А. Н. Колмогорову), совершенно не уразумевшим замысла великого организатора советской науки.

Под впечатлением от этой статьи уже в принципиально новой политической ситуации 9 апреля началось заседание Комиссии под председательством Г. М. Кржижановского.

Тон заседания лишён академичности первого собрания. Сама атмосфера обсуждения деятельности Лузина дышит агрессией: задетым «Правдой» нападающим нужно было правильными ходами вывести себя из-под ударов и сосредоточить их на Лузине. Делается тактически правильный ход — признание собственных ошибок и покаяние: разумеется, критика «Правды» совершенно справедлива и виновные сделают из неё правильные выводы. П. С. Александров: «Думаю, что все мы этот упрек примем. Во всяком случае я по своей линии для себя сделаю те выводы, которые вытекают из этой статьи, потому что этот упрек относится ко мне безусловно[34], так как я принадлежу к числу тех, которые печатали за границей свои труды» (здесь и далее в этом разделе цитируется по публикуемому ниже тексту стенограммы (Ф. 606. Оп. 2. Д. 32. Л. 65—166) от 9 июля).

И, наконец, лучшая защита — яростная атака на Н. Н. Лузина. Обсуждаются (уже обсуждавшиеся на прошлом заседании) варианты ответов на выдвинутые ещё 7 июля семь вопросов, отредактированные специально назначенными для этой цели членами Комиссии. Формулировки ужесточаются: Лузин — враг и деятельность его враждебна советской власти. Критические замечания Н. Н. Лузина в свой собственный адрес, сделанные им в его письме в ЦК ВКП(б) и столь любезные сердцам советских идеологов (самокритика!), разворачиваются против него самого: сам признался. Даже аналогичный грех лузинских учеников — печатание ими основных результатов на Западе — О. Ю. Шмидт «изящно» обернул против самого Лузина: «потому что в этом стиле нашем советском, фактически антисоветском — не печатать у нас — повинен тот же Лузин, как руководитель одной из школ, как наибольший западник, как популярная фигура и т.д. Все следовали его образцу». Однако П. С. Александров немедленно осознаёт опасность такой «поддержки» — сейчас (особенно после последней публикации «Правды») нужно елико возможно дистанцироваться от Лузина и его возможных влияний, дабы при невыгодном повороте дела не оказаться причисленным к «стае» Лузина, как самого Лузина всё тот же Шмидт причислял к последователям Егорова. И Александров парирует: «...я должен категорическим образом опровергнуть то, что это явилось результатом влияния на меня Н. Н. Лузина ... это моя вина, и дело вовсе не в том, что здесь сказывается воспитание Н. Н. Лузина».

Приехавший на заседание Н. Н. Лузин сделал новое заявление, явившееся ответом на последнюю статью в «Правде». Реакция на его появление производит впечатление плохо скрываемого раздражения. Не найдя нужным задать Лузину тот или иной вопрос или обсудить его заявление («Я думаю, что этот документ ничего не изменяет... Мы вернёмся к нему потом»), Кржижановским было предложено «в свете того обмена мнений, который был [среди] товарищей математиков... решительно подправить ... выводы и дать такую резолюцию, которая могла бы нам послужить материалом». Сделать это было пору-

чено А. Е. Ферсману и единственному среди академиков-математиков члену партии — О. Ю. Шмидту. После того как резолюция будет выправлена «мы соберёмся вновь... наметим ряд вопросов, которые мы поставим Лузину ребром» (в частности, «насчёт «бессознательности» всех его действий»). «Затем, — продолжил председатель, — мы изберём более узкую редакционную комиссию», которая и подготовит проект обращения Академии.

Участники этого заседания были уже правильно ориентированы — куда направлена кампания. Как заметил один из наиболее опытных «бойцов», активный участник сражений на «Ленинградском математическом фронте»[35] учёный секретарь Математического института АН СССР Б. И. Сегал: направление — борьба с теми, кому свойственно «стремление рассматривать СССР, как задний двор культуры», для которых «культура там, на Западе». В качестве «представителя» таких раболепствующих перед Западом учёных и выставлялся Н. Н. Лузин. Сам тон обвинений и их однозначность (враг!) должен отводить удар от других упомянутых в «Правде» по недомыслию провинившихся математиков. Это желание уйти из под удара делало позицию нападавших ещё более непримиримой.

В этот же день 9 июля статья «Традиция раболепия» обсуждалась на собрании математиков Московского университета. Основным докладчиком выступила С. А. Яновская, не пожалевшая для Лузина резких выражений: «Он действовал бесцеремонно, нечистоплотно, вредительски, рассчитывая на полную свою безнаказанность» (Приложение XII). Её поддержали П. С. Александров, Л. С. Понтрягин, Ф. Р. Гантмахер, Л. А. Люстерник, А. Н. Колмогоров. К этому хору присоединился даже Н. Н. Бухгольц, совсем недавно почти чудом избежавший осуждения в процессе по делу об «Истинно-православной церкви», по которому он проходил вместе с Д. Ф. Егоровым. Собрание приняло очень жёсткую резолюцию (см. Приложение XII), квалифицировавшую «поведение Лузина» как несовместимое с пребыванием его в числе членов Ученых советов Университета и Института математики и механики и поставившую «перед Президиумом Академии наук вопрос о дальнейшем пребывании Лузина в числе действительных членов Академии».

Обсуждениями в Институте В. А. Стеклова и на механико-математическом факультете Московского университета открылась цепная реакция собраний коллективов научных учреждений, учебных заведений и научных обществ, на которых клеймилась вражеская деятельность «так называемого академика Лузина» (эту аттестацию мы позаимствовали из заголовка одной из статей в «Правде» от 15 июля — см. Приложение XIX). 10 июля такое мероприятие прошло в руководимом Г. М. Кржижановским Энергетическом институте АН СССР (см. Приложение XIV); 12-го подобное собрание было организовано Ленинградским областным бюро секции научных работников (см. Приложение XV); затем — Институтом органической химии АН СССР (см. «Правда» за 15 июля — Приложение XIX); 15 июля — Академией наук БССР (Приложение XX); 16 июля — Центральным бюро СНР (Секции научных работников), Центральным бюро ВАРНИТСО (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству) и их московских организаций (Приложение XXI). Против деятельности разоблачённого врага протестовали отдельные учёные и целые научные коллективы. Трудящиеся клеймили академика позором и призывали исключить его из состава Академии наук.

День третий — «демонстрация ненависти»

В обстановке нарастания «народного гнева» 11 июля состоялось следующее заседание Комиссии. По своей агрессивности и наступательному тону оно превзошло предыдущее. «Все читали проект резолюции. Какие имеются предложения?» — этими словами Г. М. Кржижановского открывается стенограмма заседания (здесь и далее в этом разделе цитируется по публикуемому ниже тексту стенограммы (Ф. 606. Оп. 2. Д. 82. Л. 167—200) от 11 июля). И его участники наперебой начинают вносить изменения в текст резолюции, ужесточая формулировки и стараясь придать им более обвинительный характер. Открывает эту «демонстрацию ненависти» Б. И. Сегал — «там есть указание, что большинство прикладных работ он печатал в СССР, а по своей специальности за границей. Я предлагаю слово «прикладных» вычеркнуть, потому что с большой натяжкой можно считать две работы из 11, напечатанных в СССР, прикладными. Поэтому прикладной характер советских работ не характерен». Собрание принимает решение вместо «прикладные работы» написать — работы, имеющие «второстепенный характер». А уже в окончательной редакции, выполненной после заседания, эти работы будут охарактеризованы как «работы второстепенного характера, крайне беспомощные и математически несодержательные». Такого рода «улучшения» в текст внесли П. С. Александров, А. Н. Бах, Н. П. Горбунов, А. Н. Колмогоров, С. Л. Соболев, А. Я. Хинчин, О. Ю. Шмидт. В ходе обсуждения А. Я. Хинчин задал вопрос — какая статья Устава АН СССР даёт возможность исключать члена Академии из её состава? Непременный секретарь Академии Н. П. Горбунов дал справку: «Статья Устава об исключении гласит следующее: «Действительные члены, почетные члены, члены-корреспонденты Академии наук ...лишаются своих званий по постановлению Общего Собрания, если **деятельность их направлена во вред Советскому Союзу**». В таком случае, замечает А. Н. Бах, Академическое собрание и не может ставить вопрос об исключении из Академии до тех пор, пока со стороны «такого органа как Наркомвнудел» деятельность члена Академии не квалифицирована как направленная «во вред Советскому Союзу». «Ведь у нас нет еще всеобщего суда, т.е. ставится на общественное обсуждение тот или другой вопрос, и что общественное обсуждение поставит, то и будет. Это неправильно. Пока мы существуем в таком государстве, где государственная власть вполне организована, и она сможет даже не послушаться общественного мнения; как можно ставить таким образом вопрос? Мы никаких оснований не имеем так его ставить. У нас есть крепкое государство. Поэтому нельзя так ставить вопрос».

Эти слова А. Н. Баха встретили отпор со стороны А. Я. Хинчина и С. Л. Соболева. Как заявил С. Л. Соболев: «В сущности, сейчас, когда мы видим широчайшую демократию нашего государства в целом, мы не можем подходить с той точки зрения, что здесь нужны доказательства Наркомвнудела и т.д. Сейчас важнейшие мероприятия обсуждает весь народ в целом, и сейчас пора подходить к такому вопросу, как исключение, не обязательно по постановлению Наркомвнудела, а по нашей собственной инициативе ...мы имеем право решать в этих случаях сами, без всяких инстанций. По-моему, это очень важное обстоятельство, что мы имеем собственную инициативу ...ведь мы же не арестовывать его собираемся». «По Уставу для исключения достаточно установить, что деятельность направлена во вред Союзу ССР, — поддерживает его А. Я. Хинчин, — И неужели Академия наук в иных случаях не может самостоятельно, без помощи других ор-

ганов, установить, что деятельность такого-то лица направлена во вред Союзу? Деятельность того или другого лица может быть направлена во вред Союзу и в тех случаях, когда эта деятельность такого рода, что НКВД не сочтет своей обязанностью вмешиваться в нее».

И если позицию молодого С. Л. Соболева, активного комсомольца, общественника, ещё как-то можно, если не оправдать, то объяснить известной наивностью и юношеской горячностью, вспомнив ещё при этом, что его-то с Лузиным ничто не связывало, то, как следует понимать А. Я. Хинчина — человека, умудрённого опытом, одного из первых лузинских учеников? Конечно, у него имелся свой персональный счёт к Лузину, возникший в ходе внутриматематических интриг в математическом сообществе. Весьма вероятно, и даже — скорее всего, во многом (может быть даже почти во всех или даже во всех) случившихся конфликтах был не прав Лузин- человек в общении непростой. Однако должен же был понимать А. Я. Хинчин — какую игру они ведут, чем может закончиться эта история для их учителя, случись его исключение из Академии?

И последний (в порядке обсуждения, но вовсе не по важности) штрих в проект резолюции внёс многоопытный Б. И. Сегал: «Разрешите, может быть и задним числом, но сделать некоторое дополнение. В заключении сказано, что «исходя из всего этого, необходимо согласиться с квалификацией «Правды» Лузина как врага советской власти». Я считаю, что эта характеристика слишком сжата, и надо добавить, по меньшей мере ... в своей деятельности приносивший вред развитию науки в СССР». Я предлагаю в конце добавить: «Показывает, что Н. Н. Лузин своей деятельностью за последние годы приносил вред советской науке и Советскому Союзу». Это «дополнение» усиливало самый опасный для Лузина пункт резолюции, дававший формальное основание для его исключения из состава Академии.

Затем на заседание был приглашён сам Н. Н. Лузин. Ему было зачитано заключение Комиссии и пункт за пунктом началось его разбирательство, в котором затравленный и перепуганный Лузин подвергся яростной атаке участников заседания. Он пытался защищаться, давая объяснения, оправдываясь. Иногда проводя контрудары, один из которых явно попал в цель. Защищаясь от обвинения, что основные теоретические свои работы по дескриптивной теории функций он печатал за рубежом и лишь прикладные не столь важные в СССР (здесь с подачи О. Ю. Шмидта, сделанной на предыдущем заседании, даже аналогичная практика нападавших — П. С. Александрова, А. Я. Хинчина, А. Н. Колмогорова и др. — была обернута против него — он-де, Лузин, и подал им дурной пример!), Н. Н. Лузин заметил: « ... как я могу игнорировать мнение т. Кольмана, который занимает высокий пост и который обрушивается на меня за теоретическую беспредметность и вредность моих работ? Конечно, нет. Моя цель была в том, чтобы не повредить моей родине. И если те лица, которым видно, как все это движется, находят мою теоретическую деятельность вредной, пусть она не вредит. Но из меня перли эти теоремы. Из меня шли эти теоремы. Что же мне было делать? Что же — в себя засовывать, что ли? И я решил, что все, чем я могу нашей стране служить в прикладном направлении, печатать у нас. А в том направлении, которое признается вредным в моей практической деятельности (ведь в нескольких газетах было напечатано мнение т. Кольмана, — и с этой стороны был употреблен прямо совершенно определенный отрицательный резкий отзыв о моих теоретических работах в связи с математическими ошибками, кото-

рые были там констатированы — не в моих сочинениях, а в отзывах тов. Кольмана, который в математическом отношении ошибается, потому что он в некоторых тонких понятиях теории функций путает, и это все мои ученики знают, и все смеются над той грубой путаницей, которая может проскользнуть по нечаянности) — все это печатать за границей. Ведь я с этим должен был считаться. Судите сами, если я буду с упорством продолжать печатать теоретические работы, приложения которых не только сейчас нет, но и в будущем не предвидится, то что это такое, как не засорение печати нашей? Вот какого упрека я боялся». (Здесь, иронизируя по поводу математической компетенции Кольмана, Лузин даже перешёл некоторые границы, диктуемые простой осторожностью). Таким образом, вина за преимущественную публикацию его теоретических работ на Западе (а этот пункт, как мы уже упоминали ранее, один из центральных в обвинении) некоторым образом вменялась Лузиным в вину Кольману. А возможность такого оборота испугала уже Г. М. Кржижановского, который в конце заседания заметил: «Я хочу предупредить Н. Н., чтобы он обдумал свою аргументацию о печатании своих трудов за границей под влиянием Кольмана».

Самыми резкими, нетерпимыми и язвительными были выступления П. С. Александрова. Основным сюжетом его атаки стала история с М. Я. Суслиным, но он не обошёл стороной и большинство других пунктов обвинения. Его речи по форме и тону напоминали выступления прокурора. Их явная враждебность, представление фактического материала в самом недоброжелательном (в ряде случаев, в превратном) освещении наталкивались на решительный протест Лузина, который, будучи не в состоянии слушать это спокойно, прерывал речь Александрова негодующими репликами. Другим активным нападающим на этом заседании выступил А. Я. Хинчин. В унисон им вторили С. Л. Соболев и, хотя, может быть и не так агрессивно, А. Н. Колмогоров, Л. А. Люстерник и О. Ю. Шмидт.

Предложенная к обсуждению резолюция по затронутым в ней гемам далеко вышла за пределы семи вопросов, сформулированных на заседании 7 июля. Констатируя, что «Н. Н. ЛУЗИН является крупным ученым, возглавлявшим в течение 1915—1922 гг. одну из значительных математических школ СССР» и что в указанное время он «привлек многочисленных учеников из университетской молодежи, из которых многие стали видными учеными», резолюция перешла к обвинениям — Лузин обвинялся в плагиате у своих учеников, в презрительном отношении к советской науке и к советской школе, что нашло своё отражение в даче хвалебных отзывов на заведомо слабые работы, в эпизоде с «приятным разочарованием» и в низкопоклонстве перед Западом, выразившемся, в частности, в факте печатания лучших работ за границей и лишь второстепенных в советских изданиях. Все эти проявления, согласно резолюции, имеют под собой политическую основу. Лузин — «угодливый питомец черносотенной Московской математической школы». Его политические пристрастия проявились как в университетской истории 1911 года (при министерстве Кассо), когда он не покинул университет вместе с демократически настроенной профессурой, так и в отказе подписать обращение к французским учёным против угрозы интервенции в 1930 году. Выражение этих пристрастий усматривается и в нежелании участвовать в общественном движении, вызванном «процессом Промпартии», ставшем, согласно резолюции, причиной его ухода в 1930 г. из Университета. Резюмируя «многочисленный фактический материал, имеющийся в Академии наук и тщательно разобранный», документ «полностью подтверждает характеристику, данную

Н. Н. Лузину в газете «Правда» как «врага в советской маске», своей деятельностью за последние годы принёсшего вред советской науке».

Прежде всего, заметим, что предложенное Б. И. Сегалом и принятое (!) собранием дополнение («приносил вред советской науке и Советскому Союзу») урезано до «принёс вред советской науке». То есть, несмотря на общий жёсткий тон руководителей заседания, слова о нанесении вреда Советскому Союзу, влекущие за собой исключение из Академии, из окончательной формулировки были изъяты.

Отметим также, что тема раболепия и низкопоклонства перед Западом, составлявшая суть социального заказа, утонула в различных обвинениях, представлявшихся, конечно, очень важными «молодым советским математикам» и идеологическим соратникам Э. Кольмана. Но вряд ли они казались столь уж весомыми архитекторам советской научной политики и лично И. В. Сталину. Тема «фашизма» в резолюции не затрагивается вовсе — очевидно, на её неуместность в этом документе было указано кем-то из посвящённых в тайны или эти тайны прозревших.

Закрывая заседание, Г. М. Кржижановский обратился к членам Комиссии, которым предстояло выполнить деликатную работу по окончательному редактированию текста резолюции: «Все суждения Комиссии в значительной степени будут зависеть от того тона, который Вы примете. Сегодняшнее заседание должно быть направляющим. Давайте сделаем так, чтобы они были[36] проще, яснее и короче».

День четвёртый — крутой поворот

Заседание 11 июля должно было произвести на психологически крайне неустойчивого и впечатлительного Лузина жуткое впечатление. Скорее всего, именно после этого заседания он и написал публикуемое ниже (Приложение XIII) письмо не установленному адресату — кому-то очень высоко стоящему в партийно-правительственной иерархии (может быть даже самому И. В. Сталину): «Осмелюсь обратиться к Вам вследствие того, что нахожусь в чрезвычайно гяжёлом положении, из которого нет выхода.

На основе появившейся статьи в «Правде», ряд лиц, нерасположенных ко мне по личным причинам, добились опорочения моей личности как советского гражданина и как учёного. На почве этой статьи обсуждались, без моего участия, моя деятельность в Институте [математики] АН и в М[осковском] Г[осударственном] Университете, причём выносились решения на основании сообщений лиц, заведомо ко мне неприязненно относящихся.

Наконец, в А[кадемии] Н[аук] состоялось заседание специальной Комиссии, фактически состоявшей из работников Института с привлечением отдельных специалистов, на этом собрании я присутствовал и давал объяснения, но все мои объяснения не только не давали никаких результатов, но и отдельные мои высказывания намеренно извращались. Участие моё в этом заседании является самым тяжёлым переживанием в моей жизни

При создавшемся положении я вынужден решиться Вас обеспокоить и просить дать данному делу должное направление».

Заканчивает письмо он такими словами: «В настоящий момент я совершенно морально подавлен и нахожусь на границе нервной болезни. Но в то же самое время я уверен, что я смогу собрать все свои силы для дальнейшего служения родине.

Я прошу у Вас[,] глубокоуважаемый N. N., извинения в том, что осмеливаюсь привлечь Ваше внимание к моему делу. Но ... безвыходность положения заставила меня просить поддержки у Вас, и надеюсь, что моё обращение к Вам не останется без отклика. Глубоко уважающий Лузин».

До нас дошёл черновик письма. Мы не знаем — сыграло ли оно какую-нибудь роль в дальнейших событиях? Мы не знаем даже — было ли оно вообще отправлено? Единственно, о чём на основании этого письма мы можем говорить с уверенностью, это о тяжёлом моральном состоянии, в котором оказался в то время Лузин.

Очередное заседание состоялось 13-го числа в час дня. А накануне произошли события, полностью переменившие течение дела. Смысл этих событий угадывается из хода этого заседания.

Как явствует из реплик Г. М. Кржижановского, он имел разговор «наверху», судя по всему с самим И. В. Сталиным, к которому единственным из Академии он имел прямой допуск.

«Та резолюция, которую мы писали, — объявил он (здесь и далее в этом разделе цитируется по публикуемому ниже тексту стенограммы (Ф. 606. Оп. 2. Д. 32. Л. 281—332) от 13 июля), — признана правильной, выдержанной, и нет оснований её переделывать. Но некоторые пожелания здесь есть. Вот что желают от нас: в самой резолюции нужно дать побольше фактического материала... Например, по пункту третьему, там, где говорится о низкопоклонстве[37]. Здесь надо непременно сделать несколько цитат, таких, которые это иллюстрируют... Затем в пункте относительно отзывов — привести с десяток фамилий ... По пункту восьмому — вот здесь у нас слабовато. Здесь надо бы покрепче квалифицировать, как это делается в резолюциях различных институтов, которые гораздо резче и определеннее высказываются. Наша редакция пункта восьмого впечатления не произведет. Поэтому надо ее заострить... Было бы очень важно ... в этих примерах и высказываниях сохранить свой собственный стиль. Вы напрасно шокируетесь академическими выражениями, — мы это обязаны сделать в академическом стиле. Мы, конечно, должны резко написать, но в своем собственном стиле. Здесь обращают внимание на то заключение, которое мы сделали: «... полностью подтверждает характеристику Лузина, данную в газете «Правда», как врага в советской маске». Есть совет[38] это заключение переделать в таком духе, чтобы здесь была совершенно самостоятельная мысль, чтобы «не плагиировать из «Правды» и их «переноса» не делать, а сказать таким образом: поступок Лузина является недостойным советского ученого, к тому же действительного члена Академии наук, а также несовместим с достоинством, которое должно быть у каждого советского гражданина. Это уже не будет плагиатом. ...Пункт 5 надо, пожалуй, изменить. Здесь написано — прямой плагиат. Прямого плагиата здесь нет, здесь дело обстоит тоньше... в отношении прямого плагиата — он будет опять говорить: я крупный ученый, зачем мне плагиат? Но мы должны подчеркнуть, что он обкрадывает учеников. Надо сказать эту мысль его же словами «делает перенос», это очень тонко».

Таким образом, и это главное (!), наверху (И. В. Сталиным) был поддержан мягкий вариант резолюции. Наиболее опасное для Лузина обвинение (деятельность, «направленная во вред Советскому Союзу») исчезло. Окончательный текст резолюции должен быть, по замыслу верхов, выдержан в академических тонах (и будет в них выдержан). Из неё будут выброшен термин «плагиат» (он будет заменён термином «перенос»). Будет

убран заимствованный из «Правды» оборот «враг в советской маске», а вместо него появится «совершенно самостоятельный» (и главное очень оригинальный) оборот: «поступок Лузина является недостойным советского ученого, к тому же действительного члена Академии наук, а также несовместим с достоинством, которое должно быть у каждого советского гражданина». Делу придаётся статус вполне академического.

Это изменение позиции верхов ощущается в самом тоне заседания 13 июля. Оно начинается длинным покаянием Н. Н. Лузина, его обещаниями сделать из прозвучавшей критики правильные выводы, в частности, прекратить практику написания незаслуженных отзывов, печатать отныне все свои работы, прежде всего в СССР, прекратить активное общение с польскими математиками. Покаяние с пониманием и даже сочувствием было принято присутствовавшими — «товарищи» всегда готовы придти на помощь искренне «раскаявшемуся». «Последняя вещь, которую я должен сказать, это следующее, — заявил Лузин, — Страной нашей после введения Конституции абсолютно нужно гордиться. Это не только такая аксиома, но что наша Конституция это есть увенчание тех усилий, которые были сделаны. Дальнейшие усилия будут в развитии этого самого направления». И когда представитель «молодёжи» Л. А. Люстерник в заключении речи Лузина пожелал задать ещё один вопрос, он был немедленно осажен председателем: «Никаких вопросов».

Следует отметить, что Конституция СССР, которая с момента ее обнародования стала называться «сталинской», будет принята лишь 5 декабря 1936 г. Здесь же Лузин говорит о проекте Конституции, опубликованном для обсуждения.

Почему делу был дан такой оборот? Вряд ли мы когда-либо получим точный ответ на этот вопрос (хотя кто может в этом поручиться — наши архивы хранят ещё много удивительного?). Рискнём высказать некоторые соображения о возможных основаниях для такого решения.

Прежде всего, волновавшие «верховную власть» вопросы о патриотизме советских учёных в связи с публикацией их результатов на Западе, о воспитании у них чувства превосходства советской науки над наукой буржуазной (на что, собственно, И. В. Сталин и давал своё «добро») были на примере этого «дела» подняты и обсуждены как в прессе, так и в научных коллективах. При этом атмосфера большой «кампании по разоблачению», сопровождавшая это обсуждение, придавала ему необходимый для успешного восприятия общественностью градус. Так что, в значительной степени, цель, для которой и давалось «добро» на производство «дела», была достигнута.

Углублять тему «вредительства» на материале столь абстрактной и минимальным образом идеологизированной науки могло показаться нецелесообразным. Тем более что низводилось это вредительство к раболепию перед Западом, к публикации работ за рубежом, к написанию необъективных отзывов. Идеологическое разбирательство переходило на уровень обсуждения позиции математика в его трактовке понятия натурального ряда, что плохо вязалось с вредительством, атрибутами которого в советском массовом сознании были скорее диверсии на шахтах или убийцы-врачи. Уж если такую дискуссию и разворачивать, то на более выигрышном в пропагандистском плане материале, скажем, биологии с дарвиновской теорией, порассуждать о которой был не прочь и сам вождь. Темы, там рассматриваемые, идеологически заострены и понятны — обезьяны, люди, общество — сама жизнь! А вовсе не натуральный ряд или функция действительного переменного! Не сумели товарищи-идеологи (из окружения Л. З. Мехлиса) подобрать стоящий материал!

Конечно, дальнейшее развёртывание дела могло быть осуществлено за счёт раскручивания других затронутых в его ходе тем обвинениях. Однако, темы эти, судя по всему, не показались И. В. Сталину столь уж перспективными.

Преследуемая Кольманом и К° цель разгрома последышей реакционной черносотенной Московской философско-математической школы, идеологически близких фашистам, могла показаться ему просто неактуальной. Утверждение приоритета русской науки, которое должно было стать одной из ведущих тем советской научной политики, делало сомнительной критику одной из ведущих национальных научных школ — Московской философско-математической школы. А начавшееся уже тогда заигрывание с А. Гитлером[39] сильно обесценивало обвинение в приверженности к философии, близкой фашистской.

Важным аргументом за прекращение лузинского «дела» могла стать и негативная реакция на преследование Лузина в академической среде. Уже 6 июля П. Л. Капица обратился со специальным письмом по этому вопросу к В. М. Молотову (Приложение VII). «Статья в «Правде»[40] меня озадачила, поразила и возмутила» — такими словами он начал письмо в защиту Н. Н. Лузина, квалифицируя статью как «вредный шаг для нашей науки и для Академии, так как это не перевоспитывает наших учёных и не подымает их престиж в стране». И хотя письмо это было возвращено автору с возмутительной резолюцией В. М. Молотова («За ненадобностью вернуть гр-ну Капице»), оно всё же было размножено и доведено до сведения членов Политбюро.

О своей поддержке Лузину, хотя и не в столь решительной форме как Капица, заявил ряд старых и влиятельных членов Академии, в их числе — В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков и Н. В. Насонов (Приложение IX).

О тревоге, с которой была воспринята кампания в среде старых академиков, Г. М. Кржижановский прямо сказал на заседании 11 июля (цитируем по публикуемой ниже стенограмме за 11 июля): «...причём очень желательно пригласить ветеранов, которые очень настороженно относятся, и убедить, что здесь[41] нет и слова преувеличения». И далее он предложил список «ветеранов»: «Нужно пригласить Прянишникова, Зелинского, Курнакова, Чаплыгина, Крылова, Надсона, Павловского, Вернадского, Архангельского, Кистяковского, Прасолова, Савельева, Струмилина, Адоратского, Рождественского, Левинсона-Лессинг[а]».

Наметившееся таким образом среди наиболее известных членов Академии настроение могло насторожить самого И. В. Сталина. Об этом настроении ему, конечно, сообщил Г. М. Кржижановский. Его со всей прямотой высказал П. Л. Капица. Вождь, взявший в это время Академию под свой непосредственный контроль и пытавшийся организовать её работу в соответствии со своим видением того, как должен действовать «штаб советской науки», меньше всего был заинтересован в отдании Академии во власть партийных функционеров среднего звена — мехлисов и кольманов. И, может быть, это обстоятельство и было главным в принятии И. В. Сталиным решения закончить дело с мягкой (для Лузина) формулировкой. Не надо торопиться (так вполне мог рассуждать вождь) с принятием слишком жёстких решений. Так ведь можно её и в «гроб похоронить». А Академии, в планах, была уготована важная роль.

Представшая в итоге разбирательства по инициированному ими (Мехлисом и Кольманом) «делу академика Н. Н. Лузина» картина оказалась загромождённой излишними и портившими эффект деталями. Обвинители преследовали свои зачастую противореча-

щие друг другу цели. Вопросы, которые интересовали «вождя народов» оказались погребёнными в ворохе посторонних абсолютно ненужных ему сюжетов. В этом отношении дело оказывалось в пропагандистском плане организованным хуже тех, которые с самого начала «шились» компетентными органами.

Мы рискнём предположить, что «поворот» в течении «дела» значил для его развития гораздо больше, чем это может показаться при наблюдении за поверхностным его течением. Создаётся впечатление, что его инициаторы (всё те же Мехлис с Кольманом), информированные о близящейся развязке дела «троцкистско-зиновьевского террористического центра» (процесс разразился в августе) надеялись подключить к нему и «дело академика Н. Н. Лузина», что могло сулить им немалый политический капитал. Об этом свидетельствуют некоторые косвенные данные.

Прежде всего — длительное нежелание редакции «Правды» смириться с решением по «делу», принятым Президиумом Академии.

О самом «повороте» в развитии «дела» представители «Правды» узнали только на заседании Комиссии 13 июля. Очевидно, Л. З. Мехлис не поверил тому, что «поворот» этот был санкционирован на самом верху и является окончательным. Иначе он не посмел бы 14 апреля отправить письмо И. В. Сталину и В. М. Молотову (Приложение XVI), являющееся прямым доносом на Г. М. Кржижановского. В этом письме Мехлис писал, что Кржижановский, невзирая «на присутствие беспартийных членов комиссии и беспартийных научных работников из математических кругов ... предложил несколько отредактировать текст резолюции, в основном, по его словам, одобренный в соответствующих инстанциях ... В частности, тов. Г. М. Кржижановский предложил изменить последний пункт резолюции в том смысле, чтобы не называть Лузина врагом в советской маске, как это сделано в «Правде» ... Тов. Кржижановский решил выразить своё отношение к линии поведения Лузина «по-академически», сформулировав это поведение недостойным звания советского учёного». То есть Мехлис доносит Сталину о том, что вице-президент АН СССР, изменив, таким образом, формулировку обвинения, кардинальным образом меняет сам его характер и тем самым — статус «дела».

Вряд ли Мехлис решился на такой шаг, если бы ему не были предварительно известны намерения верхов о направлении развития «дела». Скорее всего, им планировался именно жёсткий вариант развития «дела» с последующим его подключением к «процессу троцкистско-зиновьевского блока». И случившийся в нём «поворот» стал для Мехлиса и К° полной неожиданностью. Этим и объясняются последовавшие после обозначившегося 13 июля «поворота» в течении «дела» публикации в «Правде» — 14 июля (Приложение XVII), 15 июля (Приложение XIX) и даже 6 августа (Приложение XXV), в которых Н. Н. Лузина продолжали квалифицировать как «врага в советской маске, использовавшего «высокое положение академика ... для вредительской подпольной работы» (Приложение XXV).

В пользу предположения о том, что результаты разбирательства по «делу Лузина» планировалось включить в материалы по делу «троцкистско-зиновьевского центра» говорит и статья «Усилить революционную бдительность» в сдвоенном (ибо выпущенном из-за политических событий лета 1936 г. с большой задержкой) 8/9 номере «Вестника Академии наук СССР» (Приложение XXV), в которой сообщается о раскрытии в АН СССР «террористической группы убийц, троцкистско-зиновьевских предателей родины». Из признаний участников группы «видно, как эта бандитская шайка сумела широко использовать попустительство и ротозейство многих работников старого руководства

Академии наук, захватив и расставив своих людей на важнейших участках и организационных центрах Академии. Достаточно перечислить ряд имён преступников, чтобы уяснить насколько широко использовалось этими троцкистско-зиновьевскими бандитами благодушие работников Академии. Достаточно перечислить ряд имён преступников, чтобы уяснить насколько широко использовалось этими троцкистско-зиновьевскими бандитами благодушие работников Академии, объективно служившее прямым пособничеством укреплению и разветвлению групп террористических убийц: Яковлев, Карев, Кошелев, Папаян, Седых, Бусыгин, Груздев, Урановский, Шаров. Это ещё не полный список отъявленных врагов и предателей нашей родины, подготовлявших чудовищные преступления и изловленных с поличным органами пролетарской диктатуры.

Глубокое возмущение и недоверие каждого честного человека вызывает абсолютная бездеятельность некоторых старых работников Академии наук, с олимпийским спокойствием относившихся к фактам выявления в Академии наук террористических групп и палец о палец не ударивших даже после разоблачения гнусной группы убийц для того, чтобы помочь очистить Академию наук от остатков притаившихся и всячески маскирующихся троцкистско-зиновьевских фашистских гадов».

Конечно, группировка Л. З. Мехлиса—Э. Я. Кольмана с радостью украсила бы приведённый выше список «отъявленных врагов и предателей нашей родины» именем академика Н. Н. Лузина. Однако И. В. Сталин распорядился иначе. И «дело Лузина» пришлось «понизить в ранге», опустив его до уровня одного из (всего!) двух указанных в этой статье примеров, призванных послужить уроками, «которые должны были, казалось, научить[42] политической прозорливости и бдительности благодушествующих либералов». «Не работники Академии наук, — говорится в статье, — а «Правда» вскрыла серьёзный гнойник «лузинщины», позоривший антиобщественной и антигосударственной деятельностью высокое звание академика. Не работники Академии наук, а Центральный орган партии вскрыл позорные традиции, до сих пор гнездящиеся в Академии наук. Советская общественность вынесла достойное и суровое порицание этим традициям, справедливо названным «Правдой» «традициями раболепия».

И хотя Н. Н. Лузин отделался «достойным и суровым порицанием» и ещё более серьёзным предупреждением, «что при отсутствии решительного перелома в его дальнейшем поведении» будет поставлен вопрос о его «исключении ...из академических рядов», грозило ему неизмеримо большее — оказаться включённым в «бандитскую шайку» «убийц, троцкистско-зиновьевских предателей родины». Эта чаша его миновала. Как миновала она его и в ходе процесса по делу «Национально-фашистского центра»[43].

День пятый. Финал

Следующее заседание Комиссии, последнее, от которого сохранилась частичная стенограмма (начало заседания не было застенографировано), состоялось 15 июля.

На это заседание Н. Н. Лузин приглашён не был, из центральных нападающих присутствовал только С. Л. Соболев. Тон задавали приехавшие из Ленинграда академики А. Н. Крылов и С. Н. Бернштейн. Оба они заняли позицию активной защиты Лузина. «Почему не упоминают о том, что констатировано на том заседании, на котором я был, — что Н. Н. в 1920 году во время разрухи проявил колоссальный энтузиазм? Почему не упоминается, что с его стороны не было никаких попыток и никто не может сказать, что он выступал когда-либо против советской власти», — спрашивает Бернштейн (здесь и далее в

этом разделе цитирование по публикуемой ниже стенограмме (Ф. 606. Оп. 2. Д. 32. Л. 333—360) заседания от 15 июля).

«Нельзя на этом основываться, — вступает Крылов, защищая Лузина от обвинения в пресмыкательстве перед западными учёными — т.е. на том, что говорит в своем предисловии Лебег. Ведь французы такой народ, что сказать просто «месье Лебег» — это будет оскорблением, надо обязательно написать [месье Анри Лебег]».

И уже в глухую защиту вынужден уйти Г. М. Кржижановский.

«Мы против этого не возражаем», — пробует отбиваться Г. М. Кржижановский. «Как же не возражаете, раз говорите, что человек подлизывался?» — доканчивает Крылов

По вопросу об уходе Лузина в 1930 году из Университета Крылов заключил так: «В 1930 г. он просто ушел из Университета, а ошибка его в том, что он начал изъясняться, почему ушел. Он должен был бы сказать — захотел и ушел». Защищая оценку деятельности Лузина, включённую в проект резолюции, Кржижановский восклицает: «Я только хочу подчеркнуть одну основную мысль: мы никак не можем отказаться от оценки. В конце концов, мы его не исключаем, мы только говорим, что поведение его не таково, какое желательно для советского гражданина, и что он роняет этим поведением высокое звание члена Академии наук. Так что мы делаем ему предупреждение. Пункт 24-й Устава мы не применяем, а только делаем ему предупреждение».

Заседание 15 июля производит несколько странное впечатление — словно руководство Комиссии знакомит С. Н. Бернштейна и А. Н. Крылова с текстом проекта резолюции и пытается отстоять свою точку зрения. «Президиум уполномочен решать, как он желает. Наша Комиссия только совещательная», — этими словами А. Н. Крылова завершается стенограмма этого дня.

Есть основание полагать, что состоялось ещё одно заседание Комиссии (реплика Кржижановского, адресованная Горбунову: «По ходу дела видно, что нам придется перед Президиумом собрать еще раз заседание Комиссии») и что прошло оно 19 июля (другая реплика Кржижановского: «Я думаю, что мы можем теперь собраться 19 числа»).

Как свидетельствует текст «Сопроводительной записки к проекту Постановления Президиума АН СССР об академике Н. Н. Лузине» (Приложение XXII), тексты Заключения Комиссии и проекта Постановления президиума были отправлены в Отдел науки ЦК ВКП(б) тов. К. Я. Бауману уже 25 июля. Копия — в газету «Правда». Одобрения этих документов пришлось ждать почти 10 дней. Надо полагать, что влиятельная группа, обозначенная нами именами Мехлиса и Кольмана, продолжала усилия перевести «дело» в русло жёсткого варианта. И прекратила их лишь поняв, что, принятое на самом верху решение окончательно. И 6 августа в «Правде» появилось «Заключение Комиссии» (Приложение XXIII) и, помеченное 5 августа «Постановление Президиума АН СССР» по делу академика Н. Н. Лузина (Приложение XXIV).

Публикацию этих документов предваряла передовая статья «Достоинство Советской науки» (Приложение XXV). По своему антилузинскому накалу, по резкости обвинений — «враг в советской маске», «презренный раб буржуазии», использующий «свое высокое положение академика ...для вредительской подпольной работы» и т.д. — она продолжала линию предыдущих антилузинских публикаций «Правды». Поэтому после того как «он разоблачён и заклеймён», после того как объявлено, что ему «принадлежит, быть может, первое место среди врагов советской науки и советской страны», удивительным,

совершенно несоответствующим тяжести его «преступления» выглядит вынесенный ему «приговор»: «Разоружив Лузина, президиум Академии наук дал ему возможность на честной работе[44] исправить свои преступления перед родиной».

«Дело» же Лузина, говорится в статье, «переросло вопрос об антисоветских действиях одного Лузина», оно стало делом «борьбы за достоинство своей отечественной, советской науки»[45].

7. «Дело академика Н. Н. Лузина» и советская наука

«Дело» это знаменовало один из важнейших этапов в становлении института советской науки. Если раньше взаимоотношения советских и зарубежных ученых не были регламентированы специально и каждый конкретный случай решался исходя из современных общих установок, диктовавшихся международной обстановкой, государственной политикой и практикой наркомата иностранных дел, то теперь этот вопрос начинает выделяться в отдельный, находящийся под непосредственным контролем ЦК партии и лично тов. Сталина. С мая 1934 года он станет заботой Политбюро, а созданной им Комиссии ЦК будет предоставлено право «решать вопрос о командировках не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»[46].

Одной из первых предпринимаемых в этом направление акций и стало ограничение практики публикации научных работ за рубежом. Этот вопрос, как мы видим, один из центральных в перипетиях лузинского «дела». Дальше — больше. Такая практика будет надолго приостановлена вообще. Совсем прекратится широко распространённая в 20-е годы публикация советских научных изданий на иностранных языках. Это ещё впереди. «Дело» Лузина — только первый шаг в этом направлении. Наиболее прозорливые или перепуганные понимают всё правильно. Уже на заседании 13 июля кающийся и «осознавший» свою вину Лузин прямо заявил (цитируется по стенограмме заседания комиссии от 13 июля, публикуемой ниже): «я ... считаю недостойным после того как у нас так сильно развита печать, и, главным образом, после акта о Конституции, которая на нас налагает обязанность и гордость и которую мы должны защищать до последней капли крови. Теперь обращаться к Западу для печатания той или иной статьи не нужно. Если же у нас та или иная статья не печатается, то значит, для этого имеется чисто научное основание. Тогда нужно исправить это, а не обращаться к услугам Запада, так как это нам совершенно не нужно».

Представление о советской науке как авангарде мировой, станет общим мотивом, который будет вбиваться в голову студенту, только ещё приступающему к её постижению. И если во многих случаях это приводило к сильному искажению реальной картины в представлениях, то для некоторых областей это в той или иной степени соответствовало действительности. Так советская математика была на очень высоком уровне, а по некоторым разделам (например, в теории вероятностей) была мировым лидером. Для математики такая пропаганда оказалась даже благотворной — она помогла советским математикам преодолеть известный комплекс неполноценности и ощутить себя в ряду лидеров современной науки.

Интересную мысль по этому поводу высказал Д. А. Александров[47], отметивший начавшийся уже в самом начале 30-х годов рост самодостаточности советского национального научного сообщества в некоторых областях науки, в том числе в математике. Уже в 1931 году неоднократно упоминавшиеся нами «молодые инициативные математики»,

перехватившие лидерство в московских математических кругах, опубликовали в № 3/4 38 тома «Математического сборника», ответственным редактором которого выступил Л. А. Люстерник, обращение от редакции — «Советские математики, поддерживайте свой журнал!» — в котором, в частности, писали: «Среди большинства советских математиков сохранилась традиция печатать свои лучшие работы в иностранных журналах. Больше того, ... пользовалась распространением точка зрения, усматривавшая в [этом] факте ... преодоление советской наукой культурной блокады. Этот взгляд, конечно, неправилен: рассыпанная по журналам Германии, Франции, Италии, Америки ..., советская математика ... не может показать собственного лица. Рост научных кадров внутри СССР, поворот советской математики лицом к социалистическому строительству ставят перед нами задачу создания журнала, отражающего эти сдвиги... Поэтому мы продолжаем снабжать иностранными резюме статьи, написанные на русском языке, и печатаем статьи на иностранных языках... Группа московских математиков ...принимает на себя обязательство печатать свои статьи, в первую очередь, в «Математическом сборнике» и призывает к этому математиков Советского Союза»[48]. Таким образом, стихийное движение снизу за самоутверждение национального научного сообщества в событиях 1936 года получило поддержку сверху.

Возвращаясь к перипетиям дела Лузина, отметим, что советское математическое сообщество благополучно преодолело рифы разбирательства по «делу», хотя нанесённая рана оставила на его теле болезненные шрамы.

Пролегла полоса отчуждения между Н. Н. Лузиным и большинством его учеников — оно проявится и в его, великого педагога, последующей отстранённости от университетской деятельности, и в его позиции на выборах в Академию наук — он предпримет всё от него зависящее, чтобы П. С. Александров не был избран её действительным членом (он стал им только после кончины учителя), и в известной истории с пощёчиной, которой наградил Лузина А. Н. Колмогоров, и в составе редколлегии собрания сочинений Н. Н. Лузина, в которую вошли исключительно его ученики, не принимавшие участие в травле своего учителя. Другая полоса отчуждения пролегла между «старыми академиками» (С. Н. Бернштейном, И. М. Виноградовым, А. Н. Крыловым, Н. М. Крыловым, Н. Н. Лузиным) и новой инициативной порослью (прежде всего с П. С. Александровым, А. О. Гельфондом, А. Н. Колмогоровым, Л. С. Понтрягиным, С. Л. Соболевым, Л. Г. Шнирельманом, А. Я. Хинчиным).

Лидеры математического сообщества в полной мере осознали опасность, проистекающую от идеологов типа Э. Кольмана, и постарались сделать так, чтобы в дальнейшем подобные люди были отставлены от математического сообщества как можно далее. Как только положение Кольмана на партийном Олимпе пошатнулось — он потерял свой пост в МК партии — математики (А. О. Гельфонд и Л. Г. Шнирельман) поторопились нанести удар по его математической репутации, опубликовав в «Успехах математических наук» разгромную рецензию[49] на вышедшую ещё в 1936 г. (!) его книгу «Предмет и метод современной математики»[50] А так как существовать без штатных идеологов в советское время не полагалось никакой науке, они постарались максимально ограничить их круг в математическом сообществе небольшим числом лиц, которым они доверяли. Наиболее влиятельным идеологом в московском математическом сообществе, особо поддерживаемым университетскими математиками, стала С. А. Яновская, известный логик, философ и историк математики, много сделавшая для развития в СССР исследований по математической логике[51].

Что помогло устоять советскому математическому сообществу в тяжёлые годы идеологических погромов 30-х годов? Почему оно не разделило судьбу, скажем, советской биологии и, в итоге, отечественная математика не была отброшена в своём развитии на десятилетия назад, а пережила благополучную эволюцию одной из ведущих мировых школ? У нас нет претензии на то, что мы в состоянии дать достаточно полный ответ на подобный вопрос. Мы можем лишь высказать некоторые соображения, позволяющие понять — почему такое счастливое развитие событий оказалось для математики возможным. Прежде всего, математика уже в дореволюционной России была одной из наиболее развитых областей науки (вспомним имена Н. И. Лобачевского, П. Л. Чебышева, С. В. Ковалевской). Так что к 20-ым годам нынешнего века в стране уже сложилось достаточно многочисленное и чрезвычайно мощное научное сообщество. Даже в случае удаления его лидеров (арест Д. Ф. Егорова, исключение с ведущих позиций Н. Н. Лузина) оно сохраняло в своём составе достаточное количество выдающихся математиков, способных успешно им руководить. Важно, что в этом сообществе царил академический дух высокой науки. Это определялось и влиянием предшествующего поколения — учеников П. Л. Чебышева (А. А. Маркова и В. А. Стеклова) в Ленинграде и Д. Ф. Егорова в Москве. Особенно важным, на наш взгляд, оказалось моральное влияние Д. Ф. Егорова, патриарха Московской математики, носителя высокого морального духа, окончившего жизнь мучеником за веру. Поразительно, что его имя — врага советской власти, осуждённого советским судом — неоднократно вспоминается во время разбирательства по «делу Лузина» и произносится там всегда с почтением. Высокий моральный стандарт, оставленный Егоровым, волей неволей служил его ученикам мерилом дел и поступков. Это уберегало сообщество от проникновения в его руководство кольманов, способствовало сохранению идеалов и норм научности, определявших его нормальное функционирование.

Во главе всех важнейших институтов (математических подразделений Академии наук, математических обществ и т.д.) и предприятий (съездов, изданий и т.п.), как правило, стояли крупные учёные. И даже если они подчас не являлись достойными в других отношениях людьми, их научный уровень не мог не сказываться на руководимой ими деятельности.

«Дело академика Н. Н. Лузина», вторжение власти в положение научного сообщества в СССР не осталось эпизодом 1930-х годов. Борьба за «утверждение советского патриотизма», против раболепия и низкопоклонства перед культурой и наукой Запада, за «перевоспитание» советской интеллигенции вспыхнут с новой силой после окончания войны. Массированная кампания, организованная И. В. Сталиным и А. А. Ждановым, к участию в которой будет привлечен и министр государственного контроля СССР Л. З. Мехлис, примет характер общесоюзной партийно-идеологической кампании, проводниками которой станут «суды чести», проходившие в 1947—1948 гг., а затем выльется в печально известную борьбу с космополитизмом[54].

В ходе ее вновь всплывет и «дело Лузина». Осенью 1948 г. в Варшаве проходил VI съезд польских математиков, на котором предусматривалось и чествование известного польского ученого В. Серпинского. В связи с обращением Польской Академии наук президент АН СССР академик С. И. Вавилов обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой командировать в Польшу делегацию советских ученых в составе А. Н. Колмогорова, П. С. Александрова и К. К. Марджанишвили. Секретариат ЦК ВКП(б) отклонил просьбу президента АН

СССР, и причиной тому являлось чествование В. Серпинского. Обосновывая это решение заместитель заведующего Отдела агитации и пропаганды Л. Ф. Ильичев писал Г. М. Маленкову:

«Польский профессор Серпинский известен как один из самых реакционных польских математиков и буржуазных националистов. В 1936 г. в связи со статьей в газете «Правда», критиковавшей акад[емика] Лузина Н. Н. за преклонение перед иностранщиной и неправильное отношение к молодым научным кадрам, он выступил в печати в защиту Н. Н. Лузина, с нападками на советскую печать. Серпинский препятствовал деятельности прогрессивной части польских студентов.

Секретарь парторганизации Математического института им. В. А. Стеклова Академии наук СССР Марджанишвили, рекомендованный для поездки в Польшу, справедливо считает посылку советских ученых на VI съезд польских математиков **нецелесообразной.**

Учитывая, что VI съезд польских математиков связан с чествованием реакционного польского профессора Серпинского, Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) просьбу академика Вавилова о посылке на съезд делегации советских математиков не поддерживает»[55].

В результате борьбы с раболепием и низкопоклонством перед Западом после начавшегося в июле 1947 года обсуждения «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Клюевой Н. Г. и Роскина Р. И.» были приняты Постановления о резком сокращении международных научных связей, прекращено издание академических журналов, выходивших на иностранных языках. Запрещено помещение в академических, научно-технических и даже медицинских изданиях оглавлений и резюме на иностранных языках и т.д. Потребовались десятилетия для восстановления нормального взаимодействия советских ученых с учеными зарубежных стран.

И последнее. Чувство вины перед учителем, судя по всему, не покидало «одержавших победу» учеников. Буквально гимном Лузину звучат воспоминания Л. А. Люстерника[52]. О своём долге перед памятью учителя до самой смерти не забывал один из величайших математиков нашего века А. Н. Колмогоров[54].

Один из авторов этих строк в 1966 году, в бытность аспирантом механико-математического факультета МГУ, участвовал в собрании, посвящённом 70-летию П. С. Александрова. Происходило оно в актовом зале главного здания Московского университета при большом стечении публики. Поздравить знаменитого учёного собралась вся математическая Москва, гости из других городов СССР. Присутствовал и гость из Парижа — выдающийся французский математик Лоран Шварц. В самом конце очень пышной церемонии выступил сам юбиляр. Его великолепная речь (он был блестящим оратором!), произнесённая с типичными для него грассирующим «эр» и резкими (если угодно — каркающими) интонациями, прерывалась аплодисментами и сопровождалась дружным смехом аудитории (его шутки были поистине изысканы). Пиджак, неизменно серого цвета, широкий узел галстука (он всегда завязывал его только так), сдержанная, несколько аффектированная жестикуляция, поблескивание поражающе толстых стекол его очков (он страдал исключительной близорукостью), абсолютно лысый череп... Свою речь он проиллюстрировал несколькими выразительными эпизодами — воспоминаниями о выдающихся своих современниках. Вспомнил он, конечно, и друга юности П. С. Урысона, и своих учителей — незабвенных Дмитрия Фёдоровича Егорова и Николая Николаевича Лузина.

О последнем он рассказал такой случай. Дело было во время государственного экзамена на физико-математическом факультете Московского университета, который он закончил за несколько месяцев до Революции — в 1917 году. Среди доставшихся ему вопросов был такой — взять какой-то интеграл. Так как делать этого он не умел, он начал безо всякого толку производить различные преобразования подынтегрального выражения. Исписав всю доску, не на йоту не приблизившись к решению задачи, он услышал тихий, но решительный приказ одного из экзаменаторов — Н. Н. Лузина: «Немедленно всё сотрите». Выполняя указание учителя, Павел Сергеевич краем глаза зафиксировал приближение второго экзаменатора — облачённого в вицмундир профессора Л. К. Лахтина. «Ну как, — спросил он, — господин студент подсчитал интеграл?». И Лузин в свойственной ему театральной манере, закатив глаза, произнёс: «Да, ...это было прекрасно! Это было прекрасно!» Комментируя этот эпизод, Павел Сергеевич с гордостью заметил, что брать интегралы он так и не научился, и занятие это ему так никогда и не понадобилось. «За всю мою жизнь, — похвастал он, — мне не пришлось никогда считать интегралы!» Зал реагировал живо. А уже по окончании официальной церемонии подошедший к Павлу Сергеевичу тогдашний декан факультета Н. В. Ефимов на счёт этой шутки укоризненно заметил, что, рассказав этот эпизод, П. С. поступил непедагогично, ведь в зале присутствовали студенты!

Мы же хотим обратить внимание на иное — так уж получилось, что рассказ Александрова (безо всякой на то специальной установки рассказчика) пародировал эпизоды «дела Лузина» — опять возникла тема «хвалебного отзыва» («Да, ...это было прекрасно! Это было прекрасно!») на заведомо слабую работу (в этом случае на просто отсутствующий ответ). Опять неискренность Лузина, прикрываемая всё тем же театральным жестом. Однако здесь подзащитным выступает уже не бесталанный математик (вроде Шадхана), а сам Павел Сергеевич. И Лузин уже не «враг в советской маске», а мудрый благодетель — зачем спрашивать с человека вычисление интеграла, когда круг его интересов далёк от математического анализа. Поступи Лузин иначе, иначе мог окончиться и экзамен. Конечно, талантливый Александров преодолел бы и его. Но кто знает, какую травму эта история могла бы нанести ему, человеку чрезвычайно самолюбивому. И не могла бы эта травма оказаться роковой для его математической карьеры? И привязанный к своим ученикам Лузин спасает его таким несколько сомнительным (если занять позицию слишком последовательного моралиста) жестом. Позволим себе предположить, что в этом эпизоде проявилось жившее в Павле Сергеевиче чувство вины перед учителем, время от времени, находившее своё выражение в самой неожиданной форме. Как это случилось в этой милой шутке, за изящным оборотом которой, угадывается тема личной драмы яркой личности, причастной к трагическим событиям нашей национальной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История отечественной математики. Киев, 1966—1970. Т. 1—4.

[2] *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М., 1936.

[3] *Молодший В. Н.* Эффективизм в математике. М, 1938

[4] *Люстерник Л. А.* Молодость Московской математической школы // Успехи математических наук. 1967. Т. 22. Вып. 1 (133). С. 137—161; Вып. 2 (134). С. 199—239; Вып. 4 (136). С. 147—185.

[5] *Кольман Э.* Мы не должны были так жить. New York: Chalidze Publications, 1982.

[6] Подробнее о нем см.: *Кольман Э.* Мы не должны были так жить. New York: Chalidze Publications, 1982; *Илизаров С. С.* Эрнест Кольман, Никита Хрущов и ИИЕТ // Вопросы истории

естествознания и техники. 1998, № 1. С. 152—156; Документы о пребывании Эрнеста Кольмана в Институте истории естествознания и техники АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1998, № 1. С.156—161.

[7] См. прим. 2.

[8] *Dugac P.* N. Luzin. Lettres à Arnaud Denjoy avec introduction et notes // Archives internationales d'histoire des sciences. 1977. Vol. 27. P. 179—206.

[9] *Yushkevich A. P., Dugac P.* «L'affaire» de l'Academicien Luzin // Gazette des mathématiciens. 1988, ¹ 3. P. 31—35.

[10] *Paul S.* Die Moskauer mathematische Schule um N. N. Lusin. (Berliner Studien zur Wissenschaftsphilosophie und Humanontogenetik. Bd.11). Bielefeld: Kleine Verlag, 1997.

[11] *Levin A. E.* Anatomy of a public campaign: «Academician Luzin's case» in Soviet political history // Slavic Review. 1990. V.49. № 1. P. 90—108.

[12] См. уже упоминавшуюся в прим. 9 статью А. П. Юшкевича и П. Дюгака, а также *Юшкевич А. П.* Дело академика Н. Н. Лузина // Вестник АН СССР. 1989, № 4. С. 102—113; *Юшкевич А. П.* Дело академика Н. Н. Лузина // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 377—394.

[13] См.: *Демидов С. С., Паршин А. Н., Половинкин С. М.* О переписке Н. Н. Лузина с П. А. Флоренским // Историко-математические исследования. 1989. Вып. 31. С. 116 - 124; *Ермолаева Н. С.* Новые материалы к биографии Н. Н. Лузина // Историко-математические исследования. 1989. Вып.31. С. 191—202; *Demidov S. S.* The Moscow School of the Theory of Functions in the 1930s // S. Zdravkovska, P. L. Duren (Eds.) Golden Years of Moscow Mathematics. (American Mathematical Society, London Mathematical Society: History of Mathematics.V. 6). Providence, Rhode Island. 1991. P. 35—53; *Demidov S. S., Ford Ch.* Luzin and the Affair of the «National Fascist Center» // Dauben J., Folkerts M., Wussing H. (Eds.) History of Mathematics: States of Arts. San Diego, Boston, New York, London, Sydney, Tokyo: Academic Press. 1996. P. 137—148; *Форд Ч.* Дмитрий Фёдорович Егоров: материалы из архива Московского университета // Историко-математические исследования. 2-я серия. 1996. Вып. 1 (36). № 2. С. 146—164, *Токарева Т. А., Володарский А. И.* Среди писем Н. Н. Лузина // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. 1996. С. 193—196; *Демидов С. С.* Москва математическая // Москва научная. М., 1997. С. 136—160; *Демидов С. С.* До и после Лузитании // Природа. 1997, № 9. С. 98 –110; *Ермолаева Н. С.* Н. Н. Лузин и академическая среда // Историко-математические исследования. 2-я серия.1997. Вып. 2 (37). С. 43—65; *Форд Ч.* Великий перелом на московском математическом фронте // Историко-математические исследования. 2-я серия. 1999. Вып. 3 (38). № 2. С. 74 - 91; *Демидов С. С., Токарева Т. А.* О письме Н. Н. Лузина в ЦК ВКП(б) // Историко-математические исследования. 2-я серия. 1999. Вып. 3 (38), № 2. С. 119—127.

[14] См.: *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. С. 454.

[15] См.: *Есаков В. Д.* Переезд Академии наук в Москву // Москва научная. М., 1997. С. 452—467.

[16] *Хинчин А. Я.* Математика // Десять лет Советской науке / Под ред. Ф. Н. Петрова. М.; Л, 1927.

[17] Подробнее см.: *Тахо-Годи А. А.* Лосев. М.,1997.

[18] *Люстерник Л. А., Шнирельман Л. Г., Гельфонд А. О., Понтрягин Л. С., Некрасов [К. П.].* Декларация инициативной группы по реорганизации Математического общества // Научный работник. 1930, № 11—12. С. 67—71.

[19] Личность Э. Кольмана (1892 –1979) неоднозначна, его биография изобилует неожиданными поворотами (см. прим. 5, 6). После потери в 1938 г. поста заведующего Отделом науки МК ВКП(б) работал в 1939—1945 гг. в Институте философии АН СССР, а в 1945 г. был направлен в Прагу, где возглавлял Отдел пропаганды ЦК компартии Чехословакии. В 1948 г., после выступления против тогдашнего секретаря ЦК Р. Сланского, был арестован и переправлен в СССР, где три с половиной года провел в тюрьмах на Лубянке, в Суханово и в Лефортово. В 1952 г. был реабилитирован и работал в различных институтах Москвы, в частности, в Институте истории естествознания и техники АН СССР. Им был написан ряд трудов по истории и философии математики. Среди его исторических сочинений есть работы представляющие интерес и для современного читателя (например, опубликованная в 1955 г. биография Бернарда Больцано). Известен

своими выступлениями 50-х годов в защиту кибернетики. В 1976 г. эмигрировал в Швецию, где написал воспоминания (см. прим. 5), в которых ни словом не обмолвился о «деле Лузина».

[20] В 1925 г. Э. Борель был даже морским министром в правительстве П. Пенлеве.

[21] Имеется ввиду: *Lusin N.* Leçons sur les ensembles analytiques et leurs applications. Paris: Gauthier-Villars, 1930.

[22] Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 189. Л. 1.

[23] См.: *Demidov S. S., Ford Ch.* Luzin and the Affair of the «National Fascist Center» // Dauben J., Folkerts M., Wussing H. (Eds.) History of Mathematics: States of Arts. San Diego, Boston, New York, London, Sydney, Tokyo: Academic Press. 1996. P. 137 – 148.

[24] Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 893. Л. 10.

[25] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 317. Л. 127.

[26] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 897. Л. 23.

[27] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 946. Л. 31.

[28] См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 143.

[29] Следует заметить, что кампания такой направленности не была в этот период изолированным явлением. За месяц до этого (4 июня) «Ленинградская правда» выступила с обвинениями учёных Пулковской обсерватории в преклонении перед заграничными публикациями. Не исключено, что эти обвинения «могли послужить толчком для более крупного антилузинского дела». См.: *Александров Д. А.* Почему советские учёные перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки.1914— 1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996, № 3. С. 4.

[30] *Перчёнок Ф. Ф.* Академия наук на великом переломе // Звенья. Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 227–228.

[31] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 636. Л. 3—4.

[32] См. прим. 23.

[33] Имеются в виду газетные публикации, стенограммы и резолюции заседаний общественности — *Авт.*

[34] Действительно, что уж может быть безусловнее в этот период критического упоминания в «Правде» — *Авт.*

[35] *Ермолаева Н. С.* О так называемом «Ленинградском математическом фронте» // Труды Санкт-Петербургского математического общества. СПб, 1998. Т. 5. С. 380—394.

[36] В тексте — «оно было» — *Авт.*

[37] То есть, собственно говоря, по главному пункту обвинения — *Авт.*

[38] Подчёркиваем — **«есть совет»** — *Авт.*

[39] См. прим. 23.

[40] «О врагах в советской маске».

[41] В обвинениях против Лузина — *Авт.*

[42] И, разумеется, ничему не научили — *Авт.*

[43] См. прим. 23.

[44] Не на лесоповале, скажем, а в Академии наук в должности действительного её члена — *Авт.*

[45] «Дело Лузина» стало сигналом для развёртывания преследований аналогичного характера по всему Союзу. Так, по его образцу было организовано дело в Томске, где объектом нападок стала группа математиков (среди них два бежавших от нацизма, и направленных Наркомпросом в Томский университет немецких математика — Стефан Бергман и брат Э. Нётер Фриц Нётер) издавших на немецком языке «Известия НИИ математики и механики» См.: *Кликушин М. В., Красильников С. А.* Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.: «лузинщина» в Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

[46] См.: Сталинское Политбюро в 30-с годы. Сборник документов. М., 1995. С.70.

[47] См.: *Александров Д. А.* Почему советские учёные перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки.1914—1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996, № 3. С. 4—24.

[48] Советские математики, поддерживайте свой журнал! // Математический сборник. 1931. Т. 38, № 3 –4. С. 1.

[49] *Гельфонд А. О., Шнирельман Л. Г.* Реценция на книгу Э. Кольмана «Предмет и метод современной математики». Соцэкгиз. Москва. 1936. 316 с. // Успехи математических наук. 1938. Т. 4. С. 334 -336.

[50] См. прим. 2.

[51] *Башмакова И. Г., Демидов С. С., Успенский В. А.* Жажда ясности // Вопросы истории естествознания и техники, 1996. № 4. С. 108—119.

[52] См. прим. 4.

[53] См.: *Колмогоров А. Н.* Письмо в редакцию «Историко-математических исследований» // Историко-математические исследования. 1984. Вып. 28. С. 337—338.

[54] Подробнее об этом см.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Дело «КР» (из истории гонений на советскую интеллигенцию) // Кентавр. 1994, № 3. С. 54—69 и № 4. С. 96—118.

[55] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 163. Л. 100—101.

СТЕНОГРАММА

заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

7 июля 1936 г.

Председательствует академик А. Е. ФЕРСМАН

Ферсман. Разрешите открыть заседание нашей Комиссии. Дело, которое нам предстоит обсудить сейчас, настолько ответственное, что, если мы сегодня не придем к какому-то выводу и не сможем дать соответствующий материал, нам, может быть, придется окончательные выводы отложить, перенести на следующее заседание, для того, чтобы со всей детальностью разобраться в этом, весьма ответственном деле.

Разрешите просить Вас, поскольку вы в курсе некоторых вопросов и у вас есть некоторые идеи, поделиться вашими мыслями с нами по этому вопросу.

Бернштейн. Если угодно, я выскажу свое отношение к Николаю Николаевичу, прежде всего как к ученому. Я считаю, что мы, прежде всего, должны учесть именно то, что мы имеем в данном случае человека исключительно крупного научного значения, имя которого пользуется большим авторитетом на Западе — вполне заслуженным. Доказывать сейчас его научные заслуги на этом заседании я не считаю необходимым. Важно только, чтобы это вообще было зафиксировано, чтобы мы собрали соответствующий материал, который в полной мере это подтвердил бы. Я, со своей стороны, сделаю все возможное для того, чтобы привлечь для этого соответствующих лиц, так как сам я лично все-таки несколько далеко стою от специальности Николая Николаевича для того, чтобы единолично, с полной ответственностью дать его исчерпывающую научную характеристику.

Второе положение, которое является чрезвычайно важным, чрезвычайно существенным, которое мы должны выяснить, это вопрос о том, можно ли считать, что в действиях Н. Н. имеется элемент сознательного вредительства? Имеется ли в тех материалах, которыми мы располагаем, достаточно для этого указаний? Я ставлю вопрос именно о сознательном вредительстве в отличие от того, что, может быть, фактически его выступления были вредными. И в этом отношении я, прежде всего, должен подчеркнуть — я считаю, что его выступления, его легкомысленные отзывы, являющиеся результатом недостаточно продуманного отношения к той ответственности, которую несет академик, высказывая определенные суждения, — такого рода выступления являются, безусловно, объективно вредными. Но такого рода выступления, пожалуй, объясняются в значительной мере тем, что всегда, когда к Н. Н. обращались отдельные лица (например, по моей рекомендации иногда к нему являлись мои ученики), он всегда старался дать возможно более лестный отзыв этим лицам, и они уходили от него, убежденные в том, что их работы представляют огромную ценность, гораздо большую, чем это имело место в действительности. Этим я хочу сказать, что в своих отзывах Н. Н. в значительной мере руковод-

ствовался именно своими внутренними субъективными свойствами характера, которые ничего общего не имеют с выраженной политической тенденцией, т.е. что у него ни в какой мере не было стремления при этом поддерживать людей мало талантливых, ни в какой мере не было желания повредить этим развитию математических наук. К развитию математики в нашем Союзе Н. Н. вообще относился и относится всегда с чрезвычайно большим интересом и делал все возможное для того, чтобы математика у нас развивалась, возможно, лучше так, как он это понимает.

Во всяком случае, прошлая его деятельность в Университете[1] [и] та роль, которую он сыграл в развитии математической школы в Москве, является исключительно крупной, и этого, мне кажется, не следует забывать, и это, вероятно, в большей степени будет подчеркнуто и другими, когда мы будем выносить какое бы то ни было окончательное суждение о Николае Николаевиче.

Поэтому я считаю, что те обвинения, которые возводятся против Н. Н., имеют основание в некоторых его поступках. Но те выводы, которые из этих обвинений делаются, являются необоснованными, поскольку они перерастают, как мы, математики, говорим, экстраполируют, выводят нечто гораздо большее, чем то, что можно извлечь из этих фактов. Те утверждения, которые я сейчас делаю, нуждаются, конечно, в более полном обосновании. Необходимо различные факты, которые здесь отмечены, соответствующим образом проанализировать, и каждый в отдельности соответствующим образом оценить. Я уверен в том, что Комиссия, отнесясь к этому делу с полной беспристрастностью, сумеет в этих фактах выделить то, что является действительно следствием тех личных недостатков характера Н. Н., о которых я говорил, и сумеет доказать, что те, более или менее широкие выводы, которые здесь пытаются сделать, указывая, что Н. Н. является врагом советской власти, сделать ни в коем случае невозможно.

Ферсман. А по отношению к вопросу издания есть у вас какие-нибудь соображения личные? По поводу печатания материала за границей — что вы скажете в этой части обвинения?

Бернштейн. Это относится к деталям, на которые я охотно отвечу. Те сведения, которые у меня имеются, таковы, что это обвинение совершенно не обосновано. Я не могу судить определенно о ценности последних работ Н. Н. в целом, но, не зная, о каких работах могла быть речь, о которых Н. Н. мог бы отзываться как о работах, которые, как здесь сказано, он писал только «для устрашения количеством». Если это утверждение имело место, и кто-то услышал от Н. Н. его признание об этом (его можно было бы спросить), — то психологически я это мог бы объяснить тем, что Н. Н., как человек очень самолюбивый, может быть, в беседе — не со мною, потому что я с ним таких бесед не имел, — для оправдания вообще несколько пониженного в научном отношении характера его нового творчества, искал этому такое снисхождение, потому что — нужно все-таки писать, хотя, может быть, и не столь ценно, как то, что он делал раньше. Вот это по поводу того, что он печатал у нас вещи, которые он сам, таким образом, оценивал.

Ферсман. А по поводу плагиата?

Бернштейн. То, что касается здесь работы Новикова, я имел беседу с самим Новиковым, и он подтвердил мое впечатление, — что работа, о которой здесь идет речь, это есть обзорная работа[2], которая не имела в виду, что там печатаются работы только Николая Николаевича. И внутри вполне беспристрастно было указано, что и кому из современных авторов принадлежит в современной области. То же самое надо сказать и о докладе,

который я слышал на заседании в группе, где Н. Н. превозносил заслуги этого молодого математика Новикова, и со стороны Новикова я не слышал никаких упреков в том отношении, что Н. Н. присвоил себе что-нибудь из его работ. Было сказано в этой работе, в этом очерке, вполне объективно — что и кому принадлежит.

Что же касается более раннего вопроса относительно Суслина, то я с этим делом не знаком и считаю, что Комиссии следовало бы по этому вопросу собрать соответствующий материал и также придти к определенному заключению. Но я подчеркиваю, что независимо от этого, независимо от того, что подобного рода вещи могли бы отрицательно характеризовать Н. Н., тем не менее, у него есть ряд неоспоримых научных заслуг, где никто не претендует на то, что он заимствовал, начиная с его известной докторской диссертации[3], и которые, во всяком случае, являются достаточным основанием для того, чтобы признать его крупнейшим советским математиком.

Ферсман. А какие будут Ваши предложения к дальнейшему ведению дела?

Бернштейн. Трудно сейчас говорить о предложениях, пока неизвестно, что скажут другие.

Ферсман. Я должен предупредить, что мы собрались для того, чтобы подготовить материал для специальной Комиссии по Президиуму Академии наук, которая уже намечена. Мы должны подобрать этот материал, и мы должны спокойно, во всех деталях выяснить все положение дела. Кому угодно высказаться?

Александров. Я как раз хотел сказать, что мое положение по отношению к Н. Н. чрезвычайно сложное. Происходит это оттого, что, во-первых, я ученик Николая Николаевича и один из первых его учеников по времени, человек, который чувствует себя в личном порядке чрезвычайно многим обязанным Николаю Николаевичу. С другой стороны, как раз в последующий период моей научной деятельности мои отношения с Н. Н. как научные, так и личные, очень резко разошлись.

Имея в виду эти два обстоятельства, одинаково отягощающие участие в таком деле, я должен сказать, что всякое слово осуждения Николаю Николаевичу, именно в виду этих обоих причин, мне было бы очень тяжело. Если бы оно было произнесено в случае прямой необходимости для выяснения истины, то в этом случае я хотел бы выступить только после того, как я узнаю все те объективные материалы, которые будут получены от лиц, не связанных таким сложным двойным отношением с Н. Н. Я не отказываюсь от своего слова и скажу все то, что я думаю по этому поводу, но мне это хотелось бы сделать тогда, когда я увидел бы, что мое объяснение есть прямая необходимость в деле выяснения истины.

Ферсман. Я думаю, что обвинение, которое висит на Н. Н., исключительно серьезно, и что мы все должны с необычайной глубиной отнестись к тому, что сейчас опубликовано и что в значительной мере является событием, по существу, не только в нашей академической среде, но и в широких общественных кругах. Очевидно, мы все, и я, и все мы вообще должны взять на себя обязанность помочь в правильном освещении этого вопроса, ибо это касается всей ученой коллегии советской. Нам придется, может быть, часто жертвовать своими личными симпатиями, своим самолюбием, своим личным отношением. Здесь нам придется самым категорическим образом отбросить всякого рода привходящие моменты. Этот вопрос вышел сейчас за рамки этих взаимоотношений. Я думаю, что, вряд ли нам нужно что-то закрывать и делать неясным. Наоборот, мы должны стремиться всеми мерами к тому, чтобы была полная ясность. Так что мне кажется,

что мы должны со всей серьезностью отнестись к этому вопросу. Я лично думаю, что этим затронута здесь проблема ученого как такового в нашей стране. Значит, эти слова «враг в советской маске» — это не слова, а это есть совершенно определенное понятие, и мы должны совершенно определенным образом разрешить этот вопрос и отмежеваться, если нужно, или, наоборот, помочь разобраться в этом вопросе со всей резкой определенностью.

Сейчас принесли стенограмму обсуждения этого вопроса в Математическом институте[4]. Стенограмма эта является частичной. Вряд ли мы можем ознакомиться со всей стенограммой, но, может быть, кто-нибудь из вас осветил бы материал, который здесь обсужден.

Соболев. Это постановление мне знакомо. Дело не в этом постановлении, а в том, что мы, систематически подобрав известные нам факты, смогли выяснить, что по нашему мнению, в заметке, которая помещена в «Правде», все можно считать доказанным, за исключением, может быть, тех высказываний, которые Н. Н. делал, быть может, своим близким друзьям и которые нам остались неизвестными. Речь идет относительно того, что он высмеивал свои собственные отзывы. Это нам неизвестно, потому что естественно, что, говоря с нами, он никогда таких мыслей не высказывал.

Что же касается его отношения вообще к советской науке, то я в нашем присутствии таких вещей никогда не слыхал. Все остальные факты, я думаю, можно считать полностью подтвердившимися. В частности, относительно тех отзывов, которые он давал, сложился такой взгляд, что они могут быть объяснены только двумя причинами — либо слабоумием, либо абсолютной безответственностью за все свои поступки, — в частности, его отзыв, который он дал о ферматисте[5], относительно которого он пояснял, что он настаивал на печатании именно потому, что может случиться, — что там будет найдена ошибка и тогда печатать никто не будет, «а печатать все-таки нужно». Эта фраза зафиксирована, она существует. Существует этот отзыв о Тер-Микаэляне[6], отзыв о Крониде Иванове[7], на которого, кстати сказать, была истрачена довольно изрядная сумма денег, которому он приписывал гениальное открытие, которое он приравнивал к изобретению логарифмов, открытие, которое не имеет, однако, в действительности никакой серьезной научной ценности. Это простое, может быть, остроумное изобретение, но абсолютная мелочь.

Состав сотрудников, которых он рекомендовал в аспиранты Академии, точно так же чрезвычайно характерен в этом отношении. Как известно, на аспирантуру Академии наук могут претендовать только лица, имеющие ученую степень кандидата[8], он же рекомендовал людей абсолютно безграмотных — Кронида Иванова, Шадхана[9] и т.д. Все факты эти были нам известны. Мы говорим, что это слабоумие, что это абсолютное непонимание того, что нужно. Но у нас нет объективных данных, которые могли бы говорить о том, что он сам смеялся над своими отзывами, за исключением того, что я от Зам. Председателя Комитета по высшей школе, тов.Волынского, слышал, что он говорил самому Волынскому о том, что если бы сейчас подходить с такими требованиями, как нужно, то тогда в стране не было бы ни одного доктора, и поэтому необходимо иные требования совершенно к этому предъявлять. Эту фразу я слышал от Волынского только сегодня. И это именно раскрывает картину подхода Н. Н. в этом отношении. В отношении отзывов я считаю это твердо установленным. Не буду говорить о его мотивировках. Во всяком случае, значительная доля презрения к советской науке у него лично была, я в этом отношении не сомневаюсь. Насколько это можно оценить — как сознательное вредительство

или презрительную безответственность в этом отношении – это, может быть, трудно сказать. Доказать это субъективное мнение я не могу.

Теперь вопрос об изданиях. Я согласен с С[ергем] Н[атановичем] [Бернштейном], что обвинение в том, что он печатал за границей лучшие статьи — это обвинение, может быть, необоснованное. Да если бы это и было так, то это может быть объяснено тем, что все-таки заграничные журналы печатают несравненно скорее, несравненно лучше. Так что в этом смысле могло иметь место совершенно естественное стремление напечатать там, где выйдет скорее, поскольку вопрос о выходе в свет той или иной работы, имеет смысл[10]. Это обвинение я считаю недостаточно серьезным.

Что же касается плагиата, о котором данные были приведены в «Правде», то я согласен с С[ергем] Н[атановичем]: плагиата здесь нет по отношению к новиковской работе. Но мне известен другой случай также с работой Новикова, которая была в «Comptes Rendus» за подписью Лузина[11]. Это факт достоверный и относящийся к докторской диссертации относительно эффективного выбора точки к дополнению к [*A*-]множеству. Эта работа, принадлежащая Новикову, была напечатана под двойной фамилией в польском журнале и под фамилией Н. Н.Лузина в «Парижских докладах»[12]. Во всяком случае, ни одного замечания, ни одного упоминания о том, что основная мысль принадлежит Новикову, в «Парижских докладах» не было. Да он и сам этого не отрицает. В частности, когда на общем собрании К.С.[13] сказал, что это статья Новикова, Новиков не счел возможным против этого возражать. Новиков считал, что эта его статья была напечатана под фамилией Лузина.

Теперь о Московской школе. Связь с Московской школой. Я считаю, что связь с Московской школой мы не можем ставить ни в какую вину. Всякий человек в какой-нибудь школе воспитывается. И направление этой школы не имеет в себе никаких вредных тенденций, против которых можно было [бы] бороться. Я считаю, в частности, что дескриптивная теория функций связана с большими философскими задачами, и здесь Н. Н. имеет серьезные большие заслуги. Я согласен с С[ергем] Н[атановичем] [Бернштейном] также и в том, что действительно в части создания современной Московской школы математиков Н. Н. принадлежат громадные заслуги — хотел он этого или не хотел, но он был тем центром, который создал всю Московскую математическую современную школу. Это абсолютно ясно.

Шнирельман. Мне кажется, что нужно этот весьма тяжелый вопрос, который мы сейчас разбираем, разделить на несколько частей. В первую очередь, я считаю своим долгом присоединиться, со своей стороны, к тем, кто говорит о высоких научных заслугах Н. Н. Во-вторых, я был одним из свидетелей, правда, одним из последних свидетелей (П[авел] С[ергеевич] [Александров] может, вероятно, больше меня сказать) той деятельности, которую Н. Н. проводил в Московском университете. Действительно, он сыграл громадную роль в развитии математики у нас в СССР.

Ферсман. Он ушел из Университета?

Шнирельман. Да, он ушел из Университета. В связи с этим я должен сказать, что та заметка, та часть заметки в «Правде», которая говорит о Московской школе, по моему мнению, средактирована не вполне точно, по крайней мере, не так, как мы привыкли. Мы понимаем под Московской школой то течение, положительное математическое течение, которое сыграло существеннейшую роль в развитии советской науки, развитие которой в значительной степени связано именно с именем Николая Николаевича.

Я хотел бы с самого начала подчеркнуть, что Н. Н. как ученый и как руководитель школы имеет в этой области заслуги очень большой значимости.

Что же касается ряда фактов, которые указаны в заметке в «Правде» и которые подтвердились на заседании нашего Математического института, то эти факты рисуют целый ряд весьма отрицательных сторон, свойственных Н. Н. в его деятельности, в его общественной роли, которые меняли знак его во многих случаях: там, где Н. Н. был Председателем группы как крупный ученый — это плюс, но там, где он выступал как Председатель группы, где он вел себя необъективно, этот плюс обращается в минус. Такие факты, как дача отзывов, во многих случаях заведомо несправедливых, доказывают именно полную безответственность, которую обнаруживал Н. Н. в таком ответственном деле, которое ему было поручено. Это является, безусловно, преступлением. Ряд таких фактов, идущих вместе, дают возможность утверждать, что, во всяком случае, несмотря ни на какие научные заслуги, Н. Н. как научно-общественная фигура за последние годы является отрицательной фигурой.

Однако, если не делать обобщения (здесь я не предрешаю и ни в какой степени не считаю себя в праве предрешать вопрос), если считать, что все эти факты не обобщены так, что это можно было бы назвать хотя бы своеобразным вредительством, — я подчеркиваю, что сейчас я не становлюсь в этом смысле ни на какую точку зрения, — если объективное исследование покажет, что эти факты нельзя таким образом обобщить, то во всей их совокупности из них мы можем сделать такой вывод, что все-таки сложивши итоги заслуг Н. Н. и итоги того отрицательного, того вредного, что проистекало из его деятельности за последние годы, этот общий итог будет все-таки положительным, хотя и придется сделать оговорку, с моей точки зрения, — что в дальнейшем нет никакого права поручать Н. Н. научно-общественные должности.

В частности, мне кажется совершенно очевидным, что роль Председателя группы при наличии только тех фактов, которые подтвердились на заседании нашего Института, по-моему, Н. Н. не должна быть предоставлена.

Должен сказать, что и раньше, в связи с тем, что в математических кругах давно (это вина математического кружка, что он об этом не говорил) была почти полная уверенность в том, что Н. Н. нельзя доверять буквально ни в каком деле, которое не касалось научных вопросов, и, прежде всего, его назначение Председателем группы было встречено как нечто весьма сомнительное. Сейчас мне кажется, что это совершенно очевидно.

Последний пункт в статье, которая была опубликована в «Правде», содержит обобщение для этих фактов и квалификацию причин, обобщающих, дающих объяснение деятельности Н. Н. последних лет. Не имея всех данных по этому поводу, я не считаю себя в праве высказать какое-нибудь суждение здесь. Единственно, что я могу сказать, это то, что те инстанции[14], которые будут иметь в своем распоряжении этот материал, проверят эти предположения и высказывания в «Правде», и если они оправдаются в какой бы то ни было мере, то я, со своей стороны, считаю, что должны быть приняты самые решительные меры, и что в этом случае нельзя считаться ни с высокой ценностью его научной роли, ни с той объективно полезной ролью, которую он сыграл в развитии советской математики.

Ферсман. Когда Н. Н. ушел из Университета?

Шнирельман. Уход Н. Н. из Университета относится примерно к 1930 году[15]. Примерно к этому времени — к периоду 1930-го года относится и существенная перестройка в

организации научной жизни научно-исследовательского Института математики и механики при Московском университете и Московского университета, когда руководство перешло окончательно из рук Д.Ф.Егорова и не его одного, в руки людей, стоящих на советской платформе. В это время это был бурный период. Вы знаете, что в это время в стране был ряд вредительских процессов. Это был бурный период расслоения интеллигенции, в частности, расслоения среди научных работников университета, в том числе, конечно, и среди математиков[16].

Ферсман. Почему Н. Н. ушел из Университета?

Шнирельман. Я никогда не занимался исследованием причин ухода Н. Н., но в то время мне приходилось слышать мнение относительно того, что уход Н. Н. из Университета связан именно с этим обстоятельством. Я считаю себя обязанным это сказать, потому что в то время такие суждения [... —] мне приходилось это слышать.

Ферсман. Какую роль он играл в Университете: он был профессором или руководителем кафедры?

Шнирельман. Если говорить об удельном весе его в жизни Университета, то он в разное время был различным. Я знаю его с 1921-го года, и я могу судить об этом только косвенно, поскольку я был тогда студентом. Но у меня сложилось такое впечатление, что с 1916—1917 гг. по 1922—23 гг. — этот период – золотой период деятельности периода деятельности Н. Н. в Московском университете. Это тот период, который независимо от того, какие отдельные теневые стороны имеются у Н. Н., следует оценить как период, принесший громадную пользу советской науке.

Примерно к 1922—32 гг. относится период отхода Н. Н. от столь активной его прежней работы в Университете, но не уход из Университета. Здесь его роль не была столь основной, столь центральной, как в прежние годы. Это могло быть вызвано тысячью причин. Об этом лучше всего спросить у него самого. Однако, его уход, вернее перерыв в его работе в Университете, относится к периоду 1929—1930 гг., в период же 1923—1924 гг. он работал в Университете с перерывами. Он долгое время был за границей. Его роль в Университете была снижена по причинам, которые я не в состоянии оценить. А именно, с 1930-го до 1936 года, до теперешнего времени Н. Н. участия в работах Университета не принимал[17].

Виноградов. Я, пожалуй, пока не буду говорить, потому что моя область очень далека от области Н. Н., и я особого ничего не могу сказать.

Александров. Разрешите мне говорить по материалу этой статьи или вы разрешите мне говорить шире и дать общую характеристику?

Ферсман. Конечно, шире. Дайте общую характеристику.

Александров. Разрешите тогда начать очень издалека. Я знаю Н. Н. с 1914-го года, причем знакомство наше началось с того момента, что Н. Н. был профессором, а я был студентом, и научный вопрос, поставленный ему студентом, ничем себя не проявившим, вызвал с его стороны необыкновенно сердечное отношение, необыкновенное внимание, совершенно не бывшее тогда в моде. Это всегда было той чертой, которая создала действительно сразу же Н. Н. необыкновенную личную популярность. Это человек, который умел сразу подойти к молодежи, который обладал удивительным личным обаянием, независимо от его больших личных научных заслуг. Все это было в дореволюционное время. В дореволюционное время учениками Н. Н. были Хинчин, здесь присутствующий, Меньшов, М. Я. Суслин, умерший в 1919 году, о котором здесь говорилось, и я. Это

были основные его ученики, которые в дальнейшей своей деятельности оказались связанными с Университетом. Н. Н. был самым крупным ученым в Московском университете и исключительно талантливым педагогом.

Должен сказать, что, однако, уже в те времена, я это подчеркиваю, в дореволюционные времена, в зародышевом состоянии, хотя часто в [слабом] проявлении имели место все те отрицательные черты его характера, которые здесь получили большое отражение. Это очень существенный аргумент, потому что мне кажется, что основные печальные явления, которые происходят в последние годы в деятельности Н. Н., имеют своими корнями некоторые особенности психики самого Н. Н.

Какие же это были черты? Во-первых, это было и тогда: наряду с таким вниманием, исключительной, действительно творческой поддержкой, которую он оказывал всегда, и тогда имело место неумеренное, ничем объективно не вызываемое захваливание, и захваливание иногда даже оскорбительное. Вот у меня однажды была такая история. Я однажды дал Н. Н. на прочтение работу, оказавшуюся впоследствии неверной, работу, которая никогда не была напечатана. Н. Н. наговорил мне тысячу комплиментов об этой работе, в самых замечательных тонах, а когда я сам обнаружил ошибку в этой работе и обратился с вопросом к Н. Н. — как и что, — то из разговоров с ним на деле обнаружилось, с полной несомненностью, что он эту работу и не читал, что он хвалил ее, думая доставить мне удовольствие. Я реагировал на это как на оскорбление. Но повторяю, это было тогда, когда никаких политических моментов не могло быть.

Чем объясняется эта психическая странность? Для меня непонятно. Я считаю, что это проявление некоторой психической неустойчивости — то, что называется на современном медицинском языке психастенией[18], когда человек обладает ненормальными этическими реакциями. Но в ту раннюю эпоху проявлялись странные черты. Надо сказать, что Н. Н. в момент, когда он ставил проблему, действительно готов был отдать все своим ученикам, абсолютно стирая всякие грани между тем, что эта работа не его лично, а его ученика. Это исключительная широта. Я должен сказать, что я имею учеников, и я всегда так поступаю, что известную проблему я оставляю за собою, а другую я передаю своим ученикам. И в дальнейшем тем, что я передал ученику, этим исключается мое право в этом случае. У Н. Н. очень странная в этом случае точка зрения, которую я, опять, свожу к известным волевым особенностям его психики.

Когда он не знает ответа на известный математический вопрос, который его интересует, в этот момент только истина может звучать для него в этом ответе. А затем, когда кто-либо из его учеников получает этот ответ, в этот момент (повторяю, это мое впечатление и психологический анализ всегда субъективен), в этот момент у него вдруг встает вопрос. «А ведь, собственно говоря, это я мог бы сам доказать, если бы я этим занимался».

И в этой серьезной, очень серьезной истории, в истории с Суслиным, которая здесь указана, мне кажется, как раз именно такой источник и был. Я, прежде всего, полагаю, что научные отношения Н. Н. и его ученика М.Я.Суслина не были нормальными. Тут не произошло формального плагиата. Но Н. Н. во всех своих публикациях поступал так: он цитировал отдельные теоремы Суслина не из числа самых крупных, умалчивая о тех, кто является основателем понятия этого множества. И вполне организованным образом Н. Н. достиг такого положения вещей, что эти множества, которые раньше назывались множествами Суслина, потом стали называться множествами Суслина и Лузина, а теперь стали называться множествами Лузина и Суслина. Я считаю, что в этом отношении Н. Н. посту-

пил не вполне этично. Я считаю, что в этом отношении этика во взаимоотношениях с учеником была резко нарушена. Не дальше как в январе нынешнего года я имел попытку договориться с Н. Н. по всей серии проблем, разделявших и разделяющих нас за последние годы. И, в частности, я пытался договориться с Н. Н. по этой проблеме, потому что это было корнем всего нашего расхождения. И Н. Н. ответил мне совершенно категорически, употребив даже такое выражение, что это есть ультимативное требование, которое он ставит, — что всякий человек, желающий поддерживать с ним научный контакт, должен признать это изменение терминологии... (не слышно). Он протестует этим самым против факта. Но, повторяю, это относится к очень давним временам, к дореволюционным временам. Суслин умер в 1919 году от сыпного тифа, но работа его была опубликована 8-го января 1917-го года[19], т.е. за несколько месяцев до революции — не только до Октябрьской, но даже за несколько месяцев до Февральской революции — почти за 2 месяца.

По этому поводу, между прочим, имело место следующее обстоятельство. В работе Суслина указывается, что он благодарит Н. Н.Лузина за то, что последний руководил его занятиями. И больше того, в этой ноте употреблена такая фраза «... (цитируется французский текст)...»[20]

Это утверждение фактически неверное. Дело в том, что Н. Н., как и мы, его ученики, постоянно делал так. Он, как и мы, писал часто работы своих учеников, просто имея в виду их незнание иностранных языков, неумение обдумывать свои вещи. Работа Суслина была также написана рукой Н. Н. Н. Н. сам вставил эту цитату, которая находится в противоречии с фактами, потому что Суслин получил результаты летом 1916-го года. Осенью 1916-го года он приехал с тетрадкой, содержавшей уже полное изложение его теории. Причем эта теория была построена без руководства Н. Н., и тем более без того, что принципы и результаты эти давал Н. Н. Я считаю, что это был акт большой моральной недобросовестности[21].

Ферсман. Как это произошло?

Александров. Я полагаю, что это произошло так, что когда Н. Н. писал эти слова (Суслин сам французским языком не владел), он думал так (предупреждаю, это есть моя гипотеза, это есть чтение в сердцах). Я объясняю это именно известным автогипнозом. Когда он читал, он был действительно уверен в том, что он мог бы сам получить этот результат.

Ферсман. А как Суслин реагировал?

Александров. Суслин очень резко возражал, в высшей степени резко, и это кончилось очень полным, в высшей степени трагическим разрывом между Н. Н.Лузиным и М.Я.Суслиным, разрывом, в котором Н. Н., по моему мнению[22], вел себя очень недостойно, потому что он употребил свой научный авторитет на то, чтобы не давать Суслину устроиться профессором Саратовского университета. По этому поводу можно спросить Голубева, в то время бывшего ректором Саратовского университета[23]. Это, по-моему, был акт неэтичный с научной точки зрения. Об этом я рассказываю, потому что я не вижу оснований скрывать те неэтичные моменты, которые в деятельности Н. Н. были. Во-вторых, я считаю, что в этом именно и был недостаток научно-этический как раз в вопросах личных взаимоотношений. Никакие политические моменты по одному этому не могли играть тогда никакой роли, потому что все это происходило до революции.

Между прочим, все эти личные проявления Н. Н. на протяжении свыше чем 20-летнего моего знакомства с ним, на меня производили совершенно определенное впечатле-

ние — крайней моральной неуравновешенности, заключающейся в том, что человек чрезвычайно быстро, по самым ничтожным поводам, может в высшей степени резко колебаться в своих отношениях к отдельным людям и к тем или иным вопросам, которые связаны с научной деятельностью. Это в высшей степени импульсивная реактивная натура. Я испытал на себе постоянные резкие изменения настроений Н. Н., и при изменениях настроений Н. Н. мог легко вступать в самые непонятные противоречия с самим собою, которые казались совершенно несовместимыми с тем большим умом, который ему присущ.

Расскажу такую деталь. Был такой математик, ныне покойный Урысон — очень близкий мой друг[24]. Причем всем было известно, что мы совместно работали и находились в весьма близких отношениях друг с другом. И вот, в один прекрасный день Н. Н.Лузин, одновременно датируя одним и тем же числом, написал два письма — одно он направил к Урысону, другое ко мне. Дело касалось наших работ. И смысл писем этих был совершенно ясный, что редакция данного журнала очень высокого мнения о вашей работе и чрезвычайно низкого мнения о работе вашего товарища. И он, Н. Н.Лузин, к этому мнению вполне присоединяется. Это было сделано одновременно. В один и тот же день за собственной подписью Н. Н. отсылает два находящихся в явном противоречии друг с другом письма к двум лицам, находящимся в близких отношениях. Я до сих пор никак не могу объяснить нормальной реакцией эти письма. Ведь Н. Н. знал, что мы находимся в близких отношениях. Ну конечно, мы показали эти письма друг другу и посмеялись над этим. Я привожу этот факт как доказательство того, что Н. Н.Лузин был способен к действиям на протяжении всего периода своей научной деятельности, к которым обычные люди действительно бывают неспособны.

Теперь я выскажу свое мнение о заслугах Н. Н. Н. Н. принадлежат исключительно большие заслуги как ученому и исключительно большие заслуги как создателю школы математиков в Москве. Здесь об этом говорилось много. Я могу, со своей стороны, обеими руками подписаться под тем, что здесь говорилось. И я еще добавлю, что в том, что я являюсь математиком, я прямо скажу, я в этом обязан Н. Н. И те слова осуждения, которые я считал себя обязанным произнести здесь..., этого чувства большой благодарности... Эта благодарность — я не сомневаюсь – у всех его учеников есть. И мне кажется, что эта благодарность является чувством, присущим целому ряду лиц, причем лиц отнюдь не находящихся к нему в дружеских отношениях. В частности, я свои отношения к нему квалифицирую просто как враждебные на протяжении последних нескольких лет. Тем не менее, факт этой благодарности является фактом объективным и представляющим определенный общественный интерес. Очень немного существует математиков, которые в такой степени заслужили чувство благодарности со стороны своих учеников, как Н. Н.

Как дальше было дело? Я в 1918-1919 гг. не жил в Москве. В 1920 году я вернулся в Москву и снова попадаю в контакт с Н. Н. Я попал в число его учеников. И я должен сказать, что в это советское время я сделался свидетелем необычайной картины, картины, которой я никогда и нигде на свете не видел, картины такого исключительного научного энтузиазма и такого исключительного научного подъема, который охватил этого человека, большой человеческий коллектив, состоявший свыше чем из 36 человек, который весь концентрировался вокруг личности Н. Н. Это были годы 1920—1921—1922 гг. Тут я думаю, что Н. Н. выступал не только в роли создателя школы. Н. Н. выступал действитель-

но в роли организатора молодежи, в роли лица, умевшего в эту молодежь, уже советскую молодежь, вселить какой-то исключительный научный энтузиазм. Тут, конечно, говорить о чем-либо антисоветском, мне кажется, совершенно невозможно, потому что Н. Н. отдавал себе отчет. Он, имея абсолютное влияние на всех нас, настолько, что каждое его слово воспринималось действительно как абсолютная истина, если бы он желал нас настроить антисоветским образом, имел бы для создания таких настроений все возможности, которые никогда ни одному профессору не были даны, потому что вокруг него было общество людей, которые буквально на него молились. И, тем не менее, я, который был очень близок с ним тогда, и не только близок, но я должен сказать, что это был период очень большой дружбы, и дружбы не только с моей стороны к Н. Н., но и его дружбы ко мне, настолько большой, что Н. Н. находил возможным делиться со мною очень интимными сторонами своей жизни, быть очень откровенным со мною; и я жизнь Н. Н. этого периода действительно знаю очень хорошо, — я категорически отрицаю, что какие бы то ни было антисоветские настроения Н. Н. могли бы проявляться при полной его откровенности со мною. Я ни одного проявления этих настроений не могу констатировать. Я опять повторяю. Я не знаю тех материалов, которые находятся в распоряжении «Правды», но мне казалось, что это противоречит тому восприятию личности этого человека, которое у меня есть, — чтобы в последующие годы он мог бы сделаться врагом советской власти.

Ферсман. В последние годы вы не были тесно связаны?

Александров. Наоборот, с 1923-го года начинается период нашего расхождения. Причины этого расхождения довольно просты. Я начал заниматься другою областью, областью, которая до некоторой степени довольно тесно связана с областью, непосредственно интересовавшей Н. Н., но все-таки это другая область – область топологии. И Н. Н. со всей своей страстностью, искренностью и своеобразностью однажды сказал: «П[авел] С[ергеевич], до тех пор пока вы занимаетесь топологией, между нами никогда не может быть личного контакта». Это своеобразная вещь, но это характеризует Н. Н. как человека со спонтанными реакциями. Фраза эта искренняя, и я благодарен Н. Н. за эту фразу. Он не виноват, что он с такой страстностью исключительной относится даже к своим ученикам, как к чему-то такому, что должно оставаться в орбите его деятельности. Это недостаток, но за этот недостаток я его не виню. Та самостоятельность, которую я и Урысон приобрели, та известная эмансипация нас, как его учеников, которая у нас получилась, повлекла за собой известное охлаждение. Тут я известную горечь имею в том смысле, что в этом отходе Н. Н. вел себя не так, как должен был бы вести себя учитель по отношению к своим ученикам, в том смысле, что мне кажется, что, с одной стороны, это была борьба, немножко переходящая в область некоторого интриганства. Но это свойство его личности, это черты его натуры. С одной стороны, своеобразная психика – это несомненно крупный человек, исключительно одаренный человек, а, с другой стороны, это человек с какими-то волевыми дефектами, которые иногда даже заставляли его просто следовать своим примитивным инстинктам и действовать неэтично. Наши встречи становились все более и более редкими, все более и более внешними, и материалы о настроениях Н. Н., о его внутреннем «я», эти материалы за последние годы у меня отсутствуют.

Теперь по поводу этого эпизода с Новиковым[25]. Я должен подтвердить то, что говорил С[ергей] Н[атанович] [Бернштейн]. Речь идет об обзорной работе. Факт тот, что некоторый результат, который был получен, по-видимому, Новиковым, я это говорю на осно-

вании ваших слов — появился, с одной стороны, в статье Лузина и Новикова в одном журнале и одновременно, без малейших указаний на авторство, — во второй статье, которая печатается под фамилией только Лузина[26]. Я считаю, что этот факт является психологически фактом такого же порядка, как и два письма, написанные одновременно Урысону и мне много лет тому назад, которые были подписаны Н. Н.Лузиным. Это совершенно необъяснимое поведение, потому что всякий человек это может установить. И от этого установления Н. Н. мог потерять не только в глазах советских ученых, но и в глазах всех мало-мальски компетентных людей. Это явление, несомненно, неэтическое, и я не хочу его замазывать. Но мне кажется, что оно относится почти к психиатрической аномалии его психики.

Хинчин. Я, прежде всего, позволю себе не повторять того, что здесь говорилось: П[авел] С[ергеевич] говорил о заслугах Н. Н. в деле создания нашей Московской школы и т.д. Я не буду говорить о моей личной глубочайшей ему благодарности, в которой я могу только соперничать с П[авлом] С[ергеевичем], потому что хотя я формально не являюсь его учеником, но в сущности если я могу назвать кого-нибудь своим учителем, то только его одного. От него я получил столько, сколько я не получал ни от одного другого человека, в смысле глубины научного воспитания. Но я не буду подробно говорить о всем этом, потому что это в значительной мере будет повторением того, что сказал П[авел] С[ергеевич]. Позвольте перейти прямо к деловому вопросу.

Я хочу напомнить, прежде всего, один факт, который может быть сейчас представляет некоторый интерес и о котором никто не говорил. Дело в том, что когда Н. Н.Лузина выбирали в Академию наук, то непосредственно перед этими выборами нам в Московской школе были выставлены кандидатуры различных учреждений, и то учреждение, в котором работал Н. Н., — Институт математики Московского университета, при выставлении кандидатур высказался против кандидатуры Н. Н.[27]Это факт, который может представлять сейчас некоторый интерес. В частности, я должен сказать, что я лично тогда высказался против этой кандидатуры. Я в этом деле играл некоторую роль, так как я был одним из трех членов Комиссии, созданной Математическим институтом Московского университета для подготовки всех материалов по кандидатурам. Я и вся Комиссия в целом, а затем и Общее собрание Института высказались против его кандидатуры. И после того, как Н. Н.Лузину такое мое отношение к его кандидатуре стало известно, между нами все отношения порвались. Все то, что я знаю после этого и могу сообщить о Н. Н., — это все только сведения из вторых рук, или по тем встречам, которые мне пришлось очень часто иметь с ним, так как я в течение двух лет был директором Института математики Московского университета[28].

Разрешите идти мне по пунктам этой статьи. Может быть, это будет целесообразнее.

Ферсман. Почему вы оказались против его кандидатуры?

Хинчин. У меня был несколько своеобразный взгляд, который я всегда высказывал откровенно. Я не считал и не считаю до сих пор, что звание академика — это кресло в Совете, и это не должно быть даже синекурой или титулом, или оплатой за прежние заслуги, а это должно быть постом организатора. И я считаю, что Н. Н.Лузин, при всех его прежних заслугах, которых я не отрицаю, к организаторской деятельности — при всех его личных свойствах — не способен. Я тогда, наоборот, выставил кандидатуру Д.Ф.Егорова покойного, который не был избран. И я должен сказать, что я до сих пор жалею, несмотря ни на что, что он не был избран. Но это мое личное мнение о наших кандидатах. Канди-

датами Института были, если я не ошибаюсь, Д.Ф.Егоров и... (не расслышано)[29]. У них обсуждалась только кандидатура Н. Н.Лузина. И она получила от общего собрания отрицательную характеристику. Другой кандидатуры не возникало.

Дальше, здесь говорится об отзывах. Должен сказать, что к списку тех, которые здесь даются, я мог бы прибавить очень много известных мне. Мне приходилось по должности моей сталкиваться с этим, так как ко мне как к директору Института математики приходили люди, требовавшие внимания к своим исследованиям и приносившие с собою отзывы и характеристики Лузина. Я знаю отзывы значительно более резкие. Ко мне приходили люди явно психически больные, работы которых представляют сплошной бред сумасшедших, по поводу которых, однако, Н. Н. в своих отзывах говорил, что в них имеются мысли, которые, вне всякого сомнения, будут положены в основу будущей математики, в основу будущей физики и т.д.

Очень тяжела его роль была в деле одной нашей аспирантки, которую мы очень долго выживали из Института. Она была совершенно негодна и вредна. Она пользовалась всякого рода протекциями и причинила очень много неприятностей нам, особенно партийному руководителю института. И в самый последний момент, когда, казалось, удалось нам ее убрать, в Наркомпрос[30] вдруг поступило письмо акад. Лузина, в котором он просит весьма настойчиво присоединить [свой] голос к числу тех, которые стоят за восстановление этой аспирантки. Причем я выяснил потом, что акад. Лузин никогда в глаза не видал этой аспирантки, но к нему пришел ее муж и сумел убедить его в том, что его жена большая энтузиастка математических наук.

Конечно, все эти факты соответствуют действительности, но что касается оценки этих фактов, то я здесь, конечно, не могу говорить о том, было ли здесь или не было сознательное вредительство, т.е. определенная линия на причинение вреда советской власти. Для этого надо залезть в душу человека. Думаю, что насколько я знаю, — я был ближе к Н. Н. и могу судить о Н. Н., я бы сказал, что здесь скорее такой определенной линии не было. В этом отношении я присоединяюсь вполне к мнению С[ергея] Н[атановича] [Бернштейна]. Но я не могу только объяснять все одними чертами характера Н. Н. Ведь нам надо учитывать, что Н. Н. не ребенок, и он хорошо знал, что когда советское учреждение запрашивало о пригодности такого-то человека для занятия такой-то должности профессора и т.д., он, зная, что этот человек непригоден, пишет, что данный человек пригоден, он тем самым способствует его утверждению в этой должности. И он не мог не знать, что он этим приносил вред. Таким образом, здесь не было определенной линии, может быть. Это делалось не ради причинения вреда, а ради каких-либо других целей, но, во всяком случае, это нельзя назвать бессознательным причинением вреда.

Ферсман. В каких случаях это было?

Хинчин. Во всех случаях, когда Н. Н., зная, что человек не достоин, давал хороший отзыв. Он давал много отзывов и в Наркомтяжпром[31] , и в Наркомпрос и т.д. людям для занятия профессорских должностей. Здесь уже приводилось дело Эйгеса[32], Депутатова[33], Безсонова[34]

Бернштейн. Может быть, это была сравнительная оценка?

Александров. Н. Н. представил кандидатуру В.С.Кудрявцева[35] на степень доктора математических наук honoris causae[36].

Хинчин. Теперь дальше, в частности, дела Иванова и Шадхан[а] вне поля моего зрения.

Александров. Но эта деятельность в поле моего зрения.

Хинчин. Что же касается печатания его работ, то я должен признать, что факты, изложенные в этой статье, совершенно правильные, уместные, но они не дают материала для обвинения. Совершенно верно, что Н. Н.Лузин свои лучшие работы печатает за границей, но я думаю, что 90% советских математиков поступают таким же образом.

Ферсман. Но одновременно печатают и здесь.

Хинчин. Да, одновременно печатают и здесь, но именно лучшие работы печатаются за границей. Ну, может 90% — это и преувеличение, однако значительная доля советских математиков так поступают, и не из политических соображений, а из желания иметь оттиск в хорошей обложке, на хорошей бумаге и иметь поскорее, иметь без опечаток. У нас, к сожалению, этого нет.

Александров. В частности, я должен сказать, что процент иностранных работ по отношению к советским у меня гораздо больше. Я только в нынешнем году стал печатать мои работы здесь[37], потому что до сих пор у нас в совершеннейшем развале было это дело.

Соболев. И притом, в то время как наше издательство дает 25 оттисков, любое иностранное издательство дает 100 оттисков.

Александров. Но я должен указать, что одну из самых своих крупных работ Н. Н. выпустил в «Математическом сборнике»[38]. Я думаю, что этот пункт вообще не принадлежит к числу сильных пунктов обвинения.

Хинчин. Тем более что здесь еще один момент является для нас весьма серьезным. Что для нас политически более правильно: печатать наши работы здесь или за границей? Где должен быть центр тяжести, это еще спорный вопрос.

Ферсман. Ну, здесь вопрос в другом, здесь вопрос в отношении, в оттенке, который Н. Н. вкладывал в печатание за границей и у нас. Вот где корень.

Александров. Несомненно, что последняя его работа, которая содержит изложение диссертации Новикова и которой Н. Н. придавал очень большое значение, она бесспорно напечатана у нас[39]. Работе о множествах, напечатанной в «Математическом сборнике»[40], он также придавал большое значение.

Хинчин. О работе на 160 страницах[41], которая, как доказывал Гантмахер, может быть помещена на трех страницах[42], мое мнение такое, что Н. Н.Лузин взялся просто не за свое дело и взялся здесь под влиянием определенных причин.

С места. Для того чтобы произвести хорошее впечатление на А.Н.Крылова.

Хинчин. Я его отношения с Крыловым не знаю.

Бернштейн. В значительной мере он считал необходимым отойти от своей абстрактной работы.

Хинчин. Ну, да. Он испугался, что его работы сочтут слишком абстрактными, и решил заняться тем, что будет иметь практическое значение.

Александров. И в результате написал длинную, неинтересную и скучную работу.

Хинчин. Хорошо, что он это дело бросил и перешел к своей работе.

По делу Суслина, к сожалению, я не могу сказать так много, как сказал П[авел] С[ергеевич], так как я от этой темы дальше стою и стоял. Но мне кажется, что в «Правде» имеется фактически не совсем верное утверждение. Во-первых, неверно, что Лузин сделал все возможное, чтобы выставить своего ученика Суслина из Москвы. Лузин перевел Суслина из Москвы в Иваново-Вознесенск, но перевел его в качестве своего сотрудника.

Причем надо сказать, что условия работы в Иваново-Вознесенске были тогда во многих отношениях лучше, чем в Москве. Я сам там был. После Суслина я через год приехал. Нельзя это рассматривать как выживание. Наоборот, это можно рассматривать как услугу. Пробывши год в Иванове, Суслин отсюда уехал. Я доподлинно не знаю, в чем тут дело. Но когда я приехал после него в Иваново, то единодушное мнение в Иванове было такое, что из Иванова Лузин действительно его выжил. Суслин выехал в Саратов на свою родину. И известно, что Н. Н.Лузин послал телеграмму ректору Саратовского университета[43], настаивая на том, чтобы Суслину не была предоставлена профессура, несмотря на то, что Суслин имел уже мировую известность. Суслин вскоре после этого умер там от сыпного тифа.

Ферсман. А как вы объясняете историю с Суслиным?

Хинчин. Очень трудно сказать. Я знаю, что там были очень резко враждебные отношения. Н. Н. очень скрытен в этом отношении, хотя он и бывал со мною откровенным. Но каждый раз, когда речь заходила о Суслине, у него против воли прорывалась такая инстинктуозная, резкая враждебность, так что приходилось верить на слово. Но тут ходили всякие слухи. Говорили, что тут супруга Н. Н. сыграла большую роль[44], выжила Суслина.

Александров. Я считаю, что в борьбе за организацию славы Н. Н., которую взяла на себя супруга Н. Н., это был источник всяких зол.

Хинчин. Суслина называют учеником Н. Н.Лузина, загубленным Н. Н. Ну, когда человек умирает от сыпного тифа, то это слишком резкое выражение. Ведь он мог заболеть сыпным тифом и в Иванове. Но общее мнение такое, что из Иванова Н. Н. выжил Суслина. Однако самый перевод из Москвы в Иваново, я считаю услугой, которая была оказана Суслину Н. Н., тогда еще не враждебно настроенному по отношению к Суслину.

Мне хотелось возразить против одного пункта этой статьи[45]: «Мы знаем, откуда вырос акад. Лузин: мы знаем, что он один из стаи бесславной царской «Московской математической школы», философией которой было черносотенство и движущей идеей – киты российской реакции: православие и самодержавие. Мы знаем, что и сейчас он недалек от подобных взглядов, может быть чуть-чуть фашистски-модернизированных» и т.д. Насчет теперешних взглядов я ничего не могу сказать, но эти сведения мне кажутся фактически неверными.

Дело в том, что когда Н. Н. Лузин был молод, когда складывались его академические и, вероятно, его политические убеждения, насколько мне известно, (я, правда, должен сказать, что я не очень следил за этим) — в это время в Московском университете происходила борьба между реакционной, действительно черносотенной группой и другой группой, которую возглавлял Д. Ф. Егоров и которая стремилась к европеизации, в буржуазном смысле этого слова, Московского университета. И Лузин целиком принадлежал к этой второй группе. Он отнюдь не был связан с самодержавным управлением. Наоборот, его отношение к этой группе было всегда очень резкое. Он принадлежал к западникам.

Ферсман. У нас остался неосвещенным последний вопрос относительно общественно-политической физиономии Н. Н. в последнее время. Сейчас все говорили товарищи, которые были с ним близки, очевидно, до 1923 года. Кто мог бы рассказать о более позднем времени?

Соболев. Относительно политики, которую проводил Н. Н., в частности, когда дело касалось выборов членов-корреспондентов АН СССР и т.д., я помню, например, выборы

1934-го года[46], когда Н. Н. вел странную совершенно политику. Именно, С[ергей] Н[атанович] [Бернштейн] представил довольно большой список серьезных ученых с тем, чтобы отнестись со всей серьезностью к такому ответственному делу и чтобы поговорить о том, кто действительно достоин, кто может быть избран. В этом списке была выставлена талантливейшая молодежь, как А. Колмогоров, Гельфонд[47] и т.д. Список этот был составлен, с моей точки зрения, вполне объективно. И требовалось только в группе подойти серьезно к оценке каждого кандидата. И вот Н. Н. по формальным соображениям — когда чего-то не хватало, не был представлен своевременно какой-то отзыв, который можно было представить на следующий день, — словом из-за каких-то мелочей, к которым он придрался, в совершенно истерическом тоне потребовал, чтобы ни одна кандидатура, кроме той, которую он выставил, не обсуждалась. Фактически он сорвал всякое обсуждение выборов и поставил группу в такое положение, когда был выставлен только один кандидат. Я не буду говорить о том, что этот кандидат достоин, может быть, это и так, но самый факт этого отказа в обсуждении, этот срыв выборов достойных кандидатов говорит сам за себя. Я лично видел в этом деле то, что Н. Н. было просто, может быть, глубоко противно, что случайно может быть окажется выбранным какой-нибудь представитель из той молодежи вроде А. Н. Колмогорова, которого он в Академию допустить не желал. Я после группы говорил Н. Н., что это безобразие, Н. Н., то, что вы делаете. А он мне ответил, что это священные традиции Академии наук и т.д.

Я считаю, что в Академии он проводил политику, которая, во всяком случае, шла во вред Академии наук. Может быть, это делалось в целях личных, а не политических — это возможно. Можно допустить, что он считал, что ему будет плохо, если будут избраны такие то. А может быть, в силу глубокого презрения к нашей Академии наук, ко всему тому, что его окружает, это было результатом желания создать какую-то группочку вокруг себя.

Александров. Я согласен в первой части с С[ергеем] Л[ьвовичем]. Я также считаю, что Н. Н. вообще в своих общественных предприятиях себя вел действительно возмутительно. Прямо скажу, что, безусловно, всякое общественное дело Н. Н. был способен просто извратить в какое-то посмешище. Но я считаю неправильной формулировку С[ергея] Л[ьвовича], что Н. Н. не уважал Академию наук. Думаю, что мои встречи с ним за последние годы дают мне полную и твердую уверенность в этом. Наоборот, Н. Н. ничего на свете не ценит так, как звание академика. И люди, вступавшие с ним в личные отношения, часто из-за этого попадали в затруднение, потому что Н. Н. при всяком удобном и неудобном случае настолько демонстрировал, что академик — это человек совершенно другой формации по сравнению со всяким другим смертным, что это производило часто комическое впечатление. Н. Н. свое звание академика действительно чрезвычайно ценил, но в каком-то кривом зеркале, в котором у него все отражалось.

Что же касается его антиобщественных поступков, то таковых можно много назвать. Я считаю Н. Н., — это может быть очень резкое выражение — интриганом, человеком, который действительно всегда озабочен тем, чтобы вокруг него всегда была некоторая группа его клевретов, которые ему преданы, которые смотрят ему в рот, — и этим объясняются многие его отзывы о недостойных кандидатах на ту или иную степень. Тот же случай с Кудрявцевым[48]. Н. Н. писал предисловия ко многим книгам в этом же духе — смешные, смехотворные. И если у Н. Н. была политика, то эта политика, мне кажется, имела чисто личный характер: Н. Н. желал иметь «популярность» среди таких рядовых

научных работников. Он каждому скажет по комплименту. Ему хотелось иметь исключительно за себя голоса всех, не считаясь совершенно с объективным весом. Мне кажется, что факты, о которых говорит С[ергей] Л[ьвович], они бесспорны, но они относятся к личному интриганству, но не к сознательному политическому вредительству.

Ферсман. Сейчас должен приехать Н. Н. Было бы желательно выслушать его.

Шнирельман. А в чем заключается наша задача?

Ферсман. Наша задача заключается в том, чтобы подготовить материал для специальной Комиссии при Президиуме АН, которая будет разбирать это дело со всех точек зрения.

Сейчас надо будет сформулировать те вопросы, на которые мы должны дать ответ. По этим вопросам мы должны будем иметь соответствующее суждение, и, может быть, даже еще раз соберемся.

1). Что представляет собою Н. Н. как ученый? Этот вопрос как будто бы ясен.

2). Что представляет собою Н. Н. как руководитель и создатель известной школы? Этот вопрос тоже как будто бы вполне ясен.

3). Как можно расценивать, и имеются ли все основания расценивать отзывы, которые давал Лузин, в том духе, как это отмечено в статье?

Соболев [Александров].[49] Может быть, попытаться попробовать психиатров привлечь?

Ферсман. Ну, это вопрос особый.

4). Относительно издания на иностранных языках и относительно плагиата?

5). О неэтическом отношении к своим ученикам.

6). Взаимоотношения с Московской школой и

7). Вопрос об общественной деятельности Н. Н. в последние годы, вопрос, который, мне кажется, не получил достаточного ответа. Мы имеем целый ряд замечаний очень интересных, очень ценных.

Александров [Соболев].[50] Этот вопрос надо расчленить. Фигура Н. Н. как общественного деятеля, мне кажется, более или менее выяснилась, а что касается другого вопроса - политической физиономии Н. Н., то она действительно осталась невыясненной.

Нужно иметь представление о его роли [в] создании кадров, о его роли в работе с молодежью в последние годы.

Ферсман. Где он работал, кажется, больше всего у себя дома?

Следовательно, перед нами стоят семь вопросов: что представляет собой Н. Н. как ученый, как руководитель школы, как печатающийся за границей, в отношении плагиата, как представитель математической школы и затем как общественно-научный работник. На эти вопросы надо получить ответы. Думаю, что ответы, которые мы должны дать на эти вопросы, они очень ответственны. Мне кажется, что мы должны собрать материал, подумать и через 2 дня вернуться к этому вопросу.

Возьмем первый вопрос — как ученый. Здесь надо просить Сергея Натановича [Бернштейна] — он смог бы сформулировать ответ на этот вопрос, или сейчас же сказать.

Бернштейн. Мне кажется, что этот вопрос настолько бесспорный, что никаких специальных формулировок не надо.

Ферсман. Этот материал пойдет в круги, которые стоят очень далеко от этого, и поэтому следовало бы иметь совершенно ясные формулировки.

Бернштейн. Я не компетентен в том, чтобы дать отзыв по существу. Я могу дать от-

зыв в общих чертах, но чтобы составить более самостоятельный отзыв, надо привлечь к этому делу, кроме присутствующего здесь Павла Сергеевича [Александрова], который более чем другие осведомлен, Андрея Николаевича [Колмогорова].

Соболев [Александров].[51] Я думаю, что такая комбинация — я и Андрей Николаевич — это будет мало.

Ферсман. Я мыслю так: вы дадите общую характеристику.

Соболев [Александров].[51] Считаете ли Вы целесообразным, чтобы в этой области были перечислены отдельные заслуги Николая Николаевича, или можно ограничиться общим отзывом? Его работы мне известны, и мы можем их охарактеризовать.

Ферсман. Я считаю, что первый вопрос можно объединить со вторым вопросом, т.е. как ученый и как руководитель и создатель школы.

Второй вопрос — относительно отзывов. Здесь единодушное мнение. Надо просто кому-то написать.

Ширельман. Как раз в нашем Институте это подверглось обсуждению, и там есть отзывы.

Ферсман. Я думаю, что на каждый из поставленных шести вопросов мы будем иметь ответ на полстранички или на страничке.

Ширельман. Мне кажется, что надо ознакомиться с тем материалом, который уже готов в нашем Институте, и может быть, наша Комиссия тогда его целиком примет.

Ферсман. Запишем это дело за Соболевым (принято).

Теперь по вопросу о печатании в заграничных изданиях. Здесь как раз выявилась определенная точка зрения, ее надо сформулировать. Запишем тоже за Соболевым.

И здесь же вопрос относительно плагиата, который тоже более или менее ясен.

Затем относительно Московской школы. Надо будет просить москвичей дать ответ на этот вопрос[52].

Ширельман. Мне кажется, что этот вопрос не сложный, а самый простой. В Москве в среде математиков существовала такая традиция, ее можно назвать «сосание собственной лапы», даже Бугаев[53] занимался этим. Выдумают для себя проблему и начинают ее продумывать; никому ничего это не давало. Н. Н. к этой школе не мог принадлежать, потому что он ориентируется на Запад. Вся его личность проникнута преклонением перед Западом, а под Московской школой принято подразумевать совершенно другое.

Ферсман. На этот вопрос мы будем просить дать ответ проф. Хинчина.

И последний вопрос — Н. Н. как общественная фигура. Этот вопрос остался невыясненным. Здесь, в газетной статье брошено очень тяжелое обвинение.

Соболев [Александров].[54] Я считаю, что мы должны подойти так: если психиатр скажет, что полную ответственность Н. Н. может нести за свою деятельность, то нам нужно с оценкой, данной в статье, согласиться. Если же после психиатрической экспертизы будет установлено, что его поступки принадлежат к области психастении, то конечно, вывод должен быть другим. Здесь мы должны исходить из двух точек зрения: или это крайняя психастения, при которой человек не может отвечать за свои поступки, или это с полным сознанием проводимая вредительская деятельность.

Бернштейн. Здесь дело обстоит гораздо проще. Те выступления Н. Н., которые имели место, они являются объективно вредными, но с другой стороны, не[55] были указаны некоторые свойства его характера. Для того чтобы высказаться об его поступках, не к чему прибегать к услугам психиатра.

Выявилось совершенно определенно, что Н. Н., говоря обыденным языком, является человеком чрезвычайно субъективным, который свои личные отношения ставит чрезвычайно высоко во всех проявлениях своей общественной деятельности, и если по той или иной причине люди успевают войти с ним в контакт и оказать соответствующее воздействие, то он чрезвычайно легко уступает им; но, с другой стороны, если ему представляется, что то или другое лицо относится к нему отрицательно и может повредить его личному существованию, то в этом случае он готов ему всячески противодействовать.

Это второе качество, может быть, морально и не очень высокое, но оно ничего общего не имеет с сознательным вредительством. Это качество обнаружилось в его отношении к Суслину, которое не имеет никакой политической окраски. Это обнаружилось и в его письме. Это свидетельствует о том, что он не психически ненормален, а просто у него есть дефект. Эти факты могут дать основание для суждения о том, что некоторые моральные свойства Н. Н. не представляются нам привлекательными, но также не дают основания предполагать, что он действовал сознательно во вред советской власти. И наоборот, вспомним такие факты, как он в самые сильные годы разрухи с необычайной силой развивал научную работу и в то же время никогда не пытался направить своих учеников в сторону противную советской власти. Если учесть эти факты, то достаточно будет оснований считать, что во всей предшествующей деятельности Н. Н. являлся лояльным советским гражданином. И если за последнее время нет положительных фактов, то мы должны учитывать, что то, что здесь указано, объясняется в достаточной степени тем, о чем я говорил. Было бы ни на чем не основанным, если бы мы примкнули к этой экстраполяции, которая здесь делается, если бы мы сочли, что эти факты только тогда могут быть признаны несознательно вредительскими, если Н. Н. окажется психически больным. Это неправильно. Это может быть объяснено субъективными особенностями его характера, которые, конечно, нежелательны для руководителя организации.

Шнирельман. Если поставить вопрос так: является ли Н. Н. человеком, активно преданным интересам советского государства, то я думаю, что все мы единодушно ответим, что у нас нет оснований думать так, а есть все основания для того, чтобы думать не так, ибо человек, активно преданный советскому государству, прежде всего подумает об интересах дела, для которого он пишет отзыв, об интересах учреждения, которое он возглавляет и т.д. У нас нет никаких фактов за многие годы, которые дали бы возможность утверждать, что Н. Н. является активным советским человеком.

Я думаю, что этот вывод, сделанный со всей отчетливостью, уже сам по себе и с полной очевидностью доказывает, что Н. Н. нельзя доверять никакого научно-общественного дела. Это надо сформулировать так, как здесь в действительности.

Второй вопрос. является ли он активным контрреволюционером или сознательным, хотя бы и своеобразным вредителем? Я думаю, что ответа на этот вопрос мы пока не можем дать, так как у нас нет материалов. Думаю, что для того, чтобы выяснить этот вопрос (а выяснить это необходимо, так как он очень важный), мы должны сделать следующее: доверить это тому авторитетному органу, у которого есть в распоряжении весь материал.

Ферсман. Это бесспорно.

Бернштейн. Я не согласен с С[ергеем] Л[ьвовичем], что надо поставить какую-то альтернативу в отношении нормальности и ненормальности.

Что касается вопроса об активности, то ясно, что он не является активным и здесь возражений быть не может.

Ферсман. У нас будут еще дополнительные материалы от т. Новикова.

Соболев. Существенно нового эти материалы не внесут.

Бернштейн. Они ответят на вопрос о его отношении к молодежи и затем дадут разъяснение по вопросу о плагиате.

Очень серьезный вопрос относительно Суслина. Может быть, надо было бы получить соответствующее подтверждение. Я не совсем понял, доказано это или это только слух.

Хинчин. Мне передавали, что даже оригинал этой телеграммы имеется.

Ферсман. Я имел сегодня продолжительную беседу с Н. Н. Он просил меня вызвать и допросить по этим вопросам [В. В.]Голубева и [А. Н.]Крылова. Как Комиссия на это посмотрит, может быть, мы пригласим Голубева? (Комиссия высказывается за приглашение Голубева. Вносится предложение о том, чтобы запросить по этому вопросу ректора Саратовского университета Хворостина[56].)

Что же касается приглашения Крылова, то я не знаю, нужно ли?

Соболев. Если Н. Н. будет настаивать, можно вызвать, но я сомневаюсь, чтобы Крылов мог бы сказать что-нибудь существенное по этому вопросу.

Ферсман. Может быть, мы попросим акад. Бернштейна, чтобы он поговорил с Крыловым в Ленинграде[57]. Во всяком случае, мы еще раз поговорим об этом с Н. Н.

Я считаю, что нам нужно быстро решить этот вопрос и через 3—4 дня принять все в законченном виде. Задержка может быть только по самой последней ответственной части. Материалов Новикова мы не имеем, но я думаю, мы можем нажать и получить их завтра же. Может быть, мы соберемся послезавтра утром.

Бернштейн. Может быть, мы сейчас обдумаем и решим, о чем мы будем говорить с Н. Н., какие вопросы ему зададим.

Ферсман. Я думаю, он нам сообщит по всем линиям. Я с ним довольно долго говорил и по целому ряду вопросов.

Бернштейн. Я думаю, что мы ему должны задать такие вопросы: чем он руководствовался, когда давал такой отзыв, почему он нашел возможным так написать в газете? Затем задать вопрос о Новикове.

Соболев. Я бы считал возможным поставить перед Н. Н. вопрос так: если бы мы ему предложили к сочинению ф[ерматиста] на 60-ти стр. написать предисловие, какое было написано здесь, при условии, что это было бы опубликовано не у нас, а за границей, как бы он на это посмотрел?

Александров. Я хочу дать одно дополнительное показание, о котором я забыл сказать, — это о крайне бестактном поведении во время имевшей место осенью [топологической] конференции[58]. Это поведение я объясняю исключительно его враждебным отношением ко мне. Поведение было чрезвычайно бестактное: на приглашение, которое было послано Н. Н., принять участие в работах этой конференции, которая близко стояла к области, которой он занимался, Н. Н. нашел целесообразным в письменной форме ответить, что он благодарит за приглашение, но не может принять участия, во-первых, потому что это отвлечет его от собственных научных работ, во-вторых, он не может содействовать своим участием в превращении ее в общематематический съезд. Это было очень бестактно и служило предметом обсуждения и в общественных, и в административных организациях.

Ферсман. Заслушаем теперь Н. Н.

Николай Николаевич, мы хотели бы выслушать Вас. Может быть, у вас есть какие-нибудь объяснения. Может быть, у вас есть какие-нибудь вопросы, которые вы хотели бы поставить? Мы хотели бы познакомиться с вашими ответами или с вашими записками.

Лузин. Может быть, зачитать то, что я отправил в Комитет?

Ферсман. Очень хорошо.

Лузин. (Зачитывает материал.)

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Копия [—] в Академию наук СССР

В Центральном органе партии мне как гражданину моей страны и ученому, создавшему крупнейшую в Союзе математическую школу, ученому, выдвинувшему советскую математику на одно из первых мест в мире и в течение лет разрухи сумевшему набрать среди студентов талантливую молодежь и привлечь ее к научным занятиям, — мне брошено тяжкое и позорное обвинение

Найти в себе нравственную силу пережить это обвинение мне дает сознание моей исключительной роли в создании советской математики, и какие бы то ни были мне в дальнейшем суждены испытания, я в этом сознании черпаю неиссякаемый источник силы.

Я всю жизнь отдал на службу моей науки и на создание школы. Моя глубочайшая трагедия как ученого состоит в том, что моя работа протекала в период величайшей революции в истории человечества, глубокого перелома и сдвигов, которые требовали от меня, как и от всех нас, величайшего напряжения всех наших сил, чтобы правильно ориентироваться в обстановке; это мне не всегда удавалось, и поэтому я совершил ряд тягчайших ошибок. Уверенность в том, что я совершил их бессознательно, могла бы извинить их для меня, но я отлично отдаю себе отчет в том, что бессознательность этих ошибок не облегчает вреда, который они принесли моей стране.

Будучи ученым и создателем математической школы, я видел цель в том, чтобы различными путями и средствами привлекать в науку талантливых и обещающих людей. В особенности установка Правительства моей родины всячески облегчала мне эту задачу, давая возможность черпать людей из числа тех, для которых раньше наука была закрыта. Но, как я вполне теперь убедился, мое стремление выдвигать хоть сколько-нибудь обещающих людей в науку вступило в коллизию с тем высоким местом, которое мне, благодаря моим способностям и достижениям, суждено было занять в научной жизни моей родины. Тягчайшая моя вина заключалась в том, что я, с одной стороны, стремился дать возможность людям заниматься наукой, и с другой стороны, не вполне осознавал ту величайшую ответственность, которая лежала на мне в деле создания кадров преподавателей наших вузов.

Облеченный высоким доверием Партии и Правительства на посту председателя Математической группы, я, к сожалению, часто давал рекомендации и отзывы людям, не обладающим достаточной квалификацией, и тем причинил несомненный вред делу нашего образования.

Я знаю, что бессознательность моей ошибки ни в коем случае не уменьшает моей вины, но сознание того места, которое я занимаю, представляя мою родину в мировой науке, позволяет мне дать Центральному Комитету Партии объяснение причин, в результате которых я совершал такие тяжкие ошибки.

Для человека, вступившего на научное поприще в дореволюционное время, занятия наукой означали полный отрыв от жизни. В этом отношении я могу позавидовать более молодым товарищам, которым революция дала возможность гармонически развивать все свои духовные силы и прекрасно ориентироваться во всех грандиозных событиях, происходящих в нашей стране. Мне это не было суждено, и занятие наукой сделало меня на много лет книжным человеком, далеким от жизни, не всегда умеющим вовремя переключаться и идти в ногу на каждом новом этапе, возникающем с новым положением вещей и новыми потребностями.

Величайшей моей ошибкой, не упоминаемой в статье, но глубоко мною пережитой, был и мой уход из Университета в 1930 г. Сейчас мне трудно даже отдать себе отчет, как могло случиться, что я, крупный ученый, видевший свое призвание в преподавании магематики, смог отказаться от преподавания в Университете и не понять, что развитие нашей жизни и быстрый рост нашей страны открывает передо мною перспективы, о которых я никогда не мог мечтать.

Сознавая вполне всю глубину политической моей ошибки в неумении оценивать обстановку и вовремя переключаться, я согласен нести за нее любую ответственность.

В той же статье мне предъявлено обвинение не как ученому моей страны, но как человеку: ставится под подозрение моя моральная честность. С этим я никак не могу согласиться и убежден, что в этом пункте мне будет дана полная реабилитация.

Меня обвиняют в трех пунктах:

1) в том, что Суслин погублен мною;

2) что я выдал его открытие за свое;

3) что я напечатал работы своего ученика Новикова под своей фамилией.

Пункт второй, касающийся присвоения открытия Суслина, я считаю основанным на сознательном введении в заблуждение Центрального Органа Партии лицами, об этом ему заявившими.

Как может увидеть из прилагаемого при сем экземпляра «Comptes Rendus»[59] всякий научный работник, имеющий публикации в научной прессе, наша совместная публикация выдержана в абсолютно корректном виде, установленном usus'ом[60] в международной практике научных публикаций. Меня обвиняют в том, что в позднейших работах я развиваю идеи Суслина. Но в этом состоял мой долг ученого, и ставить мне это в упрек могут только люди недобросовестные.

Дальнейшее о моих взаимоотношениях с Суслиным, а также с другим моим учеником Новиковым, я подробно излагаю в приложениях.

Правильность моих утверждений, безусловно, подтвердит сам Новиков; что же касается до отношений с покойным Суслиным, я прошу затребовать сведения от проф.Меньшова и проф. Федорова[61], которые близко с нами в то время соприкасались.

Я знаю, что ни Центральный Комитет, ни Центральный Орган Партии не делают шагов без предварительного зрелого обдумывания, и эти шаги, в конечном итоге, направлены на благо моей родины.

Я отдаю себе отчет в том, что, помещая статью обо мне в «Правде», Партия руководствовалась необходимостью дать примерный урок руководящим ученым нашей страны, не осознающим всю тяжесть политической ответственности за развитие науки в нашей стране.

Для меня является нравственным утешением сознание, что этот урок будет не только глубоко пережит мною, но и всей научной общественностью моей страны.

Что касается последнего абзаца статьи «Правды», где мне предъявляются чудовищные обвинения в прислуживании нынешним хозяевам фашизированной науки, то я с полным сознанием своей политической ответственности как ученого с мировым именем и гражданина Союза, заявляю, что редакция «Правды» была сознательно введена в заблуждение людьми, заявившими ей об этом. Это опровергается всей моей жизнью и деятельностью как ученого и как человека.

Я не нахожу слов, способных выразить всю глубину моего негодования по поводу предъявления мне обвинения «в прислуживании хозяевам фашизированной науки». При всех моих ошибках и заблуждениях я никогда не испытывал иного чувства как чувство мерзостного отвращения к разрушителям науки, служению которой я посвятил всю свою творческую жизнь.

Я знаю, что буду, и я готов отвечать за все свои бессознательные ошибки, о которых я писал в этом заявлении.

Я убежден в том, что я буду реабилитирован как человек, обвиненный в моральной нечистоплотности, и как гражданин моей страны, обвиненный в тягчайшем политическом преступлении.

Я убежден, что этот случай, возбудивший всю научную общественность, послужит к ускорению перестройки ученых и еще большему расцвету науки в нашей стране.

Ферсман. Не могли бы Вы осветить некоторые детали в связи с вопросом о Суслине и Новикове. Первый вопрос о посылке телеграммы в связи с переходом Суслина и приглашением его в Саратовский университет. Был такой факт или нет?

Лузин. Тогда я к тому, что зачитал сейчас, прибавлю вам то, что у меня написано о Суслине: «Меня как ученого судьба баловала талантливыми учениками. Среди них выделялся Суслин.

Будучи в годы разрухи приглашен в Иваново-Вознесенский Политехнический институт, я взял с собою Суслина и устроил ему должность экстраординарного профессора, причем Институт потребовал от него сдать в течение двух лет магистрантские экзамены. К сожалению, я не смог заставить Суслина всецело посвятить себя научной работе, и по прошествии двух лет, ввиду не сдачи им магистрантских экзаменов у него возникли трения с дирекцией Института, и он вынужден был, покинув Иваново-Вознесенск, уехать к своим родителям. Не скрываю, что на почве моих требований о подготовке к экзаменам и отсутствия у него достаточного импульса это сделать, у нас произошли трения. Я и сейчас, 17 лет спустя, считаю недопустимым, для столь талантливого человека, как Суслин, загружение педагогической работой в ущерб научной работе. Когда Суслин захотел стать профессором в Саратове, я выразил свое мнение о том, что ему не следует давать там кафедры, так как я находил, что это был единственный способ для того, чтобы он был вынужден, хотя бы под давлением внешних обстоятельств, приступить, наконец, к серьезной научной работе. При этом я хорошо знал, что родители Суслина вполне обеспеченные люди, и он в заработке не нуждается».

Ферсман. Ну, а если бы он не остался в Саратове, если бы ему в Саратове отказали в работе в университете, он мог бы вернуться в Иваново, за ним там оставалось место?

Лузин. Тогда была предложена такая формулировка, что до тех пор, пока он не сдаст экзаменов, он, стало быть, увольняется.

Теперь о Новикове. (Зачитывает материал.)

«В работах руководителя с талантливым учеником, каковым безусловно является Новиков, неизбежно сплетение идей и взаимное влияние друг на друга, особенно тогда, когда они оба работают над одним и тем же самым вопросом. В результате очень часто бывает невозможно, как в совместных, так и в отдельных работах, выделить мысли руководителя и ученика, и мое глубокое убеждение, что в отношении к его идеями мною была проявлена полная корректность, и что я ни в коем случае не переходил границ, которые во всем мире существуют при совместном публиковании руководителя и ученика.

Упомянутая в статье «Правды» моя работа «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» представляет из себя доклад, сделанный мною на майской сессии Академии наук в 1935 г. На первой же странице этой работы указано, что я буду излагать частью свои личные результаты, частью же исследования Новикова. А на 46-й странице[62] жирным шрифтом напечатано: «Изыскания П.С.Новикова», и с этого места я начинаю излагать его результаты.

Относительно другой моей работы[63], не упомянутой в «Правде», но, как я полагаю, явившейся поводом для утверждения, что работа Новикова публикуется под моим именем, я должен заявить следующее. Borel'ем по типографским соображениям, как это следует из его письма, которое при сем прилагается, выкинуто три строки, содержащие ссылку на Новикова. В подтверждение этого я представляю черновик заметки, посланной мною в Comptes Rendus, и появившуюся в печати заметку.

Кроме того, эта заметка в Comptes Rendus есть первая из серии в пять заметок, из которых пока две только напечатаны[64]. В остальных трех имелось в виду дать полную трактовку вопросов».

Я все время ожидал, что мне принесут письмо акад. Крылова, касающееся того обвинения, которое мне было предъявлено относительно того, что я разбавляю свои статьи водой. В этом письме он пишет свое личное мнение.

Здесь речь идет о втором обвинении, предъявленном мне, которое разрешите сформулировать таким образом: «Недобросовестность в моей научной работе, выражающаяся в том, что я все принципиально важные работы печатал за границей, оставляя на русском языке только работы, не имеющие значения». Все мои научные работы я печатал как у нас в СССР, так и за границей

Ферсман. Ну, мы этого вопроса не будем затрагивать. Тут есть известные тонкости.

Лузин. Поскольку я не получаю ожидаемого мною письма А. Н. Крылова, разрешите просто мне сказать своими словами то, что он мне пишет после получения моего толстого мемуара.

Мне не особенно ловко цитировать, но насколько я помню, он пишет: «Я очень рад был получить от Вас Ваши мемуары, которые представляют исключительно глубокое аналитическое преобразование. Я ими вполне удовлетворен. И я считаю необходимым немедленно их печатать. Для этой цели я передал Ваши мемуары И. М. Виноградову. Он отзывался о них с похвалой» ... и т.д. Ну, дальше идут различные детали[65].

Александров. Мне очень тяжело выступать по этому вопросу, но я считаю себя обязанным это сделать. Я начну с работы Новикова. Действительно, была очень неудачная публикация, заключающаяся в том, что некоторый результат, опубликованный в работе, совместной работе Вашей и П. С. Новикова, был затем опубликован в Вашей собственной ноте[66]. Я читал эту работу Новикова и вашу собственную действительно с большим интересом. И все-таки их содержание более или менее идентично. А теперь вы приводи-

те объяснение проф. Бореля, где он пишет, что те 3 строки, в которых дается такое важное признание с Вашей стороны, им вычеркиваются. (Зачитывается французский текст.)

Я должен сказать, Н. Н., что здесь какое-то недоразумение. Я отказываюсь, насколько я знаю обычаи математических публикаций, верить, чтобы Борель или кто-нибудь другой, мог вычеркнуть три строчки такого содержания «...» указав при этом «...» (французский текст)[67]. Мне кажется, что Борель, написавши это, допустил такое грубое оскорбление по Вашему адресу, Н. Н., вычеркнув цитату, которую Вы приводите, и, написав при этом, что он надеется не изменить Вашу мысль, что у Вас должна была быть совершенно определенная реакция. Ведь это же совершенно недопустимое нарушение всех научных традиций со стороны Бореля, и Ваша реакция могла быть только такая, что вы должны были немедленно потребовать восстановления Вашей мысли в этом существенном пункте. Вы должны были немедленно потребовать, чтоб в следующем номере Comptes Rendus было указано, что «к сожалению, выпала такая существенная цитата», хотя бы она была и в три строчки только. Я не могу представить себе, чтобы редакция какого-нибудь журнала могла Вам в этом отказать.

Лузин. Видите, П[авел] С[ергеевич], я собственно угадываю, что именно Вы можете предположить: что это место не однозначно относится.

Александров. Мне так кажется.

Лузин. Но можно будет запросить самого Бореля, или можно будет запросить черновик, выписать из Парижа, где все это будет восстановлено. Факт посылки — это абсолютно точный факт.

Но, что касается того, почему я тотчас же этого не потребовал, то я скажу, что я имел в виду написать пять нот, из которых я написал две и одновременно послал их Борелю, а что касается остальных, то я предполагал осветить этот вопрос уже не тремя строчками, а более подробно, использовав для этого три ноты, мною еще не опубликованные. Эти три ноты я не опубликовал, так как я это время был занят другими заботами, т.к. мне пришлось отложить все научные дела и прекратить публикацию.

Шнирельман. Я, не будучи знаком, по существу с этими работами, хотел бы выяснить: действительно эти работы по содержанию приблизительно одинаковы?

Лузин. Имейте в виду, что когда вы просмотрите мои ноты, то вы увидите, что там есть главный пункт, в котором я полагал весь центр тяжести — это эффективность. Это именно та идея, о которой у Новикова не говорилось. Последний абзац, где как раз находится этот центр тяжести[68], — это пункт дополнительный, но он самый важный, потому что в нем лежит центр тяжести моих пяти нот. Здесь систематически развивается учение.

Александров. (Зачитывает сначала французский текст[69].) По этому поводу я должен сказать, что действительно мне хорошо известно, что Н. Н. уделяет очень большое внимание этому принципу, подчеркивает эту, ему лично принадлежащую идею так называемой математической эффективности. С серьезностью этого обстоятельства я вполне соглашаюсь. Но я должен сказать, что, тем не менее, несмотря на это положение вещей, с точки зрения наивного математика, не разделяющего специальные философские воззрения Н. Н., эти две работы действительно гождественны. Н. Н. внес некоторую новую считаемую им и всегда считавшуюся им чрезвычайно важной эту идею. Но, во всяком случае, когда дело идет о работе ученика и учителя, Н. Н., можно было бы просто это различие, которое все-таки, более философского характера, нежели математического, указать. Когда некоторая конструкция принадлежит двум авторам, в том случае, если

дается совершенно новое доказательство факта, или совершенно новая интерпретация факта, тогда принято указывать, что мы вместе или Новиков и я доказали такой-то результат, а теперь я усиливаю этот результат и даю новое содержание и т.д. К сожалению, отсутствие такой цитаты о Новикове, которую могли по недоразумению вычеркнуть, это есть обвинение морального порядка, которое могло бы быть вам предъявлено.

Лузин. Мои последние строчки вовсе не представляли такого философского жеста, но они представляют результат глубоких и долгих размышлений, проводившихся в течение целого лета. Это именно та формулировка теоремы, очень тонкая и очень сложная, которую я имел в виду развить в трех последних нотах, и к которой я приступил, и которая здесь не фигурирует. Обе эти ноты были посланы одновременно. Я хотел немедленно послать третью ноту, но задержалась ее публикация[70]. Задержка здесь в данном случае произошла не по моей вине даже. А то, что сказал П[авел] С[ергеевич], это сущая мелочь, это сущая ерунда. В моей новой статье «Дескриптивная теория функций»[71] — там материал из Новикова полностью указан. Вы на русском языке, П[авел] С[ергеевич], прочтите также, потому что русский язык я также считаю обязательным.

Александров. В этом пункте я Вас со всей серьезностью считаю неправым. Я думаю, что Вы и сами понимаете, что для общественного мнения нота в «Comptes Rendus» имеет больше значения, чем статья, напечатанная на русском языке, потому что статьи на русском языке меньше читаются, чем статьи на французском языке. Я совсем не хочу уменьшать приоритет русского языка, но ведь именно поэтому у нас «Доклады» печатаются на двух языках. Этим фактом двойной публикации[72] научное общественное мнение всего мира не могло не быть введено в заблуждение.

Лузин. В статье «Фундамента Математицэ» — там это полностью указано[73].

Александров. Но скажите, считаете ли Вы нормальным, чтобы одна и та же теорема появлялась с двумя разными аннотациями?

Лузин. У меня сказано следующее: «...» (зачитывает французский текст). Так что приоритет Новикова восстановлен. С моей точки зрения, какая-нибудь утайка, желание похитить что-нибудь у Новикова, категорически опровергается тем, что уже было напечатано с полной ясностью. «...» (французский текст[74]).

Следовательно, у меня юридически причин после опубликования этого, — а эта вещь появилась раньше[75] — не могло быть, конечно. Тут произошло несчастное стечение обстоятельств, а именно – тот факт, что я желал в трех нотах разъяснить всё, касающееся эффективности, а не ограничиваться тремя строчками. Я хотел гораздо более рельефно поставить там. Произошла задержка. А все остальное — мелочи. Мы с Вами, П[авел] С[ергеевич], не юристы, а ученые, и я достаточно как ученый реабилитировал себя: я за своей подписью опубликовал это. Не может же Н. Н. из «Фундамента Математицэ» противоречить Лузину, печатающемуся в Париже. Я не нахожу, что «Фундамента Математицэ» есть только ничтожный журнал[76], что он не распространяется в [Европе] (не расслышано).

А что касается того, что есть сейчас, то я считаю, что это глупость и пустяки. Если бы у меня не было опубликовано в «Фундамента Математицэ», то тогда действительно у меня было бы очень тяжелое положение. Но ведь за границей получают «Фундамента Математицэ». И, кроме того, на Западе люди настолько образованные, что раз публикация не закончена, раз не поставлена проблема, которую я должен решать в третьей ноте[77], то, стало быть, весь мир должен ждать этой третьей ноты. Но я не приписываю себе такой важности, что меня будет ждать весь мир.

Ферсман. Вы согласны, Н. Н., сами с тем, что положение необычайно тяжелое? Вопросов было достаточно, а затем общее освещение, которое имеется в статье. В этой статье большое количество ошибок, многое указано неточно. Мы сами вскрыли ряд неточностей. Но существо от этого не меняется. Существо очень тяжелое. Я думаю, что это главное, на что надо было обратить внимание в Ваших ответах, — в основном подходе, в том основном, что вытекает из этого дела. Человеку при разных деталях математических и известных психологических моментах, которыми освещается фигура академика, бросается известное, очень серьезное обвинение. Вот в чем дело, в этом основа. Вот что от вас хотелось бы услышать. Все-таки жизнь заставляет сейчас совершенно определенно от каждого из нас ждать ответа на вопрос о той позиции, которую он занимает в стране. Ведь от его позиции, от его активности зависит необычайно серьезная сторона нашей общественной, политической и культурной жизни. И вот эта статья в значительной степени бьет по этому. Она говорит, что Н. Н. не только не является пассивным каким-нибудь советским работником, а он является по существу «врагом в советской маске», что он просто связан с фашистскими кругами. Я думаю, что этого не опровергают все эти мелочи, о которых Вы здесь говорили. И в этом по существу основа всего. И я думаю, что здесь со всей резкостью и определенностью Вы должны и перед собою, и перед другими, и перед общественностью, и перед всеми поставить этот вопрос и дать на него ответ. Знаете, у каждого из нас есть известные ошибки и, вероятно, громадные ошибки, особенно у тех, кто более сложно переживал все события нашей революционной эпохи. Но всегда может наступить момент, когда необходимо особенно над ошибками подумать, передумать и известным образом со всей глубиной дать на них ответ. Я думаю, что не нужно нам и Вам рыться во всех этих мелочах. Есть более глубокие вопросы, которые не в Вашу пользу, Н. Н. Это мое откровенное мнение. Они не в пользу известного академика, не в пользу одного из граждан той страны, в которой надо включить всю энергию на борьбу, где надо подчинить свои собственные интересы интересам тех задач, которые в этой стране появились. Вот это я считаю главным. И мне кажется, я должен сказать совершенно откровенно, что выявлен в данном случае человек, который не сумел подчинить свои собственные интересы, может быть, часто очень большие интересы, особенно когда он сопоставлял себя в области научной работы, когда он сопоставлял свои собственные научные подходы, он не сумел подчинить их более широким, более глубоким и гораздо более острым моментам потребности нашей страны в целом и того коллектива, в котором он находится. Вот в чем суть. Вы на это не отвечаете. Все то, что вы говорите, это мелочи. А, по-моему, главное пятно этим не смывается. Я думаю, что это самое основное, и над этим нам хочется подумать и об этом нам надо поговорить.

Я понял трудность этого вопроса. Трудность как всегда в этом вопросе не лежит в ряде конкретных многочисленных отдельных фактов. Сейчас эти факты довольно ясны. Нам хотелось бы просто от вас выслушать известного рода какой-то анализ своего собственного отношения ко всем вопросам, связанным с ролью и с важной ответственной ролью ученого.

Н. Н., для меня ясны эти положения, и я думаю, что и Вы это должны понимать. Вы ставите себя очень высоко и, вероятно, весьма по заслугам, как математика. Но чувствуется, что Вы не сумели именно этого понять сейчас: Вы не перевернули, Вы не сумели подчинить свои собственные интересы интересам того большого и очень сложного, требующего часто громадного самопожертвования личного, что делается сейчас в нашей стране.

Лузин. Я думаю, что это правильно.

Ферсман. Да, Вы не сумели. Я, может быть, иногда себя проверяю в этом вопросе, и я вижу, что я делаю ошибки, что я не умею в достаточной степени, не всегда умею достаточно тонко подчинить свои интересы. И, тем не менее, мы должны бороться, и каждый из нас в отдельности — те, которые, по крайней мере, не пришли в революцию достаточно молодыми. Вы правильно говорите, я это одобряю.

Лузин. Да, это верно.

Ферсман. Молодежь в другом положении, ей гораздо легче. Но, тем не менее, Вы себя не сломали. Я думаю, что вы должны сознаться и сказать, что Вы себя не сломали, Вы не выработали в себе этого умения подчинять свои собственные интересы интересам коллектива, которые часто расходятся. В вас очень сильно чувствуется эта самовлюбленность — вы не сердитесь на меня, но я хочу сказать так, как мне кажется. Я думаю, что сейчас надо открыто говорить. Вы очень часто ставили свои личные интересы выше интересов коллектива и этим самым вы наносили очень большой ущерб: и моральный ущерб, и реальный ущерб, который, может быть, не был таким большим. Но моральный ущерб был большим, потому что выдвигались люди, которые никуда не годятся. Из-за этого они гибли сами, потому что они не могли выдвигаться. Получалось неудовлетворение у тех молодых кадров, которые должны были возбуждаться к науке. И таким образом, моральный ущерб наносился в целом тому культурному росту, который у нас был.

Я думаю, что масса в этой статье неверного было в отдельных деталях, но, простите меня, но в основном это так, я убежден. Я думаю, что не все это разделяют, но я хотел сказать, что Вы должны эту сторону со всей решительностью продумать так, как иногда ночами думаешь для того, чтобы перестроить себя и понять себя в известные трудные жизненные моменты. Для Вас эти моменты куда труднее. Это — один из моментов, который вас заставляет сразу всю жизнь пересмотреть и решить, куда вы пойдете дальше, как вы хотите вести себя дальше. Вот моя мысль. Товарищам молодым это легче, для них многое проще. Это — несомненно. Мы это прекрасно понимаем. Но я думаю, что в этом по существу основа всего.

Когда читаешь статью в «Правде», часто знаешь, что она в фактах не верна, а между тем знаешь, что по существу она верна с точки зрения той задачи, которую она выдвигает, не всегда достаточно точно, поскольку она не успела достаточно собрать материала. Она, может быть, даже не то говорит, а может быть иногда и должна не то говорить, потому что нужно известную линию проводить в жизнь, а эта линия правильная, потому что это есть линия государства, обусловленная нашей государственной жизнью.

Не будем спорить о мелочах. Подумайте в эти немногие дни, когда идет известная борьба вокруг этого вопроса, подумайте над самим собою.

Это не статья по отношению к вам только, это статья по отношению к А, В, С, ко всем этим частицам в окружающей нас жизни. Это есть один из способов вскрыть одно из ненормальных тяжелых, опасных, вредных явлений, которые в нашей научной среде имеются, в среде старшего поколения в значительной степени. Поймите глубину, и моральную, и политическую, и общественную глубину этого вопроса. Я не думаю, чтобы вы сейчас могли ответить на эти вопросы. Вы, вероятно, сразу не ответите, потому что надо подумать. Но подумайте. Ведь это необычайно глубокий и большой вопрос Может быть, вы тогда иначе поставите, может быть, вы тогда не будете цепляться за ряд мелочей,

но вы просто скажете, что да, жизнь действительно сейчас такая, я не был в достаточной степени на высоте. Каждый из нас это говорит. И мне пришлось в отдельном случае сказать: «Что же, сделал в известном случае ошибку, давайте ее исправлять». И вы должны это совершенно жестко сказать, ибо сейчас пришло время, когда приходится отвечать в самой жизни. Ибо эта жизнь осуждена, осуждена правильно, осуждена инстинктивно правильно. Это осуждение сквозит у многих наших молодых работников, часто, может быть, недостаточно осознанная, но по существу правильная постановка вопроса. Вы не ответите сейчас на этот вопрос, но вы продумаете его и передумаете со всей решительностью и со всей глубиной всю эту постановку. Я думаю, что эти вопросы широко будут подхвачены во всех научных кругах, ибо, несомненно, это вопросы большого общественного и ..

Лузин. ... и принципиального

Ферсман. ... да и принципиального значения. Но это вопросы, которые требуют не внешнего решения, не внешней защиты, а глубокой какой-то внутренней переработки. Вы сами, вероятно, найдете пути, которые смогут обеспечить это. Здесь дело не во внешних словах.

Лузин. Я признаю абсолютно правильным то, что вы сказали, и я хочу сказать только, что в последние месяцы я стал инстинктивно это чувствовать, но мои инстинктивные переживания практически переломились только в одном. Партия совершенно правильно рассматривает мое удаление из Московского университета, сначала добровольное, а потом по болезни, как факт исключительно отрицательный, индивидуальный, обязанный, может быть, той самой самовлюбленности, о которой вы говорили. Но в настоящее время я почувствовал необходимость жить этими коллективными чувствами. Я вернулся в Московский университет, я там открыл курс и принял, до появления этой статьи, приглашение читать лекции. Но мое новое мироощущение сказалось пока только в этом. А дальше мне по свойству моего характера нужно много думать. Время же очень горячее. Так что в этом отношении я попал в трагическое положение, потому что что-то надо сделать, а для этого нужно, чтобы что-то внутри у меня созрело.

Ферсман. Я вернулся из-за границы, где я пробыл 3—4 месяца и кипел в разной заграничной обстановке. Я вернулся с глубочайшим убеждением в той огромной ответственности, которая лежит на наших научных кругах в Советском Союзе. Я считаю, что необходимо решительное, коренное изменение в нашей необычайно косной и устарелой семье. Я должен сказать, что я вернулся в таком настроении, что я считаю, что во многих отношениях мы стоим гораздо выше Запада. Мы стоим выше в области научной идеологии. Несомненно, нам нужно многому учиться. Завтра я буду говорить о том, чему нам надо учиться, но в идеологическом отношении мы в десять раз выше. И мы здесь непобедимы. Но на нас лежит громадная ответственность в этот момент нарождающейся борьбы. Борьба действительно подготовляется, и мы должны быть во всеоружии в этой подготовке. И в этом отношении мы должны особенно чувствовать нашу ответственность. Советское правительство ждет от советского ученого совсем другой психологии. Пусть действительно он поймет те требования, которые наша страна ставит перед ним, и сольет целиком свои собственные интересы с интересами нашей страны. Этого требовать нужно со всей решительностью и со всей определенностью. Я высказываю здесь свое личное мнение. Если нет вопросов, то, может быть, мы и ограничимся этим сейчас.

Соболев. Я просил бы вас, Н. Н., со всей откровенностью ответить на такой вопрос: согласились ли бы вы написать предисловие к книжке ферматиста Тер-Микаэляна, если бы вы эту книжку должны были издавать в Париже? Согласились ли бы вы написать то же самое предисловие с тем, чтобы на французском языке вышла эта теорема Ферма? Хватило бы у вас храбрости для этого?

Лузин. Абсолютно. Почему? Да потому, что мое предисловие было написано довольно художественно. Мне стыдно себя хвалить. Но вы знаете, в ферматистских работах соображения так внутри спрятаны, что страшно трудно анализировать. Я проанализировал, и как будто бы человек действительно подошел к истине. Но насколько он пришел к ней, мне трудно сказать. Однако я убежден в этом. Я изучал Ферма. Скажите, откуда появились первые идеи Ферма? Если произведение $N^2 \cdot k =$ сумме трех квадратов, то k — есть также сумма трех квадратов. Это положение есть истинность. Оно доказывается очень сложным путем. Но он доказал при помощи метода спуска. Метод спуска я старался открыть, мне это абсолютно не удалось. Правда, я залезаю в чуждую область. Но с этой работой я выступил бы со всем мужеством в Париже. Да, здесь мужество нужно. Пусть меня перекрыли бы впоследствии как ученого, но это была бы ошибка абсолютно добросовестная.

Кстати, вот принесли письмо акад[емика] Крылова спешной почтой.

(Зачитывается письмо.)

Академик Лузин уходит.

Ферсман. Ну-с, перейдем к заключительной части нашего заседания. (Каждый из участников Комиссии берет на себя формулировку постановления Комиссии по одному из 7 вопросов, намеченных акад. Ферсманом.)

По последнему пункту мы примем такую формулировку:

«Исходя из сказанного и на основании анализа всего имеющегося в Комиссии материала, Комиссия, признавая большие заслуги как чисто научные, так и в особенности в деле организации советской математической школы, тем не менее, должна указать, что деятельность Н. Н.Лузина содержала ряд неэтических моментов и, во-вторых, что его научно-общественная роль в последние годы являлась определенно отрицательной и не приводила к существенному вреду только в силу противодействия, которое ей вовремя оказывалось».

СТЕНОГРАММА

заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

9 июля 1936 г.

[*Председательствует академик Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ.*]

Ферсман. Комиссия имела задачей подготовить материал, который мог бы лечь в основу обсуждения. Материал этот имеется в виде стенограммы. Когда мы рассматривали этот вопрос, мы задали Лузину ряд вопросов и обсудили по отдельным пунктам те или иные вопросы, которые были поставлены.

Мы поставили следующие основные вопросы:

1) Является ли Лузин крупным ученым?

2) Какова его роль в создании Московской математической школы?

3) Какова его связь с той старой академической черносотенной группой, которая была в Московском университете?

4) Какова его роль в составлении отзывов?

5) Какова его роль при печатании за границей?

6) Каково его отношение к работе его сотрудников и молодых работников?

И, наконец, какова его общая общественная характеристика?

По первому вопросу — является ли он крупным ученым? — здесь в основных выводах Комиссия единогласно пришла к заключению, что он является, несомненно, крупным представителем в области математики, одним из крупнейших специалистов, не только у нас в Союзе, но и в Европе. Работы Лузина оказали большое влияние на развитие не только математической дисциплины, но и на развитие ряда примыкающих к ней дисциплин, что вся совокупность его работ дает право считать его крупным математиком в Советском Союзе.[1]

С места. Это было признано единогласно.

Ферсман. В общем, расхождений не было, были кое-какие различные оттенки, но формулировки точной мы не вынесли на совещании, просто не успели, но единогласное и вообще дружное, единое — я бы сказал, — мнение было таково, что он является одним из крупных математиков в Советском Союзе.

С места. Насколько я помню, Александр Евгеньевич, мнение было таково, что он является одним из крупнейших математиков.

Ферсман. Может быть, это была моя ошибка. Но, вряд ли это имеет большое значение — крупный, очень крупный, крупнейший, — это различные оттенки и, понятно, могут быть различные градации.

Виноградов. Я хотя раньше ушел с собрания и не знаю, как приняли, но я считаю, что скорее надо написать «крупный».

Ферсман. Я думаю тоже, что формулировка «крупный» больше соответствует дей-

ствительности. Во всяком случае, при всем различии градаций он, несомненно, крупный ученый.

Второе — играл он роль в создании математической школы? Да, конечно. Он явился создателем математической школы, Московской математической школы в теперешнем виде, и в этой области его заслуги несомненны.

Третье — относительно его связи с Московской черносотенной школой. Хотя по своему возрасту Лузин должен был иметь своими учителями именно представителей этой школы, однако, в дореволюционный период своей деятельности он совершенно четко примыкал... (читает[2]).

Вот та формулировка, которая была принята математиками.

Четвертый вопрос — относительно его деятельности. Здесь было единодушное мнение. Все дали очень отрицательный отзыв относительно его деятельности, что это была не только легкомысленная деятельность, но граничившая с беспринципностью. Например, он писал письма совершенно различные по одному и тому же вопросу, писал эти письма друзьям, которые друг другу письма показали. Так что среди математиков никаких разногласий в этом отношении не было. Это известная беспринципность, больше чем легкомыслие, полная беспринципность, которая по своим результатам могла принести серьезный ущерб и вред, и с ней приходится считаться. «В последние годы Лузин представлял ряд отзывов...» (читает[3]).

Так что здесь оценка определенная и резко отрицательная.

Пятое — о работах Лузина, напечатанных за границей. Здесь математики встали на позицию такую, что он не выделялся в этом отношении из группы других математических работников и что он так же, как и другие, печатал очень много за границей. Единственно можно сказать, что он, как крупный ученый и крупный человек, должен принимать на себя ответственность за это дело и должен был критически отнестись к этому и поставить вопрос о пересмотре такого порядка. Что в нем самом было известное благоговение перед Западом – это, несомненно. И вот на этом фоне, конечно, его печатание за границей принимает несколько другой характер.[4]

Шестой пункт — относительно авторства и плагиата. Здесь были рассмотрены различные моменты, в частности, его отношение к молодым специалистам. Надо сказать, что все данные им объяснения были неудовлетворительны. Для нас было несомненно, что в интересах своего возвеличивания он не только допускал формы, которые нужно назвать плагиатом, но и допустил по отношению к одному молодому работнику ряд таких мероприятий, которые, в сущности, погубили его и создали условия, при которых он не мог работать и погиб.

Здесь, насколько я понимаю, разногласий нет.

С точки зрения этической и с точки зрения общественной характеристики — мнение самое отрицательное. Да, двух мнений как будто бы и быть не может.

Несомненно, что отдельные частные случаи могут получить то или иное пояснение, как всегда в очень сложных вопросах приоритета и взаимоотношений, но, несомненно, нужно сказать, что идеология Лузина резко отрицательная.

Относительно авторства Лузина может быть «установлено наличие фактов плагиата в некоторых случаях... (зачитывает[5]) с ничтожными изменениями за подписью одного Лузина появляется в...». Без дальнейшего указания на то что будто бы эта фраза была вычеркнута Борелем.

С места. Редактором-академиком французским, принимавшим эту работу для напечатания.

Ферсман. Важно, чтобы этот вопрос рассмотрел Отто Юльевич [Шмидт]. Даже если объяснение имеет основание, тем не менее, оно, в сущности, неправильно и несостоятельно. Так что, мне кажется, здесь вопрос совершенно ясен.

С места. В отношении использования работ Суслина данных нет?

Ферсман. Нет.

С места. А в отношении использования работ тов. Александрова?

С места. [Александров]. Последний вопрос я бы попросил отставить. Я считаю, что Н. Н. по отношению ко мне никакого научного преступления не совершил и что, вообще, таких фактов, которые я бы считал некорректными и подлежащими общественному осуждению, за ним по отношению ко мне не числится. По отношению же к Суслину дело обстояло иначе. Он, в конце концов, достиг такого положения вещей и это, мне кажется, (принимая во внимание полный анализ работ) это подтверждает, что некоторые, чрезвычайно важные [множества], которые всеми назывались как множества, открытые Сусли-ным, постепенно стали преобразовываться в литературе, как множества, открытые Суслиным-Лузиным, а затем Лузиным-Суслиным. Не дальше как в январе нынешнего года я разговаривал с Н. Н.. Разговор шел о переводе книжки Х[аусдорфа][6], где эти множества названы суслинскими множествами. Он очень интересовался, сохранится ли это наименование в русском переводе. Я сказал, что считаю это наименование совершенно справедливым и думаю, что этот термин, который он сам дал, назвав эти множества А-множествами[7], сохранится в переводе. Он возражал против этого и говорил, что он ставит ультиматум каких бы то ни было личных отношений, именно признать, что эти множества не являются суслинскими множествами.

Что касается самой статьи, Н. Н. имеет в своем арсенале всякие аргументы, вот какого характера: что в статье Суслина, в которой эти множества были введены, содержится следующая фраза: «...» (зачитывает цитату по-французски[8]). Я со всей ответственностью, которую чувствую в данном случае, утверждаю, что Суслин этой фразы никогда не писал. Положение было такое: Лузин (за это мы все ему можем быть благодарны) французский текст наших первых работ писал сам, как и я делал по отношению к моим ученикам, и в этом факте ничего преступного нет. Это была большая помощь ученику — редактировать его работу. В этом случае Лузин редактировал и работал с Суслиным. Но я утверждаю, что эта фраза не могла быть написана Суслиным, потому что она противоречила очевидным и всем известным фактам.

Дело в том, что Суслин в 1916 г., бывши студентом Московского университета, слушая лекции Лузина, совершенно самостоятельно пришел к конструкции этих A-множеств, которые он дал летом 1916 г., и летом 1916 г. он приехал с готовой тетрадкой, написанной карандашом, в которой эта теория содержалась. Когда он в январе рассказал эти результаты[9], Лузин очень заинтересовался. Это было научное событие, и появилась статья, написанная рукой Лузина, содержавшая эту цитату. Я утверждаю, что эта цитата совсем не соответствовала фактическому положению вещей, что этим было проявлено некоторое давление учителя на ученика, против которого, вероятно, не протестовали, как это иногда бывало. С другой стороны, это любопытный аргумент того же типа, как и в отношении Бореля. Должен сказать, что в данном случае мое утверждение, которое будет здесь застенографировано, такого рода: фактически, конечно, я такой вещи доку-

ментально доказать не могу, но это мое мнение, которое я могу защищать в любой коллегии. А. Я. Хинчин, который был моим товарищем по Университету, может что-либо сказать.

Хинчин. Я, к сожалению, ничего не могу сообщить с точки зрения истории, но мне хотелось бы отметить, что открытие Суслина — такого рода по сути его, что если бы Лузин одновременно или немного раньше владел его принципами — он, несомненно, немедленно бы его опубликовал. Мне кажется, двух мнений в этом отношении быть не может. Тут была внесена принципиально новая идея, которая сейчас же после ее возникновения, конечно, должна была бы стать достоянием всего научного мира. Здесь о соавторстве двух лиц просто не может быть двух мнений.

Ферсман. Еще один пункт «Работа Новикова и т.д.» (читает[10]). Так что по отношению к этому пункту вопрос совершенно ясен.

Теперь последний пункт:

«Исходя из сказанного, на основании анализа всего имеющегося материала, Комиссия, признавая большую заслугу ак[адемика] Лузина, как чисто научную, так в особенности в деле организации советской математической школы, — тем не менее должна указать, что деятельность Н. Н. Лузина бесспорно содержала в себе ряд неэтических моментов: во-вторых, что его научно-общественная роль в последние годы являлась определенно отрицательной и не приводила к существенному вреду только в силу противодействия, которое ей вовремя оказывалось».

Кржижановский. Здесь очень много спорного.

Ферсман. Я должен сказать, что Комиссия главным образом рассмотрела все фактические материалы и пыталась ответить на фактические вопросы. Общие выводы, которые вытекают по его деятельности, не обсуждались. Последняя формула, хотя и была в общей форме в этой Комиссии принята, но она подлежит рассмотрению. Это есть первая идея, которая была набросана.

Конечно, правильнее было бы для более полной формулировки собраться еще раз. Комиссия сегодня это и сделает. Я думаю, что нужно рассматривать это как тот материал, в который нужно внести ряд дополнений.

Кржижановский. Напрашивается такой вопрос: основатель советской математической школы в самый нужный момент уходит из Университета. И потом обращает на себя внимание мотивировка его ухода из Университета.

Затем вторая вещь. Почему вы делаете вывод, что методы его действия не принесли существенного вреда — потому что им противодействовали? Где у Вас доказательства, что они не принесли существенного вреда, когда мы точно знаем, что в отношении к Суслину вред есть налицо, в отношении к тем учреждениям, куда поступали сотни рекомендаций, которые Вы характеризуете как такие, по которым ничего нельзя сказать и которые исходили, как он сам признает в своем письме, из совершенно ложной точки зрения, что положение таково, что никаких ученых нет и тогда можно все валить. Как Вы видите, здесь положение совсем другое. А Вы пишете, что они не приносили существенного вреда. Наоборот, они приносили существенный вред. Вам придется переработать. Вы взвешиваете на чашке весов вред и противодействие, а это заводит Вас в область спорную и дискутабельную. Они, безусловно, приносили вред. Он говорит, что это бессознательно. Посмотрим! Но, во всяком случае, конечный вывод там очень осторожный, а тут уже переосторожно сделано.

Ферсман. Я думаю, что Вы совершенно правы, что целый ряд вопросов здесь не освещался и их надо осветить. Вопрос об уходе из Московского университета — совершенно правильно — недостаточно был освещен, и о нем не было суждения. Я думаю, что Вы сегодня, вероятно, поставите этот вопрос.

Дальше вопрос о реальном выводе — это вопрос, который надо продумать. И на сегодня я думаю, что, вероятно, все математики согласятся с тем, что то, что здесь написано, это есть только первоначальная попытка известным образом суммировать те впечатления, которые у нас были. Дело настолько серьезное, что каждый понимает и, вероятно, математики особенно это чувствуют, что этот вопрос требует очень многого для своего решения. И последний пункт является пока только первым материалом, который, может быть, частично не отвечает тем материалам, которые здесь представлены.

Но я думаю, что помимо этого есть еще и общее впечатление, которое получается от деятельности его, от его ответов и из всего того, как он себя держал и как он пытался защищать те или иные позиции. И я думаю, что все это скажут, что это произвело на всех нас отрицательное впечатление — и его попытка защищать себя, и его стремление выдвигать свою фигуру, свое «я» как основное, — все это на нас произвело исключительно отрицательное впечатление и усугубило те отрицательные выводы, которые в значительной степени получились у всех, как впечатление.

То, что он является крупным научным руководителем целой школы, — являлся, во всяком случае, а не является, — это налагало на него особое чувство общественной ответственности, которое на нем лежало. И здесь несомненно, что он в угоду своего личного «я» приносил [в жертву] интересы и молодого поколения, и интересы коллектива, и интересы той страны, в которой он живет. Его положение в математической школе налагало на него особую обязанность по существу как раз заботиться о молодежи именно потому, что он был родоначальником этой школы — тем более. А несомненно, что он не только не проявлял этой заботы, а он действительно использовал работы школы в своих интересах, он допускал двурушничество по отношению к своим товарищам, и решительно не боролся против вообще распыления своих работ за границей вместо того, чтобы создать свою собственную научную... (базу) у нас в Союзе. Именно все его положение налагало на него громадную ответственность. И чем больше оцениваешь его как научную величину, как выразителя какой-то школы, тем больше усугубляется его вина как человека: он не оказался на высоте. Он в значительной степени не отмежевался от целого ряда позиций. И я думаю, что все согласны с тем, что впечатление получается резко отрицательное.

Кржижановский. Ну, теперь нам надо решить: пойдем ли мы по пунктам, которые здесь даны в предварительном разборе, или мы сами наметим новый порядок.

Бах. А последняя кампания — вот эта история с «Приятным разочарованием» — мы будем это обсуждать или нет? Ведь, мне кажется, что это теснейшим образом связано с отрицательной оценкой его. Тут есть две стороны: есть чисто научная сторона и есть общественно-политическая, и вот эта общественно-политическая сторона выявилась в этом его выступлении «Приятное разочарование».

Горбунов. Я думаю, что нашей главной задачей является рассмотрение общественно-политической стороны вопроса, и научную сторону мы рассматриваем постольку, поскольку это необходимо для объяснения общественно-политической стороны. Поэтому я считаю, что рассмотрение вопроса, который иллюстрирует отношение акад[емика] Лузина не только к советской науке, но и к советской школе, обойти нельзя.

Кржижановский. Если подойти так к этому вопросу, то его собственное письмо в ЦК, когда он требовал Комиссии, представляет чрезвычайно интересный и поучительный аргумент. Стоит его прочесть, чтобы видеть там такие фразы, на которых нужно концентрировать внимание. Ведь задача все-таки стоит такая: мы видели статью, озаглавленную «Враг в советской маске». Мы не можем обойти этого момента: враг ли это, нейтральный человек или друг. Ведь перед миллионами читателей он выставляется врагом советской власти. Возможно, что мы тут вскроем в этом деле, что теперь враги появляются в советских масках и что этот защитный цвет не случайность. Ведь наша задача — приподняться до уровня, на который поставлено это дело. Миллионы лиц интересуются этим делом, и наше суждение должно вынести ответ запросам миллионов. Может быть, они скажут, что это неверно — что он враг советской власти, что это была ошибка, а если это верно — мы можем получить из этого целый ряд выводов.

Мне кажется, что следует зачитать то, что он написал:

«В Центральном органе Партии мне, как гражданину моей страны и ученому, создавшему крупнейшую в Союзе математическую школу, ученому, выдвинувшему советскую математику на одно из первых мест в мире и в течение лет разрухи сумевшему набрать среди студентов талантливую молодежь и привлечь ее к научным занятиям, мне брошено тяжкое и позорное обвинение».

Следовательно, в этом пункте есть определенная позиция, которую занимает Лузин. Он говорит о создании крупнейшей математической школы, как ученый, выдвинувший советскую математику на одно из первых мест в мире. Тут нужно обратить внимание на то, что же сделано им.

«Найти в себе нравственную силу пережить это обвинение мне дает сознание моей исключительной роли в создании советской математики, и какие бы ни были мне в дальнейшем суждены испытания, я в этом сознании черпаю неистощимый источник силы».

«Я всю жизнь отдал на службу моей науки и на создание школы».

Обратите внимание на следующий пункт:

«Моя глубочайшая трагедия, как ученого, состоит в том, что моя работа протекала в период величайшей революции в истории человечества...»

Для него это была величайшая трагедия.

«... глубокого перелома и сдвигов, которые требовали от меня, как и от всех нас, величайшего напряжения всех наших сил, чтобы правильно ориентироваться в обстановке, это мне не всегда удавалось и поэтому я совершил ряд тягчайших ошибок. Уверенность в том, что я совершил их бессознательно, могла бы извинить их для меня, но я отлично отдаю себе отчет в том, что бессознательность этих ошибок не облегчает вреда, который они принесли моей стране».

Следовательно, он сам признает, что это принесло вред стране, подчеркивая только, что они совершены бессознательно.

«Будучи ученым и создателем математической школы, я видел цель в том, чтобы различными путями и средствами привлекать в науку талантливых и обещающих людей. В особенности установка Правительства моей родины всячески облегчала мне эту задачу, давая возможность черпать людей из числа тех, для которых раньше наука была закрыта. Но, как я вполне теперь убедился, мое стремление выдвигать хоть сколько-нибудь обещающих людей в науку вступило в коллизию с тем высоким местом, которое мне, благо-

даря моим способностям и достижениям, суждено было занять в научной жизни моей родины. Тягчайшая моя вина заключалась в том, что я, с одной стороны, стремился дать возможность людям заниматься наукой, а с другой стороны, не вполне осознавал ту величайшую ответственность, которая лежала на мне в деле создания кадров преподавателей наших вузов». (Очень интересное место.)

«Облеченный высоким доверием Партии и Правительства на посту председателя математической группы я, к сожалению, часто давал рекомендации и отзывы людям, не обладавшим достаточной квалификацией, и тем причинил несомненный вред делу нашего образования.

«Я знаю, что бессознательность моей ошибки ни в коем случае не уменьшает моей вины, но сознание того места, которое я занимаю, представляя мою родину в мировой науке, позволяет мне дать Центральному Комитету Партии объяснение причин, в результате которых я совершал такие ошибки». (Он сам понимает, какие тяжелые ошибки он совершал, и к чему это приводило.)

«Для человека, вступившего на научное поприще в дореволюционное время, занятия наукой означали полный отрыв от жизни. В этом отношении я могу позавидовать более молодым товарищам, которым революция дала возможность гармонически развивать все свои духовные силы и прекрасно ориентироваться во всех грандиозных событиях, происходящих в нашей стране. Мне это не было суждено, и занятие наукой сделало меня на много лет книжным человеком, далеким от жизни, не всегда умеющим переключаться и идти в ногу на каждом новом этапе, возникающем с новым положением вещей и новыми потребностями.

Величайшей моей ошибкой, не упоминаемой в статье, но глубоко мною пережитой, был мой уход из Университета в 1930 г. Сейчас мне трудно даже отдать себе отчет, как могло случиться, что я, крупный ученый, видевший свое призвание в преподавании математики, смог отказаться от преподавания в Университете и не понять, что развитие нашей жизни и быстрый рост нашей страны открывают передо мной перспективы, о которых я никогда не мог мечтать». (Он опять-таки сам признает.)

«Сознавая вполне всю глубину политической моей ошибки в неумении оценивать обстановку и вовремя переключаться, я согласен нести за нее любую ответственность.

В той же статье мне предъявлено обвинение не как ученому моей страны, но как человеку: ставится под подозрение моя моральная честность. С этим я никак не могу согласиться, и убежден, что в этом пункте мне будет дана полная реабилитация. Меня обвиняют в трех пунктах:

1) в том, что Суслин погублен мною, 2) что я выдал его открытие за свое, 3) что я напечатал работы своего ученика Новикова под своей фамилией.

Пункт 2-й, касающийся присвоения открытия Суслина, я считаю основанным на сознательном введении в заблуждение Центрального Органа Партии лицами, ему об этом заявившими.

Как может увидеть из прилагаемого при сем экземпляра "Comptes Rendus" всякий научный работник, имеющий публикации в научной прессе, наша совместная публикация выдержана в абсолютно корректном виде, установленном usus'ом[11] в международной практике научных публикаций. Меня обвиняют в том, что в позднейших работах я развиваю идеи Суслина. Но в этом состоял мой долг ученого, и ставить мне это в упрек могут только люди недобросовестные.

Дальнейшее о моих взаимоотношениях с Суслиным, а также с другим моим учеником Новиковым, я подробно излагаю в приложениях.

Правильность моих утверждений, безусловно, подтвердит сам Новиков; что касается отношений с покойным Суслиным, я прошу затребовать сведения от проф. Меньшова и проф. Федорова, которые близко с нами в то время соприкасались».

Горбунов. Есть у нас сведения от Меньшова и Федорова?

Кржижановский. Еще нет.

Я знаю, что ни Центральный Комитет, ни Центральный Орган Партии не делают шагов без предварительного зрелого обдумывания, и эти шаги в конечном итоге направлены на благо моей родины.

Я отдаю себе отчет в том, что, помещая статью обо мне в «Правде», партия руководилась необходимостью дать примерный урок руководящим ученым нашей страны, не осознающим всю тяжесть политической ответственности за развитие науки в нашей стране

Для меня является нравственным утешением сознание, что этот урок будет не только глубоко пережит мною, но и всей научной общественностью моей страны.

Что касается последнего абзаца статьи «Правды», где мне предъявляются чудовищные обвинения в прислуживании нынешним хозяевам фашизированной науки, то я с полным сознанием своей политической ответственности, как ученого с мировым именем и гражданина Союза, заявляю, что редакция «Правды» была сознательно введена в заблуждение людьми, заявившими ей об этом. Это опровергается всей моей жизнью и деятельностью, как ученого и как человека.

Я не нахожу слов, способных выразить всю глубину моего негодования по поводу предъявления мне обвинения в «прислуживании хозяевам фашизированной науки». При всех моих ошибках и заблуждениях я никогда не испытывал иного чувства, как чувство мерзостного отвращения к разрушителям науки, служению которой я посвятил всю свою творческую жизнь.

Я знаю, что я буду и готов отвечать за все свои бессознательные ошибки, о которых писал в этом заявлении.

Я убежден в том, что буду реабилитирован как человек, обвиненный в моральной нечистоплотности, и как гражданин моей страны, обвиненный в тягчайшем политическом преступлении.

Я убежден, что этот случай, возбудивший всю научную общественность, послужит к ускорению перестройки ученых и еще большему расцвету науки в нашей стране.»

Дальше идет приложение «О Суслине». Я думаю, что этого читать не стоит.

Горбунов. Я бы просил дать мне возможность задать несколько вопросов.

Дело в том, что когда я говорил с некоторыми математиками, интересуясь этим делом, тогда один из математиков говорил мне (если нужно, я оглашу его фамилию), что самый важный пункт — это в отношении работ Суслина и Александрова. Только кто-либо из учеников Лузина получает крупные результаты, как Лузин пускает его работу под своим именем. Я задал вопрос тов. Александрову. Тов. Александров считает, что в отношении к нему все было совершенно лояльно и никаких претензий у него к Лузину нет. Сейчас я письменно передал Александрову разговор с Лузиным. Лузин был у нас. Мы с ним говорили вместе с Глебом Максимилиановичем [Кржижановским]. Это не стенографическая запись, но это моя запись беседы с Лузиным и я утверждаю, что я точно записал.

Я задал вопрос Н. Н. относительно его взаимоотношений с Александровым. Он ответил так: «Столкновение мое с Александровым произошло на почве самоустранения моего от московской работы...(читает[12]).

И дальше он прибавил, что впоследствии он был командирован за границу, в Париж, и считал себя в праве развивать эти новые темы. Я просил тов. Александрова дать справку по этому делу, он не хотел давать ее в письменном виде, а хотел рассказать об этом всей Комиссии. Я только в одном могу ошибиться, в словах «упаковка»...[13]

Александров. Это моя первая, вообще, математическая работа, которая напечатана в шестнадцатом году[14]. Я... (не слышно целой фразы) ... так что я отнять ни в каких условиях от него не могу.

Проблема, которую я решал при работе, мне поставлена Н. Н. Лузиным. Без того, чтобы он ее поставил, при том математическом развитии, которое я имел, я не мог бы начать над ней думать, а, следовательно, и не мог бы ее решить. Само решение поставленного вопроса, оказавшегося чрезвычайно важным, всецело с первой до последней буквы принадлежит мне. Я дал полное доказательство теории о [борелевских] множествах[15]. Однако я дал это доказательство в очень сложной и в очень громоздкой форме. Н. Н. Лузин чрезвычайно упростил доказательство, данное мной, придав ему изящный и короткий вид. Н. Н. ни в чем не изменил ни одной идеи этого доказательства. Утверждение Н. Н., что в этой работе «главная общая часть сделана мной (Лузиным), а Александрову принадлежит только частный вывод», — это утверждение не только не верно, но и абсурдность его Н. Н. — вполне ясна[16]. Во-первых, в моей работе нет ни общей части, ни частного вывода — работа не так построена, и А[лександр] Я[ковлевич] [Хинчин], знающий эту работу, может это подтвердить. Так что это есть сознательное искажение истины. Затем табличное изложение [не] представляет хоть какое-нибудь изложение моей идеи, потому что это есть только изменение обозначений. Но я допускаю, что в этой части Лузин ошибается добросовестно, тогда как в первом утверждении он недобросовестен. Что касается оценки этой второй части, то я могу себе представить, что Н. Н. те редакционные изменения, которые им сделаны, может субъективно оценивать больше, чем я или другие их оценивают.

Разрешите еще на одном остановиться. До сих пор я об этом не говор[ил] и не хотел говорить, но, по-видимому, несколько дополнений нужно сейчас сделать. Утверждая открытия Суслина, я указал, почему я имел возможность с такой категоричностью утверждать, что они сделаны без участия в этом деле Лузина. Суслин был моим однокурсником по университету. Моя работа была опубликована 20 февраля 16 года, а доложена в студенческом математическом кружке с полным доказательством 13-го октября 1915 года. Суслин, мой товарищ по университету, после того как работа была опубликована, пришел ко мне и сказал, что ему не все пункты доказательства ясны, и он просит меня рассказать их подробнее. В многочасовой беседе я Суслину до конца изложил все содержание доказательства. Это было весной — в марте или в апреле 1916 г. Летом Суслин построил свою почти гениальную, можно даже сказать гениальную, теорию.

Эта теория к моей работе находится в таком отношении. Мной доказано, что некоторые классы множеств явились формально логически частным случаем некоторого класса множеств A. Мною не было доказано, что существует хотя бы одно A-множество, не являющееся B-множеством. Поэтому я считаю, что мною не был открыт этот класс A-множеств. Суслин доказал, что действительно эти A-множества образуют новый класс.

Следовательно, он, а не я ни в какой степени, является лицом, открывшим этот класс A-множеств. Суслин назвал эти множества, открытые им, A-множествами. B-множества, относительно которых я доказывал, что они составляют частный случай этих множеств, которые я не знал — совпадают [они] с множествами или нет, — эти B-множества назывались борелевскими множествами. Суслин назвал их A-множествами. Однако он никогда не говорил, что он назвал их так в мою честь[17]. Однако Н. Н. Лузиным эта вещь была сформулирована в лекции, читанной в Московском университете, на которой из числа присутствующих здесь, вероятно, должен был быть Лев [Генрихович][18]. Я не утверждаю, что Суслин назвал их в мою честь, потому что из уст Суслина я никогда об этом ничего не слышал, но, тем не менее, Николай Николаевич имел неосторожность этот вопрос подчеркнуть. Он в своих последующих публикациях стал говорить, что A-множества есть сокращение слова «аналитические» множества, что было, конечно, наивно, смешно и глупо, потому что никому не приходит в голову назвать аналитическую функцию A-функцией. Так что та страстность и тот интерес, который Николай Николаевич во всех своих публикациях и во всех разговорах придает этому, казалось бы, мало значительному обстоятельству — тоже свидетельствует о такой несколько странной заинтересованности в этом, казалось бы, безразличном вопросе. Тем более что я никогда и нигде не утверждал, никто из присутствующих здесь моих товарищей не слышал от меня утверждения, что эти множества названы в мою честь. Я впервые об этом говорю и не в качестве утверждения, а говорю лишь потому, что полагаю, что то, что я говорю, может быть, прольет некоторый свет на научную деятельность Николая Николаевича. Повторяю, я сам никакого права на открытие этих множеств и, вообще, каких бы то ни было претензий в этом отношении не предъявляю. Лицом, открывшим эти множества, был Суслин.

Шмидт. Мне кажется, что Комиссия только помогла выяснить целый ряд вопросов. В частности, мне кажется, что вопрос о плагиате мог бы считаться законченным. Можно только пожалеть, что Комиссия ограничилась только одним заседанием, поэтому не включила в свой план ряд других вопросов, которые нас тоже очень интересуют. Одним из них и самым главным, вероятно, я считаю, является тот вопрос, который Вы, Глеб Максимилианович, здесь назвали — это обстоятельства ухода Лузина из Университета. Следовало бы постараться выяснить эти обстоятельства.

Во-вторых, как будто бы надо выяснить это обстоятельство многочисленных поездок и пребывания Н. Н. Лузина за границей. Разумеется, ездить за границу не только не зазорно, но это чрезвычайно полезно для научной связи. У меня нет лично материалов, характеризующих Лузина отрицательно. Но как-то надо проверить, почему видный советский ученый, который сам себя считает ответственным за всю советскую науку, столь долгое время пребывал за границей[19] и столь упорно отказывался возвращаться, когда к этому принимались усилия. Надо из совокупности всех обстоятельств выяснить этот вопрос.

В-третьих, то письмо в ЦК Лузина, которое в Комиссию прибыло к концу ее заседания, не нашло разбора в Комиссии, и мне кажется, что его нам надо разобрать, потому что оно довольно хорошо дает лицо человека как ученого и как гражданина.

Наконец, последнее: мне кажется, нам придется вернуться к формулировке первой части Комиссии, которая дает научную оценку, — эта научная оценка очень близко подходит к самооценке Лузина. И здесь, мне кажется, она дает какой-то неверный оттенок.

Крупный ученый — это бесспорно. Но та формулировка, которая была принята Комиссией несколько наспех, — я не знаю, кому она принадлежит, — даст не совсем адекватное действительности изображение роли Лузина.

Горбунов. У меня маленьких два дополнения, которые я хотел бы сделать. Еще два момента важно выяснить. Первый момент — это в отношении большого количества рекомендаций, которые давались Лузиным. Мне хотелось бы в нашей Комиссии собрать несколько более полно этот материал и расклассифицировать его не только в хронологическом порядке, но также и выяснить, кроме того, кто же были эти лица, которым давались Лузиным рекомендации не только с научной точки зрения, но и с политической точки зрения.

Во-вторых, у меня есть заявление члена-корреспондента тов. Шнирельмана относительно одного случая, который дает известный политический штришок и относится к 1930 году. Когда после процесса Промпартии группа московских ученых по инициативе тов. Люстерника решила обратиться к французским ученым с письмом протеста против угрозы интервенции, то Лузин, оговариваясь болезнью, не дал своей подписи под документом, хотя его подпись была очень важна ввиду его связей с французскими учеными.

Шмидт. А, кроме того, не надо упускать и того, что говорил Василий Николаевич[20]. Придется разобрать эту историю школьную.

Кржижановский. Нет возражения против такого порядка. Начнем с уточнения самой характеристики Лузина как ученого. Здесь есть характеристика о том, что это мировой ученый, который создал здесь науку. Он сам говорит о себе таким образом: «Мне, как гражданину моей страны и ученому, создавшему крупнейшую в Союзе математическую школу, ученому, выдвинувшему советскую математику на одно из первых мест в мире и в течение лет разрухи сумевшему набрать среди студентов талантливую молодежь и привлечь ее к научным занятиям...».

Ферсман. Ну, у нас сказано несколько иначе в нашей формулировке: «Лузин является одним из основателей современной теории функций действительного переменного ...» (зачитывает материал).

Шмидт. Может быть, в форме вопроса вы мне разрешите выразить мое впечатление. Я должен оговориться, что лично я, как товарищи знают, математикой занимаюсь ... (не слышно[21]), и отнюдь не претендую на компетентность, в частности, в области той дисциплины, в которой работает Н. Н. И именно потому, что я далеко стою от этого дела, я позволю себе сформулировать ряд вопросов, для того, чтобы облегчить ответ со стороны тех товарищей, которые ближе стоят к этой дисциплине.

Я исхожу из того, что крупное значение Лузина совершенно бесспорно, но, подходя к вопросу о его политической характеристике, мы даем научную характеристику, только как фон, и поэтому именно в этом отношении фон должен быть абсолютно точен.

У меня впечатление человека, стоявшего близко, но несколько в стороне, — у меня впечатление такое, что формулировка здесь неточна и может привести, поэтому, к ошибочным выводам. Является ли Лузин одним из основателей современной теории функций действительного переменного? Я прошу, чтобы товарищи, более компетентные в этой отрасли, мне ответили, но у меня впечатление такое, что это не так, и это впечатление подкрепляется, в частности, и просмотром математических публикаций, в которых Лузина никогда мировое мнение не сравнивало ни с Лебегом, ни с [Адамаром] или с Борелем.

Поведение самого Лузина в отношении этих светил современной науки — это поведение совершенно самоуничижительное.

Люстерник. Лакейское.

Шмидт. Вот товарищ, который стоит ближе к этому делу, говорит, что лакейское. И, наконец, я все-таки встречал большинство этих лиц, и сам, как Лузин, бывал за границей, но не слыхал, чтобы за границей так высоко его ценили. Что он талантлив, это верно, но и только. Но они никогда не проводили знака равенства между собою, между такими математиками как Пикар, [как] Дарбу и Лузиным. Такое сравнение не проводилось.

Было бы хорошо, чтобы товарищи, лучше меня знающие это дело, ответили на этот вопрос и дали верную формулировку степени учености Лузина, которая, конечно, довольно значительна, но как одного из основателей современной теории функций действительного переменного.

Попутно с той черновой формулировкой, которая предложена, мы имеем автоформулировку Лузина, и из этой формулировки выходит, что Лузин считает себя не только создателем крупнейшей советской математической школы, что, пожалуй, в значительной степени верно, ибо советская, в прошлом русская, математическая школа была создана Лузиным; можно спорить, крупнейшая она или нет по числу людей и по влиянию на другие школы, и может ли она быть поставлена на первое место, — он не об этом говорит: «ученый, выдвинувший советскую математику на одно из первых мест в мире». Тут, не говоря уже о нескромности этой формулировки, она объективно неверна. Современная советская математика завоевывает с каждым годом все большее мировое уважение, но это уважение создается и укрепляется по целому ряду русел, но отнюдь не только по этому руслу.

Здесь присутствует ряд товарищей, которые являются живыми носителями влияния этой школы. Все-таки академик И. М. Виноградов, который абсолютно ничего общего с Лузиным не имеет, но в своей области поднял чрезвычайно высоко знамя нашей науки.

Следующая область — топология. Нельзя сказать, что Лузин основатель ее.

Люстерник. Он ее не знает.

Шмидт. Товарищ Люстерник, компетентный в этой области, говорит, что он не знает ее. Между тем топология — одна из тех областей математики, которая сейчас имеет на Западе большое число участвующих в ее разработке. Она очень популярна на Западе. Там с большим уважением относятся к покойному Урысону, но никакого отношения к этому имя Лузина не имеет.

Дальше — геометрия, где за последние годы больших достижений не было, но все же советская наука в области разрешения геометрических проблем участвует. Имени Лузина там я не слыхал.

В области алгебры и все, что с этим связано: здесь царят традиции, идущие от Чебышева. Эта школа была прекрасно известна за границей — школа Делоне и Чеботарева, но не Лузин был там известен[22].

Я не говорю о работах С. Н. Бернштейна, которого знают за границей наизусть, перепечатывают. Я не говорю о целом ряде работ, на мой взгляд, меньшего значения, как ряд работ Гюнтера[23] и других. Я не берусь дать оценку их. В общем, доля Лузина имеется действительно в завоевании авторитета нашей математики на Западе, но только доля и больше ничего. И в Гёттингене, где была сосредоточена эта школа, там знали хорошо Александрова, затем взошла звезда [Урысона], чрезвычайно высоко оценивали Шни-

рельмана, вскоре взошла звезда Гельфонда — вот что было темой дня, но отнюдь не Лузин. И это нужно подчеркнуть.

Я это сказал в качестве затравки, поскольку тут есть лица более компетентные, которые могут более подробно на этом остановиться.

Соболев. Я хотел отметить, что эту резолюцию мы не смогли обсудить полностью, ее по частям составляли отдельные товарищи, и ответственным себя за эту формулировку, которая дана, я считать не могу.

Александров. Я ответственен за ту часть резолюции, которую я редактировал. И я должен сказать, что я имел в виду, когда писал, что он является одним из создателей современной теории функций действительного переменного. В значительно большей степени создателями этой теории являются Лебег, Борель, [Бэр]. Но они дали большую новую идею и, как часто бывает, эта идея проделала круг своего развития, и более или менее исчерпала себя. Потом появился цикл работ Лузина и его учеников в области теории [дескрипции]. Тут действительно Лузин произвел совершенно новые сдвиги, настолько новые, что сейчас эта дескриптивная теория может считаться результатом развития тех идей, которые возникли у нас в Москве. И в этом смысле можно сказать, что вся совокупность московских работ дала этой теории совершенно новые положения...

Шмидт. Тогда правильнее было бы сказать — дальнейшим продолжателем.

Александров. Я, правда, считаю, будучи в курсе дела, что более яркой фигурой является не Лузин, а Суслин. Это мое мнение, но надо сказать, что все пошло на основе проблем, поставленных Лузиным. Это мое мнение по существу этого вопроса. Но и при этих условиях он, несомненно, остается одним из основателей этой теории...

Шмидт. Можно было бы ничего не писать.

Александров. Теперь, что касается лузинской школы. Это, бесспорно, им основанная школа, и, бесспорно, есть одна из крупнейших школ нашего Советского Союза. Назвать ее крупнейшей было бы странным нарушением, но, во всяком случае, фактическое положение вещей говорит о том, что это одна из крупнейших школ нашего Советского Союза.

Теперь, что касается фактического веса, который имеет Лузин в международной науке. В этом вопросе я более или менее компетентен, так как за границей был не меньше, а, пожалуй, больше, чем Лузин, и общественное мнение заграницы знаю довольно хорошо. Тут я скажу так: во Франции, несомненно, Бернштейн считается математиком более крупным, чем Лузин.

Шмидт. Правильно.

Александров. Это получало наглядные доказательства. Как раз в те самые годы, когда Лузин был в Париже и когда Лузин, как мне кажется, не только с уважением, но с лакейским подобострастием относился к французской математике, буквально рабски льстил и восхвалял французских математиков, давая, например, такие заголовки как (говорит по-французски), когда вы у него находите фамилии со всеми именами в самом заголовке, вопреки всем обыкновениям, печатается, когда везде и по каждому поводу пишет «...» (по-французски), все это формы неприличные, которые выходят за пределы обыкновений[24].

Несмотря на проявление полной преданности французской школе, как раз в тот год, когда Лузин был в Париже, и в год непосредственно следующий за этим (это можно проверить по «Comptes Rendus») в члены Французской Академии наук избирается не Лузин, а Бернштейн[25]. Это носит несколько демонстративный характер. Но несомненно, что

Лузин, считаясь во Франции не первым математиком, считаясь математиком после Бернштейна, все же котируется там очень высоко.

Из одной из очень авторитетных бесед, из беседы с Адамаром, я вынес впечатление, что работу Люстерника и Шнирельмана, написанную в области общей геометрии, вернее, в области пограничной между геометрией и анализом, переведенную под редакцией Адамара и по его инициативе, Адамар считает более важной, чем работу Лузина[26]. Я не имею возможности цитировать буквально, потому что не помню точных фраз Адамара, но то, что он высказал, не вызывает у меня никаких на этот счет неясностей.

Франция — та страна, где Лузина высоко ценят. Но мы имеем страну, в научном мнении которой Лузин является первым советским математиком — это Польша. Например, возьмите «Фундамента Математицэ». Там сплошь идет такое эпигонство. Что касается Германии, то должен сказать, что мне приходилось популяризировать здесь имя Лузина. Ландау его знает по первой его работе, которая была написана под руководством Ландау[27]. Дальнейшие его исследования совершенно неизвестны. На одной из сессий... я говорил о работах Лузина, и тогда имя его было значительно популяризировано[28].

Точно также мало его знают в Америке, кроме нескольких более или менее провинциальных направлений, несмотря на то, что опять-таки здесь по отношению к Биркгофу[29] он вел себя весьма неприлично, бегая и вручая ему свои визитные карточки.

Шмидт. А интересно, Гильберт слышал имя Лузина?

Александров. Гильберт не слышал. Но это не является серьезным. Гильберт в каждый период своей жизни интересуется только теми математиками, которые...[30]. Он его не знает незаслуженно.

Вот, кажется, довольно полное его изображение.

Люстерник. Я застал, будучи студентом, в первые годы после революции расцвет лузинской школы. Она существовала как большая школа до 1922 г. Когда я был аспирантом, этой школы уже не было, она распалась. Потом оказалась небольшая группка людей, которая группировалась около Лузина, но которые были совершенно не связаны с остальными математиками. В последние 14 лет большой школы Лузина не существовало. Только в самые последние 2—3 года опять появились некоторые ученики Лузина, как Ляпунов[31] и т.д. В 20—21 годы школа Лузина преобладала. Затем эти вопросы перестали интересовать московских математиков. Появилась другая тематика, и к лузинской школе не только не было уважения в Москве, но ее рассматривали как эпигонство. В Москве она не получила развития.

Относительно отношения за границей. Я скажу о Польше. Там было две школы: эпигонская школа варшавская и живая научная школа во Львове. Во Львове с усмешкой относились к лузинской школе, и львовские математики были довольны, когда о Лузине и Серпинском было написано без уважения[32]

О Лузине как об ученом. Нас, когда мы были студентами, гипнотизировало открытие этих A-множеств. Мы считали это крупнейшим открытием Лузина. Я был из тех, кто писал и составлял заявление при выборе Лузина в Академию наук, и там подчеркивалось открытие Лузиным A-множеств; о том, что это открытие не Лузина, мы узнали уже позже, так что не все понимали, в чем дело. В то время это открытие считалось самым значительным.

Кржижановский. Очевидно, что эта формулировка, которая здесь дана, подлежит значительным здесь ограничениям.

Шнирельман. Эта формулировка в прошлый раз не обсуждалась. Я бы считал, что та часть формулировки, которая касается оценки личной научной деятельности Н. Н., здесь преувеличена. Что касается части, в которой говорится о школе Н. Н., то, хотя здесь судить можно только косвенно, потому что я застал только хвостик этой школы, но впечатление было тогда такое, что школа Н. Н. действительно послужила началом целого ряда направлений. Причем, даже если точнее говорить, то в то время (а нам очень важно, что говорилось в то время) считали, что Н. Н. содействовал развитию этой школы не только своими достоинствами, но и своими недостатками. Но, так или иначе, достоинства или недостатки, — нужно, мне кажется, признать со всей объективностью, что школа Николая Николаевича была большим достижением, которая вызвала очень много хорошего, а может быть, кое-что и плохое в дальнейшем развитии нашей математической науки.

Шмидт. А что если бы сказать, что «Лузин является, несомненно, крупным математиком, создавшим в течение 1916—1922 гг. одну из значительнейших математических школ в Советском Союзе»?

Александров. Может быть, сказать — «одну из крупнейших математических школ»?

Шмидт. Слово «значительный» не меньше, чем «крупный», но менее рекламного характера.

Кржижановский. Это будет более подходящим.

Хинчин. Должен сказать, что эта формулировка «один из крупнейших советских математиков» в известной степени принадлежит мне. Я хотел смягчить еще более сильную формулировку. Первоначально было предложено (кажется, Сергеем Натановичем [Бернштейном]) — «крупнейшим советским математиком». Я указал на то, что если сказать «крупнейшим», это звучит как такой, который на голову выше всех остальных, и что целесообразнее сказать «один из крупнейших». Эта формулировка, мне кажется, соответствует действительности. Лично я, если бы мне предложили назвать 10 советских математиков, которых я считаю крупнейшими, в числе их назвал бы Николая Николаевича Лузина.

Шмидт. Если 10, то это уже не крупнейший.

Хинчин. Если это нельзя назвать крупнейшим, тогда скажем крупным.

Кржижановский. Мне кажется, что для не математиков ясно, что если налицо крупнейшая фигура, то едва ли она станет действовать таким образом: станет выгребать себе учеников и т.п. Она идет своим путем, как хороший паровоз, а не то что смотрит, как бы где бы подхватить товар.

Хинчин. К сожалению, бывают большие противоречия между научными заслугами и моральным достоинством человека. Можно сказать «одним из крупнейших», можно сказать «крупным». В конце концов, я даже против этого бы не возражал.

Шмидт. Можно сказать так: «Лузин, несомненно, является крупным математиком, основавшим в 1915—1922 гг. одну из значительных математических школ».

С места. Вместо «основавшим» нужно сказать «возглавившим».

Шмидт. Я согласен на это.

Кржижановский. Будем голосовать. Есть ли возражения против этой формулировки? Нет.

Шмидт. Сейчас нужно взять вопрос о Московской старой школе. Разрешите мне для затравки, — я это подчеркиваю, потому что я меньше знаком с Московской школой, бу-

дучи питомцем не Московского, а Киевского университета, и в силу того, что я был единственным партийным математиком, держал себя в стороне от университетских дрязг, — разрешите все же сказать следующее. Здесь не совсем точно факты переданы. Что было в Москве в свое время? Идейными главарями московских математиков были явные черносотенцы, крайние идеалисты в философии, причем такого религиозно-мракобесного толка — Бугаев, Некрасов покойный и ряд других «покойников»; и в известном смысле эпигонами этих, по-своему крупных людей, хотя не крупных математиков (математики это третьего разряда, но это были влиятельные люди в московской черносотенной общественности) — их эпигонами были такие фигуры как Лахтин и Млодзеевский. Эти люди особенно большой роли в математике не играли. Причем их роль научная была отрицательной во всех отношениях, потому что они ученые были третьеразрядные, преподавание они вели в самом архистарорежимном духе[33], людей группировать вокруг себя не умели. И вот в это время возвысился человек, по возрасту примерно равный им.

Александров. Нет, он был лет на 10 моложе их.

Шмидт. Ну, это может быть, но возвысился человек, обладающий, несомненно, математическим талантом, и, насколько я мог заметить, хотя и не в такой большой степени, но все-таки сумевший создать школу и воспитать людей. Здесь дается характеристика, в общем такая, что Егоров был западник, и Лузин примкнул к этому западнику и шире раскрыл дорогу западноевропейским влияниям. Так ли это точно? Егоров, конечно, по сравнению с теми, был фигурой прогрессивной. С другой стороны, по своему мировоззрению, по всему своему отношению и к философским, и к религиозным и прочим вопросам, по своему крайнему консерватизму даже в мелочах университетской жизни, — он был самым настоящим душителем, именно душителем. Он умел воспитывать учеников. И в советское время это долго терпелось. Нас было мало. Талантливая молодежь только подрастала, и это некоторое время продолжалось, а затем это закончилось взрывом, буквально взрывом, ибо нельзя было больше терпеть. И этот взрыв имел драматические последствия для Егорова. Здесь не было связи, но по времени все это совпало. Егоров был арестован, затем он был выпущен и умер.

Так резко противопоставлять Егорова той группе нельзя. Ибо тот маленький [конфликт] (не расслышано), который был между Егоровым и Млодзеевским, — это маленькое дело, не имевшее под собою серьезной подоплеки. Егоров был более талантливый честный ученый, но принадлежавший к той же группе. Принадлежал к той же группе и Лузин, который был его учеником. В какой мере он являлся его учеником в смысле мировоззрения — это мне неизвестно и, я считаю, что этот пункт должен быть выяснен. В частности, если бы было известно, что Лузин разделял настроение предреволюционной интеллигенции, что он был хотя бы материалистом, ну хотя бы симпатизирующим социалистам того или другого оттенка, это было бы отрадно. Это было бы обстоятельство совсем другое. Если же нет, если эти черты лакейства в нем проявлялись и перед Лахтиным, и перед всеми его окружающими, если эти черты подхалимства воспитывались там и продолжали проявляться здесь, то я не вижу, почему надо было противопоставлять эту школу. Не будучи корифеем по возрасту, он мог быть человеком, воспитанным в этой школе и продолжавшим хотя бы в моральной плоскости ее традиции.

Александров. Я бы хотел такие поправки внести: прежде всего, Лахтин и Млодзеевский — это большая разница. Млодзеевский – это типичная фигура кадетского писателя «Русских ведомостей». Математик он был не крупный, но кое-что у него было. О рабо-

гах его я не могу судить — это не моя специальность. Но, во всяком случае, это совершенно другая фигура. Лахтин — это просто черносотенец — это «Союз русского народа», а тот был кадетом.

Шмидт. А тот был кадетским черносотенцем.

Александров. Ну да, тот был кадетом, но для того времени это большая разница. Одно дело ходить с Михаилом Архангелом и в вицмундире. Но исторически это была большая разница.

Шмидт. Но «превосходительству»[34] он радовался.

Александров. Ну да, «превосходительству» он радовался.

А что касается Егорова, то относительно Егорова мое мнение такое, что Егоров в течение всего дореволюционного периода играл определенную прогрессивную роль так же, как буржуазия вообще играла прогрессивную роль в свое время.

Егоров ввел в Московском университете семинары, которых не было, Егоров ввел в Московском университете научные проблемы, которые профессор ставил своим ученикам, вообще сделал преподавание интересным. Это самая прогрессивная роль Егорова сменилась на надлежащем этапе, именно после революции, определенной контрреволюционной ролью, и в этом нет ничего удивительного. Это в порядке общих исторических закономерностей.

Что касается Лузина, то Лузин вел себя по-иному. Егоров был порядочный человек, честный человек в сфере того мировоззрения, которое он имел, не лгавший, не интриговавший, не пакостивший. Лузин был, по моему глубокому впечатлению, человеком, не обладающим этим личным свойством честности. Он вел себя подхалимским образом в отношении к любому человеку, о котором он мог думать, что этот человек имеет большое влияние. Это, я думаю, всякий подтвердит. Он будет перед Отто Юльевичем [Шмидтом] также лебезить, как в свое время лебезил перед Егоровым. Так что говорить о том, каковы были политические убеждения самого Лузина, никто не может и не имеет для этого материала.

Шмидт. Характерно, что в 1916, 17 и 18 гг. неизвестно его политическое лицо.

Александров. Я должен сказать в защиту Лузина относительно 1920, 21 и 22 гг. Лузин тогда пользовался громадным влиянием у своих учеников. Это действительно верно. Однако должен сказать, я не помню ни одного случая, когда он, пользуясь этим влиянием, старался бы находить такие темы для антисоветских разговоров, или пропускания этих ниточек. Этого я констатировать не могу. Ни разу такого случая не было.

Шмидт. Но разговоров о положительной стороне большевизма, например, тоже не было. Вообще в период гражданской войны на такие темы разговоры не велись.

Александров. У него была такая аполитичность в самом цветущем ее состоянии, но активно антисоветским человеком, я могу с определенностью сказать, в те времена, когда я был его учеником, он себя не проявлял.

Ширельман. Мне хотелось немножко уточнить то, что сказал Отто Юльевич относительно обсуждения вопроса о взаимоотношении Лузина и Егорова со старыми московскими зубрами. В прошлый раз была дана несколько иная характеристика этих взаимоотношений. Егоров — фигура весьма интересная, и мне кажется, что для выяснения этой фигуры ее можно разделить на две части: с одной стороны, — Егоров как политическая фигура, и с другой стороны, — Егоров как научная фигура. Политически — это настолько реакционная фигура, что он был реакционнее некоторых из тех зубров, кото-

рые были здесь упомянуты. Это факт, которого я не был, конечно, свидетелем, но это все знают. В 1911 году, в самые мрачные времена Кассо[35], Егоров остается в Университете в качестве одного из немногих профессоров, но гораздо реакционнее его в науке был Млодзеевский. И между тем он ушел оттуда и остался без государственной службы. Так что эту свою физиономию последовательно реакционную Егоров сохранил, кажется, до последних дней. Достойно удивления то обстоятельство, что очень долго, до 1930 года, эта реакционная политика господствовала и могла в какой-то степени проявляться.

Что касается научной стороны, то здесь нужно Егорова характеризовать, как это было отмечено, как западника.

Что касается взаимоотношений Лузина, то мне кажется, позволительно полагать, что Лузин являлся непрерывным продолжателем Егорова.

Что касается политических взглядов Лузина, то я должен сказать, что, зная Лузина очень много лет (с 17 лет), очень часто встречая Николая Николаевича, я никогда не слышал от него каких-либо политических высказываний. Я мог бы привести только в качестве анекдота одно его высказывание, если собрание пожелает, но это только в качестве анекдота.

Шмидт. Пожалуйста.

Шнирельман. Это было просто смешно, и я заранее предупреждаю, что иначе как анекдот расценивать это трудно. Мы шли по Арбату — Николай Николаевич и несколько учеников. Около портрета Ленина Н. Н. остановился и сказал: «Ах, должно быть много перестрадал». Не правда ли, никакого политического заключения из этого сделать нельзя?

Александров. Типично для Лузина было следующее. Мы все знаем, что Лузин долгие годы был связан и очень тесно с Егоровым. И вот, когда Егорова арестовали, а это было тяжелое событие в том смысле, что он был старый человек, которого многие из нас, и в том числе я, хорошо знали, были лично связаны, считали себя его учениками, — так вот в это время я спросил Н. Н. Лузина: «Скажите, известно ли Вам что-либо об Егорове, хлопочет ли кто-нибудь за него, в чем дело, насколько серьезно обвинение, видели ли Вы его жену?» Н. Н. осмотрелся кругом, замахал руками и сказал: «Неужели Вы думаете, что я что-нибудь в этом деле знаю, интересуюсь?» Получилось такое впечатление, что он убоялся того, что в его квартире назвали фамилию Егорова. А ведь, кажется, ничего не было странного, и было вполне естественно желание у всех нас выяснить, в чем тут дело. Это было трусостью свыше всякой меры.

С места. Очень характерна для Лузина история на Всеславянском съезде.

Кржижановский. Как будто бы в этой части мы все выяснили. Здесь сказано, что Лузин, как и Егоров, были представителями прогрессивного течения...

Шмидт. У меня такое замечание. Мы сейчас обсуждаем сигнал, данный «Правдой», причем в статье сказано, что он являлся питомцем этой школы...

С места. Не питомцем, а «одним из стаи».

Шмидт. Вот об этом нам и надо сказать. Будучи питомцем и воспитанником в морально-политическом отношении этой стаи, он вместе с Егоровым явился все же представителем в научном смысле прогрессивного течения. Это надо отметить, тем более что очевидно, будучи воспитанником и питомцем этой школы, он, несомненно, многое воспринял оттуда. Мне кажется, что такая формулировка будет, несомненно, точнее.

С места. Характерно, что он во время Кассо, когда ушли даже кадеты из Университета, не ушел — был приват-доцентом и остался приват-доцентом[36].

Кржижановский. Переходим к вопросу об уходе Лузина из Университета.

Гельфонд. В 1928 году случился такой эпизод, который очень всех удивил. Был международный съезд в Болонье[37], и среди математиков узнали, что Н. Н. принял предложение Серпинского войти в Президиум или Оргкомитет Всеславянского математического съезда[38]. Это вызвало чрезвычайное удивление, потому что всякому ребенку ясно было, что такое пан-славянство[39], что оно было орудием самодержавия, ясно было, что если Польша устраивает что-то общеславянское, то не надо было быть очень политически квалифицированным человеком, чтобы понять, что это такое. Это вызвало возмущение многих, например, С. Н. Бернштейна и т.д. В конце концов, Н. Н. послал телеграмму в Президиум Академии наук — можно ли ему принимать участие во Всеславянском математическом съезде?

Шмидт. Он не был еще академиком?

Александров. Он был тогда членом-корреспондентом.

Гельфонд. Получилось извещение, что нельзя. Но совсем недавно мне попались Труды этого съезда, и там указано, что члены Оргкомитета — Н. Н. Лузин и Н. М. Крылов (эти Труды имеются в библиотеке Московского университета). Там указывается, что, к сожалению, в силу некоторых обстоятельств Н. Н. Лузин и Н. М. Крылов не смогли принять участия в работах этого съезда. Зато там выступали представители эмигрантов-математиков. Эти труды можно достать и посмотреть. Отказались ли они официально или нет, неизвестно, во всяком случае, там сказано, что они являются членами Оргкомитета[40].

Теперь относительно ухода из Университета. Дело было таким образом. Был составлен и согласован с ВОКС'ом и Наркоминделом[41] текст этого обращения[42], все его подписывали. Ближайшие ученики Лузина сначала сомневались, потом подписали. Когда дело дошло до Лузина, то к нему была отправлена аспирантка — теперь преподавательница Казанского университета — Рабинович. Сколько раз стучала она Лузину, но ей не открывали и каждый раз ее просто не пускали. Так он и не подписал. После этого он ушел из Университета. У всех было впечатление, что поводом к уходу из Университета было то, что французским ученым физики и математики написали письмо.

Шмидт. Это было воспринято, вероятно, как последствие процесса Промпартии[43].

Гельфонд. Это было воспринято так, что он, несомненно, французских математиков ставит выше. Что касается процесса Промпартии, то там[44] мало говорилось о Промпартии, но говорилось главным образом об интервенции.

Шмидт. По-видимому, это был действительный повод. Я плохо помню всю обстановку ухода, но ведь, кажется, это был год реформы[45].

Гельфонд. Лузин тогда воздерживался от высказываний, а если и произносил речи, то они носили какой-то комический характер и рассказывались потом как анекдот; что скрывалось за ними — неизвестно. Вероятно, желание уклониться от ответственности

Шмидт. В 20-м году я, по указанию общественности научных работников, сделал политический доклад, смысл которого был вызвать на разговор наших научных работников. Я помню тогда яркое политическое выступление тов. Шнирельмана[46]. Выступил и Лузин таким образом: что же можно сказать по такому докладу? Отто Юльевич виноват в том, что сделал слишком совершенный доклад. — Это все. Доклад был, конечно, несовершенный Так что не в этом суть, а смысл был тогда в том, чтобы встать и ничего не сказать.

Хинчин. Я считаю, что основных причин ухода Н. Н. из Московского университета было две, и первая из них та, о которой сегодня не говорилось, а именно, то обстоятельство, что Институт математики, в котором Н. Н. Лузин работал, высказался в свое время против избрания его академиком, когда выставлялась его кандидатура в Академию наук. Это, как я мог наблюдать совершенно точно, создало первую трещину, которая, по-моему, и до настоящего времени не заросла вполне между Н. Н. Лузиным и Московским университетом. Здесь, стало быть, причина личного характера.

Вторая причина — причина, на мой взгляд, чисто политического характера, и к ней относится тот эпизод, о котором рассказал тов. Люстерник[47], рассказал совершенно правильно. Это причина, бывшая одной из главных в этой цепи, но не единственной. Я бы сказал так, что все эти бурные в политическом отношении события, годы, которые знаменуются процессом Промпартии и всем, что с ней было связано, в Институте математики Московского университета переживались особенно бурно, так, как ни в одном из других университетских Институтов не переживались[48]. Обуславливалось это тем, что у нас была исключительно темпераментная математическая молодежь, темпераментная в политическом отношении. Я говорю, имея в виду, отчасти присутствующих здесь Лазаря Ароновича [Люстерника] и Л[ьва] Г[енриховича] Шнирельмана, отчасти партийную молодежь, как Хворостин[49] и др. Была необычайно живая, напряженная и бурно политическая атмосфера после долгих лет затишья в этом отношении.

Шмидт с места. Впервые прозвучали политические речи.

Хинчин. И на меня произвело совершенно определенное впечатление, которое остается незыблемым и до сегодняшнего дня, что на Н. Н. Лузина все это произвело впечатление абсолютно запугивающее: он испугался на всю жизнь, он дрожал от страха. В это время произошел и арест Д. Ф. Егорова, и когда Н. Н. выступал, то на его лице было написано, что началось светопреставление, что теперь всех нас заберут и т.д., и он дрожал. Этот страх и дрожание остались у него и до настоящего времени. Когда я был директором Института математики и механики Московского университета, то под влиянием общественных организаций я сделал попытку вновь его привлечь (это было в 1932 г.) в Московский университет[50]. Нам казалось, что педагогические его силы будут нам очень полезны. Я написал ему письмо, в котором говорил о том, чтобы он не сомневался, что мы все искренне хотим его возвращения. В ответ на это он просил разрешения зайти ко мне домой и со мной поговорить. Он пришел ко мне и, должен сказать, что вся беседа, длившаяся 4 или 5 часов, состояла в том, что Н. Н. просто плакал, сокрушался, причем клялся в том, что ему страшно хочется вернуться, но ему мешают причины исключительно медицинского характера, что он чувствует себя нездоровым. Должен сказать, что я тогда был убежден в абсолютной неискренности этих слов и считаю до сих пор, что причина была причиной чисто политического характера.

Достаточно вспомнить выступление Николая Николаевича на том заседании, которое было посвящено процессу Промпартии — заседании Математического общества, которое велось под председательством Н. Н. Лузина. Многие из здесь присутствующих — присутствовали там и помнят как жалко, как несчастно он себя в этой роли чувствовал и как он сам в качестве председателя, в конце концов, мог только промямлить, что «да, конечно, вредить — это очень нехорошее дело, быть вредителем это очень нехорошо». Ничего другого он не нашел сказать. Впечатление такой страшной обывательской запуганности. Это и тогда уже у него чувствовалось. Тогда уже чувствовалось (это было в

30-м году все-таки) отношение к большевикам как к пришедшей какой-то страшной силе, которая все разрушает, всех схватывает, арестовывает и т.д. Это дрожание за себя чувствовалось во всем и, в частности, сказалось в этой истории с документом, которую я тоже очень хорошо помню и где дело обстояло так, как рассказал Л[азарь] А[ронович]. Между прочим, насколько я помню, этот документ стал составляться, и первые подписи стали собираться на том же заседании Математического общества, посвященного процессу Промпартии. Начали собираться подписи. Н. Н. при этом сейчас же уехал домой и в этот же вечер, или на следующее утро он оказался настолько больным, что не только не вышел, но когда просили передать документ для подписи, оказалось, что он не в силах этот документ подписать.

Бутягин.[51] Для полноты освещения вопроса об уходе из Университета следует еще указать и на следующее. С этим моментом совпало как раз обострение отношений Лузина с целым рядом учеников, в частности, с П. С. Александровым. Я думаю, что эта последняя причина была чрезвычайно веской.

Александров. Я только скажу, что в этом отношении Николай Николаевич тоже себя вел очень своеобразно. Одна[жды] по поводу приезда французских гостей, в числе многих других собраний такого рода был завтрак у А. С. Бубнова[52]. На этом завтраке академик Н. Д. Зелинский[53] в моем присутствии говорит А. С. Бубнову, что вот необходимо пригласить Лузина опять в Университет. Я, стоящий здесь рядом, также подтверждаю эту необходимость и говорю, что об этом я многократно говорил самому Николаю Николаевичу. Зелинский говорит дальше, что в Университете сложилась чрезвычайно ненормальная обстановка, что кто-то из учеников Н. Н. создал ему такие условия, что он не может в Университете работать. Я понял, что это Зелинский говорит совершенно ясно по моему адресу и так, чтобы я услышал. Я спрашиваю у Николая Дмитриевича Зелинского: «Какие же факты Вы имеете в виду?» Он говорит: «Да знаете, я точно не знаю, но у меня создалось такое впечатление, так говорил Николай Николаевич». Я думаю, что Л. С. [А. С. Бутягин] это, вероятно, подтвердит, что в числе мотивов указывалось, что ему ученики создают условия, невозможные для работы.

Между прочим, в моем разговоре в январе месяце этот вопрос был поставлен. Я спросил. Мне было сказано прямо: до тех пор, пока вы работаете в Университете, я не могу в Университет вернуться. Я говорил Николаю Николаевичу: «Николай Николаевич, это такое тяжелое обвинение! В чем конкретное содержание этого обвинения?» И на этот вопрос я ответа никакого не получил, кроме таких чисто истерических совершенно жестов. Например, он указывал, что я совместно с Колмогоровым написал учебник по теории функции действительного переменного, где — всякий, кто знает этот учебник, знает об этом — Николай Николаевич цитировался полностью, там вы найдете полные признания его заслуг[54]. Но он заявлял: «Как вы могли позволить себе написать учебник по той области, в которой я являюсь первым специалистом! Как вы могли написать этот учебник, не получивши моей санкции?» Я говорю: «Николай Николаевич, я не могу считать, что этот вопрос может серьезно задаваться. Если бы вы указали, что тут неправильно что-нибудь цитировалось, или наоборот, не цитируется. Но отрицать право написать этот учебник, по поводу которого вы по существу не говорите, что он плох, вы ни одного упрека не высказываете по адресу этого учебника, — это мне совершенно непонятно!» Я думаю, что все присутствующие тут от Университета могут подтвердить это. Я был бы очень рад, если бы был какой-нибудь конкретный поступок с моей или с чьей-

нибудь стороны сделан, который в какой-либо степени мог бы затруднить возвращение Н. Н. в Университет. Я думаю, что все присутствующие вполне искренне к этому относятся.

Бутягин. Может быть, возвращение Лузина в Университет связано как раз с его ... (не расслышано... снижением?) как ученого. Я лично беседовал по этому поводу и с П. С. Александровым, и вы не отрицали, что отношения в последний момент были чрезвычайно обостренными. Ведь вы, кажется, с ним даже не кланялись?

Александров. Это неверно. Об этих отношениях, если они представляют интерес, я могу рассказать.

Шмидт. Ну, так не бывает, чтобы Н. Н. с кем-нибудь не поклонился.

Александров. Не только кланялись, но даже лобызались, А[лексей] С[ергеевич] [Бутягин].

Бутягин. Не было ли в этом причиной то обстоятельство, что новая молодая советская школа уже перерастала Лузина и что он чувствовал, — что он отходит на вторые позиции?

Шмидт. Да, вот о причинах ухода нужно учесть в формулировке то, что говорил тов. Бутягин. Может быть, есть смысл добавить к начальной характеристике, когда мы говорим, что Лузин возглавлял в течение такого-то периода школу, не было ли смысла в соответствии с этими фактами сказать: «Однако эта школа распалась как только ученики Лузина стали сколько-нибудь самостоятельными учеными, ибо он не давал им возможности самостоятельно расти?»

Александров. В 1922 г. Н. Н. мне прямо сказал: «Пока вы занимаетесь топологией, между нами не может быть никакого научного контакта».

Шмидт. И не только по отношению к вам это было: Вы были наиболее яркой фигурой среди его учеников. Но это было по отношению ко всем.

Гельфонд. Так как у меня сохранилось довольно яркое впечатление об этом собрании в Университете, которое было посвящено процессу Промпартии, то мне хотелось бы добавить кое-что к этому впечатлению. Я помню очень хорошо, когда была прочитана резолюция молодых работников Института с рядом общеполитических установок и с конкретными выводами относительно Егорова, возглавлявшего тогда Институт математики, Лузин был председателем. И действительно, в этом собрании он принимал, будучи председателем, крайне малое участие. Тогда особенно хорошо я помню впечатление, произведенное на него выступлением Аппельрота[55].

С места. Кто это такой?

Гельфонд. Да это очень старый человек. Выступление было следующее: расценивая определенным образом то, что делается в это время, Аппельрот выступил и заявил, что «Николай Николаевич, в наше смутное время наша задача пронести светоч науки сквозь мрак того, что делается. И так как вы возглавляете это дело, на вас падают последствия». Я помню, как Лузин опустил голову и молчал.

Люстерник. Да, тяжелое положение было председателя.

Гельфонд. Его выступление было соответствующим образом квалифицировано присутствующими. Я думаю, что эта добавка характерна для того общего впечатления, которое создается.

Кржижановский. Ну, теперь, когда он пишет письмо, в котором он говорит: «Мне трудно отдать себе отчет — как могло случиться, что я, крупный ученый, покинул Уни-

верситет» — мы видим, что эта фраза лицемерна. Он отлично представлял себе, когда он ушел, что он делал, потому что он был в полном разрыве с учениками и с политической обстановкой. И потому-то он ушел — он не хотел самого малейшего шага сделать, чтобы столкнуться с общественностью. А время тогда было бурное. Когда элементарный адрес пишется во Францию[56], он опять заболевает, исчезает. Это был момент чрезвычайно существенный.

Совершенно все ясно. Для него существенный момент выбора: туда или сюда. Он не только как обыватель трусливый, но здесь определенная выгода. Он не пожелал примкнуть. Он имеет известный резерв.

С места. Если бы он знал, что Лебег не осудит его.

Кржижановский. Выясняется, что в определенной политической обстановке он держится не как тот человек, который не знает, что он делает, и не понимает, что он делает Мне кажется, что этот момент ясен.

Люстерник. Выбор[ы] в Академию наук и насколько связан с этим уход его из Института? В котором году это было?

Кржижановский. Он пишет, что это тягчайшая политическая ошибка.

Александров. От отделения он прошел в 1928 году по кафедре философии.

Горбунов. В 1929 году он проведен по Отделению, а в 1929 году...[57]

Кржижановский. Так что это события сопутствующие, но не решающие.

Шмидт. Желательно было бы насчет заграницы выяснить, если есть материал.

Горбунов. Я могу сообщить точные даты, но при каких обстоятельствах — неизвестно.

Ферсман. Отчеты его имеются.

Горбунов. У меня такие данные: 1905—1906 год — в Париже. 1910—1912 год — три года в Германии, частично в Англии. 1912—1914 — три года в Париже. 1925—1926 год — 9 месяцев в Париже. 1926—1927 год — 5 месяцев в Париже. 1928—1929 год – два года в Париже. Вот только такие данные имеются.

Шмидт. Может быть, у товарищей есть сведения о его жизни в Париже. Как он себя там вел: как советский гражданин? Затем, чем объясняется столь длительное пребывание его там, чем он сам объясняет? Я имею в виду не делать упрек математику, который бывает за границей. Но вот против меня сидит профессор Александров. Он часто бывал за границей. П[авла] С[ергеевича] приглашали заграничные университеты — Голландии, Германии и Америки, и он с разрешения советской власти ездил туда читать лекции, создавать научный контакт. Причем я хочу сказать, хотя и не собираюсь сейчас давать политической характеристики Павлу Сергеевичу, возможно, внутри страны у него есть еще много недоработанности в мировоззрении, но за границей это был настоящий советский гражданин. Он каждому, кто хотел, да и тем, кто не хотел, давал информацию, яркую информацию о Советском Союзе, подтверждающую наши успехи. А что мы имеем с Лузиным? Лузин ездил за границу не для чтения лекций, он сидел там и писал книгу, причем всячески оттягивал срок возвращения. Какую роль он играл там — во всяком случае, это неизвестно, и вряд ли можно рассчитывать на то, что он выступал в защиту Советского Союза. Он вернулся из-за границы, когда дело пошло в гору, когда для него это оказалось выгодным. Вот интересно: переписывался ли он с кем-нибудь — из математиков, я имею в виду?

Александров. С заграничными?

Шмидт. Нет, из-за границы сюда он писал, переписывался с кем-нибудь?[58]

Кржижановский. Ну, это относится к теории вероятности. Об этом говорить сейчас не стоит.

Аршон. У Н. П. Горбунова имеются два факта, которые более или менее характерны. Один тут был оглашен — это приглашение Лузина в оргкомитет Всеславянского математического съезда. Это относится к 1927 г.[59]

Второй, не менее важный факт: когда здесь был Серпинский, махровый черносотенец, то этот Серпинский предлагал Новикову напечатать свои работы, причем, по словам того же самого Новикова, он сказал ему, что было бы желательно, чтобы эти работы шли за двойной подписью — Новикова и Лузина. Это как раз те работы, о которых мы говорим, что это плагиат. Тут вот что — совершенно невероятно предполагать, что махровый черносотенец желает создать авторитет советскому ученому. Поэтому этот факт, с моей точки зрения, является очень характерным.

Александров. Я хочу привести также один факт, который относится к периоду Международной топологической конференции осенью 1935 г. На этой конференции выступали с докладами Серпинский, Куратовский, причем они выступали с докладами как раз в той области, которой непосредственно занимался Лузин.

Естественно, как председатель Оргкомитета я обратился к Лузину с письмом (копия этого письма хранится в архивах конференции) с приглашением принять участие в работах конференции. В ответ на мое приглашение я получил следующее письмо, которое также хранится в архивах. Лузин благодарит меня за приглашение, но сообщает, что, к сожалению, не может принять участие в работах конференции, во-первых, потому, что «ее работы далеки от моих научных интересов» и, во-вторых, потому, что «я не могу и не хочу (я не помню буквально, как там было) содействовать своим участием в конференции превращению ее в Международный общематематический съезд».

Что это значит? По существу это неверно, так как работы этой конференции непосредственно примыкали к работам Лузина. Но предположим, что случилось бы такое бедствие, что топологическая конференция превратилась бы в Международный математический съезд. Это означало бы только чрезвычайный успех этой конференции. По-другому это нельзя расценивать. Значит, эта фраза мне показалась чрезвычайно странной.

Дальше, приезжают польские гости. Николай Николаевич Лузин идет их встречать на вокзал, не имея никакого на это поручения[60]. Он идет не в качестве члена Организационного комитета, так как не имеет на это никаких директив от Организационного комитета. Встреча на станции была поручена более молодому составу математиков. Н. Н. Лузин — глава группы математиков Академии наук — идет встречать одну определенную делегацию – польскую делегацию. Факт достаточно видный. Как происходила встреча на вокзале, я не знаю.

Потом глава польской делегации Серпинский в университетском коридоре обращается ко мне со словами: «Павел Сергеевич, разрешите обратиться к Вам с просьбой: в интересах мировой и советской науки прошу Вас помириться с Н. Н. Лузиным». Я был совершенно поражен. И говорит: «Могу Вас уверить в том, что если Вы протянете руку, то она не окажется в воздухе...», что-то в этом роде. Я попал в чрезвычайно неловкое положение и говорю, что я не нахожусь в ссоре с Н. Н., но если ему желательны более тесные отношения, если ему желательно сгладить различные недоразумения, которые могут быть между двумя математиками, то я очень рад. Н. Н. подходит ко мне, пожимает мне руку. Не знаю, откуда возникло такое впечатление, будто бы мы не здороваемся

друг с другом, мы всегда здоровались. Рядом стоит Серпинский, и происходит такая молчаливая сцена.

После этого в январе месяце я имел разговор с Н. Н. Лузиным, который хотел выяснить все вопросы, стоящие между нами. Лузин мне говорит: «Павел Сергеевич, имейте в виду, что Серпинский, говоря с Вами о нашем примирении, действовал без всяких полномочий с моей стороны». Я ему ответил, что знаю Серпинского как человека чрезвычайно корректного в этом отношении и отказываюсь верить, чтобы Серпинский мог вмешаться в это дело, не имея полномочий от другого лица.

В дальнейшем произошло следующее. Лузин не участвовал в работах конференции, но нашел нужным устроить специальное научное заседание в Академии наук по специальной программе. Были поставлены доклады польских ученых, доклад Лузина и его учеников Новикова и т.д. Это было актом чрезвычайной неорганизованности. Раз происходит Международная конференция, в этой конференции существует Организационный комитет, который ответственен за ход конференции. Какую-то группу членов этой конференции отдельно вывести, устраивать специальное заседание не где-нибудь, а в Академии наук, это естественно могло произвести чрезвычайно неблагоприятное впечатление. На конференции были ученые не меньше Серпинского, были и покрупнее. Был американский академик [Лефшец[61]], был академик Чех[62], представитель от Чехословакии, и целый ряд других крупных ученых. Это была конференция, которая имела свыше 20 иностранных членов, и почему-то из всего этого состава надо было выбрать польскую часть и ее как-то особенно чествовать. Это была чрезвычайно большая бестактность. Вероятно, работники Академии наук знают, как он это мотивировал.

Я забыл еще одно обстоятельство. Когда происходило открытие конференции, я произнес речь вообще о положении науки в СССР, о задаче таких конференций, о возникновении этой конференции как доказательства и т.д., и т.д. — речь имеется в письменном виде, ее можно прочитать. После этого академик Лефшец, представитель американской делегации, произнес речь, в которой он говорил о советской науке. После этого академик Серпинский просит слова и говорит, что он находит, что выступавший представитель американской Академии наук Лефшец произнес речь, которая не может выражать мнения всех членов Конференции. Поэтому он хочет от польской делегации сказать отдельно, что он считает нужным подчеркнуть исключительную роль академика Лузина в развитии советской математики вообще и московской математики, в частности. Все-таки член иностранной делегации нашел нужным это обстоятельство подчеркнуть. Это произвело очень странное впечатление.

С места. В Академии наук Н. Н. объяснил, что он приглашает на свой семинар тех лиц с конференции, которые непосредственно имеют отношение к его специальности, именно к теории [дескрипции]. На самом же деле он пригласил эту делегацию со специфическим оттенком, с одной стороны, с другой стороны, преследуя и свои цели. Я думаю, что во время этого визита польских математиков в Академию, он и устроил свое дело с Новиковым, потому что Серпинский с Новиковым беседовал как раз во время этого посещения.

С места. Серпинский содействовал плагиату.

С места. Он был посредником между Новиковым и Лузиным.

Кржижановский. Есть, таким образом, определенные факты его участия, документированные во Всеславянском комитете. Это факт.

Факт второй, что из всей делегации он выделил польскую делегацию, которую использовал в двояком отношении: чтобы урегулировать свои отношения с Александровым и под шумок провести дело с Новиковым. А вот это общее тяготение к определенному крылу, конечно, имеется.

С места. Я хотел бы сказать, что, по-моему, мы не можем, хотя мы сейчас и занимаемся деятельностью Н. Н. Лузина, не упомянуть о другом академике, участвующем во Всеславянском съезде. Мы не можем его не отметить, ибо поступки его примерно равноценны. Я имею в виду Н. М. Крылова[63].

Сегал. Тем более что тот академик пользуется общественным презрением среди математиков совершенно определенно.

Шмидт. К сожалению, Киевская академия этого не понимает[64].

Люстерник. Я несколько раз делился со своими товарищами одним фактом, которому я до сих пор объяснения не нахожу. Это то, что польская пресса очень подробно освещает математическую жизнь Советского Союза. Дело в том, что я сам родом из Польши, и мои родители живут в Польше, и письма, которые я иногда получаю, говорят такие вещи: «Мы читали в газетах о таком-то твоем выступлении». Здесь об этом в нашей прессе ничего нет. Например, во время дела Егорова — что они читали о моей роли в этом деле, между тем как в нашей прессе это не освещалось. Потом такая даже мелкая деталь. Был вечер памяти Урысона. Я сделал маленькое сообщение о его работе. Я потом получил письмо, где мне написали: «Мы читали в газетах, что был вечер памяти Урысона и ты выступал». Польская пресса очень подробно пишет о нашей математической жизни. Кто-то есть, очевидно, в Польше, кто считает важным информацию о нашей математической жизни. Я просто тут рассказываю о факте, который меня чрезвычайно удивляет. Вот этот факт, который мы сегодня разбираем, впервые печатается в нашей общей прессе, т.е. впервые появляется что-либо о нашей математической жизни, а в польской прессе довольно систематически появляются сведения. Вот этот факт своим выступлением по делу Егорова меня очень удивил. Причем мое выступление там конечно освещается с той точки зрения, что мол такой-то карьерист, который выступил для того, чтобы сделать себе научную карьеру. Какая-то связь, очевидно, все-таки есть. Я просто констатирую этот факт.

С места. Польская пресса, очевидно, была использована в интересах некоторых математических группировок у нас?

Кржижановский. По этому вопросу кое-какой материал у нас имеется для освещения, но он непосредственных зацепок не дает.

Бах. То, что мы уже знаем, этого вполне достаточно.

Кржижановский. Во всяком случае, ясно, что все это письмо пронизано неискренностью, никакой искренности в нем нет. Это мы должны сказать. Ну, теперь еще один вопрос Он ссылается по делу Суслина на свидетельские показания двух лиц.

Александров. Д. Е. Меньшова я знаю. Я говорил с Д. Е. Меньшовым два дня тому назад. Д. Е. Меньшов человек абсолютной честности, и Д. Е. Меньшов, с которым я говорил о Суслине, сказал мне, что он не в курсе этого дела, так как он работал по другой области математики. Я ему высказал свой взгляд. Он сказал, что он по этому поводу ничего не может сказать. Это он мне сказал.

Соболев. Ну, после тех объяснений, которые академик Лузин давал нам седьмого числа, нечего об этом говорить Полностью и целиком все то, что ему инкриминировалось, он подтвердил. Картина совершенно ясная.

Ферсман. Совершенно правильно.

Гельфонд. Чем бы он ни объяснял своего поступка, факт тот, что он его признал

Хинчин. Тут есть еще один факт — я не знаю, есть он в нашей резолюции? — который стоило бы в резолюцию поместить. Это очень характерный факт, это его телеграмма в Саратовский университет.

Горбунов. Там было письмо Привалова и телеграмма в Саратовский университет.

Александров. По поводу Привалова я заявляю отвод. Дело в том, что И. И. Привалов в течение двух лет был тяжело болен психически. При этом одна из идей, преследовавших его в течение всей болезни, заключалась в его совершенно мнимой вине, когда кто-то был арестован. Это была бредовая идея, которая в течение всей болезни его преследовала. Я опасаюсь, что привлечение Привалова к этому вопросу может, ввиду очень специальной обстановки, быть нежелательным.

Люстерник. Я могу рассказать, что Иван Иванович Привалов рассказывал мне, что он сжег письмо, полученное им от акад[емика] Лузина, с целью не компрометировать Лузина.

Шнирельман. Я думаю, что мы должны разделить этот вопрос на две части: одна часть — это сложное научное взаимоотношение, и другая часть — это личные взаимоотношения, о которых нам Н. Н. здесь рассказывал. Н. Н. разъяснил нам, что желая спасти Суслина как ученого и как человека, которого он считал гениальным, он счел необходимым сначала выжить его из Иваново-Вознесенского, лишить там должности, и для того, чтобы его научная деятельность после того не могла прерваться по другим соображениям, он счел нужным не дать ему возможным устроиться в Саратове. Таким образом, не давая ему устроиться в Саратове, он полагал, что этим он способствовал его научной деятельности.

Александров. Я думаю, что привлекать какие-нибудь телеграммы по этому поводу было бы излишним.

Кржижановский. Вопрос совершенно ясен. Ну, а теперь о плагиате.

Соболев. Я думаю, что есть все основания считать, что плагиат...

Сегал. Лаврентьев это подтвердил. Кроме того, я вчера представил заявление Новикова и Ляпунова[65]. Они подтверждают, что плагиат есть.

Александров. О Меньшове я впервые узнаю.

Сегал. Нет, о Лаврентьеве.

Александров. О Лаврентьеве я знаю.

Горбунов. Я считаю нужным огласить заявление, подписанное Новиковым и Ляпуновым, — «О научных работах академика Н. Н. Лузина».

«Главная часть работы акад. Н. Н. Лузина посвящена различным областям теорий функций. Эти работы в свою очередь распадаются на три группы: метрика, теория функций комплексного переменного и дескрипция. Поэтому мы остановимся на каждой из этих групп в отдельности.

1. Работы по метрике.

Цикл метрических работ акад. Н. Н. Лузина представляет собою исключительно крупный факт в истории Московской математической школы. Этими работами и последовавшими за ними работами учеников акад[емика] Н. Н. Лузина было заложено основание одной из крупнейших математических школ мира. Самим акад[емиком] Н. Н. Лузиным получен ряд весьма значительных результатов, из коих мы отметим следующие: абсолют-

ную сходимость тригонометрических рядов, *C*-свойство; теорему о примитивных функциях и характеристику интегралов Denjoy. Эти работы преимущественно относятся к 1911--15 годам. Многие из них впоследствии были изложены как в специальных монографиях, так и в учебниках.

2. Теория функций комплексного переменного.

Работы акад[емика] Н. Н. Лузина по теории функций комплексного переменного относятся к кругу идей, вышедших из мемуара Fatou (1904 г.). Первый результат (1911 г.) о расходимости ряда Тейлора на круге сходимости является решением проблемы, поставленной в этом мемуаре, и представляет большой интерес. Далее, в 1917-20 гг. акад[емиком] Н. Н. Лузиным совместно с И. И. Приваловым получен ряд весьма крупных результатов о поведении аналитических функций на границе области существования. Наиболее значительные результаты, сюда относящиеся, суть следующие: инвариантность множества меры нуль при конформных отображениях областей со спрямляемой границей и общая теорема единственности. Эти результаты и методы, которыми они были получены, нашли отражение в ряде работ советских и иностранных авторов и излагаются в учебниках и монографиях.

До последнего времени акад[емик] Н. Н. Лузин неоднократно возвращался к вопросам метрики и теории функций комплексного переменного и получал отдельные хорошие результаты.

3. Работы по дескрипции.

Начиная с 1916 года и до настоящего времени, в центре внимания акад[емика] Н. Н. Лузина находится дескрипция. Наиболее крупный цикл его дескриптивных работ посвящен изучению так называемых аналитических множеств (*A*-множеств). Содержащаяся в трудах акад[емика] Н. Н. Лузина теория этих множеств представляет собой огромный вклад в науку и имела очень большое влияние на развитие теории функций. Идеи Н. Н. Лузина, относящиеся к этой области, получили плодотворное развитие в работах целого ряда математиков. Большое количество весьма значительных фактов, касающихся аналитических множеств, было получено учениками Н. Н. Лузина. Законченная теория этих множеств содержится в книге акад[емика] Н. Н. Лузина «Leçons sur les ensembles analytiques» (1930 г.). В литературе по теории функций эта книга занимает весьма крупное место. Однако в книге не всегда достаточно ясно отмечен тот факт, что многие из излагаемых результатов не принадлежат самому автору, даже в тех случаях, когда эти результаты печатаются подробно впервые. Это, безусловно, имело место с некоторыми результатами П. С. Александрова, М. А. Лаврентьева и П. С. Новикова, возможно также, что и относительно М. Я. Суслина. Для того чтобы обрисовать по возможности более полно картину деятельности акад[емика] Лузина в области дескриптивной теории функций, мы постараемся изложить работы Н. Н. Лузина и его учеников в хронологическом порядке.

Начиная с 1915—16 гг., в Московском университете группа математиков в кружке, руководимом Н. Н. Лузиным, работала над решением ряда проблем, касающихся теории множеств. Эти проблемы частью были поставлены «C[omptes] R[endus]», частью же возникли в процессе работы кружка. Первым крупным шагом было введение П. С. Александровым *A*-операций для решения вопроса о мощности *B*-множеств. В дальнейшем эта операция была изучена Суслиным, который установил ряд важных свойств множеств, определяемых с ее помощью. Значительно позднее (1924—25 гг.) Н. Н. Лузин

придал *A*-операции геометрическую форму («решето»). И с помощью этого придал большую наглядность результатам предшествующего периода московских работ. Нужно отметить, что понятие решета сыграло большую роль в последующем развитии дескрипции. Впервые оно появилось в мемуаре, опубликованном в «Fund[amenta] Mat[hematicae]», том X, 1927 г., а затем вошло в цитированную выше книгу. Насколько мы могли выяснить, в обоих трудах ссылки на Суслина имеются, и они находятся в полном согласии с цитированной выше нотой Суслина. В то же время ссылок на Александрова во многих случаях нет. Не указано, что решето есть видоизменение *A*-операций, а теорема о совершенном ядре приписана Суслину. Однако у нас нет оснований утверждать, что в числе прочих результатов, указанных в книге, нет таковых, которые принадлежат Суслину.

Кроме теории аналитических множеств в названной книге содержится очень значительная теория *B*-множеств. Тут нужно отметить, прежде всего, введение новой классификации и понятия множества clairsemé[66], несомненно, принадлежащие акад[емику] Н. Н. Лузину.

Однако часть результатов изложенной теории получена М. А. Лаврентьевым под руководством Н. Н. Лузина, на что достаточности ссылок нет. (См. ноту Лаврентьева в «C[omptes] R[endus]» 1925 г.)[67]

Четвертая глава и часть III посвящены теории неявных функций и связанных с ними вопросов. Это новый цикл работ исключительно большого значения До появления книги многое было опубликовано только в нотах Н. Н. Лузина в «C[omptes] R[endus]». Однако, основные результаты этой теории получены П. С. Новиковым (лемма о сравнении решет, проекции счетноформных *B*-множеств), который дал доказательства всех основных фактов, не выделив, однако, отдельных моментов доказательства в качестве лемм или принципов. Нужно отметить, что изложение этих вещей в книге Н. Н. Лузина также очень значительно усовершенствовано; получен ряд существенных следствий и выявлены принципы, на которых строятся доказательства. В частности, нужно отметить, что второй принцип отделимости впервые сформулирован Н. Н. Лузиным. Ссылки на Новикова далеко не достаточно ясны[68] (лемма о сравнении решет не сопровождается ссылкой). Это относится как к книге, так и к нотам. Кроме работ, вошедших в разбираемую книгу, имеется еще ряд работ, примыкающих к работам польской школы, посвященных гипотезе континуума и построениям, связанным с аксиомой Цермело. Эти работы следует поставить значительно выше большинства польских, но и значительно ниже того, что содержатся в книге.

Работы акад[емика] Н. Н. Лузина по теории функций последнего времени по преимуществу относятся к дескрипции. Большинство из них состоит в рассмотрении более или менее частных примеров, безусловно, представляющих самостоятельный интерес и находящих отклик в работах советских и польских математиков. Однако, по нашему мнению, эти работы стоят ниже работ прошлых лет. Исключение составляют следующие работы:

I. Analogie entre etc. Fund. Mat. 1930.[69]

Работа содержит весьма интересные новые идеи и имела значительное влияние на ряд последующих работ в этой области.

II. Sur les classes [des] constituantes. Annali d. Sc. Norm. S.II. 1932.[69]

Очень значительная работа, содержащая весьма существенные результаты, новые

идеи и новые методы, которые получили развитие в последующих работах других математиков.

III. Choix effectif etc. Fund. Mat. XXV. 1935.[69]

Очень значительная работа, содержащая решение проблемы, стоявшей в течение более чем 15 лет. Однако, как указано в ссылке, результат получен П. С. Новиковым. Н. Н. Лузиным доказательства значительно упрощены. Работа напечатана совместно по предложению, которое сделал П. С. Новикову польский математик В. К. Серпинский[70], будучи в Москве осенью 1935 г.

Александров. Простите, я Вас перебиваю. После этого та же самая работа была опубликована Лузиным в «C[omptes] R[endus]», без малейшего упоминания о Новикове[71].

Горбунов.

IV. «Sur un raisonnement nouveau etc. CR. 201; 1935.[69]

Работа содержит изложение результата, принадлежащего П. С. Новикову и содержащегося в предшествующей работе. Ссылки на П. С. Новикова нет.

V. 1. Sur une propriété etc. [T.] 198. 1934.[69]

2. Sur quelques problèmes. [T.] 198. 1934[69]

3. Sur la décomposition. [T.] 198. 1934.[69]

В двух первых формулируются ошибочные результаты. В третьей содержится заявление об ошибочности первых нот и доказывается, что при некоторых дополнительных предположениях высказанные там предложения имеют силу.

Даже этот последний результат имеет весьма крупное научное значение. Однако доказательства суть только значительные упрощения рассуждений, с помощью которых П. С. Новиковым были получены по существу те же результаты (см. «Доклады АН» 1934 г. № [4]). Факты, сформулированные П. С. Новиковым, не вполне тождественны с содержанием работы № 3, однако, они немедленно следуют из других.

В заключение считаем необходимым отметить, что в области теории функций работ, которые можно было бы назвать халтурными, у акад[емика] Н. Н. Лузина нет».

Сегал. Разрешите мне дополнить.

Новиков жил несколько лет тому назад в Горьком[72], а Н. Н. – в Москве. Они параллельно работали над одними и теми же проблемами.

Бах. Независимо?

Сегал. Независимо, периодически у них бывали встречи. В один приезд Новикова в Москву он сообщил Лузину, что его основные проблемы выходят, но ему остается немножко закончить. Затем он уехал в Горький. Через некоторое время Новиков узнает, что Лузин напечатал этот результат в «Comptes Rendus» Парижской академии наук за своей подписью, даже не спросив Новикова. Затем Новиков, работая дальше над этим вопросом, выяснил, что это неверно, так что Лузин оказался в очень неприятном положении, и ему пришлось написать опровержение, т.е. написать, что он ошибся.

Гельфонд. Несколько слов о Новикове. Я Новикова давно знаю. Когда он был студентом, он имел репутацию одного из самых талантливых математиков. И всегда все удивлялись, почему один из самых талантливых математиков не имеет работ, и когда другие его товарищи уже являются профессорами, он остается только ассистентом в одном из маленьких вузов. Ассистентом он был чуть ли не до 1935 или 1934 г.[73]

Эти факты были всем известны, и объяснялось это чрезвычайной беспомощностью Новикова. Действительно, Новиков был чрезвычайно беспомощным человеком, именно

младенцем вне научной области. Использовать его было чрезвычайно легко, и это был очень удобный объект, грубо выражаясь, для доения. Все знали, что он работает с утра до вечера в течение десяти лет и ничего не опубликовал[74].

Александров. Даже диссертация Новикова на степень доктора опубликована в работе Лузина.

Гельфонд. Когда появилась работа Н. Н., где была какая-то ссылка на Новикова, то некоторые, очевидно, на основании слов Лузина, объясняли это благородством Лузина, т.е. тем, что он, имея ученика, неспособного публиковать работы, публикует его имя в своей книге с целью сделать его известным за границей.

Это версия, которая существовала о Новикове. Причем нужно подчеркнуть, что Новиков находился в самом жалком положении, все время был ассистентом у Хлодовского[75], т.е. у человека, значительно ниже стоящего, чем Новиков, которому (Хлодовскому) покровительствовал Лузин. Известно также, что немногочисленные работы Хлодовского в значительной степени были написаны Новиковым. Получилось какое-то изуверство, что-то напоминающее дело Шульца.

Кржижановский. Своим письмом Новиков устраняет те надежды, которые на него возлагает Лузин.

Александров. Несмотря на большую личную привязанность Новикова к Лузину.

Горбунов. Может быть, Комиссия считает нужным поставить перед Лузиным некоторые вопросы? Он будет здесь через 15 минут.

Бах. Не видно, какие.

Шмидт. Я думаю, что опросить Лузина следует по поводу ряда дел и обстоятельств.

Кржижановский. Нужно предварительно провести весь материал в Комиссии, потом сформулировать те вопросы, которые мы Лузину зададим, и тогда можно его вызвать. Надо оповестить его, что мы будем находиться с ним в телефонной связи и, когда нам будет нужно, чтобы он приехал. Он хочет подать письменное заявление — новый документ. Тогда посмотрим.

Горбунов. Есть целая пачка разных документов по этому вопросу от различных математиков. Их интересно было бы зачитать. Например: «Тельбешев[76]. Первые работы Новикова были... (зачитывает) о всех результатах, излагаемых в этой главе, авторство Новикова всюду отмечено».

Комиссии было бы важно со всеми этими материалами ознакомиться. Тут такие имена: Шнирельман, Люстерник, Соболев, Гантмахер, Виноградов, Сегал, Аршон. Затем письмо Лузина в Челябинский Обком Партии.

Кржижановский. Я думаю, что мы можем пойти дальше.

Люстерник. Можно было бы достать Труды этого Всеславянского съезда, они имеются в библиотеке Московского университета.

Бах. А зачем это нужно? Ведь эти факты доказаны.

Кржижановский. Мы можем в числе других задать ему и этот вопрос.

Хинчин. Я вспоминаю, что С. Н. Бернштейн в кулуарах съезда[77], очень напуганный, обратился ко мне с такими словами: «Знаете ли, мне как-то неудобно с Николаем Николаевичем говорить. Вы его ученик, Вам это будет удобнее. Я боюсь, что он поставит себя в очень неудобное положение по своему легкомыслию: до меня дошли сведения, что его сейчас просили как главу Советской делегации принять участие в Оргкомитете Всеславянского съезда, и он будто бы дал свое согласие. Повлияйте на него как-нибудь,

чтобы он поступал поосторожнее». Я, встретивши Николая Николаевича, ему добросовестно это передал. Он очень испугался: «Да, да, — говорит, — я плохо разбираюсь в таких вещах». После этого он, очевидно, послал эту телеграмму.

Кржижановский. Теперь есть еще один момент очень серьезный и важный. Бернштейн должен будет просмотреть его работы, которые он печатает здесь в СССР, и взвесить удельный вес этих работ, которые он печатает в СССР, с теми, которые он напечатал за границей. Ведь в статье в «Правде» цитируются подлинные слова Лузина, что «здесь я печатаю белиберду, внутренне смеюсь над этим», а там, мол, он печатает настоящие научные работы. Этот момент чрезвычайно важен и существенен. Сегодня это заявление опять воспроизводится в «Правде», что тут он печатает белиберду.

Люстерник. На нашем заседании профессор Гол[убев] по некоторым вопросам, в которых он является специалистом, заявил, что работы Лузина в этом направлении — это халтура. Так, например, цикл его работ о работах А. Н. Крылова он назвал халтурой. И сам Лузин, когда он получил это на трех страницах[78], считал эту работу не имеющей значения и печатал только потому, что ему было нужно.

Шмидт. По поводу этой работы при выборах в академики: я с этим делом знаком и могу сказать с[о] своей стороны, что я знаком с этой работой Лузина. Там всякие длинные нематематические ненужности. Я лично продумал для себя, написал статью также на трех страницах и даже не напечатал, не считая нужным.

Соболев. Ну, относительно всех вместе взятых работ Лузина я думаю, что мнение, высказанное в «Правде», несколько поспешное. Нельзя отрицать того, что удельный вес заграничных работ Лузина большой. Правда, я мало компетентен в этом, но наличие ряда работ, напечатанных у нас в Союзе и имеющих определенную ценность, констатировать также можно. Кроме того, этот дефект свойственен не одному только Лузину. Значительная часть математиков, да и не только математиков, придерживалась такой точки зрения, что за границей печатать легче и быстрее. Я лично не придерживаюсь этой точки зрения. У меня нет ни одной работы, напечатанной за границей, за исключением маленьких заметок в «Comptes Rendus[79]». Но это имеет свой «резон д'эгр»[80], потому что за границей печатают и скорее, и лучше. Я думаю, что мы не можем под это обвинение подвести серьезную базу. Если это делалось сознательно — это может быть. Но, это допускает объяснения и не исходя из чисто политических установок самого Лузина.

Сегал. Я подробно ознакомился с работами Н. Н., начиная с 1930 года, как выпущенными на русском языке, напечатанными в советских журналах, так и за границей. И у меня создалось совершенно определенное впечатление, что тут был сознательный плановый отбор. Ни одной серьезной работы на русском языке и в советских журналах не было напечатано, кроме одной работы, помещенной в номере пятом «Трудов физико-математического института». Причем это объясняется тем, что номер этот был посвящен 70-летнему юбилею А. Н. Крылова. И в этом случае он, по-видимому, решил сделать исключение, так как там действительно помещена хорошая работа. Все же остальное представляет собою настоящую халтуру. И все эти работы раздуты совершенно бессмысленно. У него есть одна маленькая работа, помещенная в Казани, и другая в «Математическом сборнике». Работа, помещенная в «Математическом сборнике», представляет собою качественное исследование дифференциального уравнения движения поезда. Эта работа находится на уровне работ начинающего, а, во всяком случае, не академика[81].

С места. Это студенческая работа.

Александров. Я знаю, о какой работе идет речь. Эта работа была напечатана в 1930 г., когда Н. Н. решил переключиться на потребности прикладной математики и демонстрировать, что он занимается не только учеными вещами, но и конкретными проблемами.

Сегал. Единственная работа, которую я не успел изучить, это работа, связанная с методом академика Чаплыгина и напечатанная в ЦАГИ[82]. Некоторые говорили, что она интересна. Этого я утверждать не могу. Единственное сомнение — в отношении этой работы в ЦАГИ, но зато я должен сказать, что действительно у нас по качеству журналов мы стоим далеко не на должном уровне. Это надо признать. И может быть отчасти этим можно объяснить такой систематический отбор хороших работ туда, а плохих здесь.

Но и здесь есть совершенно веское возражение. Как известно, «Доклады Академии наук», начиная с 1932 или 1933 года, по крайней мере в течение последних трех-четырех лет стали прекрасным органом, причем в некоторых случаях «Доклады» печатают лучше и быстрее, чем парижские «Comptes Rendus».

Я, например, укажу, что работа А. О. Гельфонда, когда это нужно было, печатана в два дня. Хотя и редко, но в тех случаях, когда это действительно нужно — это можно сделать. Тем более это имел возможность академик Лузин. Однако, просматривая «Доклады» за все время с тех пор, как была создана новая серия[83], мы не находим ни одной заметки Лузина, кроме примечания к двум статьям Новикова и Ляпунова, напечатанного в одном из номеров[84]. Все математики, ранее не печатавшиеся в Союзе, стали печататься в «Докладах», потому что «Доклады» поставлены на высоком уровне. Статей Лузина мы там не находим. Поэтому у меня такое впечатление, что такой отбор имел место.

Бах. А те статьи, которые печатались за границей, по-русски не печатались?

Александров. Этого вообще у нас не полагается. А не ускользнула от нашего внимания статья по теории множеств, написанная Лузиным около 1930 года?

Сегал. Может быть, до 1930 года. Но, начиная с 1930 года, ничего кроме ...[85] не было.

Шмидт. Самый факт, что подавляющую часть своих работ Лузин печатал за границей, а в Союзе печатал только явную чепуху, это бесспорный факт и, если математическая общественность затрудняется квалифицировать этот факт [нужным] образом, то объясняется это только тем, что в этом повинны и другие. Сегодняшняя статья в «Правде» сигнализирует о том, что это действительно явление общее. Это верно, но можно, однако сказать, что это не умаляет вины Лузина, потому что в этом стиле нашем советском, фактически антисоветском — не печатать у нас — повинен тот же Лузин, как руководитель одной из школ, как наибольший западник, как популярная фигура и т.д. Все следовали его образцу. Так ведь дело обстоит. Нужно сказать, что раньше до деятельности Лузина, такового взгляда у математиков российских, пожалуй, не было. Крупнейшие российские математики печатали преимущественно в России.

Бах. Вот великие работы Чаплыгина не были напечатали за границей, а напечатаны в России.

Шмидт. Вообще нельзя сказать, что здесь традиция. Вспоминая период моего студенческого учения и моего математического развития, — а я был связан с Ленинградской школой[86], — я знаю, что не только Чаплыгин, но и москвичи, например Жуковский, печатался в России, ленинградцы — Коркин, Марков — крупнейшие математики, печатались здесь[87]. Стеклов[88] был одним из тех, который начал уже шире вылезать на западную арену. Он был очень плодовит, и одни и те же работы он печатал по несколько раз под раз-

ным видом. Он печатал их и здесь и там. У Ляпунова меньше было работ[89]. Но если сказать, что такова была традиция, — это неверно. Традиция эта именно идет от Лузина.

Если этому было некоторое оправдание в том, что мы не умели наладить момент печатания, то теперь это стало анахронизмом. Во-первых, что касается медленности печатания, то за границей печатается обычно не быстрее. Если взять математические журналы, то журнал... вообще на четвертый год печатает. Популярный у нас в Москве журнал...[90] печатает в течение полугода и до года. Так что особенной быстроты там нет, за исключением отдельных случаев.

Особой быстроты нет. «C[omptes Rendus]» печатает, правда, быстро, но только коротенькие предварительные сообщения, лимитированные по размерам, типа наших «Докладов». Пока не было наших «Докладов»[91], в этом была нужда для быстроты сообщения. Причем там нет никаких доказательств или есть только намеки на доказательства. Сейчас наши «Доклады» полностью разрешают это в смысле быстроты и т.д.

Что касается более или менее обширной мемуарного типа литературы, то уже с 1931 г. у нас существует «Математический сборник», выходящий абсолютно регулярно[92]. Правда, он раньше, когда этим делом руководили те самые московские зубры, о которых тут говорилось, не пользовался известностью за границей, но сейчас мало-помалу начинает приобретать известность за границей[93]. Повторяю, этот «Математический сборник» выходит регулярно.

С места. Шесть раз в год.

Шмидт. Правда, бывают маленькие задержки, но не намного и, во всяком случае, академик Лузин мог рассчитывать, что его материал попадет в ближайший номер, несомненно, что я и Берман[т], мой помощник по редакции, обеспечили бы это[94]. При этом у нас такое положение, что мы печатаем доклады и статьи сплошь и рядом не только на одном русском языке, но и на иностранных языках, и поэтому нет никаких сомнений, что интересы Лузина были бы обеспечены. Между прочим, насколько мне известно, у медиков и биологов есть такая традиция, что когда они печатают свои труды за границей, но и одновременно печатают и у нас. У математиков такой традиции никогда не было, а напрасно. Если печатаешь за границей, надо печатать и у нас ...

С места. Не примут.

Бах. Почему не примут? Примут.

С места. До сих пор существовало такое правило, что когда печатаешь статью, то не имеешь права в течение долгого периода после этого печатать в др[угом] органе.

Бах. Это не так. Я долго жил за границей. Это относится к европейским языкам. Я думаю, что тут особых затруднений не встретилось бы.

Но тут я хотел сказать следующее: как справляется ваш журнал с постановленными задачами, удовлетворяете ли вы спрос, который предъявляется к вашему журналу? Почему я спрашиваю? Я знаком с положением, которое было у нас с физической химией. Все работы печатались за границей до того времени, пока [не] удалось создать на русском языке свой журнал — «Физическая химия»[95]. Теперь за границей печатается очень мало, а раньше действительно другого выхода не было. Таким образом, весь вопрос в том, насколько вы удовлетворяете потребность в напечатании материала. Ведь надо учитывать то, что все хотят напечатать поскорее.

Шмидт Раньше «Математический сборник» выходил 4 раза в год, а теперь 6 раз в год. Никаких ограничений мы не имеем, печатаем все, что необходимо, и совершенно не-

сомненно, что если бы нам не хватило бумаги, мы бы получили эту бумагу дополнительно, никогда в этом затруднений мы не чувствовали. И можно гарантировать, что если не в ближайшем, то в следующем номере, материал будет напечатан.

Александров. Эта статья относится по нашему общему адресу, в т[ом] числе упрек в этой статье относится и ко мне. Упрек сделан совершенно справедливо, его нужно принять и сделать соответствующие выводы. Думаю, что все мы этот упрек примем. Во всяком случае, я по своей линии для себя сделаю те выводы, которые вытекают из этой статьи, потому что этот упрек относится ко мне, безусловно, так как я принадлежу к числу тех, которые печатали за границей свои труды. Но вместе с тем я должен категорическим образом опровергнуть то, что это явилось результатом влияния на меня Н. Н. Лузина. Я достаточно взрослый человек, у меня достаточно сложившиеся взгляды, чтобы я не был в состоянии сам во всем разобраться. А если не был в состоянии, то это моя вина, и дело вовсе не в том, что здесь сказывается воспитание Н. Н. Лузина. Если раньше это было допустимо, то теперь положение иное. В прежнее время положение объективно было другое. В первые годы после революции, в дореволюционные годы, во время войны, в России фактически отсутствовала возможность печатания научных трудов, так как это дело не было налажено.

Во-вторых, было время, когда московские работы, конечно, не обратили бы того внимания европейского мира, если бы они были напечатаны в России.

Шмидт. Никто не говорит о том, что тогда [не] надо было печатать за границей.

Александров. Я считаю, что сейчас положение действительно такое, что это потеряло всякий смысл и это только наше недомыслие, что нам понадобился щелчок в лоб со стороны «Правды», чтобы сделать соответствующий вывод. В те годы, когда действовал Лузин, положение было другое.

Я резюмирую: едва ли особенно серьезные упреки можно сделать персонально Лузину. Здесь мы все приблизительно одинаково виноваты.

Кржижановский. Ведь здесь два момента: первый о том, что по преимуществу печатают за границей, второй момент — в СССР печатается то, над чем человек внутренне смеется. Это очень серьезная вещь. Представьте психологически это из Вашей собственной картины. Человек представляется в лучшем случае безмерно испугавшимся обывателем, который чувствует власть и при каждом проявлении власти только трепещет. Из информации видно, что чтобы гарантировать себя в этом отношении, он что делает? Он думает: надо сунуть в рот пищу этому чудовищу, на — пишу, работаю. И главное обвинение не в том, что он печатает работы за границей, а в том, что он печатает в СССР такие работы, какие он сам называет в разговорах с друзьями явной «белибердой». Это уже действие не обывателя, а человека, который презирает ... (не слышно).

Сегал [Аршон][96]. Мне кажется, что сводить вопрос к тому, что у нас мало бумаги и медленно печатается, а поэтому требовалось печатать за границей, нельзя. Очень приятно слышать, когда Павел Сергеевич говорит, что, получивши щелчок от «Правды», он перестроится, а раньше это было результатом недомыслия. Надо сказать, что, в частности, наше издательство в течение трех лет неоднократно ставило этот вопрос, и мы получали забавные доводы за то, что именно так и должно быть, т.е. что надо печатать за границей. Мы ставили вопрос так: все то, что имеется ценного в науке, созданного нашими работниками, должно печататься на русском языке; это не должно помешать печатанию на других языках. И вот интересно, какие доводы приводились против этого: если мы

будем печатать наши работы на русском языке, то наши молодые аспиранты и научные работники не будут иметь стимула к изучению иностранных языков, поэтому надо печатать на иностранных языках. Второй довод: по специальным вопросам слишком узкий круг ученых, эти ученые главным образом за границей и, конечно, они на русском языке читать не будут. Как будто бы тот, кто интересуется своей областью, не прочтет то, что напечатано, хотя бы на китайском языке, как это делают наши ученые: когда они чем-нибудь интересуются, они прочитают это на любом языке, и, тем более, что никогда не ставился вопрос так, что не нужно печатать одновременно и на иностранном языке, но на русском — обязательно. Вопрос о том, что нужно создавать для огромной массы людей, научных кадров капитал на русском языке, чтобы это было в наших библиотеках, отводился тем, что зачем это делать, когда он все равно прочтет на иностранном языке. И последнее, что всегда так было и так останется.

Мне кажется, что здесь в целом, в отношении большинства это неверно, но у меньшинства, к которому принадлежит Лузин, безусловно, было стремление рассматривать СССР, как задний двор культуры, а культура там, на Западе.

Сегал. Все, близко знающие Н. Н. и главные его работы, подчеркивают, что он большой мастер придавать изложению сжатость и изящество. В отзыве, подписанном Новиковым и Ляпуновым, подчеркнуто, что такое-то доказательство значительно упрощено Лузиным и что то, что другой автор написал бы на 20-30 страницах, Лузин пишет на трех страницах. Если мы будем рассматривать советские работы Лузина, то нигде вы не найдете такого многословия, как у него. Здесь наоборот, то, что можно было бы сказать на трех страницах, он говорит на 20-ти страницах; он излагает исследовательские работы так, как будто бы они предназначаются для людей начинающих. Это обстоятельство также имеет место.

Хинчин. К тому, что сейчас было сказано, я хочу добавить маленький факт. Не далее как вчера по просьбе редакции журнала «Геофизика», я взял на себя труд просмотреть статью Лузина, очень большую, в несколько десятков страниц — 50-60 страниц — это для математики очень большая статья, — предназначенную для помещения в этом журнале, по вопросу об анализе периодограмм[97]. Она в высшей степени подтверждает то, о чем сейчас было сказано. Статья написана прекрасно, очень красивым языком, с большой ясностью, но, что меня глубоко поразило, что человек так размазывает. Столько воды напустил, что я не мог себе отдать отчета, для чего это сделано.

Затем еще несколько слов по поводу печатания за границей. Я принадлежу к числу тех, кто упоминается в сегодняшней статье в «Правде» и, должен сказать, чрезвычайно незаслуженно. Я как раз человек, который за эти последние годы свои лучшие работы помещал в советских журналах; что же касается популярной литературы, то это утверждение просто фактически неверно: я за всю свою жизнь написал 3 популярных книжки, и все 3 изданы на русском языке, в Советском Союзе, ни одной моей популярной книжки за границей ни на каком другом языке не появлялось. Учебников я также никогда за границей не печатал[98]. Но, независимо от этого у меня по общему вопросу есть некоторые сомнения. В частности, ту аргументацию, которую Аршон здесь привел — не знаю, хотели ли Вы сослаться на меня — я ее довольно часто высказывал. Для меня, по меньшей мере, неясно, что те советские математики, которые печатали преимущественно за границей — я себя, повторяю, к их числу не причисляю...

С места. Вы ведь нашли возможность печатать только по-русски.

Хинчин. Но у меня было другое положение: я был в составе редакции «Математического сборника», я вынужден был агитировать и охотно агитировал, я должен был показать пример, и я свои лучшие работы отдавал в советский журнал. Но другие поступали иначе. И я не знаю, плохо ли это. Для меня этот вопрос представляется спорным. Ведь вот тов. Аршон говорит, что человек, который интересуется какой-либо областью, прочитает работу, хотя бы она была на китайском языке. Но все-таки факт, что в ущерб мировой науке и в ущерб престижу русской науки было то, что большинство из наших дореволюционных математиков печатались исключительно на русском языке, печатались исключительно в России. К сожалению, с работами Ляпунова[99] дело вышло так, что для нас это просто досадно теперь, когда его центральная теорема в теории вероятности, представляющая собою, может быть, вообще самое крупное, что в этой науке за все время ее существования было сделано, прежде чем она стала известна научному миру, была два или три раза «переоткрыта» европейскими математиками. В конце концов, нужно позаботиться о том, чтобы наши статьи появлялись на иностранных языках, иначе это грозит престижу советской математики[100]

Кржижановский. Здесь никто не возражает против того, чтобы значительные работы печатались за границей; здесь разбирается конкретный случай совершенно определенного отбора. Здесь товарищи подчеркивают совершенно ясно: мастер стиля, мастер этого отбора во всех русских его работах, напечатанных в СССР, показывает как раз обратные качества. Что это случайно или это делалось сознательно? Из всей характеристики, которая здесь перед нами прошла, для нас совершенно ясно, что это делалось сознательно.

[**Аршон**][101]. Мы с удовольствием печатаем большие труды на иностранном языке, но с тем, чтобы они были напечатаны и на русском. А тут дается пространное доказательство на иностранном языке и совершенно невразумительное резюме на русском. Нужно поступать как раз обратно: давать пространную часть на русском, а краткое необходимое резюме на иностранном. Возьмите второй пример — то, что мы обсуждали относительно Вашей совместной работы с Колмогоровым[102], которую Вы наметили издать за границей. Мне кажется, что такой вопрос, как печатание в фашистской Германии своих трудов — это выходит за пределы даже элементарного приличия.

Ширельман. Здесь нужно говорить не о печатании, а о внутренней ориентации на то или иное общественное мнение. Если исходить из точки зрения того, где быстрее и где медленнее печатают, — это очень важный практический вопрос, но если говорить о причинах, которые действительно двигали и двигают, то это будет внутренняя ориентация на того или иного читателя. Если внутренняя ориентация на заграницу — отсюда вытекает логически, что и сознательно и бессознательно будут выбираться лучшие работы для напечатания там, а если внутренняя ориентация будет на советского читателя и если будет внутренняя уверенность в том, что у нас мировая держава в научном отношении, тогда совершенно автоматически — и сознательно и бессознательно — будет обратная картина, конечно с проистекающими отсюда поправками на то, что это держава, которая должна поддерживать научные связи со всем остальным миром.

Кроме этого общего замечания, мне бы хотелось сделать одно частное замечание. Конечно, если говорить о Николае Николаевиче специально, то я думаю, что не подлежит никакому сомнению и буквально не требует доказательства то, что он внутренне ориентировался на внешний мир И если это признать в такой форме без указания на отдель-

ные обстоятельства и тонкости, то отсюда будет ясно, что и сознательный и бессознательный отбор был. Правда, если говорить, как в разное время естественно и разумно было бы с точки зрения советского человека подходить к этому вопросу, то понятно, во всяком случае, что в разное время разные оттенки и разные вещи были бы целесообразны.

Одно время, я знаю, что советской общественностью московских ученых в заслугу Николаю Николаевичу ставился тот факт, что он вывел на свежий воздух научную работу из московского затхлого круга. Был момент — я не хочу сказать, что из прогрессивных соображений исходил Н. Н. Лузин, я этого не утверждаю, — но было время, когда его за это можно было похвалить.

Кржижановский. Но мы можем констатировать, что исключительно отбор происходит «водяных» статей сюда в силу внутренней ориентации.

Люстерник. Я должен сказать, что до революции Н. Н. не ориентировался вовсе на заграницу. Его книга «Интеграл и тригонометрический ряд», которая составила основную славу Лузину, была напечатана в России в 1915 году. Значит у Н. Н. до революции, наоборот, лучшие работы печатались здесь.

Бах. Ну, знаете, за границей не напечатают никому неизвестную работу.

Люстерник. Теперь насчет воды. Это вопрос, который уже давно поднят. Я помню, когда, кажется, в 1930 году, разбирался вопрос об учебнике, все указывали, что учебник Грэнвилля и Лузина[103] имеет в себе так много воды, что для того, чтобы добраться до первого конкретного содержания из анализа, надо через 400 страниц сплошной воды пройти студенту ВТУЗ'а[104]. Надо, товарищи, еще раз взглянуть — и надо посмотреть, что представляет из себя этот учебник.

Теперь насчет роли Н. Н. в том, что он создал это стремление к печатанию за границей. Такой культ был в первые годы. Это было в первые годы после революции, когда вообще математика не имела актуального значения, да и сама наука была поставлена в такое... положение. Но любопытно следующее обстоятельство, что у нас у всех, у учеников Лузина, было такое представление, что вне Н. Н. Лузина за границей ничего нельзя печатать. В 1928 году уже зрелый математик, приват-доцент московского института, через несколько дней я был избран профессором,[105] я, когда мне нужно было послать заметку в «Comptes Rendus», я не знал, как это сделать, и я пошел к Александру Яковлевичу Хинчину, чтобы он мне посоветовал. Он назвал это глупостью и сказал, что я сам могу это сделать, и действительно это было настолько глупо, что просто смешно даже вспоминать. Ведь можно было самому послать. Но все мы в студенческие годы были оглушены и вполне были уверены в том, что нельзя послать без Н. Н. ни одной заметки в «Comptes Rendus». До глупости доходило дело. А между тем это был один из способов, при помощи которого Н. Н. до сих пор держит несчастного Новикова в своих руках. Он до сих пор оглушен, и ему кажется, что если Н. Н. не напечатает, то его работа не увидит света. В 1928 г. и я сам полагал, что нельзя послать самому работу. Просто смешно даже. Но это культивирование в таком направлении Н. Н. и было одним из способов, который является, как выявлено сейчас, для Н. Н. орудием плагиата.

Кржижановский. Может быть, мы прервем сейчас наше заседание. Дело в том, что сейчас явился Лузин и принес новый документ. Он говорит, что он написан так, что он может только зачитать его. Может быть, мы сделаем таким образом, что мы прервем наше заседание только для того, чтобы его заслушать, но по поводу этого документа мы даже не выступим ни с какими взглядами. Возражения нет?

Попросим сюда акад. Лузина.

Лузин. Тягчайшие переживания, вызванные абсолютно справедливым обвинением в ряде крупнейших политических ошибок в научной деятельности — обвинений, брошенных мне прямо в лицо в статьях «Правды» от 2 и 3 июля, — привели меня к глубоким размышлениям о необходимости совершенно иной обстановки для всех советских ученых вообще и моей лично, в частности.

Мы живем в период величайшей революции в истории человечества, глубокого перелома и сдвигов как во внешней жизни, так и самой **психологии**. Для многих из нас, вступивших на научное поприще в дореволюционное время, дело науки связывалось с вопросом **чисто личных** достижений в науке, личной принадлежности открытий в ней; это была установка индивидуализации и замкнутости в себе.

Новое время, переживаемое нашей великой страной, вызвало совершенно другие установки научной жизни и научной деятельности. Здесь необходим самый решительный отход от индивидуализма, стремления к чисто личным достижениям в научных областях и научных открытиях.

Установка должна быть при наших новых могучих кадрах молодых ученых не на индивидуальные интересы, а на интересы научного коллектива, научной общественности и, наконец, **самой науки**. Последнее может удивить лишь людей, не могущих сразу отрешиться от прежней научной идеологии и понять, что научное открытие есть **общее** достояние, и что научное открытие значительно ускорит свой рост, если оно будет созревать не в индивидуальном сознании, а одновременно в головах многих и многих.

Там совершенно исключительная работа для научной работы, которую заботливо создает в нашей великой стране наше правительство, с преизбытком позволяет это сделать.

К сознанию этого для многих будет трудно придти, и эта совершенно иная установка научной жизни, отход от индивидуализма, будет протекать в условиях ломающейся научной психологии. Но такой перелом необходим: только при этом условии можно идти в уровень с жизнью в нашей стране, возглавляя ее в научном отношении.

В частности, я лично, глубоко переживший перелом в моей психологии и видящий необходимость работать по-иному, вывел все следствия, связанные с необходимостью отойти от индивидуализма.

Нужно, чтобы наша научная жизнь получила в самих наших глазах новое идеологическое обоснование. Мы должны все пройти через великий перелом, сознание необходимости которого я предчувствую уже давно, когда я приступил к образованию больших научных коллективов. Я отдаю себе ясный отчет в том, что в данный момент я должен высказать с совершенной определенностью свои политические установки. Пережитое мною глубочайшее потрясение заставляет меня пересмотреть всю мою жизнь как общественную, так и научную.

Я не считаю допустимым перед своей совестью наспех высказывать все то, что в трудный момент перелома я переживаю, так как я должен пересмотреть всю мою общественную и научную жизнь. Как только все это оформится, я с полным сознанием перед своей совестью смогу дать свое заявление. Я это сделаю с полным сознанием своей ответственности перед лицом всей моей страны.

Кржижановский. Я думаю, что этот документ сейчас ничего не изменяет.

С места. Да.

Кржижановский. Мы вернемся к нему потом. Нет возражений? Нет.

С места. Нет.

Кржижановский. Два вопроса меня интересуют в отношении товарищей математиков. Первый вопрос такой. Уже значительное время у нас существуют налицо такие условия, когда печатание трудов в СССР возможно.

Сегал. Имеются еще затруднения, например, полиграфические.

Кржижановский. Во всяком случае, я не думаю, чтобы они были так велики, и я не думаю, чтобы за границей в этом отношении было все великолепно.

Хинчин. Кое-где совсем скверно.

Кржижановский. Так что мы можем констатировать, что причина не в этом.

Сегал. Конечно, главная причина не в этом.

Кржижановский. Может быть, там более изящные издания, но не в этом причина. Никто, конечно, не может сказать, что мы, говоря о том, чтобы печатали в нашей стране, этим самым хотим оторвать научные работы от общей мировой продукции. Но мы констатируем, что неслучайно есть большая разница в работах, печатаемых за границей и печатаемых здесь.

Бутягин. Я думаю, что нужно отмежевать общие вопросы от лузинского вопроса. Ведь если у Лузина была серьезная ориентация на европейскую мысль и нашу, то это неверно. У Лузина была определенная тенденция. Весь характер подбора статей указывает на то, что именно была определенная тенденция. Неслучайно упомянули здесь об его учебнике. Я думаю, что мы очень много вреда причинили нашей молодежи технических школ этим учебником[106]. Так что этот факт надо квалифицировать иначе, а не только как факт ориентации и как раболепство перед Западом. Для Лузина — это определенная политическая тенденция.

Кржижановский. Надо прямо поставить вопрос: ты ориентируешься на эту страну, на ее рост и развитие, или на ее «друзей», находящихся за рубежом?

Александров. Я должен сказать, что Шнирельман сделал одну вещь, достойную примера. У него есть теорема, известная теорема о теории чисел, он ее опубликовал в Записках Новочеркасского института, т.е. в журнале, который не только за границей, но и у нас мало кто читает[107]. Тем не менее, эта статья сделалась известной.

Шмидт. И попала в заграничные книги.

Александров. Поэтому я с самого начала сказал, что этот упрек справедлив, и нам нужно перестроиться. Но я указывал, что этот упрек справедлив не только в отношении Лузина, но и в отношении всех нас. Что касается того, что в отношении Лузина это должно рассматриваться в ином свете, я с этим согласен.

Кржижановский. Мы довольно далеко продвинулись в этих пунктах. Теперь по поводу того пункта, который поставил Бах — это письмо о советской школе[108] и о том, что непосредственно находится в связи с этим письмом. По-видимому, это письмо обозначает метод действия этих людей. Это письмо не случайное, а очень типичное. Может быть, товарищи выскажутся.

Бах. Я как раз думал об этом. Я знаком с Лузиным с тех пор, как он академик, и я знаю его как чрезвычайно любезного человека, очень почтительного человека, что я чрезвычайно ценю. Но что меня удивило в заглавии[109]? Он озаглавил свое выступление «Приятное разочарование». Я считаю, что приятных разочарований не бывает. Если человек очарован, то это ему доставляет удовольствие. И если он разочарован, то ему

это неприятно. Значит, одно из двух: или он был очарован, что советская школа ни черта не стоит, и потом он приятно должен был разочароваться, или, если он считал, что это по ошибке, он должен был бы сказать «приятное пробуждение от кошмара». Это, конечно, для него довольно характерно, он совершенно невольно высказал свои настроения. Что по линии политической ему дали хороший урок — это правильно.

Относительно выступлений научных. Когда я первый раз прочитал «Правду», мне не совсем понравилось. Когда здесь говорят – это одно дело, а там, хотя статья и редакционная, и хотя редакция компетентна в общественно-политических вопросах, но нельзя считать ее компетентной в вопросах математики. Там это его дискредитировало полностью. Мы выяснили здесь, что кое-какие заслуги за ним признаются, там их дискредитировали полностью. Я считаю, что это неправильно не только по отношению к Лузину, а неправильно по отношению к научному работнику и члену Академии наук. Поэтому я был рад, когда узнал, что назначена эта Комиссия. Я думаю, что мы выяснили очень многое, что полностью оправдывает все выступления против него.

Гельфонд. По поводу средней школы. Я тут кое о чем толковал с Н. Н.

Пару лет тому назад мне позвонил Подвойский[110]. Тогда я его не знал. Он сказал, что он слышал, что я очень интересуюсь вопросами преподавания математики в средней школе, и просил явиться к нему. У него была идея обратить внимание научных работников на положение в средней школе, собрать материал, который потом направить в Наркомпрос и другие учреждения. Было устроено совместное собрание преподавателей ВУЗ'ов и ВТУЗ'ов. Он развил деятельность, в которой были допущены некоторые ошибки, например, были приглашены такие лица как Беспрозванный, но все же это было очень положительным фактом, так как тогда в первый раз приняли участие в совещании ряд научных работников. Принял участие и Лузин. Потом я читал документ, подписанный совместно Лузиным, Беспрозванным и Жегалкиным. Между прочим, Беспрозванный дал чрезвычайно мрачную характеристику, и, вместе с тем, это заявление было подписано и Лузиным и было передано Бубнову. Поэтому, когда я прочитал статью Лузина, сахарно-мармеладную статью о школе, это как-то чрезвычайно поразило — несоответствие, что, с одной стороны, солидаризируется с людьми, чрезвычайно мрачно смотрящими на это дело. Это было за три дня до появления этой заметки. В этом документе не было прямо указано, но его установки были очевидны, что средняя школа калечит людей и нужно немедленно ее спасать.

Документ этот есть у Бубнова, у Волина и, наконец, у Беспрозванного, у которого можно его взять, он в Москве существует. Мне казалось, что он руководствовался наилучшими желаниями. Беспрозванный прямо говорил, что полная катастрофа, самая мрачная картина, и Лузин с ним солидаризировался, по крайней мере, вместе с ним подписывал бумагу, и вместе они были у Бубнова. Целый ряд был таких мер в этом документе, которые вытекали из установки Беспрозванного. Лузин, несомненно, с ним говорил. Я знаю, что Лузин был по поводу средней школы у Бубнова вместе с людьми, которые настроены пессимистически, за что их ругали на том собрании, на котором Вы были.

Бутягин. Тов. [Гельфонд], если это так, то этот факт знаменательный, потому что трудно себе представить, что Лузин подписывает какой-нибудь общий документ с Беспрозванным. Это собрание было обширно. Профессора ВУЗ'ов и университетов приняли участие в проверке знаний учащихся, и Беспрозванный занял там необычайную позицию. Общее мнение было такое. Их критиковали, обрисовали возможный рост этой шко-

лы. Беспрозванный дал чрезвычайно мрачную картину. Статья же Лузина диаметрально противоположна, никаких недостатков она не отмечает. Это — мармеладная статья, которая показывает, что все хорошо. Там абсолютно все неверно. Это можно констатировать на основании большого опыта. Шестьсот преподавателей ВУЗ'ов были в школах. Материал имеется очень обширный, так что статья не верна; но еще более знаменательным является то обстоятельство, что Лузин настолько беспринципно подошел к этому весьма важному моменту, когда призвали высшую школу для оценки средней школы, которая является центральным моментом в подъеме нашей культуры, что он написал статью, заведомо не веря тому, что он писал. Если он после этого нашел контакт с Беспрозванным, то это сплошное лицемерие. Я бы хотел сопоставить эти документы, и было бы целесообразно эти документы опубликовать. Интересно, что же пишет Лузин, когда он одной рукой пишет сахарную статью, а другой — подписывается под документом вместе с Беспрозванным.

Сегал. При Группе математиков [АН СССР] три месяца тому назад была организована Комиссия по средней школе. Если бы Лузин желал помочь средней школе, то он установил бы контакт с наиболее близким ему органом, куда входили члены-корреспонденты и академики[111]. Однако он установил контакт с Беспрозванным. Это является весьма характерным фактом.

Второй характерный факт в отношении Наркомпроса. Комиссия в составе делегации во главе с акад[емиком] Виноградовым (туда входили: члены-корреспонденты — Шнирельман, проф. ... и другие) уже больше месяца не может добиться приема в Наркомпросе, чтобы изложить свои предложения. Нас до сих пор не приняли[112], Лузина и Беспрозванного приняли немедленно в Наркомпросе.

Третий факт, который я хотел в связи с этим изложить. У нас в Комиссии был раскритикован учебник Ган[гнуса] по геометрии[113]. Там имеются такие доказательства: если три точки лежат на одной кривой, то они не могут лежать на одной прямой, и ряд других нелепостей.

Бубнов на собрании, которое происходило для подведения итогов учебного года, публично заявил, что «Я никаких ошибок в этом учебнике не нашел. Вы говорите, что авторитетные товарищи критикуют его, но у меня есть весьма авторитетные отзывы, которые одобряют этот учебник». Я очень подозреваю, что среди «авторитетных отзывов» имеется и отзыв Лузина. Я поэтому внес бы предложение — запросить Наркомпрос, какие у него имеются положительные отзывы об этом учебнике. Я бы, может быть, это сам сделал, но я должен сказать, что для того, чтобы навести в Наркомпросе простую справку, надо потратить два месяца; может быть, Комиссия это легче может сделать.

Кржижановский. Мне кажется, что этот вопрос тоже для нас достаточно выясняется. Чрезвычайно важно дополучить этот документ, написанный вместе с Беспрозванным, и чрезвычайно важно получить справки, и в свете этих двух документов – того обстоятельства, что член Комиссии Академии там не работал — выясняется в этом его газетном заявлении методика, характерная для него. Мне кажется, что эта методика типизирует лицо тех врагов, которые хотят еще продолжать свою вражескую работу, но вынуждены к этой работе приспосабливаться.

Мне кажется, что первая задача — в свете того обмена мнений, который был [среди] товарищей математиков, — это решительно подправить эти выводы и дать такую резолюцию, которая могла бы нам послужить материалом. Поэтому я бы думал, что надо

попросить тов. Ферсмана и особенно надо попросить тов. О. Ю. Шмидта привести в порядок на основании н[ашего] обмена мнений эту часть работы. Мне кажется, мы здесь сегодня довольно много времени потратили для того, чтобы уточнить все это дело. Окончательного решения мы сейчас не принимаем. После того, как эта резолюция будет отправлена, мы соберемся вновь в ближайшие дни. Я думаю, что это можно сделать сейчас же, как только будет кончена эта работа. Мы наметим ряд вопросов, которые мы поставим Лузину ребром. На следующем заседании мы окончательно примем эту резолюцию, уточним эти вопросы, вызовем Лузина, и эти вопросы ему зададим, и на основании его ответов приготовим нашу резолюцию. Тогда уже никто нас не обвинит в том, что мы так с налета подошли к этому вопросу. Тем более что некоторые вопросы сами собой напрашиваются, как, например, вопрос ухода его из Университета. Мы этого не можем понять, мы его спросим, чем это вызвано. Затем насчет «бессознательности» всех его действий.

Я думаю, что мы изберем более узкую редакционную комиссию, потому что перед нами довольно трудная задача: это дело Лузина положить в основу документа, где Лузин — только частность. Я думаю, что в конце концов эта часть н[ашей] работы, очень длительная и очень неприятная, будет служить только некоторым подходом к более интересной цели — к тем выводам, которые мы на основании этого факта вообще должны сделать, используя трибуну Академии наук для того, чтобы обратиться ко всем научным работникам Союза.

Вот документ редакционной комиссии. В таком порядке мы будем идти и дальше

Ферсман. Но, Глеб Максимилианович, фактически нужно было бы назначить и срок следующего заседания, потому что все мы настолько заняты, что это крайне необходимо.

Кржижановский. Ну, что же — назначим 11 июля в 11 часов утра. Разрешите на этом закрыть заседание.

СТЕНОГРАММА

заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

11 июля 1936 г.

Председательствует академик Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

Кржижановский. Все читали проект резолюции. Какие имеются предложения?

Сегал. У меня имеются два замечания. Первое замечание относится к тому, что там есть указание, что большинство прикладных работ он печатал в СССР, а по своей специальности — за границей. Я предлагаю слово «прикладных» вычеркнуть, потому что с большой натяжкой можно считать две работы из 11, напечатанных в СССР, прикладными. Поэтому прикладной характер советских работ не характерен.

Кржижановский. Можно сказать, что не прикладной, а второстепенный характер (Принимается).

Сегал. И второе замечание. Там говорится о том, что когда ученики становились самостоятельными работниками, Николай Николаевич «часто» портил с ними отношения. Насколько мне известна эта история, я считаю, что больше подходило бы слово «обычно», потому что я не знаю ни одного случая, когда ученики Николая Николаевича становились совершенно самостоятельными работниками, чтобы у них отношения с Лузиным оставались бы нормальными.

Кржижановский. Здесь будет присутствовать представитель «Правды», при условии, что информация, которая появится о нашем заседании в печати, будет согласована с нами.

Есть предложение вместо слова «часто» вставить слово «обычно». Нет возражений? (Принимается.)

Хинчин. Там есть один пункт, где сказано, что Николай Николаевич находился в [центре жизни] факультета во время процесса Промпартии. Я считаю нужным добавить «и математическом обществе», потому что Николай Николаевич, поскольку он выступал политически, выступал именно как заместитель председателя математического общества. «В центре жизни факультета и математического общества». Главная деятельность его в этом обществе протекала.

Кржижановский. Примем это. Если нет поправок, я прочитаю все, так как многие не слышали.

Та подкомиссия, которая работала, предлагает нашему вниманию следующего рода резолюцию настоящей Комиссии (читает)[1]:

Пункт 1:

[«1. Н. Н. Лузин является крупным ученым, возглавлявшим в течение 1915—1922 гг. одну из значительных математических школ СССР.

В это время Н. Н. Лузин привлек многочисленных учеников из университетской мо-

лодежи, из которых многие стали видными учеными. Однако, по мере научного роста учеников, и в особенности при их попытках стать на самостоятельный путь в научном исследовании, отношение Н. Н. Лузина к ученикам обычно портилось вплоть до враждебности с его стороны. После 1922 г. школа Н. Н. Лузина распалась, хотя сам Н. Н. Лузин продолжал научную работу.

Самооценка Н. Н. Лузина, высказанная в представленном им документе как «ученого, выдвинувшего советскую математику на одно из первых мест в мире», является объективно чудовищно преувеличивающей его роль и не соответствует действительности.»]

Сегал. Это слово не годится: «чудовищно». Надо написать «объективно не соответствует действительности».

Горбунов. По-моему, надо просто взять слово «чрезвычайно».

Кржижановский. Примем эту поправку «чрезвычайно преувеличивающей роль и не соответствует действительности».

Первый пункт будем считать принятым.

Пункт 2:

[«2. Н. Н. Лузин был питомцем старой Московской математической группы, принадлежавшей к наиболее черносотенному крылу профессуры. Во время университетских событий 1911 г. (при министерстве Кассо) Н. Н. Лузин, тогда приват-доцент, остался в Университете вместе с наиболее правым крылом, хотя в области своей науки он стремился к перестройке преподавания по образцу заграничных Университетов.

Поддерживая связь с членами правой группы (особенно [с] Д. Ф. Егоровым) и проявляя угодливость по отношению к ним, сам Н. Н. Лузин воздерживался от каких-либо явных политических выступлений в том или другом направлении.»]

Кржижановский. Если нет возражений, будем считать принятым.

Пункт 3:

[«3. В первое десятилетие после революции Н. Н. Лузин значительную часть времени (целые годы) проводил за границей. Будучи по существу продолжателем работ французской математической школы, Н. Н. Лузин во всей своей деятельности ориентировался, прежде всего, на мнение иностранных ученых. Отношение его к этим ученым выражалось, в частности, в форме, в которой Н. Н. Лузиным цитируются и комментируются их сочинения. Эта форма совершенно необычна в науке и граничит с низкопоклонничеством».]

Александров. Надо написать: «ориентировался на многих французских и влиял на многих польских ученых».

Кржижановский. Надо написать не «выразилось», а «выражалось». Значит, пункт 3-й принимается.

Пункт 4:

[«4. Вернувшись в 1930 г. после двухлетнего отсутствия из-за границы, Н. Н. Лузин оказался перед лицом мощного роста научной общественности СССР и резкой политической дифференциации интеллигенции. Общественное движение, вызванное процессом Промпартии, всколыхнуло и Университет. Вынужденный по своему положению быть в центре жизни факультета и математического общества, Н. Н. Лузин всячески уклонялся от публичного выражения своего мнения по волнующим всех вопросам. Когда же группа математиков и физиков составила обращение к французским ученым, протестуя против угрозы интервенции, Н. Н. Лузин уклонился от его подписания.

В 1930 г. Н. Н. Лузин ушел из Университета, как раз после указанных событий.»]

Шмидт. Тут год, может быть, уточнить.

Кржижановский. Напишем «вернувшись в 30-м году».

Александров. Это надо еще сверить в Университете.

Кржижановский. Значит, этот пункт принимается.

Пункт 5:

[«5. Самоизоляция Н. Н. Лузина имела, таким образом, несомненно, политическую основу. Она усугублялась тем, что бывшие ученики Н. Н. Лузина, продолжая относиться к нему не только корректно, но и почтительно, не могли не воспротивиться постоянным стремлениям Н. Н. Лузина подчеркивать свое абсолютное превосходство и приписывать себе лучшие идеи и открытия, принадлежащие фактически его ученикам.

Установлен ряд фактов прямого плагиата со стороны Н. Н. Лузина. Наиболее яркие факты в этом отношении: присвоение себе основных идей математика Суслина и последующая травля его, а в самое последнее время плагиат у Новикова. Наряду с напечатанием в польском журнале совместной работы Лузина и Новикова, Н. Н. Лузин поместил в «C[omptes] R[endus]» Парижской Академии ту же по существу работу за своей единственной подписью, хотя основные идеи принадлежали именно Новикову.»]

Пункт 5: принимается.

Пункт 6:

[«6. Наряду с ориентировкой на заграницу и самовосхвалением, Н. Н. Лузин относился к советской науке фактически презрительно. Это отношение нашло своеобразное выражение в широко практиковавшейся Н. Н. Лузиным даче письменных отзывов о сочинениях и лицах. Кто бы к нему ни обращался и каковы бы ни были объективные качества сочинения, Н. Н. Лузин всегда давал подчеркнуто положительные, прямо хвалебные отзывы, причем самые отзывы бывали не только ошибочны, но и столь нелепые, что сам Н. Н. Лузин не мог не понимать их ложности. В том числе хвалебные отзывы давались на сочинения безграмотные и ошибочные, что неоднократно вводило в заблуждение органы, ведающие наукой и высшей школой. Эти хвалебные письменные отзывы сочетались с уничижительными для советской науки устными высказываниями.»]

Соболев. Я не знаю ни одного факта, когда к нему обращались бы с действительно серьезной работой. По-моему, выделить, что обращались к нему по существу большей частью халтурщики.

Шмидт. Это не совсем правильно. Лузин иногда давал отзывы о полезных трудах.

Кржижановский. Пункт 6 принимается.

Пункт 7:

[«7. Такое же отношение Н. Н. Лузин проявил и к преподаванию математики в советской средней школе. С одной стороны, Н. Н. Лузин участвовал в представлении Наркому просвещения записки о якобы исключительно тяжелом состоянии преподавания, с другой стороны, опубликовал в «Известиях» чрезвычайно хвалебную статью.»]

Есть замечания по пункту 7?

Бах. Здесь нужно бы внести уточнение во времени.

Хинчин. Может быть, написать «с другой стороны, почти в то же время...»?

Кржижановский. Можно написать «почти одновременно».

Горбунов. Здесь важно следующее: если он писал в Наркомпрос после того, как был в школе, то надо написать «после посещения школы».

Шмидт. Мы намеренно осторожно сформулировали этот пункт, потому что у нас не было точных данных[2].

Колмогоров. Можно Вас просить прочесть то место, где говорится о его статье в «Известиях»?

(Кржижановский читает.)

Мне кажется, что это слабая формулировка, ведь статья явно противоречит фактам, так что нужно написать более сильно.

Шмидт. Конечно, это можно было бы сделать. Но подкомиссия намеренно избегала давать какую-либо оценку фактическому состоянию. Было бы трудно сейчас без подробного разбора дать какую-либо оценку, каково положение в средней школе.

Александров. Независимо от того, каково действительное положение в школе, в оценке Лузина содержатся логические противоречия. Если значительное количество учеников получило посредственные оценки, то нельзя было говорить о том, что все отвечали хорошо.

Колмогоров. Может быть, надо написать «явно необоснованное и заведомое несоответствие фактов»

Шмидт. Академия наук не может писать таких вещей без специального разбора.

Кржижановский. Вообще говоря, это просто подхалимская статья, подхалимаж, но это, конечно, не академический язык.

Колмогоров. Мне кажется, что мы можем положиться на свидетельское показание директора школы и написать, что это отзыв, не соответствующий действительному положению вещей в данной школе

Александров. Я предлагаю написать — «написал недобросовестно хвалебную статью».

(Поправка принята.)

Кржижановский. (Читает пункт 8.)

Пункт 8:

[«8. Отношение Н. Н. Лузина к советской науке ярко проявляется также в распределении его работ для печати между советскими и заграничными изданиями. Несомненно, чрезмерное увлечение печатанием своих работ за границей является чертой ни одного Лузина, но в распространении этого зла среди молодых математиков Н. Н. Лузин своим примером и авторитетом сыграл большую роль. Характерным для самого Н. Н. Лузина является резкое качественное различие между его работами, посылаемыми за границу, и печатаемыми в нашей стране. За ничтожными исключениями, почти все работы Н. Н. Лузина, относящиеся к его прямой специальности, печатались за границей. В изданиях же СССР он помещал почти только работы второстепенного характера, крайне беспомощные и математически несодержательные. Проявляя себя в заграничных работах мастером стиля по выразительности и сжатости, Н. Н. Лузин свои советские работы нарочно разводнял и всеми способами расширял их объем в совершенном несоответствии с содержанием.»]

Здесь пропущено слово «его». Надо написать «его работ». (Принято.)

Есть какие-нибудь замечания?

Колмогоров. Я бы протестовал против одного слова. Николай Николаевич действительно являлся большим мастером стиля и выразительности. Это не было недостатком его, но не была его стилем особенная сжатость в публикации его работ.

Александров. В последнее время он писал обыкновенно длинные мемуары с такими фразами как «on ne sait pas, on ne serait jamais»[3]. Это взято из «Comptes Rendus».

Хинчин. Это верно. Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что его краткие заметки и его ноты в «C[omptes] R[endus]» показывают, что при желании он может писать кратко и выразительно.

Александров. Лузинский стиль до 1920-го года везде был один — сжатый и яркий. Лузинский стиль после 1920-го года везде, и в заграничных публикациях, другой — напыщенный, многословный, нематематический, даже в «C[omptes] R[endus]». Например, эти знаменитые фразы «on ne sait pas, on ne serait jamais» и т.д., все это в значительно меньшем проценте, но фактически и там занимает совершенно необычное для «C[omptes] R[endus]» место.

Кржижановский. Сказать так, что проявляет себя в заграничных работах, в особенности в период примерно до 1920 г.

Александров. Так можно сказать.

Кржижановский. Пункт 8-й решающий[4]:

«Все изложенное выше, резюмирующее многочисленный фактический материал, имеющийся в Академию наук и тщательно разобранный, полностью подтверждает характеристику, данную в газете «Правда», как врага советской власти»

Нет возражений? (Нет.)

Таким образом, в основном дело Комиссии закончено. Может быть, он появится здесь, и нам нужно прочесть ему, посмотреть, как он будет реагировать, и нужно подготовить определенные вопросы. Собственно говоря, каждый пункт резолюции представляет определенный вопрос.

Соболев. Мне хотелось бы из уст Лузина услыхать, как он квалифицирует те факты плагиата, которые нами установлены, и не только в последней работе, но, в частности, в вопросе о явных функциях, которые были взяты у Новикова. Затем, «Релятивный континуум», который тоже фактически представлял собою работу Новикова[5]. Затем отношение к работе Лаврентьева относительно *B*-множеств. Там тоже имелся плагиат. Интересно услышать объяснения этим фактам из уст самого Лузина.

Затем хотелось бы услышать подтверждение из уст Лузина той фразы, которую я слышал из уст зам[естителя] председателя Комитета по высшей школе Волынского, будто бы он сказал, что если бы подходить к науке со старыми требованиями, то никому нельзя было бы дать докторскую степень. Поскольку подтверждения от самого Лузина мы не слышали, мне хотелось бы это услышать.

Кржижановский. Эта фраза подтверждает презрительное отношение почти полностью.

Соболев. Нужно конкретно спросить его об этих фактах.

Кржижановский. Тогда, быть может, мы зададим ему вопросы — этот вопрос, или, быть может, товарищи захотят поставить другие вопросы?

Шмидт. До прочтения текста?

Кржижановский. Нет, после.

Александров. Я думаю, что вопросы возникнут по поводу тех объяснений, которые он даст.

Кржижановский. Затем нужно устроить специальное заседание Президиума с приглашением определенного круга академиков, причем очень желательно пригласить ветe-

ранов, которые очень настороженно относятся, и убедить, что здесь нет ни слова преувеличения.

Шмидт. Было бы желательно, чтобы весь состав нашей Комиссии присутствовал на этом заседании.

Кржижановский. Обязательно. А затем еще кого пригласить, как Вы думаете? Нужно пригласить Прянишникова, Зелинского, Курнакова, Чаплыгина, Крылова, Надсона, Павловского, Вернадского, Архангельского, Кистяковского, Прасолова, Савельева, Струмилина, Адоратского, Рождественского, Левинсона-Лессинг[а][6].

Хинчин. А как статья Устава Академии наук говорит об исключении?

Горбунов. Статья Устава об исключении гласит следующее: «Действительные члены, почетные члены, члены-корреспонденты Академии наук ... лишаются своих званий по постановлению Общего собрания, если **деятельность их направлена во вред Советскому Союзу**».[7]

Бах. Ну, да, это конечно будут эксплуатировать за границей, будут сопоставлять с Конституцией.

Горбунов. Да, но мы все так по Конституции и делаем.

Бах. Но все-таки тут у нас нет квалификации со стороны такого органа как Наркомвнудел[8]. Все это вращается в той области, что мы имеем здесь перед собою врага, а на меня скорее это производит впечатление, что это недоброжелательно, что это не друг. Ведь враг — это нечто активное.

Кржижановский. Мы сейчас живем в такую полосу, когда те, кто не с нами, те против нас.

Соболев. В сущности, сейчас, когда мы видим широчайшую демократию нашего государства в целом, мы не можем подходить с той точки зрения, что здесь нужны доказательства Наркомвнудела и т.д. Сейчас важнейшие мероприятия обсуждает весь народ в целом и сейчас пора подходить к такому вопросу, как исключение, необязательно по постановлению Наркомвнудела, а по нашей собственной инициативе. Разница во внутреннем положении сейчас такова, что мы имеем право решать в этих случаях сами, без всяких инстанций. По-моему, это очень важное обстоятельство, что мы имеем собственную инициативу.

Бах. Существует определенное государственное учреждение для этого. Ведь у нас нет еще всеобщего суда, т.е. ставится на общественное обсуждение тот или другой вопрос, и что общественное обсуждение поставит, то и будет. Это неправильно. Пока мы существуем в таком государстве, где государственная власть вполне организована, и она сможет даже не послушаться общественного мнения, как можно ставить таким образом вопрос? Мы никаких оснований не имеем так его ставить. У нас есть крепкое государство. Поэтому нельзя так ставить вопрос.

Соболев. Но ведь мы же не арестовывать его собираемся.

Бах. Тов. Соболев говорит, что при нашей демократии этого достаточно, а мне кажется, что этого не достаточно.

Хинчин. По Уставу для исключения достаточно установить, что деятельность направлена во вред Союзу ССР. И неужели Академия наук в иных случаях не может самостоятельно, без помощи других органов, установить, что деятельность такого-то лица направлена во вред Союзу? Деятельность того или другого лица может быть направлена во вред Союзу и в тех случаях, когда эта деятельность такого рода, что НКВД[9] не сочтет своей обязанностью вмешиваться в нее.

Сегал. Разрешите, может быть и задним числом, но сделать некоторое дополнение. В заключении сказано, что «исходя из всего этого, необходимо согласиться с квалификацией «Правды» Лузина как врага советской власти». Я считаю, что эта характеристика слишком сжата, и надо добавить, по меньшей мере «... в своей деятельности приносивший вред развитию науки в СССР». Я предлагаю в конце добавить: «Показывает, что Н. Н. Лузин своей деятельностью за последние годы приносил вред советской науке и Советскому Союзу».

Кржижановский. Нет возражений? (Принимается.)

Объявим перерыв до прихода Н. Н. Лузина

(После перерыва)

Кржижановский. Так вот, Николай Николаевич, состав Комиссии вам известен. Я прочту вам единогласное мнение Комиссии.

Лузин. Помните, Глеб Максимилианович, вначале я просил ввести в Комиссию еще одно лицо — члена-корреспондента, бывшего ректора Саратовского университета [В. В. Голубева[10]].

Кржижановский. Но мы сейчас говорим про работу Комиссии в данном составе. Так вот, мнение Комиссии такое (зачитывает).

Лузин. Глеб Максимилианович, мне ответить или нет?

Кржижановский. Пожалуйста, пожалуйста.

Лузин. Дело в том, что я не ожидал, что мне придется сегодня отчитываться, иначе я взял бы кое какие доказательства и материал. Он в точности есть на квартире. И если отложить мои ответы, то я представлю все эти материалы. Сейчас я устно скажу, что у меня есть.

«Самооценка Н. Н. Лузина...» (читает). Здесь я должен сказать следующее: что я являюсь не единственным человеком, а все-таки одним из тех, которые двигали математику на одно из первых мест в мире. Если моя самооценка и была преувеличена, то, во всяком случае, я никогда не считал себя единственным человеком, который выдвигал и выдвигает в настоящее время нашу науку на первое место. Укажу на то, хотя бы, на С. Н. Бернштейна, это верно...

Кржижановский. Тут сказано: «...ученому, выдвинувшему советскую математику на одно из первых мест...»

Лузин. Я не один двигал.

По первому пункту разрешите признать свою вину.

Перехожу ко второму пункту (читает).

«Питомцем», в каком смысле питомцем? Что у меня испортились отношения с проф[ессором] Егоровым — это ни для кого не секрет.

«Во время университетских событий...» — они начали портиться еще, когда я был в последней заграничной командировке, так что я на некоторые его письма не отвечал.

«Во время университетских событий в 11-м году...» (читает).

Здесь я вам скажу: случайно мне удалось найти как раз документы, касающиеся этого вопроса — мое оставление при министерстве Кассо в качестве доцента Московского университета. Командировку я получил в 1910 или 1911 году. За границей я пробыл три с половиной года. Вся эта история, которая обрушилась на Университет, протекала без меня. В Университет, вообще в нашу страну я вернулся за 2 месяца до начала великой войны. В 1911—12—13 гг. я был исключительно за границей.

Когда я вернулся, мои родители потеряли силу; большой неосторожностью, которую они сделали, было то, что они доверили свои средства, средства ускользнули от них, и мне пришлось поддерживать их существование. Это меня не оправдывает, но я в качестве приват-доцента остался в Московском университете. Для меня это было тяжело, но в 1914 году я все-таки сохранил довольно хорошие отношения с Егоровым. Я должен сказать, что я просто боялся его оскорбить, зная, что я остался, а он уйдет.

Еще некоторые товарищи оставались, но не те, которых я считал за своих единомышленников.

С проф[ессором] Лахтиным — совершенно яркой черносотенной фигурой — у меня никаких отношений не было; читал лекции он плохо, от науки он отстал. Как за настоящую научную фигуру я должен был держаться проф[ессора] Егорова.

Ферсман. Вы были за границей во время университетских событий. А за границей Вы не имели возможности реагировать на эти события?

Лузин. Я в этом не разбирался. За границу мне написал И. И. Жегалкин[11]. Лахтин не написал. Я в ответ сказал, что эта вещь глубоко возмутительная, и я думаю, что моя линия поведения не разойдется с этим.

Ферсман. Вообще молодежь тогда хорошо разбиралась.

Лузин. Я был тогда совсем юношей и не разбирался.

Кржижановский. Мы не пишем, что Вы питомец в смысле того, что Вы целиком с ними солидарны, мы пишем, что Вы воспитанник.

Дальше. Факт или не факт, что Вы не учли, остались с наиболее правым крылом? Это все точно?

Лузин. Дело в том, что я остался в качестве приват-доцента, я профессуру получил 30 декабря 1916 г.[12], и моя роль была просто приват-доцента. Я остался, это верно, но тут написано: «с наиболее правым крылом», как будто я находился с ними в контакте по управлению Университетом.

Кржижановский. Этого не сказано.

Лузин. «Хотя в области науки стремился к перестройке...» (читает). Правильно.

«Поддерживая с Егоровым...» — голько с Егоровым, потому что от Лахтина меня отталкивала тупость...

Кржижановский. Только тупость?

Лузин. Во всем, что касается общественной жизни и науки, я бы назвал его моральной тупицей во всех отношениях. А потом его миросозерцание, которое из себя представляет школа миросозерцания Бугаева и Некрасова П. А., мне с ним нечего было делать, потому что это род сплошной глупости.

Кржижановский. Однако у Вас нет заявлений о том, что Вы политически отмежевываетесь от этой группы. Так у нас и сказано.

Лузин. Вся моя научная деятельность явно противоречила их миросозерцанию. Они оставляли при Университете по национальному признаку, что у меня совершенно отсутствовало.

Кржижановский. Факт или не факт то, что здесь написано, что Вы были воспитанником этой школы, которая поддерживала особую связь с Егоровым? Вы политических заявлений в том или ином отношении не делали, и Ваше отношение было угодливым.

Лузин. С Лахтиным, с которым я никогда не бывал, с Егоровым — мне тяжело говорить относительно учителя, но какая же здесь угодливость? Когда по поводу выборов в

Академию наук поднялся вопрос относительно меня, и когда хотя бы тот же самый А. Я. Хинчин выдвинул кандидатуру Егорова, казалось, что меня выдвинули в Академию наук не математические круги, и отношение у меня с Егоровым было испорчено. Какая же тут угодливость? И потом университетские круги, насколько я понимаю А. Я. Хинчина, весьма выдвигали Егорова.

Кржижановский. Вы здесь протестуете против одного места — «угодливость».

Лузин. Это абсолютно неверно. Какая же тут угодливость? А возьмите Млодзеевского, его презрительное отношение ко мне давило все время, он третировал меня как мальчишку.

Перехожу к следующему: «В первое десятилетие после революции...» (читает).

Это рассматривается как обвинение?

Кржижановский. Нет, как констатация.

Лузин. «Будучи по существу продолжателем работ французской математической школы, Лузин во всей своей деятельности ориентировался, прежде всего, на мнение заграничных, в частности, парижских ученых».

Только ли парижских? С Италией я не считался, Америка тогда была в пеленках, в Бельгии были ничтожества, я не говорю о В[алле Пуссене], но другая группа — была ничтожной.

Может быть, осветить мои отношения с Германией? Я учился в Гёттингене, и один из моих учителей — проф[ессор] Ландау очень много мне дал, под его руководством я написал первую свою работу. Нужно сказать, что Московская математическая школа, хотя мне и приписывают связь с ней, меня не научила работать, меня заставляли массу читать, а творчески работать — совершенно нет, я совершенно не знал что, значит, напечатать работу. И когда я приехал в Гёттинген, то там меня научили работать в этом отношении. Я считаю это одним из самых теплых мест в моей жизни. Немецкая школа меня отталкивала своим, немножко казенным отношением — обязательно такой факт выставит, при отсутствии идеи. И особенно меня отталкивали бесконечные оценки. Так что нужно сказать, что после того как я полтора года пробыл в Гёттингене, я переменил свою ориентацию на французскую, потому что это соответствовало стремлению к широким идеям, а не к детальным анализированиям, которые характерны для немецкой школы.

«В частности, парижских ученых».

Да это и вполне понятно: теория функций была подхвачена после Кантора Борелем.

Кржижановский. Это только констатация.

Лузин. «Эта форма совершенно необычна в науке и граничит с низкопоклонством».

По отношению к Борелю — нет, но нужно сказать, что у меня были связи с Лебегом очень теплые. Надо сказать, что он человек совершенно исключительный, вышедший из низов, сын еврейского сапожника. Он человек чрезвычайно чуткий, и нужно сказать, что всю ту нежность, которую я испытывал и которую я лишен был возможности проявить по отношению к Егорову, я перенес на Лебега. Так что мне заискивать нечего было, их страна сама по себе... Я уступаю по силе Лебегу, но все-таки чего-нибудь да стою. Так что заискивания и низкопоклонства здесь не было. Теплое отношение ко мне с его стороны и к нему с моей стороны.

Кржижановский. Следовательно, по существу пункта третьего, т.е. что Вы являетесь продолжателем работ французской математической школы, Вы не возражаете.

Лузин. Я с этим согласен.

Кржижановский. Вы возражаете против «низкопоклонства»?

Лузин. Да.

Кржижановский. По Ваше высказывание об их сочинениях.

Лузин. Пусть мне приведут, моя память ограниченная, я не помню. Потом я сейчас в тяжелом состоянии. У меня провалы в памяти.

«Вернувшись в 1930 г., после двухлетнего отсутствия из-за границы, Лузин оказался перед лицом мощного роста научной общественности СССР и резкой политической дифференциации интеллигенции».

Правильно, я оказался перед лицом, но этого я, конечно, не понимал.

«Общественное движение, вызванное процессом Промпартии, всколыхнуло и Университет. Вынужденный по своему положению быть в центре жизни факультета и Математического общества, Лузин всячески уклонялся от публичного выражения своего мнения по волнующему всех вопросу».

Но я могу сказать следующее: считайтесь с моей психологией. Я не защищаю, я ставлю в вину себе, но должен сказать это в объяснение. Человек, у которого наука слишком много времени берет. Да и у меня уже не так много сил. Так что, вернувшись после двух с половиной лет отсутствия из-за границы... Нужно сказать, что не получая тогда известий и совершенно не ориентируясь, я просто ничего не понимал. Поэтому мое воздержание не было лицемерным или нежеланием попасть в ложное положение, но я просто ничего не понимал. Потом я начал разбираться.

«Когда же группа математиков и физиков составила обращение к французским ученым, протестуя против угрозы интервенции, Лузин под предлогом болезни уклонился от его подписания».

Это неверно, это просто категорически неверно. Дело в том, что ко мне звонили по телефону, если не ошибаюсь, звонил Л. А. Люстерник. На это я ответил следующее: документ я подписывать не отказываю[сь], но ввиду крайне сложной дипломатической обстановки могу это сделать только тогда, когда будет разрешение Наркоминдела. Я просто сказал: пусть ко мне будет звонок из Наркоминдела (конечно, не от самого Литвинова[13]). Пусть будет это сделано, потому что я занимал важное место. Я сказал, что не сделаю политической ошибки, но пусть будет звонок, и моя подпись немедленно будет на этом документе.

Может быть, я ошибался, но, во всяком случае, Люстерник не откажется подтвердить, что именно так было, т.е. что я согласен, но только после разрешения Наркоминдела, или оттуда идущего. Потому что, в конце концов, я хорошо знал, что отказываюсь я один, или почти один, но не хотел поставить в ложное положение отношения между французским миром математиков и нашими математиками. Поэтому сказал: дайте сигнал со стороны Наркоминдела, и документ мною будет подписан. Для меня слишком важным был этот документ, чтобы его можно было зря подписывать, спустя рукава.

Даю с абсолютной точностью сведения.

«В 1930 г. Лузин ушел из Университета». Я высказывался уже, что это ошибка была, самая тягчайшая ошибка, и сколько раз мне пришлось говорить после этого, что я поступил в высшей степени бестактно, в высшей степени нечутко и, наконец, в высшей степени неправильно, особенно, если бы кто-нибудь об этом узнал за границей — это было бы безобразие.

Так что этот поступок важный.

Имейте в виду, что я около двух лет был болен заражением крови, затем страшное ослабление организма. Вы знаете, в каком виде меня привезли в Кремлевскую больницу из Крыма[14]. Полтора года я совершенно не чувствовал жизни. И сколько раз Глеб Максимилианович [Кржижановский] помогал мне медицинскими советами, т.е. обратиться туда-то и туда-то. Это все знают. После того, как я стал собираться с силами, я желал вернуться в Университет. И, наконец, после контакта, который установился у меня с Тумаркиным[15], я вступил в Московский университет задолго до этих событий.

«Самоизоляция Н. Н. Лузина имела своеобразную политическую основу».

Нет. Имейте в виду, что я не боялся. У меня сил очень мало. После этой болезни, которая у меня отняла много сил, я стал совершенно не тем, чем был раньше. Имейте в виду, что мне просто трудны некоторые вещи. Мне очень трудно действовать в политическом направлении, и не только в политическом, хотя я обязан как гражданин действовать, но мне очень трудно вести общественную работу. Ведь понимаете, Глеб Максимилианович, люди бывают совершенно разные. К общественным действиям на том посту, который я занимал, я не приспособлен, и поэтому я прямо скажу, что я был бы гораздо счастливее, если бы был просто доцентом или профессором, знал бы свою науку и узкий труд. Мне это трудно делать. Люди бывают разные, и мне это очень трудно дается. Так что, если здесь говорится, что «в этом отношении самоизоляция имела политическую основу», — нет, не политическую основу, а это было просто потому, что мне трудно в этом отношении работать, развертывать широкую общественную деятельность. Это мне трудно по своей натуре.

«Она усугублялась тем, что бывшие ученики Лузина, продолжая относиться к нему не только корректно, но и почтительно, не могли не воспротивиться постоянным стремлениям Н. Н. Лузина подчеркивать свое абсолютное превосходство и приписывать себе лучшие идеи и открытия, принадлежащие фактически его ученикам. Установлен ряд фактов прямого плагиата со стороны Лузина».

Это неверно, и я категорически это отрицаю, и буду отрицать это на прямое обвинение, которое будет мне поставлено.

«Наиболее яркие факты в этом отношении: присвоение себе основных идей математика Суслина и последующая травля его, а в самое последнее время плагиат у Новикова».

Плагиатом называется какая вещь? Плагиатом называется вещь, взятая у другого в смысле творческих идей и приписанная себе. При этом предполагается, что нигде в печати раньше это не высказывалось этим плагиирующим человеком, тем, кто совершает плагиат. Иначе это было бы противоречием. Во-первых, в моей книжке «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» полностью напечатано то, что принадлежит Новикову. Все это изложено и без всяких каких-нибудь тенденций, без всяких судорожных движений приписать ту или иную идею самому себе.

Новикова я критиковал дальше нещадно на последней странице, и Новиков с этим сам согласился.

Ну, скажем, следующим образом. Относясь, таким образом, в пределах русского языка, тем не менее, для Запада я старался плагиировать, украсть его идеи. Но за два месяца до появления моей статьи появилась статья на французском языке в «Фундамента Математицэ», где относительно Новикова было сказано все: что ему принадлежат идеи, а что Н. Н. Лузину принадлежит только выражение этой идеи. Но нужно сказать, что выраже-

ние идеи существенно. Так что в этом отношении колоссальный сдвиг: у Новикова было..., у меня было... Но я даже это не подчеркивал, а просто-напросто написал. К сожалению, у меня сейчас этой статьи нет, но я могу съездить и привезти это. Это было за два месяца в «Фундамента Математицэ» абсолютно точно сообщено.

Теперь относительно статьи в Парижскую Академию наук. Я получил письмо Бореля, где он говорит, что выкинул 3 строчки, оказалось, что выкинуто как раз 3 строчки Новикова. Мне ставят в вину, что я не сделал соответствующего опровержения, но я считал, что раз это было опубликовано за границей и мною же было опубликовано, и на французском языке было опубликовано, то мне не нужно этого делать.

Шмидт. Как будто бы Борель пишет, что требует сокращения на 5 строчек, но говорит, что он не рискует сделать это сам.

Лузин. Это не то письмо. Разрешите взглянуть.

Шмидт. (читает).

Лузин. Это не то письмо.

Александров. Есть другое письмо, в котором Борель пишет, что сокращает на 3 строчки.

Лузин. Если это не то письмо, я сейчас же съезжу.

Александров. Здесь это письмо есть, мы сами его читали

Ферсман. Другого, по-моему, не было.

Александров. Я читал сам это письмо, и там говорится, что он действительно сам произвел сокращение трех строчек. И дальше говорит: [«...»]

Лузин. Вот это самое письмо. Разрешите его прочесть. Дело в том, что я представил Борелю сразу пару нот. У меня была работа, задуманная на 5 нот. Я Борелю представил сразу 2 ноты. И вот то, что он пишет по поводу первой ноты, и то, что он пишет по поводу второй ноты: «...» (читает по-французски).

Относительно первой ноты было выкинуто три строчки, как раз Новикова. Мне и в голову не приходило в этом видеть что-нибудь могущее быть отнесенным к поползновению взять у него, тем более что за два месяца до этого мною была опубликована работа «...»[16]

Так что мою роль в этом отношении я со всей ясностью и точностью показал.

Теперь, раз я появился за границей уже с этим заявлением, как же я на том же французском языке буду выступать по этому поводу? Я не знаю, удобно ли, но самое простое будет спросить самого Бореля или, во всяком случае, фирму Готье-Виллар[17]. Они могут прислать из архива, в котором, вероятно, хранится черновик письма, подписанного Борелем, и в этом черновике вы увидите как раз это мое заявление. Такова история относительно Новикова.

«Наряду с напечатанием в польском журнале совместной работы Лузина и Новикова, Н. Н. Лузин поместил в «Comptes Rendus» Парижской Академии ту же по существу работу за своей единственной подписью, хотя основные идеи принадлежали именно Новикову».

Вот как раз та самая приписка. Я очень доволен, что у меня уцелел черновик этой приписки. Вы можете увидеть ее в той же парижской рукописи, которую можно будет выписать у Готье-Виллара. Но лучше всего написать самому Борелю, протелеграфировать ему. Я не хотел этого делать. Но если будет совет в этом отношении, я пошлю телеграмму ему немедленно и получу ответ от Бореля, что действительно цитата на Новикова была сделана мною и была вычеркнута им.

Мне ставят в вину, что я немедленно не сделал опровержения или дополнения. Я это хотел сделать. Но имейте в виду, что у меня еще три ноты должны были появиться. Но болезнь моя, очень большие неприятности, связанные с переездом[18], и т.д., задержали это дело, но это происходило вовсе не из [не]желания это сделать.

Но главное заключается в том, что если бы этой статьи в «Фундамента Математицэ» не было, я бы эту поправку немедленно сейчас бы сделал. Почему? Потому что Запад этого не знал бы и тогда мог бы отнести ко мне то, что ко мне не принадлежит. Но так как это было сделано ясно и точно, так как речь шла о тех математиках, которые, читая подобные статьи, никогда не интересуются «Фундамента Математицэ», а человек, который способен мои ноты прочесть, хотя бы немножко предварительно знает «Фундаменты Математицэ», то я счел этот вопрос не таким пожарно-спешным. Поэтому я заслуживаю упрека не в плагиате, а в неосторожности. Это единственное — я заслуживаю упрека в неосторожности, проявившейся в том, что я не послал тотчас же дополнения, гласящего, что «Месье Борель, так нельзя делать. Вы самое существенное выкинули, и вы должны поместить в этом отношении мое дополнение» и т.д. Вот это мною не было сделано, это так. Я думаю, что я достаточно ответил на этот вопрос.

Теперь относительно Суслина. Я хотел бы, чтобы мне указали, где я приписываю себе основные идеи Суслина. Разрешите сослаться на мою ноту в «Comptes Rendus», которую я напечатал вместе с Суслйным[19]. Печатание этой ноты, я думаю, было проведено в европейском корректном духе, как это принято «узусом»[20] всюду для всех. Я должен сказать следующее, что вот эти (показывает) 4 строчки — единственные 4 строчки, написанные самим Суслйным. Единственные!

Что же касается до всего текста, то, как легко установить, он весь от первой до последней строчки был написан мною. Отчего? Суслин французский язык не очень хорошо знал. Это во-первых; во-вторых, громадную вещь, которая была задумана им и мною, нельзя было сконденсировать на протяжении трех страниц без того, чтобы не иметь чрезвычайного опыта в этом отношении.

И я должен прямо заявить и исторически это правильно, что обе эти ноты были написаны мною самим. Но когда я натурально, не поместив никаких сведений о себе, представил это Суслину, то он посоветовался с кем-то и в результате появились эти четыре строчки «...» (зачитывает на французском языке[21]).

Это была единственная работа Суслина, которая была действительно им напечатана, и результаты которой он видел.

После того, как были нападки со стороны Иваново-Вознесенского политехнического института за то, что он не занимается, что он прекратил работу, и потребовали, чтобы была представлена какая-нибудь работа, то в самый тот момент, когда были уже совершенно испорчены у него с Президиумом[22] все отношения, он представил работу. И когда я прочитал эту работу, я пришел в ужас: работа содержала непоправимую ошибку. Эта работа была «О несчетном числовом теле». И так как для меня математическая личность Суслина чрезвычайно высоко стояла и сейчас стоит и будет стоять, я переслал эту работу в единственный центр, где можно было бы что-нибудь сделать тогда, так как своими усилиями я не мог этого сделать. Я направил эту вещь в «Фундаменты Математицэ» — в мировой орган, в специальный орган, посвященный исключительно только теории функции и основам анализа. И там принялись за исправление этой работы. Ее исправляли и, наконец, Куратовский исправил ее. И она была опубликована

под двумя совместными именами Суслина и Куратовского. Почему? Да потому что, учитывая ту огромную работу, которую нес здесь Куратовский, они прямо заявили, что они либо выпустят эту работу за двумя совместными подписями Суслина и Куратовского, либо совсем не опубликуют. И мне пришлось согласиться на совместное опубликование[23].

Александров. У вас есть с собой экземпляр этой работы? Очень желательно было бы иметь его.

Лузин. У меня есть около 50 экземпляров, но, к сожалению, сейчас со мной нет.

Александров. Это, кажется, помещено в третьем томе — «Фундамента Математицэ». Во всяком случае, в пределах от первого до пятого тома это можно будет найти. Я достоверно знаю, что это там есть. Первый или второй том.

Лузин. Нет, только не второй. Третий или четвертый, но только не пятый.

Теперь: «Наиболее яркие факты в этом отношении: присвоение себе основных идей математика Суслина и последующая травля его...»

Травля?

«... а в самое последнее время плагиат у Новикова».

Почему травля? Я считаю совершенно наоборот! Я считаю, что все, что я делал по теории аналитических множеств и по A-множествам, все это идет в пользу Суслина, что этим самым рельефнее и рельефнее вырастает то основное, что он сделал.

Но я должен сказать, что не должно быть преувеличений на счет научной силы личности Суслина, потому что, когда он был 2 года в Иваново-Вознесенске, вы, вероятно, знаете, что он прямо, после того как кончил Университет, переехал в Иваново-Вознесенск. Дело в том, что после этого наступили очень тяжелые экономические условия. Мне пришлось перекочевать в Иваново-Вознесенск, в Рижский политехникум. Директором Рижского политехникума был рижский профессор Берлов[24] М[ихаил] [Николаевич], который мне предложил занять там кафедру. Ввиду исключительно благоприятных материальных условий, т.е. собственно пищи, я туда поехал.

Так как Политехникум был большой, то мне предложили параллельное преподавание и предложили представить своих двух учеников. Я представил Суслина и Федорова[25], причем, Федоров был только окончивший студент и только формально был оставлен при Университете. И мне было поставлено такое условие, что хотя, мол, магистрантские экзамены отменены, но, тем не менее, занятие кафедры совершается на основании определенных работ. И мне было предложено потребовать от него[26] либо систематического предъявления работ, либо сдачи магистрантского экзамена. Но нужно сказать, что Суслин, когда он переехал в Иваново-Вознесенск, материально чувствовал себя хорошо. А дальше его деятельность получила странный характер, который меня глубоко поражал и просто оскорблял. Дело в том, что он очень много времени отдавал на чисто материальные заботы, он обыкновенно ходил, закупал и т.д. Кто его родители были? — Его родители крестьяне, но у его отца была небольшая чисто торговая деятельность. Во всяком случае, два года ушли у Суслина на чисто хозяйственные заботы. Суслин не работал. И когда мне предъявляли обвинение — кого же вы поставили? — то у Суслина начали образовываться резкие, неприятные отношения со мной. Это я должен сказать. Эти отношения возрастали и, наконец, Суслин не чувствовал никакого моего авторитета. Несколько раз он говорил: «О чем же вы хлопочете, Николай Николаевич, я сам за себя отвечаю, я такой же профессор, я совершенно от вас не завишу, в чем же дело?» Это была, действительно,

правда. Поскольку я устроил его экстраординарным профессором, он действительно от меня не зависел. Но я оказался в ложном положении. С одной стороны, мне надоело быть между молотом и наковальней, с другой стороны, в результате давления Политехникума на меня, я должен был давить на Суслина.

Теперь относительно травли. Травлей называется, когда на человека возводят небылицы и когда подчеркивают отрицательные его стороны. Кого-кого, а Суслина обвинить в таком мягком характере никак нельзя. Но я должен сказать, что отношения Павла Сергеевича [Александрова] к Суслину были исключительно корректные. Это я должен подтвердить, и П[авел] С[ергеевич] после того, как катастрофа с Суслиным произошла, всегда проявлял ту же корректность. Но Суслин далеко был не младенец. У Суслина был характер очень трудный. Так что относительно травли я, правда, затрудняюсь сказать.

И относительно плагиата. Мне хотелось бы знать, какие идеи я могу плагиировать? Я могу документально доказать, что «теория проекций» сформулирована мною, но ни в печати, нигде я об этом не высказывался. Я признаю, что Суслин открыл новый класс множеств. Это я признаю, и никогда не отвергал. Что касается до «развития дальнейших свойств множеств», то извините, эта вторая половина сделана мною самостоятельно, за исключением одного момента, в котором указано, что Суслин доказал аналитический класс. Это мною указано. Все остальные вещи сделаны мною совершенно самостоятельно. Серпинский был свидетелем, так как он два года был в Москве, и он все это видел[27]. И потом: неужели он такой дурак, что он не понимает, в чем дело?

Теперь относительно Запада Почему все-таки на меня падают знаки уважения? Возьмите 1928 год. Я остановлюсь только на 1928 г., когда был Международный конгресс. С Италией у нас отношения к этому времени испортились как будто бы. Это, во-первых. А, во-вторых, там никаких друзей у меня нет, кроме одного очень далекого знакомого, с которым я обменялся тремя письмами — Тонелли[28], у меня никаких отношений с итальянцами нет. И, тем не менее, Конгресс, — а там были представители всех стран, там были представители от нашей страны, был туда послан академик Бернштейн С. Н., затем Крылов Н. М., а никакими интригами я не могу заниматься по свойствам своей природы, — тем не менее, Конгресс выбрал меня вице-президентом. Может быть, тут сказались какие-нибудь закулисные истории, в которых я совершенно неповинен, потому что я повел себя в качестве вице-президента Конгресса[29] до такой степени неловко, что Крылов[30] мне говорил: «Как же вы себя ведете?» Я неловко вел себя в том смысле, что я не обращал никакого внимания, просто я считал, что это индивидуальная честь, которая мне была оказана. Когда же я ссылался на Суслина, то я не ссылался ни на какие закулисные разговоры, а только на то, что было напечатано.

Дальше — «наряду с ориентировкой на заграницу». Ориентировка на заграницу — в каком смысле это понимать? Одну и ту же фразу или один и тот же термин можно понимать в разном смысле. Что значит «ориентировка на заграницу»? «Наряду с ориентировкой на заграницу и на самовосхваление», — о каком самовосхвалении идет речь? «Н. Н. Лузин относился к советской науке презрительно». А нет, и это я могу доказать.

«Наряду с ориентировкой на заграницу и самовосхвалением...»

В каком отношении самовосхваление: то, которое раньше было или за границей?

Кржижановский. Мы констатировали в первом пункте, и Вы это признали.

Лузин. Ориентировка на заграницу — в каком отношении: политическая или научная,

— это вещи глубоко разные. Здесь не сказано, в каком отношении Поэтому это имеет много толкований, и мне надо отмежеваться от толкований, в которых я [не] виноват.

Самовосхваления в печати не было. Если хотите, это было в устном заявлении, которое было вследствие того состояния, в котором я нахожусь. А сопоставление ориентировки на заграницу с самовосхвалением, если ориентировка на заграницу — это есть объективное, то самовосхваление это было вообще — первый раз в жизни. Вообще я перегибаю палку в другую сторону. Я обычно очень скромно держусь, и гораздо приятнее, когда о человеке со стороны говорят. И нужно сказать, что эти слова о себе я сказал со скрежетом зубов, сказал о своей роли, может быть в большем объеме, чем обо мне думают, но говорить мне это было нелегко и неприятно. Это надо было сказать потому, что, в конце концов, я отдаю же себе отчет в том, что я не ничтожная же капля, которая пронеслась над советской наукой, что-нибудь я сделал для Советской науки

Кржижановский. Мы этого не отрицаем.

Лузин. Но сделал я это, высказано было это в безобразной форме. Но что касается печати или словесного выступления, чтобы говорить: «А Вы заметили, как хороша моя работа?» — этого-то никогда не было. Ведь за границей все смеялись над Кёбе, который говорил: «А Вы заметили, как Пуанкаре хвалил мою работу?» и он прослыл за глупого человека[31]. Говорить о своей роли — этого никогда не было, и если я отзывался о своих сочинениях как о белиберде, то это было просто проявление, если хотите, моей извращенной патологической скромности. Я признаю, что я их не восхвалял, проходил мимоходом, как мимо своих заграничных работ. Я не помню, как будто это было в Ленинграде, я сказал о списке своих работ: «Охота Вам говорить о таких пустяках». Но это относилось не только к русской работе, но и к заграничной. Я должен сказать, что у меня прямо-таки патологическая скромность. Я о всех работах, как заграничных, так и русских, отзывался с преувеличенной и подчеркнутой скромностью.

Кржижановский. Вы только что перед этим сказали, что ...

Лузин. Это мне приписывается, но назовите хотя бы одного человека, которому бы я говорил, что моя работа хорошо вышла. Единственная вещь, которую я себе позволил, это как раз была записка, которую я подал. Это мне неизвестно — хвалить себя. Поверьте, что гораздо лучше, когда другие хвалят, гораздо лучше держаться в этом отношении со скромностью; я палку перегибал в другую сторону. У меня есть странности, порядка психического что ли, трудно сказать, но этим я не хочу сказать, что я сумасшедший, но я нередко перегибал палку в другую сторону. Так что самовосхваления, Глеб Максимилианович, ни в печати, ни устного не было. Ни один человек — ни заграничный, ни советский ученый, — никогда ни один человек обо мне этого не услышит. Наоборот, я говорил: «Напечатали эти глупости». Вот моя фраза. И, в конце концов, это, может быть, вызвало толкование, что я пишу глупости. Но я этого не думаю, и Запад, который печатает мои вещи, я думаю, тоже не дурак.

«Относился к советской науке фактически презрительно...»

Кржижановский. Никто не говорит, что Вы пишете глупости, но имеется в виду тот разряд работы, который Вы печатали у нас.

Лузин. К этому я вернусь. Если бы я знал, что я буду выступать на защите, я бы взял одно письмо, которое не менее важно, чем нота Суслина.

«Относился к советской науке фактически презрительно...»

Абсолютно не тот смысл. Как же я могу относиться презрительно, когда у нас тополо-

гическая школа, когда у нас школа по теории чисел, когда у нас такие результаты, как работа [Шнирельмана[32]]...

«Это отношение нашло своеобразное выражение в широко практиковавшейся...» В чем виноват, в том виноват. Но, как и что, я объясню.

«Кто бы к нему ни обращался...» (читает[33]).

«Причем самые отзывы бывали не только ошибочны, но и столь нелепы, что и сам Лузин не мог не понимать их ложности...»

Вот по этому поводу я должен определенно сказать, в чем я виноват и в чем совершенно не виноват. Я с совершенной ясностью признал, что мои отзывы, действительно, далеко не стояли на высоте, но нужно сказать, что так не всегда бывало. Мне приходилось давать отзывы о своих учениках, сколько раз приходилось давать отзывы и об Александре Яковлевиче [Хинчине], о Павле Сергеевиче [Александрове], Андрее Николаевиче [Колмогорове] и о целом ряде других моих учеников. Думаю, что эти отзывы стояли на абсолютной высоте. В частности, относительно Александра Яковлевича я дал вполне заслуженный отзыв, на который последовала реплика О. Ю. Шмидта: «Вы уж чересчур расписываете там, где дело совершенно ясное, пишете то, что можно было не писать».

Я думаю, что среди моих отзывов было более 50% таких, которые действительно стояли на абсолютной высоте

Затем надо считаться с индивидуальностью. Я не машина, я живой человек и у меня характер чересчур мягкий. Я не хочу говорить о слабости воли, — что дано, то дано, — но я человек очень мягкий. И все движения, которые вызваны были по тому или другому поводу, когда мне приходилось давать отзывы, это были движения сердца. Возьмите несчастного Шадхана. Шадхан написал мне письмо: он, мальчик, участвовал в ужасающих вещах, был живым свидетелем погрома, под который попала его семья. Он говорил о нервном состоянии его семьи, говорил о том, как пробивал себе путь, и передо мной совершенно живо встала эта картина несчастного юноши, который был исключительно безумно и горячо предан науке, в этом отношении он хотел пробиться. У меня рука не могла отказать ему. Я его направлял не в аспирантуру Академии наук. В своем письме к [начальнику Отдела кадров] писал так, что, конечно не может быть и речи о том, чтобы ему быть аспирантом, но прошу Вас так или иначе направить его в Отдел кадров, чтобы как-нибудь соприкоснуть его к работе, к работе в семинаре или к чему-нибудь еще. Так что речь шла тогда отнюдь не о том, чтобы выдвигать его на какой-нибудь пост, а чтобы молодого человека посмотрели, и чтобы его жажда к науке была удовлетворена, жажда законная. Потому что, если бы он родился и вырос в условиях советской власти — это одно, но когда человек был свидетелем погрома, который обрушился на его семью, — это другое. У меня есть его письма, целый ряд писем, я могу их принести, или приложить к делу. Было бы жестоко, у меня было бы звериное сердце в груди, если бы я не отозвался.

Легкомыслия в других отзывах у меня было. Придет человек, посмотрю я на него и говорю: что Вам нужно? Вот Иванов проявляет большую комбинировку... характера[34]. Я ему говорю: Вам нужно, прежде всего, вооружиться, Вы голый сейчас, надо пойти в то или другое учебное заведение, или пойти в аспирантуру, которая вышколила бы Вас. Это была моя точка зрения, думаю, неплохая точка зрения. Единственно, что плохо, что после этого он получил премию в 700 или 1000 руб. В этом я виноват, но чтобы я давал отзы-

вы вредительские, давал спустя рукава, — найдите мне хотя бы один отзыв, где бы я выражался отрицательно? Это было несвойственно моему характеру. Я могу сказать, что я к этому делу не причастен и его отодвинуть, но чтобы давать грубый отзыв, презрительный отзыв, — это просто не лежит у меня в характере.

Так что этот пункт, пункт 6-й, я считаю самым тяжелым для меня в объективном отношении и заявляю следующее: я полностью виновен в неосторожных отзывах, которые, вероятно, и, должно быть, в некоторых пунктах принесли объективный вред. Но наряду с этим я давал отзывы о своих учениках, я давал отзывы в те или другие учреждения и думаю, что выдвигал и очень усердно на те или другие посты. Думаю также, что действительность мне этого не поставит в упрек, т.е. не поставит в упрек в высшей степени хвалебных фактов, которые сейчас обнаруживают мои ученики, мои сыновья ученые.

Кржижановский. Значит, Вы считаете, что на 50% было стоящих отзывов?

Лузин. Я не помню в цифрах. Вы должны учесть, в каком состоянии я защищаю.

Если говорить о цифрах, то, во всяком случае, 60—70% удачных, а процентов 30 - так. Что касается 50%, то я не согласен, это была просто оговорка.

Давайте так, совсем конкретно: Депутатов работает, им довольны в НКИД.

Александров. Вы давали отзыв на профессуру, или на степень доктора, или на аспиранта, — это разные вещи.

Лузин. Во всяком случае, я не мог дать отзыв на степень доктора, у него работ на степень доктора нет, но на степень кандидата есть работы. Другие математики могут не соглашаться, могут не оценивать так.

Александров. Он уже был кандидатом.

Лузин. Тогда я виноват. Я не помню, выдвигал ли я его на профессуру или его хотели снять с профессуры. Но, поверьте, что в степени доктора я абсолютно не повинен, потому что я не сумасшедший человек и не могу давать доктора тому, кто его не стоит.

Скажу относительно Безсонова, у которого есть работы и не только в пределах нашей страны (хотя это и неважно). Есть работы в «Сосьете Математик де Франс»[35], куда и я не попадал. Лицо с европейским образованием, которое может преподавать в высшей школе. Его трудами в высшей степени довольны. Найдите мне хотя бы один отрицательный отзыв о Безсонове.

Что касается Депутатова, то им Наркоминдел настолько доволен, что даже имеется ходатайство о том, чтобы он поехал в Осло в командировку.

Относительно Шадхана я говорил: письма Шатхана об обстановке, в которой он жил, у меня есть.

Относительно Иванова, у меня на руках ничего нет.

Относительно Успенского и Эйгеса. Мне вменяются два факта: рекомендация работ Эйгеса и Успенского.

Относительно Эйгеса. Первые рекомендации Эйгесу были даны не мной, а В. Ф. Каганом. Рекомендации исключительно блестящие, что он человек с самостоятельным творчеством и т.д. Вениамин Федорович — специалист-геометр. Как Вы знаете, я не геометр. Вениамин Федорович его всячески выдвигал, ставил его доклады не то в Институте, не то в Математическом обществе, — я хорошо не помню. Это было давно, если не ошибаюсь, 11 лет тому назад. Года три тому назад мы встретились в «Узком»[36]. Он пожаловался мне на то, что его теснят с работой, тем не менее, он представляет из себя инициатора и т.д. Я не помню хорошо те хвалебные отзывы, которые давал Каган. В этом отно-

шении я просто-напросто ему написал теплую бумагу, которую Вы видели опубликованной, относительно того, что действительно человек проявил инициативу, человек почтеннейший, мне кажется. Может быть, здесь была ошибка, но кто же не ошибался. Во всяком случае, среди ошибочных отзывов есть стоящие отзывы. Мне пришлось участвовать в Квалификационной комиссии и давать отзывы. Отзывы были такого рода, что вряд ли можно сказать, что они все были такого рода, как отзыв об Эйгесе.

Последний пункт, касающийся этого Успенского. Честное слово, не помню, что это был за человек. Если мне предъявят его сочинения, я покопаюсь в них, проанализирую, вероятно, найду и положительную сторону, так как я человек не сумасшедший; вероятно, я с некоторыми товарищами разойдусь, но все же пойму.

Должен сказать еще по поводу одного человека — Ласаева. Это пункт для меня очень тяжелый. Относительно Ласаева я никак не мог разобраться, что это за человек. Это громадный самостоятельный самородок, но, с другой стороны, полная невооруженность. Сколько времени Ласаев ко мне обращался! Я, по мере сил и возможности, принимал участие, но когда мне товарищи заявили, что он близок у самоубийству, у меня было очень тяжелое состояние. Может быть, я Ласаеву и дал отзыв ввиду того, что он угрожал самоубийством. Может быть, я и виноват, я признаюсь в своих неудачных отзывах, но только категорически отметаю сознательное вредительство в них.

«Такое же отношение проявил Н. Н. к преподаванию математики в советских средних школах».

Павел Сергеевич, я прошу Вас остаться. Дело серьезное. А это дело успеется, все мы разберем — и рукописи Суслина, и всяческие рукописи можно разобрать в свое время. Я человек не безумный — знаю, что говорю и относительно себя и относительно многих — и могу привести много фактов тоже. Так что в этом отношении мне известно многое, что говорили.

«Такое же отношение проявлял Н. Н. Лузин к преподаванию математики в советской средней школе. С одной стороны, Н. Н. Лузин участвовал в составлении наркому просвещения записки о якобы тяжелом состоянии преподавания...»

Да, мало того, что представлял, — я был там вместе с И. И. Жегалкиным, профессором 1-го Московского университета — одним из моих учеников, человеком почтенным, в творчестве себя, правда, не проявляющим. Там был также Беспросветный[37] и еще несколько товарищей. Мы отправились к наркому, и я начал там с того, что необходим, во что бы то ни стало, пересмотр учебников, потому что учебник Гангнуса до такой степени глупый, что дальше терпеть его невозможно Я указывал на то, что учебник Гангнуса — это сплошное вредительство. Я уже не говорю о том, что считаю, что это просто глупый учебник. Судите сами. В учебнике Гангнуса говорится, что теорема прямой [прямая] будет: хорда, которая движется к центру, увеличивается по величине; теорема обратная: хорда, которая движется от центра, уменьшается по величине.

Нравится Вам? Это прямая и обратная теоремы. Учебник Гангнуса представляет собою нечто невозможное, и в этом отношении я совершенно определенно сказал наркому, что школа находится в исключительно тяжелом положении. И там я наслышался много от своих товарищей примеров, вроде того, что вынос икса за знак синуса и т.д., и т.д.

Но когда я это говорил, я отрицаю то, что мне тут приписывается. Тут говорится: «Некритическая, недобросовестно-хвалебная статья». Насчет этого я отрицаю, что это

была какая-нибудь недобросовестность или любезность, чисто французского духа любезность, несколькими жестами и т.д. Я понимал, что говорил. Дело в том, что я не знаю, как это случилось, но я попал в школу, где не только не было ничего неправильного, но просто ответы были превосходные. Может быть, меня адресовали на особенно сильную группу. Я участвовал здесь в течение 3—4 часов и вынес оттуда самое приятное впечатление. Ложь говорить я не могу. Там было очень хорошо, и я не могу не говорить того, что там хорошо. И вообще нужно сказать, что эту школу хвалят как образцовую. Там прекрасно, великолепно поставлено дело. О том, чтобы иск выносить за знак синуса — речи там нет. Так что настолько это противоречило всему тому, всем жалобам, которые были со стороны товарищей, ходивших со мною в Наркомпрос, что нужно сказать, что у меня душа испытала совершенно обратное чувство, чувство такое, что наконец-то я встретил таких людей, с которыми действительно могу работать в высшей школе. Вот что мною было сказано: что с таким юношеством, которое оттуда выходит, работать в высшей школе можно, в противоположность тому, что я слышал, что иск выносится за знак синуса.

Перехожу к самому последнему пункту: «Отношение Н. Н. Лузина к советской науке ярко проявляется в распределении работ для печатания между советскими и заграничными изданиями. Несомненно, чрезмерное увлечение печатанием своих работ за границей является чертой не одного Лузина, но в распространении этого зла среди молодых математиков Лузин своим примером и авторитетом сыграл большую роль».

Может быть, то, что они видели пример учителя, то, что я печатаю за границей, они считали за какую-то особенную честь быть напечатанными за границей.

«Характерным для самого Н. Н. Лузина является резкое качественное различие между его работами, напечатанными в нашей стране и за границей. За ничтожными исключениями, почти все работы Н. Н. Лузина, относящиеся к его прямой специальности, печатались за границей, а в издании же СССР он помещал почти только работы прикладного характера».

А тут сказано «второстепенного»[38]. Будьте добры, вставить слова «прикладного характера», потому что я на этом настаиваю.

«... крайне беспомощные и математически несодержательные. Проявляя себя в заграничных работах мастером стиля и сжатости, в особенности в период до 1920-го года, Н. Н. Лузин свои советские работы нарочито разводнял и расширял их объем несоответственно содержанию».

Разрешите, на счет этого я отвечу просто как ученый и подробно отвечу.

За границей в последней командировке я был два года. Когда я вернулся, я попал под ряд ударов, касающихся чисто моей научной деятельности. Всем известны, ни от кого этого не скроешь, статьи тов. Кольмана, который говорил, что мои теоретические вещи пропитаны насквозь идеализмом, что все это не что иное, как вредная ерунда, что, собственно говоря, в наше время должна быть совершенно другая установка. И вот все это мне было хорошо известно, я это читал своими глазами. А отрицательное отношение тов. Кольмана, который занимает высокое положение, и с мнением которого я обязан был считаться, вовсе не как с человеком, который отрицательно относится ко мне, но с человеком, которому партия доверяет, его мнение было для меня чрезвычайно веским, — это отрицательное отношение заставило меня пересмотреть всю мою деятельность, после того как на меня эти нападки были напечатаны[39].

А имейте в виду, что математическая статья в Большой Советской Энциклопедии, касающаяся дифференциального исчисления, тщательно мною написанная, но написанная в том духе теории функций в каком я только и мог писать, не была напечатана. Ее напечатание было отложено на 3 года[40], потому что ее объявили опасной. У меня имеются все сведения соответствующие. За эту статью — я боюсь сказать слово «травля» здесь, этого нельзя сказать — мне влетело. Но все знают, что через 3 года было снято это обвинение с этой статьи, и эта статья была предложена мне к дополнению, и мне предложено было ее напечатать.

В связи с этим как я могу игнорировать мнение тов. Кольмана, который занимает высокий пост и который обрушивается на меня за теоретическую беспредметность и вредность моих работ? Конечно, нет. Моя цель была в том, чтобы не повредить моей родине. И если те лица, которым видно, как все это движется, находят мою теоретическую деятельность вредной, пусть она не вредит. Но из меня перли эти теоремы. Из меня шли эти теоремы. Что же мне было делать? Что же — в себя засовывать, что ли? И я решил, что все, чем я могу нашей стране служить в прикладном направлении, печатать у нас. А в том направлении, которое признается вредным в моей практической деятельности (ведь в нескольких газетах было напечатано мнение тов. Кольмана, — и с этой стороны был употреблен прямо совершенно определенный отрицательный резкий отзыв о моих теоретических работах в связи с математическими ошибками, которые были там констатированы — не в моих сочинениях, а в отзывах тов. Кольмана, который в математическом отношении ошибается, потому что он в некоторых тонких понятиях теории функций путает[41], и это все мои ученики знают, и все смеются над той грубой путаницей, которая может проскользнуть по нечаянности) — все это печатать за границей. Ведь я с этим должен был считаться.

Судите сами, если я буду с упорством продолжать печатать теоретические работы, приложения которых не только сейчас нет, но и в будущем не предвидится, то, что это такое, как не засорение печати нашей? Вот какого упрека я боялся. И надо сказать, что этот упрек для меня вовсе не был шкурным вопросом, а я боялся, что я объективно мешаю нашей родине. Вот почему я решил, — может быть, это глупо, может быть, это добросовестная ошибка. Но я решил перенести принципиально все то, что имеет приложение, или может иметь приложение, все это печатать в нашей стране, а все, что относится к чисто теоретическим вопросам, к очень отдаленным трансфинитным вопросам, все это перенести для заграницы, и то просто потому только, что я не мог удержать в себе творчество. Вот почему у меня целый ряд статей есть о методе Крылова.

Извините меня, очень неприятно относительно себя говорить, к сожалению, я не могу показать сейчас письма акад[емика] Крылова, в котором он делает мне очень много комплиментов, ну, может быть, как коллега коллеге, что это совершенно изумительно и т.д. Это письмо находится у меня в спальне. Кроме того, у меня есть по поводу этого письмо акад[емика] И. М. Виноградова, что это прекрасная работа. Однако, не говоря об этом, у меня имеется требование Американского института..., требование этих статей, представляющих, по их мнению, большой интерес. Это письмо у меня также есть, оно лежит у меня также в спальне. Но это является для меня очень сильной поддержкой в том, что значит не одни глупости я печатаю. Я сознаю, что у меня работа очень большая вышла, потому что в науке всегда так: то и дело первая работа большая «...». Вот Гантмахеры ринулись по тому же пути, по которому я шел, только они взялись за [вековое] урав-

нение. Это блестящий случай. Но открыл эту теорему первый я, а не кто другой. Нельзя сказать, что я только одни второсортные работы печатаю.

Мне вменяются в вину некрологи. Но ведь Академия заставляет![42] Я понимаю, что это очень скучная вещь — некролог, и тот же Н. [М. Крылов], С. Н.[Бернштейн] отклоняют от себя предложение написать некролог.

Я написал в «Сорепа»[43] биографию Эйлера. Да, но ведь это же было какое время? Время эйлеровского юбилея[44], и надо [было] что-нибудь написать. И опять, не с целью заработка и разбухания. Прежде всего, мои работы имеют (по преимуществу те, которые я публиковал) прикладной характер.

Указывает на их качество. Ну, подумайте, какой я прикладник в действительности? Но я должен сказать, что все-таки моя голова не так плоха, потому что метод Крылова, так или иначе, потребовался за границей. В Америке. Его потребовала Прага, которой я ничего не послал и не ответил туда. Так как эти работы произвели, по-моему, впечатление. И не мне о них, конечно, судить. Последняя моя статья, которая еще не появилась, но печатается, завтра или послезавтра будет, это большая работа и, вероятно, она сплошь будет служить обвинением в том, что я печатаю слабые работы. Но это работа по метеорологии. Я выступил там с почти периодическими функциями[45]. Можно заявить, что это ерунда.

Поверьте, если бы этого не было, если бы на меня не были обрушены удары тов. Кольмана, который меня в течение трех лет... (не расслышано), не забывайте, что я был очень стеснен, я думаю, я не стал бы печатать за границей, выбрасывая туда те части, которые наименее повредят моей стране. Но обвинение, что сплошь печатаю, сплошь ерунду, что мои чисто теоретические доклады печатаются только за границей, это неверно, и вот я сейчас скажу почему.

Когда была основана так называемая серия Адамара[46], которую я расцениваю очень высоко, как [серию] Бореля, но другого типа, и когда мне предложено было высказаться по поводу моих статей о [стационарной] последовательности трансфинитных функций, я помню, что западная Европа направила ко мне требования или предложения опубликовать эту работу, вероятно, считая [ее] очень ценной. И я эту работу напечатал тотчас же по-русски с прибавлениями и увеличениями, которых вы не найдете за границей. Экземпляр увеличен в два раза[47]. Вот что я могу ответить. Я могу ответить так, что эта классификация является, может быть, результатом ошибочного, но сознательного размышления не с тем, чтобы принести вред нашей стране, но с тем, чтобы ослабить в ней вред, печатая теоретические вещи, не могущие иметь никаких приложений.

Я исчерпал свое время и очень устал. Дайте мне три минуты для того, чтобы передохнуть.

(Объявляется 5-ти минутный перерыв)

Кржижановский. Обратимся к некоторым конкретным фактическим материалам.

Тов. Люстерник, в вашем отсутствии Николай Николаевич по пункту 4 говорит, что у него не было отказа подписаться под документом об угрозе интервенции, но что он вам сказал, что он подпишется, если будет разрешение, идущее от Наркоминдела, причем он объясняет это тем, что он считал невозможным эту акцию со стороны Наркоминдела и будто вы можете это подтвердить, что он вам это сказал.

Люстерник. У нас разговор был только по телефону. Разговор был такой: Н. Н. у

меня спросил совета, как ему поступить. Я тогда сказал: «Поступайте, как хотите», потому что я говорил, что в таком вопросе никакого давления нельзя оказывать. Поскольку я входил тогда в редакционную коллегию, я не мог ничего сказать. Тогда он сказал: «Я вас спрашиваю как своего ученика».

Лузин. Л[азарь] А[ронович], имейте в виду, что этот документ был направлен к моему подписанию, у нас был не только этот разговор, но еще, насколько я помню, секретарша, что ли являлась...

Люстерник. Это аспирантка Рабинович.

Лузин. ...и ей было сказано совершенно определенно про Наркоминдел. Я не безумный и не могу выдумывать из головы, это было сказано, я слышал, как она говорила, потому что я просил Н[адежду] М[ихайловну][48] передать в точности мои слова.

Соболев. Если бы речь шла об угрозе интервенции, неужели вы могли бы допустить тот факт, что Наркоминдел подумает, что советский ученый ответит на угрозу интервенции другим образом?

Лузин. Конечно, нет. Но высказывания были другого характера. Конечно, нет. Повторяю, что я как гражданин, как советский гражданин, исполняющий свои обязанности перед советской страной, я их все выполняю.

Горбунов. А вы товарищу Люстернику говорили о необходимости получить санкцию от Наркоминдела?

Лузин. Я знаю, что это было сказано за моей ответственностью тому лицу, которое принесло на подпись. Я это лицо своими глазами не видел.

Горбунов. А вы Люстернику не говорили?

Лузин. По-моему, я упоминал относительно того, что это дело Наркоминдела, что по малейшему сигналу это будет мною сделано.

Люстерник. Со мной такого разговора не могло быть, потому что мы были в Наркоминделе и согласовали это с Наркоминделом, и если бы вы меня по телефону тогда спросили, я бы вам указал.

Лузин. Я просто просил бы о факте. Ведь это же факт, ведь это фундаментальная вещь, которая единственно могла удержать. Как же я могу противиться? Раз согласовано, значит, этим все сказано.

Люстерник. Разговор со мной был очень короткий — 2—3 минуты по телефону. О Наркоминделе я ничего не помню, потому что я вам сказал, что это согласовано с Наркоминделом, к вам ходили несколько раз, я сейчас разговора не помню.

Лузин. Но, поверьте, что если от вашего имени приходили...

Люстерник. Не от моего имени, а от имени Наркоминдела.

Лузин. Раз это дело согласовано, для меня является абсолютной аксиомой подписать. Я боялся только, что, приехав оттуда и хорошо не зная, что там интервенция готовится, это было вне моих академических отношений, но хорошо зная, какая тонкость в этом деле (это хорошо сейчас говорить, а тогда время было горячее), и если бы я знал, что в действительности хоть немного согласовано, и об этом Наркоминдел осведомлен, разумеется, я это подписал бы. Неужели же я мог бы желать интервенции?

Кржижановский. Вопрос не так поставлен, что вы ждете интервенции. Никто не сомневается, что вы высказались бы за защиту, а тут так поставлен вопрос, что большое собрание, все подписываются, все осведомлены, никто не находит никаких препятствий ни формально, ни по существу, а вы не подписываете.

Лузин. Я не подписываюсь потому, что я оттуда приехал и знаю, что это надо согласовать с Наркоминделом. Я удивлялся, что этот документ мог принести объективный вред...

Кржижановский. Ну, вы сомневались, но вся общественная среда подписывается, неужели вы не могли позвонить в Наркоминдел?

Лузин. Это нелегкое дело.

Горбунов. Все товарищи добивались подписи Н. Н. под этим документом, документ был согласован с НКИД, санкционирован и, если бы Н. Н. сказал аспирантке Рабинович о том, что только нужен этот момент, и он подпишет, неужели же товарищи, которые добивались этой подписи, не сделали бы этого?

Лузин. Вопрос относительно того, что согласовано или нет, со всей четкостью был поставлен перед тем товарищем, которая приходила, и она ничего не могла сказать, потому что если бы действительно было сказано, я сейчас же подписался бы; но я знал всю тонкость, и, так как я считал, что это не согласовано, — и я повторяю, что я утверждаю категорически и не только сейчас, но и тогда, — если бы я знал, что эта санкция лежит на Наркоминделе, — конечно, это было бы для меня абсолютно обязательно, точно так же, как я видел, что если есть санкция высших органов.

Перед тов. Рабинович был вопрос этот абсолютно поставлен, и она не умела сказать, потому что этот разговор я слышал.

Люстерник. Никаких санкций не могло быть, это не обращение Наркоминдела, а обращение общественности. Мы пошли в Наркоминдел с самого начала. Мы написали текст более резкий. Они сказали, что до иностранных ученых это не дойдет, т.е. не дойдут некоторые места. Это была консультация, но не санкция, а консультация с одним из работников Наркоминдела. Этот документ не от Советского государства шел. Это был как бы частный, нет, не частный, а общественный документ — обращение к своим товарищам по профессии из другой страны.

Лузин. Я считаю, что Вы оговорку сделали по существу: именно — частный. Я оценивал, что это был чересчур частный документ. Но если бы я знал, что он согласован с более или менее ответственным работником Наркоминдела, я бы абсолютно подписал. Точно так же, как для меня не было ни малейшего затруднения, когда я подписывал подобный документ, кажется, на праздновании Боголюбова[49]. Документ аналогичный, хотя я его подписал. Почему? Потому что я видел, что он не имеет частного характера, но имеет характер выработанный. Я подписал его без малейшего колебания, а документ того же самого качества.

Бах. Н. Н., позвольте Вам задать вопрос. Время было тогда чересчур острое. Вы человек опытный.

Лузин. Нет, не в этих вещах.

Бах. И неужели Вы думали, что можно было проводить такое общественное движение, если бы оно шло в разрез с общим направлением? Вы отлично знаете, что если бы оно шло в противоречие с той линией, которая ведется, ... (не слышно). Конечно, я говорю не со своей точки зрения, а с Вашей точки зрения.

Лузин. Алексей Николаевич, я даю Вам абсолютно честное слово, как товарищ и как гражданин Советской родины, я бы подписался, если бы знал, что действительно имеется согласованность с каким-нибудь ответственным работником Наркоминдела. Но мне этого не мог сказать товарищ, которая приходила с этим документом. Я бы подписал. В

такого рода вещах, там, где стране угрожает опасность, и где документ направлен на пользу, а не является документом частного характера, который может принести вред... Если бы я знал, что это согласовано! Но мне этого не могли сказать, несмотря на повторные вопросы. Я бы подписался, тут не могло быть никакого сомнения.

Соболев. Я буду настаивать на своей формулировке. Я считаю, Н. Н., что если это с Вашим мнением совпадало, то Вы могли бы подписать без всяких санкций. Когда Вы читаете документ и согласны с его содержанием, то Вы его просто подписываете, а не ждете какого-то распоряжения. Это странно. Ведь это Ваше личное мнение. Ведь вопрос, вероятно, так и ставился? Я тогда не был в Москве, поэтому не знаю. Если это соответствовало Вашему мнению, то Вы могли подписать. Никаких директив здесь быть не могло.

Лузин. Это не так, потому что если бы это был документ, который не касался сложной и тонкой обстановки и не был направлен к международным отношениям, сложность которых я понимаю, я бы подписался, не имея никаких санкций. Но так как здесь были затронуты вопросы, которые выходили далеко за пределы академического круга, я поколебался и, несмотря на полное согласие, я боялся из чисто объективной обстановки это сделать, без того, чтобы кто-нибудь из Наркоминдела не сказал, что да, документ был показан и не возбудил отрицательного отношения.

Для меня это было нужно, но это мне не было сказано, несмотря на определенные настояния с моей стороны в этом отношении.

Кржижановский. Следовательно, Вы уклонились, потому что у Вас не было уверенности в том, что этот документ согласован с НКИД.

Лузин. Да, даже что НКИД был информирован — в этом у меня не было уверенности.

Кржижановский. Но факт таков, что все остальные подписали. Факт таков, что Люстерник, на которого Вы ссылались, говорит, что все товарищи, все лица знали, что это идет без всякого [согласования], кроме Вас.

Лузин. Ведь я, буквально, только что приехал. Я не мог еще обжиться в нашей стране. Ведь прошло только две недели, как я приехал.

Кржижановский. Так мы отметим, что Вы так мотивируете.

Лузин. Да, с абсолютной точностью.

Люстерник. Позвольте рассказать, как это происходило. Подпись происходила довольно быстрая, никого не приходилось убеждать или доказывать. Подписи были все — и математиков, и физиков, и химиков, и биологов — по разным факультетам подписывали.

Горбунов. А были лица, которые занимали такое же официальное положение?

Люстерник. Привалов подписал.

Горбунов. А ректор Университета?

Люстерник. Точно не помню, кажется, подписал.

Лузин. Разрешите сказать следующее: я помню хорошо ту обстановку. Это была какая-то аудитория, где много сидело людей сверху и снизу, и я хорошо помню, как Привалов посидел, а потом ушел, а затем ему был направлен документ на подпись, и он подписал. Это верно. Я досидел до конца, кажется, так. Но я хорошо помню следующее: что на меня это производило впечатление. Ведь я только что приехал, я только две недели был в нашей стране. Согласитесь сами, что я два года отсутствовал и был совершенно дезори-

ентирован. На заседании никто не сказал, что это было сделано с санкции, даже не с санкции, а с уведомления НКИД. Если бы я был убежден, я бы обязательно подписал. То лицо, которое было направлено ко мне, тов. Рабинович, она не сумела ответить на предложенный вопрос. Если бы я знал, что это согласовано, я бы подписал, потому что, конечно, надо прямо действовать вместе, всеми руками и всеми сердцами.

Шнирельман. Н. Н. почему не подписал: потому ли, что не был уверен, что это согласовано с НКИД, или из-за содержания документа?

Лузин. Сам документ абсолютно отвечал моему внутреннему состоянию, потому что все мы должны защищать и действовать абсолютно единогласно, чтобы никакого разбиения единения не было. Но если бы я знал в этот момент, что действительно эта вещь была согласована, я бы, конечно, подписал, но всякое частное выступление (Л[азарь] А[ронович] [Люстерник] хорошо сказал, — именно частное), зная хорошо, насколько это тонко, я просто боялся подписать, боялся, как бы этот документ не принес какого-нибудь существенного вреда академическим отношениям с академическими кругами и не принес вреда в государственном масштабе. Этого я боялся, потому что хорошо знал все эти тонкие вещи.

Кржижановский. Я обращаю внимание на такой момент. В этом вопросе Вы оказались изолированным. Если бы Вы политически были ориентированы, то такой изоляции не было бы. Следовательно, эта самоизоляция произошла по политическим причинам?

Лузин. Я не понимаю.

Кржижановский. Если бы Вы с общественностью в Университете были спаяны политически, то такой изоляции не было бы, а Вы остались в стороне от этой группы. Чем вы это объясняете? Вы объясняете это тем, что два года были оторваны, что за две недели были недостаточно ориентированы. Во всяком случае, это имеет политическую основу.

Лузин. Разрешите сказать против этого. Два года я пребывал среди академических занятий, среди хлопот и забот, в самый последний момент я правил свои корректуры и масса работы у меня была. Когда я приехал, я абсолютно не разбирался не только по этому моменту, который был очень важен для страны, но и по общим вопросам, однако я знал, насколько документы, касающиеся общего, насколько они деликатны. И достаточно было мне сказать, Глеб Максимилианович, что этот документ прислан Наркоминделом, я бы подписался.

Кржижановский. Эта часть исчерпана. Переходим к части ухода Лузина из Университета.

Лузин. Это громадная политическая ошибка, в чем я сознаюсь и каюсь и готов понести всякую ответственность.

Кржижановский. Мы подчеркиваем, что Ваш уход из Университета объясняется не только психологией. Страна кипит, в стране происходит размежевка. Это было, очевидно, политическое собрание, и Вы остаетесь вне этого. Это как раз совпадает с Вашим уходом из Университета. Правда, этот уход произошел в наиболее сложной обстановке. Тут у вас возникли некоторые отношения с вашими учениками. Но это, конечно, не произошло только по психологическим моментам, стоящим в стороне от всякой политики.

Лузин. Нужно понять психологию человека, который приехал и не разбирается и хочет присмотреться.

Кржижановский. Но Вы же решаете вопрос, Вы уходите.

Лузин. Я не в качестве протеста ушел.

Кржижановский. Но вы человек осмотрительный, Вы совершенно точно выражаетесь. Вы сказали, что это ошибка, что это политическая ошибка.

Лузин. Да, после того, как я увидел, как это расценивается, и что это действительно имеет политическое значение. В этом я горько раскаиваюсь. Тут, безусловно, была сделана ошибка с моей стороны, — ошибка, которую я пытался исправить, и исправил, как Вы знаете, вступивши в Московский университет, потому что я поступил в Университет и начинаю там лекции. Я уже дал расписание моих лекций.

Кржижановский. В каком году Вы поступили?

Лузин. В этом году.

Кржижановский. Расстояние большое.

Лузин. Глеб Максимилианович, а моя болезнь? Два года я был болен.

Кржижановский. Но с 1930-го года, и это в то время, когда год считается за 10 лет. Это вовсе не было случайным событием, основанным на тех или других психологических недоразумениях. Это была политическая ошибка, которую Вы признаете сами.

Лузин. Я признаю, что мой уход мог вызвать такое толкование, но у меня внутренне такого политического акта абсолютно не было. Глеб Максимилианович, все-таки моя болезнь не миф. Ведь я вскоре после этого заболел сепсисом и в течение полутора лет был вынужден фактически выйти из строя, был калекой с одной ногой, ходил, опираясь на палку.

Кржижановский. Я только подчеркиваю то обстоятельство. Вы говорите против того, что здесь сказано — «Самоизоляция Лузина имела, несомненно, политическую основу». Но это опровергнуть Вам никак не удается, потому что Вы сами говорите: «Да, политическая ошибка была».

Лузин. Я скажу, что это истолковывается как политическая ошибка, но я прямо скажу, что если бы я не находился в таком состоянии, конечно, я бы не ушел.

Кржижановский. Во всяком случае, мы не можем объяснить это психологическим характером.

Лузин. Повторяю, что у меня полное единение в этом отношении со страной, и какие угодно акции я согласен дать, если эти акции носят более или менее печать продуманности, но не согласен с лицами, которые видят в этом политику. Это не было протестом.

Имейте в виду, Глеб Максимилианович, следующее: ведь у меня нервы все-таки очень слабые, и имейте в виду, что я был болен и, кроме того, имейте в виду, что обстановка очень слабая. Когда тов. Райков[50], который указывал на многие вещи, с которыми в научном отношении я не был согласен, на то, например, что теоретические работы не нужны и т.д., — все это на меня действовало. Я ведь плохо разбирался в обстановке.

Вообще нужно сказать, что эта командировка, этот отрыв на два года был абсолютно отрицательным фактом, и если бы я знал, что будет такая вещь, я бы такой командировки не взял и постарался бы соорудить свою книгу домашними средствами, не соприкасаясь с Западом. Вообще эта командировка, столь длительная — на два года 4 месяца — оторвала меня и поместила в тепличную обстановку.

Кржижановский. Я говорю только относительно того текста, который мы с вами обсуждаем.

Лузин. Если это была политическая ошибка, то, во всяком случае, бессознательная, потому что сознательно я не мог вредить своей стране, для которой я столько работал и на которую я буду работать, несмотря на то, что мне придется понести за свои отзывы совершенно справедливое наказание

Кржижановский. Я обращаюсь к тому документу, в котором Вы пишете: «Величайшей моей ошибкой был мой уход из Университета в 1930 году, в чем мне трудно даже дать себе отчет...»

Значит, Вы не можете даже дать себе отчет. А нам представляется, что Вы можете дать себе отчет.

Лузин. Нет, Глеб Максимилианович, это не так. Имейте в виду, что для меня лично, по моей натуре, сразу оценивать обстановку многоразличную, меняющуюся, и быть в курсе жизни страны вообще трудно, а тем более, что тогда я был оторван на два года и 4 месяца. Для меня это было очень трудно. Я это делал...

Кржижановский. С одной стороны, для Вас трудно понять тонкости политики, но Вы сами понимаете: Вы — ученый, крупный ученый, жизнь которого связана с преподаванием математики в Университете, где Вы создали целую школу, и вот Вы стараетесь показать, что случайно, только потому, что Вы два с половиной года были за границей в этой печальной командировке, и потому что в течение двух недель не могли ориентироваться, Вы ушли из Университета.

Лузин. Но на мне лежали обязанности члена Академии наук.

Кржижановский. Они не препятствовали.

Лузин. Я знаю, но сейчас имеется определенная установка на теоретические изыскания. Тогда же такой установки не было, это факт. Страна бурлила. Университет то так, то сяк ежедневно менял свои позиции. А я стоял всегда за то, что теоретические изыскания абсолютно необходимы.

Кржижановский. Я думаю, что никто, ни в какое время в нашей стране не утверждал, что теоретические изыскания не нужны.

Люстерник. Насчет теоретических изысканий происходила довольно длительная дискуссия, но в 1930 году, я помню, уже было решение, чтобы не было никаких перегибов в этом отношении, и что теоретические исследования должны проводиться в полной силе. Например, топологический кружок ни на минуту в то время не прерывал своей деятельности. То же самое и все остальные теоретические семинары. Так что такой установки не было. Если кто-нибудь из молодых наших товарищей иногда высказывал отдельные мысли, то к тому моменту, когда посылалось это письмо, уже эти вопросы были ясны, и ни один теоретический кружок, ни один семинар в то время не прерывал занятий.

Горбунов. Мне кажется, что из объяснений Н. Н. совершенно точно вытекает, что наша формулировка правильна, потому что были события в Московском университете в связи с Кассо, он также был за границей, он также не разбирался в обстановке, и, не разобравшись в обстановке, он сделал такой вывод, что надо остаться в Университете.

Лузин. Я через 3 года это сделал.

Горбунов. В 1911 году[51].

Лузин. Я написал следующее: что то, что происходит — это смертоубийственно и возмутительно.

Кржижановский. Вы написали, что все то, что происходит — смертоубийственно и возмутительно, но вы в этой смертоубийственной и возмутительной обстановке остались.

Горбунов. Тогда Н. Н., находясь в Париже, также не оценивал этой обстановки, и хотя написал соответствующий документ, но остался в Университете, когда вся наиболее либеральная часть демонстративно уходила из Университета и подавала в отставку. И в этом случае Н. Н. также был за границей, он не оценивал обстановку, он говорил, что он был

оторван, что был в тепличной обстановке. Университет менял теоретические позиции, и Н. Н., не разобравшись в этой обстановке, признал необходимым уйти из Университета. Мне кажется, что, несомненно, это есть политическая основа. Никакой другой не может быть. Университет менял свою... обстановку на революционную обстановку. Это совершенно правильно было написано в документе, который был сформулирован.

Лузин. У меня уцелело письмо от того периода, копия письма, которое я написал. Я могу его представить.

Кржижановский. Дело не в бумажках, которые вы можете представить, а дело в самой сущности.

Лузин. Ну, поймите же, что я был ничтожный человек, скромный приват-доцент, который не разбирался в обстановке. Я впервые за границу поехал, пробыл там три с половиной года и приехал оттуда как раз накануне войны, за два месяца до начала империалистической войны, за два месяца.

Горбунов. Вы не разбирались в обстановке реакции и не примкнули сами к революционной обстановке.

Лузин. Ну, если бы я еще вынужден был играть какую-нибудь роль. Но я был скромный приват-доцент, не участвовавший даже в Правлении университета, потому что меня не звали ни на заседание факультета, ни на заседание совета.

Горбунов. А что же против Кассо демонстрировали только участвовавшие в Правлении университета?

Лузин. Нет, конечно, не так. Стало быть, вы вменяете мне в вину, что я не ушел?

Горбунов. Мне кажется, что эта изоляция имела, несомненно, свою политическую основу. Это доказано вами самим.

Лузин. Я очень хорошо знаю, что в Московском университете я развернул деятельность, которая была совершенно обратна деятельности так называемой Московской школы, которая не соприкасалась с молодежью. Я около себя собрал молодежь. Вся моя деятельность была в вопиющем противоречии с черносотенной интеллигенцией в Московской школе. На меня была бездна нареканий и со стороны Д. Ф. Егорова, и яркое противодействие со стороны Млодзеевского, который занимался чем? Он сомневался в том, правильно ли я оставляю при Университете, и шел разыскивать документы. Я его на этом поймал.

Кржижановский. Мы и не соединяем вас в одно целое с Лахтиным. Вы подтверждаете, что вы как гражданин готовы на все акции вплоть до защиты родины.

Лузин. Да, совершенно правильно.

Кржижановский. Это слово гражданина полновозрастного. Тогда вы были молодым человеком.

Лузин. Да, мне было каких-нибудь 22 года.

Кржижановский. Тут никакого старческого примиренчества с действительностью от вас нельзя было ожидать. Вы представляли из себя молодого человека, полного сил, подающего надежды ученого. Факт это или не факт? У вас были известные расчеты вести борьбу. Это был тот период, когда общественность Университета раскололась на два лагеря: на тех, кто решил оставаться под флагом Кассо, и тех, кто уходил. И вы остались. Факт это или не факт? Это факт. Вы пишете, что вы не отдаете себе отчета в том как вы могли уйти из Университета. Вот это и поражает. Вы это порицаете?! Позвольте нам остановиться на этом моменте. Мы констатируем этот факт. Мы констатируем, что вы

здесь оказались в положении самоизоляции. В самый бурный момент, когда резко размежевались по линии протеста противодействия агентуре Промпартии, вы, не будучи убеждены в том, что это согласовано с Наркомвнуделом, оказались единственным не участвовавшим в этом.

Дальше вы ушли из Университета, и ушли на 6 лет. Вы сами пишете, что вы не понимаете, как вы могли уйти. А нам кажется, что это понятно, потому что политически вы не реагировали в сторону пробуждающейся здесь советской жизни, не спаялись в этом случае, отошли в сторонку и ушли. Если бы у вас, как у гражданина полновозрастного, была какая-нибудь спайка с этой действительностью, вы не ушли бы. Мы только об этом и толкуем. У вас политической основы не было, которая должна была бы вас связать и, казалось, естественно должна была связать, потому что в этом центр тяжести вашей деятельности. Вы сами признаете, что это глубочайшая ошибка.

Лузин. Я... (не расслышано), что это политическая ошибка.

Кржижановский. Мы не предполагаем на этом основании что-нибудь с вами делать. Мы выясняем, как это шло.

Лузин. Я хочу весь раскрыться.

Кржижановский. Мы и хотим, чтобы вы честно раскрылись. Вы должны признать в этом пункте, что здесь, несомненно, имеет место политическая основа. Может быть, это прикрывалось для Вас. Может быть, это не было актом протеста и т.д. Но это было для Вас, как Вы сами признаете, чрезвычайно действенным обстоятельством во всей Вашей последующей жизни. Вы на целые 6 лет от своей кафедры были оторваны.

Лузин. На 4 года. Два года я болел.

Кржижановский. Это факт, это крупное событие.

Лузин. После того как я оправился от своей болезни и стал разбираться в тяжести своей позиции, я стал исправлять. Я принимаю на себя все то, что вы говорите, все меня касающееся относительно того, что я все должен продумать. Да это действительно так.

Кржижановский. Мы все это понимаем, мы дадим вам возможность дополнительные документы представить, а сейчас пока перейдем к очень существенному пункту, к пункту 5-му: это те указания, которые касаются плагиата в отношении Новикова.

Александров. Я собираюсь по поводу Суслина поставить некоторые вопросы. Видите ли, Н. Н., Вы, вероятно, не могли не заметить следующего обстоятельства, объективного совершенно в математической литературе, особенно в «Фундамента Математицэ» за последние 20 лет.

Обстоятельства следующие: во всех публикациях, непосредственно следовавших за его трудом и вашим, который опубликован, это самое A-множество всегда называлось по-французски «де Суслин», т.е. именем Суслина.

Лузин. Дайте мне более точные указания.

Александров. Относительно того, что авторство их приписывали Суслину, вы сами говорили.

Лузин. Я утверждаю следующее: что Суслин даже свою замечательную теорию, которую я не опротестовал, которую я считал, что ее авторство принадлежит Суслину, но, в конце концов, я говорю, что в пункте 4 большинство этих теорем были мною [вы]делены и поставлены мною в ноту Суслина. Имейте в виду, что ноту Суслина писал я, за исключением четырех строчек, где он поместил свидетельство о том, что идеи, которые им положены, исходят от меня.

Александров. По-видимому, придется к следующему заседанию иметь большой материал. Я только высказал мысль, что и он сам, и все решительно математики, занимавшиеся этим вопросом, приписывали открытие этого A-множества Суслину.

Лузин. Если бы этот анализ оказался совпадающим с B-множествами, было бы ли это открытием? Эта вещь как раз констатирована Суслиным в теореме второй и никогда ни в одном пункте мною не...

Александров. В течение всех выступлений Н. Н., я думаю, это можно будет по стенограмме установить, Н. Н. в течение этого заседания стоял на той точке зрения, что A-множества открыты Суслиным. Все понимают, что значит это: когда та или иная идея в математике принадлежит такому-то автору, то A-множество писалось де Суслин, и цитаты стали носить характер «A-множества де Суслин».

Теперь очень часто можно встретить цитаты, которые я тоже могу показать, для этого нужно, чтобы все тома [Fundamenta Mathematicae] лежали, теперь очень часто можно видеть цитаты Лузина и Суслина: этот процесс не может ускользнуть от Н. Н. Спрашивается, что в этом направлении Н. Н. сделал? Вот книга Н. Н. об [аналитических множествах][52], т.е. об этих множествах, которые Суслин открыл.

Посмотрим, какое оглавление этой книги. Имейте в виду, что речь идет об очень крупном математическом открытии — об обогащении нашей математики.

Прежде всего, научная обстановка дела. Идет речь о действительно очень важном классе множеств, введенном в науку Суслиным — учеником Н. Н., о классе множеств, реализовавшем собой очень большой прогресс в математике, о том отделе, который представляет собой специальность Лузина. Как же Лузин строит изложение этой теории?

Оглавление. Сначала идет введение, которое начинается с таких слов: «В 1905 г. Анри Лебег дал...» (читает[53]).

«Вследствие вспомогательной роли, которую эти множества играли... занят тем, что заканчивает свои исследования о простой функции, не рассматривая структуру этого множества, потому что она должна быть длинной и утомительной для читателя».

«В настоящее время, когда аналитические множества фактически закончены, чрезвычайно важно указать, что, употребляя обычные методы теории функций (читает по-французски). Эти вспомогательные множества, т.е. аналитические множества, и что в конструкции его содержится как в зародыше, вся теория аналитических множеств».

По этому поводу сам Лебег в предисловии к книге Н. Н. указал, что Н. Н. обладает удивительным даром приписывать людям то, что ими не сделано. Вообще, конечно, ни Лебег, ни другой компетентный человек не станет говорить, что в этом примере Лебега, который Н. Н. знал, когда эту работу писал, содержится вся теория аналитических множеств.

Там я прочел введение от начала до конца, исключавшее несколько строчек о теории пространства и времени. В этом введении совершенно ясно, что вся теория этих множеств принадлежит Лебегу, т.е. содержится в своем зародыше у Лебега, имени Суслина здесь вообще совершенно нет.

Теперь дальше идет первая глава, которая имеет заглавие: «Конструкция Лебега и ее обобщение».

Второй параграф — [«Каноническое решето Лебега»].

Третий параграф — «Аналитические множества Лебега».

Имя Лебега встречается по несколько раз на каждой странице этой первой главы.

Вторая глава «Измеримость в смысле B».

Первый параграф — «Идеи Бореля».

Лузин. Это общего характера.

Александров. Потом множества, измеряемые в смысле *B*—Бореля.

Дальше идет целый ряд параграфов. Среди них вообще встречается в заглавиях параграфов только имена Лебега — 5—6 раз, имя Бореля — 2 раза. Значит, Н. Н., если цитировать, если смотреть на это количество цитат Лебега и Бореля, можно составить впечатление, насколько Николай Николаевич тщателен в указаниях авторства даже в тех случаях, когда это не считается особенно обязательным.

Я могу утверждать, между прочим, у меня даже, вероятно, сохранилось письмо Хаусдорфа, совершенно нейтрального человека[54], который в своей книжке эти множества назвал множествами Суслина. По поводу этого я имел 7-го января этого года беседу с Н. Н. в Академии наук, здесь в коридорах, когда Н. Н. мне сказал, что он в ультимативной форме требует, если я желаю поддерживать с ним какие-либо отношения, в ультимативной форме требует от меня, как переводчика книжки Хаусдорфа, отказа от этой терминологии.

Лузин. Нет, Павел Сергеевич, нет.

Александров. Это разговор, который был между нами. Предоставим собранию судить: я говорю — да, Н. Н. говорит — нет.

Я напомню Вам, Н. Н., контекст.

Лузин. Я напомню Вам, П[авел] С[ергеевич], и другое.

Александров. Пожалуйста, но сейчас разрешите мне говорить. Тогда я сказал Н. Н., что эта терминология сохранена не будет, и она не была сохранена. Можно доказать, что она изменилась не вследствие этого разговора, потому что перевод давно уже был в издательстве.

Лузин. Какой перевод?

Александров. Перевод книжки Хаусдорфа на русский язык[55]

В этой книжке не сохранена терминология Хаусдорфа, а названо *A*-множества, как их назвал Суслин. Так как я полагаю, что Вам изменяет память, то я говорю, как шел разговор. Вы спросили: будет сохранено название Хаусдорфа в русском переводе? Я сказал, что терминология будет другая, будут *A*-множества.

Лузин. Я этого не говорил.

Александров. Разговор был без свидетелей, поэтому трудно доказать, я предоставляю судить собранию.

Лузин. Этого абсолютно не было.

Александров. Собрание будет поставлено перед лицом Вашего утверждения и моего.

Лузин. Этого не было, этого не было.

Кржижановский. Я прошу Вас, Н. Н., дать возможность говорить Павлу Сергеевичу.

Александров. Перейдем к фактам. Посмотрим, где же встречается имя Суслина? Таким образом, читат[ель] с самого начала получит такое впечатление...

Лузин. Впечатление должно быть от текста, а не от оглавления.

Александров. Я не могу прочесть весь мемуар.

Лузин. Да это и не нужно.

Кржижановский. Я прошу Вас, Н. Н., придерживаться порядку. Я Вам дам слово.

Александров. «Вот конструкция вспомогательных множеств» (читает[56]). Потом идет текст Лебега. Он кончается и начинается текст Н. Н. (читает текст Н. Н.[57]). На протяжении десяти строчек четыре раза цитируется имя Лебега. Дальше (читает[58]).

Мы читаем третий параграф, самый решающий, где дается определение множеств... (читает[59]). И вот в этом решающем месте, которое действительно решающее, потому что здесь дается определение Суслина, мы видим опять в заголовке... (читает[60]).

Мы видим, что там, где дается определение этих множеств ссылку на... (читает[61]). В тексте, не в примечаниях, а в тексте, имя Суслина, если я не ошибаюсь, совершенно не фигурирует[62].

Лузин. Надо по последней книге судить[63].

Александров. Простите, Н. Н., дайте мне говорить.

Дальше, отдельные термины Суслина цитируются в примечании, но цитируются чрезвычайно лаконично в отличие от всего прочего, в отличие от цитат Бореля или Лебега. Как раз чрезвычайно распространенные термины Суслина, например, ... (читает[64]), т.е. о том, что всякое множество A — есть [ортогональная] проекция множества B.

Отдельные термины в примечаниях указаны, но имя Суслина не фигурирует в решающем моменте, в моменте определения. Все цитаты Суслина загнаны в примечания, без какой бы то ни было квалификации того, что сделано Суслйным. Ведь Суслин сделал не то, что он доказал отдельные теоремы, как бы они ни были важны; Суслин является основателем всей теории. Читатель из этого мемуара никакого решительно представления об этом получить не может.

Что касается того, что Суслин эти 4 строчки написал сам, это обстоятельство я оставляю всецело на Вашей совести.

Лузин. Это тяжелая вещь, но это было действительно так.

Александров. Я хотел только спросить, что та редакция благодарности Вам, которая содержится в моей ноте[65], она также мне принадлежит?

Лузин. Да, «Concours précieux»[66].

Александров. Да, это мне принадлежит, но я Вас спрашиваю, эта фраза... (читает[67]) тоже мне принадлежит?

Лузин. Да, это Ваши слова.

Александров. Я говорю, и буду говорить, что я был Вашим учеником, Вы меня ввели в круг этих идей, — это совершенно верно. Но вот дальше, в этой фразе содержится такая вещь (читает[68]). Так вот я Вас спрашиваю, эта фраза в выражении моей благодарности Вам, мною была написана или нет? Да или нет? Скажите с определенностью. Я ведь говорю не о содержании фразы, это вопрос документальный. Вы можете стоять на точке зрения одной, я — на другой. Я прошу Вас сказать определенно, написана эта фраза мною или нет?

Лузин. У Вас есть эта нота или нет?

Александров. Нет.

Лузин. Прежде чем предъявлять мне такое обвинение, нужно было иметь эту ноту.

Александров. Я ее знаю наизусть. Я скажу по-французски, могут застенографировать и потом проверим[69]

Я прошу ответить: в выражении моей благодарности Вам содержится такая фраза (читает[70]). Написана эта фраза мною или нет?

Лузин. Вы это отрицаете?

Александров. Я вас спрашиваю не по существу дела, а спрашиваю, этот текст написан мною или не мною?

Лузин. Вам, безусловно, принадлежит Concours précieux.

Александров. Это я подтвердил уже, но я прошу ответить на мой вопрос.

Лузин. В каком году это было написано?

Александров. В 1916.

Лузин. Сейчас — 1936 год. Прошло 19 лет. Мне представляется со всей точностью, что подобно тому, как Вы написали Concours précieux, то же самое и эту вещь. Но позвольте сказать следующее, что у меня есть свидетели, которые покажут со всей точностью, каким образом созидалась Ваша нота и те пункты, самые существенные, которые были внесены туда.

Александров. Я очень рад буду услышать этих свидетелей, но сейчас это не имеет отношения к тому вопросу, который поставлен, так как вы сказали, что большой срок прошел.

Лузин. Вы по аналогии хотели мне приписать. Для меня лично не совсем понятно, откуда это Суслин взял (читает по-французски[71]).

Александров. Думаю, что взял из тех же источников. Этим самым вы хотите сказать, что мои слова не мои собственные?

Лузин. Нет, этим я хочу сказать, что я мог бы достать текст Суслина, переписанный Суслйным, где включены эти слова, и мой черновик, где этого нет, и где исключительно только все расположение дано мною от первой строчки до последней, кроме этих четырех. Короче говоря, я утверждаю абсолютно точно, что четыре строчки написаны самим Суслйным, без моего ведома, без моего влияния, и я согласился на это ввиду того, что я публиковал вместе. Теперь потрудитесь, Павел Сергеевич, переглядеть и мою ноту. Моя нота ведь начинается так.

Александров. Никакие вопросы невозможны, если все время перебивают.

Лузин. Я пишу в своей ноте, что развиваю выводы Суслина.

Александров. Я хочу только напомнить. Так как вы говорите, что 19, даже 20 лет прошло, это большой срок, и вы могли даже забыть мою ноту. Позвольте напомнить, как это произошло, как это было

Кржижановский (Лузину). Прошу придерживаться порядка. Вы все время перебиваете.

Александров. Позволю себе напомнить, как эта фраза произошла в тексте, написанном мною в этом Concours précieux (нужная, ценная поддержка). Что Н. Н. принадлежит, за что я ему очень благодарен, вся окончательная редакция этой ноты. Значит, Н. Н. вычеркнул вторую половину, сказав, что это есть чистое преувеличение. Но в том проекте, который мне предложен, было гораздо более скромное утверждение, что некоторые пункты доказательства принадлежат Н. Н. Когда я тогда же это опротестовал и сказал, что, Н. Н., я знаю собственно какие пункты доказательства принадлежат Вам, то Вы мне сказали буквально следующее: «Д. Ф. Егоров потребовал от меня включения этих слов, и я этому вполне подчинился». Я говорю Вам это для того, чтобы напомнить, как эта вещь произошла. А, между тем, после этого — мы были очень послушные ваши ученики — текст этой ноты был переписан моей рукой. Так что, если в архивах «Comptes Rendus» сохраняется нота десятилетней древности (в чем я очень сомневаюсь, как и в том, что текст Новикова сохраняется), там можно найти текст, написанный весь моей рукой. Это я говорю к тому, чтобы, получивши точный ответ, проверить в глубине вашей совести, так ли Вы правы, что действительно Суслин написал это.

Лузин. Убежден. Это он написал собственной рукой.

Александров. Тогда это остается на Вашей совести.

Лузин. Беру на свою совесть, потому что это есть абсолютная истина.

Александров. И последняя вещь. Если можно, я хотел бы проверить — не знаю, каков будет результат этой проверки: приблизительно в таких же терминах благодарят Н. Н. Лузина в статьях в «Фундамента Математицэ» и в « C[omptes] R[endus]». Там тоже Лаврентьев благодарит Н. Н., причем, в тех же терминах, как и Суслин, указывая, что Н. Н. Лузину он обязан...[72] М. А. Лаврентьев жив, и можно его спросить — и я прошу это сделать. Не знаю, каков будет ответ: написал ли он сам это или произошло как-нибудь иначе.

Я отдаю себе отчет в том, что в тех словах, которые я говорил и которым Н. Н. противопоставляет свои утверждения, что эта часть дискуссии не подлежит, к сожалению, объективной проверке, а то, что я утверждаю, Николай Николаевич отрицает, и объективной проверки здесь также нет. Поэтому свою аргументацию я держу на то, что все фактически лежит — это, по-моему, определенно — в недобросовестности цитаты Суслина, т.е. вернее в недобросовестном отсутствии цитаты в момент определения того, что такое есть аналитическое множество.

Лузин. Это я могу опровергнуть.

Александров. Все здесь видят, Н. Н., про что я говорю. Каждый может сверить убедительность той аргументации, которую я даю, и неубедительность той аргументации, которую вы сейчас делаете. Это можно легко проверить.

Дальше любопытно положение вещей по самой терминологии. Но, вместе с тем, я опять говорю о том, что это очень характеризует образ действия Николая Николаевича. Естественно, что ученый столь опытный, как Вы, в публикациях, плагиат не станет делать в том смысле, что возьмет и скажет, что это мое. Простите, так неосторожно не стал бы он действовать.

Лузин. Самая тенденция обвинять меня в плагиате...

Александров. Только в последней публикации у Новикова, когда получается уже совершенно смехотворно, когда три строчки содержания текста Новикова, именно эти три строчки вычеркнул Борель.

Лузин. Можно его запросить.

Александров. По этому поводу я должен говорить о том, Н. Н., что большего неуважения к собранию не может быть, потому что это собрание все-таки не десятилетних младенцев, а собрание математиков, которые знают достаточно хорошо всю практику математических публикаций, и ни один из нас не может же не только поверить Вашей аргументации, но не может поверить и тому, что Вы сами ей верите. Этого не может быть. Вы достаточно хороший математик и достаточно хороший человек в публикации. Ни один человек не может поверить тому, что Борель мог вычеркнуть, указав, что надеется ни в чем не изменить Вашу мысль, и вычеркнуть фундаментальную вещь — три строчки.

Лузин. Это Вы, Павел Сергеевич, говорите неверно.

Александров. Собрание осудит, если я говорю неверные вещи.

Лузин. Вы говорите неверные вещи.

Александров. Дальше, такой же терминологический вопрос, очень любопытный. Приведу цитату (читает по-французски[73]). Здесь говорится, что название аналитического множества дано по согласованию с месье Лебегом. Видите, какая тщательность в цитировании. Н. Н. считал нужным цитировать автора даже в том случае, если этот автор

предлагает какое-нибудь другое название. Казалось бы, вещь совершенно несущественная. Но Н. Н. считает нужным цитировать этого автора. Но в отношении Суслина он считает нужным вычеркнуть четыре строчки в мемуаре Лебега, где он указывает, почему он B-множеству дает или хочет дать название аналитического множества[74]. Как будто бы не все равно как их называть.

Но интересно здесь рассмотреть чисто терминологический вопрос. Все математики, которые здесь присутствуют, будут чрезвычайно удивлены.

Лузин. Нисколько.

Александров. Вообще вопросу о наименовании посвящен такой абзац мелким петитом.

Дальше Вы говорите: мне кажется, впервые по этому терминологическому поводу, читатель встречает полное название ноты Суслина, которое он имел бы право получить на предыдущей странице. Здесь это дается по поводу названия, и вы не забыли при этом процитировать автора. Вы подробно пишете здесь по терминологическому поводу. Тут можно найти все результаты, касающиеся аналитических множеств, все доказательства. Здесь мы употребляем название аналитического множества сокращенным названием множества-A. Весь этот длиннейший пассаж, такой длинный петит посвящен столь неважному обстоятельству. Ансамбль-A, — оказывается, здесь берется A, как первая буква слова «ансамбль»[75].

Опять-таки на ваших лекциях, которые Вы читали в Университете и которые слушали присутствующие здесь товарищи Люстерник и Колмогоров, вы указывали публично, что множество A было названо Суслиным именно так по совершенно другому поводу.

В связи с этим обстоятельством и самый интерес терминологический, который Вы к этому проявляете, и все эти подробнейшие мотивировки, которые Вы приводите, совершенно очевидным для всех образом делаются не случайными.

Лузин. Глеб Максимилианович, Павел Сергеевич...

Александров. Я это указываю потому, что...

Кржижановский. Дайте кончить.

Александров. ... в моей ноте содержится построение так называемой A-операции, но не содержится доказательства того, что имеются A-множества, отличные от B-множеств. И даже думаю, Н. Н., что A-множества есть только другое определение B-множеств. Суслин мне об этом никогда действительно не говорил, но Н. Н. публично об этом объявил, что A-множества названо Суслиным...

Лузин. Суслин Вам говорил это?

Александров. Нет, никогда не говорил. Но вы мне публично это говорили.

Этим я заканчиваю свои фактические замечания. Но, должен сказать, Н. Н., только одно и разрешите мне этим закончить.

Н. Н., я думаю, Вы поступили бы гораздо правильнее, и эту вещь я вам говорю совершенно искренне, как ваш ученик бывший, который за многое, Н. Н., к Вам сохраняет, и будет сохранять всю жизнь благодарность, — позвольте дать мне, Н. Н., Вам, может быть, в последний раз в эту тяжелую для Вас минуту, действительно искренний совет, в память той дружбы, которая была между нами когда-то. Н. Н., вы поступили бы гораздо лучше, если бы не стали так горячо отстаивать свою правоту в тех случаях, когда ее отстаивать невозможно. Вы поступили бы, Н. Н., гораздо лучше, если бы нашли в себе нужное мужество и нашли бы в себе нужную скромность...

Лузин. В научном отношении я...

Александров. ... нашли бы в себе нужное мужество и нужную скромность действительно признать те обвинения, которые Вам делаются. Этим Вы воскресили бы то уважение, которое к Вам когда-то было, которого Вы когда-то заслуживали. И действительно, внутренним порывом Вы только и могли бы достигнуть своего научного и гражданского возрождения, которое всеми нами, конечно, приветствовалось бы.

Соболев. Из разговора с П. С. Новиковым я выяснил, что, по-видимому, отношение в смысле авторства у Вас с ним нельзя ограничить только этим.

Лузин. Вы о Новикове? Дайте мне ответить сначала по поводу Суслина.

Хинчин. А можно мне по вопросу о Суслине сказать? Видите, вы утверждаете, что эти четыре строчки в первой работе Суслина написаны им самим.

Лузин. Абсолютно им самим.

Хинчин. Ведь так хорошо известно, что нам, математикам, наиболее трудно даются на чужом языке как раз нематематические части. Очень трудно поверить, чтобы человек, который не мог изложить самостоятельно по-французски свою математическую часть, мог написать хотя бы и 4 строки, но совершенно не математические, а общего характера. Я без всяких затруднений сам пишу свои работы по-французски. Но когда мне надо выразить благодарность в своей работе, то конструкция соответствующих фраз у меня вызывает такие сомнения, что я вынужден обращаться за помощью. Как вы это объясните?

Лузин. Видите ли, Александр Яковлевич и Павел Сергеевич, вы бросаете мне в лицо позорное и тяжелое сомнение в том, что эти 4 строчки, написанные Суслйным, подсказаны мною, написаны были под моим авторитетным давлением, и, может быть, даже отредактированы мною. Я это категорически отрицаю перед своей совестью не только как человека, но и как ученого и даже больше скажу, что, собственно говоря, последняя вещь «...» (французский текст[76]) — эту фразу я не мог бы написать таким образом на том простом основании, что я недостаточно тонко знаю язык в этом отношении, чтобы так тонко выразиться. Откуда это взял Суслин, я не знаю, но только он потребовал включения. И я категорически заявляю перед своей совестью как ученого и как человека, что этого не было.

Я вернусь к Павлу Сергеевичу. Павел Сергеевич, у нас с вами первое детальное публичное обсуждение. Давайте поговорим с вами о происхождении вашей ноты. Совершенно правильно: я читал лекции по теории функции, посвященные анализу мемуаров Лебега, «о функциях, аналитических избранных». В этих лекциях, которые я читал совершенно открыто в стенах Университета московского (читал их публично со всеми углублениями, что вот то-то надо добавлять, то-то информировать), совершенно правильно у меня возникало очень много творческих идей, очень много творческих постановок проблем. Между прочим, Павел Сергеевич, никто из ученых в ту дату, когда вы писали ноту, и, с полной ясностью в литературе, поставили вопрос о мощности B-множеств — это ваша заслуга, что вы поставили этот вопрос, а моя заслуга — то, что обратил внимание на эту проблему, — но это ваша заслуга, заслуга вашего таланта, вы человек крупный так же, как и Суслин, и ваш юный талант остановился на том, что вы занялись этой проблемой, — никто из ученых этого... (не расслышано). Вы знаете, что когда я жил на даче, вы являлись ко мне с ворохом листков, с бесконечным множеством попыток ошибочных. Я исправлял и т.д., и потом все это возвращал вам. И только потом это было сформиро-

вано против моего ожидания в действительно точное доказательство того, что множества четвертого класса Бореля действительно имеют мощность континуума. Это ваша заслуга. И я вас попросил, потому что вы были воодушевлены вообще, потому что вас талант к этому двигал, чтобы вы сделали общее доказательство для борелевских множеств. Вы представили много процессов, много рассуждений. И всегда в эти рассуждения вкрадывалась та или другая неточность, которая не позволяла, не только отредактировать на 3 страницы «Comptes Rendus» исчерпывающие доказательства, но и... (не расслышано). Потом было сформировано доказательство, но трансфинитного характера.

Наконец, после бесед, которые продолжались в течение нескольких месяцев, Вами было сформулировано доказательство — нота трансфинитного характера. Ваши таблицы, которые Вы представляли по поводу множеств четвертого и пятого [классов], Вы их сравнивали с парусами, которые могут покрыть всю лодку.

Когда я почувствовал, что Ваши доказательства могут быть доведены до конца, здесь я приложил все усилия к тому, чтобы выразить эти доказательства без трансфинитных таблиц, и вот появилась просто инфинитная последовательность.

Но здесь тоже надо мужество — сказать, что я занимался не только как переписчик Вашей ноты и не только тем, чтобы сокращать и вдавливать коленом этот материал, но мною было сделано очень много, и эта таблица была сделана мною одним.

Теперь, встречали ли Вы когда-нибудь, хоть в одной беседе с частным человеком, указания на ту роль, которую я сыграл для Вас? Никогда. Это Вам принадлежит, это было получено при помощи переплетения идей, в которых очень трудно разобраться, и я от этого категорически отошел.

Но когда я почувствовал, Павел Сергеевич, что наше переплетение — Суслина, Ваше и мое — очень тонкое, то я считал нужным вернуть терминологию на тот путь, из которого она возникла, именно Лебега о функциях множества. Больше того: множества, которые дает Лебег, есть A-множества.

Это я фактически доказал, что первый пример, встречающийся в литературе, принадлежит Лебегу; эта часть проведена мною в книге со всею точностью тех методов, которые могут быть установлены. Лебег так конструировал дальнейшее замечание, что оно выходит из конструкции...

Помните, я сказал, Павел Сергеевич, после того как я редактировал Вашу ноту: знаете, какая возникает проблема? B-множество может быть изображено так, а как можно восстановить эту таблицу? Эта проблема была полностью мною указана. Оба мы занимались над этой проблемой, Вы проявили ко мне полное внимание, и у меня сохранилось даже Ваше письмо, в котором Вы пишете в юмористическом тоне, что эта проблема настолько трудна, что Вы просите отставки от занятий B-множеством по слабому своему здоровью.

В этом пункте, в этой второй таблице произошло переплетение нас трех, и отсюда возникает то, что я с полным правом могу сказать на своих лекциях, что Павлу Сергеевичу оставалось сделать один маленький шаг, и это открытие принадлежало бы Вам. Но этого шага ни Вы, ни я не сделали.

Александров. Этого я не отрицаю.

Лузин. Вот откуда сплетение и вот откуда горячий пункт, в котором мы участвуем. Конечно, это переносится на Вашу ноту, и именно в этих подчинениях, о которых мы говорили.

Теперь мне бросается очень тяжелое обвинение, и совершенно незаслуженное, очень тяжелые сомнения, написал ли Суслин эти четыре строчки. Я категорические объясняю, что там написано, откуда он взял такие тонкости, даже не совсем правильные в языке, потому что как же можно сказать: «...»[77] Понимаете, какая вещь: если Вы мне приписываете такие тонкости в языке, я думаю, что откуда-нибудь Вы взяли, от какого-нибудь ученого.

Имейте в виду, что выражать благодарность Парижской Академии наук не принято, и поэтому, если Суслин так сделал, то подчиняясь тому уровню работ, после Вашей благодарности, которую Вы мне сделали и которую никак нельзя зачеркнуть. В процессе этой работы я был не одинок.

Д[митрий] Ф[едорович] [Егоров] был в курсе дела. Он умер. Он — человек старых традиций, но В. В. Степанов, который много раз приходил — и один, и с Вами, и занимался у меня, и имел по поводу этого беседы, — и ясно, что я формально не только укупорил Вашу ноту, но было положено очень много сил и внимания.

Теперь относительно Лаврентьева. Спросите его самого, написал ли он благодарность без моего давления. Мне бросается в упрек, что мои ученики пишут благодарности под влиянием моего давления. Тогда я скажу, что я был неосторожен, работая с учениками в одном и том же вопросе, и если Вы говорите, что Новиков не может объяснить заимствования, то может быть, он может объяснить, что заимствовано, когда моими руками были созданы многие его диссертации. Вообще в этом смысле там, где происходят такие переплетения, очень трудно дело констатировать с полной ясностью. Вы сами слишком крупный человек, и Вы знаете, что творческие идеи перепрыгивают как мячи. И те ученики, которые искали со мною сближения на почве моих работ, я думаю, что они недаром чувствовали ко мне благодарность.

Относительно Лаврентьева разрешите сказать следующее: я не ошибусь, если скажу совершенно точно, что случай линейного преобразования [гомеоморфного] был целиком мною ему подсказан. Далее, когда шла речь о преобразовании... — каким классом и т.д. — это ему принадлежит, но творческая идея была моя идея.

Кржижановский. По поводу Суслина и этого вопроса: давал ли он вам какие-нибудь телеграммы?

Лузин. Сейчас я скажу. Это было в 1919-м или 20-м году. В Иваново-Вознесенске ректором был рижский профессор М. Н. [Берлов], который возмутился тем, что я Суслина так выдвигал — такого, едва окончившего студента. Я Суслину хотел создать совершенно независимое положение для развития его таланта. Это было мною сделано.

Я употребил страшное давление на [Берлова], я это устроил. Дальше произошел один ужас: Суслин не занимался в Иваново-Вознесенске. Он жил там два года. Суслин при его галанте, который не уступал ни Вашему, Павел Сергеевич, ни моему, ничего там не делал. Эти два года были сплошным для меня ужасом. Вместо того чтобы заниматься наукой и сколько-нибудь готовиться по высшей алгебре, он занимается тем, что прочтет лекцию, а потом идет на базар; завел себе шубу, другие чисто хозяйственные вещи. Я никогда ему об этом не говорил, потому что мне хотелось щадить Суслина, но он как раз занимался главным образом хозяйственными делами, и когда срок стал приближаться к концу, и на меня стало давление сильное оказываться, то я стал тоже на него оказывать давление, и я получился между молотом и наковальней: с одной стороны, — Берлов, с другой стороны, — Суслин: Суслин стал говорить: «Я совершенно такой же профессор,

как и вы, у меня обязанности, и я прошу в мои дела не вмешиваться». У него был очень тяжелый характер и с ним разговаривать было очень тяжело. Вы сами сказали, что когда вы встретились с Суслиным по поводу этой таблицы, то вы мне сказали, что у вас с ним разговор не вышел и что у него есть внутри неприятные вещи.

Когда я увидел, что его работа пошла под уклон, тогда я попросил представить на магистерский экзамен хоть какую-нибудь работу. Работа была представлена перед уходом [Берлова]. Работа эта была с ошибкой, которую я был бессилен исправить. И тогда я эту работу отправил на просмотр, так как я не считал возможным задерживать отправление на просмотр [в «Fundamenta Mathematicae»]. Там эту работу просмотрели, и мне написал Серпинский, что Куратовскому удалось исправить эту работу. Серпинский написал, что эта работа будет опубликована с двумя моментами[78].

Теперь по поводу телеграммы следующим образом: когда я заметил, что творчество Суслина падает и, разгоряченный этим обстоятельством, я послал телеграмму — текст ее не помню. Но смысл был такой, что я нахожу невозможным (до окончательного формирования Суслина в этом материале ему нужно было повышение квалификации) занимать высоко ответственное положение. Он мне сказал горячо: «Хорошо, Н. Н., я знаю, что сделает [Берлов], но все равно будьте уверены, что я в этом отношении добьюсь своего и буду профессором и буду вести свою жизнь так, как нужно, несмотря на то, что вы меня заставляете, во что бы то ни стало, пройти такую учебу».

Я не знаю, насколько мое влияние на Саратовский университет было огромно, во всяком случае, послать предупреждение мне было нужно для того, чтобы Суслин в этом отношении обратился.

Последний пункт: после того как Суслин уехал в Красавку[79], до меня дошли сведения о том, что он действительно приступил, наконец, к занятиям. Он начал штудировать теорию... А дальше произошла катастрофа, которая легла тяжестью на всю мою жизнь.

Люстерник. В каком году Вы отправили статью в «Фундамента Математицэ», еще при жизни Суслина?

Лузин. Трудно вспомнить, ну, да.

Александров. Суслин умер в 1919 г., а работа опубликована в 1922 году.

Люстерник. У меня такое соображение: ведь тогда уже переписки не было с Польшей, это были годы гражданской войны. Не представляю, как это можно было сделать.

Лузин. Я не помню, каким способом это удалось мне сделать, ведь 19 лет прошло, просто трудно сообразить. Запросите Куратовского.

Хинчин. Вы говорите о том, что Берлов требовал от Суслина специальных обязательств, ввиду его молодого состояния?

Лузин. Да, и давил на меня в этом отношении.

Хинчин. И давил на Вас. Но как сопоставить это с тем фактом, что я непосредственно после ухода Суслина занял в Иваново-Вознесенске его место? Ведь тогда его нота была опубликована в «Comptes Rendus», так что фактически он был ученым с мировым именем. Когда я вступил на его место[80], у меня за душой ничего не было, кроме двух нот в «Comptes Rendus», которые не могли равняться по своему весу с нотой Суслина. Почему же не возникало тогда никаких загруднений? Более того, когда я перешел к Вам, Вы меня уверяли, что все чрезвычайно рады мне и приветствовали мое вступление. Берлову я никаких обязательств не должен был давать и никакого давления он на меня не оказывал, а также и на Вас в отношении меня.

Лузин. Вы забыли, что тогда Вы уже сдали больше половины магистерских экзаменов.

Хинчин. Ну, не больше половины, а начал сдавать.

Лузин. Я, как сейчас помню, что Вы обращались ко мне с просьбой, говоря: не сдать ли Вам механику, хотя механика считалась у нас какой-то «золушкой». Имейте в виду, что Ваша подготовка была настолько продвинута, что можно было вполне сказать, что Вы не только начинающий ученый, не только человек, который готовит работы, но который уже опубликовал работы. Кажется, Вы поместили в «Comptes Rendus» «Метрическую теорию функций» и экзамены у Вас уже были сильно продвинуты. Вы же сами понимаете, какая разница: приходить в науку голым или гармонически развиваться. Вы были гармонически развитым человеком, поэтому Вы могли работать.

Хинчин. Предположим, что я сдал половину магистерских экзаменов и написал две ноты. Но я думаю, что Вам не стоило бы никакого труда убедить Берлова в том, что нота Суслина уже говорит за то, что он представляет из себя как ученый.

Лузин. Но ведь Ваши ноты, опубликованные в «Comptes Rendus», представляют из себя очень крупные работы. Я считаю, что «Метрическая теория функций» не меньше работы Суслина. У Вас может быть другое мнение, но я с ним не согласен.

Относительно Берлова. Я скажу так, что Суслин имел такой характер, что возбудил вражду к себе и был в отрицательных отношениях со всеми. Я вспоминаю еще одно лицо, Сыркин[81], кажется. Он ходил и говорил, что вот Суслин сумел со всеми перессориться, а теперь бросил все и уехал. Так что в этом отношении в значительной степени был виноват характер Суслина.

Александров. Я хотел дать справку относительно ноты Суслина. Это не есть совместная нота Суслина и [Куратовского].

Лузин. По этому поводу Вы можете написать в Варшаву и запросить Куратовского. Он еще жив.

Александров. Зачем запрашивать Куратовского? Все это проходило через мои руки. Это было летом 1922 года. Куратовский имел переписку с Урысоном. Ошибки там никакой не было, а были некоторые длинноты.

Лузин. О том, что была ошибка меня известила Варшава.

Тогда имя Суслина стояло высоко, и если бы все было благополучно, все было бы напечатано полностью.

Александров. Я сейчас не буду об этом говорить. Надеюсь, что у нас в следующий раз будет 4-й том «Фундамента», и тогда мы посмотрим. Во всяком случае, не могу себе представить, чтобы работа, в которой была существенная ошибка, чтобы эта работа ... (не слышно).

Лузин. Вы хотите, чтобы на человека уже умершего, я возводил ошибку? Я говорил об этом в узком кругу.

Александров. Не могу понять, в какой форме была ошибка и какую цель Вы преследовали.

Лузин. Что долговременное отрешение Суслина от какой-либо научной работы до такой степени повлияло на его работы, что он выпустил некорректную работу.

Александров. Если он допустил столь тонкую ошибку, которую вы даже не заметили, то мне кажется, не нужно было об этом столько говорить.

Лузин. Я не совсем понимаю Вас. Факт тот, что ошибки были в работе.

Александров. Поэтому, поэтому-то редиже[82] было вовсе не из-за длиннот. Ведь многие работы Урысона были опубликованы.

Лузин. Я хочу рассказать то, что хотя Урысон был моим учеником, и я ему много дал, и он ко мне приходил, но это человек, который работал в другой области, а в моей области не работал.

Понтрягин. Я хочу спросить: а работы... Вы рассматривали?

Лузин. Я не помню.

Понтрягин. Не знаю, имеет ли это принципиальное значение или нет, но недавно мне рассказали, что совершенно аналогичного содержания отрицательного письмо было послано ему.

Лузин. Я не помню.

Александров. Укажите, кто это говорил?

Лузин. Был один момент, я действовал не только в состоянии запальчивости, но в состоянии человека принципиально убежденного, что Суслину необходимо получить полную зарядку, а дальше — иди, куда хочешь. Но его творчество в этом отношении деградировало и дошло до ошибок.

Шнирельман. Если Вы фактически заботились о научном развитии и научной продуктивности Суслина, Н. Н., как же Вы содействовали, чтобы он потерял должность в Иваново-Вознесенске? И также заботились о том, чтобы Суслин не получил должности в Саратове? Мы не знаем, каковы были бы итоги такой заботливости, если бы несчастный случай не вырвал бы Суслина из числа живых.

Лузин. Удалению его из Иваново-Вознесенска я активно не содействовал, но что касается того, что он вступил в конфликт с Президиумом в Иваново-Вознесенске, это все подтверждено. У него характер был совершенно независимый. Я много раз ему указывал, что прежде чем проявлять такую независимость, Вы должны закончить свое образование, то, что называется сейчас — получить квалификацию. Но он категорически против этого протестовал.

Люстерник. Я вспоминаю, что Н. Н. один раз предлагал мне поехать в Иваново-Вознесенск на должность [экстраординарного профессора]. Я не имел тогда магистерских экзаменов.

Лузин. Это в Педагогический институт, наверное.

Люстерник. Туда уехал тогда [А. И.] Некрасов.

Лузин. Я и Некрасова устраивал.

Кржижановский. Я некоторое время был, как известно, председателем Высшей квалификационной Комиссии в Комитете по высшей школе. У нас там неоднократно были случаи, когда молодые ученые с весьма неблагополучным официальным стажем, предъявляли нам свои труды, среди которых встречались труды совершенно исключительного характера. Отлично помню, что при моем участии и при участии других ученых в таких случаях мы отбрасывали всякие формальности и при громе аплодисментов признавали за этими лицами звание доктора наук[83]. Что же выходит в данном случае? Ученый, который делает мировое открытие, о судьбах которого заботится Н. Н., — этот ученый нуждается в гармоническом воспитании своей личности, и это гармоническое обогащение нужно провести через магистерский экзамен и всякие вещи. Мне казалось бы, если вы действительно учитель этого талантливейшего человека...

Лузин. Очень талантливый...

Кржижановский. ...Вы должны были стоять за него горой. Не в том смысле, чтобы настоятельно, против его воли сажать его за те или другие научные вещи на место, а защищать от нападок и позаботиться о том, чтобы он вырос под вашим непосредственным руководством. Вы говорите, что у него трудный характер. Если трудный характер, нужно тем более обратить внимание на человека с трудным характером, но не бросать вне всякой возможности работать, не выбрасывать его из Иваново-Вознесенска.

Лузин. Ведь это не я сделал.

Кржижановский. Но таково отношение. Его выбрасывают из Иваново-Вознесенска и пытаются устроить в Саратов. Он там тоже не может устроиться. Что же выходит? Забота о нем выражается в том, что он возвращается к родителям. К каким родителям? Говорят, что это были торговцы.

Александров. Это были крестьяне.

Лузин. Это был торговец. Там была маленькая лавочка

Кржижановский. Человека загнать в деревню, и в этом выражается забота. Я прошу Вас объяснить.

Но у нас впечатление такое: здесь сказано, что травля была. Как все это объективно произошло? Была ли это травля или нет? С нашей точки зрения она произошла. Встал ли кто-нибудь на защиту его? И в первую очередь человек, который лучше других знал его, встал ли он на его защиту? Вы говорите: «Под знаком запальчивости отношений». Да, запальчивости отношений, вы слыхали. Хорошо — запальчивость, запальчивость. И вот он кончает тем, что он едет в деревню в крестьянскую обстановку того времени. Это было, кажется, в 1919 году. Представляете себе, какая была обстановка? Я сам путешествовал в деревню и вспоминаю, какая обстановка была. Поэтому я считаю, что то положение, которое здесь существует, оно оправдывается. Комиссия говорит, что была травля. У нас есть впечатление, что была травля. Но вы не были бойцом на его стороне. Вы упираете на формальный момент. Я возвращаюсь к принципиальной установке наших дебатов: плагиат — это сознательное использование идей человека, ничего не говоря об этом. Взять у человека и использовать. Это грубый плагиат. Мы знаем — вы сами это подчеркивали. Мы знаем, что в тех случаях, когда учитель так или иначе имеет отношение к работам ученика, нужна величайшая осторожность, чтобы тут не было момента не только плагиата...

Лузин. (Прерывая.) Плагиата не было, я категорически утверждаю.

Кржижановский. Но это обязанность учителя. Учителю приятно должно быть просто спрятаться в сторону, чтобы дать возможность молодому таланту пробиться вперед, а не соваться со своим «я»: вот я, вот я. Затем третья сторона: в условиях нашей тогдашней советской действительности, трудной и тяжелой, — молодой пробивающийся талант! А там всякие Лебеги и почтенные лица, живущие в тепличной обстановке. Этот документ для нас ясен. У нас остается впечатление такое, что, казалось бы, если я радуюсь в действительности, то для меня все эти Лебеги и милые люди ничто в сравнении с этой молодой силой, которая в таких условиях пробивается, и я должен выдвинуть его с особою яркостью вперед.

Лузин. Я это и делал.

Кржижановский. Это надо было сделать. А что это за манера в перчатках подходить? Тут надо было наоборот все навыки, которые в этом отношении установились в академической среде, отбросить к черту и говорить: вот страна, которая, несмотря на такие условия, рождает такие силы.

Поймите, что вы сидите перед советскими людьми. Мы ждем не психологических тонкостей, а простых ясных вещей, которые мы формулируем в этом отношении. Мы вовсе не в таком смысле берем слово плагиат, не так грубо. Мы знаем, что сейчас плагиаты совершаются гораздо более тонко.

Лузин. Плагиат есть всегда плагиат.

Кржижановский. Мы знаем плагиаты, которые совершаются очень тонко, культурно, по которым мы назначаем целые Комиссии и чрезвычайно большим следственным материалом устанавливаем наличность этой стороны дела, а вовсе не этими юридическими грубыми формами. Поэтому мне хотелось бы, чтобы в этом чрезвычайно существенном и важном вопросе Н. Н. отдал себе отчет, чтобы он не самообольщался: ему придется вернуться к этому вопросу в полном объеме. Но у нас впечатление такое, Н. Н., что вы не опровергли.

Лузин. Почему, Глеб Максимилианович?

Кржижановский. Потому что вы существа дела, ваших корней, вашего отношения не выяснили.

Мы вернемся к делу Новикова. К сожалению, Суслина мы спросить не можем, но Новиков сам пишет нам по этому вопросу. Тут нельзя оперировать одними формулами грубого, точно юридического характера.

Александров. Скажите, пожалуйста, содержание письма Новикова известно Н. Н.?

Кржижановский. Я думаю, что у нас была известная характеристика. Эта характеристика говорит, что вам вменяется в вину присвоение основных идей математики.

Лузин. По поводу Суслина, или по поводу Новикова?

Кржижановский. По поводу основных идей Суслина. Мы слышали: сначала появляется одно название: *A*-множества. Говорится определенно, что это принадлежит Суслину. За сим проходит некоторое время и появляется трактовка этих идей — не просто Суслина, а в одном случае Суслина и Лузина, в другом случае Суслина и Куратовского. А дальше начинают толковать о работе, где говорится уже после Суслина о том, что Лебег все это в основе имел, что все это уже в зачаточном виде — это открытие — имело место.

Лузин. Я так и написал.

Кржижановский. Меня удивляет, как советский гражданин мог поступить так по отношению к этому человеку. Я думаю, что вы здесь не опровергли эту суть, выражаясь очень мягко, крайне нежелательного отношения к Суслину, к памяти Суслина. В конце концов, нам это не внушает такого чувства, благодаря этим ссылкам. Я хочу только уяснить сущность позиции. Дальнейшая травля факт или не факт?

Лузин. Я категорически это отрицаю.

Кржижановский. Травля была, Берлов травил его. Говорят: трудный характер. Что же трудный характер? Значит, против него была атака, травля? Была. В конце концов, в деревню загнали человека.

Лузин. Я Суслина не травил. В течение двух лет я носился с ним, заставлял его работать, но ничего не вышло, потому что трудный характер у него был. Он умел поссориться со всеми товарищами и с Президиумом. Это верно. Я под конец от него совершенно отступился. Этот упрек мне ставился, и этот упрек я принимаю. Но я отступился потому, что с ним ничего нельзя было сделать. Я повторяю, что с ним ничего нельзя было сделать, и в этом смысле я отступился от него. Работать он начал, подготовлялся к магис-

терскому экзамену. Не экзамен важен. Экзамен до такой степени не важен!.. Тут случай А[лександра] Я[ковлевича], — который формально не докончил, а по существу был настолько подвинут, что можно было сказать, что он на свои ноги встал, — об этом говорит. Вот мое отношение к этому. А не то, что формальные бумажки. Таких формальных бумажек Университет мог выдавать сколько угодно. Но по самому существу у Суслина ничего не было подготовлено. Занимался он только хозяйственными делами. Вы говорите, Глеб Максимилианович: я всей душой не ринулся на его защиту. Было дело — защищал. Но потом, в конце концов, руки опустились.

Кржижановский. Ну, вы защищали таким способом, который человеку не давал возможности жить.

Лузин. Много мною было сделано: на протяжении двух лет я делал. Судите сами: ставить ученика, только что окончившего Университет, почти студента на должность исполняющего должность экстраординарного профессора — это ли травля? Разве это травля? Я это травлей не называю.

Кржижановский. Я считаю этот вопрос выясненным. Перейдем к вопросу о Новикове.

Лузин. Вы, Павел Сергеевич, много говорите относительно A-множеств. Но мною были открыты проективные множества. Они представляют собою открытия, правда, не меньшие, чем теория A-множеств.

Александров. Зачем это говорить?

Лузин. Я это говорю к тому, что человек, который рад случаю утянуть что-нибудь у своего ученика, не способен делать самостоятельные открытия. А уж по теории проективных множеств никаких сопоставлений с учеником моим нет. А это открытие, поверьте, не меньше, чем открытие A-множеств.

Александров. Я это не говорю. Я не понимаю, к чему вы это говорите.

Лузин. Если человек имеет интерес у ученика что-нибудь оттянуть — это человек бессилия. Я не такой.

Александров. Ну, на эту тему «Моцарт и Сальери» был написан. А то, что вы открыли проективные множества, это не подлежит никакому сомнению.

Лузин. Скажите, Павел Сергеевич, считаете ли Вы открытие проективных множеств меньше, чем A-множеств?

Александров. Нет.

Лузин. Я думаю, что это одинаковые открытия. А, между тем, у Лебега есть указания на проективный путь.

Люстерник. (Зачитывает материал.[84])

Лузин. У меня есть письмо Хаусдорфа, где точно сказано, что мною разработано, что нет. У меня письмо это сохранилось полностью, вырезана только марка, потому что марка красивая была.

Хинчин. Здесь надо разъяснить, что то письмо, которое читается, не есть письмо, написанное по вопросу о плагиате, а есть общее письмо по вопросу о ваших работах.

Лузин. Историю с письмом Борелю я рассказал. Но я очень прошу для восстановления истины запросить самого Бореля, потому что мне было брошено тяжелое сомнение о том, что не были ли выкинуты как-нибудь строчки, не относящиеся к ссылке на Новикова, и что Новиков не был выкинут потому, что его там не было.

Я категорически утверждаю, что была выкинута как раз ссылка на Новикова, и прошу запросить Бореля. Я не считал нужным сам соприкасаться с иностранцами в этом отношении, но я очень прошу, чтобы он был запрошен.

Люстерник. Меня очень удивляет: если это работа совместная, тогда общие фамилии пишутся. Один раз, когда я делал доклад на съезде, работа вышла под моей фамилией. С этого и началось, что работа изображает общие результаты, а тут не было сказано, что это Новиков и Лузин. Это мне совершенно непонятно. В таких случаях фамилии их всегда пишутся в заглавии ноты.

Лузин. ... Это всецело принадлежит мне. Это — область, которая давным-давно, много лет тому назад мною преследуема. Потом имейте в виду, что эти две ноты это только начало серий этих пяти нот.

Моя вина заключается в том, что я в «Фундамента Математицэ» написал то же самое. Но не мог же я в «Фундамента Математицэ» говорить одно, а в «Comptes Rendus» другое. Ведь те лица, которые читают «Comptes Rendus», одновременно читают и «Фундамента Математицэ». Это раз. А во-вторых, я утверждаю, что цитата о Новикове была, и она выброшена самим Борелем.

Колмогоров. Мне кажется, что вопрос о Новикове разбивается на две части. Первая — та, где можно установить то положение вещей, что Н. Н. приписывает себе то, что ему не принадлежит. Ведь если было бы так, как утверждает Н. Н., то Н. Н. должен был бы прекратить всякие отношения с Борелем. Написали ли Вы письмо протеста Борелю?

Лузин. Нет, не написал. Но ведь я уже говорил, что это было опубликовано на Западе

Колмогоров. Эти несколько фактов чрезвычайно ярко характеризуют положение. Но я хочу поставить более существенный общий вопрос и получить на него общий же ответ: считает ли Н. Н., что такое положение, когда в его работах печатались работы Новикова, когда докторская диссертация Новикова до сих пор не напечатана, — является нормальным положением?

Лузин. Отвечу следующим образом. Андрей Николаевич, Вы ставите мне в вину, что диссертация Новикова не была опубликована. Содержание этой диссертации исчерпывающе полно было опубликовано мною с авторским именем в моей книжке.

Колмогоров. Я и спрашиваю: разве это нормально?

Лузин. Этой книжки ни у кого нет? Ее нужно иметь на следующем заседании. На стр. 46 от имени Новикова написано жирнейшим шрифтом «Изыскания Новикова». Затем я веду изложение по его результатам без того, чтобы его имя где-то болталось.

Колмогоров. Я и спрашиваю, что же это — нормально?

Лузин. А Вы уверены, что Новиков приготовил эту работу для диссертации? Я в этом не уверен. Сейчас у него очень тяжелое положение, как и у меня очень тяжелое положение.

Могут ли быть указаны случаи, чтобы я когда-нибудь запретил своим ученикам печатать их работы? Новикова работы полностью напечатаны. Возьмите «Фундамента Математицэ»[85]. Там полностью напечатан текст Новикова. Когда я вижу, что человек может выражаться кое-как на иностранном языке, я не прикасаюсь к его работам.

Вот еще что я хотел сказать: многие знают, что я говорил, что работа Новикова так хороша, что ее и следует напечатать в том журнале, куда я не попадал, в «Акта Математицэ».

Александров. Вместе с трудами академика [Пфейффера] киевского[86].

Лузин. Ну, это, конечно, дрянь.

Люстерник. Мне сказал А. Горбунов[87], что на семинаре решили, что Новиков о своих работах не будет говорить. Так это именно и сделано, и именно для сохранения прав Новикова. Это слова Горбунова.

Лузин. Я категорически отвергаю, что я выдвигал какие-либо трения на пути Новикова.

Люстерник. Не об этом речь, но друзья Новикова решили сделать это в целях того, чтобы авторство оставалось за ним.

Лузин. Я не могу Вас понять.

Соболев. Разрешите пояснить. А. Д. Горбунов сказал, что Новиков боится высказать один из своих результатов в Вашем присутствии, так как ему хочется напечатать работы под своим именем, а не под Вашим с ссылкой на его авторство.

Лузин. Это неправильное обвинение. Новиков все, что хотел печатать, печатал под своим именем[88]. К его результатам я не прикасался. Наоборот, я старался всячески выпятить его имя, у меня полкнижки было посвящено его результатам с надписью «Результаты Новикова». А то, что не упоминалось на иностранном языке, это от меня не зависело.

Александров. В одном из пунктов резолюции указывается на уничижительное отношение Н. Н. к советской науке. Я считаю, что тот характер дискуссии, который ведется у нас, является блестящим подтверждением этого пункта, потому что этот характер дискуссии ничем иным как уничижением всех здесь собравшихся, не может быть назван. Н. Н. систематически аргументирует или софизмами, всякому человеку очевидными, или приведением таких вещей как три строчки, вычеркнутые Борелем. Это свидетельствует о том, что Н. Н. не уважает собрание, потому что в противном случае он бы таких аргументов себе не позволил приводить, потому что собрание состоит из людей, которые прекрасно разбираются в этих вещах. И то, что Н. Н. с таким упорством эту заведомо несостоятельную аргументацию приводит, я квалифицирую как неуважение к собранию.

Лузин. Я категорически отрицаю это.

Александров. Таким же неуважением к собранию я считаю и другие моменты. Ему предъявляются вполне конкретные пункты обвинения. Н. Н. вместо того, чтобы реагировать на эти пункты, или просто утверждает, что он категорически отрицает, или начинает говорить о вещах, не имеющих отношения [к] выдвинутому упреку. Когда мною было предъявлено Н. Н. совершенно категорическое обвинение, когда я центр своего обвинения построил на том, что здесь на странице пятой в то время, когда вводятся впервые A-множества, дается цитата и ссылка не на Суслина, а на самого Николая Николаевича, то на этот центральный пункт обвинения ни одного слова Н. Н. не ответил, а вместо этого пустился в рассуждения о том, что в моей ноте принадлежит мне, а что принадлежит Н. Н., т.е. говорил по вопросу, который не относится к предмету сегодняшнего суждения, поскольку у меня никакого обвинения к нему не было, я не делаю обвинения в плагиате. Значит, весь вопрос о взаимоотношениях наших с Н. Н. никакого интереса здесь не представляет, а на те обвинения, которые сделаны Н. Н., никакого ответа он не дал. Я прошу председателя, — думаю, что от лица собрания, и если это не так, то прошу членов собрания, которые с этим не согласны, об этом заявить, — прошу председателя обратиться к Н. Н. с просьбою усвоить себе другой метод аргументации, который в большей мере соответствовал бы тому собранию и тому уважению к данному собранию.

Кржижановский. Я этот вопрос поставлю по существу.

Лузин. Ни малейшей тени неуважения к высокому собранию, в котором я имею честь выступать, у меня нет. Это я категорически отвергаю.

Павел Сергеевич, дайте мне, пожалуйста, желтенькую книжку[89].

Александров. Читайте вслух.

5-я страница, первые три строчки, где дается определение и относящееся сюда

Лузин (Берет книжку и читает по-французски.) В моей ноте получается точно такое же определение, а именно, что всякое множество A есть множество значений счетно-разрывных функций. В моей ноте в первых строчках говорится, что в предстоящей ноте я предполагаю указать некоторые следствия результатов Суслина.

Александров. А почему в этом месте Вы ссылаетесь на себя, а не на Суслина?

Лузин. Но ведь это определение принадлежит мне. Я не понимаю. Ведь это совершенно точное определение.

Александров. Если Вы этого не понимаете, то нам, по-видимому, не о чем говорить.

Понтрягин. После получения письма Бореля Вы что-нибудь написали ему?

Лузин. Я уже отвечал, что после того, как Борель напечатал это, я ему не писал.

Александров. А вторая нота?

Лузин. Ему были посланы эти ноты вместе. Он в письме отвечает и говорит об одной ноте и о другой ноте, потому что это было послано в одном конверте.

Понтрягин. Разве вы не попытались исправить эту ошибку, когда автор оказался выкинутым? Ведь надо было написать, чтобы ликвидировать это недоразумение.

Лузин. Я повторяю, что с этой стороны у меня промах есть, что я могу совершенно констатировать. И вот почему это получилось: потому что это было напечатано мною в другом органе, в «Фундамента Математицэ», и каждый способный читать по-французски, который способен понять содержание ноты, увидел бы полностью, что кому принадлежит. Если бы на Западе это было не опубликовано, это было бы другое дело. Тогда было бы вполне понятно обвинение меня в том, что я печатаю на русском языке одно, а на Западе — другое. Как же я могу отречься от того, в чем я сам расписался?

Кржижановский. Этот пункт настолько ясен, что давайте дебаты по нему прекратим.

Александров. Я прошу иметь суждение по тому пункту, который я предложил.

Лузин. Еще последний вопрос. Я очень хотел бы вызвать сюда профессора Голубева, который был в Саратове и который знает многое.

Кржижановский. У нас одним из существенных пунктов дела являются рекомендации, которые сделал тов. Лузин. Он по этому поводу просил фактический материал, и я сейчас оглашу этот фактический материал. Это есть заявление заместителя председателя Аттестационной комиссии тов. Волынского. Вот что здесь содержится. (Читает.)

«В октябре 1923-го года академику Лузину была послана на отзыв работа кандидата на профессора Успенского...[90]»

Мне кажется, что этот вопрос достаточно выяснен.

Люстерник. Я хочу сделать несколько добавлений к вопросу о Шадхане. Шадхан с отзывом Н. Н. пошел к Тумаркину. Тумаркин попросил меня переговорить с ним, и я убедился, что он не знает даже, что такое производная, не имеет представления ни о чем и даже задач по элементарной математике, задач на логарифмические уравнения он не может решать, а вы его рекомендуете в Академию.

На счет возраста — так ему сейчас 22 года, это не ребенок, ну 21 год, во всяком случае, он не ребенок. Он дифференцировать не умеет.

Лузин. Но он читает в Педагогическом ВУЗ'е лекции по математике и за чтение этих лекций получает премии и благодарности.

Люстерник. Возмутительно, что он читает. Надо было протестовать. Это наша задача.

Лузин. Кадров нет.

Люстерник. Кадров нет, это другой вопрос. Но на этом основании рекомендовать — это возмутительно.

Лузин. Ведь я его не рекомендовал ни на степень доктора, ни на степень кандидата...

Смех и голоса. Еще бы этого не доставало!

Лузин. ...ни на степень аспиранта при Академии наук. Я написал письмо, в котором просил посмотреть и указал относительно того, что ему переходить, конечно, в Академию наук в качестве аспиранта невозможно, но я просил, чтобы Отдел кадров посмотрел, нельзя ли что-нибудь сделать для такой бесконечной жажды знаний, которая у него была.

Александров. Скажите, каким образом Шадхан мог быть свидетелем погромов, когда ему всего 20 лет?

Люстерник. Теперь относительно Харламовой. Ведь она была самой слабой аспиранткой в Университете. Весь коллектив старался от нее избавиться. Она на всех зачетах получала «неудовлетворительно». Дальше я не знаю, как она стала работать, но я знаю, что никак не удавалось от нее избавиться, благодаря вашей поддержке, и это имело деморализующее влияние на весь коллектив аспирантов, которые видели, что самые слабые люди остаются и поддерживаются. Вы давали отзыв, что она талантливая аспирантка. Это может сказать Хвостов, который чуть ли не имел выговора по партийной линии за то, что будто бы он преследует талантливую аспирантку.

Хинчин. Скажите, пожалуйста, Н. Н., видели ли вы когда-нибудь в своей жизни Харламову?

Лузин. Харламову? (Молчание.) Ничего не могу сказать!

Хинчин. А мне передавали, что вы никогда ее не видели. А отзыв дали. Это был не отзыв, а письмо, адресованное в Наркомпрос. Я присутствовал на заседании, посвященном как раз разбору дела Харламовой. В разгар этого заседания поступило ваше письмо, которое и было зачитано.

Лузин. Какое это письмо?

Хинчин. Я не ручаюсь текстуально, но смысл я передам точно.

Лузин. Нет, важно иметь самое письмо.

Хинчин. Письмо такого содержания, что при разборе дела Харламовой вы просите присоединить ваш голос к числу тех, кто будет стоять за ее оставление в числе аспирантов Института, т.к. вы ее считаете энтузиастом математических наук, преданной своему делу.

Лузин. Это не соответствует действительности? Она не предана?

Люстерник. Нет, она малограмотна.

Лузин. Ну, значит, меня просто обманули.

Хинчин. По вопросу о преданности я не могу сказать ничего, но мне передавали, что вы ее никогда не знали. А это письмо причинило нам чрезвычайно много хлопот, отняло огромное, несметное число часов работы.

Лузин. Я признаю, что мои неудачные отзывы причинили много загруднений.

С места. А почему вы их давали?

Колмогоров. Я являюсь... (не слышно начала фразы) ...Института. Я не могу представить никаких официальных отзывов Н. Н., т.к. они направлялись отнюдь не к нам в Институт, а в Наркомпрос, и не знаю, отправлял ли Н. Н. соответствующие отзывы в ЦК партии...

Лузин. Я — в ЦК партии?

Колмогоров. ...т.к. ЦК партии этим вопросом интересовался.

Лузин. Простите, Андрей Николаевич, в ЦК партии никогда не отправлял отзывов.

Колмогоров. Нам говорили, что отзывы ваши противоречат нашим, и, пожалуй, это был единственный случай, когда авторитет Н. Н. мог принести чрезвычайно существенный вред. Было такое время, когда мы проводили аспирантуру с большим трудом, и его авторитет мог принести существенный вред.

Лузин. Почему меня не предупредили об этом, относительно того, что эти вещи начинают тормозить, и тогда это было бы кончено.

Колмогоров. Отзыв был основан на том, что пришел в аппарат супруг или брат Харламовой и просил за нее.

Лузин. ... которого я немедленно выставил.

Колмогоров. Но просили за нее.

Лузин. Относительно Эйгеса я очень хотел бы, чтобы был найден отзыв В. Ф. Кагана, так как он был специалистом-геометром, и я должен был с ним считаться.

Александров. Я знаю. что В. Ф. Каган очень ценил [В.] Романов[ича], но Вы-то никогда его не ценили.

Лузин. Я признавал, что он слаб, что он не может идти в сравнение с людьми крупными.

Александров. Вы никогда не считали его математиком, и тут были даже шутливые высказывания. Но ни отзыв о Безсонове, но ни отзыв о[б] Эйгесе я не считаю большими вашими прегрешениями, потому что Безсонова я считаю довольно хорошим математиком, и я не взялся бы говорить ни за, ни против, так что я считаю, что я никогда не позволю себе в данном случае упрекать вас в сознательном вредоносном действии, а в случае с Харламовой это было действительно возмутительно.

Кржижановский. Мне кажется, что ввиду того, что сегодня возникла большая дискуссия, именно всплыло очень много соображений, я думаю, что мы вернемся ко всему этому документу в целом и придется назначить еще одно заседание Комиссии, тем более что есть прямое указание, что будут принесены документы, которые надо просмотреть. Поэтому я попросил бы товарищей еще раз собраться. Не согласятся ли товарищи 13-го числа в 11 час[ов] утра собраться, причем, на этот раз Н. Н. знает, о чем идет речь, и знает, какие документы надо брать с собой.

Теперь не находите ли вы необходимым пригласить Новикова, Лаврентьева и Ляпунова?

Лузин. Я попросил бы пригласить Голубева.

Кржижановский. Значит, пригласим Новикова, Лаврентьева, Ляпунова и Голубева.

Мы прошли сегодня все восемь пунктов, вы слыхали все возражения, которые были сделаны Н. Н. Мы, со своей стороны, знаем тоже предмет суждения. Мне кажется, что мы прошли большую часть совершенно основательно. Поэтому я считаю, что по пункту [шесть] Н. Н. не может отказываться, что он нанес вред.

Лузин. Но не сознательное вредительство.

Кржижановский. Во всяком случае, что-то такое, граничащее с вредительством.

Затем, мне кажется, что надо обеспечить присутствие Бернштейна, который внесет окончательную ясность в вопрос о работах, печатаемых за границей и у нас. Пункт восьмой мы разберем в присутствии Бернштейна.

Остальные же пункты, как показывает масштаб времени сегодняшнего совещания, мы добросовестно просмотрели. Я получаю от товарищей упреки, что я не слишком давлю на собрание. Но я считаю, что нужно разобраться всесторонне, чтобы не было у Н. Н. впечатления, что здесь проявлена воля председателя. У нас точно отчеркнуты все пункты, по которым Вы возражаете.

Но я бы хотел подчеркнуть, что Павел Сергеевич прав, говоря, что Вы не отдаете себе отчета в сути некоторых вопросов, отодвигаете их куда-то в сторону и не даете прямого и ясного ответа. Может быть, Вы обдумываете.

Лузин. Конечно, я не отвожу вопроса, я просто обдумываю.

Кржижановский. Мы много времени тратим на пустяки в то время, когда суть ясна. Вы сами должны нам помочь. Ведь для Вас было бы хорошо — ясно представить себе картину разрыва с широкой средой. Посмотрите, здесь Ваши ученики сидят и, насколько мне удалось подметить, настроение совершенно единодушное.

Александров. Это настроение не имеет никакой личной вражды к Вам, Н. Н.

Лузин. Я это вполне понимаю.

Александров. Но характер Ваших ответов производит такое впечатление, что как будто бы Вы присутствуете на разборе какого-нибудь гражданского дела. Вы перебиваете: какие места, какая страница и т.д. Все это создает отрицательное впечатление

Кржижановский. Нам нет никакого интереса посылать запрос Борелю. Допустим, что эти 3 строчки были вычеркнуты его рукой. Не в этом дело. А дело в том, как Вы реагировали на такое щекотливое дело.

Лузин. Реагировал так, что просто-напросто задержал печатание.

Кржижановский. Но это уже предоставлено нашей вере.

Лузин. Это, конечно, Ваше дело, верить или нет.

Александров. Откровенно говорю, что я не верю этому. Спросите хотя бы одного из присутствующих математиков — верят они Вам в этом или нет.

Лузин. Если не верят, то, как же доказать?

Александров. Не нужно стараться это доказывать. Гораздо лучшее впечатление Вы бы произвели на собрание, если бы сказали, что да, у Вас произошел какой-то моральный провал, и вы просите отнестись к Вам с большим снисхождением, имея в виду Ваши большие заслуги. Это было гораздо достойнее Вас и достойнее Ваших заслуг, больших заслуг, не только научных. Это сразу бы разрушило стену, Вами воздвигаемую, это заставило бы нас отнестись к Вам как к человеку, пережившему очень тяжелый момент в Вашей жизни, и заставило нас помочь Вам выйти из этого положения. А то, что Вы говорите, возбуждает еще большее отчуждение от Вас.

Должен сказать, что на первом заседании, до Вашего появления, мы с гораздо меньшей страстью об этом говорили. Ваше появление изменило все настроение, произведя впечатление абсолютной неискренности.

Ферсман. Совершенно верно.

Александров. Вы причиняете сами себе вред тем, что ведете мелочную политику защиты.

Стенограмма заседания от 11 июля 1936 г.

Люстерник. Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу отзывов. Для нас, Ваших учеников, были травмой Ваши отзывы. Сколько раз мы через близких Вам людей, например, через Н[ину Карловну Бари]... говорили: заставьте это прекратить.

Лузин. Я об этом не слышал.

Люстерник. Ну, как же, Н. Н., она Вам много раз это говорила и сообщала она от нашего имени.

Лузин. Ничего подобного.

Люстерник. Это человек, который Вам очень предан, и я не буду об этом говорить.

До этой последней статьи в «Правде», точнее накануне, разбирался вопрос об общественной работе нашего Института, и тогда поставили вопрос о Ваших отзывах. Мы приняли решение — под коллективными документами не допускать Вашей подписи

Лузин. Мне об этом никто не говорил.

Люстерник. К сожалению, мы сделали это слишком поздно.

Лузин. Спасибо большое, я величайше благодарен.

Люстерник. Мы решили написать всем работникам Института, чтобы не делать это в виде деликатности по отношению к Вам, что всякий человек, дающий недобросовестный, невнимательный...

Лузин. Невнимательный?

Люстерник. Я уже не помню, недобросовестный или невнимательный отзыв. Человек, дающий такой отзыв, этим ставит себя вне коллектива. Ведь вопрос об Эйгесе и т.д. — это самый маленький вопрос. Это возмутило всех тех людей, которые к Вам хорошо относились. Ваша защита, такая мелочная, возмущала Ваших учеников и, наконец, это выразилось в явном выражении общественного недоверия, правда, за день до появления статьи в «Правде».

Колмогоров. Мне хотелось бы указать еще на одно дело с отзывами. Это приносило огромный вред работе наших учреждений, ведающих наукой. Н. Н. ссылается в этом вопросе на свое человеколюбие. Но понимает ли он, что этими самыми отзывами он погубил людей на всю жизнь, именно не шарлатанов, а увлеченных. Например, Шадхан. Шадхану стоило поступить в Университет и учиться, а сейчас он погубленный человек. Иванов тоже с ясной головой человек. Если бы он не попал к Николаю Николаевичу, то он бы принес много пользы, но, попав к Николаю Николаевичу, он стал совершенно безнадежно погубленным человеком.

Кржижановский. Мы вернемся к этим вопросам.

Я хочу предупредить Н. Н., чтобы он обдумал свою аргументацию о печатании своих трудов за границей под влиянием Кольмана.

Люстерник. А в отношении аргументации по поводу письма за границу? Ведь люди, которые колебались с подписью, откровенно сказали, что у них были политические колебания, они в этом честно сознались.

Кржижановский. Все суждения Комиссии в значительной степени будут зависеть от того тона, который Вы примете. Сегодняшнее заседание должно быть направляющим. Давайте сделаем так, чтобы оно было проще, яснее и короче.

Итак, следующее заседание тринадцатого в 1 час дня.

СТЕНОГРАММА

заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

13 июля 1936 г.

Председательствует академик Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

Кржижановский. Николай Николаевич, мы сделаем сейчас совещание сначала без Вас, а потом попросим Вас придти.

Лузин. Глеб Максимилианович, у меня внеочередное заявление. В прошлый раз Вы совершенно правильно сказали, что мои возражения носят совершенно частный характер, что по этим частным случаям может быть то или другое мнение и т.д., но, что в общем все-таки то, что я говорил, не опровергает того, что выдвинуто против меня. Поэтому я хотел бы сделать заявление, длинное заявление, которое придало бы нашему заседанию совершенно другой характер — раз, и, во-вторых, которое все споры, касающиеся как науки, так и вообще здесь изложенного, сделало бы излишним дальнейшие разговоры. Ввиду того, что ситуация для меня лично, над которой я очень много думал за эти последние два дня, переигрывая на тысячу ладов, ясна, и я нахожу возможным сделать такое заявление, которое сделает все споры дальнейшие — излишними. Можно?

Кржижановский. Пожалуйста.

Лузин. Я думаю, дорогие товарищи и коллеги, что упор на те или другие частности и отведение от вопроса посредством тех или других цитат — ведь не в этом дело. Дело в общем. И вот по поводу общего я и хотел бы сказать.

Мне брошено в лицо прямо, со всей прямотой много тяжелых и очень тяжелых обвинений, и вот по поводу этого я хочу сказать. Я начну с обвинений, которые касаются того что называется плагиатом, в кавычках плагиатом или без кавычек. Этот плагиат источником своим имеет глубокое тесное соприкосновение учителя с учеником. Дело в том, что когда талантливый и сильный ученик приходит к решительному моменту своей деятельности, приходит к созданию своей первой творческой работы, или второй творческой работы, потому что его силы проверены так или иначе, прикосновение к учителю имеет тесный характер, потому что учитель, ставя те или другие проблемы, подсказывает их решение. С другой стороны, очень многое передается и учителю. В этом отношении нужно совершенно четко поставить точку зрения. Я должен сказать, что до тех пор, пока это творческое прикосновение происходит в условиях абсолютного безмятежного доверия, тут, конечно, между учителем и учеником не может быть никаких сомнений. Дело совершенно ясное и все протекает в порядке. Но с того момента, когда ученик чувствует себя задетым, тут, конечно, учитель должен быть чрезвычайно осторожным. Я должен сказать, что вот эти моменты мною были иногда пропущены, и об этом я совершенно ясно и четко должен сказать, просматривая свою деятельность уже не в частности, а вообще, соприкосновение — и не только с одним инкриминируемым мне учеником, Но-

виковым или Суслиным, а я должен сказать об этом более определенно. Очень жалко, что здесь в нашей среде мы не видим Петра Сергеевича Новикова, потому что как раз по поводу него идут наиболее яркие споры.

Кржижановский. Новиков в отпуске... по телефону не отвечает.

Лузин. Ну, все равно. Алексей Андреевич [Ляпунов], связанный тесной дружбой с Петром Сергеевичем, может в этом отношении помочь Петру Сергеевичу. Правда?

Так вот, раз Петр Сергеевич себя чувствует задетым, — а это, по-видимому, сказывается в факте письма, подписанного им, содержание которого мне совершенно неизвестно, потому что Глеб Максимилианович [Кржижановский] мне не сообщил его, и я не просил о его сообщении, — и вот те пункты, в отношении которых П[авел] С[ергеевич] [Александров], возможно, считает или чувствует себя задетым, я должен указать со всей прямотой и со всей определенностью, ибо мне хотелось бы вернуть к себе уважение Коллегии и наших товарищей, и хотелось бы вернуть полностью, потому что до сих пор меня товарищи уважали, и я хотел бы вернуть это уважение. Ведь среди людей нет абсолютных злодеев. Ведь и на солнце есть пятна, а какое же я солнце? В этом отношении и у меня могут быть грехи, грехи не в старом смысле, а в смысле научном. В этом отношении я хочу с точностью сказать, в чем, в каких пунктах Новиков может чувствовать себя задетым.

Во-первых, относительно отражений — придется два-три слова технических сказать. Нужно сказать, что анализ отражения хотя и употреблялся в науке и раньше, но мы с Новиковым много говорили по этому поводу и, в конце концов, я настолько с ним соприкасался и настолько эта идея у нас обоих муссировалась, что, возможно, что здесь какое-нибудь перенесение случилось, именно в том смысле, что, будучи инициатором в этом деле, он заставил меня смотреть своими глазами и тут произошло какое-нибудь перенесение. Это пункт первый. И не только возможно, что было перенесение, но и, наверное, произошло перенесение. Дело в том, что общение между учеником и учителем — глубокое и наиболее интимное — и тут очень трудно производить разграничение, как в шарах, которые бросаются в лаун-теннисе. Если же вы сами начали бы разграничивать, что это мое, а это твое, то творческое соприкосновение с учеником действительно чрезвычайно трудно позволяет это делать. В этом отношении я совершенно ясно и твердо говорю: может быть, и даже, наверное, произошло перенесение, и в этом смысле я должен представить в печати соответствующее заявление в форме, о которой я скажу позже.

Следующий пункт — это релятивный континуум. Здесь опять-таки я должен сказать, что релятивный континуум я давно имел в виду, Петр Сергеевич то же самое. О нем мы беседовали много, прежде чем удалился он в свой Горький. Затем он вернулся. И вообще подробно этой истории я не касаюсь. Возможно, что и в этом пункте он чувствует себя задетым, и в этом смысле я должен известия поместить в печати.

Затем, относительно униформизации было следующее. Дело в том, что у меня очень ярко сказано. Я не собираюсь в этом смысле отмежевываться. Я должен признать свою неосторожность и хотел бы, чтобы меня выслушали. Именно тут сказано: «Нельзя ли униформизировать всякий плоский анализ... указать индивидуальную точку»[1].

Вот с точки зрения одной формы. Но я говорю сейчас по существу. Очень большое несчастье случилось с письмом относительно Бореля. Я много раз думал затребовать от Бореля данные телеграфом, но меня остановило то, что Борель ведь не советский ученый, а иностранец. А вмешивать в отношения между русскими математиками иностран-

ца — в высшей степени неприятная вещь. Люди они нам чужие, и мы не можем вмешивать сюда посторонних людей, которые могут извлечь из этого что-нибудь другое. Неудобно было бы запрашивать телеграфом какому-нибудь частному лицу. Но если запросило бы, то или другое учреждение, — будет ли то Математический институт или та или иная Комиссия, — я очень просил бы это сделать. Может быть, подлинники и не хранятся у Гогье и Виллар[2], но Борель жив, и я очень прошу, если возможно, это сделать без того, чтобы вмешивать иностранцев в наше дело. Если бы можно было запросить, я просил бы об этом ввиду того, что ответ будет абсолютно утвердительный, потому что дело касается истины. Но если он забыл, то тогда это упадет на меня. Но я этого не боюсь, и поэтому прошу это сделать.

Я должен сознаться, что в этом отношении мною была сделана величайшая неосторожность. После того как Борель выкинул цитату о Новикове, мне следовало бы написать в «Comptes Rendus», но я этого не сделал, потому что отнесся спустя рукава, потому что думал, что у меня было сделано соответствующее заявление на французском языке в «Фундамента Математицэ»: «...» (французская цитата[3]).

Но это не уничтожает моей вины. Конечно, я должен был тотчас же либо порвать отношения с Борелем, — правда, я Борелю с тех пор не писал и не посылал своих нот, — но это не уничтожает моей вины.

Относительно Новикова было бы целесообразно мне, как члену Коллегии, который вызывал до сих пор общее уважение, сделать заявление.

Именно те пункты, в которых П. С. Новиков чувствует себя задетым, чтобы эти пункты были освещены в печати, в научной печати, для меня лично безразлично на каком языке — на русском или французском. Для меня это совершенно безразлично. Это заявление — мое личное, потому что оно будет подписано мною. Это заявление должно удовлетворить тем пунктам, в которых себя чувствует задетым П. С. Новиков. В этом отношении я прошу мне оказать эту возможность — сделать это, потому что только при этом случае я могу вернуть себе уважение Коллегии, которым до сих пор я гордился, несмотря на то, что у нас была разность мнений, несмотря на то, что у нас были споры относительно того, кого послать в [Осло][4], — все это мелочи. Каждый из нас, в частности, я, чувствовал себя членом Коллегии, и в этом отношении моральное доверие Коллегии и моральное доверие всех товарищей является для меня очень ценным, является для меня такой ценностью, без которой я жить не могу. Так что в этом отношении я должен сделать все, чтобы Коллегия, чтобы математические товарищи чувствовали себя удовлетворенными и, конечно, прежде всего П. С. Новиков.

Я представляю себе, что эта вещь будет опубликована на русском или французском языке, или на обоих языках (я лично предпочитаю на обоих языках), стало быть в тех или других записках Академии наук, будет ли это опубликовано Математическим институтом или кем-нибудь другим, все равно будут тщательно выделены те пункты, в которых П. С. Новиков чувствует себя задетым. Я думаю, что таких пунктов три-четыре, не больше. Я это подпишу. И даже больше того, напишу вместе с тем или другим членом математической Коллегии. Следовательно, Петр Сергеевич будет удовлетворен полностью.

Я перехожу к другому. Алексей Андреевич, Вы лично не чувствуете себя задетым?

[Ляпунов]. Нет.

Лузин. Скажите, не оказывал ли я на Вас давление, не считаете ли Вы, что я перенес в свою работу Вашу идею, не было ли этого?

[Ляпунов]. Нет, нет.

Лузин. Хорошо.

Перехожу к лицу, которое не упоминалось, это к М. А. Лаврентьеву. Михаил Алексеевич, мы с Вами очень много работали и во многих областях, не только в области переменного [комплексного], но и в области [классической[5]] математики Вы могли чувствовать себя задетым в двух пунктах: в отношении класса $[\alpha]$ и может быть в пункте «неповышение классов». Хотя нужно сказать, что одна часть теоремы мною или была доказана, или это померещилось мне, — не помню, но во всяком случае так: в моей книжке из серии Бореля полностью отнесено к Вам то, что касается подклассов[6]. Что касается этих двух пунктов, то они обойдены ввиду того, что я лично много настаивал на классе $[K_\alpha]$, и здесь возможно случился какой-то перенос. Я стараюсь здесь осветить все с полной искренностью. Стало быть, эти два пункта, в которых Вы могли себя чувствовать задетым, я одновременно в этой статье, касающейся работ Новикова, могу сказать и о Вас, не только могу, но должен сказать. Так что Вы мне, может, придете на помощь в том смысле, что укажете эти пункты.

В других пунктах я себя не чувствую прикосновенным, потому что все, что Вы писали, Вам лично исключительно и принадлежит и об этом в печати никаких заявлений не было, да и словесно никто мне об этом не говорил. Во всяком случае, я решительно отказываюсь от того, что я домогался писать под двумя именами какие-нибудь Ваши работы, так как очень хотел, чтобы то, что Вам принадлежит, выходило под Вашим именем. Но в этой технической части мог произойти тот или другой перенос, и в этом отношении я должен принести извинение перед Вами. Я готов это заявление сделать в печати.

Павел Сергеевич [Александров], относительно вас как моего первого и наиболее блестящего ученика, в данном случае авторитетного представителя топологической школы, которой можно было добиться только в нашей стране.

Дело касается очень тонких и сложных взаимоотношений по поводу A-множеств. Вы были бы гораздо более правы, если бы [переименовали] множества Суслина на множества A, потому что в Вашей работе[7] имеется таблица, которая представляет из себя не что иное, как источник A-множеств. Правда, Вами не была доказана теорема, при которой A-множества выпирают из класса B-множеств, но нужно сказать, что эта таблица является источником. Нужно сказать также, что в этой таблице скрестились интересы многих, и она появилась в ноте потому такой жонглировкой идей, потому что над ней поработало несколько человек. Но, Павел Сергеевич, я никогда не высказывался в печати, что мне эта таблица принадлежит. Если Вы себя чувствуете в этом пункте задетым, а Вы, несомненно чувствуете эту задетость, так как она имеется и она привела к целому ряду тяжелых переживаний внутри математической школы, то я готов сделать соответствующее заявление, но только в такой форме и так — это дело трудное и деликатное, потому что эта таблица, во-первых, выплыла не только в готовом состоянии и мною переписана (без Суслина это было, здесь Суслин не сыграл роли), но два или три человека об этом говорили, думали и т.д. Так что, Павел Сергеевич, я готов, чтобы уничтожить то тяжелое, что было, я готов полностью осветить то, что соответствует истине.

Относительно Суслина. Я должен сказать следующее. Многие разногласия, которые были у нас в крайне острых моментах, так же как и его [озорство[8]] и резкие выступления его против Коллегии Иваново-Вознесенского политехнического института, были для меня крайне болезненны, но самой болезненной была катастрофа. Если бы я только

предвидел, чем это кончится для меня, то, поверьте, что я готов был бы какие угодно вынести оскорбления и не только те, которые мне пришлось от него вынести, я готов был бы сделать все, что угодно, чтобы избавиться от того ужаса, который тяготеет над моей жизнью. В этом прямым образом я не виноват, но я искренне считал, что такой крупнейший человек, — а он у нас играет такую роль, как самый крупнейший из здесь присутствующих товарищей, — не должен был ограничиваться одними хозяйственными делами, а должен был забрать всю полноту знаний, — этим он манкировал. Но наступил роковой исход, — это очень тяжелое обстоятельство для меня, которое лежит на мне всю жизнь. Если бы этого рокового исхода не было, то, поверьте, что это было бы ему только на пользу. Мне известно, что он уже пошел по тому пути, который я ему указывал, т.е. на пополнение знаний. Я не говорю о бумажке, потому что случай с Александром Яковлевичем [Хинчиным], который сдал половину или больше половины экзаменов... Помните, Александр Яковлевич, Вы меня спрашивали, нужно ли досдавать остальное? Но так как я знал, что у вас полностью в порядке сдавать остальные, полностью в порядке приготовление и в области геометрии, и, может быть, в области механики (хотя она всегда стояла на отлете), то в этом отношении я и сказал, что вам это не нужно. Вот мое отношение.

Относительно Суслина. Я охотно признаю, что кричать на всех перекрестках, что это Суслин, Суслин, когда это и без того было известно, я считал ненужным. Думаю, что и большинство цитат моих в полном порядке. Я просмотрел мою книжку, где более или менее окончательно все это сложилось, эта книга — в серии Бореля. Там самая важная теорема относительно [существования A-множества, не являющегося B-множеством] отнесена Суслину, правда, она сделана не в жирном шрифте. Один раз я Суслина не цитировал — в области проекций, но это по промаху. Обратная теорема носит имя Суслина, а прямая теорема ускользнула. Вот, что я могу сказать относительно Суслина.

То же самое относительно [Новикова]. Ввиду желания моего вернуть то уважение Коллегии, которым я до сих пор пользовался и без которого я как математик существовать не могу, я готов, во-первых, полностью заявить это в печати. Самое заявление в печати полностью в какой форме должно быть сделано? Здесь имеются две следующие тонкости. Во-первых, нужно, чтобы лица, задетые мной — как живые, так и покойные, — чтобы они почувствовали удовлетворение или чтобы за них товарищи в полной мере чувствовали это удовлетворение. Во-вторых, нужно это сделать в такой форме — я не говорю лично про себя, потому что я готов понести всю ответственность и вину за это дело, — чтобы это было сделано в такой форме, чтобы не повредило достоинству математики, одно из первых мест, в которой я занимал, именно советской математики. Как индивидуальная личность я готов понести всяческие нарекания, но в этом отношении я прошу, чтобы не было сделано неосторожного шага, чтобы наши личные и мои личные недостатки не пали бы на общее дело.

По поводу так называемого плагиата я все сказал. Повторю опять, что перед теми товарищами, которые чувствуют себя задетыми, я приношу глубокое извинение. С полной ясностью я отдаю себе отчет в тех пунктах, в которых они могут быть задеты и могу это совершенно объективно со всей точностью изложить. Эта статья, в которой я просил бы принять участие и моих коллег, она будет опубликована безразлично на каком языке от моего имени.

Перехожу ко второму пункту относительно отзывов. Тут было много об этом сказано. Во многом я признаю себя виноватым, кроме только одного пункта — сознательно-

го вредительства. Это я категорически отрицаю. В мыслях у меня никогда этого не было. Я — человек мягкий, может быть, со слабым характером, — трудно себя судить, — может быть, человек легкомысленный, так оно и есть, но, во всяком случае, мной по неряшливости, по легкомыслию, затем просто, чтобы отвязаться от человека, который назойливо пристает, — в этом отношении мной были сделаны ошибки. Как это можно поправить? Во-первых, я глубоко убежден, что мне не суждено оставаться в вашей Коллегии[9], так что в этом отношении поправка уже не нужна. Но если бы мне было суждено так или иначе остаться, хотя на окраине вашей Коллегии, то в этом отношении я мог бы воздержаться от каких-либо отзывов, кроме только тех случаев, когда я мог бы с кем-либо из ваших коллег посоветоваться насчет того или другого рекомендуемого лица.

Относительно Шадхана. Это мелочь. Я просто передам заявление этого мальчика, у которого: «вся моя жизнь протекала в такой обстановке, как... (зачитывает часть письма) .. всю жизнь учился, приспособляясь к любой обстановке»[10]. Это письмо я бы хотел передать. Это письмо, нужно сказать, является четвертым письмом, которое мне написали. Нужно сказать, что в этом письме меня многое просто как человека тронуло. Особенно в самом конце, где он пишет о тяжелых обстоятельствах. От этого письма он не может отречься по той простой причине, что оно им написано. У меня имеется еще три аналогичных письма. Он добивался только того, чтобы учиться и — Б[енцион] И[зраилевич] [Сегал], если моя память мне не изменяет, особенно в такой тяжелый момент, то я как будто бы написал вам письмо, в котором не рекомендовал его в аспирантуру, как будто бы подчеркивал, что аспирантом в Академии он не может быть, но чтобы дать ему возможность прикоснуться к Академии, чтобы кадры его просмотрели, чтобы дали ему возможность влить в него то учение, которого он добивается? Как будто бы я не написал, что рекомендую его в качестве аспиранта, да и вы этого никогда не говорили. Я только хотел, чтобы авторитетные кадры его просмотрели как лицо, которое куда-нибудь можно было бы направить. Но, во всяком случае, в аспиранты я его не рекомендовал, и у меня была даже такая фраза, что он для аспирантуры не пригоден. Эта фраза, конечно, у меня была. Но это частность. Пройдем мимо.

Относительно Романова[11]. Я очень рад могущественной поддержке, которую мне оказал Павел Сергеевич, что это лицо — не идиот, что он талантливый человек, но своей рекомендацией я мог бы ему повредить. В этом отношении я приношу Павлу Сергеевичу глубочайшую благодарность, потому что я думал, что я мог в отношении его ошибиться.

Относительно Безсонова вы также меня поддержали.

Относительно Эйгеса меня также поддержали тем, что специалист по геометрии [В. Ф. Каган] в нем когда-то принимал участие. Но здесь, возможно, моя мягкость в этом отношении перегнула палку. Но я считал, что он, как преподаватель, может делать хорошие вещи.

Глеб Максимилианович! Ничего, что я говорю так долго?

Кржижановский. Пожалуйста.

Лузин. Относительно отзывов я говорю, что здесь сознательного вредительства и тени не было. Сажать человека, инвалида в научном отношении, с тем, чтобы он дальше плодил идиотов или не обращал внимания на таланты, это было бы противоречием всей той напряженной, тяжелой и мучительной деятельности в отношении учебников, которые я писал. Мои учебники — я хотел бы так думать — написаны безукоризненно в тех частях, которые мне принадлежат. В моем учебнике Г[ренвиль] и Лузин, многое сделал Та-

расов[12], но товарищи прекрасно знают мой стиль, и эти вещи сделаны безукоризненно. Над ними я работал, работал долго. Каким же образом я мог в этом отношении иметь идсю допускать халтуру и вредить? В отзывах я грешен, я виноват в этом отношении — должен сказать это со всей точностью, но виноват косвенным образом — тем, что причиняя объективный вред, я, тем не менее, никогда не думал причинить сознательно вред этим отзывом. Это так же дико, как пожелать, чтобы я стал негром или кем-либо другим по цвету лица.

В отношении отзывов я уже сказал, что готов в печати высказаться со всей определенностью. Затем отзывы, которые я давал, все-таки были основаны на некоторых проблесках положительных черт. Когда передо мной была работа совершенно вредная и идиотическая, я думаю, что такого человека рекомендовать на какой-нибудь пост я не мог. Таких случаев не было.

Люстерник. А Харламов[а][13]?

Лузин. Я ее не рекомендовал на какой-нибудь пост; это не степень и не звание.

Александров. Относительно Харламов[ой] будьте откровенны: на вас супруг навел страх, вы подумали, что он видный коммунист, кажется, он носил один ромб[14].

Лузин. Супруг действительно ко мне приходил, но начал с того, что рухнул на колени и стал просить. Зрелище взрослого мужчины, плачущего и стоящего на коленях, меня крайне удивило и внушило очень сильное подозрение, но когда я понял, что речь идет относительно учения, то, конечно, поступил крайне неосторожно и должен повиниться в этом отношении. В данном случае этого работника я не оценивал, но зрелище человека, стоящего на коленях и плачущего, меня крайне удивило, потому что в моей жизни это было первый раз.

Хинчин. Есть одна необъяснимая вещь в отношении отзыва, это дело Ласаева. Он пришел ко мне, как к директору Института с вашим отзывом, в котором вы писали, что в его работе, несомненно, заложены идеи, на которых в дальнейшем будет перестроена вся математика и вся физика, между тем, это был явный бред сумасшедшего.

Лузин. Ласаева[15] я не рекомендовал ни на какой пост. Это человек больной. Но нужно сказать, что он производил страшное впечатление не в смысле ужаса, а в смысле того, что его притесняют. О нем хлопотали очень многие товарищи, не из нашей Коллегии, а кончающие высшую школу и знающие его лично. Этот человек, если говорить со всей точностью, несомненно, больной, но если дать ему возможность поправиться, то кто его знает, что может получиться. С моей стороны, конечно, было совершенно невозможной вещью то, что я сказал, «что это пройдет через его мозг», но в том отношении, что в прикосновении к эмпиризму в математике лежит свет — это я всегда признавал. В этом отношении моя вина заключается в том, что, желая спасти человека, я свои чаяния и веру в науку связывал с его именем. Вина заключается не в том, что я хотел вредить нашей стране, а в том, что хотел помочь больному человеку выдвинуться. Он человек больной, но, по-видимому, изобретатель, самородок, а от этих самородков трудно сказать, что можно ожидать.

Александров. Он, кажется, доказывал абсолютно нелепые вещи, что минус единица равна...

Лузин. Это другой. Я сейчас объясню, в чем дело Этот человек затеял алгебру на основании других основ. Мы знаем, что существует книжка: «Универсальная азбука разных законов»[16]. Я усиленно рекомендовал читать ее; человек он старый, пожилой, и в

этом отношении сознательного вреда с моей стороны не было. Единственная конкретная просьба, которая была о нем, это в КСУ[17], чтобы ему дали два месяца отдыха. Относительно отзыва я прямо сказал, как обстоит дело, и здесь в данном случае большую играет роль мой характер. В чем виноват, в том виноват, но я не виноват в сознательном вреде, который хотел бы нанести своей стране.

Люстерник. Если по мягкости характера вы не можете отказать человеку, то я понимаю, что если к вам приходит нуждающийся больной человек, вы можете дать ему 1000 рублей своих средств, но не за счет государства. Вот это будет добрый поступок за свой счет. Вводить в заблуждение КСУ — это не есть добрый поступок.

Александров. Когда я приехал в Ленинград, то буквально каждый магематик рассказывал о том, что человек напечатал полнейший вздор, но явился с письмом от вас в Дом ученых и требовал постановки доклада.

Лузин. Он приходил ко мне три раза, буквально осаждал.

Александров. В Ленинграде все говорили, что человек совершенно безграмотный приходит с письмом от вас и требует, чтобы в Доме ученых был поставлен доклад на тему действительного бреда, и математики с большим трудом добились того, чтобы этого не было.

Люстерник. Они, к сожалению, не смогли добиться этого, и только вследствие путаницы в рассылке повесток Дома ученых доклад сорвался.

Лузин. Мое письмо можно найти. Я просил относительно отдыха, но относительно того, чтобы ставить доклад, я не просил и не мог просить, потому что я не знал его как лектора, а даже верные идеи — плохой лектор, излагая их, может сорваться.

Александров. Вероятно, вы дали такую научную оценку, что Дом ученых решил поставить его доклад. Дом ученых нельзя винить, потому что всякое учреждение, имея такой восторженный отзыв от вас, это бы сделало.

Лузин. Павел Сергеевич, доклада его я не видел.

Александров. Если вы пишете, что это гениальный математик...

Лузин. (Перебивает.) Надо же иметь мое письмо в руках. «Гениального математика» не было. Это — частность. Эта — правда. Но ведь универсальная алгебра существует с разными оттенками. Тенденция та или другая в математике все-таки есть.

С места. О первой работе Льва Генриховича[18] вы выражались, что это топорная работа. Эта работа с трудом может быть названа топорной.

Лузин. Это было бы безумием, а что элементарная работа и не доделана до конца, Лев Генрихович и сам это признает. Он дал 1500 или 2000 этих самых простых... Это колоссальное открытие. Я готов подписаться и выступить в печати, что это гордость и украшение нашей страны.

Сегал. Я всего раз виделся с вами до этого, и вы именно так отзывались о работе Льва Генриховича.

Лузин. Я признаю топорными работы Ч[ебы]шева[19]. Они слишком элементарны. Я Льва Генриховича очень уважаю и ценю, и ожидаю от него очень многого

Хинчин. Вы не помните точного выражения?

Лузин. Да и зачем это? Я не первый день относительно этой работы говорю. Я думаю, что Лев Генрихович вполне заслуживает того, что он член-корреспондент Академии наук. А другие его работы, дальнейшие, носят гораздо большую глубину. Я здесь совершенно не виноват. Топорной работой я признаю в этом смысле и работу Чебышева.

Сегал. А работу Ласаева вы признаете гениальной работой?

Лузин. Зачем вы так ставите вопрос? Сознательного вреда с моей стороны не было. В печати о Ласаеве я не мог так сказать. Я просто хотел ему помочь. Вы справедливо говорите, Лазарь Аронович [Люстерник], что помогать можно из своих средств, но наша страна помещает больных в санатории, и так как у него не было своих средств, можно было ему в этом помочь. Я признаю свою ошибку в этом отношении, но без всякого вредительства. Среди моих отзывов были отзывы о высоких математиках, которые представляют собой украшение страны, и я думаю, что эти отзывы были на достаточной высоте.

Люстерник. Я редко с вами встречался, почти не встречался, и мог не говорить об отзывах. Я говорил много с Михаилом Алексеевичем [Лаврентьевым] и с Ниной Карловной [Бари[20]], и они мне говорили, что они неоднократно с Вами беседовали. Эти отзывы и вас компрометируют, и вообще недопустимы. Вы сами говорили, что вы не знали, что коллектив отрицательно относится к вашим отзывам.

Лузин. Лазарь Аронович, скажу, что высказывания Нины Карловны были, но в такой форме, за которой я ничего не чувствовал: «Вы бы, голубчик, пожалуйста» и т.д., все в сослагательном наклонении, но если бы кто-нибудь мне сказал, что большинство Коллегии или половина Коллегии против этого, неужели я не воспринял бы это как удар хлыста и не подействовал бы совершенно иначе.

С места. Вам говорили об этом.

Лузин. Но я боюсь, что это пришло слишком поздно.

Александров. Во всяком случае, это было до Шадхана и Кудрявцева[21]. В этом отношении о вашем мнении о Кудрявцеве у нас не было сомнения, потому что вы неоднократно его высказывали, и, тем не менее, вы рекомендуете его на степень доктора. Вы говорите, что у него была ценная работа. Естественно было предложить ему защитить ее, если вы считаете ее ценной. Говорили о полиномах Кудрявцева, связанных весьма тесно с полиномами Лежандра[22].

Люстерник. Это было рассмотрено как издевательство. У него есть скромная книжка[23], которую он написал и за которую претендовал, может быть, только на гонорар.

Лузин. Постойте, постойте, я припоминаю, в чем дело.

Люстерник. Это скромная книжка, и он ни на что не претендовал в этой книжке.

Лузин. Это статья по небесной механике. Там я укажу несколько примеров того, что присоединение того или другого числового множителя меняет название. На это с точки зрения формальной нельзя смотреть.

Я виноват в том, что давал такие отзывы, но я не имел в виду повредить своей стране. Но что отзывы были не на высоте, это, конечно, верно.

Кржижановский. Вы не задавали себе вопроса, что эти отзывы могут повредить?

Лузин. Нет.

Александров. И даже тем людям, которым Вы давали эти отзывы? Если бы он получил докторскую степень, Вы навеки его этим оскандалили бы.

С места. И Шадхан обещал кончить самоубийством, если бы ему [не] пришлось в университете учиться.

Лузин. Относительно отзывов я признаю всю тяжесть и справедливость, кроме одного пункта: сознательного желания причинить вред абсолютно не было. Это я могу сказать, положа руку на сердце.

Теперь перехожу к остальным пунктам. Да, относительно печатания моих работ за границей. Позвольте к этому пункту вернуться немного позже.

Разрешите сказать следующее.

Люстерник. Еще один вопрос. Гантмахер утверждает, что по поводу работы «...»[24] Вы писали, что это настолько ученическая работа, что нельзя ее здесь печатать. Но ведь это очень хороший математик. Это находится в противоречии с тем, что Вы проявляли мягкое отношение.

Лузин. Лазарь Аронович, я скажу, почему я так сказал. Я приурочивал определенно ее к печатанию в «Известиях». Эта работа все-таки имела не то, что домашний характер, а, во всяком случае, характер работы, имеющей вторичное значение. Я расценивал ее так, что не считал возможным рекомендовать для «Математического сборника», который я рассматриваю как журнал другого порядка. Я считал возможным публиковать ее полностью в «Известиях» — там, где я печатаю работы, и где Крылов печатал. Я предполагал, что в одном месте нужно печатать.

Относительно печатания своих работ за границей я скажу несколько позже.

В Университете я не был, когда мне предъявляли те или другие упреки. Разрешите в этом отношении сказать следующее.

В числе моих ошибок уже политического характера мне вменялось участие во Всеславянском съезде, вернее участие в Президиуме[25] этого съезда. Два лица были зачислены в Президиум: это Н. М. Крылов и я. Моя ошибка заключается в том, что, попавши в Президиум, я не послал туда требования о том, чтобы меня вычеркнули. Это была моя ошибка. Что касается до того, что я сочувствовал какому-то национальному направлению, Всеславянскому съезду — этого нет, и на этот съезд я не поехал бы добровольно, если бы только была возможность. Нужно сказать таким образом, что идея национальности Всеславянского съезда — как будто бы существует какая-то славянская математика и т.д., а не общая математика, — ясное дело, что для лица, хотя бы немножко сведущего в математической культуре, это является только бреднями фашистов, которые не в состоянии создать ни одной теоремы. В этом я не повинен. Я повинен в том, что не послал соответствующие требования о том, чтобы меня удалили из Президиума, чтобы меня вычеркнули из Президиума. Соответствующего заявления я не сделал, и в этом отношении я виноват. Но не сделал этого и Н. М. Крылов. Не сделал я этого просто по недомыслию. Я считал, что это так далеко, я не придавал этому особенно большого политического значения. Я не придавал такого значения этому Всеславянскому съезду, который, конечно, носил совершенно искусственный характер, как показывает самое название его.

Мой уход из Университета в 1930-м году был ошибкой, эту ошибку свою я признаю и в этом отношении, как Вы знаете, я принял меры, чтобы ошибку эту исправить. Эти меры были мною предприняты в мае месяце, но это, конечно, слишком поздно.

Относительно неподписания декларации я уже высказывался и опять высказываюсь, что если бы я хотя бы на одну минуту был уверен, что это согласовано хотя бы в виде простого одобрения с каким-нибудь лицом Наркоминдела, я бы подписал. По этому поводу я говорил, Лазарь Аронович, с моей женой Надеждой Михайловной. Надежда Михайловна говорит, что она спрашивала Вас по телефону и очень просила зайти, но что вы не зашли, не могли этого сделать, а затем появилась секретарь, и не секретарь, а аспирантка, которая на прямо поставленный вопрос не могла ответить.

Люстерник. Ее вообще не пустили к Вам в квартиру. Она говорила сквозь замочную скважину.

Лузин. Нет, она была в передней.

Люстерник. Она же живой человек. Ее можно спросить. Она в Кисловодске.

Лузин. Но это частность. Во всяком случае, я решительно и категорически утверждаю, что когда я знаю, что тот или другой документ, который я подписываю, представляет громадное общественное или политическое значение, если я знаю, что на этом документе имеется санкция людей, которые гораздо больше меня понимают в политике и более ответственны, я всегда подписываю. Так, например, на празднестве в честь Добролюбова[26] я совершенно определенно подписал документ, имеющий громадное общественное и политическое значение, и моя фамилия появилась. И я делал это с полной правотой, потому что я тут думал, что дело не имеет такого общественного значения и имеет более или менее частный характер.

Хинчин. По поводу этого Всеславянского съезда. Кстати, Вы его неправильно именуете. Как будто бы этот съезд назывался Съездом математиков славянских стран[27].

Лузин. По этому поводу мне Сергей Натанович [Бернштейн] говорил, что он хотел бы поехать, так как он жил в славянской стране[28].

Люстерник. А мне сказали наоборот, что он не поедет.

Хинчин. Я просто для протокола говорю, потому что нужно правильно называть документы.

Вы считаете себя виноватым в том, что после того как вас включили в Президиум съезда, вы не протестовали и не потребовали вашего снятия. Но все-таки включили Вас в этот съезд с Вашего согласия или без Вашего согласия? Было бы очень странным, и в практике съездов это не принято. Или организационный комитет без вашего согласия включил? Если бы с Вашего согласия, то было бы странно, конечно, после этого просить о снятии. А если согласия не было, то странно, что они вас включили.

Лузин. Я совершенно не помню, запрашивали или не запрашивали меня. Вероятно, запрашивали. Но когда я осознал, я пришел в ужас, когда я сознал, что в этом политическая неправильность и одиозность. Я пришел в ужас. Моя вина заключается в том, что я струсил. Я не пожелал иметь никакого отношения и так просто старался замолчать. Вот это очень жалко.

Люстерник. Меня удивляет все-таки такая мотивировка. Вы должны были написать письмо Борелю, а потом решили, что «так как он так поступил, я не написал письмо». То же самое и здесь, такая аргументация, что Вы решили не иметь ничего общего и поэтому допустили, чтобы в издании трудов этого Съезда была поставлена Ваша фамилия и что там было выражено соболезнование, что Вы не смогли туда приехать.

Лузин. А я один был там?

Люстерник. И Н[иколай] М[итрофанович] Крылов.

Лузин. Это была наша колоссальная ошибка

Люстерник. Кого Вы боялись, например? Советской власти? Я не понимаю этой трусости, кого Вы боялись?

Лузин. Я не хотел.

Люстерник. Неужели было кем-нибудь плохо понято, если бы вы заявили отказ поехать туда? Больше того, вы могли бы в «Правде» напечатать о Вашем отказе.

Лузин. Вы правы, Лазарь Аронович. Я только не догадался

Кржижановский. Я скажу по существу. Вы говорите, что Вы плохой политик.

Лузин. Я человек книжный и с трудом разбираюсь.

Кржижановский. Не признаете просто, таким образом, что и в этом факте, в отношении к французам, Вы просто не сделали ни одного шага такого, который бы Вашу физиономию как советского гражданина хотя бы сколько-нибудь подчеркнул.

Лузин. К этому я вернусь.

Кржижановский. Надо сказать открыто: нам кажется, что Вы играете на две руки — и тех не обидеть, и здесь не обидеть.

Лузин. К этому я вернусь со всей определенностью.

Теперь я перехожу к печатанию моих работ за границей. Нужно сказать, что для меня лично этот вопрос тяжелый. Нужно сказать, что статья по дифференциальному исчислению, которая должна была появиться в Большой Советской Энциклопедии, в томе на букву Д, была затребована у меня В. Ф. Каганом, когда я был в Париже. Тогда я был в командировке. Нужно сказать, что историю с этой статьей я помню очень хорошо. Я затратил большое количество сил на эту статью, я ее добросовестным образом штудировал не только по учебникам, но и по источникам исторического характера и даже читал записки Леонарда да Винчи, затем Дюгема[29] и т.д. Я хотел, чтобы это было выдержано исторически, так как моя статья имеет историческое значение. Когда я послал статью из Парижа и сам приехал, то узнал, что эта статья вызвала жестокие нарекания, и тогда Вениамин Федорович заявил, что эту статью печатать нельзя и т.д. Так продолжалось около двух-трех лет. После этого ко мне обратились с просьбой эту статью развить. Когда я спросил, зачем это, раз она вызвала такое противодействие, то мне сказали, что я должен развить ее в том же направлении. Это мною было сделано, и я ее развил[30].

Я должен сказать следующее. В связи с этой статьей я много думал по поводу печатания своих научных работ, и мне пришла идея: так как установка делается на строительство, на индустриализацию, то, быть может, было полезнее для нашей страны печатать всякие работы, которые имеют близкое или отдаленное отношение к прикладной науке. Имея в виду историю с этой статьей для энциклопедии, я боялся повредить нашей стране, так как эта статья была признана вредной[31], я боялся, так как не разбираюсь во всех тонкостях, будучи человеком книжным и плохо понимающим политические моменты. Поэтому я просто решил печатать всё то, что имеет чересчур отдаленное значение, за границей, а что имеет сколько-нибудь прикладное значение — у нас. Другое дело, что, может быть, мои прикладные работы могут быть слабыми, но это случайный признак, совпавший с моей неприклабильностью.

Сегал. А чем Вы объясняли в таких случаях то, что наша Академия наук культивирует целый Отдел в Математическом институте, посвященный Вашим работам, весьма абстрактным?

Лузин. Я объяснял это следующим образом. Я знал хорошо, что имеется этот Отдел, но я думал, что в этом отношении нет согласованности, нет организованности. Не знаю, мне трудно отдать себе отчет в этом, но мои работы чисто теоретического характера вызывали очень яркие нарекания; я просто думал, что они либо трудны, либо вредны. Но имейте в виду, что имелись в печати и мои теоретические статьи, например, статья «О стационарных [последовательностях[32]]». Это не единственная статья. В «Докладах Академии наук» я об этом писал, но, правда, это было уже в последние два года[33].

Кржижановский. Я не математик, но имею некоторое отношение к кругу ученых. Я не знаю такой области познания, где бы серьезный ученый отрицал значение высокой теории. Тем более мне кажется странным, что в области математики, где такое бесконечное совершенство теорий, громадный размах теоретических познаний, которые, в конце концов, на наших глазах создают новые области и новые дисциплины, чтобы серьезный ученый на основании толкований с Кольманом и с Каганом пришел к выводу, что эти теоретические изыскания могут быть вредны моей родине. Не знаю, как у Вас, у крупного ученого (а Вы являетесь крупным ученым) могла зародиться мысль, что это может принести вред и поэтому Вы не будете печатать. Это смехотворное толкование. Вы, крупнейший теоретик, Вы должны знать и знаете, какие практические интересы могут быть связаны с высочайшей теорией. Разве мы не видим, что математика доходит до таких практических знаний, до которых она раньше не доходила? А Вы толкуете, что Вы побеседовали с Каганом и Кольманом и решили, что это вред может принести. И Вы хотите, чтобы мы поверили этому? Это несерьезно. В результате выходит так: Вы сами подчеркнули в прошлый раз, что это не случайная фраза «белиберда, пустяки». Неужели Вы думаете, что мы, в самом деле, можем поверить, что Вы считали пустяками вещи и в области теоретических знаний, и в области практических знаний? Нам сейчас ясно представляется то, что для Вас является второстепенным: что математика, вооруженная теорией, может решать практические вопросы. Это для нас ясно. Но святая святых, чем движется математика? Ваши ученики создают новые области в науке, Вы сами в своем выступлении говорили, что страна может гордиться работами Шнирельмана, а, в конце концов, выходит, что это подозрительная гордость какая-то, потому что всякие теоретические статьи Вы переносите за границу. Мне кажется, что Вы должны немножко больше ценить уровень наш. Тут что-то другое есть, и мне кажется, что Вам лучше сказать: да, я проявил некоторую беззаботность, некоторое легкомыслие, неряшество и т.д. У нас такое впечатление, что Вы говорите: да, да, пишу и смеюсь, пишу белиберду, а лучшее, что движет науку, передаю за границу. И никакие тут ссылки на Кагана, на Кольмана, на то, что Ваша статья не была напечатана, несущественны. Вы как советский ученый в этом отношении испытываете тягчайшее обвинение и не можете его снять тем, что одна статья редакцией не была помещена. Вы же знаете: Вы — ученый и не нуждаетесь в чьей-либо апробации. Вы же здесь усиленно работаете, мозги свои сжигаете, жизнь сжигаете, и результаты этой работы несете за границу, а потом говорите - — индустриализация, практическое строительство и т.д., и т.д. Что это за научное отношение? Разве для той же индустриализации, для того же строительства нам не нужна квалифицированнейшая наука, квалифицированнейшая теория разве не нужна? Он сидит там с теорией чисел (указывает на тов. ...[34]). Вероятно, в этой области также не все еще ясно переплетается с практикой, но, однако, мы чувствуем, что отсюда могут быть громадные практические последствия. Ведь вы говорите здесь перед кругом ученых, вы настаиваете на своем объяснении.

Лузин. Вы даете мне громадное облегчение, Глеб Максимилианович, вашими словами.

Кржижановский. Так это нужно серьезно интерпретировать.

Лузин. Здесь очень много слабости характера, неряшливости и просто-напросто боязни.

Кржижановский. Чего?

Лузин. Просто-напросто боязни засорять. Но это ложная была идея. Во всяком случае, я не выносил ничего за границу из этого и далеко не расценивал эти вещи, как лучшие вещи. Тов. Александров против этого сказал, что мои лучшие работы восходят до 20 года. Совершенно правильно. Дальше в моих теоретических работах — я не говорю о проективных множествах, потому что это довольно сильная вещь — но дальше в моих чисто теоретических работах начинаются сильные колебания, и я не считал эти чисто теоретические работы настолько сильными, что они только и достойны заграницы. Вовсе нет. К этому вопросу я еще вернусь. Но все знают, как я о своих заграничных работах отзывался, как о пустяках. Это много раз слышали и многие люди.

Кржижановский. Вы сами подчеркиваете, что это несерьезно. Пункт первый, который мы уточнили, говорит о том, что вы крупный ученый, создавший известную школу, значительную школу. Вы даже сказали, что вы подняли математику до мирового значения. Если я могу квалифицировать свою работу так, что подымаю математику перед лицом мировой науки, то разве это можно назвать пустяками, такой труд, который поднимает математическую науку до уровня мировой науки. Какие же это пустяки?

Александров. В какое же положение вы ставите ваших учеников? Если то, что вы делаете — это пустяки, а вы эти проблемы ставили вашим ученикам, значит, вы заставляли их заниматься пустяками?

Лузин. Для развития мышления.

Александров. В научном мире вы продолжали все время быть настолько крупным ученым, что все ясно понимают, что это не пустяки то, что вы делали.

Лузин. Для меня это были пустяки, потому что кому нужна, например, теория... [35]?

Александров. Действительно, из того, что говорил Райков[36], было много глупостей Много упреков, совершенно необоснованных, Райков делал не только вам, но и многим другим математикам. В той части, в которой мы считали эти упреки со стороны Райкова несправедливыми, мы против них спорили, иногда даже довольно резко спорили. И. между прочим, вы отлично знаете, что мы все продолжали заниматься вещами нисколько не менее абстрактными, чем ваши. Область, которой я занимался, приложима к практике не более чем ваша. И на заседании Института я отстаивал эту точку зрения, что моя область не имеет непосредственно приложения на практике, точно так же как и теория чисел их не имеет...

Лузин. Почему же химики упоминают, что вы вашими топологическими работами...

Александров. Мы должны химикам помочь в этом отношении. Но то, чем мы занимались особенно тогда, было чисто теоретической областью, и нам приходилось спорить, потому что тогда некоторые работники нашего Института действительно высказывали ту точку зрения: то, что немедленно неприложимо на практике — это все белиберда. Но с этой точкой зрения никто не согласился. Были бурные заседания, и мы отстаивали противоположную точку зрения, которая была оправдана. Но вы, Н. Н., проявили такое свойство вашей природы — я буду говорить совершенно откровенно — которое во многих случаях мешало в жизни, проявили малодушие, граничащее с трусостью. Какой бы человек, носящий партийный билет, чтобы вам ни сказал, вашей первой реакцией сейчас же был страх, как бы чего не вышло. Сопротивления у вас не было.

Лузин. Дело не в Райкове, а в том, что публично об этом говорилось.

Александров. То, что публично об этом говорилось, это был дискуссионный вопрос. Тогда на заседании был Голубев, которого вы пригласили. Он бы это подтвердил. Он был

в те времена заместителем директора по научной части. Он бы вам сказал, что как раз во всех резолюциях было указано, что при всем желании поворота к практике [необходимо] [со]хранить крупные теоретические научные работы. Иначе работа целого ряда математиков, меня первого, была бы совершенно невозможна, ибо, если бы я тогда аргументировал тем, что моя работа имеет непосредственное отношение к практике, то это было неискренностью, которую моментально разоблачили бы. Я считаю, что в данном случае вы поступили просто малодушно. Вы пошли по линии наименьшего сопротивления: «Как бы чего не вышло, лучше не буду печатать, а то будут меня упрекать». Вот та точка зрения, которая, мне кажется, вами...

Кржижановский. Вы привели то же объяснение, что и в прошлый раз. Вы разбиваете работы на две части: одни — теоретические, которые вы туда направляли по различным соображениям, а здесь ограничивались работами прикладного характера.

Лузин. Я с большой осторожностью начал печатать теоретические работы у нас в последние годы.

Кржижановский. Мы констатируем, что вы во второй раз держитесь на этой точке зрения. Нам хочется вам показать, насколько мы не можем стать на эту точку зрения, и почему никто не будет в состоянии стать на нее, если не прибавить кое-каких комментариев.

Люстерник. Относительно Райкова и других. В 1929—30 гг. была дискуссия, но, начиная с конца 1930 и 1931 г. все общественные организации и институты отвергли эту точку зрения, и сам Райков сел за работу по теории чисел и читал лекции в Воронежском университете по курсу теории чисел [и функциям действительного] переменного. Если это имело место в 1930 г. или в 1929 г., так что этот перегиб был ликвидирован благополучно, и все заявили об этом несколько лет тому назад.

Кржижановский. Н. Н. сказал, что он признается в этом деле, признает малодушие. Но здесь есть, кроме того, отсутствие хотя бы малейшей доли советского патриотизма и даже не советского патриотизма, а я бы сказал, советского чувства, чувства советского гражданина. Я бы уточнил: академик, советский академик, работает в высшем штабе, научном штабе страны. На его глазах происходит недооценка теории, и он проявляет трусость и [малодушие[37]] в этом деле.

Мы хотим вам показать, почему происходит такой разрыв между вами и советской общественностью. Мы не просто квалифицируем трусость, как какое-нибудь физическое действие, где не всякий отличается воинственной готовностью. В чем основа дела? Вы являетесь блюстителем высокого звания советского академика. Вы понимаете, какое орудие стране дает наука молодой, рвущейся вперед к знанию, страны? Вы облечены высоким доверием и говорите так спокойно — «по трусости, но малодушию сдал эту позицию». Тогда мы скажем, что вы недостойны носить звание советского гражданина, звание академика и будем называть вас по-другому. Я уже не говорю о том, что должно проснуться чувство советского патриотизма. Положение обязывает Вас. Вот в чем дело. Как мы можем сказать нашему ученому миру, что вы испугались Райкова, Кольмана, Кагана, испугались настроений, а перед этим просидели много времени над этой работой, вложив душу, а потом решили: «Зачем же я буду печатать, не вызовет ли это чего-нибудь?» По-моему, прошлый раз вы совершенно честно назвали белибердой. Я думаю, что человек, который углублен в такие области, где движутся позиции мировой науки, если он ограничится в часы досуга некоторыми эскизами прикладного характера, то он может тогда сказать, чтобы отвязаться: «ну, печатайте». Это нам кажется правдоподобным.

Лузин. Самая моя большая работа — это о методе академика Крылова, она занимает 160 страниц. Я пришел к полному решению тех вопросов, которые поставил Крылов, и после этого совершенно правильно Гантмахер сделал гораздо проще Но я сделал не спустя рукава. Мне хотелось оправдать мое участие как академика, и мне хотелось со всей честностью вступить в соревнование с А. Н. Крыловым, человеком сильным, прославленным. Мне очень хотелось эту проблему разрешить. Я положил громадное количество усилий и решил ее топорным методом в элементарном смысле, не прибегая к тем утонченным методам, которыми двигал Гантмахер, — символическому методу исчислений. Нужно сказать, что я подражал Крылову. Мне хотелось выдержать работу полностью в его стиле[38]. Мною было написано предварительное сообщение и затем вышло три томика, касающиеся этой работы. Я вложил в нее всю душу и энергию. Другое дело, что из этого вышло, но я не работал спустя рукава. Я знал, что соревновался с А. Н. Крыловым, и мне хотелось написать вещь, достойную его имени и в его стиле. Стиль его элементарен. А. Н. Крылов утонченных аппаратов не признает, он всегда говорит — мы, техники, ну, что нам далеко до этого. Между тем, мысль этого человека чрезвычайно сильна и интуитивно одарена. Он ни одной ошибки не делает без доказательных выступлений. Я проверял — оказывается, все верно. Нужно сказать, что эта работа стоила громадных усилий и [я] этой работой гордился.

Если я говорил про белиберду, то не о совокупности моих работ, это просто у меня такой патологический уклон, который все знают. Я говорил это о заграничных работах, в канцелярии все слышали: с меня требовали список работ, а я сказал — ну, какие пустяки. Это была колоссальная ошибка, потому что заставил людей смотреть такими глазами, но проблему разрешал с колоссальным напряжением. В этом отношении сокращенный метод я не употреблял, подражал А. Н. Крылову, и вовсе не разводя воды. Найдите место в моей работе, которое не соответствовало бы идеям Крылова. Все проведено исключительно его методами, это факт.

Теперь относительно других моих чисто теоретических работ. Не забывайте, товарищи, что я был болен в течение двух лет, на полгода я совершенно выбыл из строя, фактически валялся в больницах, и два года был абсолютным инвалидом как нервным, так и физическим. Из этого состояния [я] выскочил с середины 1933 г. Когда я начал оживать, и мое оживление в этом отношении сказалось в том, что я, прежде всего, написал статью в честь академика Крылова по своей области[39]. Потом начал принимать участие — удачно или нет, это другое дело, — в «Записках Академии наук», в «Докладах Академии наук», напечатал статью о кратной отделимости[40] и т.д.: это не комментарии, а идея. Затем у меня готовится большая работа по проективным множествам, целая книга, работа была заказана два года тому назад. Работа эта уже осуществилась. Мне нужно вписать только две главы, работа сделана на русском языке. Книга эта в рукописи находится у Нины Карловны [Бари] и скоро появится[41].

Разрешите сказать относительно сознательного вредительства и прислужничества перед Западом. Относительно Запада я должен с полной ясностью и точностью сказать то, что было: может быть, мне когда-нибудь суждено будет прикоснуться к науке. С Германией у меня связи не было с 1914 г., нет, и надеюсь, что никогда не будет, если Германия не сделает того, что она должна сделать. Единственное письмо из Германии, которое я получил за все время с начала империалистической войны, это было письмо от Хаусдорфа, касающееся моей французской книжки; книжку я послал без всякой надписи, на

книжку последовал отзыв — подробно исчерпывающее письмо, где он критикует книгу.

Это единственная точка соприкосновения с заграницей. С Италией у меня нет абсолютно никакого прикосновения, за исключением того, что время от времени Леви-Чивита[42] посылает мне оттиски. Другие не посылают ничего.

С Бельгией: Валле Пуссен[43] прислал мне свою книгу, на что я ответил благодарностью. Это было 2 года тому назад.

С места. К чему Вы это все говорите? Разве нам запрещается иметь связь с заграничными учеными?

Лузин. С французскими учеными у меня связь наиболее живая, и еще более живая связь была с Польшей, и я по поводу этого должен сказать о том, что я сделал, и что я сделаю теперь.

Польская математическая школа, где «Фундамента Математицэ» находит внешнее выражение, возглавляется Серпинским. Во время войны Серпинский был у нас в качестве военнопленного[44]. Сначала он был в Вятке, потом был 2 года здесь. Вернулся отсюда в Польшу сильно заряженным и стал организовывать, сколачивать свою польскую школу. За время его двухлетнего пребывания мы с ним массу переговорили на математические проблемы. В других проблемах он представляет собою лицо молчаливое и для меня непонятное и неизвестное. К этому я вернусь, но как математика вы его знаете. Математик он хороший, но раскидавшийся по мелочам. Бесчисленное множество мелких нот и заметок. Он всюду по всем вопросам пишет. Он человек тонкий. Он тонкости теории великолепно схватывает, но его творческая продуктивность весьма ограничена. Но, тем не менее, математик он хороший.

Возникла, таким образом, связь с польской школой, которую он возглавляет, с «Фундамента Математицэ» и «Фундамента Математицэ» отправляла как мне, так и моим ученикам чрезвычайно большое количество оттисков. В тяжелые годы 1919—20 г. нам эти оттиски принесли некоторую пользу[45].

Хинчин. Это были люди, которые вошли потом в редакцию «Фундамента Математицэ».

Лузин. Я знаю, что не было [тогда] «Фундамента Математицэ»[46].

Отношения с Серпинским продолжались. Я с ним переписывался. Кто он такой по политическим убеждениям — для меня полная загадка. Это — икс. По поводу политики мы не говорили ни разу. У него вышло довольно серьезное столкновение с Адамаром, столкновение на почве шовинизма (чисто польский гонор[47]). Но когда Адамар праздновал свой юбилей[48], Серпинский состоял в организационном комитете. Я вывел заключение, что между ним и Адамаром отношения устроены. Когда Адамар проезжал через Варшаву, как говорил мне Серпинский, он в знак того, что отношения с Адамаром устроены, выехал встречать его на вокзал[49].

Так как мы в настоящий момент являемся сохраняющими научные связи с заграницей, но с другой стороны, мы от заграницы являемся совершенно независимыми, мы совершенно выросли, — я считаю, что пришло время окончательно отмежеваться и от польской школы. Она сыграла некоторую роль в посылке наших работ, но это явление должно быть кончено. После того, что я вижу в текущей жизни, после введения нашей Конституции[50] и после того, что я вижу в статье «Правды», касающейся печатания за границей, я считаю, что нужно отмежеваться от услуг заграницы — помогать нам в печатании, как слабосильной стране. У нас должна быть яркая отмежовка от всякой помо-

щи со стороны заграницы чисто научного характера в смысле посылки книг и предложений печатать, потому что наша страна в этом отношении не нуждается, предоставляя в наше распоряжение достаточно средств. И я считаю, что, в частности, от польской школы нужно отмежеваться. Отношения с Серпинским у меня продолжаются 19 лет, но наступил такой момент, когда в самом деле это нужно сделать. Нужно порвать с его школой, не сохраняя никаких, кроме формальных, отношений, которые сказываются не больше, чем со всякой другой страной, в отношении посылки оттисков. Но нужно порвать эту органическую связь абсолютно. Как мне ни тяжело это, ввиду того, что я не знаю его с ненаучной точки зрения (в данном случае он представляет для меня икс), отношения с ним должны быть порваны.

Кржижановский. Нас не эта сторона интересует. Нас занимает то, что мы уже трактовали в отношении печатания за границей.

Лузин. В статье «Правда» написано, что прислуживание перед «заграницей». Серпинский прислал ноту в наш журнал издания Академии. Это был его первый шаг, когда он вообще захотел печататься.

Кржижановский. Какая милость!

Лузин. Я отнюдь не настаиваю на этом потому, что в данном случае нам нечем гордиться. Но это был первый шаг с его стороны, и это служит признаком его полевения. До меня дошли сведения, что он сказал, что «я хотел бы поехать в Осло[51], но кажется, меня не пустят». Я понял это так, что он находится в процессе полевения, и я не желал создать для нашей страны милость — «они у нас печатаются». Мы в этом отношении выросли, но я хотел оказать ему услугу в смысле его дальнейшего полевения и поэтому я представил его ноту с поспешностью.

Вторую ноту его, когда одиум[52] надо мной разразился, я послал в издательство с просьбой, чтобы, так как я не в состоянии этого сделать, ноту просмотрели и ответили Серпинскому, считая меня в стороне в этом отношении.

У меня сведений относительно его политического кредо никаких нет.

Последняя вещь, которую я должен сказать, это следующее. Страной нашей после введения Конституции абсолютно нужно гордиться. Это не только такая аксиома, но что наша Конституция это есть увенчание тех усилий, которые были сделаны. Дальнейшие усилия будут в развитии этого самого направления.

Я должен сказать, что в 1930 г. и у меня не было далеко такого сознания, как в настоящий момент, и можно провести параллель этому с акад[емиком] Павловым[53]. Я имел с ним беседы. Я помню его поднятый вверх крючок, когда он говорил: «Собаки нужны же, в конце концов, и вдруг здесь получается затруднение» и т.д., и т.п. Так что в этом отношении мы — я еще более книжный человек, чем Павлов. Павлов человек гениальный, исключительно проницательный человек. А я просто книжный человек. В сознание мое это проникает очень трудно. Но после того акта величайшей мировой важности, а не только для нашей страны, для меня делается ясным весь пройденный путь. И в то время, когда мы переживали те или иные трудности в жизни (я говорю про себя, по-обывательски), то теперь я понимаю, что это было проведение твердой рукой определенной программы, которая готовила страну к укреплению и могуществу ее; эти затруднения как относительно книг, как относительно собак (Иван Петрович Павлов), так и относительно чисто обывательских трудностей, — что все это нужно было пережить и только теперь все это для меня лично, в моих глазах находит полное объяснение, — не только теперь, а

еще и раньше, но полностью я убедился из акта Конституции. И если мне суждено заниматься наукой, то я, прежде всего, буду печататься исключительно только у нас. Обмениваться книгами и оттисками, вероятно, придется, потому что это, вероятно, не является одиозным, но все свои работы, которые представляют сколько-нибудь ценность в моих собственных глазах, будут печататься исключительно у нас. Но, правда, буду просить печатать на обоих языках, по крайней мере, что возможно, потому что работа, которая напечатана только по-русски, является в значительной степени еще погребенной в архивах. Поэтому работа должна печататься у нас и печататься в самых важных частях, но должна быть выявлена и для всего мира, — я не говорю про свои работы, но работы научные, конечно, должны найти прикосновение еще и к другому языку. Это мое кредо.

Мое кредо, что с польской школой нужно решительно порвать, — с польской школой, как какой-то органически снабжающий нас материалами, или что она благоволит к нам. Конечно, сейчас уже не может быть того, чтобы они смотрели на нас сверху вниз. Теперь наша школа сильнее. А посмотрите, что они печатают. Белиберда в подлинном смысле печатается там, маленькие статейки: ...Это такие статейки, которые через полгода, через год забываются. Наши работы более крупные, и мы строим их не на 1-2 года, а на большой срок. Так что в отношении польской школы мы должны на нее смотреть, не как неравные ей, а должны смотреть сверху вниз. В этом отношении я считаю, что мои отношения с Серпинским должны быть прерваны, потому что это лицо мне неизвестное в политическом смысле. Конечно, он посылает к нам материалы и заискивает у нас. Между прочим, я прибавлю, что он выражает горячее желание быть у нас членом-корреспондентом. Так что никакой чести в присылке их статей для нас нет. Он хочет быть членом-корреспондентом.

Кржижановский. Кончайте, Николай Николаевич.

Лузин. В этом смысле мы должны глядеть на них так, как я сказал.

Вот, товарищи, я сказал все, что мог сказать в этом отношении, и еще раз говорю, что категорически должен отрицать какое-нибудь общение с Западом, кроме чисто научного, и считаю недостойным после того как у нас так сильно развита печать, и, главным образом, после акта о Конституции, которая на нас налагает обязанность и гордость и которую мы должны защищать до последней капли крови. Теперь обращаться к Западу для печатания той или иной статьи не нужно. Если же у нас та или иная статья не печатается, то значит для этого имеется чисто научное основание. Тогда нужно исправить это, а не обращаться к услугам Запада, так как это нам совершенно не нужно.

Люстерник. У меня еще вопрос.

Кржижановский. Никаких вопросов.

Лузин. Последнее. Я хочу обратиться к Вам со следующей просьбой. Мною совершены очень тяжелые ошибки — ошибки без планового проведения какой-нибудь вредности. Халтурность, неряшливость, доходящая до действительно объективного причинения вреда моими отзывами. Неряшливость и беззаботность, и крайнее легкомыслие. Но я должен сказать следующее моим товарищам, что я с ними никогда не вел активной борьбы и чувствовал себя всегда членом Коллегии. Были столкновения того или другого порядка, но я чувствовал, что мое математическое и общечеловеческое сердце билось в унисон с ними. И я не мыслю себя оторванным от их среды. Сейчас, может быть, я буду оторван от их среды, буду в стороне от них, но если предстоит мне какое-нибудь прикосновение, хотя бы самое крайнее и отдаленное, я прошу товарищей о самой товарищес-

кой помощи мне — разобраться в моих переживаниях и помочь мне правильно направлять мою деятельность в будущем, если мне вообще предстоит научная деятельность

Я очень прошу помнить, что я был членом их Коллегии, и я хотел бы оставаться, хотя бы в их мыслях, хотя бы не формально, а в их мыслях, тоже членом Коллегии, и в этом смысле я прошу своих товарищей, в этом смысле я прошу у своих товарищей помощи мне только в том, что я заслуживаю.

В научной печати я готов выступить по всем вопросам в том духе и в том смысле, который для меня стал совершенно ясным.

Теперь я могу уйти?

Кржижановский. Да, но только не уходите совсем.

Видите, товарищи, нового, по существу, он ничего не сказал. Наоборот, он очень облегчил, конечно, нашу задачу, так как тут есть прямые слова, такие, как «перенос». На нашем языке простом это называется «обкрадывание». Вы слыхали? Перенос. Это достаточно ясно.

Александров. Академический эквивалент.

Кржижановский. Будем цитировать его слова и скажем, что «в порядке переноса», этим очень облегчается дело

Что касается до центрального пункта: печатания за границей, то здесь достаточно поставлены точки над i. Объяснения его по этому поводу совершенно несостоятельные. Совершенно нет никакого сомнения, что он трус безграничный. И эта безграничная трусость привела его к полной беспринципности, к двурушничеству. Он трус не только в отношении к советской действительности, но такой же трус по отношению к Всеславянскому съезду, по отношению к Лебегу. Это типовая игра на две стороны: туда и сюда. Это доказано.

Что касается до отзывов, то он единственно цепляется за слова, что вред мог принести, но бессознательный вред. Но мы знаем, что там, где происходит беспринципная угодливость туда и сюда, там вообще сознание находится в тяжелом состоянии, и где тут сознательно, где бессознательно — это вопрос второстепенный. Я хочу сказать следующее: очень неприятно, что нет товарища Шмидта, но с ним я буду иметь особый разговор в порядке партийной дисциплины, а сейчас нужно обратить внимание на некоторые замечания, идущие из других источников по поводу нашей резолюции. Та резолюция, которую мы писали, признана правильной, выдержанной, и нет никаких оснований ее переделывать. Но некоторые пожелания здесь есть, законные пожелания. Вот что желают от нас: в самой резолюции нужно дать побольше фактического материала. По поводу каких пунктов? Например, по пункту третьему, там, где говорится о низкопоклонстве. Здесь надо непременно сделать несколько цитат, таких, которые это иллюстрируют. Я, конечно, это не в состоянии сделать, но вам это очень легко сделать. Затем в пункте относительно отзывов — привести с десяток фамилий, что можно сделать после того разбора, который мы сделали.

По пункту восьмому — вот здесь у нас слабовато. Здесь надо бы покрепче квалифицировать, как это делается в резолюциях различных институтов, которые гораздо резче и определеннее высказываются. Наша редакция пункта восьмого никакого впечатления не произведет. Поэтому надо ее заострить.

Было бы очень важно после той большой работы, которую мы провели, в этих примерах и высказываниях сохранить свой собственный стиль. Вы напрасно шокируетесь

академическими выражениями, — мы это обязаны сделать в академическом стиле. Мы, конечно, должны резко написать, но в своем собственном стиле.

Здесь обращают внимание на то заключение, которое мы сделали: «...полностью подтверждает характеристику Лузина, данную в газете «Правда», как врага в советской маске». Есть совет это заключение переделать в таком духе, чтобы здесь была совершенно самостоятельная мысль, чтобы «не плагиировать» из «Правды» и «переноса» не делать, а сказать таким образом: поступок Лузина является недостойным советского ученого, к тому же действительного члена Академии наук, а также несовместим с достоинством, которое должно быть у каждого советского гражданина. Это уже не будет плагиатом.

Переходя же к остальной части резолюции, право, я затрудняюсь сказать, что здесь можно изменить. Вот п[ункт] 5 надо, пожалуй, изменить. Здесь написано — «прямой плагиат». Прямого плагиата здесь нет, здесь дело обстоит тоньше. Вот мы с вами убедились, что Лузин обыкновенно очень мало выражается, а на самом деле принадлежит к числу очень многословных ораторов. Почему? Он защищает здесь позицию реакционного крыла академиков, со страстью защищает его плоть и кровь. И вот нам нельзя дать в резолюции ни одного момента, который дал бы ему возможность продолжать разговоры в таком же духе. Например, в отношении прямого плагиата — он будет опять говорить: я крупный ученый, зачем мне плагиат? Но мы должны подчеркнуть, что он обкрадывает учеников. Надо сказать эту мысль его же словами «делает перенос», это очень тонко.

Мне вообще казалось бы, что эту сторону разрыва с учениками, которой мы касаемся, не мешало бы подразвить, потому что это уже констатировано, и самим им, в конце концов, признано. Вспомните сегодняшнюю часть его выступления, где он говорит о Лаврентьеве и Новикове. Это документ очень важный.

Александров. И в то же время тонко говорит каждому по комплименту, совершенно противоречащему тому, что он два дня назад говорил Горбунову.

Кржижановский. Это не такой человек, который сдаст свои позиции. Вспомните, как он говорил: с Серпинским он уже 19 лет порвал отношения, — как будто это нас интересует. До сих пор его политическое сознание не прояснялось, теперь он говорит о Конституции, говорит, что только теперь он это понял. Потом он говорил относительно разговоров с Павловым, т.е. что он неоднократно говорил о Павлове. Конечно, говорил не только о собаках. В это время Павлов писал злостнейшие письма в Совнарком, так что, вероятно, они об этом говорили.

Потом интересная фраза относительно «книжности». Подумайте, академик трактует эту книжность как порок. Раз книжность, значит аполитичность.

Я сожалею, что нет Шмидта, он хорош в таких случаях; он и математик, и коммунист... Но, и вы, товарищи, это сумеете сделать.

Александров. Что касается низкопоклонства, то я предлагаю тут сказать устами самого Лебега: (читает по-французски[54]).

По этому поводу я имею объяснения, которые я готов мотивировать как угодно. Вот эта «странная мания», я бы сказал, — глубоко продуманная идея. Он приписывает Лебегу свои вещи, приписывает столь нелепым образом. Ни один разумный человек не станет их приписывать Лебегу. Но этим он создает себе репутацию человека, который даже свои идеи приписывает другому, и когда дело идет об его собственных учениках, то он под этой ширмой присваивает себе их вещи.

Люстерник. Эта защита была как раз на нашем собрании, в нашем Институте, явно им инспирированная защита, именно на этом основании: как это Н.Н. присваивает чужие результаты, если даже Лебег о нем так пишет?

Александров. Это низкопоклонная система, потому что в научных кругах не принято приписывать своих результатов другим. Так что здесь мы имеем, с одной стороны, угодливость перед Лебегом, а с другой стороны, создание ширмы, которая позволяет ему действовать таким образом.

Кржижановский. Он впадает в трагизм, говорит об ученой деятельности на окраине и т.д. Трагедия пустяковая. Но может быть, можно заставить его подписаться — он дал обещание подписаться под тремя письмами. По поводу Суслина он достаточно сказал. Надо заставить его подписаться, чтобы впредь не повадно было, под квалифицированным документом. По этому поводу надо подумать.

Александров. То, что он согласен будет подписать, будет зависеть от того, что произойдет: в одном случае он одно подпишет, в другом случае — другое.

Кржижановский. Что это человек, обладающий чисто японской искренностью, в этом сомневаться нельзя. Нам все ясно совершенно. Характер его защиты в Президиуме нам также ясен.

Соболев. Мне понравилось его заявление, что в 1930 г. он изменил свою точку зрения. Это показывает, что до 30-го года у него была антисоветская точка зрения, а сейчас он ее изменил. Он сказал: «С 30-го года точка зрения моя на все окружающее резко изменилась», а потом он сказал, что после Конституции.

Александров. Искусство аргументации у него замечательное: ни на один прямо поставленный вопрос он не дает ответа. Он запутывает все дело.

Кржижановский. Раз резолюция в основе остается той же самой, то нужно только уточнить редакцию. На счет плагиата нужно сказать, как сказал тов. Александров, что это не просто плагиат, это перенос.

Александров. У него очень продуманная система цитирования: нельзя упрекнуть, что он не цитирует. Он будет цитировать отдельные теоремки, но не будет цитировать тех мест, где автор по существу является основателем новой теории.

Кржижановский. Во втором пункте, где у нас говорится о проявлении угодливости, нужно указать после «воздерживается сам от явно политических выступлений» — «вообще занимает совершенно определенно двуличную позицию». Эту двуличность надо подчеркнуть.

Где он говорит о малодушии и трусости, надо использовать его собственные слова «перенос, малодушие и трусость в печатании за границей». Это не есть просто малодушие, но двуличность.

Сейчас Вы проработаете в перерыве резолюцию, а потом вызовете меня.

(Перерыв)

Соболев. Разрешите зачитать те поправки, которые мы внесли. Относительно поддерживания связи с членами правой группы мы оставили там, как было сформулировано.

Пункт 5 мы сформулировали таким образом: «Самоизоляция Лузина имела несомненно политическую основу»... (читает[55]).

С места. Я предлагаю слово «почтительно» заменить [на] «корректно».

Кржижановский. Возражений нет? Принято.

По-моему, не следовало бы говорить относительно явного плагиата, а сказать — «особенно недобросовестным является отношение в случае Новикова».

Соболев. Разрешите записать так: «В случае Новикова имеем особую недобросовестность». (Принято.)

В пункт 6 добавлено: «Наряду с ориентировкой за границу...» (читает[56]).

Александров. Мне кажется, что все поведение Лузина у нас подтверждает, что он пытался водить собрание за нос.

Кржижановский. Я думаю, эти поправки можно принять.

Хинчин. У меня пункт о печатании работ за границей и в Советском Союзе: «Отношение Лузина к советской науке ярко проявляется в распределении работ...» (читает[57]).

Кржижановский. Нужно добавить, что чрезмерное увлечение является, к сожалению, чертой не одного Лузина. Возражений нет? Принято.

Хинчин. Затем дальше: «Стараясь привить ученикам раболепство перед иностранными изданиями и учеными...» (читает) «Эти работы растянуты сверх всякой научной надобности, причем здесь особенно сказывается презрение автора к советским научным изданиями...» (Читает.)

Кржижановский. Во втором случае нужно сказать не «презрение», а «отношение» автора.

С места: Здесь фактического материала не так много. Фактического материала больше, относящегося к другим пунктам.

Кржижановский. Здесь установлено это его отношение. Мне кажется, что он, смеясь, писал.

С места. Из всего его сегодняшнего выступления искренней мне показалась та часть его речи, которая касалась ряда его мемуаров, написанных по поводу статей Крылова. Там он не смеялся.

Хинчин. Мне пришлось давать официальный отзыв на последнюю работу Лузина. Там есть один достойный внимания результат, но этот результат мог быть доказан на 4—5 страницах, а статья занимает 77 страниц.

Две другие его работы — это работа, связанная с именем акад[емика] Чаплыгина и работа о движении поезда.

Соболев. Итак, в пункте 6-м мы скажем так: «В огромном количестве случаев Лузин давал подчеркнуто-хвалебные отзывы». Относительно двуличия мы просим вас сформулировать.

Кржижановский. Президиум будет 15-го числа. 15-го Вы должны все быть здесь. Президиум начнется в 12 часов дня, Вам следовало бы придти на полчаса раньше. Нам нужно привести в порядок весь материал.

А затем нам нужно подумать о следующем. Осенью будут выборы, и нам дают понять, что нужно будет выбрать 30 новых академиков и 60 новых членов-корреспондентов. Нам нужно освежить состав, и Вы должны подумать к сентябрьской сессии — кого Вы рекомендуете ввести в состав членов-корреспондентов и академиков. Это будет самый лучший результат работы Комиссии.

Вероятно, мы сумеем получить некоторые указания дополнительно. А теперь позвольте поблагодарить Вас за помощь и за то, что вы упростили мое положение.

(Заседание закрывается)

СТЕНОГРАММА

заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

15 июля 1936 г.

Председательствует академик Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ.

(Начало не застенографировано)

Кржижановский. ...и факты биографии — в условиях черносотенных он воспитывался, затем работал во времена Кассо в Университете, не ушел. С Егоровым был близок. Говорили так, что с Егоровым он был близок как с математиком, но одновременно Егоров был не только математик.

Крылов. Но ведь он уезжал за границу при Кассо. Это 25 лет тому назад было. Нельзя ему ставить в вину, что он не примкнул тогда, а остался в той группе, в которой раньше был.

Бернштейн. Почему не упоминают о том, что констатировано на том заседании, на котором я был, — что Н. Н. в 1920 году во время разрухи проявил колоссальный энтузиазм? Почему не упоминается, что с его стороны не было никаких попыток, и никто не может сказать, что он выступал когда-либо против советской власти. Вы должны понимать, что если даже Александров говорит, что в него верили как в бога и были с ним близки, то никто, однако, не констатировал, что у него были в то время черносотенные настроения. В период, когда была уже советская власть, никто не может сказать ничего, в чем проявилось бы это его отношение к советской власти.

Здесь сказано в резолюции: «Первое десятилетие после революции Лузин значительную часть времени проводил за границей». Здесь мы видим противоречие. Как известно, первое десятилетие началось с 1917-го года, а не с 1922 года. Между тем, самые трудные первые годы после революции он был в Москве и возглавлял эту школу.

Крылов. Но и за границу ведь он не самовольно ездил.

Кржижановский. Мы констатируем факт.

Крылов. За границу он по научным делам был командирован советским правительством.

Бернштейн. Чтобы написать определенную книгу.

Кржижановский. Нам нужно было объяснить определенную психологию. Психология его складывается так: он не только не выступал против советской власти, а, наоборот, своим выступлением придавал сладчайший характер. Но можно подумать, что это друг советской власти. Но вы видите, что при Кассо он остается, а в самое бурное время, когда идет дифференциация, в 1930 году он уходит.

Бернштейн. Но первые годы революции были самыми тяжелыми, и дифференциация тогда тоже была.

Кржижановский. Нет.

Бернштейн. Многие тогда тоже уезжали за границу, многие были высланы за границу.

Кржижановский. Тогда дифференциация только назревала. А когда началось настоящее разделение, он уходит. О чем это говорит? В конце концов, вы имеете перед собою отточенную логику. Для меня это определенная логика

Гребенщиков. Но, с другой стороны, нужно сказать, что он вернулся сюда.

Крылов. Да, он был командирован и вернулся.

Кржижановский. Почему он не подписал декларацию? Потому что он не хотел раздражать своих заграничных друзей.

Крылов. Представьте себе, Глеб Максимилианович, что я, например, был командирован на 8 месяцев для закупки книг; а вместо этого просидел 7 лет и вместо того, чтобы закупать книги, закупал пароходы, паровозы, занимался их переправкой сюда и т.д. Но все это по поручению советского правительства. Если бы Вы эти слова пропустили: «по поручению советского правительства», то получилась бы совсем иная картина.

Кржижановский. Мы ничего не пропускаем.

Бернштейн. Я настаиваю на том, что политическая часть освещена в высшей степени односторонне, и уже если ее необходимо освещать, то надо все сказать, и сказать, что речь идет именно о заграничной командировке. Надо сказать, что в самые тяжелые годы он не был за границей, в это время он создал эту школу... и за это мы ему должны быть в высшей степени благодарны, вся советская наука должна быть в высшей степени благодарна. Что касается того, что он поехал за границу, то он был командирован туда советским правительством и написал во время своей командировки ту работу, которая представляет наибольшую ценность. Он не написал бы эту работу в тех условиях, которые у нас тогда были, он не был бы у нас в таких материальных условиях, которые были ему созданы за границей. Тогда, во время командировки, он получал стипендию, которая дала ему возможность написать эту большую книгу. Поэтому нельзя ставить эту командировку ему в минус, — это есть большой труд его жизни, который останется и после того, когда мы его осудим или не осудим.

Крылов. Я в это время тоже был за границей, и одним из пунктов нашей командировки было именно установление научной связи с заграничными учеными. Вероятно, Лузину это тоже было предписано. Эту связь он, вероятно, устанавливал тем, что в Париже в кругу этих французских ученых вращался и прочел целый курс.

Бернштейн. Нет, как раз лекции он там не читал.[1]

Крылов. Ну, хорошо, лекций не читал, но написал монографию.

Бернштейн. Я не хотел бы ему ставить в плюс ту связь, которую он мог бы там наладить. С точки зрения общественной, физиономию Н.Н. я рассматриваю отрицательно. Так что, может быть, ему были даны указания, чтобы он установил некоторые связи. Но вряд ли эти связи он устанавливал в особенно положительном тоне. Я не хочу этого ставить ему в заслугу, я только отрицаю, что это могло быть поставлено ему в минус, — а те положительные заслуги, которые могли быть у него там, в смысле популяризации советских идей, этого я не знаю и утверждать не буду. Я только говорю о том, что если вообще говорить о политической стороне этого дела, то надо тогда это осветить более подробно и более полно. Иначе получается картина в высшей степени односторонняя и неправильная.

Что касается дальнейшего, поскольку он сам признавал и поскольку это выявлено в уходе, это можно было бы признать. По этому поводу я ничего сказать не могу, но было бы интересно знать, как сам Лузин этот уход объяснял, и не было ли это вызвано тем,

что он вообще по состоянию своего здоровья сокращал свою деятельность. Мне известно, что когда он приехал из-за границы, это был тот период, когда те течения, которые возглавляются им и связаны с французским математиком Лебегом, рассматривались как течения вредные. Соглашался ли он с тем, что это вредно, когда здесь высказывался, или нет, но, во всяком случае, писать и работать в этом направлении и рассчитывать, что это будет в ближайшее время опубликовано и одобрено, объективно он тогда не мог. В это время он, как мне известно, перешел в ЦАГИ[2], где попробовал работать в области прикладной математики. К этому же моменту относится его работа, связанная с работой Алексея Николаевича [Крылова]. И может быть, его поведение говорит о серьезном устремлении к тому, чтобы перейти на несколько другой путь, чтобы заняться вопросами, которые имеют более близкое к строительству значение. В какой мере он отрекался от своих прежних научных устремлений? Это мне казалось тогда странным: как это он переходит на новый путь? И у меня было сомнение, как он с этой новой своей задачей справится? Оказалось, что он сделал больше, чем я мог предполагать, и хотя ничего особенно блестящего не сделал, но все-таки у него было весьма серьезное стремление определенным образом работать. Утверждать, что это есть чистейшая фальшь и ложь, что он вообще это делал исключительно для того, чтобы услужить и что здесь у него не было желания в самом деле заниматься прикладными работами и принести пользу, — нет никаких оснований. Что ему фактически не удалось много сделать в этом направлении — это факт, но что у него была, по-видимому, искренняя попытка, это тоже факт. Он все-таки написал большую работу, которая не есть халтура. Алексей Николаевич может это подтвердить. Это показывает серьезное стремление его заняться в других областях, которые могут иметь более близкое приложение к строительству.

Крылов. К этому времени относится его работа по поводу установления метода приближенного интегрирования, который развивает С. А. Чаплыгин.

Бернштейн. В то время он перешел в ЦАГИ, где имел возможность заняться научной работой в этом направлении. И в какой мере уход его из университета объясняется политическими причинами — для меня сомнительно, и пока я не слышал его личных объяснений, я ничего не могу сказать.

Крылов. Можно некоторые вещи установить документально. Я считаю, что надо взять все документы, представленные, когда Лузин избирался в Академию, следовательно, все то, что писали в это время о Лузине московские математики.

Кржижановский. То есть о том, что между ними в то время существовал антагонизм?

Крылов. Нет, они писали тогда о нем очень хвалебные дифирамбы.

Бернштейн. Я считаю тоже, что чрезвычайно важно достать эти материалы. Я не помню, что там было...

Крылов. Я очень хорошо помню, мне пришлось иметь с этим дело, хотя я и не специалист-математик, но математиков тогда не было, был только Успенский[3] да я, и нам пришлось писать отзыв[4].

Бернштейн. По поводу его отношения к ученикам и его отношения к иностранным ученым.

Крылов. Нельзя на этом основываться, т.е. на том, что говорит в своем предисловии Лебег. Ведь французы такой народ, что сказать просто «месье Лебег» — это будет оскорблением, надо обязательно написать [месье Анри Лебег].

Кржижановский. Мы против этого не возражаем.

Крылов. Как же не возражаете, раз говорите, что человек подлизывался?

Бернштейн. Относительно этого предисловия Лебега. Жалко, что здесь нет тов. Александрова, который, вероятно, мог бы сказать точно. Насколько я помню, сам Лебег упоминает там имя Суслина вместе с именем Лузина[5].

Соболев. Я помню это предисловие, помню его со слов Александрова, который его нам перевел. В своем предисловии Лебег говорит о том, что странный человек Лузин — всегда приписывает другим вещи, им не принадлежащие. Потом он говорит, что, в частности, «читатель этой книги может вообразить, что идея о... принадлежит ему — Лебегу»[6].

Бернштейн. Относительно этого пункта по существу я не возражаю, т.е. что он приписывает иностранцам несколько больше, чем они того заслуживают, хотя надо знать Лебега, надо знать, что это человек, с одной стороны, в высшей степени скромный, а с другой стороны, имеет такую манеру французскую в своих выражениях. Так что с этой стороны я привожу ту высокую оценку, которую Лебег дает Лузину.

Что касается того, что Лебегу приписывается то, что ему не принадлежит, то я хочу сказать следующее: учителя дают ученикам нечто невесомое, и ученики не всегда это оценивают. И если речь идет о конкретном факте, то те основные идеи, которые легли в основу открытия, принадлежат учителю, и отделить это довольно трудно. Если же ни учитель, ни ученик не обладают в этом отношении соответствующей деликатностью, то всегда возникают недоразумения.

В данном случае мы имеем дело с таким случаем, так что когда речь идет о таких математиках, как Александров и Колмогоров, которых я очень уважаю, то это люди с чрезвычайно яркой индивидуальностью, которые могли в некоторых случаях слишком уж претендовать на свои собственные идеи, в тех случаях, когда они могли быть более благодарными Н. Н. за то, что им было сделано.

Должен отметить, что в моем присутствии, когда этот вопрос рассматривался на заседании Комиссии, Александров об этом не упоминал, и речь шла только о Суслине и о Новикове. Вопрос о Колмогорове и об Александрове возник уже в мое отсутствие.

Что касается отзывов, которые давал Н. Н. недостойным часто работам, против этого возражать не приходится. А то, что касается его характеристики первоклассных работ, то тут, мне кажется, нужно было бы уточнить, указать какие случаи. Если речь идет о работах Шнирельмана, то так и следует отметить. Если речь идет о чем-нибудь другом, то также следует отметить, чтобы вообще вся научная общественность могла судить об этом. А такое глухое утверждение нельзя оставлять. Тут имеется целый ряд детальных конкретных выступлений очень хороших, с которыми я согласен.[7]

Кржижановский. Это, где говорится о явном [бреде] душевнобольного человека? Там два факта: Ласаев и Сидорович[8].

Бернштейн. Здесь имеется достаточно других фактов, так что приводить больше не нужно. А тут говорится: «сочеталось с уничижительными для советской науки высказываниями». Это должно быть точно расшифровано.

Вообще я просил бы иметь в виду, что это не есть записка, которая пишется в газету какую-нибудь, а что это есть записка, которая пишется от имени Президиума Академии наук, и поэтому все чрезмерно резкие выражения, как например, «холопское отношение» и другие — я считаю нужным выкинуть и все-таки помнить, что мы имеем

дело с живым человеком. И если мы его хотим все-таки формально сохранить и формально это делаем, то все-таки морально, если мы его бьем достаточно, то нужно не до бесчувствия.

Крылов. Я могу присоединиться к высказыванию Сергея Натановича, но по существу я не понимаю этих работ и их ценить не могу. На тех Комиссиях, где это обсуждалось, я не присутствовал. Всего, что высказал Лузин, я не знаю, и что говорилось другими — я не знаю. Поэтому я могу говорить только на основании этого протокола, который считаю бездоказательным.

Кржижановский. Протокол там более подробный. Мы ссылаемся на то, что имеем многочисленные документы, стоящие за каждым из этих утверждений. Это протокол, который с величайшей осторожностью мы сформулировали. Я только хочу подчеркнуть одну основную мысль: мы никак не можем отказаться от оценки. В конце концов, мы его не исключаем, мы только говорим, что поведение его не таково, какое желательно для советского гражданина, и что он роняет этим поведением высокое звание члена Академии наук. Так что мы делаем ему предупреждение. Пункт 24-ый Устава[9] мы не применяем, а только делаем ему предупреждение. Но в чем суть вопроса?

Я теперь прямо вам говорю не как официальное лицо, а как человек и гражданин. Его манера держаться, его манера интерпретации — здесь у нас сохранились документы, заявления его подлинные!

Крылов. Он в состоянии аффекта.

Кржижановский. Это такой человек, от которого получить короткое, честное заявление по существу — трудно. Он всегда будет в состоянии аффекта, но очень расчетливо свои слова расходует. К чему он ведет свою аргументацию? Как в своем письме по поводу советской школы, так и в манере его держаться с нами он все время подчеркивает, что не то, что он просто книжный человек, оторванный от политической действительности, но что это наш человек. Вспомните, Ферсман, как он говорил насчет документа очень простого и ясного — относительно обращения к французским ученым. Он говорит, что он думал, что надо с НКИД согласовать. А дальше говорит: «Мы все должны быть как один». А потом, помните его заявление, которое было застенографировано, что он на фронт готов идти. Подумайте — на фронт!

Ферсман. Юлит.

Кржижановский. Он юлит, маневрирует, все время двулично ведет эту линию. Вот в чем суть — это двуличие неприятное!

Вот фигура Павлова. Он ли письма не писал? Мы знаем, какие получали письма от него. Но это же диаметрально противоположное. Вот Вы говорите, что с Егоровым он разорвал? Будьте уверены, что это был Сахар Медович с Егоровым, а потом наоборот, — когда запахло в воздухе, что с Егоровым плохо, он стал действительно с ним плох.

Затем с учениками. С одной стороны, посмотрите, какой радетель: составил группу учеников, создал школу, как Вы подчеркиваете. Допустим, что у некоторых учеников был какой-нибудь особо остроугольный характер и т.д. Но мы собрали очень обширную группу учеников и при Вас началось с очень мягкого отношения. А если бы Вы были на последних заседаниях...

Ферсман. Чем дальше, тем все хуже и хуже.

Кржижановский. ...Когда сам Александров говорит: «Что же, в конце концов, Вы просто нас не уважаете».

Бернштейн. Почему на первом заседании Александров нисколько не претендовал, когда речь шла о Новикове, о Суслине — он ни словом не обмолвился о себе? Колмогоров тоже.

Кржижановский. Тут был Понтрягин, слепой человек[10], и много было еще народу. И это был единогласный хор всех. Единогласно принимали хором, что он обкрадывает своих учеников, приписывает себе их лучшие открытия и не просто это делает, что это грубый плагиат, а ведет тонко продуманную линию. Начинает с необыкновенно любезного вступления к Борелю или Лебегу, где указывает, что в зачатках имеются уже A-множества. Тут не такая простая вещь: если зачатки есть у Лебега, то у Лузина они в квадрате находятся. А потом говорит так: «Я в "Фундамента Математицэ" упоминал, что с Новиковым писал, поэтому считаю излишним говорить еще об этом». А в «Comptes Rendus», где говорит об открытиях Новикова, там оказываются три строчки зачеркнутыми. Допустим, не им, а Борелем зачеркнуты. Проходит длительный период времени и никакого протеста со стороны Лузина нет по этому поводу. А это очень крупное открытие. И выходит, что этот документ весь идет от Лузина.

Как по «Comptes Rendus» происходит трансформация с Сусли́ным? Идея Суслина, идея Суслина и Лузина и, в конце концов, идея Лузина. Вот такое отношение, которое ведет к разрыву.

Соболев. Нельзя здесь говорить об отношении учителя и ученика, поскольку Новиков давно перерос Лузина. Никто в этом не сомневается. В последние годы новиковская компания постановила: ни одного слова о своих результатах в присутствии Лузина никогда не говорить и даже строго было запрещено всем друзьям Новикова при Лузине обмолвиться хотя бы словом о том, что делает сейчас Новиков, потому что это иначе за подписью Лузина куда-нибудь пойдет, он его сейчас же обкрадет.

Кржижановский. Можно еще подчеркнуть, что он работал в этот период. Но это не меняет существа дела.

Бернштейн. По существу — да. Но форма имеет значение. Я считаю, что если мы пишем документ, то надо, чтобы факты были подобраны. Я хотел бы, чтобы эта сторона относительно отношения к ученикам была более точно освещена как в отношении Александрова, так и других учеников, чтобы это не были голословные утверждения, но нужно, чтобы было как-нибудь более точно указано.

Крылов. Что вы называете учеником? Был он тогда профессором, а они были оставленными при Университете или служили? Они студенты, а он профессор, т.е. между ним и этими господами было отношение как бы некоторой подчиненности — отношение учителя к своему ученику официально, или это было то, что они занимались под его руководством, по его указаниям теми предметами, в которых он является специалистом. Между этими понятиями об ученике — большая разница. Или просто, что к нему приходит Новиков, или Семенов, или Иванов[11] и говорит: «Николай Николаевич, я хочу изучать учение о множествах. Может быть, вы поможете мне в этой работе». Это будет тоже называться, что он ученик, но это не есть то, что есть официальное понятие об ученике. Вот эти понятия вы расчленяете или нет?

Кржижановский. Конечно, имеется в виду целая школа.

Соболев. Каждый из них сначала был в одном семинаре. Например, Новиков сначала был Лузиным оставлен, а затем формально они были независимыми, но установилась традиция, что Новиков рассказывал Лузину о каждой своей работе. Например, Лузин

едет в Париж, и Новиков дает рукопись Лузину. Лузин берет эту рукопись, целиком переписывает, указывая только, что этот результат был получен другим способом, получил его Новиков. Как это считать? Фактически Новиков не обязан был давать ему рукописи. Но установилась такая традиция.

Кржижановский. Он указывает только, что результат получен другим путем. Половину он приписал без всякого стеснения себе, и в заключение указывает, что получил Новиков другим путем. Воровство, по-моему!

Бернштейн. Значит, первый нашел это Новиков, а здесь пишется Лузин? А понять можно и превратно, что первый нашел Лузин, а потом Новиков.

Соболев. Он не давал ни одной работы Новикову опубликовать; как только удавалось Новикову что-нибудь сделать...

(Входит акад[емик] Горбунов)

Кржижановский. (Горбунову) По ходу дела видно, что нам придется перед Президиумом собрать еще раз заседание Комиссии.

Они находят следующее. По пункту первому, например, тов. Бернштейн находит, что формулировка неправильная.

Бернштейн. Я считаю, что относительно его значения надо было бы немножко больше сказать. Здесь просто сказано «крупный математик», а может быть, можно было бы сказать — «одна из наиболее значительных школ».

Горбунов. Я думаю, что последний пункт в этом решении относится к решению Президиума, а Комиссия, мне кажется, должна вынести свое решение.

Кржижановский. Первое замечание тов. Бернштейна касается этого места: «Однако... (читает[12])».

Вы возражаете сейчас против этого, Сергей Натанович?

Бернштейн. Нет.

Кржижановский. Пункт второй говорит о Лузине как воспитаннике старой математической школы. Дальше говорится так: «Всячески... (читает[13])».

Сергей Натанович отмечает здесь, что Лузин поддерживал связь с Егоровым как с передовым математиком. Он считает, что этот пункт недостаточно мотивирован, так как было выявлено, что Лузин поддерживает западное направление в математике, он был в этом отношении новатором вместе с Егоровым и в первые годы — до 1922 г. он проявил большую энергию в создании своей школы. А здесь эти элементы затушеваны, и здесь получается одностороннее впечатление, которое ему кажется неправильным.

Бернштейн. Я хочу еще отметить, что с Егоровым он разошелся и глубокой связи ненаучной с ним у Лузина, очевидно, не было и упоминать здесь об этом нет надобности. А с другой стороны, если говорить о его политической физиономии, то нужно помнить, что он проявил определенную лояльность в первые годы революции, пользовался огромным авторитетом своих учеников, и никто не может указать, что он этим авторитетом пользовался таким образом, чтобы его направить против советской власти.

Кржижановский. Дальше, по поводу пункта третьего, где говорится о том, что первое десятилетие после революции Лузин проводил за границей и во всей своей деятельности ориентируется на заграничных ученых.

По поводу этих замечаний и тов. Крылов, и тов. Бернштейн заявляют, что это не может служить квалификацией Лузина, т.е. что он проводил долгие годы за границей.

Крылов. Потому что он был командирован.

Бернштейн. Это неверно, потому что первые пять лет он провел здесь и, кроме того, он был легально командирован за границу и провел там большую работу.

Крылов. Надо указать, что с такого-то по такое-то время он был в командировке за границей.

Горбунов. Мне кажется, что эти строчки можно просто выкинуть.

Кржижановский. Значит, Вы считаете, что эта фраза о пребывании за границей ничего не дает и ее надо вычеркнуть? Хорошо.

Бернштейн. Относительно связи с Егоровым этот пункт ничего не дает и дает превратное представление. Что он был учеником вообще Московского университета, когда Московский университет был черносотенным, — это ясно, но это нельзя ставить ему в вину. А что касается связи с Егоровым, то Лузин считал его наиболее передовым математиком. Егоров был противником школы Лузина. А тот факт, что он остался в Университете, когда Кассо проводил свою политику там, то я не знаю, какое это отношение имеет.

Кржижановский. По пункту четвертому, где говорится о его разрыве с Университетом, в чем заключаются ваши пожелания?

Бернштейн. Я хотел бы, чтобы здесь была отмечена причина его ухода из Университета. Я указывал на то, что это был тот период, когда Н. Н. Лузин перешел работать в ЦАГИ.

Кржижановский. Относительно ухода он сам поставил этот вопрос, и мы разбираем, насколько правдиво его заявление.

Бернштейн. Политически, может быть, правильнее было бы, чтобы он пошел не в ЦАГИ, а остался бы работать, но он пошел в ЦАГИ.

Кржижановский. Он сделал определенное заявление как в Президиум Академии наук, так и в ЦК, где он говорит: «Я, который всю жизнь посвятил математике, считаю, что тягчайшим преступлением...». Но вопрос не только в письмах, а в подходе к человеку во всем его целом. Почему нам от этого отгораживаться, когда вопрос нам ясен?

Горбунов. Говорит, что он приехал из-за границы только что и не разбирался в политической обстановке, для него это было слишком ново.

Кржижановский. «Не разбирался», а ведь ясно, что это была обстановка, которая требовала какого-то решения. Для нас ясно, что вся его ориентация была на заграницу.

Горбунов. Он два раза указывал, что он не разбирался в политической обстановке: первый раз во время Кассо, тогда он не разбирался в политической обстановке и остался в Университете, а потом в 1930 г., когда он тоже не разбирался и поэтому ушел из Университета.

Бернштейн. Здесь ведь были совсем другие обстоятельства, их надо взвесить. Он приехал из-за границы молодым приват-доцентом, и ему надо было как-то устраиваться, а уйти из Университета значило для него поставить крест на своей научной работе. Я не говорю, что он проявил гражданское мужество, он его, конечно, не проявил, когда остался в Университете.

Но вот когда он ушел из Университета, то, во-первых, он тогда в Университете не был ни в какой мере заинтересован, во-вторых, с учениками он был в явно плохих отношениях и работать в Университете для него не представлялось уже интересным. В-третьих, для него было важно встать на путь прикладной математики, поэтому он ушел в ЦАГИ.

Я точно не помню эти мотивы, но в разговоре со мной он как будто бы именно так мотивировал.

Соболев. Что мы должны: искать неопровержимых доказательств, что так было, или составить свое собственное мнение? Я думаю, у всех членов Комиссии, которые присутствовали на прошлых заседаниях, было явное убеждение, что действительно это было сделано со злости, это было вызвано озлоблением против советской власти: черт с ними, дам отзыв, пускай у них всякие идиоты учатся.

Крылов. Это не о том. В 1930 г. он просто ушел из Университета, а ошибка его в том, что он начал изъясняться, почему ушел. Он должен был бы сказать — захотел и ушел.

Кржижановский. Мы не должны истолковывать то, чего он не говорил.

Бернштейн. Нельзя в таком документе приписывать ему вещи, которые недостаточно обоснованы. Мне кажется это достаточно обоснованным.

Крылов. Здесь каждое слово должно быть взвешено, доказано.

Кржижановский. Мы отвечаем.

Гребенщиков. Для того чтобы судить об уходе, нужно вспомнить обстановку. Тогда еще были групповые занятия[14]. Может быть, чисто педагогические вопросы могли играть роль. Так прямо огульно сказать трудно.

Крылов. А вот еще такое обстоятельство. Я знаю, что Лузин поехал в Крым в санаторий. Он 8 месяцев там прожил, и его инвалидом привезли сюда. Так что он 8 месяцев прохромал. Это нужно точно установить по числам: с какого числа по какое число он был в ялтинском санатории. А у него сделалась в ноге такая чертовщина в коленке, и он был чуть не при смерти тогда[15].

Бернштейн. Так что я просил бы к этому пункту добавить.

Крылов. Здесь должно быть не мнение, а должно быть документальное установление фактов.

Соболев. Но мнение тоже мы должны высказать и сказать, что, по мнению Комиссии, это является тем-то и тем-то.

Крылов. Но, сперва вы должны установить определенные факты, а потом сказать: Комиссия этому факту придает вот такое значение. Вот это будет мнение. А факты фактами.

Гребенщиков. Можно исходить еще из опубликованных данных и из тех материалов, которые имеются. Поэтому, если можно было говорить об этих всех вопросах, то нужно рассматривать на основании определенных документов, а не [на] основании только напечатанного в «Правде». Если просматривать весь имеющийся материал, тогда получится другое. Сам по себе важный вопрос: нужно ли останавливаться только на документах которые опубликованы в печати, или же иметь в виду все документы, которые имеются официально в этом деле?

Кржижановский. Мы все привлекаем, что возможно было.

Бернштейн. В его показаниях получается некоторое недоразумение. Есть у нас письмо в ЦК? — Это одно.

Крылов. Нужно сказать, что имеется такое-то письмо, которое он просил приложить к делу.

Горбунов. Это письмо в Центральный Комитет. Комиссия может приложить его или не приложить.

Кржижановский. Сначала указывалось только на Суслина и Новикова, а потом заявили об этом Колмогоров[16] и Александров. У нас имеется стенограмма.

Бернштейн. Нужно привести соответствующие цитаты.

Соболев. Рукопись Колмогорова была передана Селивановским[17] Лузину, и он ее использовал. Колмогоров отвечал, что более 5-ти лет тому назад рукопись была у Лузина, и Лузин ее задержал.

Кржижановский. А потом тот факт, что в его присутствии они не могут говорить о своей работе, — куда же дальше?

Во всяком случае, это не голословные утверждения о Суслине, Новикове, Александрове. Вспомните о том заявлении, которое сделал Лузин. Он заявил на последнем заседании Комиссии, что согласен каждому, из поименованных здесь лиц, принести раскаяние.

Крылов. Не знаю, как теперь полагается, расскажу, как мне приходилось делать. Помните дело с ..?[18] Это было серьезное дело. Я произвел дознание, потом написал окончательное заключение, а к нему была масса приложений, потому что мы опросили всех оставшихся в живых — 500 человек, начиная от командира и кончая последним рядовым, и потом я сформулировал примерно 15 страниц решения Комиссии и указал каждого свидетеля, что такой-то указал то-то и т.д.

Кржижановский. По каждому из этих пунктов у нас есть материалы.

Крылов. Надо оговорить, что вот Лаврентьев сказал то-то, что к этому приложение такое-то...

Соболев. Здесь действительно нужны такие указания.

Кржижановский. Это мы сделаем.

Крылов. Тогда документ получит какой-то юридический смысл, а так — ничего.

Кржижановский. Этот документ имеет юридический смысл, потому что по всем пунктам имеется документальная запись.

Крылов. Это следственный материал, и он должен быть соответствующим образом оформлен.

Бернштейн. В отношении затирания учеников, т.е. что работы были стоющие, но он о них давал плохой отзыв.

Соболев Вот относительно Гантмахера. Он писал в редакцию журнала, что работа Гантмахера ученическая, и ее не стоит печатать. Дело было так. Гантмахер посылает свою статью в «Математический сборник». Лузин пишет по поводу этой статьи два письма. Одно письмо Гантмахеру: «Работа Ваша замечательная, нельзя в таком дрянном журнале как «Математический сборник» ее печатать». Он не употребил этого слова как «дрянной», но что-то в этом роде. Другое письмо в редакцию «Сборника»: «Работа Гантмахера носит совершенно ученический характер. В «Математическом сборнике» помещать ее нельзя, я согласен ее поместить в каком-нибудь другом месте». Два письма по поводу одной и той же работы.

Крылов. Нужно сказать, что о работе Гантмахера один отзыв дан самому Гантмахеру, а другой — в редакцию «Сборника».

Кржижановский. Здесь мы упоминаем вот что. Здесь говорится о своеобразном «великодушии».

Бернштейн. В основном это верно.

Кржижановский. Я принимаю, что выражение «холопское отношение» нужно выкинуть.

Горбунов. Может быть, «раболепное» отношение?

Крылов. Я бы предложил написать «подобострастное» отношение.

Кржижановский. Это, пожалуй, лучше. Мы это прибавим.

Крылов. Относительно хвалебных отзывов, которые давал Лузин о работах ученых, нужно, чтобы в документе было помещено. Эта резолюция не будет печататься. Она будет в деле и нужно, чтобы сразу было видно.

Кржижановский. Что касается заявления Шнирельмана и разговора с тов.Волынским, мы это уточним.

Ферсман. Там дело касается должностного лица?

Бернштейн. Надо уточнить, был ли Сергей Борисович [Волынский[19]] тогда должностным лицом или нет. Если это был специальный разговор с должностным лицом — это одно, если это был разговор за бутылкой пива или стаканом чая — это другое дело

Кржижановский. Это мы уточним.

Бернштейн. Дальше, насчет печатания материалов. Всякий может печать, где он хочет. Если он напечатает что-нибудь и переврет, его притянут за это по закону.

Гребенщиков. Но и общественное мнение одно по отношению к тем, которые печатают в советских журналах, [и другое] — к тем, которые печатают только за границей.

Крылов. А если только в советских журналах?

Соболев. Мы считаем, что на этом настаивать не будем. Но Н. Н. определенно аргументирует. Он говорит: я считал, что, так как были нападки со стороны Кольмана и т.д., я считал, что это будет вредно — печатать здесь, и отправлял печатать за границу.

Горбунов. Здесь он печатает только белиберду.

Кржижановский. Он это заявил официально. Запомните. Когда он употребил слово «белиберда», я сказал: «Это относительно Ваших работ, которые Вы печатаете здесь, Вы высказались, что печатаете белиберду?» На это Лузин говорит: «Я в значительной мере считаю, что все, что я печатаю — пустяки».

Соболев. Это его скромность.

Кржижановский. Вы знаете, какая манера. А когда мы говорим: «Вот вы пишете, что вы ученый, который выдвинул советскую науку на одно из первых мест в мире», то Лузин сказал, что это только один раз он это сказал. А тут выявилось, что был еще документ.

Бернштейн. Этот документ не им составленный, а о нем.

Кржижановский. Ну, словом, он так говорил и так. Что же это такое? Мы ведь не мертвые собаки, которым можно говорить и одно и другое.

Горбунов. Он не отрицает этого факта, это его личное заявление.

Кржижановский. Мы же не можем поверить такому заявлению, что он для индустриализации старался, и боялся, что теоретические статьи могут принести вред.

Крылов. Ну, какие математические статьи могут принести вред? Кому? Действительно белиберду сказал.

Соболев. Он своими показаниями дал сам против себя материал.

Гребенщиков. А вообще надо сказать, что если наши работы печатаются только за границей, то это действительно нехорошо.

Бернштейн. Но одно время нельзя было иначе поступать.

Гребенщиков. Да, но нужно было обеспечить это дело.

Кржижановский. А в отношении заключения, т.е. что он роняет звание действительного члена Академии наук, вы не протестуете?

Бернштейн. Нет.

Кржижановский. Я думаю, что мы можем теперь собраться 19 числа.

Крылов. Я просил бы приобщить к делу все материалы по представлению Лузина в академики.

Я помню, что представленные работы Лузина не казались мне чисто математическими работами, а скорее работами философскими. Но мы провели его по кафедре математик[и][20]. Успенский дал тот же отзыв.

Затаенная мысль у нас была такая в Комиссии, что оттого, что мы изберем его по кафедре философии, он не перестанет быть математиком, и, следовательно, мы получим лишнего математика, а философов и без того там довольно.

Бернштейн. А как произошел переход его с кафедры философии на кафедру математики?

Крылов. А когда Яков Викторович уехал в Германию[21] и отказался от звания академика, освободилась вакансия, и постановлением Общего собрания он был переведен[22]

Кржижановский. Позвольте Вас поблагодарить за помощь и рассчитывать на ваше великодушное содействие 19-го июля.

Горбунов. Я предлагаю написать, что поступки его роняют высокое звание члена Академии наук. Но никаких выводов, касающихся решения, которое должен вынести Президиум, здесь не нужно давать.

Крылов. Президиум уполномочен решать, как он желает. Наша Комиссия только совещательная.

КОММЕНТАРИИ

к стенограмме заседаний Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

Публикуемая стенограмма пяти заседаний Комиссии по делу академика Н. Н. Лузина хранится в Архиве Российской академии наук в фонде Н. Н. Лузина: фонд 606, опись 2, дело 32 (л. 1 — 360). Этот документ представляет собой расшифрованный и отпечатанный на пишущей машинке текст.

На заседаниях присутствовали стенографы, причем работали они, меняя друг друга. Например, на заседании 9 июля 1936 г. первый лист помечен инициалами стенографов «НС/МЯ Смена 1», а через 18 листов пометка уже другая — «ВС/АД 2-я смена». Однако имеющийся экземпляр стенограммы первого заседания от 7 июля таких помсток не имеет: это может означать, что здесь мы имеем чистовой машинописный вариант.

Оформление текста очень неоднородно, что выражается в следующем. Перед началом стенограммы иногда была указана фамилия председателя заседания, иногда — нет. Фамилии присутствовавших (причем не всех) указывались также не всюду. Выделенные подчеркиванием (иногда — заглавными буквами) фамилии выступавших также представлены по-разному, например, «Ак. Ферсман А. Е.», «Проф. Александров» или просто «Александров». Заметим, что Н. Н. Лузин нигде не отмечен как академик. Кроме того, многие фамилии написаны с ошибками: это относится как к фамилиям участников заседания, так и к тем, кого они называли в своих выступлениях.

В связи с этим при публикации мы приводим перед комментарием каждого заседания список тех, кто говорил, причем по порядку их первого выступления, а в самой стенограмме указываем только фамилии без инициалов и званий. Зафиксированы случаи, когда стенографы перепутали фамилии двух выступавших. Эти случаи помечены и оговорены в примечаниях.

Так как имя и отчество Лузина фигурировало в речах очень часто, то почти всегда стенографы писали просто «Н.Н.», и лишь изредка полностью — Николай Николаевич. При публикации это сохранено. Однако имена и отчества других лиц в стенограмме часто указывались только инициалами, иногда с опечатками. Предполагая, что далеко не все читатели могут знать или помнить все имена и отчества, то, если это не сразу понятно из контекста, имена и отчества с добавлением фамилий приводятся полностью; все дополнения - в квадратных скобках.

Надо учесть, что реплики с места стенографистки записывали, но не могли указать, кем именно они произносились. Они не всегда могли все расслышать и соответствующие места помечали точками или писали в круглых скобках «не слышно». При публикации в ряде случаев пропущенные слова заменены на нужные или подходящие по смыслу в квадратных скобках. В сомнительных случаях сделана отсылка к соответствующему комментарию.

Когда в речи выступавшего были вкрапления французского текста (при цитировании или при названии статей), то стенографистки не могли записать французский текст, но отмечали это в круглых скобках или ставили многоточие. После перепечатки стенограммы члены Комиссии вставляли названия работ, чаще с сокращениями и иногда с ошибками или описками, но далеко не все пустые места оказались заполненными.

При чтении стенограммы следует помнить, что она воспроизводит устную речь с оговорками, отсутствием согласования в роде или числе или неудачными выражениями. Кроме того, не всегда ясно, по какой причине эти оговорки появлялись: действительно, так было сказано, или произошла ошибка при записи. Какие-либо исправления в таких случаях нами не вносились.

Орфографические ошибки или описки исправлены. Однако надо иметь в виду, что языковые и грамматические нормы с тридцатых годов несколько изменились. В ряде случаев прежнее написание сохранено. То же самое относится и к пунктуации, которая в стенограмме должна, прежде всего, отражать особенности устной речи; поэтому были добавлены тире, запятые, и т.д., но не убраны многие лишние знаки препинания. Круглые скобки, поставленные стенографами в тексте речи выступавшего, также служат этой цели и сохранены при печати.

Изредка в тексте стенограммы встречаются подчеркивания слов. Они сделаны стенографистками по тем материалам, которые зачитывались на заседаниях, в частности, в заявлениях Н. Н. Лузина. Эти подчеркивания сохранены.

Комментарии к каждому заседанию имеют свою нумерацию. При необходимости отсылки к другому комментарию, например, пятому, относящемуся к этому же заседанию, будет написано «прим. 5». В противном случае указывается номер примечания и дата заседания, например, «см. прим. 5 к 9 июля».

В академическую комиссию по делу академика Н. Н. Лузина входили:

Глеб Максимилианович **Кржижановский** (1872 – 1959) – энергетик, вице-президент АН СССР, академик с 1929 г. (председатель комиссии);

Александр Евгеньевич **Ферсман** (1883 –1945) – минеролог, геохимик, председатель Отделения математических и естественных наук, академик с 1919 г.;

Николай Петрович **Горбунов** (1892 - 1944) - инженер-технолог, географ, химик, непременный секретарь АН СССР, академик с 1935 г.;

Алексей Николаевич **Бах** (1857– -1946) – биохимик, академик с 1929 г.;

Сергей Натанович **Бернштейн** (1880– -1968) – математик, академик с 1929 г.;

Иван Матвеевич **Виноградов** (1891- -1983) – математик, академик с 1929 г.;

Отто Юльевич **Шмидт** (1891—1956) - геофизик, математик, астроном, географ, академик с 1935 г.;

Павел Сергеевич **Александров** (1896 - -1953) - математик, член-корреспондент с 1929 г.

Сергей Львович **Соболев** (1908 – 1989) - математик, член-корреспондент с 1933 г.

Лев Генрихович **Шнирельман** (1887 – 1939) – математик, член-корреспондент с 1933 г.

Александр Яковлевич **Хинчин** (1894—1959) - математик, профессор.

Кроме того, на заседаниях присутствовали приглашенные лица, некоторые из них выступали, и потому об их присутствии нам известно. Однако были и безмолвные участники, о которых мы ничего сказать не можем. Перед началом комментария к стенограмме каждого заседания приведен список всех выступавших, причем фамилии указаны по порядку первого выступления на данном заседании без учета выступлений с мест.

КОММЕНТАРИИ

к стенограмме заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

7 июля 1936 г.

На заседании 7 июля 1936 г. выступали:

А. Е. Ферсман, С. Н. Бернштейн, П. С. Александров, С. Л. Соболев, Л. Г. Шнирельман, И. М. Виноградов, А. Я. Хинчин, Н. Н. Лузин.

[1] Из Московского университета или Первого МГУ, как он тогда назывался, Н. Н. Лузин ушел по собственному желанию 16 декабря 1930 г. [1, л. 1 –2].

[2] Имеется в виду работа Н. Н. Лузина «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» [2; 3, с. 552— 616], которая написала в форме доклада с изложением работ по этой теории, «выполненных в течение 1934/35 акад. года в Отделе теории функций действительного переменного Математического института им. В. А. Стеклова при Академии наук СССР» [3, с. 552], как указывает Н. Н. Лузин в преамбуле к этой работе. Далее он пишет: «Работы эти были выполнены частью мною лично, частью же ученым специалистом названного института Петром Сергеевичем Новиковым. Результаты, полученные им, столь глубоки и сильны, что, собственно говоря, должны были бы составить содержание двух отдельных докладов сессии». Заметим, что в те годы сессии Академии наук СССР часто имели тематическую направленность.

[3] За свою диссертацию «Интеграл и тригонометрический ряд» (1-ое изд. в 1915 г., 2-ое в томе 30 «Математического сборника» в 1916 г., остальные издания вышли в свет уже после смерти автора), защищенную в Московском университете 27 апреля 1916 г. и представленную на ученую степень магистра чистой математики, Н. Н. Лузин получил степень доктора, минуя магистерскую степень.

[4] Стенограммой заседания в Математическом институте мы не располагаем, но можно судить об этом заседании по публикациям в прессе (см. Приложение V).

[5] «Ферматистами» называют людей, чаще всего дилетантов, пытавшихся доказать Великую теорему Ферма. К ним С. Л. Соболев относит и упоминаемого далее в стенограмме Л. А. Тер-Микаэлян (см. прим. 6).

[6] Отзыв Н. Н. Лузина о работе Л. А. Тер-Микаэляна не был тогда опубликован, как и книга Тер-Микаэляна. В 1993 г. сохранившийся в семье Тер-Микаэляна отзыв Лузина, точнее — предисловие к предполагаемой книге Тер-Микаэляна, было опубликовано в [4]. Предисловие Лузина обсуждает в своей статье-рецензии [5] И. Р. Шафаревич.

[7] Кронид Петрович Иванов родился в 1907 г. в Самаре, в 1937 г. окончил Челябинский педагогический институт, так что в рассматриваемое время он был еще студентом. Среди сохранившихся писем Н. Н. Лузина есть его письмо, в котором он пишет Лузину, что его работа «Универсальные таблицы для решения алгебраических уравнений высших степеней» так и осталась неопубликованной, что в данное время он сам находится на военной службе и очень хотел бы повидать Н. Н. Лузина, которого вспоминает с благодарностью и с теплотой [6]. Письмо датировано 1943 годом.

О дальнейшей судьбе К. П. Иванова нам известно только, что в 1949 г. его «Таблицы для вычисления многочленов» были изданы (см. в [7]), а с 1951 г. он работал в одной из средних школ г. Саратова.

[8] Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» была введена специальная аспирантура АН СССР, в которую принимались лица, уже имеющие определенные научные заслуги (а в дальнейшем — с ученой степенью кандидата наук) с тем, чтобы они за три года могли подготовить докторскую диссертацию. Слово «докторантура» тогда не употреблялось. Каждый аспирант «прикреплялся» к академику по своей специальности, который должен был консультировать докторанта и представлять вместе с Ученым советом в Президиум АН СССР свое заключение по отчету докторанта и его диссертации.

[9] Сведения о Шадхане Шолоиме Цалевиче1914 года рождения см. Ф. 606. Оп. 2. Д. 29. Л. 44 Архива РАН.

[10] Речь идет прежде всего о вопросах приоритета.

[11] Здесь говорится о работе Н. Н. Лузина [8].

[12] В польском журнале «Fundamenta Mathematicae» была опубликована совместная статья Н. Н. Лузина и П. С. Новикова [9] (см. также [3, с. 617– 618]). Под статьей в «Парижских докладах» подразумевается статья Н. Н. Лузина [8] в «Comptes Rendus», что в переводе с французского означает «отчеты» или «доклады» (полное название этого журнала см. в прим. 59).

[13] Инициалы «К. С.» — опечатка. Вероятнее всего, что выступавшим на указанном собрании в Математическом институте АН СССР был П. С. Александров, хотя он и работал в Московском университете, но как член-корреспондент Академии наук и президент Московского математического общества мог присутствовать на собрании. Исходя из предположения, что одна буква в инициалах — верная, можно также предположить, что речь шла о Л. С. Понтрягине.

В журнале «Фронт науки и техники» было помещено сообщение об этом собрании [10] (см. также Приложение V). Среди выступавших перечислены: И. М. Виноградов, С. Л. Соболев, Л. Г. Шнирельман, Л. А. Люстерник, А. О. Гельфонд, Б. И. Сегал, Ф. Р. Гантмахер, С. Е. Аршон и др. Собрание постановило обратиться в Академию наук с рекомендацией снять Н. Н. Лузина с постов председателя Математической группы АН СССР и председателя Квалификационной комиссии, а также поставить вопрос о пребывании Лузина в числе членов Академии. Истинные мотивы такого решения проявились в заключительной части этого решения: «Усилить группу математики Академии наук путем пополнения ее новыми действительными членами и членами-корреспондентами» [10, с. 126].

[14] Какие конкретно «инстанции» имел виду Л. Г. Шнирельман, неясно, но рабочие материалы Комиссии направлялись в Отдел науки ЦК ВКП(б) (см. Приложение XXII).

[15] См. прим. 1.

[16] Основные события по «перестройке» Московского университета и его Института математики и механики относятся к 1930 1931 г. Тогда на смену изгнанному Д. Ф. Егорову пришел математик и большевик О. Ю. Шмидт, который был в должности директора Института в 1930—1931 гг. Он же с 1932 г. стал ответственным редактором «Математического сборника».

Сам Л. Г. Шнирельман, как и участвующий в заседаниях академической Комиссии Л. А. Люстерник, относился к числу тех, кто «стоял на советской платформе». Оба они, а также А. О. Гельфонд, Л. С. Понтрягин и [К. П.] Некрасов подписали «Декларацию инициативной группы по реорганизации Московского математического общества» (опубликована в журнале «Научный работник» № 11— 12 за 1930 г.), в которой, в частности, писали, что они «с удовлетворением констатируют расслоение, наметившееся в среде математиков» [цит. по 12, с. 71].

«Расслоение интеллигенции» - - принятый тогда среди «стоящих на советской платформе» термин, означающий организованный властями процесс разделения ученых и профессуры на «правых», «левых» и «колеблющихся» стала особенно известной после издания брошюры «На Ленинградском математическом фронте». – - М.; Л., 1931 [11].

«Существенная перестройка», о которой здесь говорит Л. Г. Шнирельман, относилась не только к Университету и к кадровым вопросам; она была окончательно закреплена 30 июня 1930 г. Постановлением СНК СССР о реорганизации вузов и техникумов.

[17] Н. Н. Лузин, получив звание приват-доцента в Московском университете в 1910 г., был сразу отправлен на стажировку в Гёттинген и Париж, откуда он вернулся в Университет только весной 1914 г. и осенью приступил к чтению лекций. В 1917 г. он был избран профессором по кафедре

чистой математики. В 1918—1921 гг. Н. Н. Лузин был профессором Иваново-Вознесенского политехнического института, не порывая связей с Москвой. Вернувшись окончательно в Москву и продолжая работать в Университете, Н. Н. Лузин несколько раз – в 1925, 1926, 1928 1930 гг. был в научных командировках, в основном в Париже, а во время своей последней длительной поездки, когда он, субсидируемый Рокфеллеровским фондом, писал монографию «Лекции об аналитических множествах и их приложениях» [12, а также 3, с. 9—266]. Во время этой последней командировки Московский университет денег Лузину не выплачивал. После своего ухода из Университета 16 декабря 1930 г. Лузин лишь в 1935 г. дал согласие прочитать там курс лекций по теории функций.

[18] Психастения часто возникает в связи с психическим истощением или травмой. Психастения как заболевание отличается от психастении как особого склада личности, для которой характерно отсутствие чувства реального, склонность к страхам, нерешительность в действиях.

В 1905 г. Д. Ф. Егоров был обеспокоен психическим состоянием находящегося тогда в Париже Н. Н. Лузина, о чем Егорову писал другой его ученик и товарищ Лузина по Университету В. А. Костицын. Егоров сразу понял, что это состояние связано с переутомлением и настоятельно советовал в своем письме к Лузину не трудиться без отдыха (см. [13, с. 336, 337, 341]). Есть основания полагать, что это состояние было вызвано неудачными попытками Лузина доказать континуум-гипотезу.

[19] П. С. Александров говорит о работе М. Я. Суслина [14].

[20] В статье М. Я. Суслина [14] имеется следующая (вторая от начала статьи) фраза, которую приведем сначала по-французски: «C'est M. N. Lusin qui m'a guidé dans mes recherches et c'est à lui tout d'abord que je dois des resultats l'idée ci-dessous» [14, с. 88].

Дословный перевод ее такой: «Это г-н Лузин руководил моими исследованиями и именно ему прежде всего я обязан результатами идеи, что и будет изложено далее». Обращаем внимание на то, что во французском тексте в последних словах отсутствуют необходимые предлоги, так что буквально получается «результаты идея». Здесь нельзя было перевести последнее слово как «нижеизложенное», так как по-русски его надо писать в соответствующем роде и числе, а по смыслу не ясно, к какому из двух слов — «результаты» или «идея» — это должно относиться. (Об этом переводе еще будет речь на другом заседании Комиссии.)

[21] Этот приоритетный вопрос обсуждался в различных статьях, посвященных Н. Н. Лузину (см., например, [15]).

[22] Свидетелем этих событий, которые происходили в Иваново-Вознесенске, П. С. Александров не был, так как в эти годы он уезжал в Новгород-Северск и в Чернигов, о чем он пишет в своих воспоминаниях [16]. Отъезд его был вызван тем, что поставленную перед ним Н. Н. Лузиным континуум-проблему Александров решить не смог и разуверился в своих математических способностях. В Москву Александров вернулся осенью 1920 г., однако зиму 1920— 1921 гг. он провел в Смоленске у своих родителей.

[23] Владимир Васильевич Голубев (1884 -1954) работал в Саратовском университете в 1917—1930 гг. и был в 1918 г. был деканом физико-математического факультета; ректором этого университета он был с апреля 1921 г. по 11 января 1923 г. [17].

[24] Павел Самуилович Урысон (1898—1924), ученик Н. Н. Лузина по Московскому университету, окончивший его в 1919 г., сначала занимался теорией функций, но затем переключился на топологию, где получил ряд фундаментальных результатов. Создатель теории размерности. Важные результаты были получены им вместе с его другом П. С. Александровым. Урысон работал в Институте математики и механики Московского университета и во Втором МГУ. Будучи в зарубежной командировке вместе с П. С. Александровым, Урысон погиб во время купания в море (Бретань, Франция).

[25] Петр Сергеевич Новиков (1901—1975) ученик Н. Н. Лузина, окончил Московский университет в 1925 г. С 1934 г. работал в Математическом институте АН СССР, где вначале был аспирантом и готовил докторскую диссертацию. В 1935 г. получил ученую степень доктора физико-математических наук. Позднее стал членом-корреспондентом (1953) и академиком АН СССР (1960). Он работал в области теории множеств, математической логики и алгебры.

[26] См. прим. 12.

[27] В письме к академику А. Н. Крылову от 19.08.1928 г. Н. Н. Лузин пишет по поводу выборов в Академию: «...я ждал в Москве простого и спокойного ко мне отношения, без уничтожающих жестов. Должно быть, по самому своему складу я - - просто спокойный мечтатель, несколько боящийся жизни и бессознательно сторонящийся ее. И когда мне пришлось проходить чрез врата уничтожающих суждений, затрагивающих и мое доброе имя, и мою честь, и аннулирующих самое значение того, над чем я думал в Науке, то мне иногда казалось, что я схожу с ума, или что наоборот надо бояться за жизнь и людей» [18, с. 204 –205]. Далее, говоря об общем собрании Института математики и механики, где он «был уничтожен радикальным образом», Лузин добавляет: «Последнее для меня было особенно мучительным, так как Институт состоит по большей части из моих личных учеников... И у меня осталось такое чувство, когда я узнал об этом, точно меня лично выгнали на улицу из дома, где я жил.., и действительно, для меня умерло в эти дни несколько дорогих мне людей, в благоприятное отношение которых я верил, ибо они старались всегда его показать» [18, с. 205]. К числу этих людей, видимо, относился и А. Я. Хинчин, подпись которого есть под коллективной заявкой профессоров и преподавателей кафедры математики Первого МГУ с рекомендацией избрать Д. Ф. Егорова [19, л. 135]. Позднее Н. Н. Лузин отвел кандидатуру А. Я. Хинчина при выборах в члены-корреспонденты АН СССР в 1932 г., и Хинчин был избран лишь в 1939 г. (О выборах Н. Н. Лузина в действительные члены АН СССР и ходе предвыборной кампании подробнее см. в [20].)

[28] А. Я. Хинчин был директором Научно-исследовательского института математики и механики при Первом МГУ в 1932 -1934 гг.

[29] Кандидатами в академики от Института математики и механики были Д. Ф. Егоров, С. А. Чаплыгин и С. Н. Бернштейн [19, л. 252].

[30] Наркомпрос Народный комиссариат просвещения РСФСР, который был образован в конце 1917 г. и в ведении которого до 1936 г. находился Московский университет. В 1936 1946 гг. Университет подчинялся Комитету по делам высшей школы.

[31] Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности.

[32] Здесь не указаны инициалы, но в статье «О врагах в советской маске» (газета «Правда» за 3 июля 1936 г.) говорится о В. Эйгесе. Вероятно, речь идет о В. Р. Эйгесе, преподававшем в Первом МГУ и выступившем с докладом на Первом Всероссийском съезде математиков в Москве в 1927 г. Доклад - «Мнимый сегмент и мнимый пояс евклидовой сферы как субстрат неевклидовых политрий» — был опубликован в «Трудах» Съезда. Н. Н. Лузин давал отзыв на некоторые рукописи «по основам геометрии» В. Р. Эйгеса (как было указано в газете), а потом этот отзыв опроверг А. Я. Хинчин. (Заметим, что в [7] инициалы Эйгеса указаны неверно — «В.С.» вместо «В. Р.»)

[33] Василий Никитич Депутатов (1892—1947) — человек необычной судьбы, сам сумевший пробить себе дорогу к знаниям и к математике. В 1917(?) г. он окончил Московский университет, где на него обратил внимание Н. Н. Лузин. Тяжелые 1918—1919 гг. вынудили Депутатова учительствовать в Воронежской губернии, пока Н. Н. Лузин не устроил его на работу в Иваново-Вознесенский политехнический институт, где тот преподавал в 1920— 1922 гг. По возвращении в Москву Депутатов был в аспирантуре Московского университета, и Лузин поддерживал с ним научные и личные отношения. Несмотря на влияние Лузина, Депутатов выбрал своей специальностью проективную геометрию, где получил важные результаты при построении теории плоских вурфов, явившиеся отправным пунктом для последующих исследований других ученых. В 1926-1935 гг. Депутатов работал в Московском электромашиностроительном институте. Он получил звание профессора и в 1938 г. перешел на работу в Московский областной педагогический институт, а с осени 1947 г. работал по совместительству в Московском городском институте усовершенствования учителей. В некрологе В. Н. Депутатова, написанном С. П. Фиников ым, есть строки, которые нельзя не процитировать именно в связи с «делом Лузина»: «Едва ли можно найти математика, который имел бы так много близких друзей, и о котором столько товарищей сохранили теплую благодарную память, ничем не омраченные воспоминания за десятки лет» [21, с. 54].

[34] Павел Александрович Безсонов (1889- –?) в 1915 г. окончил Казанский университет и с 1919 г. стал работать в Казанском политехническом институте. В середине 20-х годов он переехал

в Москву, где стал членом Московского математического общества, а в 1929 г. — членом Математического общества Франции. В 1935 г. Безсонов получил степень кандидата физико-математических наук, а в 1938 г. — звание профессора. Его основные исследования относились к теории функций комплексного переменного, в частности он занимался некоторыми обобщениями эллиптических и автоморфных функций, а одна из его работ была написана в соавторстве с М. А. Лаврентьевым. Заметим, что часто его фамилию писали неправильно - «Бессонов», в том числе и в данной стенограмме.

[35] В стенограмме — опечатка в инициалах: В. С. вместо В. А. Правильность последнего подтверждает и приведенное в стенограммах других заседаний обсуждение работ, относящихся именно к В. А. Кудрявцеву.

Всеволод Александрович Кудрявцев (1886 – 1953) после окончания Московского университета в 1910 г. работал в нем сначала в должности приват-доцента, а затем профессора. Преподавал также и в других вузах. Занимался исследованиями в различных областях математического анализа, в том числе – в области теории функций комплексного переменного. Кроме того, он выполнял переводы классических трудов по механике и прикладной математике. Эти сведения содержатся в некрологе [22], и в числе подписавших его имеются подписи участников «дела Лузина» П. С. Александрова и С. Л. Соболева.

[36] Доктор honoris causae — почетный доктор (дословно с лат.: ради почета, за заслуги). Эта ученая степень присуждается за научные заслуги без защиты диссертации

[37] Действительно, первые свои научные работы на русском языке П. С. Александров опубликовал в «Докладах АН СССР» только в 1936 г. (т. 2, № 2 и т. 4, № 7), если не считать его заметок в журнале «Фронт науки и техники».

Для сравнения укажем, что с 1918 г. до 1936 г. включительно Н. Н. Лузин опубликовал за рубежом 39 работ, а в русских изданиях — 24 работы, из которых 4 — на французском языке. К опубликованным в СССР работам мы отнесли также 6 публикаций другого типа - некрологи, статьи в энциклопедию и т.д., но не учитывали 25 изданий книг, редактором которых был Лузин.

[38] П. С. Александров, видимо, имеет в виду большой «Мемуар об аналитических и проективных множествах» Н. Н. Лузина, напечатанный на французском языке в «Математическом сборнике» в 1926 г. [23], (по-русски – в [3, с. 317 – 379]) . Из крупных работ Н. Н. Лузина в этом журнале была напечатана и докторская диссертация Н. Н. Лузина «Интеграл и тригонометрический ряд» (1916 г., т. 30, вып. 1), но, вероятно, Александров не учитывал дореволюционные публикации Н. Н. Лузина.

[39] «Изложение диссертации П. С. Новикова» - это работа [2].

[40] О работе «о множествах» см. прим. 38.

[41] В связи с исследованиями академика А. Н. Крылова Н. Н. Лузин опубликовал в 1931 г. и в 1932 г. две работы: [24] и [25], причем первая из них на 55 страницах, а вторая, состоящая из трех частей, занимает 107 страниц.

[42] Феликс Рувимович Гантмахер (1908 – 1964) до 1934 г. работал в Одессе, где и закончил аспирантуру. В Математическом институте АН СССР стал работать с 1938 г. (В 1936 г. входил в состав редакции «Математического сборника».)

В 1934 г. Гантмахер выступил на Втором Всесоюзном съезде математиков с докладом «К алгебраическому анализу метода акад. А. Н. Крылова преобразования векового уравнения», который был напечатан в томе 2 «Трудов» (с. 45 - 48) этого съезда, где публиковались статьи типа расширенных тезисов докладов.

[43] Т.е. В. В. Голубеву. См. о нем прим. 23.

[44] Жена Н. Н. Лузина - Надежда Михайловна (урожд. Малыгина), по воспоминаниям ее родственницы Н. Л. Мартыновой, была незаурядной, волевой и образованной женщиной. В течение многих лет она была фактически секретарем Н. Н. Лузина, вела дела, следила за графиком работы, за приемом посетителей и т.д. [26].

[45] Далее А. Я. Хинчин цитирует статью из газеты «Правда» от 3 июля 1936 г. «О врагах в советской маске» (см. Приложение III).

[46] В 1934 г. на выборах в АН СССР из математиков был избран в члены-корреспонденты математик и механик Владимир Васильевич Голубев (1884—1954), старший по возрасту и имевший безусловные заслуги в науке, хотя и остальные кандидаты, несомненно, были также достойны избрания. Однако вакансий было, как обычно, меньше, чем кандидатов. Более того, по всем отделениям Академии в этом году не был избран ни один академик и всего четыре члена-корреспондента.

В. В. Голубев после работы в Саратовском университете (см. прим. 23) в 1930 г. стал профессором Московского университета и старшим инженером Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ), а в 1932 г. он был назначен начальником кафедры высшей математики Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. С 1936 г. В. В. Голубев был директором Института механики при МГУ (Институт математики и механики МГУ был разделен на два института) и неоднократно, в частности, в 1933—1934 гг., был деканом механико-математического факультета МГУ.

[47] Лишь в 1939 г. А. Н. Колмогоров (1903 —1987) был избран академиком АН СССР, а А. О. Гельфонд (1906— 1968) — членом-корреспондентом АН СССР.

[48] О Кудрявцеве см. прим. 35.

[49] Имеются основания полагать, что стенографистка ошиблась в фамилиях выступавших, и Соболев указан вместо Александрова как здесь, так и ниже, а Александров — вместо Соболева (см. следующие примечания). Тема психастении и психиатра более органична для Александрова.

[50] Имеются основания полагать, что стенографистка ошиблась (см. прим. 49) и настоящая реплика принадлежит Соболеву, для которого более естественно обсуждение вопроса о политической физиономии Лузина (см. прим. 51).

[51] Здесь ошибка стенографистки (см. прим. 49, 50) обнаруживается совершенно явно: в предыдущей реплике С. Н. Бернштейн говорит о том, чтобы поручить П. С. Александрову и А. Н. Колмогорову составление отзывов, на что следует ответ, но не Соболева, как указано, а Александрова: «Я думаю, что такая комбинация — я и Андрей Николаевич - это будет мало».

[52] Не все математики, участвовавшие в заседаниях, были москвичами, например, С. Л. Соболев, а также С. Н. Бернштейн и А. Н. Крылов, которые жили в Ленинграде.

[53] Николай Васильевич Бугаев (1837—1903), профессор Московского университета, был одним из основателей Московского математического общества, а в 1891 —1903 гг. — его президентом. Отношение учеников Лузина к математическому творчеству Н. В. Бугаева (в частности, к его работам по теории чисел) было скептическим (см. [27]).

[54] Здесь, вероятно, стенографистка вновь (см. прим. 59, 50, 51) путает имена Соболева и Александрова: по нашему мнению реплика принадлежит Александрову.

[55] Отрицание «не» здесь, видимо, следует убрать, т.к. оно противоречит смыслу слов С. Н. Бернштейна.

[56] Гавриил Кириллович Хворостин — математик, воспитанник Московского университета, ректор Саратовского университета в 1935 1937 гг. Ранее рассматриваемых событий, в 1934 г., был заместителем директора Института математики и механики Московского университета, входил в состав правления Математического общества, а в 1929—1930 г. вместе с математиком Д. А. Райковым был одним из лидеров кампании против Д. Ф. Егорова, организованной «пролетарским студенчеством». Впоследствии, как это часто случалось в ту эпоху, был арестован и погиб в лагерях.

[57] См. прим. 52.

[58] 6– 10 сентября 1935 г. в Москве проходила Первая международная конференция по топологии, главным организатором которой был П. С. Александров.

[59] Полное название журнала, о котором идет речь: «Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des Sciences» (de Paris), т.е. «Еженедельные отчеты о заседаниях Парижской Академии наук». Н. Н. Лузин, видимо, приложил к своему заявлению экземпляр оттисков из тома № 164 этого журнала за 1917 г. В этом томе нет его совместной публикации с М. Я. Суслиным, но есть отдельно статья М. Я. Суслина [14] и самого Н. Н. Лузина [28] (или [3, с. 270—272]), причем работа Лузина напечатана сразу же после работы Суслина. Свою статью Н. Н. Лузин начи-

нает словами: «В данной заметке я ставлю своей задачей указать на несколько следствий из результатов г-на Суслина (см. предыдущую статью)» [28, с. 91]. Далее в этой статье Лузин еще трижды ссылается на Суслина.

[60] Usus — дословно с лат.: пользование, употребление. По-русски «узус» — термин гражданского права, означающий один из атрибутов права человека на свою собственность. Этот термин применяется также в вопросах охраны авторских прав.

[61] Дмитрий Евгеньевич Меньшов и Владимир Семенович Федоров в 1914 – 1915 гг. входили в число молодых математиков, составлявших школу Н. Н. Лузина. Оба они вместе с Н. Н. Лузиным были в Иваново-Вознесенске, причем Федоров преподавал в Политехническом институте (1918 - 1930), а Меньшов, приехавший в 1919 г. в Иваново-Вознесенск, получил работу в университете Нижнего Новгорода, но вскоре вернулся и преподавал в Иваново-Вознесенском педагогическом, а затем и Политехническом институтах до 1922 г. М. Я. Суслин работал в Иваново-Вознесенском политехническом институте в 1918 - 1919 гг.

[62] Этой странице работы Н. Н. Лузина [2] соответствует с. 586 его «Собрания сочинений» [3, с. 552 - 616] (см. также прим. 2). Напомним, что в прим. 8 говорилось о том, что академики должны были давать заключение по работе прикрепленных к ним докторантов. В их числе был и П. С. Новиков, который в 1935 г. после защиты диссертации был утвержден в степени доктора физико-математических наук.

[63] Эта работа Н. Н. Лузина — статья [30], не вошедшая в собрание его сочинений [3].

[64] Две заметки - это статьи Н. Н. Лузина [30] и [31], напечатанные в одном и том же томе 201, но в разных выпусках: за 14 октября и за 4 ноября 1935 г. В сноске ко второй статье [31] указано, что статья была представлена 14 октября.

[65] Этого письма А. Н. Крылова в архиве Н. Н. Лузина нет, так как судя по стенограмме, оно было приобщено к другим бумагам по «делу Лузина». Однако имеется ответное письмо Лузина к Крылову от 25.08.1931 г. [18, с. 231 - 232], в котором он писал: «Сообщение же Вашего впечатления о содержании моей рукописи глубоко и радостно взволновало меня... Искренне рад, что Иван Матвеевич Виноградов также благоприятно отозвался о моей попытке. Я не думаю, что Вы сочтете возможным уже тотчас же напечатать мою попытку. Я очень счастлив был узнать об этом!» [18, с. 231]. Там же приведены и другие письма Лузина, в которых он делится своими соображениями о методе Крылова преобразования векового уравнения и о своей интерпретации этого метода.

[66] П. С. Александров и другие участники заседаний употребляют слово «нота», так как по-французски слово «la note» означает «заметка», а в «Отчетах Парижской Академии наук» было принято печатать лишь небольшие - 1-2 стр. статьи, т.е. заметки.

[67] В связи с отсутствием как черновика письма Н. Н. Лузина, так и письма Э. Бореля, мы не можем восстановить французский текст, зачитанный на заседании. Возможно, что П. С. Александров здесь повторяет слова Н. Н. Лузина.

[68] Приведем последний абзац второй статьи [31] в русском переводе: «Таким образом, можно назвать в смысле г-на Лебега совершенное множество P, содержащееся в $E_0+E_1+\ldots E_\beta$, причем точным образом и без возможной двусмысленности. Но гораздо более интересный вопрос: сможем ли мы указать отдельную точку в E_β, остается ли открытым» [31, с. 809]. Следует заметить, что об эффективности у Лузина явно сказано в пункте «Эффективная точка» в первой статье [30, с. 640]. Обе эти статьи не вошли в собрание сочинений Лузина.

В [30] Н. Н. Лузин рассматривает задачу: возможно ли определить непустое аналитическое дополнение E такое, что невозможно назвать ни одной индивидуальной точки этого множества E, то есть уметь определенно (недвусмысленно) отличать ее от любой другой точки в E. Эту задачу Лузин решает, используя метод решета, и делает вывод: точку можно назвать в смысле Лебега, но нельзя ее вычислить в функциях от координат.

[69] П. С. Александров читает текст статьи Н. Н. Лузина, предположительно последний абзац, приведенный в прим. 68.

[70] Ни эта третья статья, ни остальные из этой серии так и не были опубликованы, так как после окончания этих мучительных для Н. Н. Лузина заседаний, он перестал работать в области дескриптивной теории функций.

[71] Т.е. работа [2], о которой сказано в прим. 2.

[72] Здесь имеется в виду, что работы советских или иностранных авторов, напечатанные в «Докладах АН СССР», публиковались либо по-русски, либо на каком-нибудь иностранном языке (французском, немецком, реже — английском). Во многих случаях была аннотация или резюме на другом языке, отличном от языка автора статьи. Это практиковалось и в других советских научных журналах того времени.

[73] Польский математический журнал «Fundamenta Mathematicae» произносится по-разному: либо «Фундамента математицэ» (см. прим. 76).

[74] Здесь Н. Н. Лузин читает выдержки из своей статьи 1927 г. «Об аналитических множествах» ([32] или [3, с. 380 -450]), относящиеся к результатам П. С. Новикова. Так как неизвестно, какие именно фразы мог прочитать Н. Н. Лузин, то укажем только, что в параграфе 54 «Многозначные неявные функции. Изыскания П. С. Новикова» и в параграфе 55 «Общий случай» [3, с. 433 435] имеются слова: «Вот результаты П. С. Новикова», после которых соответствующие результаты кратко излагаются по пунктам. Кроме того, на с. 435 в [3] имеется сноска: «Существование такой системы уравнений получено П. С. Новиковым из существования двух множеств E_1 и E_2, дополнительных соответственно к двум аналитическим множествам, которые неотделимы B, хотя они и не имеют общих точек. П. С. Новиков нашел пример такой функции $F(x, y)$ второго класса, что существует однозначная функция $\varphi(x)$, удовлетворяющая для каждого действительного x уравнению $F[x, \varphi(x)]=0$, но не существует никакой однозначной функции $\varphi(x)$, входящей в классификацию Бэра, которая удовлетворяла бы (для каждого действительного x) этому уравнению».

[75] Т.е. в 1927 г., тогда как заметки в «Comptes Rendus» появились в 1935 г.

[76] «Fumdamenta Mathematicae» был специализированным математическим журналом, посвященным проблемам теории множеств, дескриптивной теории функций и топологии, что было новым в мировой практике математических журналов. Несмотря на сомнения многих ученых, в частности, А. Лебега, в том, будет ли достаточно материала для публикаций по столь узкой тематике, практика показала, что эти опасения не оправдались.

Основными организаторами и редакторами этого журнала был его главный редактор Вацлав Серпинский (с основания журнала в 1920 г. по 1960 г.), а также Станислав Лесьневский, Ян Лукасевич, Стефан Мазуркевич. Журнал завоевал международное признание среди специалистов. В нем печатались и многие иностранные ученые: Н. Н. Лузин, П. С. Александров, Э. Борель, А. Лебег, Ф. Хаусдорф и др. Журнал привлекал своих читателей также разделом «Проблемы» (подробнее в [33]).

[77] Вторая статья [31] заканчивалась постановкой задачи.

КОММЕНТАРИИ

к стенограмме заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

9 июля 1936 г.

На заседании 9 июля 1936 г. выступали:

А. Е. Ферсман, И. М. Виноградов, А. Я. Хинчин, Г. М. Кржижановский, А. Н. Бах, Н. П. Горбунов, П. С. Александров, О. Ю. Шмидт, Л. А. Люстерник, Л. Г. Шнирельман, А. О. Гельфонд, А. С. Бутягин, С. Е. Аршон, Б. И. Сегал, С. Л. Соболев, Н. Н. Лузин.

[1] Рукописный текст, составленный членами Комиссии после заседания 7 июля 1936 г. и имеющий заголовок «Выводы», хранится среди документов, связанных с «Делом» в Архиве РАН (Ф. 606. Оп. 2. Д. 34) и состоит из восьми пунктов. Первый из них такой:

«1) Н. Н. Лузин является одним из основателей современной теории функций действительного переменного, крупнейшим представителем этой области математики в СССР и одним из крупнейших специалистов в этой области в Европе. Работы Н. Н. Лузина в этой области оказали громадное влияние на развитие не только этой математической дисциплины, но и на ряд примыкающих к ней дисциплин (теория аналитических функций, теория вероятностей, топология и др.). Несомненно, вся совокупность математических работ Н. Н. Лузина даст ему право считаться одним из самых крупных математиков Советского Союза.

Н. Н. Лузин является учителем большинства московских математиков, создателем Московской математической школы в ее теперешнем виде. Заслуги его в этом отношении исключительно велики».

[2] Ответы на первые два вопроса содержатся в пункте 1 (см. выше прим. 1). Ответ на третий вопрос содержится в нижеприведенном пункте 2. А. Е. Ферсман, как и в предыдущем случае, не зачитывал текст полностью.

«2. Утверждение о том, что Лузин «один из стаи...», неверно. Хотя уже по самому своему возрасту Н. Н. Лузин должен был иметь своими учителями представителей этой школы (Некрасов, Лахтин), однако в дореволюционный период своей деятельности он совершенно четко примыкал к другой, «западнической» группировке, часто становившейся в области научной организации в оппозицию «православно-самодержавной» группировке и стремившейся к перестройке преподавания по образцу европейских университетов».

Здесь упомянуты московские математики П. А. Некрасов (1858—1924), который длительный срок был ректором Московского университета, и Л. К. Лахтин (1863—1927).

[3] А. Е. Ферсман читает (полностью или частично — неизвестно) следующий, третий пункт «Выводов»:

«3. В последние годы Н. Н. Лузин представил в различные учреждения (издательства, Академию наук, Челябинский обком партии, Университет, ВАК [Высшая аттестационная комиссия] ряд отзывов и характеристик не только ошибочных по существу, но и столь нелепых, что нет возможности предположить, что Н. Н. Лузин не понимал их ложности.

Ввиду того, что речь в отзывах Лузина шла о весьма серьезных вопросах, как например: назначение профессоров и доцентов, печатание научных работ, принятие аспирантов и т.п., следует признать, что отзывы Лузина могли причинить большой ущерб, который не мог быть скрыт от самого Лузина. Примерами могут служить отзывы о Шадхане, Иванове, работе Тер-Микаэляна и др.

Для характеристики предпосылок, из которых Лузин исходил, поучительно привести свидетельство зам. председателя КВШ [Комитета по высшей школе] тов.Волынского, которому Н. Н. Лузин высказал мысль, что КВШ не должен предъявлять действительно серьезных требований, так как если бы их начать предъявлять, то в СССР не следовало бы никому давать докторскую степень».

[4] Этот пункт «Выводов» А. Е. Ферсман изложил сам. Приведем точный текст этого пункта:

4. По работам Н. Н. Лузина, напечатанным в СССР и за границей, пока еще нет данных судить о том, имелось ли здесь сознательное засорение советской книжной и журнальной литературы. Самый факт печатания значительного процента работ за границей не является характерным именно для Лузина, так как при современной скорости выхода в свет журнальных статей печатание за границей представляет собою ряд преимуществ. В «Парижских докладах» статья, отправленная 15 сентября, выходит уже 7 октября, в то время как одновременно посланная статья в ДАН [«Доклады Академии наук»] вышла в февральском номере. Принимая во внимание значительно большее количество оттисков (100 штук, в то время как у нас сплошь и рядом даются 25) и качество бумаги и набора, мы видим, что печатание это является вполне естественным».

[5] Приведем следующий пункт «Выводов»:

«5. Относительно авторства Лузина можно считать установленным наличие фактов плагиата в нескольких вопросах дескриптивной теории функций действительного переменного. В некоторых случаях плагиат явный, в других он носит слегка прикрытую форму. В частности:

1) Н. Н. Лузиным была напечатана совместно с Новиковым работа в польском журнале "Fundamenta Mathematicae", в которой, как указано в самом начале, помещены результаты, принадлежащие Новикову, в усовершенствованной редакции, предложенной Лузиным. Одновременно с этой публикацией та же работа с ничтожными изменениями за подписью одного Лузина появляется в Парижских C.R. Объяснение, данное Лузиным этому факту, явно несостоятельно.

2) Работа Новикова по теории неявных функций, рукопись которой была в руках у Лузина, была напечатана в его книге без указания принадлежности ее Новикову с подстрочным примечанием о том, что Новиков занимался аналогичными вещами.

Имеются указания на другие аналогичные факты. Указания эти подлежат некоторой проверке.»

[6] П. С. Александров представляет дело так, что немецкий математик Ф. Хаусдорф сам предложил назвать A-множества суслинскими множествами.

Второе издание книги Хаусдорфа «Теория множеств» (1927) появилось в русском переводе под редакцией и с дополнениями П. С. Александрова и А. Н. Колмогорова в 1937 г. (книга была сдана в производство 01.10.1936 г., подписана к печати 08.05.1937 г.). В предисловии к этой книге [34] есть такие слова: «...Во втором издании прибавлена и притом в мастерском изложении – теория A-множеств Суслина (в настоящем переводе эти множества в соответствии с терминологией, принятой Хаусдорфом, называются по имени открывшего их М. Я. Суслина (род. в 1894 г., ум. в 1919 г.) суслинскими множествами» [34, с. 3]).

Позднее в учебном пособии для ВУЗ'ов [35], изданном в 1948 г., Александров также в сноске указывает, что «название A-множество было предложено М. Я. Суслиным [35, с. 350] и добавляет: «Хаусдорф называет A-множества "суслинскими множествами"».

Однако в своих воспоминаниях [16] П. С. Александров писал, что летом 1924 г. он и П. С. Урысон посетили Хаусдорфа, который их спросил, как надо называть A-множества. «Хаусдорф принял наше совместное предложение [т.е. с Урысоном, после некоторых колебаний последнего, как пишет Александров], и в новом издании его «Теории множеств» эти множества называются суслинскими» [16, с. 235—236].

Д. Е. Меньшов также сообщает, что «A-множества по предложению Александрова часто именуются теперь суслинскими множествами» [36, с. 5].

Отметим, что в 1937 г., через год после рассматриваемых событий, в статье [37] П. С. Александров к словам: «Лебег предложил называть борелевские множества аналитическими множествами» дает такую сноску: «Впоследствии Лузин сделал попытку придать термину «аналитическое множество» более широкий смысл» [37, с. 30].

[7] П. С. Александров в [16, с. 235] сообщает, что М. Я. Суслин назвал A-множества в его честь.

[8] Эти строки из статьи М. Я. Суслина [14, с. 88] были приведены в прим. 20 за 7 июля.

[9] Вызывает сомнение, что М. Я. Суслин рассказал о своих результатах в январе, т.е. в январе 1917 г., тогда как статья Суслина уже была представлена Парижской академии наук 8 января 1917 г.

[10] А. Е. Ферсман зачитывает слова из «Выводов» (см. прим. 5, третий абзац цитаты).

[11] См. прим. 60 к 7 июля.

[12] Этой записью мы не располагаем.

[13] Здесь «упаковка» — математический термин.

[14] Это работа П. С. Александрова [38].

[15] П. С. Александров в [38] решил проблему мощности борелевских множеств, которую одновременно с ним решил и Ф. Хаусдорф. Именно в этой работе им была применена операция, получившая потом название A-операции. Подробнее см. в статье В. М. Тихомирова [15, с. 129], где приводятся слова Александрова из статьи [38, с. 323] о том, что саму задачу ему поставил Н. Н. Лузин, которому он благодарен за поддержку в работе. В. М. Тихомиров расставил все точки над i в этом приоритетном споре, в котором прав был П. С. Александров.

[16] Вероятно, Н. Н. Лузин в неизвестном нам тексте или высказывании имел в виду, что Александров ввел свою операцию, решая частную проблему, тогда как главная часть — сама постановка проблемы (см. [15]).

[17] В дополнение к прим. 7 приведем цитату из воспоминаний П. С. Александрова [16, с. 235]: «Он [Суслин] подчеркнул при этом, что предлагает эту терминологию в мою честь». Это противоречит с выступлением П. С. Александрова на этом заседании Комиссии, и его как-то трудно объяснить забывчивостью.

[18] В стенограмме ошибочно написано «Лев Аронович» вместо «Лев Генрихович» Шнирельман.

[19] Н. Н. Лузин был в 1928 - 1930 гг. во Франции, где стипендия Рокфеллеровского фонда дала ему возможность написать монографию [12] (см. прим. 17 к 7 июля). Стипендия, а соответственно и командировка закончились осенью 1929 г. Лузин не успел еще закончить работу над книгой; к тому же летом 1929 г. тяжело заболела его жена, которую осенью пришлось оперировать. Вернуться, не закончив книгу, Лузин не мог, так как ему было необходимо иметь возможность обсуждать ее с А. Лебегом и иметь консультации по французскому языку. Он понимал, что текущая работа в Москве и условия жизни будут отнимать у него время и силы. Э. Борель и А. Лебег обратились в фонд Рокфеллера, который согласился субсидировать Лузина до 31 мая 1930 г. А. Лебег и П. Ланжевен написали в АН СССР ходатайства о продлении Лузину командировки (письма французских ученых обнаружить не удалось).

С такой же просьбой обратился в Академию и сам Лузин, а через Академию — в Московский университет и в Математический институт АН СССР. Московский университет не платил ему денег во время командировки, и Математический институт также собирался прекратить выплаты. Обо всем этом Лузин написал А. Н. Крылову [18]. Академия не без влияния Крылова продлила Лузину командировку, причем ходатайство от 31 августа 1928 г. в Народный комиссариат по просвещению подписал бывший тогда вице-президентом Академии А. Е. Ферсман [39, л. 238]. Видимо, решение Наркомпроса, в ведении которого был и Университет, и Математический институт, было положительным.

Лузин вернулся в Москву в середине сентября 1930 г., оставшись на лето для наблюдения за печатью своей книги, которую он хотел привезти в Москву.

[20] «Василий Николаевич» — оговорка О. Ю. Шмидта, но скорее — ошибка стенографистки Об этом говорил Алексей Николаевич Бах.

[21] Напомним, что область научных интересов О. Ю. Шмидта — вообще весьма широких — это теория групп.

[22] Борис Николаевич Делоне (1890 –1980) и Николай Григорьевич Чеботарев (1894 - 1947) избранные в 1929 г. членами-корреспондентами АН СССР, как и О. Ю. Шмидт, окончили Киевский университет и были учениками Д. А. Граве, создавшего алгебраическую школу в Киеве.

[23] Николай Максимович Гюнтер (1871—1941), член-корреспондент АН СССР с 1924 г., профессор Петербургского-Ленинградского университета. Его научные интересы относились к теории дифференциальных уравнений в частных производных, математической физике и гидродинамике, т.е. к областям, далеким от тех, которыми занимался О. Ю. Шмидт.

[24] Какие именно заголовки назвал П. С. Александров — неизвестно, но можно предположить, что им были взяты названия статей Н. Н. Лузина [40, 41] или подзаголовки из его статьи «Об аналитических множествах» (см. [3, с. 380 - 450]), например, такие: «Конструкция г-на Анри Лебега», «Идеи г-на Эмиля Бореля», а пропущенное слово — возможно, illustre, т.е. «знаменитый» — встречается у Лузина по отношению к Лебегу лишь один раз [3, с. 380].

[25] В 1928 г. С. Н. Бернштейн был избран членом-корреспондентом Парижской Академии наук, а в 1955 г. — ее иностранным членом. Кроме того, в 1926 г. Бернштейну была присуждена премия Парижской академии наук, а в 1945 г. — почетная степень доктора наук Парижского университета.

С. Н. Бернштейн, выпускник Парижского университета (1899) и Парижской электротехнической школы (1901), был больше известен французским ученым, чем Н. Н. Лузин. Не проводя сравнений математических дарований обоих ученых, отметим только, что диапазон математических исследований Бернштейна был более широким по сравнению с лузинским.

[26] В 1929 г. Л. А. Люстерник и Л. Г. Шнирельман опубликовали в парижских «Comptes Rendus» три статьи. Разработанные авторами топологические методы и полученные ими результаты относятся фактически к различным областям математики — вариационному исчислению, функциональному анализу, геометрии, а их результаты, касающиеся проблемы геодезических линий имеет приложение к динамике. Жак Адамар (1865—1963) ранее также занимался проблемой геодезических линий, а потому понятен его интерес к работам Люстерника и Шнирельмана.

В свой второй приезд в СССР в 1934 г. (первый состоялся в 1930 г.) Ж. Адамар встречался с московскими математиками. В это время пресса, освещавшая приезд французских ученых, особенно подчеркивала достижения молодых математиков — Л. А. Люстерника, Л. Г. Шнирельмана, А. О. Гельфонда и Л. С. Понтрягина. Если П. С. Александров имеет в виду свой разговор с Адамаром в этот приезд, то неясно, о какой работе Люстерника и Шнирельмана идет речь, во всяком случае на французском языке у них не было больше совместных публикаций.

Что касается слов П. С. Александрова о сравнительной оценке Ж. Адамара работ Люстерника со Шнирельманом и Лузина, то процитируем здесь слова Д. Е. Меньшова об отношении Адамара к теории функций действительного переменного.

«От Адамара проблематика теории функций действительного переменного была далека, но он вполне доверял Лузину» [36, с. 322], — вспоминал Меньшов, и далее, говоря о своем участии в семинаре Адамара в 1927 г., он добавил: «При этом я убедился, что Адамар действительно мало знаком с современной теорией функций» [там же, с. 332]. И, тем не менее, именно Адамар оказывал Лузину всяческое содействие по изданию его книги [36].

[27] Первая работа Н. Н. Лузина — это статья [42].

[28] «На одной из сессий...», т.е. на одной из секций в Цюрихе. Дело в том, что «популяризировать» имя Лузина в Германии П. С. Александрову «пришлось» в 1932 г. на Международном конгрессе математиков в Цюрихе. Н. Н. Лузина, как и многих других советских математиков, на конгресс не пустили власти. Главой делегации СССР был Э. Я. Кольман. Так как у Лузина был уже заявлен доклад, то Александров прочитал за Лузина его доклад, который был опубликован позднее ([43] или [3, с. 627—641]).

[29] Американский математик Гаррет Биркгоф (р. 1911) известен как ученый с очень широким кругом интересов. В 1935 г. он был на Первой международной конференции по топологии, проходившей в Москве.

[30] Научная деятельность одного из величайших математиков XIX - XX вв. Давида Гильберта (1862- 1943) «довольно четко делится на периоды, в каждый из которых он был почти всецело поглощен одной конкретной группой проблем», — писал Г. Вейль в своем знаменитом очерке о Д.Гильберте (см. Гильберт Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1998. С. 480). В каждый из таких периодов он интересовался преимущественно теми математиками, которые работали над теми же проблемами, что и он сам в данный момент.

[31] Ученик Н. Н. Лузина Алексей Андреевич Ляпунов (1911 – 1973) окончил Московский университет в 1933 г., в 1934 г. начал работать в Математическом институте АН СССР. Ряд его работ посвящен лузинской тематике — дескриптивной теории множеств и функций. В дальнейшем большую роль сыграли работы Ляпунова и сама его деятельность как организатора науки в области кибернетики, программирования, математической биологии и в других направлениях. В 1964 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

[32] Л. А. Люстерник назвал здесь две математические школы в Польше. Варшавская школа была создана В.Серпинским и другими польскими математиками после получения Польшей в 1918 г. независимости. По инициативе варшавских математиков был создан журнал «Fundamenta Mathematicae».

Львовская школа сложилась несколько позднее и связана, прежде всего, с именем Стефана Банаха. Основные ее достижения относятся, главным образом, к функциональному анализу.

[33] Роль Б. К. Млодзеевского — замечательного геометра и профессора, начавшего чтение в Москве лекций по теории функций действительного переменного [44] — О. Ю. Шмидт явно занизил.

[34] «Ваше превосходительство» — дореволюционное обращение к лицам в чине генерал-майора, что соответствовало гражданскому чину 4-го класса, т.е. действительному статскому советнику.

[35] Л. А. Кассо был в те годы министром народного просвещения России. Из-за его жестоких мер по отношению к революционному студенчеству и профессуре, а также из-за уничтожения автономии университетов, в 1911 г. из Московского университета ушло около ста преподавателей и профессоров. Д. Ф. Егоров, отличавшийся высокой принципиальностью и бесстрашием, однако не покинул Университет, так как чувство ответственности за науку и научные кадры России пересилили его желание уйти (см. [27]).

[36] Напомним, что Н. Н. Лузин был в это время в зарубежной командировке (1910 - 1913) и не мог уйти из Университета.

[37] Международный съезд математиков проходил в г. Болонья (Италия) с 3 по 10 сентября 1928 г. На этом съезде была большая группа советских математиков, в том числе Н. Н. Лузин, Н. М. Крылов, Л. А. Люстерник, А. Я. Хинчин, П. С. Александров, М. А. Лаврентьев.

[38] Первый конгресс математиков славянских стран проходил в Варшаве и Кракове 23 – 27 сентября 1929 г. Президентом конгресса был В. Серпинский. В этом съезде приняли участие математики Болгарии, Чехословакии, Польши, Югославии и Румынии, хотя последняя и не являлась славянской страной.

[39] Точнее: панславизм. Это политическое течение, оформившееся еще к 30-м годам XIX века, имело в своей основе идею объединения всех славянских народов во главе с русским, с Россией. Эта идея была позднее воспринята кадетами (конституционно-демократической партией). После Октябрьской революции 1917 г. кадеты были объявлены врагами народа. Отметим, что в 20-ых годах XX в. имела некоторое распространение идея создания Соединенных штатов Европы, а в славянских странах — идея объединения славянских народов.

[40] Действительно, в «Трудах» этого конгресса [45] указаны Н. Н. Лузин и Н. М. Крылов как члены Оргкомитета и приведены слова из обращения В.Серпинского, в котором было сказано, что подготовка к этому конгрессу началась во время Международного конгресса математиков в Болонье; тогда же двум ученым от Советской России и Украины было сделано предложение войти в Оргкомитет съезда, на что эти ученые ответили, что не имеют ответов от своих правительств.

[41] ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

Наркоминдел — Народный комиссариат иностранных дел.

[42] Речь идет об обращении московских ученых к французским коллегам с протестом против угрозы интервенции. Об этом уже говорил на этом заседании Н. И. Горбунов.

[43] Процесс «Промпартии» прошел в ноябре-декабре 1930 г. Группа инженеров и техников была обвинена во вредительстве и заговоре с целью свержения советской власти

[44] «Там» - это в письме московских ученых.

[45] Год реформы: 1930 - 1931 гг., когда после принятия первого пятилетнего плана (1929 г.) в высшей школе также начались реформы. Они заключались в следующих мероприятиях: чистке

студенческих рядов, начавшейся еще ранее; введении бригадного метода обучения; исключительно прикладном уклоне, в том числе и в математике; борьбе со старой профессурой.

[46] Вероятно, О. Ю. Шмидт немного ошибся датой: вряд ли Л. Г. Шнирельман мог выступать перед научными работниками — тогда он еще не был даже студентом.

В 1920 г. О. Ю. Шмидт стал профессором Московского лесотехнического института; одно время он работал вместе с Н. Н. Лузиным, имевшем там педагогическую нагрузку.

[47] А. Я. Хинчин забыл: на заседании об этом говорил не Л. А. Люстерник, а Н. П. Горбунов, упомянувший Люстерника.

[48] Московский университет имел несколько научно-исследовательских институтов в своем составе. При физико-математическом факультете таких институтов было три: Институт математики и механики, Астрофизический и Геофизический институты.

[49] О Г. К. Хворостине см. прим. 56 к 7 июля.

[50] А. Я. Хинчин был директором в 1932—1934 гг. (см. прим. 28 к стенограмме от 7 июля). Ответное письмо Н. Н. Лузина по поводу предложения Хинчина читать курс в Институте математики и механики при Московском университете опубликовано в [46].

[51] Алексей Сергеевич Бутягин (1881—1958), математик по образованию, профессор, был ректором Московского университета с 1934 г. по 1941 г. Научными трудами не известен.

[52] А. С. Бубнов был тогда наркомом просвещения. Французскими гостями были известный французский математик Жак Адамар (1865- -1963) и другие ученые. Адамар второй раз приехал в СССР – - первая его поездка состоялась в 1930 г., когда он участвовал в Первом Всесоюзном конгрессе математиков. На этот раз он приезжал с группой французских ученых (см. также прим. 26.)

[53] Академик Николай Дмитриевич Зелинский (1861—1953) — химик.

[54] Первое издание учебника П. С. Александрова и А. Н. Колмогорова «Введение в теорию функций действительного переменного» вышло в 1933 г., переиздано в 1934 г., третье издание (переработанное) появилось в 1938 г.

[55] Герман Германович Аппельрот (1866—1943) — профессор механики, ученик Н. Е. Жуковского. Окончил Московский университет в 1889 г. До 1929 г. он преподавал в Сельскохозяйственном институте в Москве, затем был профессором Московского университета. Известен работами о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки. Вместе с С. А. Чаплыгиным занимался исследованием гироскопов.

[56] «Элементарный адрес» — заявление московских ученых с протестом против интервенции, о котором уже говорилось.

[57] Выдвижение кандидатов в АН СССР началось в 1928 г. Комиссия по группе философских наук при Академии (Н. П. Горбунов назвал ее «отделением», что не так, т.к. кандидатурами занималась специальная комиссия из академиков) 14 октября 1928 г. представила Н. Н. Лузина к избранию по кафедре философских наук. После голосования на Общем собрании АН СССР 12 января 1928 г. Н. Н. Лузин был избран действительным членом АН СССР по кафедре философии Отделения гуманитарных наук, а 31 января 1931 г., после исключения академика Я. В. Успенского по его просьбе в связи с переездом в США на постоянное жительство, Н. Н. Лузин был переведен на кафедру математики (подробнее см. в [20]).

[58] Известны письма Н. Н. Лузина к О. Ю. Шмидту, в частности от 24 февраля 1926 г. из Парижа (см. [47]), однако Шмидт, задав вопрос, ничего не сказал присутствующим об этих письмах.

[59] С. Е. Аршон здесь не вполне точен: приглашение Н. Н. Лузина в Оргкомитет относится к 1928 г. (С. Е. Аршон работал в Математическом институте АН СССР, занимался вопросами комбинаторики, в 1934 г. стал участником семинара О. Ю. Шмидта по теории групп.)

[60] П. С. Александров, конечно, знал о давнишней дружбе Н. Н. Лузина и В. Серпинского (1882—1969), который во время Первой мировой войны, как подданый Австро-Венгрии, был интернирован русскими властями, но, по ходатайству Д. Ф. Егорова и Б. К. Млодзеевского, ему было разрешено жить не в Вятке, куда он был направлен, а в Москве (1915—1918). Тогда началось его плодотворное сотрудничество с Н. Н. Лузиным [48]. Кроме того, 1 октября 1930 г. Лузин был избран иностранным членом Польской академии наук. Видимо, уже в эти годы встречать своих зарубежных друзей «без поручения» считалось недозволенным.

[61] Американский математик Соломон Лефшец (1884—1972) известен работами по алгебраической геометрии, топологии и теории дифференциальных уравнений.

[62] Эдуард Чех (1892—1960) — чешский математик. Работал в области дифференциальной геометрии и топологии.

[63] Об «участии» Н. М. Крылова в этом съезде см. прим. 40.

[64] То есть АН УССР, расположенная в Киеве. Н. М. Крылов был с 1922 г. академиком и этой Академии наук, как и О. Ю. Шмидт, избранный в 1934 г.

[65] Б. И. Сегал был в то время ученым секретарем Математического института АН СССР и поэтому именно он представил заявление П. С. Новикова и А.А.Ляпунова.

[66] Clairsemé (франц.) — дословно: редкий, немногочисленный; от clair - - редкий и semer сажать. В русском переводе книги Н. Н. Лузина использован термин «рассеянное множество» (см. [3, с. 92]).

[67] В книге Н. Н. Лузина [12] есть следующие строки в тексте второй главы, которые мы приведем в русском переводе [3, с. 109]: «Мы изложим теперь исследования по этому вопросу М. А. Лаврентьева, важные результаты которого опубликованы им в статье «Sur les sous-classes de la classification de M. Baire» — [«О подклассах в классификации Бэра»]». Лузин даст и ссылку на эту статью Лаврентьева в «Comptes Rendus» от 12 января 1925 г. (т. 180, с. 111—114).

[68] По поводу неясности ссылок ограничимся цитированием Н. Н. Лузина по русскому переводу его книги [3]. На с. 150 дана сноска с указанием статьи Лузина 1929 г., после чего написано. «Ср. с результатами П. С. Новикова, касающимися неявных функций». Здесь не указана статья П. С. Новикова 1931 г. [50].

На с. 187 Н. Н. Лузин предлагает три доказательства существования двух аналитических дополнений, неотделимых B, причем к первому из них есть сноска: «Другие доказательства находятся на стр. 219 и 221 этой книги. См. также исследования П. С. Новикова по теории неявных функций», т.е. тоже нет точной ссылки на ту же работу Новикова 1931 г. На с. 223 параграф называется «Метод П. С. Новикова» и в тексте написано: «П. С. Новиков решил эту проблему, опираясь на существование двух аналитических дополнений, неотделимых B» и сделана сноска: «Построение которых было дано им самим; см. его исследования о неявных функциях...» (далее идет название статьи Новикова [49] и ее выходные данные).

Что касается леммы о сравнении решет, то Лузин не выделил соответствующее предложение как лемму.

[69] Полные названия перечисленных ниже работ имеются в списке литературы, поэтому далее приведены соответствующие номера этого списка, а также указан их русский перевод, если он был, по «Собранию сочинений» Н. Н. Лузина [3].

I. [50], а также в [3, с. 470—493].

II. [43], а также [3, с. 627—641].

III. [9], а также [3, с. 617—618].

IV. [51]

V. 1) [52], 2) [53], 3) [54].

[70] Отца Вацлава Серпинского звали Константином, а потому в России Серпинского звали по имени и отчеству.

[71] Эти вопросы, связанные с П. С. Новиковым, уже обсуждались на заседании 7 июля — см прим. 2, 25, 39, 62, 74.

[72] Город Горький ныне снова называется Нижним Новгородом.

[73] Хотя П. С. Новиков окончил Московский университет в 1925 г., его первая научная работа была опубликована в 1931 г. В 1929—1934 гг. он работал в Московском химико-технологическом институте, с 1934 г. — в Математическом институте Академии наук, докторскую степень получил в 1934 г.

[74] Если А. О. Гельфонд считает работы П. С. Новикова от 1925 г., то за 10 лет (но с 1931 г.) у него было опубликовано 9 работ, из которых одна совместно с Н. Н. Лузиным.

[75] Игорь Николаевич Хлодовский (1903—1951), выпускник Московского университета 1926 г., был профессором в Московском химико-технологическом институте в 1920—1951 гг.; там же

позже работал и П. С. Новиков. До 1936 г. И. Н. Хлодовский опубликовал 4 работы, тематически далекие от исследований П. С. Новикова.

[76] Материалами, которые представил Н. П. Горбунов, мы не располагаем. Кто такой Тельбешев, если только его фамилия правильно, что весьма сомнительно, — установить не удалось. Наиболее вероятно предположение, что здесь имелся в виду Д. Е. Меньшов.

[77] Имеется в виду Международный конгресс математиков (Болонья, 1928 г.).

[78] См. прим. 41 и 42 к 7 июля. Работа на трех страницах — это результат Ф. Р. Гантмахера.

[79] Из 27 научных публикаций С. Л. Соболева до 1936 г. включительно 5 работ были напечатаны в «Comptes Rendus» и 5 работ в русских изданиях, но на французском языке.

[80] «Резон д'этр» — французское выражение «raison d'être», т.е. разумный смысл, право на существование.

[81] Б. И. Сегал перечислил «русские» работы Н. Н. Лузина. Однако он не указал на такие работы как «Современное состояние теории функций действительного переменного» (1934), три статьи в русском издании книги А. Лебега «Интегрирование и отыскание примитивных функций» (1934), «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» (1935), не говоря уже о других публикациях Лузина типа учебников и статей для энциклопедии, которые «не считались». Отбор производился тенденциозно, причем то одно не учитывалось, то другое.

Работа, «помещенная в Казани» — это работа [55], а в «Математическом сборнике» — [56].

[82] Это работа [57] в издании Центрального аэрогидродинамического института. Директором ЦАГИ был С. А. Чаплыгин, который и пригласил Н. Н. Лузина на работу в этот институт.

[83] Новая серия «Докладов АН СССР» началась в 1933 г.

[84] «Примечания» к статьям П. С. Новикова и А. А. Ляпунова — это работа Н. Н. Лузина «Несколько замечаний о кратной отделимости», она была напечатана в «Докладах АН СССР» в 1934 г. (т. 2, № 5), (см. также [3, с. 547—551]).

[85] Кроме указанной в прим. 84 статьи Н. Н. Лузина, Б. И. Сегал говорит здесь только о публикациях Лузина в «Докладах АН СССР», тогда как П. С. Александров мог иметь в виду статью Лузина «О множествах всегда первой категории» [58], но не помнил, что она была издана в Польше. Заметим, что в 1928—1930 гг. у Лузина не было публикаций научных работ на русском языке.

[86] С Ленинградской математической школой О. Ю. Шмидт был связан в основном через Б. Н. Делоне (см. о нем в прим. 22), который в 1922 — 1935 гг. работал в Ленинградском университете.

[87] С. А. Чаплыгин и Н. Е. Жуковский жили в Москве. «Ленинградцами» О. Ю. Шмидт назвал петербургских математиков А. Н. Коркина (1837—1908) и А. А. Маркова-старшего (1856 - 1922).

О. Ю. Шмидт не вполне точен. Например, у А. Н. Коркина треть его работ была опубликована за границей, а у академика А. А. Маркова — примерно пятая часть всех его прижизненных публикаций, причем 6 изданных в России работ были написаны на французском языке.

[88] Академик с 1912 г. и вице-президент Академии наук в 1919 - 1926 гг. В. А. Стеклов (1864 - 1926) переехал в Петербург из Харькова в 1906 г.

[89] Из 38 прижизненных изданиях трудов академика А. М. Ляпунова (1857— 1918) 24 работы на французском языке, из которых почти половина (11 работ) — в зарубежных журналах.

[90] Какой зарубежный журнал назвал О. Ю. Шмидт — неясно. Что касается московского журнала, причем математического, то это, видимо, «Математический сборник».

[91] «Доклады АН СССР» (новая серия), как было сказано в прим. 83, стали выходить с 1933 г., а новая нумерация томов началась в 1934 г.

[92] После событий 1930 г., связанных с арестом Д. Ф. Егорова власть в московском математическом сообществе полностью переходит в руки лиц, «стоящих на советской платформе». С 1932 г. президентом Московского математического общества становится П. С. Александров, а главным редактором «Математического сборника» О. Ю. Шмидт. С 1935 г. «Математический сборник» стал выходить ежегодно в 6 выпусках.

[93] Когда в 1924 г. Д. Ф. Егорову удалось возобновить издание «Математического сборника», он постарался придать ему международный характер. По решению Московского математическо-

го общества журнал начал принимать статьи на иностранных языках (см. Демидов С. С. «Математический сборник» в 1866 - 1935 гг. // Историко-математические исследования. 2-я сер. 1996. Вып. 1(36), № 2. С. 127-- 145). В журнале начали появляться работы таких известных западных математиков как Э. Картан, М. Фреше, Э. Нётер, В. Серпинский, Б. Гамбье, Л. Тонелли. Новая редколлегия лишь продолжили эту политику.

[94] Анисим Федорович Бермант (1904—1959) был ответственным секретарем редакции «Математического сборника». Что касается Н. Н. Лузина, то вряд ли он хотел иметь дело с редакцией журнала в тогдашнем ее составе.

[95] Точное название журнала: «Журнал физической химии» (выходит с 1930 г.).

[96] Судя по всему, здесь ошибка стенографистки. Реплика принадлежит Аршону, бывшему известным деятелем в издательском деле.

[97] Название этой серии такое: «Материалы Центрального научно-исследовательского геологоразведывательного института. Геофизика». Эта серия начала издаваться в 1935 г., однако, еще в 1933 г. Н. Н. Лузин по предложению Института провел анализ математических методов предсказаний погоды (метода периодограмм). Эта работа Лузина не была тогда опубликована, и появилась в печати только после его смерти в томе 3 его «Собрания сочинений» [72, с. 218 —291].

[98] У А. Я. Хинчина с 1918 г. по 1936 г. включительно было опубликовано 79 работ, из которых за рубежом вышла 31 работа. Упрек газеты «Правда» относится, по-видимому, к книге «Асимптотические законы теории вероятностей», изданной в Берлине в 1933 г. на немецком языке, которую трудно назвать популярным учебником. В 1936 г. Хинчин опубликовал ее на русском языке.

[99] Здесь имеется в виду петербургский академик А. М. Ляпунов.

[100] По-видимому, А. Я. Хинчин здесь не точен. Его слушатели могли понять, что работы по теории вероятностей А. М. Ляпунова не были известны на Западе, так как были напечатаны на русском языке. На самом деле (и Хинчин мог это знать, занимаясь вопросами теории вероятностей), статьи А. М. Ляпунова, посвященные доказательству и формулировке центральной предельной теоремы, были опубликованы на французском языке, причем две из них — в «Comptes Rendus» (1901 г.). Позднейшие исследования как иностранных, так и отечественных ученых были посвящены дальнейшим обобщениям и уточнениям этой теоремы.

[101] Реплика, скорее всего, принадлежит Аршону.

[102] Судя по всему, «приличие» было соблюдено. Намечавшаяся работа так и не появилась.

[103] Н. Н. Лузин с 1922 г. начал издавать под своей редакцией перевод учебника американского математика В. Э. Гревиля (1863 1943) «Элементы дифференциального и интегрального исчислений для технических учебных заведений и самообразования», а затем (с 1930 г.) и перерабатывать этот учебник. В 1933 г. он издал «Курс дифференциального и интегрального исчислений», который стал значительно больше по объему по сравнению с первоначальным. Курс этот многократно переиздавался и позднее.

[104] ВТУЗ — высшее техническое учебное заведение.

[105] Л. А. Люстерник (1899 –1981) в 1926 г. окончил аспирантуру в Московском университете и в 1927 г. был избран там приват-доцентом. В 1928 г. он стал профессором Нижегородского университета, где работал до 1930 г., не порывая связей с Москвой.

[106] Об А. С. Бутягине см. прим. 51. Здесь же добавим, что некоторый опыт с учебниками у Бутягина был и не только потому, что Университет одно время курировал издание учебников. Так, в 1932 г. Военно-инженерной академией РККА были выпущены «Дополнительные главы по высшей математике. Вып. 1» трех авторов - А. С. Бутягина, К. Г. Бороздкина и С. Д. Россинского.

[107] Статья Л. Г. Шнирельмана «Об аддитивных свойствах чисел» была напечатана в Ростове-на-Дону в «Известиях Донского политехнического института» в 1930 г.

[108] Письмо о советской школе — статью Н. Н. Лузина «Приятное разочарование», которая шла под рубрикой «письмо в редакцию» (см. Приложение I). - А. Н. Бах предложил обсуждать еще в начале данного заседания.

[109] А. Н. Бах был удивлен действительно неудачным названием статьи Н. Н. Лузина. Однако, скорее всего, это название было предложено Лузину редакцией газеты. Такое название весьма

типично для газет того времени. Например, были такие заголовки: «Подозрительная щедрость», «Удивительная неторопливость», «Преступная беспечность» и т.п.

С редакцией газеты «Известия» Лузин имел дело в июне 1936 г. Тогда ему предложили написать статью о математических талантах шестиклассника Коли Дмитриева. Это известно по письму, присланному корреспондентом газеты «Известия» Николаем Маркевичем 23 июня 1936 г. [59].

В архивном фонде Н. Н. Лузина сохранился машинописный вариант его статьи «Приятное разочарование» с пометой – 23 июня. Так что эта статья, опубликованная 27 июня, была уже готова.

Из письма Маркевича видно как готовилась статья. Корреспондент писал: «Предлагаю Вашему вниманию коротенькую заметку, сделанную мною в результате нашей вчерашней беседы. Будьте любезны просмотреть ее и ежели потребуется – сделайте исправления. Я сегодня вечером позволю еще себе потревожить Вас по телефону».

Представляет интерес следующая часть письма: «Я имел неосторожность немножко рассказать в редакции о тех замечательных вещах, слушателем которых был вчера. Руководство нашей редакции, вплоть до Н. И. Бухарина [главный редактор], крайне заинтересовано в том, чтобы получить обстоятельную статью не столько о самом Коле Дмитриеве, сколько об обстановке и условиях, его окружающих и обеспечивающих его рост и развитие. Совершенно ясно, что и сам тон этой статьи и ее содержание целиком будут согласованы с Вами. Важно только Ваше принципиальное согласие» [59, л. 1].

[110] Николай Ильич Подвойский (1880—1948) — профессиональный революционер и политический деятель Советской России. В 30-х годах он занимался литературно-публицистической деятельностью.

[111] В марте 1936 г. при Группе математики АН СССР была организована Комиссия по средней школе, и даже одна из сессий этой Группы была посвящена вопросам математического образования в СССР. На сессии было около 100 участников. Основные доклады были сделаны Г. М. Фихтенгольцем из Ленинграда — о преподавании математики в начальных и средних школах и Л. Г. Шнирельманом — об учебниках. Критиковались существующие программы и учебные руководства. Летом 1936 г. в выпускных экзаменах в школах приняли участие и преподаватели математики из высших школ (около 150 человек). Среди них был и академик Н. Н. Лузин [60, л. 4].

[112] О том, что Комиссия не добилась приема в Наркомпросе, сказано и в отчетах Математического института АН СССР за 1936 г. [60, л. 4].

[113] Рудольф Вильгельмович Гангнус — автор учебников «Геометрия», выходивших с 1931 г. по 1936 г. с различными надзаголовками, например: «Заочная школа 20-й ступени для взрослых», «Методическое пособие для высших педагогических учебных заведений и преподавателей средней школы». В 1933 г. и в 1935 г. вышла его книга «Изображение плоских фигур и геомстрия тел. Методическое пособие для учителя».

КОММЕНТАРИИ

к стенограмме заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

11 июля 1936 г.

На заседании 11 июля 1936 г. выступали:

П. С. Александров, А. Н. Бах, Н. П. Горбунов, А. Н. Колмогоров, Г. М. Кржижановский, Н. Н. Лузин(после перерыва), Л. А. Люстерник, Л. С. Понтрягин, Б. И. Сегал, С. Л. Соболев, А. Е. Ферсман, А. Я. Хинчин, О. Ю. Шмидт, Л. Г. Шнирельман.

Присутствовала представитель газеты «Правда» тов. Красина.

[1] Текст проекта резолюции по делу Н. Н. Лузина, разработанного после заседания 9 июля, стенографистки не записывали, поэтому здесь и далее в нужных местах мы приводим по пунктам соответствующий текст. При публикации сохранившийся в Архиве РАН текст резолюции, напечатанный на пишущей машинке, добавлен в текст стенограммы здесь и далее без имеющихся на нем рукописных поправок.

Отметим, что в текст резолюции вносились изменения, так что, как выяснилось по ходу заседания, у Н. Н. Лузина был текст, не тождественный тому, что зачитывался.

Пункт 1 Г. М. Кржижановский прочитал (см. далее в стенограмме) с уже предложенной поправкой.

[2] В архивном фонде Н. Н. Лузина имеется копия «Докладной записки Математического института АН СССР в ЦК ВКП(б) о реорганизации высшего образования», адресованной заведующему Отделом науки ЦК К. Я. Бауману. Этот документ датирован 20 июня 1936 г. Под документом стоят подписи Н. Н. Лузина, Н. И. Мусхелишвили, М. А. Лаврентьева и Б. И. Сегала. В «Записке» обращается внимание на разрыв между теоретическими исследованиями математиков и практической деятельностью инженеров-техников и вносится предложение создать в Москве и в Ленинграде две высшие школы с высокой теоретической подготовкой инженеров широкой специализации, а также рекомендуется создание в этих ВУЗ'ах «кабинетов вычислительных приборов» [61, л. 1 –3].

[3] «On ne sait pas, on ne serait jamais...» — в переводе с франц.: «Мы не знаем, мы никогда не будем...» (Было бы логичнее составить эту фразу с другим глаголом — saurait, тогда переводилась бы она так: «Мы не знаем, мы никогда не будем знать». Точно такой фразы у Н. Н. Лузина нет.

[4] Восьмой пункт резолюции уже был прочитан. Дело в том, что в машинописном варианте резолюции два последних пункта, находящихся на разных листах, по недосмотру имеют один и тот же номер 8. Последний пункт — это выводы Комиссии.

[5] В 1934 г. в томе 3 «Докладов Академии наук» была опубликована статья П. С. Новикова «К теории релятивного континуума»

[6] Здесь перечислены академики:

Д. Н. Прянишников (1865—1948) — агрохимик, биохимик, акад. с 1929 г.

Н. Д. Зелинский (1861—1953) — химик, акад. с 1929 г.

Н. С. Курнаков (1860—1941) — химик, акад. с 1913 г.

С. А. Чаплыгин (1869 –1943) — механик, акад. с 1929 г.

А. Н. Крылов (1863—1945) — математик и механик, кораблестроитель, акад. с 1916 г.

Г. А. Надсон (1867—1940) - ботаник, микробиолог, акад. с 1929 г.

Н. Н. Павловский (1884- -1937) — гидротехник, акад. с 1932 г.

В. И. Вернадский (1863 - 1945) — геолог, минералог, кристаллограф и историк науки, акад. с 1912 г.

А. Д. Архангельский (1879 -1940) — геолог, акад. с 1929 г.

В. А. Кистяковский (1865—1952) — физико-химик, электрохимик, акад. с 1929 г.

Л. И. Прасолов (1875—1954) — почвовед, геолог, географ, акад. с 1935 г.

М. А. Савельев (1884 - 11974) экономист, партийный и государственный деятель, акад. с 1932 г.

С. Г. Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) (1877 1974) экономист, акад. с 1931 г.

В. В. Адоратский (1878 - 1945) — философ, акад. с 1932 г.

Д. С. Рождественский (1876—1940) - - физик, оптик, акад. с 1929 г.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг (1861 - 1939) геолог, минералог, петрограф, акад. с 1925 г.

[7] Н. П. Горбунов зачитал статью 24 Устава Академии наук СССР 1935 г. Это был уже третий устав Академии после революции 1917 г. Данная статья была такой же в предыдущем Уставе 1930 г., тогда как в Уставе 1927 г. ее редакция была несколько иной: «Действительный член Академии наук лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР» (см. [62]).

[8] Наркомвнудел (или НКВД) — Народный комиссариат внутренних дел.

[9] См. прим. 8.

[10] Н. Н. Лузин говорит о В. В. Голубеве, который в 1934 г. стал членом-корреспондентом АН СССР.

[11] Иван Иванович Жегалкин (1869—1947), выпускник Московского университета (1893), доктор физико-математических наук, занимался в начале своей научной деятельности теорией множеств, затем обратился к математической логике. В 1911 г. и в 1913 г. он писал Н. Н. Лузину ответные письма, в которых убеждал Лузина не уходить из Университета и выражал радость по поводу того, что в эти годы Лузин находится в командировке и может заниматься наукой.

Видимо, Лузин писал по тому же поводу и Л. К. Лахтину (1863 - 1927), но, как он здесь говорит, не получил ответа.

[12] 30 декабря 1916 г. было постановление физико-математического факультета Московского университета об избрании Н. Н. Лузина профессором. В 1917 г. это постановление было утверждено Ученым советом Университета.

[13] Максим Максимович Литвинов (1876—1951) — 1930- -1939 гг. народный комиссар иностранных дел СССР.

[14] В сентябре 1932 г. Н. Н. Лузин поехал в Крым в санаторий «Гаспра», но вскоре заболел: сначала колит, затем сепсис с осложнением в виде тяжелой формы полиартрита. Только в декабре 1932 г. оказалось возможным транспортировать его в Москву, где он был помещен в Кремлевскую больницу, и еще долго лечился.

[15] Н. Н. Лузин говорит о тогдашнем декане механико-математического факультета Московского университета профессоре Льве Абрамовиче Тумаркине (1904 - 1974).

[16] Н. Н. Лузин, видимо, произнес по-французски название своего мемуара 1927 года «Об аналитических множествах» ([63], рус. пер. см. в [3, с. 380- –459]). В том же году вышла его статья «Замечания о проективных множествах» ([64], а также [3, с. 460 461]).

[17] «Gauthier-Villars» — известная французская издательская фирма, публиковавшая, в частности, серию математических монографий Э. Бореля.

[18] Н. Н. Лузин жил раньше на Арбате, в д.25, кв.8. На новую квартиру на Сретенском бульваре (д. 6/1, кв.105) он переехал весной 1936 г.

[19] Эти слова Н. Н. Лузина означают, что в одном томе № 164 за 1917 г. были напечатаны статья М. Я. Суслина [10] и статья Н. Н. Лузина «О классификации Бэра» (см. [3, с. 270 - 272]), в которой он сообщает, что «намерен указать некоторые следствия из результатов Суслина» (цит. по [3, с. 270]).

[20] См. прим. 60 к 7 июля.

[21] См. прим. 20 к 7 июня.

[22] В те годы институты возглавляли директор (ректор) и Президиум из нескольких человек. Кандидаты на все эти должности, равно как и должности профессоров, назначались и утверждались Наркомпросом.

[23] Эта статья М. Я. Суслина [65] имеет следующий заголовок, который приведем в переводе с французского: «О несчетном теле действительных чисел. Изложено по посмертному мемуару Михаила Суслина (Москва) Казимиром Куратовским (Варшава)». В этой статье М. Я. Суслин решал поставленную польским математиком С. Мазуркевичем задачу, которая была опубликована в 1920 г. в томе 1 этого журнала в разделе «Проблемы». В тексте статьи, в основном в виде сносок, много текста Куратовского, но без подчеркивания его авторства.

Перевод на русский язык всех работ М. Я. Суслина имеется в книге В. И. Игошина [29].

[24] Во время Первой мировой войны Рижский политехнический институт был эвакуирован в Москву (1915 г.), а оттуда в Иваново-Вознесенск. Так как часть профессоров в 1918 г. вернулась в Ригу, то по инициативе оставшихся в октябре того же года был открыт Иваново-Вознесенский политехнический институт. Первым ректором института был М. Н. Берлов, специалист в области деталей машин.

[25] В. С. Федоров окончил Московский университет в 1915 г., а с октября 1918 г. был принят в Иваново-Вознесенский политехнический институт на должность экстраординарного профессора, как и М. Я. Суслин.

[26] Т.е. от М. Я. Суслина.

[27] Письменные высказывания В. Серпинского можно найти в его небольшой книге «О теории множеств» (1-е изд. в 1964 г.; рус. пер. — в 1986 г.). Они также приведены в книге В. И. Игошина [29, с. 45].

[28] Итальянский математик Леонида Тонелли (Leonida Tonelli, 1885 - 1946) работал в области анализа. В 1928 г. на Конгрессе математиков в Болонье сделал доклад «Итальянский вклад в теорию функций действительного переменного». В то время Тонелли был приглашен профессором кафедры анализа в Болонский университет. Затем, с 1930 г. по 1946 г. Тонелли возглавлял Институт математики Пизанского университета, одновременно совмещая этот пост с другими, например, с профессурой в Риме (1939—1942). За научные достижения получил несколько медалей и премий от разных итальянских академий. Знакомство с Лузиным состоялось до 1926 г., если судить по дате первого сохранившегося его письма к Лузину. В письме 1931 г. он приглашает Лузина публиковаться в создаваемом им журнале Высшей нормальной школы в Пизе, где он тогда работал [66]. Лузин воспользовался этим приглашением, опубликовав в 1933 г. в этом издании свой доклад в Цюрихе (см. прим. 28 к 9 июля.)

[29] Н. Н. Лузин был избран одним из вице-президентов на Седьмом Международном конгрессе математиков в Болонье (3—10 сентября 1928 г.), а точнее он был президентом (вместе с С. Банахом) на одной из четырех подсекций секции «Анализ». Президентом Конгресса был итальянский математик С. Пинкерле [67].

[30] Николай Митрофанович Крылов.

[31] Пауль Кёбе (1882—1945) — немецкий математик, профессор Лейпцигского университета, работал также в Йене. Занимался исследованиями автоморфных функций и квазиконформных отображений.

[32] В стенограмме ошибочно была написана фамилия «Перельман».

[33] См. пункт 6 проекта резолюции.

[34] Возможно, фамилия Иванов употреблена здесь в нарицательном значении, возможно, речь идет о Степане Ивановиче Иванове, занимавшемся комбинаторными задачами, письмо к которому Лузина от 30 мая 1936 г. хранится в личном фонде Н. Н. Лузина Архива РАН [68].

[35] Математическое общество Франции.

[36] «Узкое» - академический санаторий вблизи Москвы, ныне находящийся в черте города.

[37] Н. Н. Лузин оговорился (или ошибка стенографистки). Фамилия этого человека — Беспрозванный.

[38] В экземпляр проекта, который получил Н. Н. Лузин, не было внесено исправление, принятое на этом заседании.

[39] Нападки Э. Я. Кольмана на Н. Н. Лузина начались еще в 1930 г. (см. [11], донос Э. Кольмана на Н. Н. Лузина от 22.2.1931, публикуемый во вступительной статье, а также прим. 41). В 1936 г. вышла книга Кольмана [70], которая была сдана в набор 2 апреля 1936 г., а подписана к печати 14 июля того же года, т.е. еще во время «дела» Лузина. В этой книге есть абзац (с. 290), где автор пишет о «черносотенном образе мыслей», который перенял Лузин у своих предшественников — Бугаева, Некрасова.

Отметим также, что хотя в период лузинской кампании имя Кольмана не встречается, равно как и его разгромных статей, тем не менее в марте 1936 г. Кольман выступал на сессии Академии наук (речь шла на этот раз о физике). Вероятно, это был не единственный его визит в Академию, в том числе и во время сессий, когда можно было легко уловить умонастроения ученых и учесть личные отношения между ними [71, с. 57].

[40] Статья Н. Н. Лузина «Дифференциальное исчисление» была напечатана в Большой советской энциклопедии в 1935 г. (том 22, с. 622—642). Редактором отделов физико-математических наук был Э. Я. Кольман, а редакторами подотдела «Математика» — тот же Кольман и А. Я. Хинчин.

[41] В статьях Э. Кольмана того времени содержится немало математически некорректных утверждений. Эти математические ляпы были в математическом сообществе притчей во языцех. Публичное заявление об этом Н. Н. Лузина выглядит крайне неосторожным. Во всяком случае, А. О. Гельфонд и Л. Г. Шнирельман позволили себе заговорить об этом открыто лишь после снятия Э. Кольмана с поста заведующего Отделом науки МК партии. Они сделали это в рецензии на его книгу «Предмет и метод современной математики», вышедшую еще (!) в 1936 г. (Успехи математических наук. 1938. Т.4. С. 334—336).

[42] Н. Н. Лузин по поручению Академии наук написал для «Известий АН СССР» некрологи «Поль Аппель (1855—1930)» и «Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896—1931)», которые были опубликованы в 1931 г.

[43] «Сорена» — сокращенное название журнала «Социалистическая реконструкция и наука», в котором в 1933 г. (вып. 8, с. 3—24) была напечатана статья Н. Н. Лузина «Эйлер. (По поводу 150-летия со дня смерти великого математика)».

[44] Торжественное заседание АН СССР памяти Леонарда Эйлера (1707—1783) состоялось 5 октября 1933 г.

[45] Н. Н. Лузин выполнил в 1933 г. для Геофизического института работу по анализу имеющихся математических методов долгосрочного предсказания погоды. Эта работа так и не была опубликована при жизни Лузина, и лишь в 1959 г. была напечатана в его собрании сочинений [72, с. 218—291].

В своем исследовании Лузин выявил связь имеющейся теории с теорией почти периодических функций, указал на принципиальную невозможность проводить экстраполяцию с помощью тригонометрических рядов и предложил новый класс полиномов — тригонометрических полиномов, наименее уклоняющихся от нуля. Предложенная Лузиным математическая схема — схема метода периодограмм применяется с некоторыми модификациями и до настоящего времени. (См. [73 , с. 61])

[46] О «серии Адамара» в литературе сведений нет. Однако можно предположить следующее. Во Франции существовало серийное издание монографий по различным областям естествознания «Actualités scientifiques et industrielles» («Научные и промышленные новости»). Одно время в рамках этой серии выходили монографии по отдельным наукам (физика, математика, биология и т.д.), имевшие и свою поднумерацию. Возможно, что Ж. Адамар руководил или должен был руководить разделом математических монографий, обычно небольших по объему. На некоторых сериях на титульном листе имеется указание, под чьим наблюдением печатается работа. Однако на работе, которую Н. Н. Лузин опубликовал в этой серии в 1934 г., такого указания нет. В титуле этой работы под названием «О стационарных последовательностях» [74] указано только: «Математические обзоры, публикуемые в память Жака Эрбрана». Жак Эрбран (1908 —1931) французский математик, основные труды которого относятся к математической логике и алгебре. Лузин в своей работе отмечает важность трудов Ж. Эрбрана по теории доказательств. Добавим, что в выходных данных работ этой серии указан как общий номер (у Лузина это № 149), так и номер монографии по данной дисциплине (работа Лузина идет под номером V).

[47] Работа Н. Н. Лузина «О стационарных последовательностях» была напечатана также в 1934 г. в «Трудах физико-математического института» (см. также [3, с. 642—661]). Эта работа, действительно, превосходит по объему французский вариант [74], занимающий всего 19 страниц.

[48] Надежда Михайловна — жена Н. Н. Лузина.

[49] Судя по всему, здесь ошибка стенографистки. Н. Н. Лузин имел ввиду Н. А. Добролюбова (см. стенограмму от 13 июля (с. 178) и прим. 26 к ней).

[50] Дмитрий Абрамович Райков (1905– 1981) — математик. Окончил Московский университет в 1929 г., в 1933 - 1935 гг. работал в Воронежском университете, в 1935—1943 гг. - в Гостехиздате, в 1938– 1948 гг. — в Математическом институте АН СССР. Научные интересы Райкова относились к теории чисел, алгебре, теории вероятностей, функциональному анализу. В начале 30-х годов он участвовал в работе над математическими рукописями К. Маркса. В 1929—1930 гг. вместе с Г. К. Хворостиным возглавил кампанию против Д. Ф. Егорова, проводившуюся в Институте математики и механики МГУ. (О Г. К. Хворостине см. прим. 56 к 7 июля.)

[51] Приват-доцентом Н. Н. Лузин стал в 1910 г. и сразу же получил от факультета командировку за границу. Он вернулся в Россию в 1914 г. Эти сведения приводятся в биографии Н. Н. Лузина, написанной Н. К. Бари и В. В. Голубевым [72, с. 468—483], а также имеются в автобиографии, написанной Лузиным для представления его в 1928 г. в академики [75, л. 24- -38]. «В 1910 - 1912 гг. был в Германии», сообщает Лузин [75, л. 24].

[52] Имеется в виду большой мемуар Н. Н. Лузина 1927 г. [32] (см. также [3, с.380—459]).

[53] П. С. Александров зачитывает в своем переводе первый и третий абзацы из введения к работе Н. Н. Лузина [32]. Так как стенографистка дала не весь читаемый текст, приведем его полностью по [3, с.380]:

«В 1905 г. Лебег в своем мемуаре «Об аналитически представимых функциях» дал убедительное построение некоторого точечного множества, которое употреблялось им как переходный инструмент при отыскании индивидуальной функции, ускользающей от какого бы то ни было аналитического представления. По причине вспомогательной роли, которую играет это множество E, знаменитый автор, желая поскорее закончить определение функции, не определимой аналитически, опустил углубленный анализ этого предварительного множества E, так как он казался длинным и утомительным для читателя и в то же время совершенно излишним для конечной цели.

В настоящее время, когда теория аналитических множеств формально закончена, важно признать, применяя обычные рассуждения теории функций, что именно это вспомогательное множество E Лебега является само аналитическим множеством, не входящим в семейство множеств, измеряемых B, и что в его построении содержится, как в зародыше, вся теория аналитических множеств».

[54] О «нейтральности» Ф. Хаусдорфа, а точнее П. С. Александрова, см. прим. 6 к стенограмме от 9 июля 1936 г.

[55] Это упомянутая в прим. 6 к 9 июля книга Ф. Хаусдорфа [34]. В то время она еще не вышла в свет.

[56] П. С. Александров устно переводит начало первого параграфа работы Н. Н. Лузина [63] которое здесь и далее мы приводим по русскому переводу [3, с.380]:

«Вот построение вспомогательного множества E. Мы воспроизводим здесь почти текстуально этот отрывок из статьи Лебега».

После этих слов у Лузина идет большая цитата из мемуара А. Лебега 1905 г.

[57] «Множество E является дополнительным для совокупности E , и легко видеть, что совокупность E определена Лебегом положительным образом, а определение множества E только отрицательно.

Но в дальнейшем мы увидим, что имеет место как раз обратное: мы покажем, что множество E Лебега является аналитическим множеством и, следовательно, есть множество положительного и конечного определения. Что же касается совокупности E Лебега, то мы не имеем никакого другого положительного определения этой совокупности, кроме определения Лебега» [3, с. 381].

[58] Далее следует второй параграф «Каноническое решето Лебега». Возможно, что П. С. Александров прочитал только его название, но может быть, и первую фразу этого параграфа, а именно: «Геометрическая форма, которую можно дать этому построению Лебега, может быть, сделает его более ясным» [3, с. 381].

[59] Можно предположить, что П. С. Александров прочитал определение аналитического множества, а именно следующее: «Мы называем аналитическим множеством всякое линейное множество точек, которое является множеством значений некоторой функции, разрывной только для счетного множества значений переменного» [3, с.383]

[60] Заголовок третьего параграфа этой работы Н. Н. Лузина такой: «Аналитическое множество *E* Лебега». Именно в этом параграфе дается определение аналитического множества.

[61] Далее П. С. Александров, по-видимому, читает вторую сноску в тексте Н. Н. Лузина (в первой, следующей сразу после приведенного в прим. 59 определения, идут рассуждения, связанные с исследованиями Э. Бореля). Эту сноску мы даем с некоторой купюрой:

«Название аналитического множества дано, следуя определению Лебега: называть аналитическим множеством все множества, которые могут быть определены аналитическими равенствами или неравенствами. <...>

В ограниченных рамках наших заметок в Comptes Rendus (Souslin. Sur une définition des ensembles mesurables *B* sans nombres transfinis; N. Lusin. Sur la classification de M.René Baire // Comptes Rendus, 164, [pp.] 88 и 91, 1971), где можно найти все основные результаты об аналитических множествах, сформулированные, впрочем, без доказательств; мы называли аналитические множества кратким названием: (*A*)-множества» (цит. по [3, с. 384]).

[62] В тексте Н. Н. Лузина имя М. Я. Суслина встречается в самом конце работы в разделе «Добавление», которое начинается словами:

«Два основных результата об аналитических множествах, сформулированных без доказательств, можно найти в двух заметках в Comptes Rendus...» [3, с. 459]. Далее снова приведены выходные данные статей Суслина и Лузина (см. прим. 61). После этого имеются следующие строки: «Преждевременная смерть Суслина и трудности международных сношений помешали опубликованию подробного изложения теории аналитических множеств. Серпинский независимо нашел доказательства многих предложений этой теории и опубликовал их в ряде работ, появившихся в журнале Fundamenta Mathematicae» (см. в [3, с. 459]).

Надо заметить, что в этой работе Н. Н. Лузина в сносках даны замечания или указания на соответствующую литературу и самого Лузина, и других авторов. М. Я. Суслину посвящено 8 сносок, больше, чем кому-либо другому.

[63] То есть по книге [12] (или [3, с. 9—269]).

[64] Сноска Н. Н. Лузина в параграфе «24. Проекции» к следующему тексту:

«Мы пришли таким образом к важному предложению: каждое аналитическое множество точек в евклидовом пространстве E_m измерений может быть рассматриваемо как ортогональная проекция некоторого элементарного множества, расположенного в евклидовом пространстве $m+1$ измерений, содержащем E [3, с. 400].

Сноска к этим словам такая: «Теорема Суслина: Каждое *A*-множество есть ортогональная проекция некоторого *B*-множества класса 1». Далее Лузин указывает и на работу В. Серпинского.

[65] Речь идет о статье П. С. Александрова [38], опубликованной в 1916 г. Это та работа, где содержится построение, развив которое, М. Я. Суслин пришел к своему открытию.

[66] Concours précieux (франц.) — ценная помощь, поддержка.

[67] П. С. Александров цитирует, видимо, только вторую часть фразы из своей работы [38, с. 323]: «Ce probleme m'a été posé par M. N. Lusin, et c'est grace à son concours précieux que j'ai obtenu le résultat ci-dessous; quelques points de la démonstration lui sont également dus».

Дословный перевод такой: «Эта задача была мне поставлена г-ном Лузиным, и именно благодаря его ценной поддержке я получил нижеизложенный результат; некоторые пункты доказательства также обязаны ему».

[68] П. С. Александров снова читает вторую часть фразы, приведенной в прим. 67.

[69] Вряд ли П. С. Александров не понимал, что стенографистки не смогут записать французскую речь.

[70] П. С. Александров в третий раз повторяет вторую часть фразы (см. прим. 67).

[71] Н. Н. Лузин читает слова благодарности, которые имеются в статье М. Я. Суслина [14] и которые мы уже приводили в прим. 20 к 7 июля.

[72] Приведем в качестве примера слова благодарности М. А. Лаврентьева из его статьи 1924 г. [76]. Изложив в первых двух абзацах постановку задачи и цель своей работы, Лаврентьев завершает второй абзац следующей фразой: «C'est à M. N. Lusin que je dois le principe du théorème fondamental».

Укажем прежде всего на то, что здесь отсутствует предлог, обеспечивающий согласование слов «dois» и «le principe», хотя и присутствует французский оборот речи «c'est à M. N. Lusin...» (именно г-ну Лузину...). Фразу можно перевести по-разному, например, так: «Я обязан г-ну Н. Лузину принципом фундаментальной теоремы». Слово «принцип» допускает различные трактовки — основные положения, суть, первопричина, и т.д. Не ясно также — чья эта фундаментальная теорема; если автора, то во французском языке должно стоять соответствующее притяжательное местоимение.

[73] П. С. Александров, видимо, цитирует начало большой сноски из книги Н. Н. Лузина [12], которую мы приводим в прим. 61 в русском переводе [3, с. 117]:

«Название аналитическое множество дано согласно предложению Лебега называть аналитическими множествами все множества, которые могут быть определены при помощи аналитических равенств или неравенств».

Ссылку на работу М. Я. Суслина и на свою Н. Н. Лузин даст в последнем абзаце этой сноски.

[74] Здесь или П. С. Александров оговорился, или стенографистки что-то не так написали. Смысл последней фразы, видимо, в том, что Лузин выбросил строчки, относящиеся к Суслину, но когда он пытался обосновать название «аналитические множества», Лузин не выбросил 4 строки цитаты из мемуара А. Лебега, которые он приводит во втором абзаце своей сноски 1 [3, с. 117], поскольку в этой цитате Лебег даст свое определение аналитических множеств.

[75] Получается, что используется именно русское написание этого слова, так как «множество» или «ансамбль», как говорили в прошлом веке, на французском языке — «ensemble», начинается с буквы «e», а не с буквы «a». Кстати, у Лузина в его написанной по-французски работе [32], о которой идет речь на заседаниях, нет ни слова о том, что A-множества — это сокращение от слова «ансамбль». Слово «ensemble» присутствует в приводимом им названии статьи М. Я. Суслина, после чего сказано: «... мы называли аналитические множества кратким названием (A)-множества» [3, с. 384].

[76] Н. Н. Лузин снова зачитывает строки с благодарностью М. Я. Суслина (см. прим. 20 к 7 июля). Начало фразы Суслина — типично французский оборот речи; дословно: «Это именно г-н Лузин, который руководил моими исследованиями». Этот оборот ничего не доказывает, т.к. он кочует из одной статьи в другую, а вот ошибки во французском языке имеют русское происхождение, но, видимо, из присутствовавших никто этого не замечал.

[77] Здесь неясно, повторяет ли Лузин снова первую часть фразы Суслина или также и вторую ее часть. Если первая часть совершенно правильна с точки зрения французского языка, то во второй ее части есть ошибка (отсутствие согласования слов).

[78] См. выше прим. 23. «Два момента» в словах Н. Н. Лузина надо понимать так, что в посмертной статье М. Я. Суслина будут указаны в титуле две фамилии: Суслина и Куратовского.

[79] Красавка — это деревня в Саратовской губернии, в которой родился М. Я. Суслин.

[80] Во многих справочных изданиях указывается (напр., в [7]), что А. Я. Хинчин работал в Иваново-Вознесенском политехническом институте в 1918 – 1926 гг.. Однако, как сам здесь сказал Хинчин, он начал работать в Иваново-Вознесенске с 1919 г. после отъезда М. Я. Суслина (см. также в [29]).

[81] Я. К. Сыркин работал в Иваново-Вознесенском политехническом институте «вспомогательным ассистентом» аналитической лаборатории [29, с. 79].

[82] Есть французский глагол rédiger — излагать, формулировать. Однако имени существительного «редиже» нет ни в русском, ни во французском языке, так что это, видимо, словотворчество самого П. С. Александрова.

[83] После постановления о введении ученых степеней (1934) многие ученые получили докторские степени без защиты диссертаций. Это объяснялось тем, что для дальнейшего необходимо было сформировать Ученые советы по защите диссертаций.

[84] По-видимому, Л. А. Люстерник зачитывает отзыв о научных трудах Н. Н. Лузина, написанный П. С. Новиковым и А. А. Ляпуновым (см. стенограмму за 9 июля).

[85] В томе 25 журнала «Фундамента Математицэ» за 1935 г. напечатаны две статьи П. С. Новикова, из которых одна — вместе с Н. Н. Лузиным. Кроме того, в 1931 г. в томе 17 того же журнала была опубликована еще одна работа П. С. Новикова — «О неявных функциях, измеримых *B*».

[86] В стенограмме — «Файфера-Киевского».

У Г. В. Пфейффера в 1933 г. в томе 61 шведского журнала «Acta Mathematica» были напечатаны две статьи по интегрированию линейных и нелинейных систем дифференциальных уравнений в частных производных.

[87] Это Алексей Денисович Горбунов (р. 1916) - математик, работавший впоследствии (с 1948 г.) в Московском университете, который он окончил в 1941 г., так что в рассматриваемое время он был студентом. В дальнейшем, после войны, занимался теорией обыкновенных линейных дифференциальных уравнений.

[88] До 1936 г. Новиков опубликовал 9 работ, из них одну — вместе с Н. Н. Лузиным.

[89] Желтые книжки — это тома журнала «Фундаменга Математицэ», выходившие в переплете желтого цвета.

[90] См. копию письма С. Б. Волынского Л. З. Мехлису, хранящуюся в Архиве РАН (Ф, 606. Оп. 2. Д. 29. Л. 40).

КОММЕНТАРИИ

к стенограмме заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика Н. Н. ЛУЗИНА

13 июля 1936 г.

На заседании 13 июля 1936 г. выступали:

Г. М. Кржижановский, Н. Н. Лузин, Л. А. Люстерник, П. С. Александров, Б. И. Сегал, А. Я. Хинчин, С. Л. Соболев. Кроме того, присутствовал, как выясняется по ходу стенограммы, профессор М. А. Лаврентьев (1900—1980), работавший в то время в Математическом институте АН СССР и в различных вузах Москвы и А. А. Ляпунов (1911—1973).

[1] Эти слова из работы Н. Н. Лузина 1935 г. [2] не являются точной цитатой, поэтому невозможно восстановить устную речь Н. Н. Лузина. Полная цитата такая:

«Естественно поставить вопрос, нельзя ли униформизировать вообще всякое плоское аналитическое дополнение E, не делая никаких частных предположений относительно его сечений прямыми, параллельными оси OY.

П. С. Новиков ответил утвердительно на этот вопрос, доказав следующее важное предложение.

Теорема. Всякое плоское аналитическое дополнение может быть униформировано множеством A_2.

Процесс, который дает П. С. Новиков, существенно трансфинитен и позволяет во всяком непустом аналитическом дополнении указать индивидуальную точку» (цит. по [3, с. 597—598]).

[2] См. прим. 17 к 11 июля.

[3] Имеется в виду первая фраза из совместной статьи Н. Н. Лузина и П. С. Новикова [9], которую дадим в русском переводе:

«Метод этого построения предложен П. Новиковым; мы излагаем здесь упрощенную редакцию Н. Лузина» (цит. по [3, с. 617]).

[4] Речь идет о Международном конгрессе математиков в Осло, который состоялся летом 1936 г.

[5] В стенограмме было написано: «в области пластической математики».

[6] В книге [12] (см. также в [3, с.1—269]) Н. Н. Лузин пишет, что изложит «исследования по этому вопросу [т.е. о существовании множеств класса α и всякого подкласса] М. А. Лаврентьева, важные результаты которого опубликованы им в статье ...» [3, с.109]. Далее идет отсылка к статье М. А. Лаврентьева «О подклассах в классификации Бэра», опубликованная в томе 180 «Comptes Rendus» в 1925 г. Один из параграфов книги Н. Н. Лузина называется «Существование подклассов. Фундаментальная теорема М. А. Лаврентьева».

[7] Т.е. в статье П. С. Александрова [38].

[8] В этом месте стенограммы стоит слово, первая буква которого на печати имеет вид почти соединенных вместе букв «о» и «с», остальные буквы слова — «орчество». За неимением более приемлемого варианта было поставлено в скобках слово «озорство». (Слово «творчество» может подойти только в переносном смысле.)

[9] Н. Н. Лузин уже задолго до этих заседаний чувствовал отрицательное отношение к себе со стороны некоторых членов Группы математики Академии наук СССР. В письме к А. Н. Крылову

от 12 февраля 1936 г. он пишет: «Лично я с огромной охотой ушел бы из председателей Математической группы, но упустил момент... Но помимо моей печальной деятельности «философа от математики», у меня ведь есть и технические работы (движение поезда, периодограммы), и я с огромным бы удовольствием ушел просто в члены Технической группы, чем быть в центре столкновения математиков, имеющего случайный и чисто личный характер. Но проблема ухода очень трудна, и я не знаю, как ее решить, кроме разве уйдя вообще из числа членов Академии. Я уже начал присматриваться к нынешнему Московскому университету и дал согласие на чтение в нем этою весною эпизодического курса» [18, с.246—247].

[10] Текстом этого письма мы не располагаем.

[11] Николай Павлович Романов (р.1907) учился в Иркутском университете, окончил аспирантуру при МГУ в 1932 г. Докторскую степень получил в 1936 г., профессором стал в 1937 г. В 1936 г. он работал в Томском университете. Впоследствии работал в Ташкенте в Университете и Институте математики АН УзССР. Занимался теоретико-числовыми исследованиями.

[12] Николай Петрович Тарасов — известный в Москве преподаватель математики, в то время работавший в Московском педагогическом институте им. К. Либкнехта. Вносил исправления в учебник В. Э. Гренвиля «Элементы дифференциального и интегрального исчислений», начиная с 3-го издания (1924).

[13] Здесь идет речь об аспирантке Математического института Харламовой, о которой шла речь на заседании 11 июля

[14] Имеется в виду муж Харламовой, который «носил один ромб», т.е. был в военном чине комбрига (командира бригады) или бригадного инженера, что соответствует нынешнему званию генерал-майора.

[15] Об Алексее Алексеевиче Ласаеве известно только, что он в рассматриваемое время жил в Москве, а раньше жил в провинции.

[16] Вероятно, название книги не «Универсальная азбука...», а «Универсальная алгебра», но и в этой редакции заголовка мы не можем указать автора этой книги. Возможно, что Н. Н. Лузин дал название неточно или в вольном переводе. Первой монографией по теории универсальных алгебр (т.е. множеств, наделенных алгебраической структурой) является книга английского математика и логика А. Н. Уайтхеда (1861 1947) «Универсальная алгебра». Такое же название у монографии П. М. Кона. В начале 30-х годов XX века это направление математики начало развиваться. В нашей стране интенсивное исследование общей алгебры (т.е. различных типов универсальных алгебр и их свойств) приходится на начало 50-х годов (А. Г. Курош, А. И. Мальцев и др.), хотя и в 30-е годы были работы советских математиков по этой тематике. Так, например, в 1938 г. в Париже вышла монография В. И. Гливенко «Общая теория структур», которой предшествовала его же работа на русском языке «Основы общей теории структур» (1937), напечатанная в Ученых записках Московского педагогического института им. К. Либкнехта.

[17] КСУ комиссия содействия ученым.

[18] Первая работа Льва Генриховича Шнирельмана была написана в соавторстве с Л. А. Люстерником (как и некоторые другие его работы) и опубликована в 1929 г. Здесь скорее всего идет речь о статье Л. Г. Шнирельмана «Об аддитивных свойствах чисел», опубликованной в 1930 г. в «Известиях Донского политехнического института», как о первой его публикации в этой области математики. В этой работе Шнирельман дал новый метод в аддитивной теории чисел, который позволил ему решить знаменитую проблему Гольдбаха в ослабленной постановке.

[19] В стенограмме написано «работу Чубишева». Таким несколько парадоксальным образом Н. Н. Лузин определяет свое отношение к методологической направленности П. Л. Чебышева на преимущественное использование элементарных методов.

[20] Н. К. Бари (1911—1961), имя которой несколько раз упоминал Н. Н. Лузин, была его ученицей и продолжала исследования Лузина в области теории функций действительного переменного и теории тригонометрических рядов.

[21] О В. А. Кудрявцеве см. прим. 35 к 7 июля.

[22] Работа В. А. Кудрявцева на эту тему появилась только в следующем 1937 г. под названием «Применение полиномов Лежандра к приближенному интегрированию дифференциальных урав-

нений». (Сб. научно-исследовательских трудов Текстильного института. 1937. 5. С. 15—22)

[23] Кудрявцев В.А. Суммирование степеней чисел натурального ряда и числа Бернулли. М.; Л., 1936.

[24] Здесь трудно точно определить, о какой работе Ф. Р. Гантмахера идет речь

[25] Точнее, в Оргкомитете съезда.

[26] В 1936 г. отмечалось столетие со дня рождения Н. А. Добролюбова (1836- -1861).

[27] Точное название: «Первый конгресс математиков славянских стран» (см. также прим. 38 и 40 к стенограмме от 9 июля).

[28] С. Н. Бернштейн тогда жил на Украине, которая на международные форумы посылала своих делегатов отдельно от России, хотя с 1922 г. она входила в состав СССР.

[29] Пьер Дюгем (точнее: Дюэм) (1861 - 1916) — французский физик, историк и философ науки. Занимался научным творчеством Леонардо да Винчи.

[30] Статья Н. Н. Лузина «Дифференциальное исчисление» была опубликована в 1935 г. в первом издании Большой советской энциклопедии (том 22, ст.622 - 642). Энциклопедия издавалась с 1926 г. по 1947 г. Главным редактором издания был О. Ю. Шмидт. Кроме указанной статьи Н. Н. Лузин написал для этой энциклопедии и статью «Функция» (т. 59, ст. 314- 334).

[31] Как отмечает Н. Н. Лузин, его статья была признана «вредной». Отметим, что к числу «полезных» статей относилась статья Э. Я. Кольмана и С. А. Яновской «Дифференциал», где обоснование этого важного понятия проводилось в большевистском духе, опираясь на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса.

[32] Эта статья Н. Н. Лузина «О стационарных последовательностях» была издана в 1934 г. в томе 5 «Трудов Физико-математического института АН СССР» ([77], а также [3, с. 642- -661]). Том был посвящен академику А. Н. Крылову.

[33] В томе 2 «Докладов АН СССР» за 1934 г. была опубликована одна статья Н. Н. Лузина - «Несколько замечаний о кратной отделимости», хотя в 1934 - 1936 гг. у него были и другие работы на русском языке, например, [2].

[34] Г. М. Кржижановский мог столь фамильярно указать, скорее всего, на Л. Г. Шнирельмана, как на более молодого и имеющего яркий результат в теории чисел. Однако, среди выступавших Шнирельман (как и М. А. Лаврентьев) не значится.

[35] Возможный вариант пропущенных слов: теория «проективных множеств».

[36] В чем состояли «глупости» Дмитрия Абрамовича Райкова (см. прим. 50 к 11 июля), работавшего в рассматриваемое время в Гостехиздате (до 1943 г.), нам неизвестно.

[37] В тексте стенограммы — «единодушие» (либо это оговорка, либо опечатка).

[38] Оценку этой своей работы Н. Н. Лузин дал в личном письме к А. Н. Крылову еще в 1931 г. (см. [18, с.229- -233, 237]).

[39] Это статья, о которой было сказано в прим. 32.

[40] Статья Н. Н. Лузина «Несколько замечаний о кратной отделимости» была опубликована в «Докладах АН СССР» в 1934 г. (т. 5, с. 125 - 147).

[41] После окончания «дела» Н. Н. Лузин оставил работу в этом направлении, так что книга о проективных множествах так и не появилась в печати.

[42] Итальянский математик и механик Туллио Леви-Чивита (1873— 1941), почетный член Академии наук СССР. Его научные интересы были весьма разносторонними, в частности, он занимался математическим анализом.

[43] Шарль Жан де ла Валле Пуссен (1884—1955) — бельгийский математик и физик. Основные работы посвящены теории множеств, теории тригонометрических рядов и теории приближения функций полиномами.

[44] См. прим. 60 к 9 июля.

[45] Первый том «Fundamenta Mathematicae» вышел в 1920 г.

[46] Эти слова Н. Н. Лузина, видимо, относились к незафиксированной реплике с места, где было обращено внимание, что в 1919 г. этот журнал еще не издавался.

[47] О «столкновении» В.Серпинского с Ж.Адамаром на почве шовинизма нам неизвестно. Однако по устному сообщению польского математика Станислава Хартмана (S. Hartman), знавше-

го В. Серпинского лично и издававшего его труды, Серпинский, будучи человеком широких взглядов, ставивший на первое место ум и талант, говорил, что ему неважно, какой национальности человек, пусть это даже черт с рогами, но если его работа талантлива, он, Серпинский, ее напечатает. Впрочем, отношение Серпинского к некоторым вопросам со временем изменилось.

[48] 7 января 1936 г. в Париже проходило чествование Ж. Адамара в связи с его семидесятилетием.

[49] Жак Адамар мог проезжать через Варшаву в мае-июне 1936 г., когда он после своего юбилея и последующей поездки в Китай возвращался поездом по транссибирской магистрали [78]. Однако, возможно, что речь идет о других поездках Адамара в Варшаву (в 1930 г. или 1934 г.).

[50] В июне 1936 г. в СССР действовала Конституция 1924 г., однако уже началось «всенародное обсуждение» следующей (Сталинской) Конституции, которая была принята 5 декабря 1936 г. Здесь Н. Н. Лузин говорит о новой Конституции 1936 г.

[51] В июле 1936 г. в Осло проходил Международный конгресс математиков. В. Серпинский в числе польских делегатов на этом конгрессе не значится. От СССР были в Осло П. С. Александров, Н. К. Бари, С. Н. Бернштейн, А. Н. Колмогоров, Н. М. Крылов и А. Я. Хинчин.

[52] Одиум (лат. odium) дословно: вражда, ненависть или неприятность.

[53] Со знаменитым физиологом академиком Иваном Петровичем Павловым, скончавшимся 27 февраля 1936 г., Н. Н. Лузин был хорошо знаком лично.

[54] Возможно, П. С. Александров выбрал следующий абзац из предисловия А. Лебега к книге Н. Н. Лузина: «Всякий, вероятно, удивится, когда узнает, читая Лузина, что я, между прочим, изобрел метод решета и первым построил аналитическое множество. Никто, однако, не удивится так, как я. Г-н Лузин лишь тогда бывает совершенно счастлив, когда ему удается приписать собственные открытия кому-либо другому. Странная причуда; она мне кажется простительной, поскольку нет опасности, что г-н Лузин создаст школу в этой области» (цит. по [79, с. 9]).

[55] С. Л. Соболев зачитывает одну из редакций пункта 5 «Заключения комиссии», которая в опубликованном тексте имела другой вид. Надо заметить, что модификаций текста было довольно много (см. Ф. 606. Оп. 2. Д. 37 Архива РАН). Приведем такой вариант:

«5. Самоизоляция Н. Н. Лузина имела таким образом несомненно политическую основу. Она усугублялась тем, что бывшие ученики Н. Н. Лузина, продолжая относиться к нему не только корректно, но и почтительно [в этом варианте слова «не только» и «но и почтительно» были вычеркнуты], не могли не воспротивиться постоянным стремлениям Н. Н. Лузина подчеркивать свое абсолютное превосходство и приписывать себе лучшие идеи и открытия, принадлежащие фактически его ученикам.

Установлен ряд фактов прямого плагиата со стороны Н. Н. Лузина. Наиболее яркие факты в этом отношении: присвоение себе основных идей математика Суслина и последующая травля его, а в самое последнее время плагиат у Новикова. [Эти строки были вычеркнуты.]

Наряду с напечатанием в польском журнале Fund. math. t. XXV основной работы Лузина и Новикова, Н. Н. Лузин поместил в Парижской академии ту же по существу работу за своей единственной подписью, хотя основные идеи принадлежали именно Новикову.»

[56] Пункт 6 также в окончательном варианте приобрел иной вид. Черновой вариант был таким (см. Ф. 606. Оп. 2. Д. 37 Архива РАН):

«6. Наряду с ориентировкой на заграницу и самовосхвалением, Н. Н. Лузин относился к советской науке фактически презрительно. Это отношение нашло своеобразное выражение в широко практиковавшейся Н. Н. Лузиным даче письменных отзывов о сочинениях и лицах. Кто бы к нему ни обращался и каковы бы ни были объективные качества сочинения, Н. Н. Лузин всегда давал подчеркнуто положительные, [Эти слова в черновике заменены другими: «В огромном количестве случаев Лузин давал подчеркнуто положительные», далее нет продолжения текста.] прямо хвалебные отзывы, причем самые отзывы бывали не только ошибочны, но и столь нелепые, что сам Н. Н. Лузин не мог не понимать их ложности. В том числе хвалебные отзывы давались на сочинения безграмотные и ошибочные, что неоднократно вводило в заблуждение органы, ведающие наукой и высшей школой. Эти хвалебные письменные отзывы сочетались с уничижительными для советской науки устными высказываниями».

Комментарии к стенограмме заседания от 13 июля 1936 г.

В последующих двух фразах многое вычеркнуто, так что оставшееся читалось так: «Все это неоднократно вводило в заблуждение органы, ведающие наукой и высшей школой. Это сочеталось с уничижительными для советской науки устными высказываниями».

[57] Здесь А. Я. Хинчин читает проект порученного ему пункта 8. Следующий далее обмен мнениями между участниками заседания показывает, что текст был отличен от того варианта, которым мы располагаем и который процитируем. Заметим, что этот текст почти совпадает с опубликованным «Заключением комиссии»:

«8. Отношение Н. Н. Лузина к советской науке ярко проявляется также в распределении его работ для печати между советскими и заграничными изданиями. Несомненное, чрезмерное увеличение печатанием своих работ за границей является, к сожалению, чертой не одного Лузина, но в распространении этого зла среди молодых математиков Н. Н. Лузин своим примером сыграл большую роль. Характерным для самого Н. Н. Лузина является резкое качественное различие между его работами, посылаемыми за границу и печатаемыми в нашей стране. За ничтожными исключениями, почти все работы Н. Н. Лузина, относящиеся к его прямой специальности, печатались за границей. В изданиях же СССР он помещал почти только работы прикладного [последнее слово зачеркнуто и исправлено на «второстепенного»] характера, крайне беспомощные и математически несодержательные. Проявляя себя в заграничных работах мастером стиля по выразительности и сжатости, Н. Н. Лузин свои советские работы нарочито разводнял и всеми способами расширял их объем в совершенном несоответствии с содержанием.

9. Все изложенное выше, резюмирующее многочисленный фактический материал, имеющийся в Академии наук и тщательно разобранный [здесь от руки добавлено: «показывает, что Н. Н. Лузин своей деятельностью за последние годы наносил вред советской науке и советской стране и...». Далее идет концовка основного текста, который мы и продолжаем] .. «полностью подтверждает характеристику, данную Н. Н. Лузину в газете «Правда» как «Врага в советской маске».»

КОММЕНТАРИИ

к стенограмме заседания Комиссии Академии наук СССР по делу академика ЛУЗИНА Н. Н.

15 июля 1936 г.

На заседании 15 июля 1936 г. выступали:

Г. М. Кржижановский, А. Н. Крылов, С. Н. Бернштейн, И. В. Гребенщиков, С. Л. Соболев, А. Е. Ферсман, Н. П. Горбунов.

[1] Во время этой последней своей командировки Н. Н. Лузин прочитал в Институте высших исследований в Брюсселе несколько лекций. Систематического курса лекций в Париже он не читал.

[2] Н. Н. Лузин с давних пор был тесно связан с С. А. Чаплыгиным, который работал в Центральном аэрогидродинамическом институте (ЦАГИ), а в 1928—1931 гг. был директором этого Института. Конечно, именно С. А. Чаплыгин пригласил туда на работу Н. Н. Лузина.

По справке из личного дела, хранящегося в ЦАГИ, Н. Н. Лузин был принят в ЦАГИ 20 ноября 1930 г. на должность старшего инженера с окладом 300 рублей в месяц. Лузин стал членом известной Общетеоретической группы (ОТГ) ЦАГИ, которой руководил С. А. Чаплыгин и в которую входили известные ученые, в том числе М. А. Лаврентьев и В. В. Голубев. Дата ухода Лузина из ЦАГИ нам неизвестна, но в 1936 г. он еще там работал.

В ЦАГИ Лузин занимался разработкой приближенных методов решения дифференциальных уравнений. В «Трудах ЦАГИ» у него была опубликована только одна работа «О методе приближенного интегрирования академика С. А. Чаплыгина» (1932, вып. 141). Заметим, что о работе Н. Н. Лузина в ЦАГИ биографы Лузина не упоминают.

[3] Действительно, до выборов в Академию наук СССР 1929 г. на кафедре математики Академии после смерти А. А. Маркова (1858 –1922) и В. А. Стеклова (1864 – 1926) оставалось только два математика: А. Н. Крылов (1869 – 1945) и Я. В. Успенский (1883 – 1947).

[4] «Записка об ученых трудах проф. Н. Н. Лузина», представленная в Академию наук перед избранием Н. Н. Лузина, была написана А. Н. Крыловым, так как Я. В. Успенский уехал из СССР в командировку в США, где и остался.

[5] В предисловии к книге Н. Н. Лузина [12] (рус. пер. в [79]) А. Лебег дважды упоминает имена М. Я. Суслина и Н. Н. Лузина (см. [79, с. 9 и 10]). Приведем обе цитаты. В первой из них говорится: «Г-н Лузин, в ту пору начинающий профессор, и г-н Суслин, один из его первых учеников, заметили ошибку и взялись ее исправить» (цит. по [79, с. 9]).

Следующая цитата такова: «Эти общие рассмотрения привели, понятно, к многочисленным и трудным проблемам. Их исследование начали г-н Лузин и г-н Суслин, причем порознь и различными методами. После безвременной кончины г-на Суслина на арену вышли более молодые ученики г-на Лузина. С другой стороны, существенный вклад в эти вопросы внесли г-н Серпинский и его школа. В своей книге г-н Лузин излагает известные к настоящему времени результаты, дополняя их несколькими ранее не публиковавшимися предложениями. Все приведено в систему, методы унифицированы» (цит. по [79, с. 10]).

[6] Это место из предисловия А. Лебега к книге Н. Н. Лузина мы приводим также в русском переводе [79, с. 11]:

«Всякий, вероятно, удивится, когда узнает, читая Лузина, что я, между прочим, изобрел метод решета и первым построил аналитическое множество. Никто, однако, не удивится так, как я. Г-н Лузин лишь тогда бывает совершенно счастлив, когда ему удается приписать собственные открытия кому-нибудь другому. Странная причуда; она мне кажется простительной, поскольку нет опасности, что г-н Лузин создает школу в этой области».

Далее А. Лебег объясняет это особенностью метода работы Н. Н. Лузина, который столь глубоко вникает в работы других ученых, что собственные идеи, появившиеся у него в результате размышлений над чужими работами, приписывает авторам этих работ, не допуская мысли, что другие могут, как пишет А. Лебег, «повстречать и не заподозрить, заподозрить и не увидеть, увидеть и не извлечь последствий».

[7] Видимо, С. Н. Бернштейн ознакомился с материалами предыдущих заседаний, на которых он не присутствовал.

[8] Фамилия Сидоровича ранее в других стенограммах не упоминалась. Личность эта нами не установлена. Однако в этот период времени дополнительные материалы усиленно собирались, часть из них попадала в газеты.

[9] О статье 24 устава см. прим.7 к 11 июля.

[10] Лев Семенович Понтрягин, как известно, потерял зрение в возрасте 14 лет из-за несчастного случая.

[11] Семенов или Иванов — здесь просто распространенные фамилии, а не конкретные лица, хотя К. Иванов и фигурировал в статьях и в стенограмме.

[12] В пункте 1 резолюции есть фраза: «Однако по мере научного роста учеников и в особенности при их попытках стать на самостоятельный путь в научном исследовании, отношение Н. Н. Лузина к ученикам обычно портилось до враждебности с его стороны».

[13] Г. М. Кржижановский читает фразу из другой редакции «Резолюции», а именно: «Всячески избегая прямых и открытых политических выступлений, Н. Н. Лузин упорно поддерживал связь с правыми учеными (особенно с Д. Ф. Егоровым)».

[14] Под «групповыми занятиями» имеется в виду так называемый «бригадный метод» обучения, когда преподаватель, в частности, должен был ставить положительную оценку всей группе или бригаде за ответ, данный одним из учащихся.

[15] О своей болезни Н. Н. Лузин подробно сообщил И.М.Виноградову в письме от 29 ноября 1932 г. из Ялты (Крым). Это письмо, копией которого мы располагаем, находится в частном архиве. Лузин пишет, что в начале сентября через неделю после своего приезда в санаторий «Гаспра» он, видимо, отравился, врачи обнаружили колит, который дал осложнение в виде полиартрита. У него сильно распухли все конечности, и тогда врачи его отправили в Центральную больницу в Ялте, откуда и было написано это письмо. Сердце тоже пострадало, а передвигаться Лузин мог только на костылях, и то минут 5 - 10 в день. В результате было решено перевезти его в Кремлевскую больницу в Москве в сопровождении директора ялтинской больницы, причем транспортом он был обеспечен на всех участках пути. Далее, как известно из других источников, Лузин еще долго пролежал в больнице в Москве. (Об этом же было кратко сказано в прим.14 за 11 июля.)

[16] На заседаниях академической Комиссии по этому поводу А. Н. Колмогоров не выступал. Речь идет, видимо, о собраниях в других учреждениях.

[17] Селивановский, точнее Евгений Августович Линде-Селивановский, был учеником Н. Н. Лузина. Его статьи выходили под фамилией Селивановский.

[18] А. Н. Крылов неоднократно давал заключения в связи с гибелью различных судов. В данном случае речь идет, видимо, о судебном деле по поводу ледокола «Красин» и германского пассажирского парохода «Монте-Сервантес». Это дело о «Красине — Монте-Сервантесе» должно было разбираться в германском суде, а Крылов давал заключение о технической стороне этого дела в 1929 г. по запросу капитана Ленинградского торгового порта.

[19] Сергей Борисович Волынский был заместителем председателя Комитета по высшей школе.

[20] А. Н. Крылов имеет в виду, что кандидатура Н. Н. Лузина в академики была выдвинута кафедрой математики АН СССР (т.е. им и Я. В. Успенским) для избрания Лузина по кафедре

философских наук. Добавим, что вообще математикам Петербургской школы способы рассуждений и доказательств, применяемые в теории функций действительного переменного и в теории множеств, казались философскими. Основания для таких воззрений петербуржцам давали и философская окрашенность работ самого Г. Кантора, и философская устремленность математиков Московской школы, в частности, самого Лузина. Не случайно об этом говорит А. Лебег в предисловии к книге Н. Н. Лузина: «После первых крупных успехов теории множеств философы и математики сочли, что настал момент протянуть друг другу руку через разделяющую их пропасть. .> Хотя его [Лузина] книга — сочинение по математике, написанное математиком для математиков, почти на каждой ее странице отчетливо проступает эта тесная связь философских и математических мыслей, что придает монографии исключительную привлекательность» (цит. по [79, с. 10, 11]).

[21] Я. В. Успенский уехал в США, хотя, возможно, и в этом случае его путь лежал через Германию.

[22] См. прим. 57 к стенограмме от 9 июля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив РАН. Ф. 606. Оп. 2. Д. 61.

2. *Лузин Н. Н.* О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций / Доклад на майской сессии Академии наук СССР 1935 г. М.; Л., 1935.

3. *Лузин Н. Н.* Собрание сочинений. М., 1958. Т. 2.

4. *Лузин Н. Н.* Об арифметических методах математиков XVII века / Публикация *С. С. Демидова*, вступительная статья и примечания *И. Г. Башмаковой* // Вопросы истории естествознания и техники. 1933. № 3. С. 25 -37.

5. *Шафаревич И. Р.* Пьер Ферма и развитие теории чисел (к выходу русского издания теоретико-числовых трудов П. Ферма) // Вопросы истории естествознания и техники. 1933. № 3. С. 37 -40.

6. Архив РАН. Ф. 606. Оп. 2. Д. 122.

7. Математика в СССР за сорок лет. 1917—1957. М., 1959. Т. 2.

8. *Lusin N.* Sur un choix d'ensemble parfait distinqué ayant des constituantes non dénomrable // C R. Acad. sci. Paris. 1935. T. 201. P. 806—809.

9. *Lusin N., Novikov P.* Choix effectif d'un point dans un complémentaire analytique arbitraire, donné par un crible // Fund. Math. 1935. T. 25. P. 559—560.

10. В Математическом институте Академии наук // Фронт науки и техники. 1936. № 9. С. 125-126.

11. *Ермолаева Н. С.* О так называемом «Ленинградском математическом фронте» // Труды Санкт-Петербургского математического общества. СПб., 1998. Т. 5. С. 380 - 394.

12. *Lusin N.* Leçons sur les ensembles analytiques et leurs applications. Paris: Gauthier-Villars. 1930.

13. Письма Д. Ф. Егорова к Н. Н. Лузину / Предисловие *П. С. Александрова*. Публикации и примечания *Ф. А. Медведева* при участии *А. П. Юшкевича* // Историко-математические исследования. М., 1980. Вып.25. С. 335—361.

14. *Suslin M.* Sur une définition des ensembles mesurables *B* sans nombres transfinis // C. R. Acad. sci. Paris. 1917. T. 164. P. 88—91.

15. *Тихомиров В. М.* Открытие *A*-множеств // Историко-математические исследования. М., 1993. Вып. 24. С. 129 - 139

16. *Александров П. С.* Страницы воспоминаний // Успехи математических наук. 1979. Т. 34. С. 191—203.

17. *Космодемьянский А. А.* Владимир Васильевич Голубев (1884 —1954 гг.) // Вестник МГУ. 1974. № 6. С. 125-- 131.

18. Переписка Н. Н. Лузина с А. Н. Крыловым / Публикация и примечания *Н. С. Ермолаевой* // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31. С 203 —272.

19. СПб. Филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1 1928. Д. 90.

20. *Ермолаева Н. С.* Новые материалы к биографии Н. Н. Лузина // Историко-математические исследования. М., 1989. Вып. 31. С. 191 — 203.

21. *Фиников С. П.* Василий Никитич Депутатов // Математика в школе. 1948. № 5. С. 654 55.

22. Вестник МГУ. Серия физ.-мат. и естеств. наук. 1953. № 12. Вып. 8. С. 129.

23. *Lusin N.* Mémoire sur les ensembles analytiques et projectifs // Математический сборник. 1926. Т. 33. Вып. 3. С. 237 - 290.

24. *Лузин Н. Н.* О методе академика А. Н. Крылова составления векового уравнения // Изв. АН СССР. ОМЕН. 1931. № 7. С. 903- -958.

25. *Лузин Н. Н* О некоторых свойствах перемещающегося множителя в методе академика А. Н. Крылова. Часть 1 3 // Изв. АН СССР. ОМЕН. 1932. № 5. С. 595 638; № 6. С. 735- - 762: № 8. С. 1065 1102.

26. *Мартынова Н. Л.* Пять лет в семье Н. М. и Н. Н. Лузиных / Предисловие и публикация *А. П. Юшкевича* // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 47. С. 150 155.

27. *Демидов С. С.* Москва математическая // Москва научная. М., 1997. С. 136 160.

28. *Lusin N.* Sur la classification de M. Baire // C. R. Acad. sci. Paris. 1917. P. 91—94.

29. *Игошин В. И.* Михаил Яковлевич Суслин. 1894- -1919 / Отв. ред. *В. М. Тихомиров*. М., 1996.

30. *Lusin N.* Sur un raisonnement nouveau dans la théorie des fonctions descriptives // C. R. Acad. sci. Paris. 1935. T. 201. P. 638—640.

31. *Lusin N.* Sur un choix d'ensemble parfait distinqué dans un complémentaire analytique arbitraire ayant des constituantes non dénombrables // C. R. Acad. sci. Paris.1935. T. 201. P. 806—809.

32. *Lusin N.* Sur les ensembles analytiques // Fund. Math. 1927. T. 10. P. 1—95.

33. *Синкевич Г. И.* Открытие В. Серпинским двойственности между мерой и категорией // Историко-математические исследования. М., 1986. Вып. 30. С. 113- 123.

34. *Хаусдорф Ф.* Теория множеств / Пер. с нем. *Н. Б. Веденисова* под ред. и дополн. проф. *П. С. Александрова* и проф. *А. Н. Колмогорова*. М., 1937.

35. *Александров П. С.* Введение в общую теорию множеств и функций. М.; Л., 1948.

36. *Меньшов Д. Е.* О первых шагах школы Н. Н. Лузина. Ортогональные ряды и приближение функций // Труды МИАН. Сб. статей к 100-летию Н. Н. Лузина. М., 1983. Т. 164.

37. *Александров П. С.* О достижениях теоретико-множественных дисциплин математики в СССР // Фронт науки и техники. 1937. № 8/9. С. 86 - 101.

38. *Alexandroff P.* Sur la puissance des ensembles mesurabes *B* // C. R. Acad. Sci. Paris. 1916. T 162. P. 323.

39. СПб. филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1 - 1928. Д. 18.

40. *Lusin N.* Sur les ensembles projectifs de M. Henri Lebesgue // C. R. Acad. sci. Paris. 1925. T. 180. P. 1572—1574.

41. *Lusin N.* Sur le problème de M. Emile Borel et la méthode des résolvantes // C.R. Acad. sci. Paris. 1925. T. 181. P. 95—96.

42. *Lusin N.* Über eine Potenzreihe // R. C. Circ. mat. Palermo. 1911. T. 32. P. 386—390.

43. *Lusin N.* Sur les classes des constituantes des complémentaires analytiques // Annali di Sci. Norm. Super. Pisa. Scr. 2. 1933. F. 3. P. 269—282.

44. Последнее слово профессора Московского университета Владимира Васильевича Голубева в день семидесятилетия 3 декабря 1954 года // Вестник Московского университета. 1955. № 2.

45. Sprawozdanie z I Kongresu matematyków krajów słowiańskich. Warzsawa. 1930.

46. Третье письмо Н. Н. Лузина М. Я. Выгодскому и связанные с ним архивные документы / Публикация и примечания *И. С. Ермолаевой* и *Т. А. Токаревой* // Историко-математические исследования. Новая серия. М., 1999. Вып. 3(38). С. 100 - 118.

47. Письмо Н. Н. Лузина к О. Ю. Шмидту / Публикация и примечания *С. С. Демидова* // Историко-математические исследования. М., 1985. Вып. 28. С. 278—287.

48. *Мельников И. Г.* Вацлав Серпинский // Историко-математические исследования. М., 1979. Вып. 24. С. 361 —365.

49. *Novikov P.* Sur les fonctions implicites mesurables *B* // Fund. Math. 1931. T. 17. P. 8—25.

50. *Lusin N.* Analogie entre les ensembles mesurables *B* et les ensembles analytiques // Fund. Math. 1930. T. 16. P. 48—76.

51. *Lusin N.* Sur un raisonnement nouveau dans la théorie des fonctions descriptives // C.R. Acad. sci. Paris. 1935. T. 201. P. 638—640.

52. *Lusin N.* Sur une propriété nouvelle des ensembles mesurable *B* // C.R. Acad. sci. Paris. 1934. T. 198. P. 1116—1118.

53. *Lusin N.* Sur quelques problèmes difficiles de la théorie des fonctions // C.R. Acad. sci. Paris. 1934. T. 198. P. 1296—1298.

54. *Lusin N.* Sur la décomposition des ensembles // C.R. Acad. sci. Paris. 1934. T. 198. P. 1671—1674.

55. *Lusin N.* Sur une mode de convergence de l'intégrale de Dirichlet // Изв. Физ.-мат. о-ва Казан. ун-та. 1993. Т. 6. Серия 3. С. 1—4.

56. *Лузин Н. Н.* О качественном исследовании уравнения движения поезда // Математический сборник. 1932. Т. 39. Вып. 3. С. 6- -26.

57. *Лузин Н. Н.* О методе приближенного интегрирования академика С. А. Чаплыгина // Труды ЦАГИ. 1932. Т. 141. С. 1- 32.

58. *Lusin N.* Sur les ensembles toujours de première catégorie // Fund. Math. 1933. T. 21. P. 114—126.

59. Архив РАН. Ф. 606. Оп. 2. Д. 154.

60. Архив РАН. Ф. 383. Оп. 1. Д. 38а.

61. Архив РАН. Ф. 606. Оп. 2. Д. 68.

62. Уставы Академии наук СССР. М., 1975.

63. *Lusin N.* Sur les ensembles analytiques // Fund. Math. 1927. T. 10. P. 1—95.

64. *Lusin N.* Remarques sur le les ensembles projectifs // C.R. Acad. sci. Paris. 1927. T. 185. P. 835—837.

65. Suslin M. Sur un corps non dénombrable de nombres réels (Redigé par C. Kuratowski) // Fund. Math. 1923. T. 4. P. 311—315.

66. Архив РАН. Ф. 606. Оп. 2. Д. 202.

67. Atti del Congresso internationale dei matematici. Bologna, 3—10 settembre 1928. Bologna, 1929. T. 1.

68. Архив РАН. Ф. 606. Оп. 2. Д. 52.

70. *Кольман Э.* Предмет и метод современной математики. М., 1936.

71. *Ермолаева Н. С.* Н. Н. Лузин и академическая среда // Историко-математические исследования. Вторая серия. М., 1997. Вып. 2(37). С. 43- 66.

72. *Лузин Н. Н.* Собрание сочинений. М., 1959. Т. 3.

73. *Гольцман В. К., Кузнецов П. И.* Работы Н. Н. Лузина по дифференциальным уравнениям и по вычислительным методам // Николай Николаевич Лузин (к 100-летию со дня рождения) (сб. статей). М., 1983. С. 49 - 64.

74. *Lusin N.* Sur les suites stationnares / Actualité scientifiques et industrielles. № 149. Exposés mathématiques publiés à la mémoire de Jacques Herbrand. V. Paris: Hermann, 1934.

75. СПб. Филиал Архива РАН. Ф. 759. Оп. 1. Д. 300.

76. *Lavrentieff M.* Sur la recherche des ensembles homéomprphes // C. R. Acad. sci. Paris.. 1924. T. 178. P. 187—190.

77. *Лузин Н. Н.* О стационарных последовательностях // Труды физ.-мат. ин-та, отд. матем. 1934. Т. 5. С. 125 - 147.

78. *Полищук Е. М., Шапошникова Т. О.* Жак Адамар. Л., 1990.

79. *Лебег А.* Предисловие к книге Н. Н. Лузина «Лекции об аналитических множествах и их приложения» / Пер. *В. В. Успенского* // Успехи математических наук. 1985. Т. 40. Вып. 3. С. 1 11.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения включают архивные материалы, письма и публикации в газетах и журналах 1936 г., которые вместе со стенограммами заседаний академической Комиссии позволяют воссоздать документальную картину «Дела», возбужденного властью, против известного математика Николая Николаевича Лузина.

Приложения отражают не только хронику, но и содержание рассматриваемых событий. Собрание нескольких документов в одном приложении обусловлено желанием публикаторов, насколько это возможно, достоверно и полно представить каждый эпизод «Дела».

Так, например, информация о состоявшемся 3 июля собрании в Математическом институте АН СССР, посвященном обсуждению статей «Правды» — «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске», появилась в журналах «Успехи математических наук» (1937. Вып. III. С. 275) и «Фронт науки и техники» (1936. № 7. С. 125—126). Приводимые в статьях факты дополняют друг друга, и поэтому обе публикации соседствуют в одном Приложении V, скорее в логическом, нежели в хронологическом порядке.

Или, хранящиеся в Архиве РАН письма В. И. Вернадского и Н. В. Насонова в ОМЕН АН СССР в поддержку Н. Н. Лузина помещены в одно Приложение IX, как свидетельствующие о реакции «старых» академиков на публикации в «Правде». В то же время, близкое по характеру и направленности письмо П. Л. Капицы В. М. Молотову выделено в отдельное Приложение VII, как имевшее особую смысловую нагрузку в «Деле».

Воспроизводимые в настоящем издании статьи из газеты «Правда», журналов «Фронт науки и техники», «Успехи математических наук», «Вестник Академии наук СССР» призваны содействовать пониманию читателем социально-политической атмосферы эпохи.

Многие из включенных в Приложения публикаций по существу являются архивными документами: газетные вырезки, помеченные (*), были обнаружены в Архиве РАН (Ф. 606. Оп. 2. Д. 28. Л. 1 -12) и содержат пометы Н. Н. Лузина, а выделенные (**) — хранятся в Архиве Президента Российской Федерации (Ф. 3. Оп. 33. Д. 189. ЛЛ. 2, 3, 12, 13, 14, 15, 19, 20).

Документы, обнаруженные в Архиве Президента Российской Федерации и Архиве Российской Академии наук, проливают свет на многие ранее неизвестные обстоятельства, связанные с ходом «Дела», и зачастую вводятся в научный оборот впервые. Исключение составляют «Письмо П. Л. Капицы В. М. Молотову 6 июля 1936 г.» (Приложение VII), ранее опубликованное П. Е. Рубининым («За ненадобностью вернуть гр-ну Капице...». Три письма из личного архива. Публикация и предисловие *П. Е. Рубинина* // Советская культура. 21 мая 1988. С. 6) и «Заявление Н. Н. Лузина в Президиум Академии наук» (Приложение XVIII), частично приводимое А. П. Юшкевичем (*Юшкевич А. П.* «Дело» академика Н. Н. Лузина // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 389--390).

В случаях, когда даты составления в документах отсутствуют, они указываются предположительно в квадратных скобках, на основании всестороннего историко-научного анализа.

Так, «Проект Постановления экстренного заседания Президиума Академии Наук СССР» (Приложение VI) датирован 4-м июля, потому что на заседании обсуждались правдинские публикации от 2-го и 3-го июля и доклад директора Математического института АН И. М. Виноградова о прошедшем в Институте собрании (3 июля). Кроме того, учитывалось, что при изучении архивных материалов, связанных с подготовкой текста Постановления экстренного заседания Президиума АН СССР была обнаружена помета машинистки на 1-м машинописном варианте Постановления — «отп[ечатано] 3 экз[емпляра] 4/VII.36 г.».

Датировать письмо не установленному корреспонденту 11-м июля (Приложение XIII) со значительной степенью точности позволили упомянутые в тексте события: собрание в Математическом институте (3 июля), собрание в МГУ (9 июля), а, главное, эмоциональное обсуждение резолюции по «Делу» академической Комиссией (стенограмма от 11 июля). Кроме того, текстологический анализ письма свидетельствует о совпадениях некоторых формулировок со стенограммой 11 июля, и, наконец, Н. Н. Лузин следил за публикациями по «Делу» в «Правде» (Архив РАН. Ф.606. Оп.2. Д. 28). Следовательно, письмо могло быть написано после 10 июля (сообщение в «Правде» о собрании в МГУ), но до 12 июля (отсутствует информация об обсуждении дела Н. Н. Лузина в Энергетическом институте АН СССР). К сожалению, документально не установлено к кому обращался Николай Николаевич Лузин со словами: «...я вынужден Вас обеспокоить и просить дать данному делу должное направление», чье имя он избегал произнести даже в письме, адресованном «N. N.». Но невольно возникает предположение, что неизвестное имя общеизвестно и совпадает с именем человека, поставившего на самом высоком партийном уровне точку в политическом процессе против математика Н. Н. Лузина.

Составление Н. Н. Лузиным «Заявления в Президиум АН СССР» (Приложение XVIII) связано с 14 июля. Основанием для такого вывода может служить то, что на заседании Комиссии 13 июля при обсуждении обвинений в плагиате Николай Николаевич впервые (а до этого он присутствовал на всех подобного рода обсуждениях) высказал просьбу: «С обвинением меня в плагиате я прошу лиц, делавших это голословно, выступить в научной печати на двух языках. Мною будет дан исчерпывающий ответ на это». Но это пожелание не было учтено ни в проекте «Заключения», ни в отчете о заседаниях Комиссии, приведенном газетой «Правда» 14 июля («Враг, с которого сорвана маска»). Так что вполне естественно, что Лузин настаивает на своей просьбе в «Заявлении». Еще одним аргументом в пользу датировки документа именно 14-м июля является то, что 13 июля на заседании Комиссии Г. М. Кржижановский обратился к присутствующим со словами: «...Президиум будет 15-го числа. 15-го вы должны быть здесь. Президиум начнется в 12 часов дня, вам следовало бы придти на полчаса раньше. Нам нужно привести в порядок весь материал...». Из стенограммы заседания 15 июля следует, что Николай Николаевич на заседании не присутствовал.

Помещенные в Приложении XXV редакционные статьи «Изжить лузинщину в научной среде» («Успехи математических наук». 1937. Вып. III. С. 3—4), «Достоинство советской науки» («Правда». 6 августа 1936 г.), «Усилить революционную бдительность!» («Вестник Академии наук СССР». 1936. № 8–9. С. 1–6), подводя черту в обсуждении дела академика Н. Н. Лузина, констатируют, что время требует от советской научной общественности «усилить революционную бдительность!».

Тексты документов приводятся с сохранением языковых и стилистических особенностей оригиналов. Расшифрованные сокращения слов и инициалы некоторых упомянутых лиц помещены в квадратных скобках. Слова, подчеркнутые авторами текстов, выделены полужирным шрифтом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР

ВАСХНИЛ — Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина

ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины

МО — Московское отделение

МОК — Московский областной комитет

ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств

ОМЕН — Отделение математики и естественных наук АН СССР

ОНТИ — Объединение научно-технических издательств

СНР — Секция научных работников

ЦБ — Центральное бюро

I

ПРИЯТНОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ (*) (**)

«Известия». 27 июня 1936 г. С. 4

В числе многих московских ученых я был приглашен присутствовать на выпускных испытаниях в одной из школ. Шел я на эти испытания с несколько предвзятым мнением. Дело в том, что мне часто приходится слушать многочисленные жалобы на неудовлетворительную постановку преподавания математики. Даже преподаватели университета рассказывали мне о том, что окончившие среднюю школу и поступающие в высшие учебные заведения не обладают так необходимой способностью самостоятельно мыслить, не умеют работать с книгой, что основой преподавания математики в школе является ставка на память, на заучивание правил, а не на глубокое понимание этих правил. Помня об этом, я и пошел в школу на испытания.

Я выбрал 16-ю школу Дзержинского района. Пришел туда во время испытаний выпускников по тригонометрии. Испытание каждого ученика делилось на две части: сначала задавался вопрос по теории, потом — задача.

Вначале я только слушал, стараясь ничем не обращать на себя внимания. Мне казалось, что мое присутствие будет плохо влиять на спрашиваемых, смущать их. С большим интересом я прислушивался к ответам. Эти ответы поражали своей толковостью, обстоятельностью.

Присутствовавшие на испытании педагоги мне предложили:

— Не хотите ли задать вопрос?

Сначала я отказался, думая, что это смутит учеников. Но в классе царили спокойствие и уверенность, и я превратился в экзаменатора. Сам увлекаясь, я стал задавать все более сложные и, прямо скажу, даже каверзные вопросы и получал на них все те же абсолютно правильные ответы. Я не мог найти в классе слабых. Державшие испытание отличались друг от друга только тем, что отвечали или более медленно, или более быстро, но всегда очень хорошо.

Я предполагал пробыть в школе полтора часа, а вспомнил об этом, когда на исходе был уже четвертый час моего пребывания в классе. Так увлекла меня эта встреча с молодежью.

Мы расстались приятелями. И я дал обещание бывать в школе ежемесячно. Я воспользуюсь этими встречами для того, чтобы поближе познакомить школьников с судьбами высшей математики, раскрыть перед ними всю увлекательность этой поистине замечательной науки.

Уходя из школы, я вспомнил о жалобах, слышанных мною раньше, и понял, что на этот раз потерпел приятное разочарование. От моей предвзятости не осталось и следа. На этот раз я нашел именно то глубокое понимание законов математики, на отсутствие которого мне так часто жаловались.

Всяческой похвалы заслуживают руководители школы (директор Г. И. Шуляпин) и педагоги (в частности, преподавательница тригонометрии А. Д. Смирнова), сумевшие так образцово поставить преподавание математики.

Акад. *Н. Лузин*

II

ОТВЕТ АКАДЕМИКУ Н. ЛУЗИНУ (*) (**)

«Правда». 2 июля 1936 г. С. 3

Чувство глубокого недоумения чтобы не сказать возмущения, охватывает каждого, кто дал себе труд прочесть заметку академика Н. Лузина «Приятное разочарование», помещенную в «Известиях» 27 июня с.г.

Известные постановления партии и правительства о средней школе дали нам, ее работникам, ключ к тому, чтобы по-иному организовать учебный процесс, направляя его, в первую очередь, на ликвидацию «коренного недостатка» школы, на ликвидацию всех и всяческих «левацких» выкрутас. Много усилий для выполнения этой благодарной задачи приложил и я, директор и политический руководитель 16-й школы Дзержинского района, весь ее педагогический коллектив.

Несомненно, мы достигли некоторых успехов в правильной организации преподавания. В частности, немало мы поработали над улучшением преподавания математики, глубокое знание основ которой необходимо каждому, желающему получить высшее образование.

Можно с полной ответственностью сказать, что результаты годовой работы преподавателей оказались неплохими. Выпускные испытания по тригонометрии держали 33 ученика. Из них 11 получили «отлично», 12 — «хорошо» и 10 — «посредственно». Несколько выше оценки по алгебре и геометрии.

Мы считаем, что эти результаты вполне нормальны. Но они, безусловно, не дают академику Н. Лузину никаких оснований заявить на страницах «Известий»: «Я не мог найти в классе слабых. Державшие испытание отличались друг от друга только тем, что отвечали или более медленно, или более быстро, но всегда очень хорошо. На этот раз я нашел именно то глубокое понимание законов математики, на отсутствие которого мне так часто жаловались».

Это заявление неверно и безответственно! Ибо если бы было так, как расписывает академик Н. Лузин, нужно ли было ставить посредственную отметку десяти ученикам?

Кому и зачем академик Лузин втирает очки? Мы гордимся своими отличниками, мы работаем честно, вкладывая в порученное нам дело всю душу, но значит ли это, что нет у нас в работе недостатков?

Академик Н. Лузин, очевидно, забыл, что пришел он в советскую школу, к советским педагогам, т.е. к людям, желающим товарищеской критики своей работы, ищущим в этой критике помощи! Нам не нужно неискренних восторгов, — они ничему не учат, ничему не помогают. Больше того, они вызывают чувство недоверия к автору заметки «Приятное разочарование».

А действительно ли вы были «приятно» разочарованы, академик Н. Лузин? Не было ли вашей целью замазать наши недостатки и этим самым нанести нашей школе вред?

Вы пришли в школу с «предвзятым мнением» — видите ли, «окончившие среднюю школу и поступающие в высшие учебные заведения не обладают так необходимой способностью самостоятельно мыслить**, не умеют работать с книгой...»**

По какому праву? Разве академику Лузину неизвестно, чем живет и дышит советская школа, какую страстность вкладывают ее работники в борьбу за повышение качества учебы, как талантлива советская молодежь!

Вы пришли к нам, в 16-ю школу Дзержинского района, с предвзятым мнением, что наши юноши и девушки не способы самостоятельно мыслить. Но и ушли вы тоже с предвзятым мнением. Нам непонятно, что побудило вас писать такую заметку в «Известиях».

Позвольте же мне сказать на страницах «Правды», что академик Н. Лузин решительно ничем не помог нашей школе, что он сознательно старается скрыть от советской общественности наши промахи и неудачи, что он до неприличия захваливает меня, директора школы.

Академик Н. Лузин считает нужным показать себя, как советского «сверхпатриота». Но его «патриотизм» неубедителен, потому что в нем нет искренности. Поэтому заметка «Приятное разочарование» не достигла своей цели — дезориентировать преподавательский коллектив.

Мы любим нашу школу, мы знаем все ее хорошие и плохие стороны. Мы приложим все усилия к тому, чтобы она стала образцовой в прямом и настоящем смысле этого слова.

Директор 16-й школы Дзержинского р-на

Г. И. Шуляпин

III

О ВРАГАХ В СОВЕТСКОЙ МАСКЕ (*) (**)

«Правда». 3 июля 1936 г. С. 2

Напечатанное вчера в «Правде» письмо директора 16-й школы тов. Шуляпина «Ответ академику Н. Лузину» на его статью в «Известиях» приоткрыло краешек завесы, под которой протекает «деятельность» академика Лузина. Письмо это уже в день его опубликования вызвало ряд откликов и писем работников математических наук в редакцию «Правды». Ближайшее рассмотрение деятельности этого академика за все последние годы показывает, что нарочитые восторги, источаемые Н. Лузиным, по адресу наших школьников, далеко не случайны. Они являют собой лишь одно звено длинной цепи искусной и весьма поучительной по своим методам маскировки врага.

Удивительна, прежде всего, щедрость, с какой расточает академик Лузин похвальные отзывы некоторым претендентам на звание профессора, доктора наук. Например, о работе А. К. Успенского «Сокращенный курс высшей математики» и ее авторе Н. Лузин написал в Высшую аттестационную комиссию, что учебник «обнаруживает полную пригодность к делу преподавания» и что «просмотр и анализ трудов показывает высокую математическую культуру автора и удостоверяет его право на кафедру». Когда же этот учебник был добросовестно прорецензирован другим профессором, оказалось, как это засвидетельствовано в Высшей аттестационной комиссии, что «**Сокращенный курс высшей математики содержит ряд грубейших ошибок и не может быть признан учебником... Учебник пестрит оборотами, математически настолько неграмотными, что они недопустимы даже со стороны хорошего студента**».

Еще более блестящие и столь же незаслуженные отзывы давал академик Лузин и о работах В. Эйгеса, В. Депутатова, П. Бессонова и многих других. Так, беспардонно захваливая В.Эйгеса, он писал:

«В. Эйгес является автором весьма глубокого, ценного и интересного исследования по основам геометрии. Эти исследования еще важны и тем, что они совершенно **ориги-**

нальны, замыслены и выполнены их автором **самостоятельно** в порядке одинокого исследователя, вне всяких влияний со стороны».

Проверка этой работы проф. Хинчиным показала, что «как этот доклад, так и несколько представленных автором рукописей, посвященных различным вопросам геометрии, **носят вполне ученический характер и не содержат элементов сколько-нибудь серьезного научного исследования.**

Но, может быть, это только ошибки, научные ошибки добросовестного ученого? Нет. Сам академик Лузин в беседах с друзьями смеется над своими отзывами, считает, что, например, и Депутатову, и Бессонову ученой степени давать не следует. Фабрикация заведомо ложных похвальных отзывав — это частица линии академика Лузина, линии на засорение советской математической науки людьми неподготовленными. Такую линию академик Лузин последовательно ведет вот уже несколько лет и до самых последних месяцев и дней, когда он рекомендует на научную работу в Академию наук людей, которым в лучшем случае надо начать прохождение университетского курса. Так было с К. Ивановым, совсем на-днях с Ш. Шадханом и другими, как об этом пишут в «Правду» работники математической группы Академии наук.

Это своеобразное вредительство в науке академика Лузина видно и на примере его собственных работ. Чтобы казаться активным членом Академии наук, он печатает в различных изданиях в СССР многие свои якобы научные статьи. Но научная ценность большинства этих статеек ничтожна. Сам Н. Лузин в дружеских беседах не стесняется заявлять, что он ежегодно выбрасывает на рынок науки несколько мемуаров, внутренне смеясь над их содержанием. Он называет эти работы белибердой, которую надо печатать исключительно для «устрашения количеством». Эти, с позволения сказать, «труды» нарочито разводнены, и аспирант Академии наук Ф. Р. Гантмахер доказал на втором всесоюзном математическом съезде, что результаты серии работ Н. Лузина о методе академика А. Н. Крылова (составление векового уравнения), занимающие 160 страниц, легко умещаются на ... трех страничках. Под видом научных работ печатает Н. Лузин некрологи, мелкие и бессодержательные заметки-комментарии и тому подобное. А более или менее самостоятельные свои работы Н. Лузин отсылает для печатания за границу — во Францию, Польшу и даже... Румынию.

Впрочем, самостоятельность многих работ академика Лузина подлежит сомнению, ибо он не стесняется выдавать за свои достижения открытия своих учеников. Так, еще в 1917 году молодой ученый М. Суслин открыл новый класс множеств фундаментальной важности — так называемые «А-множества». Н. Лузин сделал все возможное, чтобы выставить своего ученика Суслина из Москвы, не дать ему возможности работать. И как только умер (в 1919 г.) М. Суслин, его открытием Н. Лузин не замедлил воспользоваться в напечатанных за границей работах, выдавая открытие погубленного им ученика за свое собственное. Не стесняется и теперь Н. Лузин печатать работы своих учеников под своей фамилией, как это было в прошлом году с книгой «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций». На обложке этой книги красуется фамилия Лузина, а внутри — работа его ученика П. Новикова.

Сочетая такую моральную нечистоплотность и научную недобросовестность с затаенной враждой, ненавистью ко всему советскому, Н. Лузин избрал для себя тактику «быть мудрым, как змий». Он полагает, что вокруг него советские граждане дураками сидят, которых можно бесконечно и невозбранно надувать, обманывать, прикрываясь

высоким званием советского ученого. Но полупочтенный академик забывает, что большевики хорошо умеют распознавать змей, в какие бы шкуры они ни рядились. Мы хорошо знаем, что Н. Лузин — антисоветский человек.

Академик Лузин пускает в ход лесть (иногда тонкую лесть) советской научной молодежи — будто она все уже знает, умеет, научно подкована и прочее и прочее. А исподтишка ухмыляется, зубоскалит, рассказывая по секрету дружкам своим, что все это не всерьез и есть надежда на то, что время молодежи подходит к концу, и подсиживает, изгоняет из Академии действительно талантливых молодых ученых.

Советская математическая наука имеет большие заслуги и большие достижения. Математика преуспевает в советской стране, как преуспевают и все другие науки, для которых социалистическое государство рабочих и крестьян даст условия, каких нет и быть не может ни в одной капиталистической стране. Мы знаем, откуда вырос академик Лузин: мы знаем, что он один из стаи бесславной царской «Московской математической школы», философией которой было черносотенство и движущей идеей — киты российской реакции: православие и самодержавие. Мы знаем, что и сейчас он недалек от подобных взглядов, может быть, чуть-чуть фашистски модернизированных. Но социальная почва, взрастившая Лузиных, исчезла, ушла и уходит из-под ног. Академик Лузин мог бы стать честным советским ученым, каких из старого поколения много. Он не захотел этого; он, Лузин, остался врагом, рассчитывая на силу социальной мимикрии, на непроницаемость маски, им на себя напяленной.

Не выйдет, господин Лузин! Советская научная общественность срывает с вас маску добросовестного ученого и голеньким, ничтожным предстаете перед миром вы, ратующий якобы за «чистую науку» и продающий интересы науки, торгующий ею в угоду прежним хозяевам вашим, нынешним хозяевам фашизированной науки. Советская общественность воспримет историю академика Лузина, как еще один предметный урок того, что враг не складывает оружия, что он маскируется все искусней, что методы мимикрии его становятся все многообразней, что бдительность остается необходимейшей чертой каждого большевика, каждого советского гражданина.

IV

ПИСЬМО РЕДАКТОРА «ПРАВДЫ» Л. З. МЕХЛИСА В ЦК ВКП(б) 3 ИЮЛЯ 1936 г.

Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3. Опись 33. Дело 129. Лист 91

<резолюция: **Молотову! Кажется, можно разрешить. Сталин**
роспись В. М. Молотова и помета «Сообщ[ено] т. Мехлису. П[оскребышев]»>

ЦК ВКП(б) —
Товарищам Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову
Тов. Молотову

Материалы, собранные редакцией «Правды» в связи с делом академика Н. Лузина, выявили, между прочим, один серьезного значения недостаток в работе научных органи-

заций. Сводится этот недостаток к тому, что большинство ученых наиболее интересные свои работы считают нужным публиковать главным образом и раньше всего не в СССР, а в заграничной печати. Вызывается это двоякого рода причинами:

во-первых, ненадежностью издания научных книг и журналов у нас, в СССР,

во-вторых, тем ореолом уважения, которым до сих пор окружена в научной среде (даже среди многих коммунистов — научных работников) любая, хотя бы и малозначительная работа, если она напечатана за границей.

Считая такое положение совершенно ненормальным, прошу ЦК ВКП(б) санкционировать развернутое выступление по этому вопросу на страницах «Правды».

Редактор «Правды» *Л. Мехлис*

V

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ «ПРАВДЫ» «ОТВЕТ АКАДЕМИКУ Н. ЛУЗИНУ» И «О ВРАГАХ В СОВЕТСКОЙ МАСКЕ»

«Успехи математических наук». 1937. Вып. III. С. 275

Резолюция общего собрания сотрудников Математического института Академии наук СССР

3 июля 1936 г. состоялось собрание научных работников Математического института Академии наук СССР, на котором обсуждались статьи: «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске».

На собрании была принята следующая резолюция.

«Ознакомившись со статьями, помещенными в газете «Правда» — «Ответ академику Лузину» (№ 180 от 2/VII) и «О врагах в советской маске» (№ 181 от 3/VII), собрание констатирует:

1. Математическая общественность знала в течение ряда лет факты «деятельности» Н. Лузина, освещенные в статьях «Правды», причем число этих фактов могло быть еще увеличено по сравнению с тем, что опубликовано.

2. Однако научная общественность не разглядела в этих фактах лицо врага, прикрывшегося маской советского академика, объясняя их «странностями» в характере Н. Лузина.

3. В этой связи мы должны открыто признать, что такая позиция в отношении к Н. Лузину была позицией гнилого либерализма, способствовавшая гнусной антисоветской деятельности Н. Лузина и облегчавшая ее.

4. Великолепная большевистская бдительность, помогшая «Правде» вскрыть врага, пробравшегося в ряды советских ученых, послужит нам в дальнейшей нашей деятельности предметным уроком в борьбе за советскую социалистическую науку.

5. Мы призываем всю научную общественность нашей страны к непримиримой борьбе с врагами народа, под какой бы маской они ни скрывались, к большевистской самокритике своей собственной работы, ибо это является необходимым условием реализации величайших возможностей развития науки у нас и тем самым ее максимального единства с практикой строительства социализма.

6. Собрание обращается в президиум Академии наук с предложением немедленно снять Н. Лузина с постов председателя группы математики Академии наук и председателя математической квалификационной комиссии.

7. Собрание просит также президиум Академии наук рассмотреть в соответствии с п.24 устава Академии наук вопрос о дальнейшем пребывании Н. Лузина в числе действительных членов Академии.

8. Собрание считает, что в целях обеспечения руководства математической жизнью страны необходимо усилить группу математики, пополнив ее новыми действительными членами и членами-корреспондентами».

В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ АКАДЕМИИ НАУК

«Фронт науки и техники». 1936. № 7. С. 125—126

В начале июля состоялось собрание научных работников Математического института Академии наук, на котором обсуждались статьи, помещенные в «Правде» — «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске».

В прениях выступали акад. И. М. Виноградов, С. Л. Соболев, Л. Г. Шнирельман, А. О. Гельфонд, Б. И. Сегал, Л. А. Люстерник, Ф. Р. Гантмахер, С. Е. Аршон, Н. Е. Кочин, А. Ф. Бермант, М. В. Келдыш и др.

В постановлении собрания указывается на то, что математическая общественность знала в течение ряда лет факты из деятельности Н. Н. Лузина, подобные тем, которые освещены в статьях «Правды», причем число этих фактов могло бы быть еще увеличено по сравнению с тем, что опубликовано. Однако, научная общественность не разглядела в этих фактах лицо врага, прикрывшегося маской советского академика, объясняя их «странностями» в характере Лузина. Такая позиция в отношении к Н. Н. Лузину была позицией гнилого либерализма, способствовавшей и облегчавшей гнусную антисоветскую деятельность Лузина.

«Великолепная большевистская бдительность, помогшая «Правде» вскрыть врага, пробравшегося в ряды советских ученых, послужит в дальнейшей нашей деятельности предметным уроком в борьбе за советскую социалистическую науку. Мы призываем всю научную общественность нашей страны к непримиримой борьбе с врагами народа, под какой бы маской они не скрывались, к большевистской самокритике своей собственной работы, ибо это является необходимым условием реализации величайших возможностей развития науки и тем самым ее максимального единства с практикой строительства социализма» (из постановления собрания).

Собрание постановило обратиться в президиум Академии наук с предложением немедленно снять Н. Лузина с постов председателя группы математики Академии и председателя математической квалификационной комиссии. Собрание ставит перед Президиумом Академии вопрос о дальнейшем пребывании Н. Лузина в числе действительных членов Академии. Собрание указывает на необходимость одновременно усилить группу математики Академии путем пополнения ее новыми действительными членами и членами- корреспондентами

VI

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЭКСТРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР [4 ИЮЛЯ 1936 г.]

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 37. Листы 28—30

Президиум Академии Наук СССР на экстренном заседании, совместно с Советом Отделения Математических и Естественных наук и с Математической группой, обсудив материал об академике ЛУЗИНЕ, опубликованный в «Правде» 2-го и 3-го июля и доклад директора Математического Института АН акад. ВИНОГРАДОВА об ученой и общественной деятельности ЛУЗИНА,

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Признать, что разоблачение «ПРАВДЫ» в отношении академика ЛУЗИНА, вскрывающее его двурушническую и вредительскую «деятельность» в науке, характеризующее его как скрытого классового врага советской власти, полностью обосновано и целиком подтверждается дополнительными данными, собранными Президиумом.

/Дальше должна быть вставлена подробная характеристика ЛУЗИНА, разоблачающая его по общественно-политической линии более широко и конкретно, чем в «Правде», а также более краткая характеристика научных работ ЛУЗИНА с указанием плагиатов для освещения моральной физиономии ЛУЗИНА/.

2. Отметить, что математическая общественность АН, по ее собственному признанию, знала в течение ряда лет вышеуказанные факты «деятельности» ак.ЛУЗИНА, но не сумела подняться до их обобщения и политической оценки, замалчивала их в своей среде, слепо преклоняясь перед званием академика.

Это показывает, что в АН существует еще цеховая узость отдельных ее частей и отсутствует то единство и монолитность, которые необходимы для ее работы, как высшего научного центра СССР.

Президиум АН призывает все научные и общественные организации АН к усилению бдительности в отношении врагов советской страны и к сплочению фронта советских ученых в борьбе за такое развитие науки, которое полностью отвечало бы интересам социалистического общества.

3. /1-й вар[иант]/ Отстранить академика ЛУЗИНА от должности председателя Математической группы и председателя Математической квалификационной Комиссии и поставить перед общим собранием [АН СССР] вопрос о дальнейшем пребывании его в составе действительных членов Академии Наук, согласно п.24-го Устава Академии.

/2-й вар[иант]/ Отстранить ак[адемика] ЛУЗИНА от должности председателя Математической группы и председателя Математической квалификационной Комиссии и предупредить его, что антисоветская деятельность несовместима с высоким званием действительного члена АН; в случае повторения каких-либо антисоветских поступков со стороны ак[адемика] ЛУЗИНА поставить перед общим собранием [АН СССР] вопрос о дальнейшем пребывании его в составе АН, согласно п.24-го Устава Академии.

4. Отметить, что в деле ак[адемика] ЛУЗИНА наглядно выявилось стремление ряда ученых печатать свои научные работы в первую очередь в иностранных научных изданиях. Это стремление объясняется раболепным преклонением этих ученых перед буржуаз-

ной научной общественностью, желанием приобрести популярность в капиталистическом обществе и окружением в их глазах буржуазной науки особым ореолом непогрешимого авторитета. Между тем статьи, помещенные в иностранных научных изданиях, не всегда отличаются высоким научным уровнем, самый факт их опубликования вовсе не свидетельствует об их научной значимости и, что самое главное, в идеологическом и методологическом отношении буржуазная научная литература стоит на враждебных советскому мировоззрению идеалистических позициях, имеющих своей целью оправдание капиталистического общества.

Считать это тяготение ученых к буржуазной научной общественности недопустимым и недостойным подлинного советского ученого.

VII

ПИСЬМО П. Л. КАПИЦЫ В. М. МОЛОТОВУ 6 ИЮЛЯ 1936 г.

Личный архив академика П. Л. Капицы

[«ЗА НЕНАДОБНОСТЬЮ ВЕРНУТЬ ГР-НУ КАПИЦЕ... »
(Публикация *П. Е. Рубинина*) // «Советская культура». 21 мая 1988. С. 6]

<резолюция: **За ненадобностью вернуть гр-ну Капице. Молотов**>

Председателю СНК СССР В. М. Молотову
6 июля 1936, дер. Жуковка дача 33

Товарищ Молотов,

Статья в «Правде» о Лузине меня озадачила, поразила и возмутила, и как советский ученый я чувствую, что должен сказать Вам, что я думаю по этому поводу.

Лузин обвиняется во многом, я не знаю, справедливы ли эти обвинения, но я вполне допускаю, что они полностью обоснованы, но и в этом случае мое отрицательное отношение к статье не изменится.

Сперва начну с некоторых обвинений Лузина мелкого характера. Он печатал свои лучшие работы не в Союзе. Это делают многие ученые у нас главным образом по двум причинам: 1) у нас скверно печатают — бумага, печать; 2) по международному обычаю, приоритет дается только (в том случае), если работы напечатаны по-французски, немецки или английски. Если же Лузин печатал в Союзе плохие работы, то в этом виноваты редакции журналов, которые их принимали.

То, что он завидовал своим ученикам, и поэтому были случаи несправедливого отношения к ним, то, к сожалению, это явление встречается даже среди самых крупных ученых..

Итак, остается одно обвинение против Лузина, он скрывал за лестью свои антисоветские настроения, хотя каких-либо больших преступлений не указывается. Тут стоит по существу очень важный и принципиальный вопрос: как относиться к ученому, если морально он не отвечает запросам эпохи.

Ньютон, давший человечеству закон тяготения, был религиозный маньяк. Кардан, давший корни кубического уравнения и ряд важнейших открытий в механике, был кутила и развратник. Что бы Вы с ними сделали, если бы они жили у нас в Союзе?

Положим, у Вас заболел близкий Вам человек. Позвали бы (Вы) гениального врача, если бы даже его моральные и политические убеждения Вам были противны?

Возьмем пример ближе. Гениального Клода, изобретателя процессов ожижения, разделения и получения целого ряда газов, которыми пользуются теперь всюду в мире и у нас в Союзе. Он — французский фашист. Что бы Вы с ним стали делать, если бы он был советским гражданином и не захотел менять своих убеждений?

Я не хочу защищать моральные качества Лузина. ...Но нет сомнений, что он наш крупнейший математик, один из четырех самых лучших наших математиков, его вклад в мировую науку признается всеми математиками, как у нас, так и за границей. К тому же, он сделал больше чем кто-либо другой из наших математиков, чтобы собрать и воспитать ту плеяду советских математиков, которую мы сейчас имеем в Союзе.

Я считаю, что страна, имеющая (таких) крупных ученых, как Лузин, должна первым делом сделать все, чтобы его способности были наиболее полно использованы для человечества.

Людей типа Лузина, идеологически нам не подходящих, во-первых, надо поставить в такие условия, чтобы они, продолжая работать в своей научной области, не имели широкого общественного влияния, во-вторых, нужно сделать все возможное, чтобы их перевоспитать в духе эпохи и сделать из них хороших советских граждан.

Начнем с первого. Что Лузин не социалист, об этом, конечно, знали все в Академии, и таких там не мало, и, конечно, это не было неожиданно открыто директором 16-й школы после того, как Лузин разразился льстивыми комплиментами. Но, несмотря на это, его выбирают выполнять целый ряд общественных обязанностей, его просят рецензировать, ему поручают руководство Математической группой Академии наук ...

Во-вторых, было ли сделано все возможное для того, чтобы перевоспитать Лузина и людей типа Лузина в Академии наук и можно ли это достигнуть такими методами, как статья в «Правде»?

Я утверждаю, что нет, а как раз наоборот — этим затрудняется воспитание не только самого Лузина, но и целого ряда других ученых.

Как вообще Вы взялись за перестройку Академии? Вы, первое, начали выбирать в академики партийных товарищей. Это был бы лучший метод, если бы у нас были крупные ученые среди партийцев. Оставляя в стороне общественные науки, наши партийные академики куда слабее старых, их авторитет поэтому мал.

Вырастить новых ученых из молодежи тоже пока не удается. Я это объясняю совсем неправильным подходом с Вашей стороны к науке, чересчур узко утилитарным и недостаточно внимательным. Поэтому главный научный капитал у нас все же лежит в старом поколении людей, доставшихся (нам) по наследству. Поэтому следовало бы, казалось, все сделать, чтобы их перевоспитать, приучить и пр. Но то, что Вы делаете, совсем не достигает цели. Когда-то арестовали Лазарева, прогнали Сперанского, а теперь обрушились на Лузина. Немудрено, что от такого нежного обращения (такие) ученые как Успенский, Чичибабин, Ипатьев и другие, сбежали. Я по себе знаю, как бездушно вы можете обращаться с людьми.

Возьмем, далее, тех партийных товарищей, которых Вы посылаете работать с учеными и которые, если хорошо подобраны, могли бы прекрасно перевоспитать нашу ушедшую от жизни научную среду. Ведь все время среди них обнаруживаются такие товарищи, за которых краснеть приходится. Я это по своему опыту знаю. Ведь того заместителя, которого мне в начале дали, я не могу иначе назвать, как совсем беспринципным человеком. Теперешнего же моего «зама», лучше которого я себе не желаю, я сам себе на-

шел. Правда, когда я его попросил, было сделано все, чтобы я его заполучил. И я уверен, если бы у всех директоров институтов Академии наук были бы такие же замы, как у меня, то дух Академии наук совсем бы изменился.

Что Вы сделали, чтобы перевоспитать Лузина? Ничего. А чего достигнет эта статья в «Правде»? Либо он еще слащавее заговорит, либо у него произойдет нервное расстройство, и он прекратит научно работать. Только перепугаете, больше ничего. Пугать надо опасных врагов. А разве Лузины опасны Советскому Союзу? Новая конституция лучше, чем что-либо другое, показывает, что Союз достаточно мощен, чтобы не бояться Лузиных.

Но вот, имея в руках все хозяйственные достижения, политические завоевания, которыми располагает наш Союз, я не понимаю, как можно не перевоспитать любого академика, каким бы он не был, стоит только внимательно взяться и подойти индивидуально. Пример — хотя бы Павлов. А крупных ученых у нас не так много, чтобы за это дело трудно было взяться.

Из всех этих соображений, я не могу понять, какой тактический смысл статьи в «Правде», и вижу в ней только вредный шаг для нашей науки и для Академии, так как это не перевоспитывает наших ученых и не подымает их престиж в стране.

А если к этому прибавить, что имя Лузина достаточно хорошо известно на западе, чтобы такая статья не прошла незамеченной. Благодаря своей слабости и неубедительности (она) может быть комментирована самым разнообразным и нелепым образом. Видя вред всего случившегося для науки в Союзе, я считаю, что должен об этом написать Вам.

П. Капица

VIII

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ОТ 7 ИЮЛЯ 1936 г.

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 32. Лист 1а

<на бланке Академии наук СССР>

Выписка из Протокола Заседания Президиума от «7» июля 1936 г.

«10» июля 1936 г.

Членам Комиссии:

Проведено опросом:

Для разбора дела ак[адемика] Н. Н. Лузина в связи со статьями «Правды» — «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске» и в связи с фактами, оглашенными на собрании научных работников Математического Института АН, образовать Комиссию под председательством Вице-Президента Академии Наук ак[адемика] Г М. Кржижановского в составе академиков: А. Е. Ферсмана, С. Н. Бернштейна, О. Ю.Шмидта, И. М. Виноградова, А. Н. Баха, Н. П. Горбунова, членов-корреспондентов АН: [Л. Г.] Шнирельмана, [С. Л.] Соболева, [П. С.] Александрова и проф[ессора] [А. Я.] Хинчина.

Результаты работы Комиссии доложить Президиуму

Непременный Секретарь
Академии Наук СССР /*Н. П. Горбунов*/

IX

ПИСЬМА ВЕРНАДСКОГО В. И. И НАСОНОВА Н. В. В ОМЕН АН СССР, АКАДЕМИКАМ ФЕРСМАНУ А. Е. И ГОРБУНОВУ Н. П. О ПОДДЕРЖКЕ АКАДЕМИКА ЛУЗИНА Н. Н.

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 30. Листы 1—3

[Сопроводительное письмо]

Узкое
7. VII. 1936

Дорогой Александр Евгеньевич,
направляю к Вам письмо (к которому присоединился Н. С. Курнаков), к Вам как к председателю нашего Отделения. Дайте ему ход только в случае, если Вы найдете это нужным и невредным. Мы не можем, конечно, издалека учесть точно положения. Если Вы в этом откажете <неразборчиво>, верните письмо мне.

Я думаю, что подобная история может оказаться, в конце концов, гибельной для Академии, если она приведет к удалению Н. Н.[Лузина] из Академии или чему-нибудь подобному. Мы покатимся вниз по наклонной плоскости.

Ваш

В. И. Вернадский

PS. Копию моего заявления пошлите Горб[унову], А[лександр] Е[вгеньевич], если Вы не будете против этого возражать.

Прилагаю письмо Насонова [Н. В.] (он забыл поставить число), он также считает, что если Вы считаете неубедительными наши письма — то верните мне.

Копия ак[ademику] Н. П. Горбунову

Узкое
7.VII.1936

В Президиум ОМЕН

Многоуважаемый Александр Евгеньевич,

Мне представляется совершенно необходимым принять экстренные меры со стороны Академии для выяснения тяжкого обвинения, предъявленного газетой «Правда» нашему сочлену акад[емику] Н. Н. Лузину. Мы товарищи Н. Н. Лузина по Академии не можем относиться безучастно и инертно к этому случаю.

Тяжкое обвинение, публично выдвинутое против Н. Н. Лузина, резко противоречит всему <неразборчиво> облику этого большого ученого, который сложился не у одного меня.

Нельзя отнестись безучастно к происходящей трагедии. Лузин — один из крупнейших ученых нашей страны, в расцвете научного творчества, и такие переживания для него не могут проходить бесследно. Необходимо бережное отношение к людям мысли и труда, их у нас так не хватает.

Казалось бы, появление такого обвинения в органе Центрального Комитета Партии должно было бы служить гарантией его <неразборчиво>. Но в газете печатают люди и их работа неизбежно несовершенна.

Одно из указаний газеты явно неверно, а это подрывает доверие ко всем остальным. Необходима тщательная проверка других указаний.

Неверна ссылка на книгу Н. Н. Лузина «О некоторых новых результатов дескриптивной теории функций» (1935). Газета обвиняет Н. Н.[Лузина] в плагиате по отношению к одному из его учеников. Едва ли это было, проглядевший даже книгу может с этим согласиться.

Само обвинение такого большого ученого, каким является Н. Н.[Лузин], в плагиате показывает, что газета совсем не представляет себе положения Н. Н.[Лузина] в мировой науке и того значения, которое в ней имеет его научная мысль и работа.

Необходимо выслушать Н. Н.[Лузина] прежде всего в ОМЕН — может быть не только в Президиуме. Члены Отделения не могут, по моему мнению, остаться в стороне.

С совершенным уважением

В. И. Вернадский

В Президиум ОМЕН

Многоуважаемый Александр Евгеньевич,

В «Правде» появилась статья, содержащая тяжелые обвинения нашего сочлена акад[емика] Н. Н. Лузина в весьма неблаговидных поступках и рисующая в мрачных красках его как ученого и человека.

Я считаю необходимым, чтобы дана была Н. Н. Лузину возможность высказаться по поводу этого предъявленного обвинения в ОМЕН или какой-либо иной обстановке, которую Президиум найдет наиболее авторитетной.

Н. Насонов

X

ПИСЬМО АКАДЕМИКА Н. Н. ЛУЗИНА В ЦК ВКП (б) ОТ 7 ИЮЛЯ 1936 г.

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 31. Листы 1—8

В Центральный Комитет ВКП (б)
Копия в Академию Наук СССР

В Центральном Органе Партии мне, как гражданину моей страны и ученому, создавшему крупнейшую в Союзе математическую школу, ученому выдвинувшему советскую математику на одно из первых мест в мире и в течение лет разрухи сумевшему набрать среди студентов талантливую молодежь и привлечь ее к научным занятиям, — мне брошено тяжелое обвинение.

Найти в себе нравственную силу пережить это обвинение мне дает сознание моей исключительной роли в создании советской математики, и какие бы ни были мне в дальнейшем суждены испытания, я в этом сознании черпаю неистощимый источник силы.

Я всю жизнь отдал на службу моей науке и на создание школы. Моя глубочайшая трагедия, как ученого, состоит в том, что моя работа протекала в период величайшей революции в истории человечества, глубокого перелома и сдвигов, которые требовали от меня, как и от всех нас, величайшего напряжения всех наших сил, чтобы правильно ориентироваться в обстановке; это мне не всегда удавалось, и поэтому я совершил ряд тягчайших ошибок. Уверенность в том, что я совершил их бессознательно, могла бы извинить их для меня, но я отлично отдаю себе отчет в том, что бессознательность этих ошибок не облегчает вреда, который они причинили моей стране.

Будучи ученым и создателем математической школы, я видел цель в том, чтобы различными путями и средствами привлекать в науку талантливых и обещающих людей. В особенности установка Правительства моей родины всячески облегчала мне эту задачу, давая возможность черпать людей из числа тех, для кого наука была раньше закрыта. Но, как я вполне теперь убедился, мое стремление выдвигать хоть сколько-нибудь обещающих людей в науку вступило в коллизию с тем высоким местом, которое мне, благодаря моим способностям и достижениям, суждено было занять в научной жизни моей родины. Тягчайшая моя вина заключалась в том, что я, с одной стороны, стремился дать возможность людям заниматься наукой, и, с другой стороны, не вполне осознавал ту величайшую ответственность, которая лежала на мне в деле создания кадров преподавателей наших ВУЗ'ов.

Облеченный высоким доверием Партии и Правительства на посту Председателя Математической Группы, я, к сожалению, часто давал рекомендации и отзывы людям, не обладающим достаточной квалификацией, и тем причинил несомненный вред делу нашего образования.

Я знаю, что бессознательность моей ошибки ни в коем случае не уменьшает моей вины, но сознание того места, которое я занимаю, представляя мою родину в мировой науке, позволяет мне дать Центральному Комитету Партии, объяснение причин, в результате которых я совершил такие тяжкие ошибки.

Для человека, вступившего на научное поприще в дореволюционное время, занятия наукой означали полный отрыв от жизни. В этом отношении я могу позавидовать более молодым товарищам, которым революция дала возможность гармонически развивать все свои духовные силы и прекрасно ориентироваться во всех грандиозных событиях, происходящих в нашей стране. Мне это не было суждено, и занятие наукой сделало меня на много лет книжным человеком, далеким от жизни, не всегда умеющим во время переключиться и идти в ногу на каждом новом этапе, возникающем с новым положением вещей и новыми потребностями.

Величайшей моей ошибкой, не упоминаемой в статье, но глубоко мною пережитой, был и мой уход из Университета в 1930 г. Сейчас мне трудно даже отдать себе отчет, как могло случиться, что я крупный ученый, видевший свое призвание в преподавании математики, смог отказаться от преподавания в Университете и не понять, что развитие нашей жизни и быстрый рост нашей страны открывает передо мною перспективы, о которых я никогда не мог мечтать.

Сознавая вполне всю глубину политической моей ошибки в неумении оценивать обстановку и вовремя переключаться, я согласен нести за нее любую ответственность

В той же статье мне предъявлено обвинение не как ученому моей страны, но как человеку: ставится под подозрение моя моральная честность. С этим я никак не могу согласиться, и убежден, что в этом пункте мне будет дана полная реабилитация.

Меня обвиняют в трех пунктах:

1) в том, что Суслин [М. Я.] погублен мною,

2) что я выдал его открытие за свое,

3) что я напечатал работы своего ученика Новикова [П. С.] под своей фамилией.

Пункт второй, касающийся присвоения открытия Суслина, я считаю основанным на сознательном введении в заблуждение Центрального Органа Партии лицами, об этом ему заявившими.

Как может увидеть из прилагаемого при сем экземпляра Comptes Rendus всякий научный работник, имеющий публикации в научной прессе, наша совместная публикация

выдержана в абсолютно корректном виде, установленном usus'ом в международной практике научных публикаций. Меня обвиняют в том, что в позднейших работах я развиваю идеи Суслина. Но в этом состоит мой долг ученого, и ставить мне это в упрек могут только люди недобросовестные.

Дальнейшее о моих взаимоотношениях с Суслиным, а также с другим моим учеником Новиковым, я подробно излагаю в приложении.

Правильность моих утверждений, безусловно, подтвердит сам Новиков; что же касается до отношений с покойным Суслиным, я прошу затребовать сведения от проф[ессора] Меньшова [Д. Е.] и проф[ессора] Федорова [В. С.], которые близко с нами в то время соприкасались.

Я знаю, что ни Центральный Комитет, ни Центральный Орган Партии, не делают шагов без предварительного зрелого обдумывания, и эти шаги, в конечном итоге, направлены на благо моей родины.

Я отдаю себе отчет в том, что, помещая статью обо мне в «Правде», Партия руководствовалась необходимостью дать примерный урок руководящим ученым нашей страны, не осознающим всю тяжесть политической ответственности за развитие науки в нашей стране.

Для меня является нравственным утешением сознание, что этот урок будет не только глубоко пережит мною, но и всей научной общественностью моей страны.

Что касается последнего абзаца статьи «Правды», где мне предъявляются чудовищные обвинения в прислуживании нынешним хозяевам фашизированной науки, то я с полным сознанием своей политической ответственности, как ученого с мировым именем и гражданина Союза, заявляю, что редакция «Правды» была сознательно введена в заблуждение людьми, заявившими ей об этом. Это опровергается всей моей жизнью, как ученого и как человека.

Я не нахожу слов способных выразить всю глубину моего негодования по поводу предъявления мне обвинения «в прислуживании хозяевам фашизированной науки». При всех моих ошибках и заблуждениях я никогда не испытывал иного чувства, как чувство мерзостного отвращения к разрушителям науки, служению которой я посвятил всю свою творческую жизнь.

Я знаю, что буду, и я готов ответить за все свои бессознательные ошибки, о которых я писал в этом заявлении.

Я убежден в том, что я буду реабилитирован, как человек, обвиненный в моральной нечистоплотности и как гражданин моей страны, обвиненный в тягчайшем политическом преступлении.

Я убежден, что этот случай, возбудивший всю научную общественность, послужит к ускорению перестройки ученых и еще большему расцвету науки в нашей стране.

Ак[адемик] *Н. Лузин*

Прибавления:

1). О Суслине.

Меня, как ученого, судьба баловала талантливыми учениками. Среди них выделялся Суслин.

Будучи в годы разрухи приглашен в Иваново-Вознесенский Политехнический Институт, я взял с собою Суслина и устроил ему должность экстраординарного профессора, причем Институт потребовал от него сдать в течение двух лет магистерские экзамены. К сожалению, я не смог заставить Суслина всецело посвятить себя научной работе, и по прошествии двух

лет, ввиду не сдачи им магистерских экзаменов у него возникли трения с дирекцией Института, и он вынужден был, покинув Иваново-Вознесенск, уехать к своим родителям. Не скрываю, что на почве моих требований о подготовке к экзаменам и отсутствия у него достаточного импульса это сделать, у нас произошли трения. Я и сейчас, 17 лет спустя, считаю недопустимым для столь талантливого человека, как Суслин, загружение педагогической работой в ущерб научной работе. Когда Суслин захотел стать профессором в Саратове, я выразил свое мнение о том, что ему не следует давать там кафедры, так как я находил, что это был единственный способ для того, чтобы он был вынужден, хотя бы под давлением внешних обстоятельств, приступить, наконец, к серьезной научной работе. При этом я хорошо знал, что родители Суслина вполне обеспеченные люди, и он в заработке не нуждается.

2). **О Новикове**.

В работе руководителя с талантливым учеником, каковым, безусловно, является Новиков, неизбежно сплетение идей и взаимное влияние друг на друга, особенно тогда, когда они оба работают над одним и тем же самым вопросом. В результате очень часто бывает невозможно, как в совместных, так и в отдельных работах, выделить мысли руководителя и ученика, и мое глубокое убеждение, что в отношении к его идеям мною была проявлена полная корректность, и, что я ни в коем случае не переходил границ, которые во всем мире существуют при совместном публиковании руководителя и ученика.

Упомянутая в статье «Правды» моя работа «О некоторых новых результатах дескриптивной теории функций» представляет из себя доклад, сделанный мною на майской сессии Академии наук в 1935 году. На первой же странице этой работы указано, что я буду излагать частью свои личные результаты, частью же исследования Новикова. А на 46-й странице жирным шрифтом напечатано: «Изыскания П. С. Новикова», и с этого места я начинаю излагать его результаты.

Относительно другой моей работы, не упомянутой в «Правде», но, как я полагаю, явившейся поводом для утверждения, что работа Новикова публикуется под моим именем, я должен заявить следующее:

Borel'ем по типографским соображениям, как это следует из его письма, которое при сем прилагается, выкинуто три строки, содержащие ссылку на Новикова. В подтверждении этого, я представляю черновик заметки, посланной мною в Comptes Rendus, и появившуюся в печати заметку.

Кроме того, эта заметка в Comptes Rendus есть первая из серии в пять заметок, из которых пока две только напечатаны. В остальных трех имелось в виду дать полную трактовку вопроса.

7/ VII — 36 г. Ак[адемик] *Н. Лузин*

XI

ТРАДИЦИИ РАБОЛЕПИЯ (*) (**)

«Правда». 9 июля 1936 г. С. 3

Патриоты российского самодержавия презирали свою родину. Знаменосцы «самодержавия, православия и народности» глубоко презирали и самый русский народ, его труд, его язык, его песни, им рожденные искусство и науку. Дворянская аристократия всегда считала русский язык языком хамов и смердов, языком, который не может пере-

дать ни душевных переживаний, ни высоких чувств, ни тонкостей науки. То французский, то немецкий, то английский язык поочередно становились родным для российского дворянина; пренебрежением ко всему русскому дворянство заражало и значительные слои интеллигенции, деятелей науки в том числе. Десятилетиями насаждался тот взгляд, что свет науки исходит только с Запада, только от иностранцев. Слова Ломоносова:

«Может собственных Платонов
И быстрых разумов Невтонов
Российская земля рожать»,

слова эти цитировались большей частью лишь иронически.

И все же великий русский народ, придавленный штиблетами бюрократии и сапогом жандарма, дал миру гениев и таланты математики, химии, естествознания и других наук. Но их имена знали больше за границей, чем на родине, и печататься могли они главным образом за границей из-за полицейских гонений на науку, варварской полиграфической техники, из-за боязни остаться безвестными миру. Научный мир знал выдающихся русских ученых, но российская наука и научная литература считались наукой второго разряда, второго и третьего «ранга», наукой провинциальной.

Общепризнанным фактом стала экономическая и культурная мощь Советского Союза. Восемнадцать лет диктатуры пролетариата сделали для развития науки куда больше, чем столетия помещичье-капиталистического владычества. Нет нужды приводить здесь разительные цифры роста университетов, втузов, научно-исследовательских институтов, цифры многомиллионных затрат советского государства на развитие науки — они общеизвестны. Общеизвестно и то, что раскрепощенные от капитализма народы СССР уже дали огромное число талантливых молодых ученых решительно во всех областях науки, равно и старые кадры лишь в советской стране получили все условия для расцвета научной деятельности.

Все же, оказывается, живучи до сих пор в нашей научной среде некоторые бесславные традиции царской России. Глубоко укоренился взгляд, будто только заграничная марка свидетельствует о подлинной научности той или иной работы. Эти традиции провинциализма и неуважения к своему научному коллективу, своему, русскому языку многие ученые перенесли на советскую почву. До сих пор считается почему-то нормальным, естественным в научной среде печатать труды советских ученых, прежде всего, за границей или даже только за границей.

Взять хотя бы математику. Большинство советских ученых-математиков (Александров, Колмогоров, Хинчин, Бернштейн и др.) публикуют свои работы за границей, не печатая их у нас, в СССР, на русском языке.

Так обстоит дело не только в математике, но и в ряде других наук. Например, один из интереснейших разделов современной биологии — учение о митогенетических лучах. Все основные труды о митогенетических лучах принадлежат проф. Гурвичу и другим советским ученым. Между тем в СССР на русском языке почти нет печатных работ на эти темы — они все изданы за границей.

Дошло до того, что даже популярные работы (по топологии, теории вероятностей) профессоров Александрова, Хинчина, Колмогорова впервые напечатаны были за границей на немецком языке, а затем только был «поднят вопрос» о переводе этих работ советских ученых **на русский язык** и переиздании в СССР. Чувство глубокого возмущения охватывает, когда знакомишься с такого рода фактами. Вскормленные советской страной

и советской наукой подобные ученые продолжают раболепствовать перед любой чужой страной, любым чужим языком. Или они не обладают ни каплей национальной гордости? Или они продолжают считать наше великое социалистическое государство прежней провинциальной Россией? Или совсем нет в них чувства советского патриотизма? Или они, подобно старо-российским дворянчикам, полагают, что русский язык не способен передать их мыслей и открытий?

Свои работы некоторые советские ученые посылают и в такие страны, в такие города за границей, которые никогда и не были центром данной науки. Например, в Голландии и Польше в значительной мере руками советских ученых, их трудами создаются сейчас мировые центры математических наук. Разве не ясна даже политическим младенцам вопиющая нелепость и недопустимость такого положения!

Впрочем, в иных случаях происходит это не от недомыслия. Уже известно (см. статьи в «Правде» 2 и 3 июля), что академик Лузин посылал лучшие свои работы за границу нарочито, с совершенно определенным политическим умыслом печатая в СССР, как он сам цинично выражался, «всякую белиберду». Академик Лузин не совсем одинок. Как можно характеризовать, например, линию поведения физика Акулова, который до сих пор публикует свои работы в германском фашистском журнале, где даже либеральные буржуазные ученые в виде протеста против мракобесов отказались печататься!

Традицией раболепия перед заграницей заражены и некоторые коммунисты-научные работники. Так, например, работник института генетики Академии наук член ВКП(б) Н. М. Нуждин свою научную работу по генетике опубликовал сперва в Германии, и только сейчас готовится «перевод» этой работы на русский язык для издания в СССР.

Нельзя дальше терпеть подобное положение. **Советский Союз — не Мексика, не Уругвай какой-нибудь, а великая социалистическая держава.** И русский язык — это язык могучего народа, на котором говорят по меньшей мере 150 миллионов человек. Ему пора занять подобающее место, как одному из крупнейших международных языков, в том числе и в науке. На нашей родине созданы условия для расцвета наук столь большие, каких не знало и не знает ни одно капиталистическое государство. Всеобщей любовью и вниманием окружены наука и их деятели на великой советской земле.

Это известно и далеко за пределами СССР, и к нам в Советский Союз тянутся десятки мировых ученых, которые задыхаются в атмосфере гниения капитализма и хотят и могут работать только под свободным небом нашей родины. Уже не один десяток своих крупнейших научных работ иностранные ученые предложили напечатать, прежде всего, в СССР. Как же может потерпеть советская общественность, чтобы плоды работ **наших, советских**, ученых были отдалены от десятков и сотен тысяч советской молодежи, жаждущей знаний! Как же можем мы терпеть, чтобы сами наши советские ученые распространяли и внутри страны и за границей нелепый взгляд о второразрядности советской науки! Это раболепие не имеет ничего общего с действительно стоящей перед нашими научными кадрами задачей освоения мировой культуры.

Нередко слышатся ссылки на нашу полиграфическую бедность, на нехватку бумаги для научных изданий и тому подобное. Эти ссылки не имеют под собой реальной почвы. **Советское государство хочет и может обеспечить целиком, на сто процентов, своевременное напечатание всех ценных работ всех советских научных работников.** Для этого важнейшего дела есть и сейчас, будет все больше и бумаги и полиграфической техники.

Если некоторые научные труды до сих пор медленно, подолгу печатаются, вина за это ложится в первую очередь на научные учреждения, которые не сумели наладить правильную работу своих издательств. Это относится, прежде всего, к Академии наук, руководители которой мирятся с фактами печатанья научных работ в первую очередь за границей, мирятся с безобразно медленными темпами работы своего издательства. При колоссальном внимании, поддержке, какая неизменно оказывается Академии наук правительством и всей советской общественностью, разве не могло издательство Академии давно уже создать свою настоящую прочную полиграфическую базу!

Плохо еще работает и так называемое ОНТИ — Объединение научно-технических издательств, которое ради скорейшего печатания ведомственных (иногда и вовсе ненужных) материалов порой задерживает, медленно печатает научные работы. Таким пороком страдает и издательство «Биомедгиз», выпускающее научную литературу по вопросам естествознания, медицины, биологии. Эти беды легко устранимы. Надо навести большевистский порядок в научных издательствах. Сами ученые — авторы работ и научные организации могут и должны быть требовательней к своим издательствам. Центр вопроса в другом: в осознании каждым советским научным работником своего первейшего гражданского долга — печатать свои работы раньше всего на своем родном языке, на своей родине.

Все слои советских граждан обуреваемы чувством советского патриотизма. Это чувство велико и у интеллигенции, научных деятелей в том числе. Где же и проявиться, прежде всего, патриотизму советскою ученого, как не в подготовке достойной смены, как не в гордости количеством и качеством научных трудов, выходящих на нашей родине! Чувство самоуважения, уважения к своей великой родине должно стать всеобщим в научной среде. Пора, давно пора обсудить и осудить во всех научных организациях бесславные дворянские традиции печатания работ в первую очередь за границей. Пора, давно пора подвергать беспощадному осмеянию и презрением окружать людей, которые с лакейским подобострастием относятся ко всему, что носит на себе заграничный штамп

XII

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА И ИНСТИТУТОВ МАТЕМАТИКИ, МЕХАНИКИ И АСТРОНОМИИ ПРИ МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Успехи математических наук». 1937. Вып. Ш. С. 276—277

9 июля 1936 г. состоялось собрание профессоров и преподавателей механико-математического факультета, научных работников и аспирантов научно-исследовательских институтов математики, механики и астрономии Московского государственного университета, посвященное обсуждению статей в «Правде»: «Ответ академику Н. Лузину», «О врагах в советской маске» и «Традиции раболепия».

На собрании была принята следующая резолюция,

«Уничтожение эксплуататорских классов в нашей стране, победа социализма привели к тому, что основная масса интеллигенции повернула от лояльного сотрудничества с

советской властью к сознательному участию вместе с рабочими и крестьянами в работе над строительством социализма.

Разгромленный и разбитый враг не сложил, однако, оружия. Лишенный возможности открытого выступления, он применяет все более и более разнообразные приемы маскировки, все искуснее пряча свое действительное лицо. Ярким примером этого явилась разоблаченная «Правдой» в статьях: «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске», «деятельность» Н. Лузина. Давая заведомо ложные похвальные отзывы, выдвигая малоспособных математиков и затирая талантливую научную молодежь, печатая все свои хорошие работы за границей и помещая в советских изданиях лишь малоценные статьи, издеваясь при этом над собственными похвальными отзывами и работами, помещаемыми в советских журналах, лицемерно льстя в глаза советской научной молодежи и сообщая «по секрету» друзьям, что время молодежи подходит к концу. Лузин думал, что одурачивает нашу научную общественность. Явствующая из всех этих фактов вредительская деятельность этого господина, однако, получила должную оценку на страницах «Правды», сорвавшей с него советскую маску.

Математическая общественность Московского университета, в стенах которого также протекала «деятельность» Лузина, считает себя обязанной вынести из статьи «Правды» политический урок. Действительно, факты, опубликованные в редакционной статье «Правды», не были секретом для многих из нас. Мы должны открыто признать, что не сумели распознать в них вредительскую деятельность врага, что среди математиков и механиков университета широко было распространено объяснение этих фактов личными «странностями» «оторванного от жизни ученою».

Собрание профессоров и научных работников механико-математического факультета и научно-исследовательских институтов механики, математики и астрономии МГУ считает подобного рода «объяснения», имеющие и до сих пор хождение в нашей среде, проявлением гнилого либерализма, несовместимого со званием светского научного работника, гражданина страны социализма, и видит в этом притупление бдительности — качества, столь важного теперь, для каждого честного советского гражданина.

Собрание считает поведение Лузина несовместимым с пребыванием его в числе членов Ученых советов университета и Института механики, а также ставит перед президиумом Академии наук вопрос о дальнейшем пребывании Лузина в числе действительных членов Академии.

Собрание констатирует одновременно отсутствие самокритики в нашей среде, не изжитые еще остатки старорежимных академических традиций, выражающихся в обывательском стремлении «не выносить сора из избы», в либеральном отношении к отзывам, не соответствующим действительному качеству научных работ, в тех традициях раболепия перед иностранными учеными и изданиями, о которых с такой большевистской прямотой и принципиальностью поставлен вопрос «Правдой» в статье «Традиции раболепия». Собрание призывает всю научную общественность к решительной борьбе с этими традициями, к усилению бдительности и повышению своей политической активности.

Разоблачение вредительской деятельности Лузина и ему подобных будет содействовать в дальнейшем еще более успешному развитию советской математики, расцвету творческих способностей научной молодежи и еще теснее сплотит массу научных работников вокруг партии и вождя народов горячо любимого товарища Сталина».

ПРОТИВ ЛУЗИНА И ЛУЗИНОВЩИНЫ
(Собрание математиков МГУ)

«Фронт науки и техники». 1936. № 7. С. 123—125

Представители московской математической общественности, профессора и преподаватели, научные работники и аспиранты научно-исследовательских институтов математики, механики и астрономии МГУ собрались в механико-математическом факультете МГУ, чтобы обсудить статьи «Правды» о деятельности Н. Н. Лузина.

В своем докладе С. А. Яновская отметила, что присутствующие на данном собрании могли бы очень многое прибавить к тому, что писалось в «Правде» о «деятельности» и личности Н. Н. Лузина.

Печатая все свои оригинальные работы заграницей и помещая в советских изданиях лишь малоценные статьи, издеваясь при этом над собственными похвальными отзывами и работами, помещаемыми в советских журналах, лицемерно льстя в глаза советской научной молодежи и сообщая «по секрету» друзьям, что время этой молодежи подходит к концу, — Н. Лузин думал, что ему удастся долго одурачивать нашу научную общественность.

Он действовал бесцеремонно, нечистоплотно, вредительски, рассчитывая на полную свою безнаказанность. Нечистоплотное отношение Лузина к чужим работам выразилось, в частности, в плагиате у своих учеников (у т. Новикова). Возмутительное вредительство его сказалось при переработке известного учебника Гренвиля по математике. Переработка свелась к тому, что текст подлинника в 450 стр. вырос до 750 - 800 стр. В первой части был еще сохранен до некоторой степени систематический порядок, который имелся в учебнике Гренвиля, но во второй части изложение ведется таким образом, что оно может дезориентировать читателя. Вся переработка книги пестрит дефектами и ошибками.

Когда редактора ОНТИ почтительно напоминали Лузину о необходимости исправить ошибки, вплотную заняться вторичной переработкой отдельных мест учебника, то получали подобного рода ответы:

«Видите ли, я переезжаю на новую квартиру, у меня протекает потолок, и я не могу заняться этим учебником»

В своем докладе тов. Яновская приводит между прочим такой характерный штрих:

В 1930 г. Н. Н. Лузин председательствовал на том собрании ученых, которое приняло обращение к французским ученым — протест против интервентов — в связи с делом Промпартии. Но Лузин уклонился от того, чтобы собственноручно подписываться под этим воззванием. Напрасно тогда молодой аспирант Рабинович стучался в двери Лузина. Узнав, что он пришел из института математики за подписью, Лузин заявил, что болен, что ни принять, ни подписать обращение не может.

Вот эта манера — демонстрировать свое «советское лицо» перед советской общественностью и сохранить свое подлинное лицо перед заграницей — весьма характерна для Лузина. Это двурушничество так откровенно выпячивалось, что странно было его не замечать.

Лузин тогда же под первым попавшимся предлогом уходит с математического факультета.

И как констатирует в своем докладе т. Яновская, особенно после ухода Лузина из университета, как из рога изобилия посыпались похвалы, расточаемые им всяческим ничтожествам математической науки, похвалы, граничащие с издевательством и вредительством.

Без всякого урока для себя Н. Н. Лузин возвращается в 1935 г. в университет. Профессора и студенты встречают его хорошо. Правда, некоторые профессора (например, проф. Александров) нерешительно указывают на деканате, что Лузину поручаются курсы не по специальности, что это будет только вредно для курсов. Но все осталось так, как хотел Лузин.

В течение многих лет, напоминает проф. Понтрягин, в кулуарах математического факультета МГУ говорили о многих подлостях Лузина. Как могло случиться, что так спокойно, уверенно, с таким авторитетом мог процветать такой человек, как Лузин?

Главным образом по той причине, объясняет проф. Понтрягин, что в математических кругах очень односторонне понимается и поддерживается авторитет ученого.

Вот, например, молодой математик Гантмахер сделал на трех страницах то, что Лузин написал на 160. Но достаточно Лузину воспротивиться, и редакция университетского «Математического сборника» не помещает эту замечательную работу. Не удается также провести ее и в «Известиях» Академии наук. Правда, Гантмахеру дается там «удовлетворение» — отмечается, что он проделал такую же работу, что акад. Лузин, но при этом упускается отметить, что это сделано Гантмахером на трех страницах, вместо 160.

Почему? Звание академика настолько фетишизировано, что никакие намеки на критику не допускаются.

Наша математическая общественность находится под воздействием авторитетов. Это еще понятно в том случае, если авторитетами являются вполне достойные люди. Но плохо то, что такой человек, как Лузин, который утратил свой авторитет в кругу математиков факультета, продолжает по инерции пользоваться большим весом в кругах Академии наук, в математической ее группе, в ряде инстанций и в математической печати, и он использует свое положение для того, чтобы выкинуть из жизни талантливого молодого математика Суслина, не допускать опубликование работ Гантмахера, присваивать себе работы Новикова, выдвигать людей, которые только портят дело не на своем посту.

Проф. Бухгольц указывает на совершенную ненормальность такого положения, что Лузин с своей «подмоченной репутацией» оказывался царем и богом в математических кругах. Если Лузин не захочет, то и через квалификационную комиссию не пройдешь и в «Математическом сборнике», и в «Известиях» Академии не напечатают, и в заграничную печать не попадешь. Одним словом, если какой-нибудь начинающий работник не понравится Лузину, то ему конец.

Не доказывает ли это, что в нашем «математическом царстве» что-то неблагополучно.

Лузинская эпопея — это печальный факт, который призывает нас к суровой бдительности и к самокритике, — заключает проф. Бухгольц. Ведь ложные отзывы Лузина о молодых ученых — это обман государства, заведомое вредительство, которое никак нельзя было замалчивать. Это лишний раз доказывает, что нельзя оставаться в стороне от всей общественности, занимаясь «чистой» наукой. Аполитического ученого быть не может и не должно.

До сих пор, признает проф. Люстерник, наша бдительность была ослаблена, критика не была поставлена на должной высоте. Только в этих условиях могла развиваться лузи-

новщина. В деле Лузина проф. Люстерник считает себя виновным в том смысле, что, зная о многих необоснованных отзывах последнего, он лишь через близких Лузину людей указывал последнему, как недопустимы такие отзывы.

Проф. Колмогоров напоминает, что в свое время Лузин сделал многое для развития математики, перед ним были перспективы крупного советского ученого, но началось его моральное и политическое падение. В этом ответственен не только Лузин. Наша общественность не дала в свое время должного отпора поведению Лузина, не дала этому поведению должной оценки с соответствующими выводами. Многие знали о крайне непорядочном отношении Лузина к делу и лицам, и все же находились с ним в прекрасных отношениях.

Проф. Колмогоров признает и свои ошибки в слабом участии в организации выпуска математических работ на русском языке, в недооценке значения выпуска международного математического журнала на русском языке, в усиленном помещении своих статей в иностранных журналах. С упорядочением выпуска «Математического сборника» проф. Колмогоров направляет часть своих статей в этот журнал.

Тов. Оршак, однако, полагает, что положение обязывает проф. Колмогорова выступить с более энергичной и откровенной самокритикой. Проф. Колмогоров обязался написать курс по теории вероятности, курс пишется уже более года, в объеме не более 5 листов, курс так и не написан до сих пор. Можно опасаться, что это потому, что проф. Колмогоров обязался печатать эту книгу на немецком языке. Лишь за последнее время проф. Колмогоров согласился одновременно писать эти курсы и на русском и на немецком языках

Проф. Александров признает, что многое из того, что писала «Правда» о «традициях раболепия» он должен принять на свой счет. Его усиленное участие в заграничной прессе должно было дать повод в упреке в раболепии. Отныне проф. Александров дает обязательство лучшие свои работы печатать в наших советских журналах. Это уже осуществляется: часть новых работ издается в «Математическом сборнике», другая часть направлена в издательство Академии наук.

Со своей стороны проф. Александров бросает упреки редакции «Математического сборника» в том, что вопреки установившейся в редакции «конституции» она почему-то решила направить статью Гантмахера на отзыв Лузина, который вовсе не является специалистом в области, затронутой автором. Это дало возможность Лузину злоупотребить своей консультацией, нагромоздить фальшь над фальшью и задержать выпуск статьи Гантмахера.

— Вообще по отношению к Лузину, — заявил проф. Александров, — мы вели себя непозволительно пассивно, проявили большую мягкотелость. Нужно сделать из этого урока соответствующий вывод. Необходимо серьезно задуматься над тем, как в корне изгнать из математической среды эти случайные и безответственные критерии и отзывы о работах, групповщину, общественную трусость.

Тов. Щеголев указывает на то, что еще до последнего времени некоторые профессора склонны были объяснить поступки Лузина его чудачеством, полным аполитизмом. Но возможно ли этим объяснить и оправдать тот несомненный факт, что Лузин систематически засорял кадры математиков малоквалифицированными людьми. Как назвать травлю таких талантливых людей, как Суслов, одобрение для советской школы заведомо негодного учебника, помещение в советских журналах «белиберды». Ведь это же линия на дискредитацию советской математики.

*

В своем постановлении математики Московского университета признают, что опубликованные в редакционной статье «Правды» о «деятельности» Лузина факты не были секретом для многих из них.

«Мы должны открыто признать, — заявляют математики МГУ, — что мы не сумели распознать в поведении Лузина вредительскую деятельность врага. Среди математиков и механиков университета широко было распространено объяснение этих фактов личными «странностями» оторванного от жизни человека».

Собрание признает, что подобного рода «объяснения», имеющие до сих пор хождения в среде математиков, нельзя не считать проявлением гнилого либерализма, несовместимого со званием советского научного работника, гражданина страны социализма. Это признак притупления бдительности — качества столь важного теперь для каждого честного советского гражданина.

Собрание считает поведение Лузина несовместимым с пребыванием его в числе членов ученых советов Университета и Института механики. Собрание ставит также перед президиумом Академии наук вопрос о дальнейшем пребывании Лузина в числе действительных членов Академии.

Принимая во внимание нечистоплотное отношение Лузина к чужим работам, выразившееся в частности в плагиате у своих учеников, собрание считает невозможным его дальнейшее пребывание в составе редакции «Математического сборника».

Собрание констатирует недостаточно критическое отношение к научной и общественной деятельности некоторых ученых, авторитет которых основан лишь на прежних работах и не оправдан нынешней их деятельностью. Не изжиты еще остатки старорежимных академических традиций, выражающихся в обывательских стремлениях «не выносить сора из избы», в либеральном отношении к отзывам, не соответствующим действительному качеству научных работ и в тех традициях раболепия перед иностранными учеными и изданиями, о которых с такой большевистской прямотой и принципиальностью поставлен вопрос «Правдой».

Собрание призывает всю научную общественность к решительной борьбе с этими традициями, к усилению бдительности и повышению своей политической активности.

Разоблачение вредительской деятельности Лузина и ему подобных будет содействовать в дальнейшем еще более успешному развитию советской математики, расцвету творческих способностей научной молодежи и еще теснее сплотит массу научных работников вокруг партии и вождя народов горячо любимого товарища Сталина.

«О ВРАГАХ В СОВЕТСКОЙ МАСКЕ» (*) (**)

«Правда». 10 июля 1936 г. С. 3

(Из резолюции, принятой единогласно собранием профессоров и преподавателей механико-математического факультета, научных работников и аспирантов научно-исследовательских институтов математики, механики и астрономии Московского государственного университета, посвященным обсуждению статей в «Правде»: «ОТВЕТ акад. Н. ЛУЗИНУ», «О ВРАГАХ В СОВЕТСКОЙ МАСКЕ» и «ТРАДИЦИИ РАБОЛЕПИЯ»).

Уничтожение эксплуататорских классов в нашей стране, победа социализма привели к тому, что основная масса интеллигенции повернула от лояльного сотрудничества с советской властью к сознательному участию вместе с рабочими и крестьянами в работе над строительством социализма.

Разгромленный и разбитый враг не сложил, однако, оружия. Лишенный возможности открытого выступления, он применяет все более и более разнообразные приемы маскировки, все искуснее пряча свое действительное лицо. Ярким примером этого явилась разоблаченная «Правдой» в статьях «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске» деятельность Н. Лузина. Давая заведомо ложные похвальные отзывы, выдвигая малоспособных математиков и затирая талантливую научную молодежь, печатая все свои хорошие работы за границей и помещая в советских изданиях лишь малоценные статьи, издеваясь при этом над собственными похвальными отзывами и работами, помещаемыми в советских журналах, лицемерно льстя в глаза советской научной молодежи и сообщая «по секрету» друзьям, что время молодежи подходит к концу, Лузин думал, что одурачивает нашу научную общественность. Явствующая из всех этих фактов вредительская деятельность этого господина нашла, однако, должную оценку на страницах «Правды», сорвавшей с него советскую маску.

Математическая общественность Московского университета, в стенах которого также протекала «деятельность» Лузина, считает себя обязанной вынести из статьи «Правды» политический урок. Действительно, факты, опубликованные в редакционной статье «Правды», не были секретом для многих из нас. Мы должны открыто признать, что не сумели распознать в них вредительскую деятельность врага, что среди математиков и механиков университета широко было распространено объяснение этих фактов личными «странностями» «оторванного от жизни ученого».

Собрание профессоров и научных работников механико-математического факультета и научно-исследовательских институтов механики, математики и астрономии МГУ считает подобного рода «объяснения», имеющие и до сих пор хождение в нашей среде, проявлением гнилого либерализма, несовместимого со званием советского научного работника, гражданина страны социализма, и видит в этом притупление бдительности — качества столь важного теперь для каждого честного советского гражданина.

Собрание считает поведение Лузина несовместимым с пребыванием его в числе членов Ученых советов университета и Института механики, а также ставит перед президиумом Академии наук вопрос о дальнейшем пребывании Лузина в числе действительных членов Академии.

Собрание констатирует одновременно отсутствие самокритики в нашей среде, не изжитые еще остатки старорежимных академических традиций, выражающихся в обывательских стремлениях «не выносить сора из избы», в либеральном отношении к отзывам, не соответствующим действительному качеству научных работ, в тех традициях раболепия перед иностранными учеными и изданиями, о которых с такой большевистской прямотой и принципиальностью поставлен вопрос «Правдой» в статье «Традиции раболепия». Собрание призывает всю научную общественность к решительной борьбе с этими традициями, к усилению бдительности и повышению своей политической активности.

Разоблачение вредительской деятельности Лузина и ему подобных будет содействовать в дальнейшем еще более успешному развитию советской математики, расцвету творческих способностей научной молодежи и еще теснее сплотит массу научных работников вокруг партии и вождя народов горячо любимого товарища Сталина.

XIII

ПИСЬМО Н. Н. ЛУЗИНА НЕ УСТАНОВЛЕННОМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ [11 ИЮЛЯ 1936 г.]

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 38. Листы 1—11

Глубокоуважаемый N. N.,

Осмеливаюсь обратиться к Вам вследствие того, что нахожусь в чрезвычайно тяжелом положении, из которого нет выхода.

На основе появившейся статьи в «Правде», ряд лиц, нерасположенных ко мне по личным причинам, добился опорочения моей личности как советского гражданина и как ученого. На почве этой статьи обсуждалась, без моего участия, моя деятельность в Институте [математики] АН и в М[осковском] Г[осударственном] Университете, причем выносились решения на основании сообщений лиц, заведомо ко мне неприязненно относящихся.

Наконец, в А[кадемии] Н[аук] состоялось заседание специальной Комиссии, фактически состоявшей из работников Института с привлечением отдельных специалистов, на этом собрании я присутствовал и давал объяснения, но все мои объяснения не только не давали никаких результатов, но и отдельные мои высказывания намеренно извращались. Участие мое в этом заседании является самым тяжелым переживанием в моей жизни.

Предъявляемые мне «обвинения» вовсе надлежащим образом не исследовались, но на основе уже опубликованного материала, признавались всеми доказанными и подлежащими заклеймению.

При создавшемся положении я вынужден решиться Вас обеспокоить и просить дать данному делу должное направление.

Несмотря на то, что мои научные работы безусловно принесли известную пользу социалистическому строительству, и я до сего времени никогда опорочен не был, я до настоящего времени не мог найти никого, кто бы беспристрастно отнесся к моим обвинениям и дал мне возможность доказать их несостоятельность.

Я — математик по специальности. Мой дед Митрофан Лузин пермский крестьянин из села Сепыч. Мой отец Николай Лузин, иркутский мещанин, был служащим в магазине. Я родился в 1883 году в городе Томске и там же получил среднее образование в Томской гимназии. По окончании ее (17 лет) я поступил в Московский Университет на математическое отделение. По окончании его (в 1907 г.) я был оставлен при Университете для подготовки к проф[ессорскому] званию, причем для расширения своего образования я слушал лекции на Медицинском и Историко-Филологическом факультетах Московского Университета. За это время я добывал нужные мне средства преподаванием в средних школах: реальном училище <неразборчиво> и гимназии Флерова.

По окончании мною магистерских экзаменов (1910 г.) я получил звание приват-доцента и тотчас же был командирован заграницу для пополнения научного образования на 3 года. В заграничной командировке я был сначала в Göttingen'е, славившимся своей математической школой. Там я слушал лекции известнейших профессоров (немецких профессоров) [Ф.]Клейна, [Д.]Гильберта и [Э.]Ландау, причем последний принял личное участие в оформлении первой моей самостоятельной научной работы и содействовал

ее опубликованию. С этого момента я в научном отношении сделался независимым и, проведя в Göttingen'е 1,5 года, уехал в Париж, где учился и работал также 1,5 года вплоть до войны 1914 года. В Париже я слушал знаменитых академиков-математиков Анри Пуанкаре, [Ж.]Дарбу, [Э.]Пикара, [Э.] Бореля и [А.]Лебега, из которых трое последних еще живы.

<«Список работ» — помета Н. Н. Лузина на полях>

За время пребывания моего заграницею, мною был опубликован как в русских журналах, так и в зарубежных журналах ряд работ по создававшейся тогда новой математической отрасли — Теории Функций, сильно развивавшейся на Западе и почти совсем не известной у нас.

По возвращении в Москву в июле 1914 года я занялся педагогической деятельностью — как приват-доцент и приготовлением к печати моей диссертации [на] степень магистра.

Моя диссертация («Интеграл и тригонометрический ряд») привлекла к себе большое внимание своей самостоятельностью и стала известной. В виду наличия в ней многочисленных результатов, принадлежащих лично мне, при защите диссертации (май 1916 года) мне была дана сразу высшая степень — доктор математических наук, — минуя степень магистра.

До сих пор я был лишь приват-доцентом Московского Университета, не принимая никакого участия в его делах и ведя лишь педагогическую деятельность. В ноябре 1916 года я был избран решением Факультета и Совета Московского Университета экстраординарным профессором, а 30 декабря 1916 года получил утверждение в этом звании.

Кроме моей исследовательской работы я много положил сил и времени на преподавание и создание школы в нашей стране (Теории Функций), нигде и никогда раньше не преподававшейся в нашей стране.

Эта моя педагогическая деятельность принесла, несомненно, положительные результаты: за время первых лет Революции я собрал около себя группу научной молодежи, из которой в дальнейшем вышел ряд выдающихся ученых. Среди моих учеников я назову члена-корреспондента АН проф[ессора] [П. С.]Александрова, проф[ессора] Московского Университета [А. Я.]Хинчина, покойных [М. Я.]Суслина и [П. С.]Урысона, проф[ессора] [Л. Г.]Шнирельмана, проф[ессора] [Л. А.]Люстерника, проф[ессора] [М. А.]Лаврентьева, проф[ессора] Нину Карл[овну] Бари, проф[ессора] в Иванове [В. С.]Федорова и ряд многих других. В настоящее время некоторые из них имеют свои научные школы (Александров и Хинчин).

Таким образом, выросли молодые школы, работами которых можно справедливо гордиться в мировом масштабе.

Наконец, по моему учебнику Грэнвиль-Лузин учатся тысячи молодых людей.

За время моей научной деятельности я был Наркомпросом 3 раза командирован заграницу в целях установления научных контактов между советской математикой и заграничными учеными и на Международный математический конгресс в Болоньи, где был членом делегации, в которую вошли академики [С. Н.] Бернштейн и [Н. М.] Крылов (Киев). На этом математическом конгрессе я был избран вице-президентом Конгресса.

За время моего отсутствия, когда я был в последней командировке, я был удостоен звания действительного члена Академии Наук СССР (1929 г.).

Кроме того, я состою членом Московского математического общества, почетным членом Бельгийского мат[ематического] о[бщест]ва, почетным членом Калькуттского мат[ематического] о[бщест]ва, действительным членом Парижского мат[ематического] о[бщест]ва, действительным членом Краковской Акад[еми] Наук, доктор[ом] <неразборчиво> Союза Варшавского Университета. Два последних избрания связаны с <неразборчиво> организованием в Польше Теории Функций, в которой протекала большая часть моей работы.

Меня обвиняют в следующем:

I. Плагиате у моих учеников;

II. Печатании главных трудов за границей;

III. Давании отзывов о научной работе, несоответствующих действительности.

I. Брошенное мне нелепое обвинение в плагиате у моих учеников — я категорически отвергаю. Нигде в моих научных работах нет присвоения чужой научной мысли. Я осмеливаюсь указать на то, что это мне совершенно не нужно, так как мое имя сложилось и получило широкую известность, как у нас так и за границей еще до того, как у меня появились ученики.

Когда я работал с учеником, я всегда давал ему не только тему, но еще изобретал для него **метод** для разработки его темы, иначе он бы не мог идти [дальше] сам. И когда он получал свои окончательные результаты, он их печатал по моим настояниям от своего имени. Иногда я возвращался к использованному им методу, который я изобрел для него, и начинал работать этим методом уже для себя. Отсюда и возникло крайне сильное переплетение идей.

Для того чтобы мои доводы стали вполне ясны и <неразборчиво> этот вопрос стал достаточно разъяснен, я прошу о создании специальной Комиссии, которая бы оценила все пункты фактического материала.

II. Брошенное мне обвинение в печатании лучших моих вещей за границей, в сущности, имеет своим основанием то обстоятельство, что печатание у нас на иностранных языках проистекало у нас до недавнего времени медленно; печатание же на русском представлялось для иностранной науки недоступным. Поэтому, в первую очередь, на русском языке я печатал все те работы, которые могли иметь практическое значение для нашей страны. Таким образом, были напечатаны мои большие работы, касавшиеся методов акад[емиков] [А. Н.] Крылова и [С. А.] Чаплыгина.

О ценности этих работ, которую я тщательнейшим образом аргументировал, следует запросить, прежде всего, самих академиков Крылова и Чаплыгина, письма которых ко мне вполне подтверждают ценность моих изысканий.

Заграницею я печатал лишь то, что имеет лишь теоретическое значение. Я указал на то важное обстоятельство, что вопрос о печатании за границей в настоящий момент вступил в совершенно новую фазу, благодаря принятым мерам нашего Правительства, устранившего причины медлительности печатания на иностранных языках. Вследствие этого в настоящий момент обращение к заграннце для печатания работ не имеет никакой оправданности, и дальнейшие мои опубликования на иностранных языках будут протекать в журналах СССР.

В добавлении я позволю себе указать на то, что проф[ессор] Александр Хинчин и многие другие тоже ведут в настоящее время печатание своих работ за границей, даже таких, которые имеют лишь обзорный характер.

Если мне ставят в вину сближение с заграничными учеными, то мне кажется, что это происходило в форме, принятой в общении между собой ученых разных стран (напр[имер] моя переписка о приглашении на Конгресс в Осло, или по поводу моего приезда на 10 дней в Варшаву для получения доктора <неразборчиво> Союза Варшавского Университета).

Притом, я публиковал за границею лишь то, что у нас могло интересовать лишь крайне узкий круг специалистов.

III. Брошенное мне обвинение в давании отзывов о научной работе, несоответствующих действительности, со злым умыслом — я категорически отвергаю. Я не питал никакого злого умысла, да и не мог питать. Прежде всего, для выдвижения указанных мною блестящих ученых, моих учеников, мною давались также многочисленные отзывы, и, как показывает их деятельность, соответствующие делу и цели.

Если же в отдельных случаях мои отзывы были слишком мягки или преувеличены, то это всегда имело целью только дать возможность развернуться рекомендуемому мною лицу. Мне **не известен** случай, когда лицо, занявшее место благодаря моей рекомендации проявило бы преподавательскую беспомощность. Все рекомендованные мною лица, как напр[имер], поставленные мне в укор [В. Н.] Депутатов, Бессонов [П. А. Безсонов] и [В. А.]Кудрявцев, находятся действительно на своем месте, как это могут подтвердить отзывы с мест их работы. Мне ставят в вину, в частности, рекомендацию [Ш. Ц.] Шадхана из Сухуми. Но я его рекомендовал лишь для продолжения его учения, направив его для <неразборчиво> в отдел кадров А[кадемии] Н[аук]. У себя же в Сухуми, он все равно уже состоит преподавателем ВУЗ'а, без какой-либо моей рекомендации. Это подтверждает документ, который я прилагаю.

Конечно, я признаю наличие моих ошибок в отдельных случаях, и в них вполне признаюсь, но отвергаю категорически обвинение в том, что это мной делалось сознательно.

Из всех этих обвинений делается вывод о моем неприязненном отношении к Советскому Союзу. Этот вывод опровергается всею проведенной мною работой после Октябрьской Революции. Я прекрасно понимаю то истинное положение, в котором находятся научные работники моей социалистической родины. В настоящий момент я абсолютно убежден в том, что советская наука во всех областях достигнет ведущее место в научной мысли всего мира. И я готов для этого отдать все силы и накопленные знания и опыт.

В настоящий момент я совершенно морально подавлен и нахожусь на границе нервной болезни. Но в то же самое время я уверен, что я смогу собрать все свои силы для дальнейшего служения родине.

Я прошу у Вас, глубокоуважаемый N. N., извинения в том, что осмеливаюсь привлечь Ваше внимание к моему делу. Но <неразборчиво> безвыходность положения заставила меня просить поддержки у Вас, и надеюсь, что мое обращение к Вам не останется без отклика.

Глубочайше уважающий

Лузин

XIV

«О ВРАГАХ В СОВЕТСКОЙ МАСКЕ» (*)

«Правда». 12 июля 1936 г. С. 3

На собрании научных работников Энергетического института Академии наук

На специальных заседаниях в научных организациях, в частных беседах между собой советские ученые горячо обсуждают статьи «Правды» «О врагах в советской маске» и «Традиции раболепия». Острота и страстность, с которыми развертывается это обсуждение, дают основание с полным правом утверждать, что национальная гордость за социалистическую родину, гордость за ее место на нашей планете, за ее мощь, за расцвет ее науки свойственна подавляющему большинству советских ученых.

Одним из первых, чутко и быстро откликнувшихся на эти статьи, оказался коллектив научных сотрудников Энергетического института Академии наук СССР. На собрании, состоявшемся 10 июля, принципиальные вопросы, поставленные «Правдой», нашли политически вдумчивый подход.

Фетишизация печатаемых за границей научных трудов советских ученых была резко осуждена профессором Пробст. К сожалению, это явление имеет широкое распространение в работах квалификационных комиссий. Эти комиссии вовсе не всегда вникают в качество научного труда, полагаясь полностью на «авторитет» заграничного издательства.

Погоня за заграничным штампом принижает значимость советской науки и достоинство советских ученых, — таков смысл речи члена-корреспондента Академии наук проф. Шателена. В этом сказывается неизжитое печальное наследство царского прошлого, тех традиций печататься обязательно и в первую очередь за границей, для которых нет оснований в условиях социалистической родины. Первые ученые в России были иностранцами, их стремление печататься на родном языке понятно. Можно понять также и стремление издавать свои работы на иностранных языках и первых русских ученых, не имевших широкого читателя в старой России. Но теперь, после социалистической революции, советские ученые имеют такой контингент читателей, которого нигде в мире нет, — этим мотивирует проф. Шателен свой призыв объявить пережиткам бесславного прошлого жестокую войну. К тому же человек, знакомый с работой редакций заграничных издательств, должен знать, что там научные статьи нередко печатаются без всякой апробации и поэтому среди них немало хлама. Мы должны стремиться к тому, чтобы советская научная пресса вышла на первое место в мире — это зависит от нас самих.

Все сорок научных работ тов. Михеева напечатаны в нашей прессе и нашли своего читателя. Поэтому веско звучат его слова: наши научные работники — граждане СССР, сыновья своей социалистической родины, и поэтому все научные достижения, прежде всего, должны быть внедрены на родине и печататься на родном языке.

О глубокой ошибочности тех, кто недооценивает политическую важность вопроса о традициях раболепия, говорит и член-корреспондент Академии наук СССР проф.Вейц. Под влиянием исторических завоеваний социалистической революции старые специалисты стали активными строителями нового общества. Недобитые враги, подобно Лузину, ищут новые формы маскировки. Традиции лакейского подобострастия к загранично-

му штампу, традиции раболепия — удобная лазейка для врага. Тем более не годится, чтобы честные специалисты не понимали политического значения этих традиций. Ленинская электрификация достигла под руководством товарища Сталина таких высот, что наши работы, энергетиков СССР, могут стать ведущими в мировой литературе.

Член-корреспондент Академии наук СССР проф. Кирпичев считает преступлением перед социалистической родиной передачу научных достижений заграницу раньше, чем их узнает советская научная общественность. Проф. Золотарев призывает собравшихся к такой бдительности, при которой становится невозможной вредительская деятельность Лузина и ему подобных.

Собрание научного коллектива Энергетического института Академии наук СССР единогласно приняло резолюцию, в которой полностью солидаризируется со статьями «Традиции раболепия» и «О врагах в советской маске» и квалифицирует «деятельность» Лузина как особую разновидность вредительства. Собрание присоединяется к решению профессоров и преподавателей математического факультета и научно-исследовательских институтов механики, математики и астрономии МГУ просить президиум Академии наук о выводе разоблаченного врага в советской маске Лузина из числа действительных членов Академии.

Собрание клеймит традиции раболепия, еще сохранившиеся в кругах некоторых ученых, как позорное явление, несовместимое с высоким званием советского ученого, призывает к развитию подлинной самокритики и выражает уверенность, что «вокруг любимого вождя народов Сталина еще теснее сплотятся научные работники нашей страны».

XV

ОТКЛИКИ ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ (*)

«Правда». 13 июля 1936 г. С. 3

Ленинград, 12 июля. (Корр. «Правды»). Статьи «Правды», разоблачающие вредительскую деятельность Лузина и поднимающие вопрос о советском научном патриотизме, всколыхнули широкие круги научной общественности Ленинграда. Ленинградское областное бюро секции научных работников выразило свое отношение к статьям «О врагах в советской маске» и «Традиции раболепия» в резолюции, которую мы приводим ниже в несколько сокращенном виде:

«Величайшее достижение строительства социализма в нашей стране, невиданный размах творчества великого народа первого в мире государства рабочих и крестьян создали исключительные условия для расцвета науки в Советском Союзе. Нигде в мире звание ученого не пользуется таким уважением, как у нас.

Совсем недавно правительство советской страны подчеркнуло свое отношение к научной деятельности, включив в проект Конституции право убежища для лиц, преследуемых за свои научные работы.

Но на фронте науки наряду с героями еще живут враги. Вскрытые «Правдой» факты вредительской деятельности академика Лузина со всей остротой показывают, что классовый враг еще не совсем сложил оружие. Деятельность академика Лузина является примером рабского преклонения перед заграничным штампом.

Г-н Лузин попался с поличным. Мы за пропаганду советской науки на Западе, мы не сторонники «засекречивания» наших научных достижений. Участие советской науки в многочисленных международных ассоциациях и конференциях, издание ряда научных журналов в нашей стране на иностранных языках подчеркивают наше стремление поддерживать международное научное общение.

Но печатание наиболее ценных работ наших ученых исключительно в иностранных журналах, в то время как в нашей стране на эти работы имеется громадный спрос и предоставлены неограниченные возможности их издания, подрывает мощь нашей социалистической родины.

Мы знаем, что разгромленный, но недобитый классовый враг не брезгует такими средствами, как шпионаж, вредительство, кража общественной собственности. Но происки врага всегда наталкивались на несокрушимое могущество нашей страны, руководимой партией во главе с великим Сталиным.

Бдительность — вот то качество, которое нам необходимо усилить на фронте науки. Борясь против огульного охаивания работ наших молодых и старых ученых, надо развить и обеспечить строгую и добросовестную критику наших научных работ, и это, в первую очередь, относится к диссертациям. Защита диссертаций должна стать праздником научной самокритики, праздником советской науки, но не беспардонным либеральным словопрением с заранее предрешенным результатом.

Вскрытие вредительской деятельности Лузина является для советской научной общественности сигналом к усиленной бдительности. Мы призываем наших научных работников вести систематическую борьбу против воровства в науке, против загирания настоящих талантливых ученых, против засорения нашей научной печати мелкотравчатыми «трудами», против фальшивого, трусливого либерализма в критике научных работ, за здоровую и добросовестную критику, за всеобщее признание и почет выдающихся работников культуры, за создание науки, наполненной жизнерадостным и напряженным творчеством, достойным нашей могучей социалистической родины.

XVI

ПИСЬМО РЕДАКТОРА «ПРАВДЫ» Л. З. МЕХЛИСА И. В. СТАЛИНУ И В. М. МОЛОТОВУ 14 ИЮЛЯ 1936 г.

Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3. Опись 33. Дело 189. Лист 16

<на бланке редакции газеты «Правда»>

Товарищам СТАЛИНУ
МОЛОТОВУ

На состоявшемся 13 июля 1936 г. заседании комиссии Академии наук по делу Лузина председатель комиссии тов. Г. М. Кржижановский нашел нужным сделать несколько замечаний по окончательной редакции резолюции.

Ссылаясь весьма определенно, невзирая на присутствие беспартийных членов комиссии и беспартийных научных работников из математических кругов, тов. Г. М. Кржижа-

новский предложил несколько отредактировать текст резолюции, в основном, по его словам, одобренный в соответствующих инстанциях.

В частности, тов. Г. М. Кржижановский предложил изменить последний пункт резолюции в том смысле, чтобы не называть Лузина врагом в советской маске, как это сделано в «Правде». Тов. Кржижановский решил выразить свое отношение к линии поведения Лузина «по-академически», сформулировав это поведение недостойным звания советского ученого.

Прилагаю соответствующую выдержку из стенограммы выступления Г. М. Кржижановского, полученную в Академии наук.

Редактор «Правды» *Л. Мехлис*

XVII

ВРАГ, С КОТОРОГО СОРВАНА МАСКА (*) (**)

«Правда». 14 июля 1936 г. С. 3

В комиссии Академии наук по делу господина Лузина

Схваченный с поличным, до конца разоблаченный стоял Лузин перед комиссией, которую образовала Академия наук, чтобы подробно разобрать все предъявленные ему на страницах «Правды» обвинения. В трех заседаниях под председательством академика Г. М. Кржижановского принимали участие виднейшие ученые советской страны — академики И. М. Виноградов, А. Н. Бах, О. Ю. Шмидт, Н. П. Горбунов, А. Е. Ферсман, известные профессора математики Хинчин, Александров, Колмогоров, Соболев, Гельфонд, Сегал, Шнирельман.

В этой комиссии Лузин встретился и со своими бывшими учениками. Тщетно обращался он к ним за содействием. Они полностью подтвердили обвинение в том, что академик обкрадывал своих учеников. Он приписывал себе научные открытия талантливых молодых ученых Новикова, покойного Суслина, Лаврентьева. **Он делал это систематически, тонко и обдуманно.** Он цитировал в своих работах отдельные математические теоремы, но не цитировал тех мест, где молодые ученые являются основателями новой теории.

Профессор Александров разоблачает механику вымогательства у молодых ученых писем, в которых сообщалось, что часть открытий в их работах принадлежит Лузину. Это была ложь, на которую ученики шли под давлением «учителя».

Академик Лузин сначала пытался отвергнуть обвинение в обкрадывании учеников. Припертый к стене, был вынужден признать его, но просил слово «плагиат» заменить словом «перенос». Нет, он не похищал не принадлежащие ему идеи, — он только «переносил» их в свои книги, не обозначая авторов.

Его боялись — и не без основания. Он умел мстить непокорным и тем, кто освобождался от его влияния. Так, старался он сжить со света талантливого Суслина: преследовал его, довел до отчаяния, до смерти.

И это сначала отрицал академик Лузин. Припертый к стене фактами, приводимыми его учениками — профессорами Александровым и Хинчиным, он признал свою вину. Да, смерть Суслина тяжелым бременем лежит на его научном сознании но он просит поверить, что не стремился сознательно к «катастрофе».

Полностью подтверждается, что Лузин раздавал хвалебные отзывы людям, которые были заведомыми невеждами, «труды» которых вызывали смех и негодование в научной среде. Эту часть его бесславной деятельности разоблачают профессора Люстерник, Александров, Хинчин, Колмогоров. Академик Лузин расхвалил Шадхана и этим поставил его в тяжелое положение. Такими же, по сути провокаторскими, были отзывы о работах и математических способностях Романова, Кудрявцева, Харламовой, Ласаева. На основании отзывов Лузина некоторые люди требовали признания за ними права на ученые степени и звания. Но эти требования приобретали скандальный характер. Лузин не останавливался даже перед тем, чтобы выдавать хвалебные отзывы людям душевнобольным.

Объяснить такое поведение почтенного рецензента можно только стремлением искусственно засорить научные математические кадры. Под перекрестным допросом академиков и профессоров Лузин вынужден признать факты. Но он дает им смехотворное объяснение. «Мягкое» сердце не позволяло ему давать строго научные и добросовестные отзывы. Шадхан, видите ли, пережил в детстве погром, — как же отказать ему в аспирантуре, хотя он и не имеет на нее никакого права. А муж Харламовой умолял его дать положительный отзыв о работе жены, и он, мягкосердечный академик, не устоял!

Объяснения Лузина вызывают возмущение и смех в комиссии.

Академик Лузин не отрицает, что серьезные теоретические труды он систематически печатал за границей, а в Советском Союзе публиковал то, что сам называл «белибердой» и «пустяками». Было это? Лузин не отрицает: было. Но и тут он дает такое объяснение, которое заставляет председателя комиссии напомнить Лузину, что он находится перед серьезными людьми. Лузин пытается провести какую-то грань между «теоретическими» и «прикладными» науками. Так как в СССР идет строительство, поясняет, прикидываясь простачком, Лузин, то он считал уместным в советских изданиях печатать только труды прикладного характера. Тем более, что его теоретические работы подвергались критике на страницах советских журналов. И он, «считаясь» с критикой, отсылал теоретические труды за границу, дабы не «вредить» своими ошибками советским ученым.

Таков смысл позорного изворачивания Лузина при ответе на тяжелое обвинение. А по сути дела он подтверждает свое антисоветское, презрительное к отечественной науке отношение.

И наряду с этим холопски заискивающее, низкопоклонническое отношение к громким именам буржуазных ученых. Эта черта раболепства, назойливые формы угодничества поражали даже буржуазных ученых. И один из них, французский математик Лебег в предисловии к работе Лузина нашел нужным отметить его «странную» манеру заискивания перед иностранными авторитетами. Сознательно замалчивая заслуги молодых советских ученых, Лузин приписывал иностранным ученым такие заслуги и достижения, от которых они сами открещивались.

И это признал Лузин в комиссии. Он и здесь пытался прикинуться жалким простачком, этаким политическим недорослем, который совсем и не понимает, что это такое: политическое достоинство.

Лузин, примыкавший к правой, черносотенной группе профессоров в дореволюционное время, остался правым и после революции.

В 1930 г., во время процесса «Промпартии», физики и математики Москвы подписали обращение к ученым за рубежом с призывом поднять протест против интервенционистских намерений по отношению к СССР некоторых иностранных держав. На этом

обращении не было подписи академика Лузина. Его позорное недвусмысленное поведение в то время, его жалкие и нечестные увертки сейчас ссылками на болезнь, политическую неграмотность, незнание политической обстановки и прочее, разоблачают профессора Люстерник, Хинчин, Соболев и другие. Реакционный съезд за границей избрал его членом президиума, и Лузин дал на это свое согласие.

Теперь в комиссии Лузин рассказывает, что впоследствии его охватил «ужас». Он понял, что участвует в антисоветской манифестации. Его спросили: «Почему же вы не вычеркнули своего имени?» Лузин ответил, что он «боялся», но не пояснил, кого.

Антисоветский характер в 1930 г. имел уход Лузина из университета, когда были разоблачены вредители. Сейчас Лузин признает, что это была его «огромная политическая ошибка».

Из всех огромных, больших и малых «ошибок» складывается определенная линия, которую с большой настойчивостью, ловко маскируясь, вел все время академик Лузин, — линия классового врага. Теперь эта линия вскрыта. Маска сорвана. Лузин делает последнюю попытку вывернуться. Он рассчитывает на мягкотелость научной среды, на ее готовность простить человека, который притворно кается, бьет себя, как заправский комедиант, в грудь.

Он признает теперь все факты, но он не хочет признать себя врагом. Он соглашается с тем, что его действия и отзывы были вредны, что его деятельность была «объективно» вредительской. Но он просит поверить ему на слово, что не было сознательного, «планового», как он говорит, вредительства в его научной работе. Он разыгрывает теперь политического младенца, ужасно отсталого человека, этакого книжного затворника.

Клянясь каждую минуту в своей «абсолютной искренности», уверял, что теперь-то он говорит уже только сущую правду, он все время вьется ужом, называет себя трусом, сваливает вину с себя на других и внушает гадливость всеми своими повадками. Очевидно, в порядке именно этой «абсолютной искренности» академик Лузин упорно скрывает свои антиобщественные разговоры, свои доверительные контрреволюционные признания дружкам, свои антисоветские дела. И в этом молчании — главное доказательство того, что разоблаченный враг в советской маске не разоружился.

XVIII

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. Н. ЛУЗИНА В ПРЕЗИДИУМ АКАДЕМИИ НАУК [14 ИЮЛЯ 1936 г.]

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 31. Листы 9—12

В Президиум Академии наук
от ак. Н. Н. Лузина

Заявление

Пережив сильнейшее нравственное потрясение после ряда статей в «Правде» и находясь на границе тяжелой нервной болезни, я, к сожалению, в настоящий момент не имею возможности явиться в Президиум для дачи тех или иных объяснений по поводу брошенных мне обвинений.

Поэтому я вынужден ограничиться в настоящий момент лишь этим письменным заявлением, которому прошу Президиум дать огласку.

1). Я категорически отрицал и отрицаю наличие малейшего злого умысла в моих отзывах.

Имея блестящую плеяду учеников, из которых имена некоторых уже имеют громкую известность, я при выдвижении их в свое время также давал многочисленные отзывы, вполне соответствующие существу дела и цели. Я признаю среди моих отзывов в отдельных случаях ошибочных и таких, которые были слишком мягки. Это я делал, имея в виду дать возможность развернуться лицу, относительно которого я сохранял надежды на его будущую работоспособность. Среди лиц, занявших преподавательские места, мне не известен случай, когда таковое лицо проявило бы преподавательскую беспомощность. Упоминавшиеся преподаватели [В. Н.] Депутатов, Бессонов [П. А. Безсонов], [В. А.] Кудрявцев имеют рекомендации с места их службы. [Ш. Ц.] Шадхан же состоит и без меня преподавателем ВУЗа в Сухуми.

Разумеется, я признаю в настоящий момент, когда кадры уже развернулись, недопустимость дальнейшего давания мягких отзывов.

2). Я категорически отрицаю умышленность печатания мною всех моих хороших работ за границею и плохих — в СССР. Мною в СССР печатались преимущественно работы прикладного значения, о которых ак[адемик] Алексей Николаевич Крылов дал мне письменный отзыв, как о блестящих. О других работах, печатавшихся в СССР, следует запросить акад[емика] С. А. Чаплыгина, так как они близко касаются его методов.

В дальнейшем, ввиду принятых нашим правительством забот о печатании работ наших ученых на иностранных языках, обращение к заграница делается излишним, и я признаю, что печатание всех вообще научных работ необходимо выполнять в пределах СССР.

3). Я категорически отрицаю наличие какого-либо плагиата у моих учеников. Сознание в этом было бы просто неуважением к оказанной мне высокой чести избрания членом Академии. Я укажу на то, что заимствование из моих учеников мне и чуждо и совершенно не нужно, так как мое имя получило широкую известность еще до того, как у меня появились ученики.

С обвинением меня в плагиате я прошу лиц, делавших это голословно, выступить в научной печати на двух языках. Мною будет дан исчерпывающий ответ на это.

Когда я работал с учеником, я ему давал не только тему, но часто еще изобретал и **метод** для ее разработки. И когда ученик кончал свою работу, я считал себя в праве продолжать работать этим методом.

Я крайне сожалею, что темы моим ученикам я часто давал в пределах моей личной работы и этим создавал переплетение идей.

Во всяком случае, я еще раз повторяю, что обвинение в плагиате не должно быть делаемо голословно, но в научной печати на двух языках, и что я совершенно его опровергну.

Я категорически отбрасываю приписываемые мне антисоветские настроения. Вся моя долгая научная и педагогическая деятельность доказывает, что я все силы клал на развитие научной жизни нашей великой Родины.

В настоящий момент для всех более чем ясно, что необходимо сделать выбор между ориентацию на научную жизнь заграницею или на научную жизнь у нас.

<«Наука в Советском Союзе поставлена так высоко, что занимает ведущую роль по целому ряду разделов, и заботы правительства о печатании научных работ делают невозможным обращение для этой цели к заграницe» — помета Лузина сделана карандашом на полях.>

Мой выбор категорически и совершенно сделан, и в этом не может быть никаких двух мнений: это полное обращение к советской научной жизни. И в этом отношении, я уже дал категорические указания печатания научных работ лишь в пределах СССР.

Ак[адемик] *Лузин*

XIX

АКАДЕМИК ГУБКИН О ТАК НАЗЫВАЕМОМ АКАДЕМИКЕ ЛУЗИНЕ (*) (**)

«Правда». 15 июля 1936 г. С. 4

(На собрании в Институте органической химии)

Большой круг научных сотрудников, профессоров и академиков собрался в одной из аудиторий института органической химии для обсуждения статей «Правды» об академике Лузине и о традициях раболепия перед Западной Европой.

Все выступавшие с полным единодушием и страстностью клеймили двурушническое и вредительское поведение Лузина.

Подводя итоги собранию, с острой речью, часто прерывавшейся аплодисментами, выступил академик И. М. Губкин:

— Чувство глубокого негодования и отвращения вызывает в каждом из нас так называемый академик Лузин. Никаких обстоятельств, смягчающих его вину, нет. Это враг в маске благожелательного советского гражданина. Мы должны быть теперь бесконечно более бдительны. Враг не решается больше выступать в открытую, лоб в лоб. Формы классовой борьбы изменились, враг маскируется, но действует он с прежней непримиримостью.

Так начал свою речь академик Губкин.

Он проанализировал поведение Лузина, он изобличил его в постоянном лицемерии, в скрытом двурушничестве.

— Лузин аттестовывал в весьма похвальных выражениях наших молодых научных работников и исподтишка издевался над ними. В кругу своих приятелей он воровато шептал о всеобщей бездарности, о некультурности и научной посредственности всех тех молодых работников, которых он сам официально аттестовал с самой лучшей стороны. «Во всей стране, — говорил он, — имеется, может быть, только два-три человека, достойных звания доктора». Злостность, бесстыдство, наглость подобного огульного охаивания молодых научных работников вовсе не нуждается в разоблачении.

— Откуда же это пренебрежение к советской науке и к советским научным работникам? — спрашивает далее И. М. Губкин. — Какими побуждениями руководствуется так называемый академик Лузин, когда нагло клевещет на нас? Разве не ясно, что это побуждение врага?

— Мы отлично знаем, что нигде, ни в одной стране никакое правительство не оказывало столько внимания и столько забот науке и ее представителям. Нам не надо далеко ходить за примерами. Вот здание, в котором мы находимся. Это великолепное и обширное здание института построено только в наше время советской властью. Справа и слева от нас, на большом протяжении, расположились 8 других научно-исследовательских институтов по самым различным отраслям знания. Советская наука успешно конкурирует с самыми передовыми странами капиталистического мира, и бесстыдные, позорные, двурушнические выступления наших врагов в маске благожелательного советского гражданина вызовут у нас негодующий и решительный отпор.

Вторую и заключительную часть своей речи академик Губкин посвятил «раболепию» перед заграницей, этому массовому явлению среди советских научных работников, и советскому патриотизму.

— Сила традиции, сила многолетних репутаций велика у нас. Даже дрянной кусок мыла мы будем доверчиво считать превосходным, если на обертке сказано, что мыло это сработано в Париже. Надо, чтобы советские научные работники прониклись глубоким чувством собственного достоинства. Русский язык до сих пор не является полноправным языком на международной научной арене. Это наша вина. Мы услужливо торопимся переводить свои труды на иностранные языки. В таком раболепии перед заграницей мы спешим прежде опубликовать свои труды в Германии, во Франции, в Англии, а уже потом у себя на родине. «Правда» справедливо высказалась об этом унизительном и недостойном советского гражданина раболепии. Мы не отказываемся от постоянного обмена с иностранной научной мыслью. Но мы можем и должны заставить считать русский язык и научные труды, изложенные на языке нашей великой родины, такими же полноправными, как английские и немецкие. У нас плохо работают научные издательства. Это наша общая вина. И преодолеть эту беду вовсе не так трудно.

Заканчивая свою речь, академик Губкин, под громкие аплодисменты собрания, сказал:

— В наших научных трудах воплощена великая мысль, великая идея помощи строящемуся социализму. Уже выстроено великолепное, чудесное здание социализма, в чем советская наука и советские научные работники сыграли немаловажную роль. Тем с большим негодованием мы отвергаем грязную хулу врага. Советская интеллигенция уже не по принуждению, не по обязанности, а по глубокому и страстному убеждению работает вместе с рабочими и крестьянами великой родины социализма.

XX

УЧЕНЫЕ БССР О РАЗОБЛАЧЕННОМ ВРАГЕ ЛУЗИНЕ

«Фронт науки и техники». 1936. № 7. С. 127—128

В Академии наук БССР 15 июля с.г. состоялось собрание научных работников, на котором были обсуждены материалы «Правды» по делу разоблаченного врага в советской маске Лузина.

С речами выступили акад. С. Я. Вольфсон, проф. Галанза, проф. Агурский и акад. Петрович.

Выступившие говорили о необходимости повышения революционной бдительности и непримиримости к притаившемуся на участках науки классовому врагу, о недопустимости либерального отношения к тем врагам в советской маске, которые препятствуют росту молодых научных кадров. — Традиции раболепия, преклонения перед буржуазной наукой — несовместимы с высоким званием советского научного работника , — говорил акад. Вольфсон. И, отражая общее настроение собрания, он заявил: — Мы все присоединяемся к решениям общих собраний научных работников Москвы и Ленинграда об изгнании двурушника Лузина из рядов деятелей советской науки.

Собрание приняло резолюцию, в которой полностью одобряет статьи «Правды» по делу Лузина, отмечает, что на фронте советской науки остатки недобитого классового врага все еще пытаются вести свою подрывную работу. Ярким примером этой подрывной работы, — говорится в резолюции, — является акад. Лузин.

Он вел двурушническую линию в деле подготовки новых научных кадров, содействовал удалению из Академии наук СССР действительно талантливых работников и проникновению кадров неспособных к научной деятельности.

Ведя скрытую разлагающую работу, клевеща о невозможности научной деятельности в Советском Союзе, Лузин печатал свои работы в заграничных буржуазных газетах и журналах.

Научные работники Академии наук БССР присоединили свой голос к постановлениям научных работников Москвы и Ленинграда, требующих вывода Лузина из числа членов Академии наук СССР, и поставили перед Президиумом Академии наук БССР вопрос о необходимости создания всех условий для своевременного выпуска и лучшего оформления ценных научных работ.

Собрание обратилось с призывом ко всем советским ученым еще более самоотверженно работать на пользу советской науки, еще теснее сплотиться вокруг партии, правительства и великого Сталина.

XXI

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ КЛЕЙМИТ ВРАГОВ В СОВЕТСКОЙ МАСКЕ

«Фронт науки и техники». 1936. № 7. С. 121—123

Обсуждение статей «Правды» СНР и ВАРНИТСО

16 июля 1936 г. состоялось многолюдное объединенное заседание ЦБ СНР, ЦБ ВАРНИТСО, МОСНР и МОК ВАРНИТСО, посвященное обсуждению статей «Правды» «О врагах в советской маске» и «Традиции раболепия».

Совещание заслушало доклады тт. Вегера и Щеголева о вредительской двурушнической деятельности Лузина. Докладчики привели многочисленные факты «деятельности» Лузина, прятавшегося под личиной советского ученого, действовавшего методами особо завуалированными и сложными, не легко поддающимися разоблачению. Лузин — вредитель на самом ответственном участке социалистического строительства, на участке подготовки кадров. Благодаря «Правде» маска с Лузина сорвана, вредительская работа его стала широко известна всем трудящимся.

Лузин, вредив нашей стране путем засорения учебных и научных учреждений неподготовленными людьми, путем травли и затирания способнейших советских ученых, путем обкрадывания их научных достижений в свою пользу. Его ненависть и презрение к советской стране и советской науке выражались и в том, что он усиленно культивировал «традиции раболепия» в научной среде и сам почти все свои сколько-нибудь значительные работы печатал исключительно за границей.

Характерные факты привел в своем докладе т. Щеголев.

В 1935 г. в Москве происходила Международная топологическая конференция. Лузину предложили выступить на конференции с докладом, но он из санатория ответил отказом, ссылаясь на то, что он не считает возможным загромождать конференцию чуждыми вещами и, тем самым, содействовать превращению ее в конгресс общематематического характера. Лузин не желает содействовать успеху организованной советскими математиками конференции. На самой конференции Лузин, выступавший от имени Академии наук, ни словом не обмолвился об успехах математики в СССР и условиях, созданных в нашей стране для ее расцвета. Лузин на этой конференции демонстративно подчеркивал свою связь и близость с польской делегацией и распоясался до того, что жаловался возглавлявшему ее проф. Серпинскому на недоброжелательное к нему, Лузину, отношение советских математиков. Серпинский отлично понял какого лакея он имеет в лице Лузина и даже разговаривал с некоторыми советскими учеными о том, что нужно вокруг Лузина «создать более мирную обстановку».

И на данном заседании, как и на ряде других заседаний по делу Лузина, собраний, всколыхнувших всю нашу научную общественность, показавших полную изолированность Лузина среди советских ученых, — выяснилось, что многие вскрытые «Правдой» факты были известны, ими возмущались, про себя осуждали... и только.

«В конце концов где же все были» — резонно спрашивала выступавшая на заседании засл.деят.науки проф. Штерн. Она указывала на чрезвычайно слабое развертывание самокритики в научной среде, плохую работу СНР и ВАРНИТСО в научных учреждениях. Л. С. Штерн много лет жила заграницей, связана до сих пор с ее научными учреждениями и она заявляет, что создавшийся в некоторых наших квалификационных учреждениях и среди многих ученых пиетет к опубликованным в иностранных журналах работ ни на чем не основан. «Нет ничего легче, чем напечатать любую, даже ничего не стоящую работу, заграницей». Особенно, если работа сдана за подписью лица, которое работает в лаборатории, возглавляемой известным ученым — она пройдет без всякого труда, без всякой редакции, даже если это будет невероятная глупость.

Проф. Анохин указал, что научная общественность ВИЭМ заклеймила вредительство Лузина. И в среде медицинских научных работников имело место «психологическое раболепство к слову, напечатанному латинским шрифтом». Работники ВИЭМ считают, что печатать советские работы заграницей можно и нужно, но они должны в первую очередь публиковаться у нас, должны быть сначала реализованы в практике нашего хозяйства. Необходимо вместе с тем принять меры к улучшению работы наших издательств. На собрании ВИЭМ один микробиолог указывает, что он одновременно послал свою статью во французский Пастеровский журнал и в наш. Оттуда уже на четвертый месяц профессор получил оттиски своей статьи, а наш журнал молчит до сих пор.

Проф. Бушинский обращает внимание на то, что мы сталкиваемся с явлениями раболепия в отношении «авторитетов». Страна чтит и уважает своих ученых, но отсюда далеко

до слепого преклонения, признания «непогрешимости» каждого академика. А такие явления имеют место. Отзыв академика решает дело в квалификационных органах и нередко его и не обсуждают. В качестве примера для всей научной интеллигенции - настоящего советского ученого — проф. Бушинский приводит акад. В. Р. Вильямса. Вильямс свободно владеет 14 языками. Однако на конгрессе почвоведов он демонстративно делал доклад на русском языке, заявив, что если иностранцы едут в наш Союз, пусть они учатся нас понимать.

После оживленного обсуждения вопроса, объединенное заседание единодушно приняло следующее постановление.

Победы социализма в СССР обеспечили поворот громадной массы интеллигенции к активному ее участию в деле создания бесклассового социалистического общества.

Рабочие, крестьяне и интеллигенция под руководством партии и ее великого вождя товарища Сталина являются созидателями новой человеческой жизни, уничтожившей эксплуатацию человека человеком. В борьбе за социализм советская страна ликвидировала эксплуататорские классы.

Но разгромленный и разбитый враг «тихой сапой» продолжает свою вредительскую деятельность. Ярким примером является разоблаченная «Правдой» деятельность акад. Лузина.

ЦБ СНР, ВАРНИТСО, МО СНР заслушав сообщение тт. Вегера и Щеголева о вредительской двурушнической деятельности Лузина и об обсуждении этой деятельности на широких собраниях научных работников в ряде вузов и н[аучных] уч[реждени]й, констатирует:

1. Лузин противодействовал развитию советской науки, скрываясь под маской лицемерного восхваления наших школ, сознательно замазывая недостатки и действуя, как скрытый классовый враг.

2. Лузин лучшие свои научные работы нарочито направлял за границу, печатая в СССР с совершенно определенным умыслом, как он сам цинично выражался «всякую белиберду». Эта тенденция к печатанию своих трудов в первую очередь, за границей, иногда даже в фашистских журналах, имеет до настоящего времени место среди некоторой группы научных работников и представляет остатки традиции раболепия перед всем заграничным, доставшейся нам в наследство от царского самодержавия, когда российская наука и литература считалась «наукой второго разряда, второго и третьего ранга, наукой провинциальной».

3. Вместо конкретного, четкого требовательного и любовного руководства подрастающими кадрами молодых научных работников, Лузин давал заведомо ложные похвальные отзывы, выдвигал малоспособных, научных работников, препятствовал подготовке и выдвижению нашей талантливой молодежи, лицемерно льстил в глаза советской молодежи, а «по секрету» сообщал своим друзьям, что время советской молодежи приходит к концу. Все это говорит о том, что мы имеем здесь дело с замаскированной, вредительской деятельностью врага советской власти.

4. Лузин широко пользовался в своей деятельности старыми, загнившими приемами определенной реакционной группы ученых (старых), приписывая себе научные открытия талантливых молодых ученых (Новикова, Суслина, Лаврентьева), совершая грязный плагиат.

Вместе с тем необходимо со всей четкостью отметить, что подобная вредительская деятельность Лузина могла протекать в течение длительного срока лишь благодаря сла-

бому развороту большевистской самокритики и ослаблению революционной бдительности в работе СНР и ВАРНИТСО ряда научных институтов и среди отдельных научных работников.

Вскрытие «Правдой», «традиции раболепия», выражающиеся в стремлении к изданию советских работ за границей, имеют место среди ученых; на эти традиции, к сожалению, до сих пор научная общественность не обращала внимания и никак не реагировала.

Руководство и общественность отдельных институтов не принимали никаких мер к тому, чтобы работы наших ученых первым долгом появлялись в СССР. Необходимо подчеркнуть, что эти тенденции к более высокой оценке работ, публикуемых в иностранных журналах, частично имели место в работе квалификационной комиссии, на что научная общественность не обращала должного внимания.

ЦБ и МОСНР и ВАРНИТСО постановляют:

1. Предложить местным СНР и коллективам ВАРНИТСО организовать

широкое обсуждение вопросов, поднятых «Правдой» в связи с разоблачением вредительской деятельности Лузина.

2. На основе дальнейшего развертывания большевистской самокритики и усиления революционной бдительности советской научной общественности своевременно вскрывать на научном фронте «врагов в советской маске».

3. ВАРНИТСО и СНР должны добиться, чтобы ни одна ценная научная работа не появлялась за границей прежде издания ее в СССР.

4. Собрание считает необходимым активизировать работу издательств Академии наук, ВАСХНИЛ, ОНТИ, ОГИЗ, СЕЛЬХОЗГИЗ в сторону обеспечения своевременного издания научных трудов ученых СССР. Считать целесообразным заслушать и обсудить доклады научных издательств на специальном совещании ЦБ и МОСНР и ВАРНИТСО.

5. ЦБ и МОСНР, ЦБ и МОК ВАРНИТСО считают невозможным дальнейшее оставление Лузина, разоблаченного врага нашей социалистической родины в числе членов Академии наук СССР, устав которой (§ 11) указывает, что членами Академии наук могут быть лишь ученые «способствующие социалистическому строительству Союза ССР».

6. Предложить первичной организации СНР, в которую входит Лузин, обсудить вопрос о возможности дальнейшего пребывания Лузина в рядах СНР.

XXII

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР ОБ АКАДЕМИКЕ Н. Н. ЛУЗИНЕ ОТ 25 ИЮЛЯ 1936 г.

Архив РАН. Фонд 606. Опись 2. Дело 37. Л. 60

25 июля 1936
ЦК ВКП (б)
Отдел Науки
тов.К. Я. Бауману

По поручению Н. П. Горбунова, препровождается Вам проект постановления Президиума Академии наук СССР об академике Н. Н. Лузине.

ПРИЛОЖЕНИЕ: на 3-х листах.

Зав Секретариатом

Академии наук СССР */А. Х. Петросяну*

<2-я копия проекта дана в Правду. 25/VII — рукописная помета в нижнем левом углу, по всей вероятности принадлежащая А. Х. Петросяну>.

XXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ

по делу академика Лузина в связи со статьями в газете «Правда» «Ответ академику Н. Лузину» и «О врагах в советской маске», образованной под председательством вице-президента Академии Наук Г. М. Кржижановского, в составе: академиков А. Е. Ферсмана, С. Н. Бернштейна, О. Ю. Шмидта, И. М. Виноградова, А. Н. Баха, Н. П. Горбунова и членов-корреспондентов Л. Г. Шнирельмана, С. Л. Соболева, П. С.Александрова и профессора А. Я. Хинчина

«Правда». 6 августа 1936 г. С. 3
«Вестник Академии наук СССР». 1936. № 8—9. С. 9—10

Тщательно ознакомившись со всеми материалами,характеризующими деятельность академика Лузина, Комиссия пришла к следующему заключению:

1. Н. Н. Лузин является крупным ученым, возглавлявшим в течение 1915—1922 гг, одну из значительных математических школ СССР.

В то время Н. Н. Лузин привлек многочисленных учеников из университетской молодежи, из которых многие стали видными учеными. Однако, по мере научного роста учеников и, в особенности, при их попытках стать на самостоятельный путь научного исследования, отношение к ним Н. Н. Лузина обычно портилось, вплоть до враждебности с его стороны.

Высказанная в представленном Н. Н. Лузиным документе его самооценка, как «ученого, выдвинувшего советскую математику на одно из первых мест в мире», чрезмерно преувеличена.

2. Н. Н. Лузин был питомцем старой московской математической школы, принадлежавшей к наиболее реакционному крылу профессуры. Во время университетских событий 1911 г. (при министерстве Кассо) Н. Н. Лузин — тогда приват-доцент — остался в университете вместе с наиболее правым крылом, хотя в области своей науки он стремился к перестройке преподавания по образцу заграничных университетов. Сам Н. Н. Лузин воздерживался от каких-либо явных политических выступлений в том или другом направлении.

3. В первое десятилетие после революции Н. Н. Лузин значительную часть времени (целые годы) проводил за границей. Будучи по существу продолжателем работ французской математической школы, Н. Н. Лузин во всей своей деятельности ориентировался, прежде всего, на мнение иностранных ученых. Отношение его к этим ученым выражалось, в частности, в недостойной подобострастной форме, в которой Н. Н. Лузиным комментируются и цитируются их сочинения.

4. Вернувшись в 1930 г., после двухлетнего отсутствия, из-за границы, Н. Н. Лузин оказался перед лицом мощного роста научной общественности СССР и резкой политической дифференциации интеллигенции. Общественное движение, вызванное процессом Промпартии, всколыхнуло и университет. Вынужденный по своему положению быть в центре жизни факультета и Математического Общества, Н. Н. Лузин всячески уклонялся от публичного выражения своего мнения по волнующим всех вопросам. Когда же группа математиков и физиков обратилась к французским ученым с протестом против угрозы интервенции, Н. Н. Лузин от участия уклонился. Уход Н. Н. Лузина из университета в 1930 г. как раз после указанных событий, таким образом, не является случайным обстоятельством.

5. Лузиным применялась система затирания авторства его учеников и переноса этого авторства на себя (Суслин, Александров, Колмогоров, Лаврентьев, Новиков). Эта система «переноса» (термин самого Лузина) состояла в недобросовестном цитировании работ его учеников. Ссылки на эти работы носят намеренно неясный характер и способны ввести в заблуждение. Особенно характерен пример присвоения себе крупнейшего открытия покойного математика Суслина и преследование его Лузиным. В мемуаре Лузина «Sur les ensembles analytiques», Fundamenta Mathematicae, t. X, p.3 и в его книге «Leçons sur les ensembles analytiques», стр.135, в центральном пункте изложения при трактовке понятия аналитических множеств, открытых Суслиным, отсутствует ссылка на Суслина и вместо этого цитируется Лузин. В отношении П. С. Новикова «перенос» его результатов Лузиным носил систематический характер.

6. Наряду с подобострастным отношением к иностранным ученым и самовозвеличиванием за счет учеников, Н. Н. Лузин наносил явный вред советской науке, широко практикуя дачу заведомо ложных письменных отзывов о сочинениях и лицах. Документально установлено, что Лузин давал хвалебные отзывы о работах бездарных и лицах научно-малограмотных для присуждения им степени доктора honoris causa, утверждения в звании профессора, привлечения к работе в Академии Наук, оставления аспирантами и для печатания статей в советских журналах. Все это неоднократно вводило в заблуждение органы, ведающие наукой и высшей школой.

7. Такое же отношение Н. Н. Лузин проявлял и к преподаванию математики в советской средней школе. С одной стороны, Лузин участвовал в представлении наркому просвещения записки о, якобы, исключительно тяжелом состоянии преподавания, с другой стороны, опубликовал в «Известиях» недобросовестно хвалебную статью.

8. Отношение Н. Н. Лузина к советской науке ярко проявляется также в распределении его работ для печатания между советскими и заграничными изданиями. Несомненно, преимущественное печатание своих работ только за границей является чертой не одного Лузина, но в распространении этого зла среди молодых математиков Н. Н. Лузин своим примером и авторитетом сыграл большую роль. Характерным для самого Лузина является резкое качественное различие между его работами, посылаемыми за границу и печатаемыми в нашей стране. Все основные работы Н. Н. Лузина печатались за границей, в изданиях же СССР он помещал преимущественно работы второстепенного характера.

9. Все изложенное выше, резюмирующее многочисленный фактический материал, имеющийся в Академии Наук, тщательно разобранный, полностью подтверждает характеристику, данную Н. Н. Лузину в газете «Правда».

XXIV

ОБ АКАДЕМИКЕ Н. Н. ЛУЗИНЕ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР ОТ 5 АВГУСТА 1936 г. (**)

Архив РАН. Фонд 2. Опись 2. Дело 5. Лист 32. Протокол № 16
«Правда». 6 августа 1936 г. С. 3
«Вестник Академии наук СССР». 1936. № 8—9. С. 7—8
«Успехи математических наук». 1937. Вып. III. С. 277—278

Победа советской власти и громадные успехи социалистического строительства в кратчайший исторический срок подняли страну нашу из неслыханного разорения и векового прозябания до уровня первоклассной мировой державы. С надеждой и упованием смотрят трудящиеся всего мира на страну Советов, ибо они справедливо видят в ней свою основную цитадель в борьбе за высшие формы человеческой культуры.

На путях этого исторического подъема трудящиеся нашей страны всегда проявляли свою горячую уверенность в том, что наука и лучшие ее представители являются сильнейшим орудием во всей их освободительной борьбе. Каждый советский гражданин знает, что ни в одной стране мира наука и ее передовые борцы не пользуются среди широчайших народных масс такими заботами, вниманием и уважением, как в нашей стране. Каждый советский гражданин знает, в какой степени все наше движение вперед было связано с использованием научных достижений, с нашим сотрудничеством в мировом научном прогрессе.

Советское правительство и коммунистическая партия обеспечили советской науке невиданные возможности для ее подъема и развития, не жалея средств на организацию первоклассных научных учреждений и на создание наиболее благоприятных условий для работы людей науки. Лучшие ученые страны вместе со всем коллективом научных работников и научной молодежи сделали немалый вклад для подъема на высокий уровень теоретических и практических знаний в СССР. Своей преданной интересам советской науки деятельностью и своим моральным обликом они завоевали всеобщие любовь и уважение трудящихся.

Включаясь в мощный поток советской жизни, некоторые из ученых не сразу приходили к пониманию идей советской власти. Однако, идя к ним своим путем, открыто и честно высказывая свои сомнения, они, в конце концов, делались подлинными советскими людьми, патриотами своей социалистической родины. Совершенно иначе вел себя Н. Н. Лузин.

Относясь по существу нелояльно к советской власти и пренебрежительно к советской науке, принося ей тем прямой вред, он тщательно прикрывался маской крайне угодливой лояльности. Об этом неопровержимо свидетельствуют и факт его полной политической и общественной самоизоляции во время острой борьбы в Московском университете, и его насквозь фальшивый восторг перед успехами математического преподавания в советской школе при одновременном заявлении наркому просвещения в специальной делегации о крайне тяжелом положении преподавания в средней школе, его льстивые хвалебные отзывы не имеющим цепности научным работникам, помещение им в совет-

ской печати лишь своих второстепенных работ, в то время как более ценные труды помещались только в иностранной печати, его недостойное отношение к собственным ученикам, крупным советским ученым, при одновременном крайне подобострастном отношении к иностранным ученым. Такое лицемерное и двуличное поведение Лузина не только недостойно советского ученого, но и свидетельствует об отсутствии у него элементарного чувства достоинства как гражданина СССР.

Президиум Академии Наук констатирует, что в обсуждении дела Лузина приняли участие самые широкие круги общественности СССР, которые единодушно заклеймили его антисоветскую деятельность, его лицемерное и двуличное поведение, совершенно недопустимое для советского ученого.

Президиум Академии Наук приветствует выступление «Правды» и считает, что обсуждение и осуждение поведения Лузина должно послужить серьезным уроком для всей научной общественности, помогая ей разоблачать людей, пятнающих своим поведением звание советского ученого.

Президиум Академии Наук полагает, что поведение акад.Н. Н. Лузина несовместимо с достоинством действительного члена Академии Наук, и что наша научная общественность имеет все основания ставить вопрос об исключении его из состава академиков.

Однако, учитывая значение Н. Н. Лузина как крупного математика, взвешивая всю силу общественного воздействия, выявившегося в столь широком, единодушном и справедливом осуждении поведения Н. Н. Лузина, и исходя из желания предоставить Лузину возможность перестроить все его дальнейшее поведение и его работу, -

Президиум считает возможным ограничиться предупреждением Н. Н. Лузина, что при отсутствии решительного перелома в его дальнейшем поведении Президиум вынужден будет неотложно поставить вопрос об исключении Н. Н. Лузина из академических рядов».

XXV

ИЗЖИТЬ ЛУЗИНЩИНУ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ

«Успехи математических наук». 1937. Вып. III. С. 275—278

Статьи в «Правде» об академике Н. Н. Лузине и традициях раболепия, их обсуждение в научных учреждениях Союза и рассмотрение дела Н. Н. Лузина в президиуме Академии наук СССР поставили перед советскими математиками, перед всей советской наукой ряд вопросов первостепенной важности.

Что было выяснено при разборе дела Н. Н. Лузина? Прежде всего, двурушничество его, сочетавшего враждебность ко всему советскому с неискренним восхищением перед всяким явлением советской жизни, по отношению к которому приходилось открыто высказываться: там, где Н. Н. Лузин видел недостатки и должен был бы их вскрыть, он замазывал эти недостатки восторженной апологетикой. Он давал явно недобросовестные хвалебные отзывы на слабые работы, вводя в заблуждение обращавшиеся к нему учреждения. Он не стеснялся писать предисловия к бреду ферматиста, с указанием, что автор находится на пути самого Ферма. Он предлагал присудить степень доктора без защиты диссертации математику, который, по словам Лузина, открыл «новый» класс поли-

номов, обладающих замечательными свойствами и, что всего замечательнее, обращающихся в полиномы Лежандра при умножении на константу! И в то же время в своих мемуарах и книгах он замалчивал авторство своих же учеников, «перенося», таким образом, их результаты на себя. Пренебрежительное отношение к советской науке сочеталось у Лузина с жалким угодничеством по отношению к представителям иностранной науки, вызывавшим порой удивление самих же иностранных ученых.

Было время, когда реакционеры могли сравнительно открыто выступать в научной среде (вспомним «егоровщину» в Московском университете), рассчитывая на сочувствие известной части ученых в первые годы после Октября среди части работников науки еще были сильны опасения, что с гибелью буржуазного строя погибнет и наука. Вся история Советского Союза показала, как раз обратное: что только при социализме возможен настоящий расцвет науки. Каждый ученый, в частности, каждый математик, на опыте собственной работы убедился, какие невиданные перспективы открывает перед наукой победившая у нас социалистическая система; и все честные ученые не только в СССР, но и за рубежам с тревогой следят за упадком в фашистских странах. Поэтому в настоящее время враг уже не может рассчитывать на сочувствие в среде наших ученых — он должен двурушничать, маскироваться советским патриотом, и лишь в узкой среде себе подобных он может давать волю своей ненависти к нашей стране и ее цвстущей науке. Поэтому нужна особая бдительность в нашей среде. Нужно уметь беспощадно разоблачать врагов, под какой бы маской они ни скрывались.

Вместе с тем мы видим, что в научной среде еще не изжиты чрезвычайно вредные в настоящих условиях навыки, которые могут быть объединены названием «академические традиции». Факты, выявленные в деле Лузина, — и его «отзывы», и его система «переноса» — были достаточно известны; но они служили лишь предметом «кулуарных бесед» и не ставились на общественное обсуждение. Традиции «академической благопристойности», исключающие прямую и твердую общественную оценку конкретных недостатков в работе отдельных ученых, препятствовали развитию большевистской самокритики.

Партия и правительство ведут упорную борьбу за повышение уровня советской культуры, за решительное улучшение работы всех ступеней народного образования, за улучшение работы научных учреждений. Либеральные отзывы о слабых работай и работниках, либерализм (при присуждении степеней и званий, двусмысленные рецензии на плохие книги и замазывание недостатков работы учебных и научных учреждений ведут к засорению этих учреждений, к ослаблению их работы. Все это объективно направлено против политики партии и правительства по развитию науки и культуры в нашей стране (хотя бы и диктовалось не сознательным желанием вредить, а трусливой угодливостью, желанием порадеть родному человечку или другими столь же «высокими» мотивами).

Что может быть в наших условиях вреднее научного вельможи, позволяющего халтурщиках использовать себя как ширму или высокопочтенного «консультанта», движимого желанием сохранить со всеми наилучшие отношения и поэтому закрывающего глаза на творящиеся вокруг него безобразия! Нужно больше ответственности за отзывы, за рецензии, за работу коллектива, в котором участвует данный научный работник. Если, например, выходит утверждается и переиздается скверный учебник, то за него должны отвечать, наряду с авторами, такие рецензенты, редактора и издательства.

С пресловутыми академическими традициями связаны и традиции раболепия перед иностранной наукой, идущие от отсталой дореволюционной России. Наша научная печать должна занять такое же выдающееся место на международной арене, какое уже занимает советская наука. Но многие наши научные работники не только не содействовали росту нашей научной печати, но считали для себя наиболее приличным печататься именно в иностранных органах. Некоторые наши работники до последнего времени печатались в «унифицированных» фашистских журналах, которые бойкотируются передовыми зарубежными учеными. Звание советского ученого — высокое звание. Его нужно нести с честью. Нужно искоренить в научной среде все остатки жалкого рабского прошлого — тогда советские ученые еще лучше используют все предоставленные им блестящие возможности, смогут еще более плодотворно работать на процветание советской науки, советской культуры.

ДОСТОИНСТВО СОВЕТСКОЙ НАУКИ

«Правда». 6 августа 1936 г. С. 1

Президиум Академии наук СССР во вчерашнем заседании принял постановление по делу академика Н. Н. Лузина. Читателям «Правды» известно это дело. Мы публикуем сегодня вместе с постановлением президиума Академии наук и выводы, к которым пришла специальная комиссия, детально разбиравшая весь вопрос.

В ряде заседаний этой комиссии, при участии виднейших советских ученых, академиков и профессоров, в подавляющем большинстве беспартийных, длительному и обстоятельному рассмотрению была подвергнута вся научная деятельность академика Н. Н. Лузина. Был вскрыт внутренний мир той части советской науки, которая всего меньше имеет связи с прикладными знаниями, с промышленным производством и практической работой. Это так называемый мир «чистой математики».

Но рассмотрение дела академика Лузина не ограничилось рамками специальной и высоко авторитетной комиссии. Статьи «Правды» глубоко всколыхнули всю советскую научную общественность. Дело переросло вопрос об антисоветских действиях одного Лузина. В оживленных прениях, развернувшихся в разных научных институтах, были подняты вопросы о связи научной теории и практики, о месте и положении науки в социалистическом обществе, о чести и достоинстве советского ученого.

Это меньше всего были академические споры. Это вылилось в движение гневного протеста против затесавшегося в научную среду классового врага, пытавшегося привить советской научной общественности чуждые ей, заимствованные из буржуазного мира, грязные приемы и манеры. Дело Лузина дало возможность очень широким научным кругам почувствовать с особой остротой, в чем заключается достоинство советской науки. В страстном негодовании, которое объединило и старых академиков и советскую научную молодежь, было гордое сознание силы, свободы и независимости науки в советской стране. В своем постановлении президиум Академии наук признал, что научная советская общественность имеет основание требовать исключения Лузина из академических рядов. Презренный раб буржуазии, подобострастно прикладывавшийся к ручке всякого иностранного «генерала» от науки и пренебрежительно относившийся к советской науке, упразднившей генеральство, — не достоин занимать место среди академиков.

Комиссия Академии наук полностью подтвердила ту характеристику, которая была дана Лузину в статьях «Правды». Это — враг в советской маске. Он принадлежал к правым кругам профессуры до революции. Советская власть простила ему прошлое. Она предоставила ему все возможности для научной работы. Лузину не приходилось испытывать материальной нужды, как его собратьям по науке за границей. Ему не грозило изгнание. Он пользовался полной свободой в области своей научной деятельности.

Но он остался верен реакционной буржуазии. Свое высокое положение академика он использовал для вредительской подпольной работы. Он старался засорить ряды ученых, протаскивая заведомо невежественных и бездарных людей. Циничным издевательством были его подхалимские высказывания о средней школе, напечатанные в «Известиях». Как торгаш по натуре, он обкрадывал своих учеников. На науку он смотрел как на базар, и преследованием молодых талантливых ученых он оберегал свое монопольное место.

Из одной отрасли математических знаний была сделана Лузиным цитадель, в которой он пытался отсидеться от пролетарской революции, от советской научной общественности. Он пытался сколотить в этой цитадели свой собственный гарнизон из покорных ему учеников. Ему казалось, что сюда, в эту область научного мышления, требующего особой тонкости, не проникнут рабочие, не попадут большевики. Так сохранялось в течение ряда лет советское по вывеске, буржуазное по своему существу, «академическое» гнездо. Здесь был отвратительный запах закупоренного, никогда не проветривающегося мещанского жилья.

Но пролетарская революция добралась и до этого места. Овладевая всеми высотами научными знаниями, советская научная молодежь взяла в свои руки и высшую математику. В борьбе с талантливыми учениками Лузин обнаружил свое внутреннее бессилие. Он боролся самыми грязными средствами, в буквальном смысле слова сживая со света опасных конкурентов. Но он был разоблачен своими же учениками. Беспартийная советская научная молодежь помогла сорвать маску с классового врага. Нет и не может быть буржуазных гнезд в советской науке!

Широчайшее развитие науки лежит в самой природе советской власти. Научный социализм был и остается орудием победы пролетариата. К овладению высотами знания, к неразрывной связи теории и практики призывает всю молодежь партия большевиков. Труды Ленина и Сталина переделывали старых ученых, побеждали их былую недоверчивость. На этих трудах воспитывается вся молодежь. Новая среда окружала заскорузлого, обомшевшего в своей буржуазной грязи академика Лузина, новые люди шумели вокруг него, новые идеи и понятия вторгались в затхлую атмосферу «чистой теории». Не мог остаться равнодушным к ним ни один старый ученый, если он действительно любит свою науку. Творческая энергия молодой советской страны увлекла, зажгла престарелого академика Карпинского. Он был великим ученым, подлинным ученым, и поэтому он стал великим гражданином советской страны, ее страстным патриотом.

Достоинство советской науки, честь советского ученого — вот понятия, которых не только вместить, но и подделать не мог осколок буржуазного мира, академик Лузин. Он мог до поры до времени маскироваться внешней советской лояльностью. Он со всем старанием изображал из себя подхалима. Его выдало полное отсутствие советского достоинства. В стране свободных людей он держал себя как раб, холоп, со всем подобострастием, но и со всей наглостью лакея.

Теперь он разоблачен и заклеймен. Разоружив Лузина, президиум Академии наук дал ему возможность на честной работе исправить свои преступления перед родиной. Но предостережение получил не только академик Лузин. Ему принадлежит, быть может, первое место среди врагов советской науки и советской страны, — первое, но не единственное. Лузинщина еще гнездится кое-где в советской научной общественности. В советской науке есть еще не проветренные углы — убежище для людей в масках. От советской научной общественности требуется величайшая бдительность. Это относится не только к той группе ученых, которая занимается по преимуществу теоретическими вопросами. Еще в большей мере бдительность требуется от тех советских ученых, работы которых непосредственно связаны с практикой социалистического строительства.

Постановление президиума Академии наук говорит о том, что «советское правительство и коммунистическая партия обеспечили для советской науки невиданные возможности ее подъема и развития, не жалея средств на организацию первоклассных научных учреждений и на создание наиболее благоприятных условий для работы людей науки». Действительно условия научной работы в советской стране несравнимы ни с какой другой страной. Мы вправе ждать от всех советских ученых энергичной борьбы за достоинство своей, отечественной, советской науки.

УСИЛИТЬ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ!

«Вестник Академии наук СССР». 1936. № 8—9. С. 1—6.

24 августа военная коллегия Верховного суда Союза ССР вынесла приговор по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. В своем приговоре суд выразил волю многомиллионного народа Советского Союза, требующего беспощадной кары своре оголтелых убийц, посягавших на счастливую и свободную жизнь нашей страны, посягавших на жизнь лучших людей нашей родины, на жизнь великого вождя, учителя и друга трудящегося народа Иосифа Виссарионовича Сталина.

В дни процесса эта подлая банда убийц, еще осквернявшая своим существованием советскую землю, с деловитостью профессиональных убийц рассказывала суду об осуществленных и подготовлявшихся ею злодеяниях. Отребье человечества, объединившееся в троцкистско-зиновьевский центр, они использовали для своей подлой деятельности еще невиданные в истории методы провокации, предательства и лжи; все наиболее бесчестное и преступное из грязнейших арсеналов подонков человечества было избрано ими в качестве орудия борьбы. Годами плелась сеть провокаций, диверсий, шпионажа и подготовки убийств. Смерть любимого народом трибуна, пламенного борца за дело Ленина-Сталина, обаятельного человека Сергея Мироновича Кирова — дело этих трижды презренных убийц. Нет преступлений, которые бы не числились в признаниях Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Смирнова, Бакаева и прочих убийц. И все они неразрывно связаны с именем главного преступника и вдохновителя всех этих злодеяний, с именем и делами Иуды Троцкого. Это он — Троцкий объединил убийц в троцкистско-зиновьевский центр для осуществления террора против великих вождей коммунизма. Это он — Троцкий совместно с германской тайной фашистской полицией (Гестапо) шел шпионскую диверсионную сеть на важнейших участках народного хозяйства и обороны социалистической страны. Это он — Троцкий провоцировал войну против Советского Союза.

мечтая захватить власть в свои руки. Презренный Иуда заклеймен судом истории, как подлый предатель и главарь убийц.

В течение всех дней судебного процесса над троцкистско-зиновьевской бандой по всей стране проходили стихийно собиравшиеся митинги, на которых звучали гневные требования народа, требования самого сурового наказания предателям — «раздавить гадину, расстрелять участников троцкистско-зиновьевской террористической шайки!» — такова была единодушная воля всей нашей страны. К этим могучим голосам миллионов присоединили свои голоса ученые нашей страны: «беспощадно уничтожить злейших врагов Советской страны» — требовали они в своем обращении к Верховному суду Союза. И в полном соответствии с требованием трудящихся масс государственный обвинитель прокурор Союза ССР тов. Вышинский закончил обвинительную речь на процессе обращением к Верховному суду: «взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного». Советский суд выполнил волю народа и долг правосудия.

Суд над участниками троцкистско-зиновьевского центра проходил в дни, когда вся наша страна готовилась к празднованию годовщины стахановского движения, подведению итогов сказочно мощного расцвета новых социалистических форм труда. Рост стахановского движения — неотъемлемая часть бурного роста всех отраслей хозяйства и культуры СССР. Эти успехи достигнуты народами СССР под руководством Всесоюзной коммунистической партии большевиков и ее ленинско-сталинского Центрального комитета. Путь исторических побед пройден нашей страной под руководством великого зодчего социализма тов. Сталина. Гению вождя обязаны мы всеми своими успехами. Свидетельство этих успехов — проект сталинской конституции, воплотивший в себе итоги титанической деятельности советского народа и отражающий прочно завоеванные условия счастливой и радостной жизни в Советском Союзе.

Но эти успехи не могут и не должны кружить нам голову. Ни на одну минуту нельзя забывать, что мы находимся во вражеском окружении капиталистических государств, которые непрерывно усиленно готовят войну против страны социализма и которые всегда готовы для своей подлой подрывной работы использовать презренные остатки разбитых эксплуататорских классов в СССР.

Тов. Сталин неустанно учит и напоминает о том, что «надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсэров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв.

Вот почему революционная бдительность является тем самым качеством, которое особенно необходимо теперь большевикам» («Вопросы ленинизма» X изд., стр. 510).

Мудрость и прозорливость указаний тов. Сталина еще раз подтвердил закончившийся судебный процесс. Возможность возникновения ныне разоблаченной контрреволюци-

онной шайки может быть объяснена только тем, что еще многие и многие в советской стране недостаточно претворяли в своих практических работах указания тов. Сталина о необходимости всемерного повышения революционной бдительности. Далеко не все работники и в Академии Наук поняли и усвоили всю глубину этой неотъемлемой для большевика и советского гражданина обязанности. Благодушие и маниловщина, черпающие свои источники и в старых буржуазных традициях научного мира, крайне живучи и сильны в Академии Наук и сегодня. И неудивительно поэтому, что Академии Наук не раз на протяжении последних лет пришлось перед лицом советской общественности нести политическую и моральную ответственность за антиобщественную и антигосударственную деятельность отдельных работников и за деяния прямых преступников, использующих учреждения Академии Наук для своих грязных целей. Достаточно напомнить ряд уроков, которые должны были, казалось, научить политической прозорливости и бдительности благодушествующих либералов.

Вспомним, что еще несколько лет назад контрреволюционерами и преступниками был использован ряд учреждений Академии Наук для скрытия от органов советской власти ряда документов и ценностей (Пушкинский дом, Библиотека Академии Наук). Вследствие попустительства благодушествующих работников преступниками было использовано во вред нашей родине высокое доверие, оказывавшееся Академии Наук с первых дней советской власти.

Напомним второй урок необходимости повышения бдительности, данный нам еще совсем недавно советской общественностью через центральный орган партии. Не работники Академии Наук, а «Правда» вскрыла серьезный гнойник «лузинщины», позоривший антиобщественной и антигосударственной деятельностью высокое звание академика. Не работники Академии Наук, а центральный орган партии вскрыл позорные традиции, до сих пор гнездящиеся в Академии Наук. Советская общественность вынесла достойное и суровое порицание этим традициям, справедливо названным «Правдой» «традициями раболепия».

Последний урок, возложивший бремя величайшей политической ответственности на Академию Наук, это — раскрытие в ее стенах террористической группы убийц, троцкистско-зиновьевских предателей родины. Выступивший на суде свидетель Яковлев, один из участников троцкистско-зиновьевской шайки, гнездившейся в Академии Наук, в своих показаниях говорил, что работавший вместе с ним в контрреволюционной группе в Академии Наук Карев сообщил ему следующее: в 1932 г. осенью зиновьевцы организовали блок с троцкистами. Был создан объединенный троцкистско-зиновьевский центр. Основным методом борьбы с партией и советской властью этим центром признан террор, который решено направить против руководителей партии и правительства и в первую очередь против тов. Сталина и тов. Кирова. «Это же мне подтвердил — говорил Яковлев лично Каменев в 1934 г., при этом Каменев поручил мне организовать террористическую группу в Академии Наук. Я это поручение принял. Тогда же Каменев сообщил мне, что задание по подготовке террористических актов дано и другим группам.»

Вот откровенное признание преступников, из которого видно, как эта бандитская шайка сумела широко использовать попустительство и ротозейство многих работников старого руководства Академии Наук, захватив и расставив своих людей на важнейших участках и организационных центрах Академии. Достаточно перечислить ряд имен преступников, чтобы уяснить насколько широко использовалось этими троцкистско-зиновь-

евскими бандитами благодушие работников Академии, объективно служившее прямым пособничеством укрепления и разветвления групп террористических убийц: Яковлев, Карев, Кошелев, Паиаян, Седых, Бусыгин, Груздев, Урановский, Шаров. Это еще не полный список отъявленных врагов и предателей нашей родины, подготовлявших чудовищные преступления и изловленных с поличным органами пролетарской диктатуры.

Глубокое возмущение и негодование каждого честного человека вызывает абсолютная бездеятельность некоторых старых работников Академии Наук, с олимпийским спокойствием относившихся к фактам выявления в Академии Наук террористических групп и палец о палец не ударивших даже после разоблачения группы убийц для того, чтобы помочь очистить Академию Наук от остатков притаившихся и всячески маскирующихся троцкистско-зиновьевских фашистских гадов. Этим, с позволения сказать, общественным деятелям нужно многому и многому еще учиться, если они могут и хотят учиться бдительности и политической зоркости, требуемой родиной от каждого ее сына. Трудящиеся Советского Союза постоянно показывают примеры пролетарской зоркости в борьбе с остатками контрреволюционных сил. Достаточно привести обращение работников завода «Динамо» к Верховному суду, в котором гневные голоса тысяч рабочих вместе со всеми трудящимися требовали от прокуратуры Союза строжайше расследовать связи Бухарина, Рыкова, Радека, Пятакова и других с контрреволюционным троцкистско-зиновьевским центром.

За тот факт, что академические учреждения были широко использованы контрреволюционной бандой, в первую очередь несут глубочайшую ответственность коммунисты, работающие в Академии Наук. Эта ответственность в большей мере ложится на коммунистов-академиков, до сих пор еще не чувствующих подлинной ответственности за возглавляемые ими участки академической работы. Эту же ответственность разделяют с ними и все остальные работники Академии Наук — партийные и непартийные. Партия требует от каждого руководителя действительно по-большевистски руководить порученным участком, тщательно изучать и подбирать работников, повседневно наблюдать и контролировать выполнение порученной работы, настойчиво бороться за искоренение безответственности и организационной расхлябанности аппарата. Только такое повседневное и конкретное руководство способно обеспечить действительную, а не декларативную революционную бдительность. И понятно, что всякое иное отношение к обязанностям руководства, сведение руководства к мимолетным наездам и передоверие своих прав фактически недостаточно изученным и проверенным самим руководителем лицам, создает благоприятную почву для проникновения преступников в Академию Наук.

Советское правительство и партия оказывают самую широкую поддержку научной работе в стране. Академия Наук является высшим научным центром Союза. Это возлагает на всех работников Академии обязанность особой бдительности. Ни на одну минуту нельзя забывать, что разоблаченные ныне славными органами пролетарской диктатуры троцкистско-зиновьевское охвостье широко использовало исключительное положение Академии Наук. Материальные средства, передаваемые правительством Академии Наук, безотчетно расходовались орудовавшей в стенах Академии Наук шайкой на ее преступные дела. Эти бандиты использовали для установления связи со своей гнусной организацией бесчисленные командировки членов своей организации, проходившие под флагом научных командировок Академии. И разве это не говорит о том, что и тут руководители важнейших участков Академии Наук не обеспечили должного контроля и руководства.

Раскрытие преступной шайки в системе Академии свидетельствует также и о том, что самокритика во всех учреждениях Академии не получила того развития, которое насущно необходимо. Нужно прямо сказать, что как в организационных звеньях, так и в научной работе Академии самокритика и сейчас еще недостаточно развита. В этом повинны как руководители, так и общественные организации Академии. Деятельность троцкистско-зиновьевской банды показывает, что даже такой важнейший момент в жизни Академии, как перевод Академии Наук из Ленинграда в Москву, не был действительно контролируем руководством Академии. Это привело к такому положению, когда преступники, как хотели, расставляли своих людей в удобных для их бандитской деятельности частях аппарата Академии, изгоняя и не допуская к работе в Академии неугодных им лиц, которые могли бы почувствовать и разоблачить следы их преступной деятельности. То, что до раскрытия органами пролетарской диктатуры контрреволюционной шайки, в Академии не было слышно предупреждающих голосов о зловонии, которое неизбежно распространяла вокруг себя террористическая банда, непреложно свидетельствует о многолетнем зажиме самокритики в Академии Наук. А без самого широкого развертывания самокритики нельзя обеспечить действительной бдительности. Недостаточность развертывания самокритики находит свое отражение в том, как болезненно и со скрипом перестраивает свою работу Академия Наук, выполняя задачу поставленную перед ней советской страной. Все срывы по перестройке работы Академии Наук в соответствии с основными задачами социалистического строительства, главным образом, могут быть объяснены отсутствием должной самокритики.

С таким положением нельзя долее мириться ни одной минуты. Усилить революционную бдительность, поднять ответственность каждого за порученное ему дело, широко развернуть самокритику и на этой основе повести еще более глубокую творческую работу на благо нашей родины — таковы задачи, стоящие сейчас перед каждым честным работником, малым и большим.

Еще теснее сплотив свои ряды вокруг великой партии Ленина-Сталина, вокруг гениального вождя и учителя тов. Сталина, ученые Советского Союза выполнят эти задачи и отдадут на дело строительства коммунизма все силы и весь огонь своего творческого труда.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Агурский 290
Адамар Ж. (Hadamard J.) 91, 94, 145, 192, 224, 226, 234, 241, 242
Адорацкий В. В. 39, 129, 232
Акулов Н. С. 270
Александров Д. А. 43, 49
Александров П. С. 11, 14, 15, 19, 20, 22, 24—27, 30--35, 44--47, 53, 55, 57, 59, 61—68, 70, 74—76, 83, 88, 89, 92—99, 101—108, 110, 111, 113, 115, 120, 125 – 128, 135, 137, 138, 140—142, 153—161, 163—166, 168, 169, 170—174, 177, 179, 181—184, 189, 195—199, 202--204, 207, 208, 211– 215, 217—226, 228, 231, 235—239, 242, 247, 248, 263, 269, 274, 275, 279, 285, 286, 295, 296
Андреев А. А. 22, 257
Андреев К. А. 13
Анохин П. К. 292
Аппель П. (Appell P.) 234
Аппельрот Г. Г. 102, 226
Архангельский А. Д. 39, 129, 232
Аршон С. Е. 22, 104, 111, 115—117, 214, 221, 226, 229, 259

Бакаев 302
Банах С. (Banach S.) 225, 233
Бари Н. К. 14, 175, 184, 191, 235, 240, 242, 279
Бауман К. Я. 42, 231, 294
Бах А. Н. 24, 33, 85, 106, 110, 111, 113, 114, 118, 120, 126, 129, 147, 212, 221, 223, 229, 231, 263, 285, 295
Безсонов (Бессонов) Н. А. 63, 141, 173, 181, 216, 217, 255, 256, 281, 288
Берлов М. Н. 137, 162- 164, 167, 233
Бермант А. Ф. 22, 114, 229, 259
Бернштейн С. Н. 9, 17, 19, 20, 24 –27, 30, 31, 41, 42, 44, 51—53, 55, 61, 63, 64, 66—70, 92—95, 99, 111, 112, 130, 138, 145, 174, 186, 199 –210, 212, 213, 216, 218, 224, 241, 242, 244, 245, 263, 269, 279, 295
Беспрозванный 121, 122, 142, 233
Биркгоф Дж. (Birkhoff G.) 94, 224
Боголюбов Н. Н. 9, 147
Борель Э. (Borel E.) 18, 49, 75, 82, 83, 91, 93, 132, 135, 136, 145, 155, 156, 158, 161, 168– 171, 174, 177—180, 186, 204, 219, 220, 223, 224, 232, 236, 279
Бубнов А. С. 101, 121, 122, 226
Бугаев Н. В. 17, 68, 96, 131, 218, 234
Бусыгин 41, 305
Бутягин А. С. 101, 102, 120, 121, 221, 226, 229
Бухарин Н. И. 24, 230, 305
Бухгольц Н. Н. 32, 274
Бушинский В. Н. 292, 293
Бэр Р. (Baire R.) 93, 220, 227, 232, 239
Бюшгенс С. С. 15

Вавилов С. И. 45
Валле-Пуссен Ш. Ж. (de La Vallée Poussin C. J.) 132, 192, 241
Вегер 291, 293
Вейц В. И. 282
Вениаминов В. И. 14
Вернадский В. И. 16, 39, 129, 232, 250, 264, 265
Вильямс В. Р. 293
Виноградов И. М. 9, 20, 22—24, 29, 44, 57, 74, 81, 92, 111, 122, 144, 212—214, 219, 221, 245, 250, 259, 263, 285, 295
Волин 121

Володарский А. И. 7, 12, 48
Волынский С. Б. 54, 128, 171, 209, 222, 245
Вольфсон С. Я. 290, 291
Вышинский А. Я. 16, 303

Галанза 290
Гамбье Б. (Gambier B.) 229
Гангнус Р. В. 122, 142, 230
Гантмахер Ф. Р. 22, 32, 64, 111, 144, 185, 191, 208, 214, 217, 228, 241, 256, 259, 274, 275
Гельфанд И. М. 15
Гельфонд А. О. 14, 20, 22, 23, 44, 48, 50, 66, 93, 102, 107, 110, 111, 113, 121, 214, 218, 221, 224, 227, 234, 259, 285
Гильберт Д. (Hilbert D.) 94, 224, 278
Гитлер (Шикльгрубер) А. (Hitler A.) 18, 24, 39
Гливенко В. И. 14, 15, 240
Голубев В. В. 14, 59, 70, 112, 130, 171, 173, 189, 215, 217, 218, 232, 235, 244, 247, 248
Горбунов А. Д. 170, 238
Горбунов Н. П. 7, 23—25, 33, 42, 85, 88, 89, 91, 103, 104, 107, 108, 110, 111, 125, 126, 129, 146 –148, 151, 152, 170, 196, 205—210, 212, 221, 225, 226, 228, 231, 232, 244, 263, 264, 285, 294, 295
Горохов Ф. 19
Граве Д. А. 15, 223
Гребенщиков И. В. 200, 207, 209, 244
Гренвиль (Грэнвилль) В. (Grenwill W.) 118, 181, 229, 240, 273, 279
Груздев 41, 305
Губкин И. М. 289, 290
Гурвич А. Г. 269
Гюнтер Н. М. 92, 224

Данжуа А. (Denjoy A.) 10, 11, 108
Дарбу Г. (Darboux G.) 92, 279
Делоне Б. Н. 92, 223, 228
Демидов С. С. 7, 8, 12, 48- -50, 229, 248
Депутатов В. Н. 63, 141, 216, 247, 255, 256, 281, 288
Добролюбов Н. А. 186, 235, 241
Дюгак П. (Dugac P.) 11, 48
Дюгем (Дюэм) П. (Duhem P.) 187, 241

Евдокимов 302
Егоров Д. Ф. 9, 14- –18, 31, 32, 45, 46, 48, 57, 62, 63, 65, 96 –-98, 100, 102, 106, 125, 130—132, 152, 157, 162, 199, 203, 205, 206, 214—216, 218, 225, 226, 228, 235, 245, 247
Ежов Н. И. 22, 257

Ермаков В. П. 13
Ермолаева Н. С. 7, 12, 48, 49, 247, 249
Есаков В. Д. 7, 11, 12, 48, 50
Ефимов Н. В. 47

Жданов А. А. 22, 45, 257
Жегалкин И. И. 15, 121, 131, 142, 232
Жуковский Н. Е. 13, 17, 113, 218, 226, 228

Зелинский Н. Д. 39, 101, 129, 226, 231
Зиновьев (Радомысльский) Г. Е. 302
Золотарев 283

Иванов К. Н. 54, 63, 140, 141, 175, 204, 213, 221, 245, 256
Иванов С. И. 140, 232
Игнатовский В. С. 9
Игошин В. И. 233, 248
Ильичев Л. Ф. 46
Ипатьев В. Н. 24, 262

Каган В. Ф. 15, 141, 173, 181, 187—188, 190
Каганович Л. М. 22, 257
Каменев (Розенфельд) Л. Б. 302, 304
Кантор Г.(Cantor G.) 132, 246
Капица П. Л. 39, 250, 261, 263
Карев 41, 304
Каршинский А. Н. 24, 301
Картан (Кардан) Э. (Cartan E.) 229, 261
Кассо Л. А. 35, 98, 125, 130, 151, 152, 199, 206, 225, 295
Кастерин Н. П. 18
Келдыш Л. В. 14, 259
Келдыш М. В. 14, 22, 259
Кёбе П. (Koebe P.) 139, 233
Киров С. М. 302, 304
Кирпичев М. В. 302
Кистяковский В. А. 39, 129, 232
Клюева Н. Г. 46
Ковалевская С. В. 13, 45
Колмогоров А. Н. 9, 14, 15, 23, 27, 30—35, 44—46, 50, 66, 101, 117, 127, 140, 159, 169, 173, 175, 202, 204, 207, 208, 218, 222, 226, 231, 242, 245, 269, 275, 285, 296
Кольман Э. Я. 10—12, 17—21, 24, 26, 34—36, 39– 42, 44, 47, 48, 50, 143—145, 175, 188, 190, 209, 224, 234, 241, 249
Кон П. М. 240
Коркин А. Н. 113, 228
Костицын В. А. 15, 215
Кочин Н. Е. 22, 23, 259
Кошелев 41, 305
Кошляков Н. С. 9
Кравчук М. Ф. 9

Красина 231
Кржижановский Г. М. 13, 24, 31—33, 35—37, 39, 40, 42, 81, 84—86, 88, 91, 95, 98, 99, 102—107, 111, 112, 115, 117—120, 122—134, 138, 139, 141, 145—153, 155, 157, 159, 162, 165—168, 170, 171, 173—177, 181, 184, 187—190, 193—210, 212, 221, 231, 239, 241, 244, 245, 251, 262, 284, 285, 295
Крылов А. Н. 20, 41, 42, 44, 64, 70, 74, 80, 112, 129, 144, 145, 185, 191, 198—210, 216—219, 223, 231, 239, 241, 244, 245, 247, 248, 256, 280, 288
Крылов Н. М. 39, 44, 99, 106, 138, 145, 185, 186, 225, 227, 233, 242, 279
Кудрявцев В. А. 63, 66, 184, 216, 218, 240, 241, 281, 286, 288
Куратовский К. (Kuratowski K.) 104, 136, 137, 163, 164, 167, 233, 237, 249
Курнаков Н. С. 39, 129, 231, 264
Курош А. Г 15, 240

Лаврентьев М. А. 14, 107—109, 128, 158, 162, 173, 179, 184, 196, 208, 217, 225, 227, 231 237, 239, 241, 244, 249, 279, 293, 296
Лазарев П. П. 262
Ландау Э. (Landau E.) 94, 132, 278
Ланжевен П. (Langevin P.) 223
Ланно-Данилевский И. А. 234
Ласаев А. А. 142, 182, 184, 202, 240, 286
Лахтин Л. К. 47, 96, 97, 131, 152, 221, 232
Лебег А. (Lebesgue H.) 42, 91, 93, 103, 132, 154--156, 158—161, 166—168, 195—197, 201, 202, 204, 219, 220, 222—224, 228, 235—237, 242, 244—246, 248, 249, 279
Левин А. Е. 11, 12, 48
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 39, 129, 232
Леви-Чивита Т. (Levi-Civita T.) 192, 241
Лёвшин Б. В. 8, 12
Ленин (Ульянов) В. И. 98, 301, 302, 306
Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 187, 241
Леонтович Е. А. 14
Лефшец С. (Lefschetz S.) 105, 227
Лёвшин Б. В. 8, 11
Линде-Селивановский Е. А. 208, 245
Литвинов М. М. 133, 232
Лихачев Н. П. 23
Лобачевский Н. И. 45
Ломоносов М. В. 269
Лосев А. Ф. 17, 48
Лузина (Малыгина) Н. М. 65, 146, 185, 217, 235, 237
Любавский М. К. 23
Люстерник Л. А. 10, 15, 17, 22, 32, 35, 38, 44, 46 –48, 91, 92, 94, 100—103, 106, 107, 111, 112, 118, 133, 145, 146—149, 151, 159, 163, 165, 168—172, 175, 182—186, 190, 194, 197, 214, 221, 224—226, 229, 231, 238—240, 259, 274, 275, 279, 286
Ляпунов А. А. 94, 107, 113, 116, 173, 177—179, 225, 228, 238, 239
Ляпунов А. М. 13, 114, 117, 228, 229

Маленков Г. М. 45
Мальцев А. И. 15, 240
Марджанишвили К. К. 45, 46
Марков А. А. 13, 45, 113, 228, 244
Маркс К. (Marx K.) 235, 241
Мартынова Н. Л. 217, 248
Меньшов Д. Е. 13, 14, 57, 72, 88, 106, 107, 111, 219, 222, 224, 228, 248, 267
Мехлис Л. З. 12, 20, 22, 24, 38—42, 45, 238, 257, 258, 285
Михеев М. А. 282
Млодзеевский Б. К. 96, 98, 132, 152, 225, 226
Молодший В. И. 10, 47
Молотов В. М. 22, 24, 39, 40, 250, 257, 261, 284
Мусхелишвили Н. И. 231

Надсон Г. А. 39, 129, 231
Насонов Н. В. 39, 250, 264, 265
Некрасов А. И. 165
Некрасов [К. П.] 48, 214
Некрасов П. А. 17, 96, 131, 221, 234
Немыцкий В. В. 15
Нётер А. Э. (Noether A. E.) 49, 229
Нётер Ф. А. Э. (Noether F. A. E.) 49
Новиков П. С 9, 14, 15, 21, 26, 28, 29, 52, 53, 55, 61, 62, 64, 70, 72, 73- 76, 84, 87, 88, 104—111, 113, 116, 118, 126, 128, 134, 135, 137, 153, 157, 158, 160, 162, 167—170, 173, 177—178, 180, 196, 198, 202, 204, 205, 207, 208, 213—215, 217, 219, 220, 222, 227, 228, 231, 238, 239, 242, 247, 248, 256, 266—268, 273, 274, 285, 293, 296
Нуждин Н. М. 270

Орнак 275

Павлов И. П. 193, 196, 203, 242, 263
Павловский Н. Н. 39, 129, 232
Папаян 41, 305
Пауль З. (Paul S.) 11

Пенлеве П. (Painlevé P.) 49
Перетц В. Н. 24
Петрович 290
Пикар Э. (Picard E.) 92, 279
Платонов С. Ф. 23
Плеснер А. И. 15
Подвойский Н. И. 121, 230
Понтрягин Л. С. 9, 14, 23, 32, 44, 48, 165, 171, 204, 214, 224, 231, 245
Поскребышев А. Н. 257
Прасолов Л. И. 39, 129, 232
Привалов И. И. 14, 107, 108, 148
Пробст А. Е. 281
Пряшников Д. Н. 39, 129, 231
Пуанкаре А. (Poincare H.) 139, 279
Пфейффер Г. В. 169, 239
Пятаков Г. Л. 305

Рабинович В. С. 99, 146—148, 186, 187, 273
Радек К. Б. 305
Райков Д. А. 150, 189, 190, 218, 235, 241
Рожанская Ю. А. 14
Рождественский Д. С. 39, 129, 232
Романов Н. П. 181, 240, 286
Роскин Р. И. 46
Рубинин П. Е. 250, 261
Рыков А. И. 305

Савельев М. А. 39, 129, 232
Сегал Б. И. 20, 22, 32—34, 36, 106, 107, 110—113, 115, 116, 120, 122, 124, 125, 130, 181, 183, 184, 187, 214, 221, 227, 228, 231, 239, 259, 285
Седых 41, 305
Селиванов Н. А. 14
Селивановский. См. *Линде-Селивановский Е. А.* 208, 245
Селивёрстов Г. А. 14
Серпинский В. (Sierpinski W.) 10, 45, 46, 94, 99, 104, 105, 110, 138, 163, 192—196, 220, 225—227, 229, 233, 236, 241, 242, 248, 292
Смирнов А. П. 302
Смирнова А. Д. 253
Соболев С. Л. 9, 20, 22—26, 29, 33—35, 41, 44, 54, 64—70, 80, 93, 106, 107, 111, 112, 126, 128, 129, 146, 148, 160, 170, 197, 198, 202, 204, 205, 207—209, 212—214, 217, 218, 221, 228, 231, 239, 242, 244, 259, 263, 285, 287, 295
Сперанский М. Н. 24, 262
Сталин (Джугашвили) И. В. 10—13, 19, 20, 22, 24, 36—40, 43, 45, 257, 272, 277, 283, 284, 293, 301—304, 306
Стеклов В. А. 9, 13, 17, 19, 22, 25, 28, 32, 45, 46, 113, 213, 228, 244
Степанов В. В. 14, 15, 162
Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) С. Г. 39, 129, 232
Суслин М. Я. 13, 21, 26, 28, 35, 53, 57—59, 64, 65, 69, 70, 72, 73, 83, 84, 87—90, 93, 106—109, 126, 134, 136—139, 142, 153—165, 167, 168, 170, 171, 177, 179, 180, 197, 202, 204, 207, 208, 215, 218, 219, 222, 223, 232, 233, 236, 237, 242, 244, 247, 256, 266, 267, 274, 279, 285, 293, 296
Сыркин Я. К. 164, 237

Тарасов Н. П. 181, 182, 240
Тарле Е. В. 23
Тер-Микаэлян Л. А. 54, 80, 213, 221
Тихомиров В. М. 223, 247
Тихонов А. Н. 14
Токарева Т. А. 7, 11, 12, 48, 248
Тонелли Л. (Tonelli L.) 138, 229, 233
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 302
Тумаркин Л. А. 134, 171, 232

Уайтхед А. Н. (Whitehead A. N.) 240
Урановский 41, 305
Урысон П. С. 14, 20, 46, 60, 61, 92, 106, 164, 165, 215, 222, 279
Успенский А. К. 141, 142, 171, 255
Успенский Я. В. 201, 210, 226, 244—246, 262

Фату П. (Fatou P.) 108
Фёдоров В. С. 13, 72, 88, 137, 219, 233, 267, 279
Ферсман А. Е. 24—27, 29, 32, 51—53, 55—57, 59, 61—65, 67—71, 73, 74, 77—85, 103, 107, 123, 131, 135, 174, 203, 209, 211—213, 221—223, 231, 244, 262—264, 285, 295
Фиников С. П. 15, 216, 247
Фихтенгольц Г. М. 230
Флоренский П. А. 17, 18, 48
Фреше М. (Frechet M.) 229

Харламова 172, 173, 182, 240, 285
Хартман С. (Hartman S.) 241
Хаусдорф Ф. (Hausdorff F.) 83, 155, 168, 191, 220—223, 235
Хворостин Г. К. 70, 100, 218, 226, 235
Хвостов 172
Хинчин А. Я. 13—15, 19, 23, 14, 26, 27, 29—31, 33—35, 44, 57, 62—65, 68, 70,

84, 89, 95, 100, 107, 111, 116, 117, 118, 120, 124, 126, 128, 129, 132, 140, 160, 163, 164, 168, 172, 180, 182, 183, 186, 192, 198, 212, 213, 216, 218, 221, 215, 226, 229, 231, 234, 237, 239, 242, 243, 256, 262, 268, 278, 279, 284 286, 294
Хлодовский И. Н. 14, 111, 227, 228

Цермело Э. (Zermelo E.) 109

Чаплыгин С. А. 15, 17, 18, 113, 129, 198, 201, 216, 226, 228, 231, 244, 280, 288
Чеботарев Н. Г. 19, 92, 223
Чебышев П. Л. 45, 92, 183, 240
Чех Э. (Cech E.) 105, 227
Чичибабин А. Е. 24, 262

Шадхан (Шатхан) Ш. Ц. 47, 54, 63, 140, 141, 171, 172, 175, 181, 184, 214, 221, 256, 286, 288
Шаров 41, 305
Шателен М. А. 282
Шафаревич И. Р. 213, 247
Шварц Л. (Schwarz L.) 46
Шмидт О. Ю. 15, 16, 19, 20, 24, 31 -35, 83, 90—100, 102, 103, 106, 113- 115, 120, 123, 126 129, 135, 140, 195, 196, 212, 214, 221, 223—228, 241, 248, 263, 295
Шнирельман Л. Г. 8, 14, 15, 20, 22, 25, 26, 28, 44, 50, 55—57, 67—69, 75, 90- -95, 97—100, 107. 111, 117, 118, 120, 122, 140, 148, 165, 183, 188, 202, 212—214, 221, 223, 224, 226, 229—231, 234, 240, 241, 259, 263, 279, 285, 295
Штерн Л. С. 292
Шулянин Г. И. 21, 253, 255

Щеголев Б. М. 274, 291- -293

Эйгес В. Р. 63, 141, 142, 173, 17- 181. 216, 255
Эйлер Л. (Euler L.) 145, 234
Энгельс Ф. (Engels F.) 241
Эрбран Ж. (Herbrang J.) 234

Юшкевич А. П. 7, 11, 12, 48. 247, 248, 250

Яковлев 41, 304, 305
Яновская С. А. 32, 44, 241, 273

ДЕЛО АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛУЗИНА

Редактор *Т. А. Токарева*

Русский Христианский гуманитарный институт.
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15.
Тел/факс: (812) 311-3075
Лицензия № 071122 от 04.01.1995 г.

По вопросам оптовых закупок обращаться по адресам:
191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русского Христианского гуманитарного института
Телефон (факс): (812) 311-30-75.
E-mail: rector@rchgi.spb.ru. URL: http://www.rchgi.spb.ru
Издательско-торговый дом «Летний сад»
Санкт-Петербург, Большой пр. П. С., 82
тел. (факс): 232-21-04
Москва, ул. Большая Никитская, 46
Тел.: (095) 290-06-88, 255-01-98

Сдано в набор 18.07.99. Подписано в печать 25.10.99. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 19,5. Тираж 1000 экз. Заказ №592.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
191134, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Разразившимися в июле 1936 года событиями «Дела академика Н. Н. Лузина» отмечен этап в строительстве И. В. Сталиным здания советской науки — науки идеологизированной, централизованной, полностью контролируемой и нацеленной на решение задач социалистического строительства. Вершину этой монументальной пирамиды должна была венчать Академия наук СССР. В соответствии с новыми задачами её переводят в 1934 г. в Москву «под руку» руководителей партии и правительства, а в 1935 г. принимается новый Устав.

Одной из важнейших очередных задач, которую партийные идеологи ставят перед советской наукой, становится преодоление бытующего в советском научном сообществе представления об отечественной науке, как о науке провинциальной, находящейся на задворках европейской, и воспитание у советских учёных уверенности в её особой роли авангарда современной научной мысли. Одна из первых мер в этом направлении — борьба с практикой публикации основных результатов научных исследований на Западе, с пренебрежением отечественными изданиями. На очереди стояла организация соответствующей кампании, и группа партийных функционеров (главный редактор «Правды» Л. З. Мехлис, заведующего Отделом науки МК партии Э. Я. Кольман и др.) решила использовать для этой цели конфликтную ситуацию, сложившуюся к тому времени в кругу учеников выдающегося русского математика, одного из основателей всемирно известной Советской математической школы академика Николая Николаевича Лузина (1883—1950).

О ходе этого дела, сыгравшего важную роль в становлении института советской науки, а также в истории советской математической школы рассказывают материалы предлагаемой вниманию читателей книги. В ней впервые публикуются обнаруженные недавно материалы из Архива РАН (стенограмма заседаний Комиссии АН СССР по делу академика Н. Н. Лузина и др.) и Архива Президента РФ (письма Л. З. Мехлиса руководству ЦК ВКП(б) с резолюциями И. В. Сталина и др.) с необходимым комментарием. В книгу включены также материалы из газет и журналов того времени («Правды», «Известий», «Вестни а Академии наук СССР» и др.), а также письма ученых, касающиеся обстоятельств дела.

Книга рассчитана на специалистов в области истории науки и истории СССР, а также широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки.